

# Фиона Макинтош

## Судьба

### Троица – 3

#### Пролог

Дарганот из Сонма гулял с Хранительницей по красивейшим Садам богов, от которых просто захватывало дух. Король произнес с добротой в голосе:

— Спасибо за то, что пришла, Лисе. Мне очень жаль, что тебе пришлось к нам вернуться в такие беспокойные времена.

Лисе не подняла глаз и не улыбнулась. Она лишь шла на негнущихся ногах рядом с Королем богов, и на душе у нее было тяжело.

— Мой господин, я не оправдала вашего доверия. Я провалилась, — сказала она. Но Лисе пришла не для того, чтобы просить прощения. Ей нужна была помощь других богов и Старейшин.

— Это не так, Лисе, — мягко ответил Король. — Давай прогуляемся по долине магнолий.

Он взял ее под руку и направился к небольшим воротам, ведущим на прохладную аллею, по обеим сторонам которой росли прекрасные благоухающие деревья. Лисе позволила отвести себя в это экзотическое место, которое после стольких лет в Пустоте вполне могло поднять настроение. Но ее снедало беспокойство и переполняло отчаяние.

— Доргрил сыграл со мной злую шутку, господин. Он обманул меня, как ребенка! — Лисе грустно покачала головой.

— Он и меня обманул, Лисе. А теперь снова сыграл с нами злую шутку. — Король Сонма сделал паузу, затем добавил:

— Но это — в последний раз.

Дарганот вдохнул сладкий аромат магнолий. Он был высоким и широкоплечим, с черными волосами, очень яркими голубыми глазами и обладал пронзительным взглядом, способным удерживать любого в неподвижности, как не могли никакие цепи.

«Он так похож на своего сына, — отметила Лисе. — И обладает тем же самым недостатком».

Каким именно, она не знала. Добротой? Слабостью? В любом случае Лисе видела: Король не способен уничтожить собственного брата.

Дарганот не дал ей додумать мысль. Звук его голоса болезненно напомнил Лисе голос другого ее знакомого.

— Мы должны решить, что делать теперь, а не размышлять о том, что уже произошло. Мы не в состоянии изменить прошлое.

Благодаря его спокойствию и собеседница немного пришла в себя.

— А Старейшины обсуждали этот вопрос, господин?

Следующие слова Короля разрушили ту хрупкую уверенность, которая у нее появилась.

— Да, обсуждали, но не предложили никакого решения. Они говорят, что для окончательного решения вопроса с Доргрилом, возможно, потребуется гибель кого-то из тех, кто нам так дорог.

Лисе остановилась и почувствовала, как кожа покрывается испариной, несмотря на то, что под деревьями было прохладно.

— Нет! — Лисе упала на колени, и Король резко повернулся. — Вы не можете так поступать, Ваше величество! Прошу вас, не покидайте их!

— Лисе, у нас больше нет выбора.

— Как вы думаете, что случится? — прошептала она.

— Я предполагаю, что Доргрил победит тело, в котором поселился, и нам придется вмешаться, нарушив Закон, чтобы, наконец, уничтожить его.

— Убить своего собственного наследника? — тихо произнесла она. — Я думала, что подобное невозможно.

— Есть способ, — мягко сказал Король. — Доргрил всегда находился под угрозой, Лисе. Он должен заплатить самую высокую цену. И я прослежу, чтобы жертва не была принесена зря. Доргрил умрет вместе с жертвой.

— А другие, господин?

У Лисе задрожал голос. Сколько времени пришлось терпеть и следить! Сколько боли за века вынесли Паладины! Как можно жертвовать юными душами! Она не могла поверить, что все, что закончилось, оказалось напрасным.

Дарганот покачал головой и ничего не сказал.

Лисе почувствовала, как в ней закипает злость. На этот раз она заговорила резким тоном, теперь ей было плевать на протокол.

— Мы не можем допустить смерти наших любимых. Они отдали нам в распоряжение свои жизни, испытали столько боли и отчаяния. И теперь их ждут новые тяжелые испытания! Я больше не могу оставаться в стороне и просто наблюдать, Ваше величество. Разве вы забыли, кого я отдала делу Триединства?

Лисе знала, что ей не следовало этого говорить, но теперь стало поздно: слова, слетевшие с ее губ, забрать назад невозможно. Она смотрела, как на лицо любимого ею Короля набегают печаль. Его мучила та же боль. Он сам знал, что такое жертвовать жизнью — жизнью, которую он же и породил.

Дарганот прикусил язык, не позволяя вырваться словам, которые поднялись из глубины души. Кто лучше него знал, что значит потерять любимого ребенка?!

— Я никогда не забуду тех, кто из-за нас оказался в беде, Лисе. Но побег Доргрила изменил ход борьбы. Вместе с ним мой сын становится более могущественным, чем мы когда-либо могли представить... даже в самых худших кошмарных снах.

— Мы не должны бросать на произвол судьбы Тора и Элиссу, как и их детей, Ваше величество. Мы не должны отречься от них! — умоляла она.

— Тогда молись, чтобы мой первенец оказался достаточно сильным, чтобы справиться с Доргрилом, и чтобы Торкин, в свою очередь, оказался сильнее его. — Король взял ее за руку.

Лисе была подавлена. Король Дарганот не дал ей надежды своим ответом. На самом деле его слова прозвучали, как погребальный звон по тем, кого она всегда защищала.

Она покинула Короля в смятении и быстро оставила рощу. Красоте больше не оставалось места в ее жизни.

## **Глава 1**

### **Дурное предзнаменование**

Раскаты грома прозвучали зловеще. Гроза приближалась. Отряд долго скакал на лошадях, чтобы побыстрее добраться до Тала. Несмотря на плохую погоду, прайм-офицер Херек решил ехать без остановок. Во-первых, всем хотелось поскорее оказаться в уютных покоях замка, а во-вторых, он знал, что король одобрил его решение, принятое несколько часов назад. Херек предложил не делать остановок ночью.

Похоже, что из всего отряда король больше всех спешил домой. Конечно, Лорис ничего не говорил, но было понятно, что монарх желает поскорее воссоединиться с молодой королевой. Вынужденная разлука на несколько недель явно испортила ему настроение. Но дела требовали личного присутствия.

Внезапно небо предупредительно осветила молния. Правда, сверкнула она далеко и не испугала лошадей. Тем не менее, колонна перешла на шаг.

— Что думаете? — спросил Лорис у прайм-офицера, зная, что прямой ответ окажется не совсем тем, который он желал услышать. Однако Херек отличался консерватизмом. Он никогда не подвергал ни монарха, ни кого-то из своих подчиненных ненужной опасности. Предыдущий прайм-офицер Кит Кайрус очень хорошо его подготовил.

— Гроза приближается гораздо быстрее, чем я предполагал, Ваше величество, — признал прайм-офицер.

Лорис не скрывал горького разочарования. Это означало еще одну ночь без любимой Элиссы.

Люди недовольно смотрели, как луна скрылась за тяжелыми черными тучами. Она больше не освещала путь. Простиравшаяся впереди дорога погрузилась в густой мрак.

Херек знал, что король сегодня ночью будут чувствовать себя несчастным, но тут ничего нельзя поделать. Прайм-офицер в первую очередь думал о безопасности.

— Ваше величество, я считаю, что нам нужно прямо сейчас разбить лагерь, пока не начался дождь. Думаю, это место подойдет лучше, чем какое-либо впереди.

Он кивнул на овраг под небольшим горным хребтом. Он казался безопасным и самым удобным на окружающей местности.

Снова угрожающе прогрехотал гром, на этот раз гораздо громче и ближе. Когда небо опять озарила молния, причем прямо над головой, Лорис сдался.

— Как считаете нужным, прайм-офицер, — сказал он, хотя и испытывал разочарование. Его сердце будто резали ножом.

Херек поднял руку, жестом приказывая отряду остановиться. Помощники выслушали приказы и передали их подчиненным. Не прошло и нескольких минут, как весь отряд уже снимал седла с усталых лошадей и разбивал лагерь на ночь.

Кто-то взял поводья из рук Лориса и увел жеребца, но король этого не заметил. Он был настолько погружен в мрачные мысли, что даже не поблагодарил солдата. Обычно монарх сам расседывал коня, обтирал ему спину, подавал овес и поил. Он вел людей за собой личным примером и предпочитал физические упражнения и занятия на открытом воздухе, а не бумажную работу и бюрократию, которые требовались для управления королевством.

Но этой ночью Лорис позволил другим выполнять то, что обычно делал сам. Ему приходилось с грустью принять то, что Элисса сегодня не станет суетиться вокруг него и согревать его продрогшие кости. Тем больше хотелось снова страстно прижать ее к себе. А еще хотелось посмотреть в глаза Джилу и признать: он, король Таллинора Лорис, является отцом юноши. Ах, если бы вновь пройти по залам родного дворца...

Для монарха такая неуверенность была необычной, но он пребывал в задумчивости после одного события, случившегося во второй половине дня. Отряд проезжал по полю, на котором собралась небольшая стая ворон, которые громко и скрипуче каркали. Такое в Таллиноре увидишь нечасто. Вороны считались самыми умными птицами, их окружали тайны, с ними связывались приметы, — словом, жители страны относились к ним с опаской.

Лорис совсем не удивился, когда все солдаты стали шепотом произносить заклинания и просили Свет защитить их. Но даже он почувствовал легкую тревогу, когда крупные птицы вдруг одновременно взмыли в небо, пролетели мимо колонны солдат, а затем развернулись назад. Создавалось впечатление, что птицы преднамеренно несутся на солдат. Король ехал первым, и поэтому они вроде бы собирались ударить прямо по нему. Но птицы пролетели над головами, и только одна ворона опустилась низко и задела волосы короля, одновременно каркнув. Звук получился ужасный, Лорис покачнувшись в седле и упал на землю.

Никто в отряде не посмел хихикнуть при виде его падения. Даже самые недалекие из солдат восприняли это, как дурное предзнаменование. Все одновременно резко вздохнули, Херек сразу же спрыгнул с коня и оказался рядом с властителем. Прайм-офицер вел себя так, словно никогда не слышал ни о каких предрассудках.

Сам Лорис ничего не сказал о случившемся, а поднявшись на ноги, пошутил, чтобы снять напряжение. Потом он сел в седло, и отряд быстро тронулся в путь. Все вели себя так, словно забыли о случившемся.

Только король ничего не забыл. Он верил в приметы и считал, что нападение черных птиц зла стало для него сигналом. Теперь его жизнь накрыл черный саван. Лорис смотрел на происшествие, как на знак приближающейся смерти, чувствуя, что она уже его коснулась крылом.

Король не стал делиться этими мыслями со спутниками и пытался выкинуть случившееся из головы, но не мог. Одна мысль беспокоила его на протяжении всего долгого пути. Он ощущал, что она давит на него все сильнее и сильнее. Лорис осознавал ее важность, и от этого становилось еще неуютнее.

— Король Лорис! — к нему снова подошел прайм-офицер, предупредительный и вежливый, как и всегда.

— Да? — ответил король, отгоняя прочь черные мысли.

— Мы развели костры, сир. Может, хотите погреться? Сейчас готовят ужин.

— Спасибо. Где Каерис?

Паж мгновенно оказался рядом с ним.

— Я здесь, Ваше величество.

— Хочу отправить посыльного во дворец.

Лорис видел, как Херек скорчил гримасу, но знал, что прайм-офицер не станет оспаривать решение короля. Каерис кивнул:

— Я сейчас кого-нибудь приведу. Вы хотите отправить письмо, сир?

Король моргнул и задумался.

— Нет. Я передам послание на словах, — сказал он.

— Одну минуту, сир. Я приведу посыльного, — ответил Каерис и развернулся.

Лорис снова посмотрел на Херека, но лицо прайм-офицера сейчас ничего не выражало. Солдат стоял по стойке «смирно».

— Я пойду проверю солдат, сир, если вам ничего более не требуется.

Король кивнул. Было ясно, что Херек не одобряет риск, а рисковать придется и человеком, и лошадью. Ведь нужно ехать в темноте под надвигающейся грозой — просто ради того, чтобы Лорис еще раз мог сказать королеве о любви. Но ему было необходимо с ней связаться. После сцены с воронами требовалось успокоиться, а связь с Элиссой, пусть пока и односторонняя, пойдет на пользу.

Гроза надвинулась гораздо быстрее, чем думал кто-то из отряда. Единственным утешением оставалась луна, которая на мгновение появлялась из-за туч и тускло светила, пробиваясь сквозь морозящий дождь. Солдаты пристроились под каменным навесом, дающим хоть какое-то укрытие. Они прилагали большие усилия, чтобы костры не потухли. Угольки постоянно приходилось помешивать, раздувая огонь. Лошади беспокоились, и многие из сопровождающих стояли рядом с ценными животными, поглаживая и разговаривая с ними, пока бушевала гроза.

Херек сидел рядом с монархом и убежал его поесть. Лорис скорее по привычке, а не из чувства голода пожевал вяленого мяса — времени было недостаточно, чтобы приготовить горячую пищу. Однако он обрадовался вину. Король пил жадно, чтобы приглушить печаль. Когда он осушил второй кубок, прямо над головой прозвучал сильнейший раскат грома. Все люди повернулись к животным, за исключением короля, который отсутствующим взглядом смотрел на отдельно стоящее вдалеке дерево. Он едва различал его в тусклом свете. Дерево, стоявшее на небольшой возвышенности, гнулось под сильными порывами ветра, но всякий раз гордо выпрямлялось.

Король уже какое-то время глядел в ту сторону, не делясь ни с кем своими мыслями. Теперь он злился на себя за то, что рискнул отправить посыльного в такую погоду. Лорис горько сожалел о принятом решении.

Внезапный сильный раскат грома сопровождался яркой вспышкой молнии, которая на несколько минут осветила все небо. Создавалось впечатление, будто длинный яркий палец протянулся по небу. Небеса нанесли яростный удар по дереву, оно раскололось на две части и загорелось. Это заметил только король. Сильный дождь тут же загасил огонь. Лорису

показалось, будто кровь в его венах на мгновение застыла, пока он наблюдал за происходящим.

Херек снова повернулся к королю:

— Гроза совсем близко, сир.

Прайм-офицер увидел, что король тупо смотрит вперед, слегка приоткрыв рот. Очевидно, он испытал шок. Херек проследил за направлением взгляда Лориса, пытаясь понять, что так поразило монарха. Наконец, он увидел, что привлекло внимание повелителя. Одинокое дерево, которое стояло так гордо и так крепко держалось, единственное на небольшой возвышенности, теперь треснуло и начало тлеть.

Херек снова перевел взгляд на Лориса, и у него засосало под ложечкой.

— Сир, — мягко произнес прайм-офицер.

— Это самое худшее из всех дурных предзнаменований, Херек, — король говорил тихо, и в его голосе слышался страх.

— Ваше величество...

Херек надеялся, что ему удастся развеять чары, повисшие в воздухе после разрушения дерева руками Сонма. Но сказанное было правдой: самым страшным из всех предупреждений считалось разрушение дерева богами. Если ты становился свидетелем такого зрелища, то оно не предвещало ничего хорошего. Прайм-офицер пытался придумать, что бы такое сказать, чтобы успокоить короля, но подходящих слов не нашлось.

В конце концов, ему на помощь пришел сам король. Голос Лориса звучал обреченно:

— Боги обратились ко мне, Херек. Сегодня днем они послали мне предупреждение с воронами, а теперь, похоже, отправили еще и напоминание.

— Пожалуйста, Ваше величество, я...

Лорис перебил прайм-офицера и не дал тому сказать то, что он собирался:

— Это предзнаменование, Херек.

До того, как прайм-офицер успел вымолвить еще хоть слово, король встал, вышел из-под каменного укрытия и направился к почерневшему дереву. Он отмахнулся от пораженного Каериса, который последовал было за повелителем, дав ясно понять: его нужно оставить наедине с мрачными мыслями. Херек не мог этого допустить и бросился за королем.

Лорис шел быстро, но словно бы пребывал в ступоре. Он видел только тлеющее дерево. По какой-то причине король считал, что должен к нему подойти и извиниться, словно оно приняло на себя гнев богов, предназначенный ему. Почему так? На возвышенности у него в голове завертелись мысли, связанные с чувством вины. Было ли дело в преждевременной смерти Найрии? Или он поступил неправильно, так быстро женившись на Элиссе? А возможно, все дело в том, что он так сильно хотел и любил ее?

Или следует копать глубже? Он виноват в том, что зачал ребенка, Джила, который теперь превратился в замечательного молодого человека? Король каждый день обманывал сына, не сообщая, кто его настоящий отец. Или все дело в Гинте? Неужели казнь Торкина Гинта все еще преследует его, после всех прошедших лет? Сможет ли он когда-нибудь искупить свой самый ужасный грех? Ведь он позволил сумасшедшему Готу делать свою гнусную работу под королевским покровительством. Сколько хороших, верных граждан испытали на себе зверства от имени монарха!

А затем Лорис с новым приступом отчаяния задумался, может ли странный случай в ветреную, грозовую ночь в Персвиче служить настоящим предзнаменованием? Все эти мысли кружили у него в голове, пока король бежал к дереву. Он должен его коснуться, почувствовать его смерть, показать свое сожаление и сочувствие ему, пожалеть о своих спорных решениях...

Король увидел, как небеса светлеют, услышал ужасный раскат грома прямо над головой и с удивлением понял, что старая поговорка о том, что молния никогда не попадает дважды в одно место, на самом деле, ошибочна. Он принял это, как данность.

Рука богов протянулась по небу, и на одну ужасающую секунду превратила ночь в

день. Прайм-офицер Херек собственными глазами видел, как дуга смертоносного света вновь направилась к земле и убила короля незадолго до окончания ночи.

\* \* \*

Королева Элисса куталась в толстую шаль. Было очень рано, еще не рассвело, и она так и не заснула, в отличие от молодых гостей, которых удобно устроили неподалеку от ее собственных покоев. Они устали не только от путешествия в Тал, но и от пережитого прошлым вечером. Почему бы и нет? Ее саму потрясли эти откровения.

Элисса молча стояла у окна и наблюдала за грозой, бушующей над местностью, поросшей вереском. Королева ненавидела грозу, и всегда ждала ее окончания и начала сильного дождя.

Мужчина, которого она любила большую часть своей жизни, оказался у нее за спиной. Без архалита на лбу Элисса легко чувствовала силу, будто мерцающую вокруг него. Он обнял ее за талию.

— Что сказал посыльный? — спросил Тор.

— Несчастный! Я удивлена, что они вообще рискнули послать его в такую погоду. Кроме личного послания Лориса, нарочный сообщил: отряд не вернется, когда планировалось. Гроза слишком сильна. Они встали лагерем под Персвичем и тронутся с места, как только рассветет.

Тор ничего не ответил, но она почувствовала его облегченный вздох.

— Значит, эту ночь мы проведем вместе, — прошептал, наконец, он ей в ухо, рискуя поцеловать волосы.

— То, что от нее осталось, — ответила Элисса столь же тихо, повернувшись в его объятиях. — Тор, что мы будем делать?

Он внимательно посмотрел в ее лицо, такое красивое лицо... Тор пытался его забыть, но это ему так никогда и не удалось.

— Я должен найти нашего второго сына, — твердо сказал он, глядя в ее глаза и не позволяя отвернуться.

— А я?

— Элисса, я не стану осложнять тебе жизнь. Обещаю.

Он крепко прижал ее к себе, понимая ее беспомощность. Такую же беспомощность чувствовал и он сам. Элисса только сейчас начала отходить от шока. Всего несколько часов назад королева узнала, что является матерью двух взрослых детей. Ошибиться в этом было нельзя. Гидеон был фактически копией отца, а его сестра Лаурин так походила на нее саму, что никто, даже король, не посмеет спорить, чьи это дети.

Она испытала шок и оттого, что ее первая любовь до сих пор жива... Но теперь Элисса была замужем за королем. Тор чувствовал ее отчаяние. Ее сын не умер в Сердце Лесов, как ей говорили все, кого она любила. Вместо этого он вместе с новорожденной сестрой сразу же после появления на свет отправился в какой-то другой мир, а Элисса, ничего не зная, много лет страдала и носила в себе боль из-за смерти мальчика. Зато теперь появилась другая сердечная боль. Она услышала, что еще одного сына, слабенького, почти мертвого, спрятали где-то глубоко в лесах Таллинора.

Элисса покачала головой в неверии. Неужели все это могло происходить с ней? Теперь у нее оказалось два живых мужа — и она любила обоих.

Тор словно подслушал ее мысли и попытался вывести ее из замешательства, сказав о том, что следует сделать.

— Нужно найти Рубина, Элисса. Мы должны завершить Троицу.

— И что тогда? — ее слова прозвучали грубо, хотя она этого не хотела.

Он пожал плечами:

— Надеюсь, Лисе все объяснит.

— Я ненавижу эту женщину. — Элисса увидела, что Тору стало неудобно от ее слов. —

О-о, я знаю, что ты доверяешь ей, Тор, но она не принесла мне ничего, кроме печали... Как и всем, кого только коснулась.

— Она — жертва. В той же мере, что и все мы...

Ему хотелось бы рассказать Элиссе больше, но он дал обещание молчать.

— Нет! Лисе ничуть не лучше Меркуда и Соррель, она тоже манипулирует нашими жизнями и приносит боль. Как ты позволяешь ей делать из себя марионетку? Почему пляшешь под ее дудку?

— У меня нет выбора, Элисса. Орлак на свободе. Наша единственная надежда — это выступить против него, а для успеха потребуется Троица.

— Тор, ты сам ничего не знаешь. Ты только веришь тому, что она тебе говорит!

Внезапно Элиссе стало стыдно — Тор выглядел таким подавленным.

— Мне больше некому доверять. Орлак приближается, — сказал он.

При его последних словах Элисса почувствовала, как все желание сопротивляться пропадает. Они все — жертвы. И у них есть выбор — или сдаться, или, по крайней мере, умереть в борьбе с этим богом.

— Что ты от меня хочешь? Что я должна сделать? — все-таки спросила королева. Ей было больно видеть, как его красивая голова склонилась от отчаяния, которое чувствовала и она сама.

— Присмотри за Гидеоном и Лаурин. Пусть они остаются в безопасности, пока я ищу Рубина. Когда я вернусь с ним, мы подумаем о следующих действиях. Она кивнула, но ничего не сказала.

Наконец, Тор задал вопрос, которого боялся больше всего.

— А что с королем? — сдавленно проговорил он.

— Лорису нужно сказать правду. Он не принесет зла нашим детям. В этом ты можешь быть уверен, Тор. Они находятся под моей защитой.

Тор содрогнулся. Те же слова сказал его родителям седой старик, который тоже верил, что может обеспечить безопасность и имеет для этого достаточно власти. Тор задумался о Джионе и Аилсе Гинт. Нужно их увидеть.

— Когда ты уедешь? — спросила Элисса.

Тор выглянул в окно.

— До рассвета... скоро. — Он посмотрел на нее, на лице отразилась печаль. — Лучше, чтобы меня здесь не было, когда вернется король.

— Как он мне поверит, если тебя здесь не окажется, а сам он не сможет тебя увидеть?

— Детей достаточно для доказательства, — проговорил Тор невыразительным тоном.

— Я никогда не рассказывала ему о нашем браке.

— И продолжай держать его в неведении, — резко ответил Тор. — Лориса ждет немало других испытаний и страданий.

При звуке сильнейшего раската грома Элисса снова отвернулась к окну. Она увидела гигантскую молнию, зловеще изогнувшуюся дугой над землей. Небо стало почти белым. Королева смотрела, как молния исчезает за полями, поросшими вереском. Лишь позднее в тот день она поняла, почему в это мгновение ее накрыла огромная волна печали...

После этого, последнего, раската и вспышки гроза закончилась. Небеса разверзлись, и начался сильный дождь, который продлился несколько дней. Он оказался очень подходящим для траура в Таллиноре, который объявили после смерти короля.

\* \* \*

Далеко за морями, в Кипресе, тоже лил дождь. Другая женщина, глядя из окна дворца, приняла опасное решение. Она не была королевой, но защищала слишком молодую правительницу.

— Откуда эти сны? — спрашивала она сама себя.

Какой-то женский голос безжалостно вторгался в ее сны по ночам. А она и так мало

спала после смерти ее любимой королевы Сильвен. Голос был красивым и приятным, сам по себе он не пугал. Страшно было то, что именно говорила странная женщина.

Хела смотрела, как усиливается дождь. Наконец, ухоженные сады и подстриженные деревья почти исчезли из виду. Почему эта женщина, говорящая во сне, умоляет ее украдкой увести ребенка из дома? Определенно, у Сэйрел и без того достаточно проблем. Она едва справляется с горем после убийства матери, в стране началась смута, высокопоставленные лица требуют немедленной коронации ребенка. Между людьми, которые почувствовали, что могут стать регентами до достижения королевой совершеннолетия, уже началось яростное соперничество. Требовалось думать о будущем и начинать собирать советников — людей, которым можно доверять...

Нет, все произошло слишком быстро. Сэйрел вполне могла стать королевой, ее возраст это позволял. Но Хела знала, что какое-то время девушка будет лишь номинальной правительницей. Она еще слишком молода и неопытна, чтобы принимать решения по государственным вопросам.

Хела покачала головой, представляя, как в мгновение ока заканчивается радостное детство Сэйрел. Оно сменится грузом проблем, которые Сильвен не планировала так быстро взваливать на плечи своей прекрасной дочери. Предыдущая королева защищала дочь даже от обожающего ее народа. Хела часто слышала, как Сильвен заявляла в личных покоях, что не позволит портить детство ребенка королевским протоколом, как портили ее собственное.

Но все эти возражения отметались в сторону, когда Хела пыталась понять, что означают слова странной женщины из снов. Почему она так настойчиво убеждала бежать вместе с молодой королевой?

А что еще более удивительно, эта женщина велела ей найти Торкина Гинта. Только он один может защитить Сэйрел, пока разбирается с узурпаторами. Какими узурпаторами? Что она имела в виду? Регента? Или в словах женщины из снов виделось что-то более зловещее?

Хела прижалась руками и щекой к прохладному окну и приняла решение. Если сегодня ночью женщина снова объявится в ее сне, то она найдет в себе смелость ответить, а не станет просто сжиматься в ужасе, в надежде, что ее оставят в покое.

Мысль о новой встрече с Торкином Гинтом возбуждала. Хела много раз признавалась себе, что если бы Сильвен так сильно не влюбилась в него, то она сама обратила бы на себя его внимание. Однако мысль о бегстве с Сэйрел, уходе от всего знакомого и привычного, путешествии в Королевство Таллинор приводила в оцепенение.

Хеле требовалась причина, причем такая, которую она полностью бы поняла. Нужно потребовать у женщины из снов, чтобы та назвала причину — или навсегда оставила ее в покое.

## **Глава 2**

### **Отправление в дорогу**

В ту ночь Лисе пришла к Хеле и порадовалась, что служанка наконец-то в состоянии отвечать ей. До сих пор она молчала. Разговоры были односторонними и казались странными даже самой Лисе. Пока девушка не начала задавать вопросы, она не принимала к сердцу все, что ей говорилось.

А время истекало. Требовалось, чтобы Хела начала действовать немедленно. Орлак уже собирался войти в город и принести с собой демонический разум Доргрила. Наверняка у них имелись планы насчет Кипреса. Это место идеально подходило для атаки на Таллинор, как только Орлак к ней подготовится.

Лисе очень хорошо знала Доргрила и предполагала, что через какое-то время тому захочется поразвлечься. Старые привычки дебошира вновь проснутся. Теперь у него снова есть тело, и он в полной мере им воспользуется. Время определено на его стороне: Таллинор может с одинаковой легкостью пасть и позднее, и сейчас.

Конечно, Принц Сонма может считать по-другому. На самом деле Лисе рассчитывала

на то, что Орлак будет сопротивляться. О-о, она будет рада любому дополнительному времени, которое удастся выиграть. Но последняя надежда на спасение жизней заключалась в Орлаке — в игнорировании им требований Доргрила. Как странно, что Лисе оказалась на стороне молодого бога. Возможно, они даже объединятся в борьбе с целью избавить все миры от Доргрила.

Она заставила себя отбросить все эти мысли и сконцентрировалась на робком голосе Хелы. Хорошо, что девушка нашла в себе смелость задать вопрос во сне.

«Кто ты?»

«Меня зовут Лисе. Тор — мой друг».

«Почему ты приходишь ко мне во сне?»

«Это — единственный способ, которым я могу с тобой связаться, Хела».

«Что ты от меня хочешь?»

«Я тебе уже говорила. Мне нужно, чтобы ты увезла Сэйрел из Кипреса».

«От чего мы бежим? Наверняка для нее безопаснее всего оставаться в родной стране».

«При обычных обстоятельствах — да. Но сейчас, Хела, в Кипрес направляется зло. Зло зовут Орлак. Он собирается захватить трон Кипреса».

Хела хмыкнула во сне.

«В Кипресе не бывает королей, Лисе, у нас только королевы, — сказала она. — Как он надеется править?»

«Он будет править, дав Кипресу новую королеву, которая требуется государству... Но это будет не Сэйрел».

«Откуда ты можешь это знать?» — теперь девушка разозлилась.

«Я знаю его. Он — умный, невероятно терпеливый, и подпитывается ужасающей ненавистью. Хела, я хочу, чтобы ты меня выслушала... Я должна тебе рассказать одну историю. Ты выслушаешь меня?»

«Да», — пришел ответ.

Лисе рассказала служанке историю, начиная с древних времен и до момента побега Тора в Таллинон. Она объяснила, почему ему потребовалось бежать, и почему он не вернулся к месту смерти Сильвен. На рассказ ушло немало времени, а когда Лисе закончила, Хела долго молчала.

«Ты веришь этому рассказу?» — спросила, наконец, Лисе.

«Я верю в Тора. Я знала, что должно быть объяснение, почему он не вернулся. Все говорили, что он участвовал в убийстве, но я в это никогда не верила».

«Он тебе нравится, да?»

«Я не могу представить себе женщину, которой бы он не понравился».

Лисе рассмеялась. Это был очень приятный звук во сне Хелы. Служанка тоже рассмеялась вместе со странной женщиной, пока та снова заговорила, на этот раз очень серьезно.

«Тор — единственный, кто знает, как сражаться с Орлаком».

«Тогда почему ты сейчас разговариваешь со мной, а не помогаешь Тору в борьбе против этого Орлака?»

«Потому что Орлак находится практически у ворот города, а я виновата в его появлении. Давай скажем так... Я хочу восстановить порядок в мире, в который он вторгся. Если что-то случится с Сэйрел, и это будет деянием его рук, я не смогу ничего исправить. Она должна находиться под защитой, пока идет борьба между Орлаком и Тором. Я обещаю тебе, Хела: если ты поможешь, то мы вернем ее на принадлежащий ей по праву трон. Но вначале нужно сохранить ей жизнь».

«А Тор сможет это сделать?»

«Тор и те, кто ему помогает. Да. Я считаю, что сейчас Сэйрел будет гораздо лучше с таллинезцами, чем с соотечественниками. В Кипресе для нее небезопасно». Лисе задержала дыхание.

«Я сделаю, как ты просишь».

Женщина, приходящая в чужие сны, почувствовала огромное облегчение. Следует делать по шагу за раз, а этот стал первым в нужном направлении. Это первый шаг к тому, что уберечь всех, кого она только могла, от угрозы Орлака, а в еще большей степени — от Доргрила.

«Когда я должна уехать? Это будет нелегко».

«Ты должна начать подготовку немедленно. У тебя есть доступ к Сэйрел. Что еще более важно — она тебе доверяет. Воспользуйся этим, уведи ее из дворца. Возьмите только то, что можете унести в руках. В драгоценностях и платьях нет необходимости. Оденьтесь в крестьянскую одежду, но возьмите деньги. Оплати путешествие по морю, а когда доберетесь до Карадуна, найди женщину по имени Эйрин. Она — хозяйка борделя. Эта женщина вам поможет. Ты должна ей сказать, что Тор — твой друг. Можешь рассказать ей правду, и она никому не раскроет ваших тайн».

«А как я найду Тора?» — спросила Хела.

«Он вскоре тронется в путь и направится в Великий Лес. Я знаю, что это тебе ничего не говорит, но, добравшись до Таллинора, ты все поймешь. Внутри Великого Леса расположено Сердце Лесов. Это священное место, где ты найдешь Тора. Сейчас он находится во дворце в Тале».

«С королевой, которую любит?»

«Ты и об этом знаешь?»

«Перед смертью — на самом деле, в то самое утро, — Сильвен упомянула в разговоре со мной, что пришло сообщение из Таллинора. В нем говорилось, что король Лорис женился на красивой молодой женщине не королевского происхождения. Сильвен упомянула, что эта женщина — прошлая любовь Тора».

«О, Хела, она для него значит гораздо больше. Элисса — жена Тора...»

\* \* \*

Тор покинул королеву и их детей как раз перед рассветом. Это было очень трудное расставание. Гидеон вел себя стоически, но лицо Лаурин выдавало ее чувства. Оба ребенка понимали необходимость оставаться во дворце, пока отец не найдет их брата.

Они узнали невероятную новость о существовании брата, когда пили чай с медовыми пряниками в покоях матери. С ними снова находились Саллементро с Саксоном. Даже Джику, пребывающему в хорошем настроении, позволили присоединиться к компании.

После того, как Тор передал слова Соррель, воцарилось молчание. Первым собрался с мыслями Гидеон.

— Значит, мы предполагаем, что Лаурин, Рубин и я составляем Троицу?

Тор кивнул:

— Да. Я считаю, что после того, как мы найдем Рубина, мы ее соберем.

Лаурин выглядела обеспокоенной.

— Но что от нас ожидается? — задавая вопрос, она посмотрела на королеву.

Элисса слегка пожала плечами, на губах у нее играла легкая улыбка:

— Когда с вами во сне начнет разговаривать женщина, вы узнаете больше.

— Вы имеете в виду Лисе? Ту женщину, которая разговаривает с папой и Саксоном?

Ответом стал кивок Тора.

— И с Клутом, Саллементро, Арабеллой, Солианой, Фиггисом... Со всеми Паладинами. Я согласен с королевой. Вероятно, Лисе пояснит, что требуется от Троицы.

Услышав официальный титул, Элисса слегка нахмурилась. Но Тор не обратил на это внимания. Учítывая, что они совсем недавно так нежно целовались, это казалось глупым притворством. Но королева понимала, почему он проявляет осторожность.

Лаурин прищурилась.

— А она разговаривает с вами, Ваше величество?

— Пожалуйста, Лаурин... Мне очень хотелось бы, чтобы ты называла меня мамой.

Элисса с надеждой посмотрела на дочь. Хотя она и была королевой, хотя и привыкла отдавать приказы, ей было очень трудно попросить о чем-то эту девушку, которая до сих пор оставалась почти незнакомой.

— Нет, Лисе никогда не разговаривала со мной, — ответила королева, стряхивая крошки с платья. — Не знаю, почему. Я уже перестала задаваться этим вопросом.

Джил уже начинал терять терпение. Он пообещал себе сегодня утром, что постарается все понять. Разобраться с этими странными историями и понятиями оказалось очень сложно. Юноша плотно сжимал челюсти, чтобы не ляпнуть что-нибудь, о чем потом пожалеет, но все услышанное казалось весьма натянутым. А теперь разговор переходил на банальности. Всего несколько часов на этом самом месте перед его глазами умерла старушка. Куда исчез труп, оставалось тайной, а ее смерть привела к принятию каких-то невероятных решений. Тем не менее, все спокойно пьют чай, жуют медовые пряники, вежливо разговаривают о каких-то людях, а неким незнакомцам позволено называть его мать «мамой»!

Взгляд Джила все время возвращался к Лаурин. Она его злила. Как эта девушка может быть его сестрой? То есть сводной сестрой, или еще какой-то. Какая нелепая цепочка событий привела к этому?

Да, он был вынужден признать, что на нее стоит посмотреть, и раздражение только усиливалось. Какая красавица! Подумать только — это та самая девушка, с которой он столкнулся в тот ужасный день по дороге в Аксон. Джил подумал, что тогда она была поплнее, да еще и вся выпачкана в грязи, поэтому он не смог рассмотреть красивого лица. Теперь она преднамеренно не встречалась с ним взглядом, и он это чувствовал. Это хорошо — если бы Лаурин не считала его привлекательным, то могла бы смотреть прямо.

Что касается брата (то есть, сводного брата, что Джил признавал с легкой горечью), то он мало что выказывал. Гидеон явно умел скрывать свои мысли. Но, тем не менее, он явно чувствовал себя легко, сидя за столом с незнакомцами.

Мысли Джила снова вернулись к сидевшим за столом, которые, наконец, вроде бы собрались расходиться. Гинт поднялся на ноги и смотрел своими невероятными темно-синими глазами на королеву. Юноша представил их вместе, и их любовь, которая породила трех детей — настоящих, собственных детей, а не сироту вроде него, которого приняли во дворце. Внезапно во рту появился неприятный привкус. Нельзя так думать. Вскоре, через час, домой вернется король, тогда все встанет на свои места.

Джил тоже встал, радуясь возможности подвигаться.

— Мне организовать для вас сопровождение, лекарь Гинт?

Услышав старый титул, Гинт улыбнулся. Как давно он его не слышал! Было нетрудно заметить, что молодой человек, по возрасту — ненамного старше его собственных детей, пытается переварить услышанное прошлой ночью. Тор не мог его винить. Все Чувствующие, особенно, Тор и Паладины, привыкли к странностям в своей жизни. Они принимали все изменения в порядке вещей, редко анализируя обстановку. Молодой Джил попробует все рационализировать, но это невозможно — ничто из случившегося не было рациональным. Ему придется научиться это принимать. Можно лишь надеяться, что его мать, королева, поможет достичь уровня понимания, который даст возможность помощнику прайм-офицера помогать им, а не бороться против них.

— Спасибо, Джил, но я и так справлюсь.

Солдат резко кивнул:

— Тогда, если вы все извините меня, мне нужно возвращаться к выполнению своих обязанностей. Если я могу вам как-то помочь, пожалуйста, сразу же обращайтесь.

Джил внутренне поморщился от того, как ужасающе вежливо и натянуто прозвучали его слова. Он ничего не мог поделать с собой, и снова бросил взгляд в ее сторону. Лаурин смотрела в пол, но у нее на губах промелькнула легкая улыбка. Он ей мешает? Смущает, ставит в затруднительное положение? Пусть будет так. Джил наклонился и поцеловал матери руку.

— Ваше величество, — сказал он, не глядя на нее. — Как только ваш муж, король,

вернется, я вам сразу же сообщу об этом. Попробуйте отдохнуть, мама.

Он был доволен собой. Одной короткой фразой удалось напомнить всем в комнате (включая королеву) о том, кто она есть, кому принадлежит, кому должна хранить верность.

Джил закрыл за собой дверь.

Элисса сразу же заговорила:

— Ему все это будет чрезвычайно сложно принять. Надеюсь, вы все простите его манеры. Саксон, возможно, тебе следует...

Тот кивнул.

— Я с ним поговорю, — пообещал он, подошел к Тору и крепко его обнял.

— Пришли нам сообщение, — попросил он. — Используй Клута, если потребуется, и эту его жуткую систему вопросов и ответов.

Тор улыбнулся:

— Позаботься обо всех, Саксон.

Клук официально поклонился:

— Я обещаю. Пусть Свет хранит тебя, Тор.

С этими словами Саксон вышел из покоев королевы. Элисса поймала взгляд Саллементро.

— Сал! Мои сын и дочь, вероятно, с удовольствием примут ванну. Им также нужна чистая одежда, а потом следует показать им дворец. Вскоре вернется король. Я представлю их ему сегодня, но попозже. Ты поможешь?

— Конечно, — ответил музыкант и легко поклонился монархине. — Я с удовольствием возьму вас двоих под крылышко, — он по-доброму улыбнулся Гидеону и Лаурин. — Давайте вначале отправимся вниз, в баню.

Тор не стал ждать, когда его сын подойдет к нему. Он первым тронулся к мальчику и крепко прижал его к себе.

— Я скоро вернусь. Обещаю. И вернусь с твоим братом.

«Держись рядом с Лаурин, — добавил он мысленно. — Ей потребуется твоя сила. И познакомься с Джилом поближе».

— А Фиггис? — тихо спросил Гидеон.

— Уверен, что он направится прямо сюда. Он не захочет разделяться с тобой ни теперь, ни когда-либо в будущем, — ответил Тор. — Жди его.

Тор посмотрел на Лаурин, которая, как казалось, великолепно держалась. Девушка шагнула вперед, и он прижал ее к себе.

— Я скоро вернусь, обещаю, — прошептал отец. — Мне нужно, чтобы ты была смелой. Познакомься с мамой поближе.

Он улыбнулся и добавил по каналу мысленной связи: «Она сейчас очень нервничает из-за вашего появления».

Лаурин улыбнулась в ответ.

«И держись рядом с Гидеоном. Ему потребуется твоя сила», — добавил Тор, отпуская ее.

Девушка заговорила о том, что ее беспокоило:

— Папа, а как ты узнаешь Рубина? Я имею в виду: ты считаешь, что он на нас сильно похож?

— Если честно, я думал только о том, что надо найти какого-то молодого человека в Сердце Лесов. Дальше не гадал.

— А как насчет камней? — спросил Гидеон.

Тор нахмурился.

— Откуда мы можем знать, что у него есть камень?

Гидеон только сейчас вспомнил разговор с Соррель, правда, не помнил всех деталей.

— Думаю, что камень был, когда мы собирались отправиться в путь с Соррель. Должен признать, что эти воспоминания у меня, как в тумане... Но мы тогда потребовали доказательств, что мы брат и сестра. И она это доказала — благодаря камням, которые у нас

были. Мы их хранили с детства. Она рассказала, как ты передал ей три камня, когда она бежала с нами из Сердца Лесов.

Тор кивнул, и Лаурин продолжила рассказ. Ей пришлось напрячься, чтобы точно вспомнить тот разговор.

— Ты прав, Гидеон... Я это все тоже помню, и мне кажется, что ты спросил у Соррель, где третий камень. Она ответила, чтобы мы не беспокоились. Он в очень надежном месте.

Оба повернулись к отцу. Тор широко улыбался:

— Соррель была умна. Она, вероятно, оставила третий камень с Рубином. Она не знала, для чего они предназначены, как не знаю и я. Но возможно, она думала, что камень станет его защищать. Это прекрасная новость. Вы оба должны их беречь... И нам предстоит выяснить предназначение камней.

— М-м-м... Я должен кое в чем признаться, — внезапно робко произнес Гидеон.

Все посмотрели на него. Парню явно стало не по себе. Он откашлялся и неотрывно смотрел на лицо отца в поисках понимания.

— Перед расставанием с Ийсеуль мы пережили очень тяжелое испытание...

Гидеон замолчал, Тор посмотрел на озадаченное лицо Элиссы и покачал головой, показывая, что сейчас не стоит лезть ему в душу и подробно расспрашивать.

Лаурин заметила обмен взглядами и просветила мать.

— Ийсеуль — это подружка Гидеона, — она произнесла слово «подружка» очень многозначительно.

Гидеон почувствовал себя еще более неудобно и гневно посмотрел на Лаурин.

— Э-э-э... Да, это моя подружка. В любом случае у нас обоих тогда был трудный период и... — Ему снова стало не ловко, Гидеон опять посмотрел на отца, а потом сделал глубокий вдох. — Мне хотелось ей что-то подарить... что-то, что напоминало бы ей обо мне... И я отдал ей свой камень.

Отец резко вдохнул, но Гидеон заставил себя сказать все, что собирался:

— Я предупредил, что отдаю ей камень на время, что я ее когда-нибудь найду и заберу его.

Тор испытал потрясение.

— О чем ты думал, сын? — тихо спросил он, пытаясь оценить потерю одного из Камней Ордольта. Что это будет означать для успеха или провала их дела?

Этих тихо произнесенных отцом слов оказалось достаточно, чтобы и без того хрупкая уверенность Гидеона в себе разрушилась. Парень запустил пальцы в волосы и расчесал их, словно гребнем, пытаясь найти подходящий ответ. Он пал духом.

На помощь быстро пришла мать.

— Тор, не смей говорить таким обвинительным тоном. Гидеона лишили всего привычного и вернули в этот мир, где он оказался с группой незнакомцев, которым вынужден доверять и даже воспринимать, как членов семьи. Ничего не значащий безобидный камень, который, предположительно, оставили ему родители, не имеет для него никакого значения, кроме воспоминаний. Именно так он воспринимал его всю жизнь.

Тор собирался что-то сказать, но королева не дала ему этого сделать.

— Нет! Сына нельзя за это винить. Я не могу представить, на какие испытания ссылался Гидеон, но ожидаю, что вскоре это выясню. Ты предполагаешь, что Ийсеуль сохранит камень, не так ли?

Тот кивнул, глядя в пол.

— В таком случае ничего не потеряно, Тор, — продолжала Элисса. — Для нее это тоже безобидный камень, который подарил ей на память человек, кое-что для нее значащий (как я предполагаю).

Теперь сын покраснел, и королева это заметила. Значит, Гидеон не терял время и нашел девушку, которая поддавалась его обаянию.

«Так, так, — подумала Элисса. — Интересно, в кого это он пошел?»

Она снова посмотрела на сына, глазами запрещая ему продолжать эту тему:

— Камень в безопасности, Тор. Где живет девушка?

— Место называется Бриттелбери, — ответил Гидеон, благодарный матери за поддержку.

Видя, как она взяла ситуацию под контроль, Гидеон понял, что она — настоящая королева. Ему Элисса нравилась такой. Прошлым вечером ему было очень печально видеть ее в отчаянии. Отец говорил, что она производит впечатление. Теперь Гидеон в это верил.

— Отсюда несколько дней пути верхом на запад, — сказала мать.

«Если ты немедленно не скажешь что-то хорошее, Торкин Гинт, то в твоё отсутствие я только и буду рассказывать детям про все твои выходки, какие вспомню, включая тот случай, когда ты...»

Он не позволил Элиссе даже начать перечисление унижительных историй, которые она могла бы поведать детям.

— Все в порядке, Гидеон. На самом деле, в порядке. Твоя мать права, и мне очень жаль, что я в тебе сомневался. Ты не мог знать про Камни Ордолта, да и я знаю про них не больше, чем ты. Поэтому давай подумаем о том, как вернуть камень.

Он посмотрел своими удивительными темно-голубыми глазами на Элиссу и добавил мысленно: «Спасибо. Я забыл, насколько ты бываешь красива и желанна, когда злишься».

Когда он так посмотрел на нее, у королевы слегка закружилась голова.

— Так, дети, вам пора отправляться в баню вместе с Саллементро, а я провожу вашего отца, — сказала она веселым тоном, пытаясь облегчить боль от расставания. Элисса пыталась убедить себя, что дети страдают сильнее.

«Мне так хочется еще хотя бы минутку побыть с ним вдвоем», — сказала королева самой себе.

— Я сама найду вас чуть позже, и мы какое-то время проведем вместе, — добавила она детям.

«О-о, как я хочу еще раз оказаться в его объятиях, прежде чем отказаться от него», — мысленно пообещала она.

Саллементро и молодые Гинты ушли, в последний раз бросив внимательный взгляд на отца. У Тора разрывалось сердце от расставания с ними. Он помнил, как его собственный отец беспокоился, когда сын уезжал из Гладкого Луга. Он жаждал приключений, а отец грустил.

Тор задумался, где ему набраться смелости, которая требовалась для всего, что ждало их впереди. Дверь закрылась, и он заставил себя выкинуть эти мысли из головы, потому что почувствовал, как взгляд Элиссы остановился на нем.

— Я должен идти, — сказал Тор, но не шелохнулся.

— Знаю.

— С тобой все будет в порядке?

— Ты имеешь в виду отношения с Гидеоном и Лаурин?

Он кивнул.

— Конечно. Я собираюсь проводить с ними каждую свободную минуту, чтобы узнать про них все и как-то компенсировать то, чего была лишена. Они меня побаиваются и осторожничают, — сказала королева с сожалением. — Придется долго устанавливать отношения.

— Они безнадежно влюбятся в тебя, как влюбился я сам... Я влюблен и до сих пор.

Тор не собирался этого говорить, но слова будто жили своей жизнью, вырвались изо рта и лишь нарушили самообладание королевы.

— О-о, Тор, почему все это с нами происходит?

Элисса больше не могла ждать ни секунды, шагнула вперед и оказалась в его объятиях. Он поцеловал ей волосы, погладил щеку. Женщина обнимала его все крепче, наслаждаясь знакомым ощущением его высокого крепкого тела.

— Мы не должны так рисковать, Элисса. Я... должен прекратить к тебе так прикасаться. Это опасно... и смущает, — сказал он, пытаясь облегчить ее отчаяние.

Тор обрадовался при виде намека на улыбку у нее на губах, которая появилась при упоминании о его собственном неудобстве. — Я чувствую ярость Джилы, когда только взгляну на тебя. А если бы он увидел это? — спросил Тор и поднял к себе лицо Элиссы, чтобы поцеловать ее в губы.

Наконец Элисса оторвалась от Тора.

— Джил не поймет, что это за чувства, пока не встретит первую любовь, — сказала она.

— Ну, если я не ошибаюсь, то встреча проходила у нас перед глазами!

Элисса любила эту широкую улыбку, которая затрагивала и глаза. Темно-голубые глаза Тора начинали гореть еще ярче, если такое вообще было возможно.

— Нет... Не Лаурин. Конечно, нет! — сказала королева, наслаждаясь интригой.

— Запомни мои слова, — сказал Тор. — Готов поспорить: это еще закрепится поцелуем или чем-то большим ко времени моего возвращения, — добавил он, театрально выгнув брови.

Элисса рассмеялась:

— Десять соверейнов, если ошибешься.

— У меня нет десяти соверейнов, но я все равно готов поспорить, — ответил он.

Но оба радовались недолго.

— Давай не будем растягивать боль, — предложил Тор. — Я люблю тебя, Элисса, но ты больше не моя. Мы должны помнить, кем ты стала теперь.

— Ты можешь его простить, Тор?

— Если помнишь, я уже это сделал... много лет назад.

— Нет, я имела в виду... за любовь ко мне?

«Я уже сделал это... много лет назад», — отправил он мысленный импульс прямо ей в сознание.

Королева почувствовала, что готова расплакаться. Значит, Тор знает столько, сколько она подозревала. И отправляясь на смерть, он представлял, что Лорис имеет на нее виды.

— Он так сильно меня любит, Тор. И для него хорошо, что я нахожусь рядом с ним. Я могу изменить его взгляды на некоторые вещи, могу помочь стать лучшим королем. Но у меня разрывается сердце...

Тор поцеловал ее в губы, чтобы она замолчала.

— Не нужно, чтобы оно разрывалось. У тебя теперь есть обязанности. Я понимаю, почему он тебя любит, поскольку тоже люблю тебя. Я прощаю его, прощаю тебя за то, что ты любишь его. Теперь важны наши дети, Элисса. Помоги ему понять их важность. Я считаю, что пришло время нашему королю узнать все. Расскажи ему, что тебе известно. Пусть осознает необходимость помочь в достижении наших целей... Иначе Таллинор погибнет с его народом. Теперь победа — наша задача.

Тор достал из кармана архалит, который ненавидел, и после болезненного кивка Элиссы снова прикрепил к ее лбу. Камень сразу же присосался. Она ненавидела внезапное исчезновение волшебства, которое окружало ее без камня. Элисса остро чувствовала потерю привычных ощущений.

Затем Тор наклонился и очень нежно поцеловал ей руку.

— Я ухожу, Ваше величество.

Она в ответ коснулась его мягких красивых волос, позволяя ему уйти.

Несмотря на боль в груди от необходимости нового расставания с Элиссой, Тор почувствовал облегчение, снова покидая дворец и все то, о чем он ему напомнил. Он все еще ощущал вкус губ любимой, запах ее духов, который остался с ним. Гинт с сожалением понял: возможно, ему никогда больше не удастся ее поцеловать. С королем в Тале у него не останется прежнего доступа к Элиссе.

Тор вздохнул и решил, что все происходит так, как должно. Его дети в безопасности, теперь в случае необходимости Элисса защитит их даже ценой собственной жизни. Сам Тор должен возвращаться в Сердце Лесов, чтобы отыскать мальчика, Рубина.

При мысли о втором сыне настроение у него улучшилось, и Тор почувствовал себя счастливым, когда над вершинами деревьев появился, наконец, Клут.

«Как она?»

«Потрясающе красива. Это выводит из равновесия».

«Ну, она всегда была красива, Тор. Как она восприняла Гидеона и Лаурин?»

«Она уже полюбила их. Но им потребуется больше времени, чтобы принять королеву Таллинора, как давно утерянную мать. Даже больше, чем потребовалось, чтобы принять меня...»

«Возможно, — согласилась птица. — Как я предполагаю, Саксон остается?»

«Да, теперь он будет держаться рядом с Элиссой».

Обостренным слухом Тор уловил стук копыт. К ним приближался конь.

«Всадник один?» — уточнил он, зная, что Клут обладает таким же прекрасным слухом, и гораздо больше видит, летая над вершинами деревьев, чем способен разглядеть с земли Тор.

«Одинокий всадник скачет на большой скорости. Да так шею свернуть можно! Вероятно, очень срочная новость для обитателей дворца».

Тор решил подождать на краю пыльной дороги. На этой скорости всадник, вероятно, не сможет объехать его. Поэтому придется проявить предосторожность и уйти подальше с пути животного.

Всадник появился через несколько секунд. Он даже не взглянул в сторону Тору, но Гинт обратил внимание, что челюсти у посыльного плотно сжаты, и он полностью сосредоточен на скорейшем достижении цели. А по щекам у него текут слезы... или это следы дождя?

Клут молча опустил на плечо Тора.

«Он скачет так быстро, что у него слезятся глаза», — заметил Тор.

«А ты обратил внимание на жеребца? На нем виднелась личная эмблема короля. Странно для посыльного, как считаешь?»

«Я не заметил, это ты всегда обращаешь внимание на подобные вещи, Клут».

Если бы птица могла пожать плечами, то Клут обязательно так бы и поступил.

Тор задумался о важности послания.

«Вероятно, у него очень срочное сообщение, раз он скачет так опасно быстро. Саксон рассказывал мне про отряд «Щит». У них очень строгий свод правил. Если не ошибаюсь, на такой скорости разрешается ездить во время охоты, на соревнованиях, в случае непредвиденных обстоятельств и войны».

«Не исключено, он просто наслаждается возможностью пустить такое прекрасное животное во весь опор — нечасто посыльному предоставляется такой шанс».

«Да... Ты вероятно прав. Король должен вернуться через час, и если честно, я не хочу снова появляться во дворце».

Он представил возвращение короля и то, как Элисса ждет мужа на ступенях, готовая обнять его и приветствовать, а потом сообщить кое-какие тревожные новости.

Но Элиссе больше никогда не представилось возможности снова поговорить с Лорисом.

### **Глава 3**

## **Траур в Таллиноре**

Орлаку никогда не было уютно с Доргрилом в голове. Но он начал приспосабливаться к этому во время путешествия с возвышенностей у Нима к столице. Теперь они шли уже пять дней, и Орлак должен был признать: широкие взгляды Доргрила, по крайней мере, развлекали. Они оказались весьма интересными.

Дядя несколько раз заставил его смеяться вслух, хотя оба согласились: если Орлак рассмеется так в окружении людей, то его посчитают сумасшедшим. Но во время

путешествия по живописной сельской местности Кипреса он мог сказать, что в целом наслаждается жизнью.

Орлак был готов терпеть Доргрила, пока тот продолжает подпитывать его желание мести, и оставляет все прочее в покое. Он даже был временно удовлетворен сложившимся положением.

«Кипресу требуется новая королева», — внезапно заявил Доргрил.

«А как насчет нового короля?»

«В этом обществе царит матриархат... И так было всегда».

«А нет никакой наследницы?»

«Я не знаю ни об одной».

«Ну, тогда мы им ее обеспечим».

«Правильно».

«А каким образом?»

«Оставь это мне».

«А они ее примут?»

«Примут. Они испуганы, встревожены, сбиты с толку, а, самое главное — они в печали».

«Но почему это заставит их принять незнакомку?»

«Ты просто шагай, мальчик, и дай мне подумать».

Орлак пожал плечами. Он был сам счастлив помолчать, и радовался тому, что Доргрил не в состоянии добраться до его мыслей. Они оставались его собственными, что и хорошо. Внезапно появилась навязчивая идея познать женщину.

Он жил уже несколько столетий и, если не считать детства, провел все время в борьбе. Орлак использовал свой ум и магические способности против других. Новая восхитительная свобода искушала, конечно, если можно назвать свободой состояние, когда дух другого бога сидит у тебя в голове. Доргрил рассказал ему об удовольствиях, которые дает жизнь, и теперь Орлак понимал, чего оказался лишен. Сколько всего он пропустил! Одна лишь прогулка по красивой сельской местности доставляла удовольствие.

Орлак знал, что Доргрил, вероятно, ухмыльнулся бы на подобное замечание, и заявил бы, что это ничто в сравнении с красивой и покорной женщиной, стоящей на коленях перед тобой. Ты запускаешь ей руки в волосы, а она доставляет тебе удовольствие. Нужно столько узнать и попробовать!

Указатель у края дороги, чуть прикрытый травой, подсказал: до городских ворот остается день пути. Орлак улыбнулся. Возможно, теперь недолго осталось до нужной женщины, стоящей на коленях перед ним.

И он широкими шагами направился к Кипресу.

\* \* \*

Дозорный, дежуривший на верху парпетной стены с бойницами, посмотрел на Джилла и крикнул:

— Приближается всадник, сир. Очень быстро.

Джил тоже посмотрел на юго-запад и прищурился. Да, он видел гонца. Дозорный был прав: конь скакал во весь опор.

По мере приближения животного Джил видел пену у него на боках.

— Во имя Света, что делает это всадник? Почему он так гонит? Коня загубит! Я прикажу его высечь.

Солдат, стоявший рядом с Джиллом, заметил, что это конь с эмблемой короля. Такое сообщение поставило помощника прайм-офицера в тупик. Простой посыльный не может ехать на коне с личной эмблемой Лориса. Это разрешалось лишь королевским гвардейцам, а их отправляли лишь с самыми важными и самыми срочными поручениями.

Джил колоритно выругался.

— Сразу ведите посыльного ко мне. И пусть кто-то позаботится о животном, пока оно не сдохло у нас на руках, — приказал он.

Солдат поспешил прочь.

Ранее Джил и Саксон провели время, попивая молочный коктейль, который повариха обычно посылала дозорным рано утром, чтобы согреться изнутри. Он все еще пребывал в задумчивости после странных событий прошлой ночи, и хотел с ними разобраться, поскольку все это страшно его заинтересовало. Поэтому он был рад обществу клука. Он относился к Саксону, как к отцу, поэтому с радостью выслушал советы старшего.

После объяснений Саксона все стало понятнее, приобрело какой-то смысл. Но, тем не менее, когда он возвращался к мысли о том, что его мать любила очень сильного Чувствующего, от которого родила тройняшек, а они, в свой черед, спасут Королевство Таллинон от какого-то сумасшедшего по имени Орлак, все услышанное казалось какой-то ерундой. Все это виделось бессмыслицей, рассчитанной на дешевый эффект. Еще он услышал, что Тора казнили в этом самом дворце, а он теперь разгуливает по нему живой и здоровый, и определенно имеет виды на его мать, на королеву. От этого в рассказ верилось еще меньше.

Джил неотрывно смотрел на Саксона, который мягким тоном рассказывал об их борьбе. Клук был Паладином — что бы это ни значило, как и какой-то карлик, все еще остающийся в Великом Лесу, и какой-то сокол — ни больше, ни меньше!

Потребовалось приложить немало усилий, чтобы не вскочить с места и все выслушать. Но чем больше объяснял клук, тем больше Джил смирялся с неизбежным. Кто мог придумать такую историю? — спросил он сам себя.

К тому времени, как они расстались, Саксон заставил Джилу пообещать, что тот примет, как данность, существование волшебства в их мире, и признает: в добрых руках таких людей, как Гинт и его мать, оно может принести много пользы. Клук просил его придерживаться широких взглядов и избавиться от предубеждений.

Джил знал: Саксон не станет врать. Поэтому он считал, что должен верить клуку и прислушиваться к его советам. Поразительный рассказ о том, как изуродованный и ослепший Саксон излечился в Сердце Лесов, казался фантастичным. Это просто невозможно представить! Тем не менее, юноша видел: клук ожидает, что Джил поверил, поскольку это правда.

Помощник прайм-офицера отбросил беспокойные мысли в сторону. Посыльного фактически несли на руках к тому месту, где он стоял. Человек был изможден, и если бы его с двух сторон не поддерживали солдаты, он рухнул бы на камни, которыми вымощен двор.

Всадник с трудом отсалютовал помощнику прайм-офицера.

— Сир, я принес ужасную весть.

Джил почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Этот человек на самом деле был гвардейцем, а это означало, что сообщение идет непосредственно от короля.

— Докладывай! — приказал Джил.

Запыхавшийся всадник не успел ответить. Ему помешало появление королевы, за которой по пятам следовал Саксон.

— Я видела, как этот человек заезжал во двор. Он одет в форму личной стражи короля. Что нового? — спросила Элисса. — Я уже несколько часов жду Лориса. Почему он так задержался?

Джил посмотрел на Саксона. Одного взгляда было достаточно, чтобы клук все понял.

— Ваше величество, — мягко заговорил Саксон. — Почему бы нам...

— Нет, Саксон, — перебила она. — Я хочу услышать новости от этого посыльного. Как вас зовут? — спросила она у дрожащего человека, не обращая внимания на предупредительные взгляды сына.

Джил, как заместитель прайм-офицера, был начальником посыльного, но Элисса — королева, поэтому она выше всех собравшихся. Она узнает новости о своем муже непосредственно от гонца.

Изможденный человек все еще пытался привести дыхание в норму. Он закашлялся.

— Меня зовут Лархам, Ваше величество, — представился он, пытаясь опуститься на одно колено и выказать должное уважение.

— Можно встать, Лархам. Я вижу, что вам очень нужен отдых. Пожалуйста, скажите, что просил передать король. Когда он вернется?

Невероятно, но человек разрыдался. Все пораженно смотрели на то, как у него из глаз льются слезы. Он не мог говорить из-за рыданий.

К гвардейцу подошла королева, взяла за руку. Теперь и у нее в глазах стояли слезы, на лице появился страх.

— Лархам, где король? — спросила она тихим голосом.

— Он... он... мертв, — только и удалось выдать из себя посыльному.

\* \* \*

Херек сопровождал короля, но на этот раз не испытывал никакой радости. Почерневшее и изуродованное тело Лориса обернули мешковиной и положили на телегу. Отряд медленно направлялся в Тал. Солдаты ехали молча, у них еще не прошло потрясение. Они практически ничего не говорили с тех пор, как в короля ударила молния. Король умер, еще не успев упасть на землю, задолго до того, как до него успел добежать верный прайм-офицер.

Хереку пришлось приложить немало усилий, чтобы взять себя в руки. Он был в ужасе от случившегося у него на глазах. Мысли путались, но требовалось думать о том, что ждет отряд впереди. Королевство наверняка впадет в состояние ступора, все будут ошарашены ужасной новостью и не способны что-либо предпринять, кроме как оплакивать монарха. Ответственность ляжет на него и на Джила. Он знал, что королева Элисса уже к этому времени должна получить печальное известие. Сколько еще испытаний может выдержать один человек? При мысли о красивой молодой королеве Таллинора у него заболело сердце. Казалось, судьбой предначертано, чтобы вся ее жизнь состояла из одних печалей.

Но еще важнее то, что король умер, не оставив наследника. Таллинон ждут трудные времена. Херек был солдатом, а не политиком, но содрогался при мысли о том, как теперь будет решаться вопрос с престолонаследием. Насколько он помнил, в Королевстве всегда имелся наследник престола мужского пола. Переход власти в рамках одной династии всегда обеспечивался. Именем Света, что случится теперь с их дорогой страной?

Определенно, новость пока не распространилась. В Тале тепло приветствовали солдат, возвращающихся домой. Люди едва ли бросали взгляды на телегу и груз на ней... Они, возможно, думали, что это какой-то пехотинец, который умер в пути. А если и замечали идущего впереди прекрасного жеребца, на котором всегда ездил король, то еще не задавались вопросом, почему нет всадника. Многие решили, что монарх путешествует отдельно.

Отряд приблизился к дворцовым воротам, где их встретили гораздо более торжественно. Здесь уже царило другое настроение. Херек сделал глубокий вдох и мысленно попросил Свет помочь ему пережить трудные времена и направлять его.

Королева Элисса стояла рядом с помощником прайм-офицера, который держал ее за руку и, судя по всему, был готов защищать от всех невзгод. Они ждали на ступенях дворца. Херек с облегчением заметил клука. Значит, тот вернулся из путешествия. Саксон тоже стоял рядом с королевой, он обеспечит столь нужную ей поддержку.

Все дворцовые слуги собрались во внутреннем дворе замка и ждали короля в молчании. Солдаты замерли на парапетных стенах с бойницами по стойке «смирно», знамена Тала были приспущены. Одно это должно заставить жителей Таллинора задуматься. Они поймут, что смерть забрала их монарха.

Сановники и придворные со склоненными головами ждали на широких ступенях, стоя за спиной королевы. Херек внимательно осмотрел собравшихся и заметил двух незнакомцев

рядом с музыкантом Саллементро. Если глаза не обманывали его, то юноша был поразительно похож на лекаря Торкина Гинта, хотя, наверное, это только показалось. Девушка стояла со склоненной головой, и поэтому прайм-офицер не смог ее хорошо рассмотреть, но все равно в ней угадывалось что-то знакомое. Тем не менее, можно было точно сказать, что никогда раньше он ее не видел.

Херек снова посмотрел на королеву. Она вроде бы держала себя в руках. Элисса вздернула подбородок, словно бросая вызов и всему миру, и собственным эмоциям. Она не позволит себе сломаться, будет держаться до конца.

Он увидел ту же силу, свидетелем которой стал много лет назад, когда она смотрела на другого любимого мужчину. Тогда Элисса не плакала, и теперь не разрыдается на публике.

Херек восхищался ее мужеством и гордился тем, как достойно королева ведет себя перед другими. Именно она даст им силу жить и действовать дальше. Элисса станет тем, что проведет их сквозь печаль к будущему Таллинора при новом монархе... Но кто им станет?

Лошади остановились, и Херек спрыгнул с коня, а потом опустился на одно колено перед монархиней. Он низко опустил голову. Королева приблизилась неслышными шагами.

— Ваше величество, — произнес прайм-офицер и разозлился на себя за то, что слышал дрожь в собственном голосе.

Она коснулась его плеча, велела подняться, а дальше он уже смотрел сверху вниз на маленькую фигурку королевы. Бывшей королевы, — понял он, — ведь ей никогда не позволят править. Херек глядел в печальные, бездонные, серо-зеленые глаза. Ему удалось каким-то образом передать отчаяние из-за того, что он привез Короля, ее мужа, мертвым. Никаких слов не потребовалось.

Помощник прайм-офицера встал по стойке «смирно». Люди вокруг теперь плакали, но Элисса не теряла самообладания.

— Вольно, Джил, — сказал Херек, радуясь, что его голос теперь звучит твердо. Надо взять ситуацию под контроль. — Ваше величество, мы можем поговорить во дворце?

Она кивнула. Из дворца выбежали носильщики, чтобы забрать тело, но несколько солдат заворчали. Короля понесут его гвардейцы. Поставленные в тупик и смутившиеся слуги смотрели на королеву. Херек заметил, как Джил мягко сжал руку матери. Она снова кивнула, и слуги отошли в сторону.

Помощник прайм-офицера присоединился к гвардейцам. Он станет одним из тех, кто понесет любимого властителя в часовню, где будет временно выставлено тело. Рядом с королевой остался Саксон. Элисса развернулась и поднялась по ступеням назад во дворец. За ней последовала свита, погруженная в печаль.

Королева приняла Херека в личных покоях. Джил в это время находился в часовне, обустривая место прощания с человеком, который был его отцом (хотя сам помощник прайм-офицера этого не знал).

Во время разговора Элиссы с Хереком присутствовал только Саксон. Королева сидела напряженно, и держала спину прямо. Слуга принес поднос с напитками, к которым с благодарностью прикоснулся один прайм-офицер. Затем женщина задала вопрос, которого он боялся.

— Как умер мой муж?

Прайм-офицер рассказал ей все, во всех деталях, четко и ясно, с того момента, как они заметили ворон на поле, и до того, как тело короля объяло пламенем. Когда он закончил отчет, помещение погрузилось в тишину. Все были напряжены и молчали. Никто даже не шевелился, пока королева не кивнула.

— Я видела ту молнию, о которой вы говорили, Херек. Она осветила все небо.

— Это было ужасно, Ваше величество.

— И вы утверждаете, что Лорис чувствовал смерть? Он считал, что обречен?

— Да, я так понял, Ваше величество. Он говорил, что боги дали ему знак... Думаю, что именно поэтому он рискнул послать человека с сообщением в грозу. — Херек откашлялся. — Думаю, что таким образом король хотел дотянуться до вас.

Элисса слегка прикусила губу. Она не позволит себе сломаться. Надо быть сильной. Люди рассчитывают на ее мужество, они будут смотреть на нее в этот несчастливый период.

Наконец, в разговор вступил Саксон.

— Нужно организовывать... э-э-э... похороны короля, Ваше величество. Вы должны доверить это Джилу. — Он посмотрел на Херека, показывая взглядом, что все объяснит позже. — После вчерашнего вашему мальчику не повредит шанс показать свои способности и покомандовать.

На лице королевы появилось странное выражение, понять которое было невозможно.

— Боюсь, что на его плечи падает гораздо больше ответственности, чем представляет кто-то из нас, — ответила она. — Херек!

— Да, Ваше величество?

Он радовался, что все сейчас исполняют привычные роли и обязанности, что замешательство прошло.

— Соберите господ благородного происхождения.

— Как прикажете, Ваше величество. Но не следует ли нам вначале похоронить короля... Простите меня за это высказывание.

— Лучше решить вопрос престолонаследования немедленно, Херек. Я предполагаю, что сейчас он больше всего волнует людей.

В дверь тихо постучали. Вошел Джил вместе с личным помощником королевы Ролиндом.

Элисса изобразила на лице улыбку:

— Как раз те люди, которые нам требуются.

Они поклонились.

— Ролинд, пожалуйста, помогите Джилу. Он возьмет на себя организацию прощания, похорон и поминальной трапезы по королю Лорису. — Она заметила, как сверкнули глаза юноши. Джил гордился этим поручением.

— Как пожелаете, Ваше величество, — ответил угрюмый Ролинд.

— Джил... Ролинд подготовит полный список особ королевской крови, проживающих поблизости, которых необходимо пригласить. Пожалуйста, обеспечьте, чтобы тело короля было выставлено для прощания нужный период времени. Мы подождем прибытия всех монархов, которые пожелают присутствовать на похоронах, и только тогда проведем погребение.

— Понимаю, — сказал с поклоном помощник. — Я удаляюсь, Ваше величество, чтобы приняться за выполнение поручений.

— Джил!

Юноша повернулся и посмотрел на мать, восхищаясь ее умением держать себя в руках, хотя знал, в какой печали она пребывает, и какое смятение у нее в душе.

— Тебе нужно присутствовать на собрании господ благородного происхождения, — продолжала она. Затем Элисса вопросительно посмотрела на Херека.

— Завтра, Ваше величество. Я соберу их завтра в тронном зале на восходе солнца.

— Хорошо, — кивнула королева.

Джил ничего не понимал, но это было неподходящее время для расспросов. Он кивнул и ушел вместе с Ролиндом.

Саксон легко улыбнулся Элиссе. Он радовался, что она поручила Джилу столь важное дело.

— Херек, вам нужно немного отдохнуть. А я должна пойти к Лорису, — проговорила она, и двое мужчин в комнате физически ощутили печаль королевы.

— Я могу пойти с вами, Элисса? — спросил Саксон, на мгновение забыв о протоколе.

— Нет. Я хочу побыть одна с мужем до того, как начнется подготовка к бальзамированию. Вы понимаете?

— Да, конечно, — ответил Саксон. — По крайней мере, позвольте мне хотя бы проводить вас до часовни?

Она взяла его за руку и встала. Херек опять опустился на одно колено.

— Вы хороший человек, Херек. Я благодарна вам за все, что вы сделали и продолжаете делать. Встретимся завтра после восхода солнца.

Элисса, в последний день своего короткого царствования в Таллиноре, вышла из покоев, чтобы в последний раз поцеловать мужа.

## Глава 4

### Побег принцессы

Наконец-то Орлак увидел столицу Кипреса. Несмотря на поздний час, она представляла собой красивое зрелище. Дома освещались теплым светом масляных фонарей, а ярко горящие факелы великолепно озаряли роскошный дворец на скале. От этого вида захватывало дух.

Однако удовольствие вскоре испортил Доргрил:

«Пришло время занять трон».

«А как ты предлагаешь нам захватить все королевство?»

«А-а, это неприятная часть, — сказал Доргрил. — Силой. Некоторые умрут, причем должно погибнуть достаточно людей, чтобы кипреанцы поняли: нет смысла нам противостоять».

«Что ты имеешь в виду?»

«Я выпущу на свободу твою силу, мальчик».

Орлак кипел внутри, но сдержался:

«Доргрил, наверняка ты имеешь в виду, что это я выпущу на свободу свою силу, не так ли?»

«Конечно. Я это и имел в виду, — спокойно ответил его дядя. — Пошли. Давай не будем медлить... Скоро начнутся развлечения!»

Хела тщательно подготовилась. Теперь ей требовалось убедить некоронованную новую королеву выслушать всю безумную историю и согласиться бежать из города. Сэйрел до сих пор оплакивала смерть матери и не желала ни с кем общаться, поэтому все прочие дворцовые слуги ее не беспокоили. За ребенком ухаживала одна Хела. Казалось, девочка терпит ее одну. Всех других, кто посмел нарушить траур, она встречала или яростными криками, или ледяным молчанием.

После смерти матери ее видели только трое дворцовых слуг. Всех остальных, кто ей прислуживал, оставили в Ниме. На самом деле, дворцовые слуги практически не знали девочку. Они очень редко видели Сэйрел после рождения, поскольку мать очень хотела оградить ее от жизни по протоколу.

Сильвен кремировали в соответствии с традициями Кипреса. После ужасной смерти на некогда красивом лице остались багровые рубцы, губы покрылись язвами. Было решено немедленно сжечь тело королевы. Церемонию поспешно организовали и провели на Холме, с которого все предыдущие королевы возносились в жизнь после смерти в клубах дыма, поднимающегося от погребального костра.

Несколько тысяч верных подданных собрались, чтобы стать свидетелями этого события. Все были ошарашены преждевременной смертью монархини. Распространились слухи об ее убийстве. Шептались, что дело связано с чужестранцем, которого она публично унизила во время последнего выставления Серебристой Девы. Его звали Торкин Гинт.

Пребывающие в трауре граждане успокаивали себя мыслью, что, по крайней мере, есть наследница. Новую королеву коронуют после окончания надлежащего периода траура. Сэйрел еще молода, но в те несколько раз, когда жителям Кипреса позволялось ее видеть, они нашли ее привлекательной и, похоже, преданной им, как ее мать и бабушка до нее.

Говорили, что подросток станет настоящей красавицей, и люди уважали желание королевы позволить ее дочери наслаждаться детством. Оно вскоре закончится, и Сэйрел придется взять на себя ответственность за правление страной. Если бы они только знали, что

случится в следующие несколько дней, то отцы города короновали бы юную правительницу в день кремации матери.

Но теперь девочка пыталась справиться с тревогой, которая появилась после рассказа самой верной и близкой к матери служанки. Они находились в покоях Сильвен и стояли на том же балконе, где Торкин Гинт когда-то соблазнил королеву и, в конце концов, завоевал ее сердце.

— Сэйрел, у тебя есть основания не доверять мне? — Хела очень серьезно посмотрела на девушку.

Новая королева не смотрела на Хелу и не встречалась с ней взглядом. Она продолжала смотреть на город.

— Нет.

— Значит, ты должна прислушаться к моим предупреждениям. Я никогда раньше не видела таких снов, дитя. Все происходило как будто в реальности. Мы с той женщиной говорили так, как сейчас мы с тобой. Она приходила ко мне каждую ночь, чтобы предупредить: тебя ждет большое несчастье, если мы не сбежим.

— Я не понимаю, Хела. Эти люди любили мою мать... Они, конечно, будут любить и меня.

— Они любят тебя. Но Лисе, та женщина из снов, говорила о людях из других земель... О плохих людях, которые желают нам зла.

Сэйрел отвернулась от красивого города, простиравшегося перед ней, и посмотрела на старшую подругу.

— Бежать из Кипреса, когда стране больше всего требуется королева, — это трусость.

Хела не могла не улыбнуться:

— Ты смелая девушка, Сэйрел. Отлично сказано, твоя мать гордилась бы тобой. Но она не захотела бы жертвовать твоей жизнью, а поддержала бы меня. Давай перевезем тебя в безопасное место, пока я еще могу это сделать. Разве ты не видишь, что ты представляешь большую угрозу живой? Если в Кипресе ничего страшного не произойдет, мы вернемся, и тебя коронуют.

Сэйрел была юной по стандартам Таллинора, но по меркам Кипреса уже почти считалась женщиной. Она снова отвернулась и посмотрела на город, который очень любила. Он принадлежал ей по праву рождения.

Юная королева понимала, что мать прилагала большие усилия, уберегая ее от обязанностей властителей, но, тем не менее, она в тайне желала их. Сэйрел выполняла желания матери и представлялась ей настолько невинной, насколько было возможно. Но мать не знала, что дочь упорно изучает историю Кипреса, право и ведение государственных дел. Она даже наняла себе пару советников, которые находились в Ниме, но имели осведомителей по всему Кипресу. Они держали наследницу в курсе всех событий — как политических, так и прочих.

Сэйрел узнала про Локлина Гилбита и его решение отдаться на суд Серебристой Девы почти столь же быстро, как и остальные граждане. На самом деле, она даже короткое время была очарована пиратским сыном, думала о его смелости. Девушка сожалела, что не может попросить у матери разрешения присутствовать на церемонии Поцелуя Девы. Но было件нятно, что бессмысленно даже спрашивать об этом. В любом случае, она находилась в Ниме, в безопасном месте, скрытая от глаз общества. Ожидалось, что девочка играет в куклы и возится со щенками. Мать обожала ее — это Сэйрел знала. Но королева не понимала свою дочь последние несколько лет.

Сэйрел хотела править, чувствовала настоящую необходимость учиться и разбираться со всеми государственными вопросами. Ей очень хотелось жить и работать рядом с матерью. Так когда-то училась управлять и Сильвен. Но теперь мать умерла, она была убита, и девочке не представится возможности чему-то научиться у самой лучшей наставницы из всех.

Хела эхом повторила ее мысли.

— Смерть твоей матери, Сэйрел, — это самое важное предупреждение нам. Кто-то нас предал и предаст еще, а твоя безопасность имеет первостепенное значение. Мы не можем терять время. Надо покинуть дворец.

— Этот Торкин Гинт... Ты ему доверяешь?

— Да, доверяю.

— Наверное, и я тоже, — сказала девочка, и Хела почувствовала огромное облегчение. — Я встречалась с ним в Ниме и провела какое-то время в его обществе. Думаю, что мама влюбилась в него благодаря его красоте и шарму. Меня он тоже очаровал, но своим умом. У него пронзительные глаза, правда? Кажется, что они столько всего говорят, — и одновременно сохраняют так много секретов...

Хела была поражена. Сэйрел в тринадцать лет явно скрывала, что уже давно стала взрослой. Ребенок говорил, как взрослая женщина. Она все эти годы обманывала их всех, особенно — Сильвен? Она притворялась невинной девочкой, которой нравятся только сладкие десерты и игра в мяч?

Хела посмотрела на молодую королеву с немалым уважением.

Сэйрел улыбнулась:

— Я не влюбилась в него, Хела. Он слишком стар для меня, хотя определенно это очень красивый мужчина. Но ему я доверяю.

Служанка слегка покачала головой. Ее вывела из равновесия внезапно открывшаяся новость о взрослении Сэйрел.

— Твоя мать была влюблена в него. Она сама открыто говорила мне об этом... Королева даже думала, как изменить законы Кипреса, чтобы она могла выйти замуж.

При этой новости у Сэйрел округлились глаза:

— В самом деле?

Хела кивнула:

— Я едва поверила своим ушам, когда она мне об этом заявила. Сильвен всегда контролировала свои чувства, и за все время, пока я служила ей, она ни разу не становилась жертвой влияния мужчины, сладких слов или физической близости. Нет, никому до Торкина Гинта не удавалось возбудить в ней такую страсть. Я считаю, что она собиралась сделать его супругом.

— А это возможно?

— Пришлось бы изменять древние законы. Я — не ученый, Сэйрел. Поэтому не знаю, к чему могла бы привести такая значительная перемена в философии и культуре Кипреса.

Девочка грустно кивнула:

— Ей не следовало умирать так, как это случилось. Я прослежу, чтобы виновный был наказан, даже если на его поиски уйдет вся моя жизнь.

— В таком случае, мы должны сохранить тебе жизнь, чтобы ты могла добиться цели. Ты уедешь со мной?

— Позволь мне подумать эту ночь, Хела. Обещаю завтра с утра сообщить тебе свое решение.

Внезапно она показалась служанке настоящей королевой. Детские платья и банты исчезли. Девочка явно носила их, чтобы порадовать мать. Она была стройной и высокой. Вероятно, Сэйрел когда-нибудь догонит в росте Сильвен; не исключено, что станет даже более красивой, чем мать. В простом голубом платье, которое облегалo фигуру и подчеркивало высокую грудь, юная королева совсем не выглядела ребенком.

Хела кивнула, понимая, что нужно набраться терпения и подождать еще одну ночь, затем поклонилась королеве.

— В таком случае я покидаю вас, Ваше величество, чтобы вы могли подумать.

Выходя из покоев, она чуть не натолкнулась на знакомую фигуру. Этого человека она терпеть не могла, а поэтому ее раздражение нашло цель.

— Что вы здесь делаете? Никому не разрешается заходить в эту башню без моего разрешения!

— Меня пропустила стража. Я хочу выразить свои соболезнования принцессе, — ответил елейный голос.

Голос был высоким и казался женским, он вызывал у Хелы отвращение с первой минуты, когда она его слышала. Служанка посмотрела в холодные, почти черные, маленькие и всегда настороженные глаза.

— Она больше не принцесса, Гот. Она теперь — королева. И королева желает остаться одна и предаваться печали. Она отдала приказ, запрещающий к ней заходить кому-либо, кроме меня. Уходите и не возвращайтесь, пока вас не вызовут.

Лицо Гота ничего не выражало. Он кивнул один раз, но на самом деле ему хотелось обвить толстыми пальцами шею женщины и сжимать ее, пока она не задохнется. Как эта выскочка, какая-то служанка, смеет так неучтиво к нему обращаться? В конце концов, он ведь бывший советник Сильвен. Конечно, он убил королеву, но это — совсем другое дело. Теперь требовалось завоевать доверие ребенка. До недавнего времени он не знал о существовании дочери, и теперь ругал себя за то, что не выяснил такую важную деталь. Но, очевидно, королева Сильвен очень хорошо защищала дочь. Гот редко допускал ошибки, но в любом случае ему потребуется проявлять большую осторожность в будущем.

Бывший инквизитор отвернулся от служанки и ушел, чувствуя, что та не сводит с него глаз, пока он шел по коридору, спускался по ступеням и выходил из башни.

Гот продолжал удивлять сам себя. Ему опять удалось избежать смерти. Неужели отведенные ему жизни заканчивались? Он выжил после падения в воду. Он оставался под поверхностью быстрой реки, пока его не оттащило из поля зрения преследователей. Однако Гот ударился во время падения, и если бы не несколько капель аррака в пузырьке, спрятанном в кармане, то не выжил бы. Но аррак фактически вернул его к жизни, и он снова смог добраться до Кипреса, хотя и проявляя осторожность.

Он выяснил, что Гинта больше нет во дворце, и просто занял те же покои, в которых жил раньше. Гот притворялся шокированным, ужасался новости о смерти Сильвен. Никто не видел, как он покидал город, никто не видел его в Ниме. Гот предполагал, что Гинт с клуком уже отплыли в Таллинор. Это означало, что он временно находится в безопасности.

Следующие несколько дней Гот распространял слух, что в убийстве Сильвен виноват Торкин Гинт. Добившись этой цели, он подготовился к встрече с Сэйрел, желая выяснить побольше сведений о новой королеве Кипреса.

Гот рассчитывал на отказ королевы принимать посетителей, и поэтому хотел просто удивить ее. Но рядом с покоями маячила эта жаба-служанка. Он ненавидел ее. Хела не доверяла ему с первого появления у Сильвен и наверняка не доверяет и теперь. Может, ей просто нужно присоединиться к бывшей госпоже, где бы та сейчас ни находилась. Гот не позволит какой-то служанке мешать осуществлению его планов.

Покидая королевскую башню, Гот решил, что если Хела помешает ему еще хоть раз, то она умрет.

Орлак вышел на Королевскую площадь Кипреса, привлеченный звуками многих голосов. Люди поддерживали выступающего. Орлак не обращал внимания на то, что говорил человек. Это не имело никакого значения в свете того, что случится через несколько минут.

Спускались сумерки, приближался вечер, и огромная площадь красиво освещалась факелами. Лавки, ресторанчики и питейные заведения располагались повсюду. Везде был красиво выставлен товар. Несомненно, кипреанцы жили богато. О достатке народа могла говорить одна эта площадь, все здания которой были сделаны из белого отполированного камня. Он блестел и будто бы светился в отблесках факелов. Все выглядело очень мило и приятно.

Орлак посмотрел на дворец, который возвышался над городом, стоя на скале. Бледные башни с позолотой блестели на фоне чернильного неба, словно драгоценные камни.

«Мы должны дать им почувствовать, что находимся здесь», — заявил Доргрил.

Орлак согласился с этим предложением. Он прошел вдоль края толпы, а потом стал сквозь нее проталкиваться. Он был высоким мужчиной и выглядел впечатляюще. Это

помогало расталкивать собравшихся, пока пришедший не оказался у ступеней недавно воздвигнутой трибуны. Выступающий повернулся, слегка удивленный тем, что его перебили. Он кивнул стражнику, чтобы тот разобрался с вновь прибывшим.

Коренастый мужчина отделился от группы других стражей и подошел к Орлаку. Говорил он вежливо:

— Пожалуйста, спуститесь с трибуны вниз.

«Убей его», — приказал Доргрил.

Орлак почувствовал, как бог внутри него сердится. Присутствие Доргрила совершенно не нравилось, но было понятно, что надо дожидаться своего часа. Пока они оба выступают на одной стороне и идут одной дорогой.

Орлак открылся для приема силы Доргрила, почувствовал, как в него вливаются Цвета, и выпустил маленькую молнию. Стражник выставил вперед руку, чтобы не позволить Орлаку пройти дальше, но внезапно его охватило пламя. На лице появился ужас, человек увидел, что горит, а потом рухнул вниз, извиваясь.

Выступавший заорал, толпа тоже закричала в удивлении, которое вскоре перешло в ужас. Как такое могло случиться?

«Разберись с выступающим», — отдал новый приказ Доргрил.

Орлак подчинился. Человек, которому удавалось удерживать внимание собравшейся толпы до того, как его неожиданно перебили, снова стал центром внимания, но на этот раз по другой причине. Он задрожал и стал дергаться, как марионетка, которую дергают за нитки. Потом стал бросаться то в одну, то в другую сторону, оставаясь на трибуне и крича в агонии.

Орлак не хотел, чтобы ему указывали, как поступать дальше. Это был его замысел, а не Доргрила, и он сам будет делать то, что захочет.

Он небрежно повернулся к пораженной толпе, которая смотрела на мертвого и все еще дымящегося стражника и вертящегося и размахивающего руками выступавшего, который уже ослабевал и был готов умереть. Орлак снова выпустил Цвета — и снова это была лишь малая часть его силы, этакий слабенький шупик.

Люди стали кричать. Из носов, глаз и ушей потекла кровь. В толпе воцарился хаос. Окровавленные, по большей части ослепленные жители пытались бежать во все стороны. Орлак спокойно повернулся к одной из сторон площади, которую выбрал заранее. Ему было жаль разрушать такие величественные здания, но он снова выпустил Цвета на свободу.

Дома быстро разрушились, когда Орлак при помощи магической силы слегка сдвинул их с места. Скрип и стон камня, подчиняющегося воле пришельца, звучал еще ужаснее, чем крики впавших в панику людей, перед которыми возникла новая угроза. Он же вспомнил разрушение Карембоша много столетий назад. Там все начиналось точно также.

«Хорошо... Хорошо, мой мальчик. Ты доволен собой?» — спросил Доргрил, на которого увиденное произвело впечатление.

Орлак был доволен, и Доргрил испытал разочарование, когда племянник втянул Цвета назад, позволив им лишь тускло мерцать внутри себя, пока сам молодой бог осматривал разрушения. Доргрилу страшно хотелось добраться до этого колодца силы, но пока не следовало демонстрировать своих истинных желаний. Он понял, что когда-нибудь такой день настанет, и сила станет его собственной. Тогда он ею по-настоящему насладится. Но пока надо оставаться «гостем» и узнать побольше о «хозяине».

Пострадавшие лежали на отполированных камнях, плакали и просили помощи. Кровь лилась из их тел. Некоторые погибли под обрушившимися зданиями. Другим (таких оказалось немного) удалось избежать прикосновения Цветов. Но они пребывали в шоке, переходили от одного пострадавшего к другому, пытались найти друзей и родственников и хоть как-то помочь. Почему это произошло? Что могло послужить причиной подобного? Люди не понимали.

Орлак заметил женщину, убегающую с площади. Его взгляд остановился на красивых лодыжках над украшенными драгоценными камнями сандалиями. Очевидно, эта — из тех, кого не коснулась его сила, и он был доволен, что это так. Может, она симпатичная?

Определенно, женщина поможет распространению новостей...

\* \* \*

Хела подхватила длинные юбки, демонстрируя всем желающим покрытые драгоценными камнями сандалии, и, не обращая внимания на то, что вуаль сбилась, побежала изо всех сил, спасая свою жизнь. Вот оно! Вот о чем ее предупреждала Лисе! В Кипресе действует магия, и ее сопровождает смерть.

Служанка заметила необычно высокого, очень красивого и производящего впечатление молодого человека, который поднялся на трибуну и спокойно осматривался, пока двое других мужчин за его спиной умирали, притом — по совсем непонятной причине. Юноша ей кого-то напоминал, но эта мысль мгновенно исчезла, когда люди вокруг нее стали истекать кровью.

Они не могли ждать ночь, которую она обещала дать Сэйрел на размышления. Нужно немедленно увести королеву из Кипреса.

Хела говорила очень напряженным голосом. Из-за ужаса она забыла, к кому обращается.

— Сэйрел! — потрясла она спящую королеву. — Сэйрел! Просыпайся!

Девушка открыла глаза и внезапно напряглась.

— Что случилось?

— Времени нет. Вставай! Шевелись! — приказала ей служанка и подруга. — Началось! На площади убивают людей. Мы должны бежать!

Хела вытянула ошарашенную девушку из постели и сорвала с нее ночную рубашку, совсем не думая, что бледной идеальной коже может стать холодно.

— Надевай вот это. И не теряй времени, Сэйрел! Мы уезжаем немедленно.

— Кто это был?

— Не знаю. Златоволосый мужчина... Но на площади погибли люди, и по совершенно непонятной причине. Я видела это собственными глазами. У них шла кровь из носа, их жгли языки пламени... Здания, которые стояли веками, рушились в одну секунду, убивая всех на своем пути.

Хела не осознавала, что плачет, рассказывая это. Теперь и у Сэйрел глаза наполнились слезами. Она была поставлена в тупик и пыталась уловить смысл в бессвязном рассказе служанки.

— Я не понимаю, — проговорила молодая королева.

— И я тоже, — призналась Хела, не в силах скрыть нервозность. — Это магия... Но я ее не понимаю. Только ты можешь не сомневаться — тот, кто все это сделал, направляется сюда. Давай быстрее! Прикрой лицо вот этой вуалью. А покрывало накинь на голову.

Сэйрел протянула руку к шкатулке с драгоценностями, которая стояла у кровати.

— Оставь ее! У меня есть все, что нам потребуется. Пошли.

Она вывела девушку через две двери в покоях матери на небольшую площадку, откуда начиналась лестница для слуг. Хела открыла один из многочисленных шкафов на площадке, в которых хранились любимые духи Сильвен, а также мыло, масло для ванны и белье. Ключ от этого шкафа имелся только у служанки. Она достала оттуда две темно-коричневые холщовые сумки.

— Мы возьмем только это, — сказала она. — Держи одну, Сэйрел.

Хела проигнорировала вопрос, который, как она видела, был готов сорваться с губ королевы, и повернулась к ней спиной, а потом взяла ее за руку. Служанка не позволила девушке что-то обсуждать или спорить. Они пошли быстро, почти бежали, спустились с лестницы и оказались на первом этаже у двери, которая открывалась в закрытый для посторонних двор.

— Хела, двор и стены здесь охраняются, — высказала свои мысли вслух Сэйрел. Конечно, и сама служанка это знала.

— Я позаботилась об этом заранее, — прошептала подруга юной королевы. — Сегодня дежурит мой друг. Можно сказать, что он имеет на меня виды, — добила она, как заговорщица. — Учти, Сэйрел: ты не должна произносить ни слова, и неважно, что я говорю, а ты слышишь. Понятно? — Это было сказано тем тоном, каким мать обычно обращается к ребенку. Хела порадовалась, когда молодая королева кивнула, укрытая покрывалом. — Пошли.

Действительно, стоило им выйти из башни, как перед ними оказался стражник, который расслабился, услышав голос Хелы.

— Мы в безопасности? — спросила она.

— Я слышал, будто что-то произошло на площади. Больше ничего не знаю, но если пойдете по старой дороге, все должно быть в порядке, — сообщил он и улыбнулся, глядя на скрытую покрывалом Хелу. Он явно ее хотел. — И кто ее обрюхатил? — спросил охранник, поворачиваясь к Сэйрел.

У него бы кровь застыла в венах, если бы он увидел выражение лица новой королевы, скрытое покрывалом. Сэйрел почувствовала, как Хела крепко сжала ее руку, стараясь успокоить. Служанка ответила стражу легким тоном, скрывая напряжение, которое наверняка испытывала.

— Глупая девчонка! Срок — уже три месяца, живот виден... А она не представляет, кто отец. Я слышала, что она дурочка, поэтому ложится со всеми, — игриво ответила Хела, толкая Сэйрел в плечо своим собственным. — Но ее мать — подруга моей, и я считаю, что обязана сделать все так, как нужно: отправить домой, пока о случившемся не узнал никто из высокопоставленных господ. Ты же сам знаешь, какие они.

Хела подмигнула ему, что он заметил даже сквозь густую вуаль. Стражник повернулся к Сэйрел:

— А со мной не согласишься по быстрому? — спросил он, дергая себя за ремень. — Если для тебя неважно, с кем...

На этот раз на месте застыла Хела. Если бы он только знал, с кем разговаривает!

— Гарт, прекрати! — сказала она, заставляя себя говорить легким и игривым тоном. — Нам нужно идти, пока совсем не стемнело.

— Ты моя должница, Хела. По возвращении можешь заплатить мне натурой.

— С радостью, Гарт. Ты мне всегда нравился.

Она легко поцеловала его в щеку, обещая совсем другую плату по возвращении, потом схватила Сэйрел за руку и потянула за собой. Девочка кипела от злости.

— Значит, Гарт? Я прикажу его повесить, когда все это закончится! — прошипела она.

— Тихо! — предупредила Хела. — Мы вышли из башни только благодаря ему. Он специально подменился, только чтобы сегодня стоять у тех дверей. У него нет высокого звания, нет денег, и он всего добился только своими силами. Ему приходилось много раз драться с другими стражниками. Гарт не знает страха — он слишком молод. Для него важны только женщины. Он любит чувствовать женское тело рядом со своим...

Сэйрел не ответила. Она почувствовала себя глупо из-за своего высокомерия. Девочка поняла, как рисковала Хела, которая давала взятки страже собственным телом, чтобы украдкой вывести ее из дворца. Несомненно, служанка готова пожертвовать собственной жизнью, чтобы защитить жизнь королевы.

Девушка молчала. Вскоре после того, как они покинули территорию дворца, Хела остановилась и огляделась. Потом она приложила руки к губам рупором и издала звук, напоминающий крик совы. Ей ответили точно также, и вскоре перед женщинами появилась темная тень — еще один мужчина.

— Мы должны следовать за ним, Сэйрел. Доверяй мне и делай то, что я говорю.

Они подошли к мужчине.

— Кто он? — прошептала Сэйрел.

— Определенно, не друг, но ему можно доверять, пока я не отдала кошелек.

— Мы в безопасности?

— Насколько это вообще возможно. А теперь молчи, — предупредила служанка. Они как раз оказались рядом с женщиной. — Я — Хела.

Он и бровью не повел.

— Где деньги? — хрипло проговорил мужчина. Сэйрел ничего не могла прочитать по его лицу.

— Сейчас отдам половину, как и договаривались, — твердо заявила Хела, опустила руку в карман, достала кошелек и протянула мужчине. Он его взял.

— Следуйте за мной, — велел он и повел их вниз по склону горы. Его совершенно не волновало, подвернут ли ноги или нет. Этот человек прекрасно знал местность и широкими шагами шел вперед. Женщины пытались не отставать.

— Без покрывала на голове было бы легче. А то из-за вуали плохо видно, — высказала Сэйрел очевидное.

— Нельзя показывать твое лицо, пока я не посчитаю это безопасным.

Хела удивилась, услышав смех Сэйрел.

— Хела, кипреанцы меня едва ли узнают. В последний раз я приезжала в столицу два года назад, еще ребенком, а на этот раз ты сама проследила, чтобы никто не стал свидетелем моего прибытия.

— Все правильно. Но я все равно за то, чтобы соблюдать все возможные меры предосторожности, — объявила служанка тоном, который запрещал продолжение пререканий.

Человек, имени которого они не знали, не разговаривая с женщинами, привел их к телеге спряженной лошадей. Он даже не помог им забраться в повозку. Не произнося ни слова, незнакомец довез королеву Кипреса и ее смелую служанку до причалов, осторожно объезжая центр города. Даже если он и знал о разворачивающихся там диких сценах, то не делился слухами. Хела просто радовалась, что дворец остался далеко позади, и самые опасные моменты они уже пережили. Теперь требовалось лишь уехать как можно дальше от Кипреса. Она надеялась, что у Сэйрел все в порядке со здоровьем, ведь морское путешествие в это время года не предвещает ничего хорошего.

— Подождите, — сказал мужчина и оставил их стоять на пустом причале.

Рядом скрипел небольшой галеон, мягко покачиваясь на волнах. Женщины рассмотрели его название, написанное золотыми буквами на боку — «Ворон».

— Пора снять вуали, Сэйрел. Нам вскоре предстоит стать женщинами Таллинора.

Хела смотрела, как королева ей подчиняется, и сама также сбросила покрывало с головы, затем свернула черные куски ткани и затолкала за какие-то ящики.

— Вот и отлично, — сказала служанка веселым тоном, снова задумываясь, куда и к чему она везет эту юную женщину.

Мужчина вернулся.

— Следуйте за мной, — велел он.

Они осторожно пошли за ним, а потом ступили на крутые сходы, поддерживая друг друга. За ними наблюдало несколько человек, и Хела порадовалась, что Сэйрел высоко держит голову, а ее лицо ничего не выражает. Надменность исчезла. Королева, убегающая из собственного города, не могла позволить себе быть высокомерной. Теперь им требовались эти люди, они помогут им уйти, и поведение пассажиров имело большое значение. Служанка попробовала легко улыбнуться одному из мужчин, но он тут же отвернулся. Пираты... Они умели хранить секреты и не завязывали отношений ни с кем, кто им не требовался. Отлично, это очень подходило двум беглянкам. Они поплывут инкогнито, что и требуется.

Мужчина постучал в какую-то дверь, открыл ее и жестом показал женщинам, чтобы заходили. Сам он к ним не присоединился. Хела кивнула Сэйрел, и они обе шагнули внутрь. Зрелище поразило их. Обе ожидали увидеть каюту пиратского капитана, но никак не то, что представилось их взорам. Еще один мужчина появился из-за сатиновой перегородки, у него с бороды капала вода. Юная королева слегка дернулась при виде пустой глазницы.

— О-о, простите меня, дамы, — он быстро прикрыл неприятное зрелище черной

повязкой, но не стал к ним приближаться. — Я приводил себя в порядок к вашему появлению.

Пират улыбнулся, и его израненное лицо сразу же преобразилось. Оно излучало тепло. Теперь этот человек все же шагнул к ним.

— Позвольте приветствовать вас на борту «Ворона». Я — капитан корабля, Янус Квист, — он учтиво поклонился.

= Вы очень добры, капитан Квист, — ответила Хела за них обоих, почувствовав облегчение. Квист повернулся к Сэйрел.

— Ваше величество, — приветствовал он девушку, на этот раз с настоящим благоговением, потом снова низко поклонился.

Хела недоумевала.

— Но... как вы можете это знать?

Капитан попытался скрыть улыбку, но она все равно появилась на его обветренном лице. Ему было забавно.

— Госпожа, я обязан знать, кто ступает на борт моего корабля.

— Но я скрывала, кто мы, ото всех! Даже стражник во дворце ничего не знал о ней. — Хела бросила быстрый взгляд на королеву.

— Охотно верю, но у меня есть глаза и уши по всему Кипресу, и даже во дворце, — сказал он бесхитростно. — Пожалуйста, присаживайтесь. Давайте побеседуем за бокалом лучшего вина из Нима.

Хела чувствовала себя немного неуютно, но пират вел себя очень достойно и исключительно вежливо. Сэйрел уселась первой и кивнула. Внезапно создалось впечатление, будто в каюте появилась прежняя королева. Капитан снова поклонился.

— Помочь вам, Ваше величество, — честь для нас. Ваша мать — пусть боги ведут ее к Свету — была великой монархиней и однажды сделала для меня очень доброе дело. Помогая вам, Ваше величество, я, возможно, смогу оплатить тот долг.

— Спасибо, — поблагодарила Сэйрел. — Пожалуйста, садитесь.

Наконец Хела и Квист присоединились к ней. В дверь постучали, и появился стройный молодой человек с подносом. Капитан кивнул:

— Могу ли я предложить вам вина, Ваше величество?

Хела уже собиралась ответить по привычке, но закрыла рот, поймав на себе взгляд Сэйрел. Ребенок вырос, здесь сидела королева.

— Я буду очень рада выпить вина с вами, капитан Квист, — сказала она ровным тоном, тщательно подбирая слова.

Молодой человек с подносом подошел поближе. Капитан жестом предложил Сэйрел выбрать кубок.

— Ваше величество, я хотел бы представить моего шурина Локлина... Локки. Он обеспечит вашу безопасность и комфорт на борту «Ворона».

Сэйрел тут же посмотрела в темные глаза, которые в свою очередь разглядывали ее. У нее перехватило дыхание, но она быстро взяла себя в руки.

— Вы — тот самый Локлин, который рискнул Поцелуем Серебристой Девы?

— Да, Ваше величество. — Он покраснел.

— Вы действительно смелый молодой человек. Мне очень жаль, что я не присутствовала на той церемонии и не смогла восхититься вашим мужеством, — произнесла она мягко.

Хела удивилась, что Сэйрел вообще про это знает. Квист откашлялся.

— Локки повезло, Ваше величество, ему удалось сохранить жизнь.

— Дева подтвердила мою правоту, — тихо добавил Локки, потом быстро шагнул к Хеле и предложил ей кубок вина.

Сэйрел следила за ним взглядом, и внимательная Хела этого не упустила.

— Ну, давайте выпьем за удачные побеги, — предложил капитан и поднял кубок. На его некрасивых губах играла улыбка.

— За удачные побеги, — ответили все, и Сэйрел улыбнулась Локки, глядя на него поверх кубка.

## Глава 5

### Секрет короля

Далеко от Чужестранных островов, на юго-востоке Таллинора, королева оплакивала мужа. Ей удалось достойно пережить самый тяжелый из всех дней, сдерживать слезы, не демонстрировать свою горечь, держать под контролем чувства, пока она, наконец, не смогла выплеснуть их наружу. Джил не терял времени, и уже полудюжина посыльных неслись галопом по Таллинору — на север, юг, восток и запад страны. Они делали остановки только для смены лошадей. Гонцы будут всю ночь скакать к своим целям, чтобы сообщить о смерти короля Лориса.

Элисса ожидала, что монархи всех соседних государств придут на похороны, включая королеву Кипреса, ради которой погребение отнесли на еще более позднюю дату. Знаменитая королева Сильвен жила дальше всех, но Элисса считала, что она отдаст долг покойному Лорису и народу Таллинора. А пока, несмотря на усталость, Херек отправил сообщения всем господам благородного происхождения.

Новость о смерти короля еще не распространилась по всему городу, но теперь это произойдет очень быстро, а потом все станет известно и в провинции. Элиссе требовалось, чтобы зная собралась прямо с утра, и вопрос престолонаследования решился без отсрочек.

Королева сделала все, что могла. Теперь она могла одна побыть с Лорисом, и радовалась, что Джил с Саксоном освободили часовню от других посетителей, чтобы ей никто не мешал. Завтра это место будет гудеть, как улей. Тело короля омоют и подготовят для прощания. Дворец также будет должным образом оформлен в соответствующих тонах, и полностью погрузится в траур. Несчастная старая повариха, вероятно, уже разводит огонь для подготовки поминальной трапезы, которую тоже организует Джил.

Продумав все вопросы до мелочей, как было ей свойственно, Элисса позволила себе снять пурпурное сатиновое покрывало с почти обнаженного тела человека, которого так сильно любила. Лицо его осталось нетронутым... Казалось, что Лорис нашел успокоение в смерти, это отразилось на его лице. Однако его тело рассказывало совсем другую историю. Оно было сильно обожжено, особенно пострадало одно место на груди, которое жутко почернело и сжалось. Все волосы на сильных руках оказались опалены. «Он умер сразу же, даже до того, как упал на землю, — вспомнила она описание Херека. — Он не страдал». Но Лорис знал, что умрет. Муж понял, что получил предзнаменование.

Теперь Элисса поняла часть слов первого посыльного. Это было личное послание короля только для ее ушей. Она вспомнила, как прискакал совершенно мокрый и изможденный солдат, который обогнал грозу и добрался до Тала. Королева сама подала ему горячий бульон, вставила чашку в холодные пальцы и слушала личное послание мужа.

— Ваше величество, вот его слова: «Прости меня, моя любовь, за то, что покидаю тебя. Найди свой народ. Освободи их. Спаси Таллинору».

Она с любопытством смотрела на посыльного, не понимая сказанного. Он тоже пожал плечами, на мгновение забыв, что находится в присутствии монархини.

Королева нахмурилась в непонимании.

— И это все, что он сказал?

Посыльный кивнул.

— Как раз перед тем, как выбрать эти слова, Ваше величество, он сказал мне, что начал мечтать. Потом он произнес это послание и заявил, что вы все поймете.

— Спасибо, Хос. Теперь лучше отдохнуть... И еще раз спасибо за то, что принесенную в такую погоду весть. Я уверена — это достойно награды короля Лориса.

Солдат кивнул и ушел, а она осталась со своими мыслями. Что имел в виду Лорис? Послание было зашифровано. Теперь она лучше понимала первую часть. Муж словно

предвидел собственную смерть. Но найти ее народ? Какое странное выражение! Ведь ее народ — это народ Таллинора! Освободить их? Ничто из этого не имело смысла. Да, конечно, она думала о спасении страны после появления Тора Гинта, возвращение которого в ее жизнь разрывало ей сердце. Но мог ли Лорис предвидеть появление Орлака? Маловероятно. Однако он упомянул, что начал мечтать, а значит, все возможно. Не исключено, что и ему явилась эта отвратительная Лисе. С ней возможно все, что угодно.

Элисса подтянула пурпурное покрывало до шеи короля, чтобы видеть лишь его красивое лицо и больше не смотреть на изуродованную грудь. А раньше она так любила прижиматься щекой к этой груди. Теперь по ее щеке скатилась первая слеза, и стала началом потока, который прольется этой ночью. Элисса начинала осознавать, что означает смерть Лориса, и шит, который она воздвигла вокруг себя днем, начал разрушаться.

Она рыдала молча, утирала слезы, и вскоре платок полностью промок. Женщина тщетно пыталась утирать щеки, которые опять покрывались слезами.

Когда рыдания, наконец, прекратились, королева обратила внимание, что свечи догорели. Прошло уже несколько часов. Все это время она прижималась к телу мужа. Но за часы, проведенные в печали, ее мысли кристаллизовались. Элисса решила, что боги наказывают ее. Она пережила смерть мужа и ребенка, которые потом вернулись к ней из Тьмы. Затем мужчина, которого она сильно полюбила, вместе с которым начала строить новую жизнь, умер. Он теперь лежит перед ней. Слишком много горя для одного человека. Тем не менее, решимость усилилась. Королева теперь знала, как должна поступить.

Элисса шепотом обратилась к духу Лориса, где бы тот ни находился. Она надеялась, что он задержался достаточно долго, чтобы услышать ее слова.

— Теперь ты можешь присоединиться к Найрии, мой любимый. Она тебя ждет. Я рада, что ваши сердца снова соединятся. Я очень сильно тебя любила. Надеюсь, что ты знаешь это.

Королева наклонилась и поцеловала холодные, застывшие губы мужа.

— Пусть Свет хранит тебя, — сказала она и покрыла его красивое лицо пурпурным покрывалом.

\* \* \*

Джил помнил, что столь же ужасная тишина воцарилась во дворце после смерти королевы Найрии. Тогда ему удалось сбежать — он вместе с Хереком и частью отряда «Щит» отправился в предгорья. Но на этот раз исчезнуть не удастся. На сей раз на него были возложены обязанности, и он не подведет мать. Она полагалась на него и ожидала, что он разберется со всеми формальностями, окружающими погребение короля. Спасибо Свету, что есть Ролинд, который ему помогает. Этот спокойный человек все делал правильно и размеренно, в отличие от большинства обитателей дворца. Люди словно бы оказались в тупике, включая его самого, в головах все путалось, они не знали, за что браться.

Он сильно любил короля. Почему-то Джилу всегда хотелось найти способ сказать Лорису, как-то объяснить, что это не просто слепая любовь подданного. Нет, он по-настоящему любил его, как человека. Юноша часто замечал, что король наблюдает за ним. Иногда монарх посещал тренировки во дворе и громко аплодировал ему. Молодой человек на самом деле регулярно побеждал всех в поединках.

Джил понимал, что именно король придумал новую должность помощника прайм-офицера. Об этом ему сказала мать. Как объяснила Элисса, монарх хотел, чтобы Херек подготовил юношу к самой высшей должности.

От этого Джил выпячивал грудь и очень гордился собой. Он не подведет своего властителя. После того, как мать вышла замуж за Лориса, он чувствовал духовную близость с монархом.

Джил пользовался каждой возможностью сопровождать короля во время утренних выездов на лошадях по окрестным полям. Лорис начинал так каждое утро.

Молодому человеку тоже очень нравились эти конные прогулки. Во многих случаях

они отправлялись вдвоем. Помощник прайм-офицера выступал в роли единственного телохранителя. Это были лучшие минуты в жизни Джила, потому что тогда они с королем оказывались рядом, и не требовалось ни с кем делить его общество. Они всегда подолгу разговаривали во время прогулок — почти как отец и сын. Лорис просил его рассказать о раннем детстве и настоящей матери, Марриэн. Он обещал, что все, о чем они говорят, останется между ними. В других случаях они разговаривали об управлении государством, о том, как эффективно править и завоевать уважение и верность подданных.

Джилу очень нравились рассказы о старом короле Мorte и отце Лориса, Оркиде, о том, как благодаря им Таллинодер одержал, наконец, победу в кровопролитной войне.

Эти совместные конные прогулки вошли в привычку. Элисса советовала Джилу проводить как можно больше времени с королем и всячески тому способствовала, что было несложно. Ему действительно нравилось общество Лориса, и он с ностальгией вспоминал многочисленные случаи, когда они над чем-то вместе смеялись. Этого общения ему будет очень не хватать.

Все другие подданные потеряли владыку, но Джил чувствовал, что он лишился друга, человека, на которого он смотрел так, как обычно смотрят на отца... отца, которого у него никогда не было. Юноша часто думал, как сложилась бы его жизнь, если бы у него был настоящий отец. Молодой человек решил для себя, что отношения были бы подобны тем, что сложились с Лорисом. По крайней мере, он сам испытывал бы подобные чувства. Конечно, об этом нельзя сказать вслух, даже королеве.

А с кем он теперь будет ездить на лошади по утрам? Джил знал, что пользуется популярностью среди солдат, которыми командует, и они ему преданы. Он также представлял, что не менее популярен и среди придворных дам. Юноше уже удалось ловко вывернуться из щекотливой ситуации. Он получил лестное предложение о вступлении в брак с дочерью одного из богатых господ благородного происхождения. Этот господин хотел воспользоваться преимуществами, которые ему дало бы родство с помощником прайм-офицера. Но юноша понимал, что настоящих друзей, кроме короля, у него нет. Он был близок с Саксоном, но у клука имелись свои странности. Тот часто уходил в себя и, казалось, что только королева способна дотянуться до Саксона в такие минуты. Джил любил Саксона, но, по правде говоря, был гораздо ближе к Лорису.

Он не мог назвать подругой ни одной девушки. Ни одна не вызывала у него достаточного возбуждения. Отношения с женщинами даже близко не подходили к тому, что называется любовью. Если взглянуть на жизнь объективно, Джил был вынужден признать, что является одиночкой. Именно поэтому он теперь чувствовал такую отстраненность от других. Не к кому было обратиться, кроме матери. А сама Элисса пребывала в глубокой печали.

Джил вышел в закрытый королевский сад. Этот красивый сад, окруженный стеной, король построил для Элиссы в виде свадебного подарка. Она всегда могла рассчитывать на полное уединение там. Если ему требовалось общество матери, и он нигде не мог ее найти, то следовало отправляться сюда. Он всегда находил здесь королеву. Она или читала, вдыхая аромат магнолий, или писала что-либо, сидя на скамье среди лаванды и трав, которые так любила. Юноша, возможно, впервые оценил преимущество доступа в этот сад, куда без согласия Элиссы не имел права заходить никто, кроме его самого, Саксона, Саллементро и короля. Молодой человек еще не проронил ни одной слезы, оплакивая Лориса... А этот сад был тихим местом, где он сможет спокойно посидеть и подумать о жизни без старшего друга.

Джил уселся под яблоней и закрыл лицо руками. Сразу же на глаза навернулись слезы.

— Прости... Прости, я уйду, — послышался тихий голос.

Юноша узнал голос Лаурин.

Он поднял голову, окруженный роскошными розами, которые разводила его мать, и увидел прекрасное лицо Лаурин — так похожее на лицо Элиссы. Девушка смотрела на него с беспокойством, потом отступила на шаг.

— Мне было так неуютно во дворце, — сказала она. — Я решила сбежать сюда, но ты ищешь уединения, поэтому я уйду.

Джил ничего не сказал, неотрывно глядя в огромные серо-зеленые глаза, которые точно также смотрели на него. Лаурин стало неуютно от его взгляда.

— Джил, прости меня. И мне очень-очень жаль короля. Вы были близки? Я имею в виду... Я догадываюсь, что ты, вероятно, очень хорошо его знал, поскольку наша мать была за ним замужем... ну и все такое.

Она замолчала, поняв, что несет какую-то чушь. Юноша был обезоруживающе красив, особенно, когда отбрасывал наносную надменность. Лаурин видела его уязвимость.

— Прости, Джил, за то, что помешала тебе. Ты хочешь побыть один.

Она легко улыбнулась и тихими шагами пошла прочь.

— Лаурин! — позвал он и обрадовался, когда она повернулась. — Я и в самом деле буду рад, если ты составишь мне компанию.

— Ты уверен? — с сомнением спросила она.

Он кивнул и похлопал по земле рядом с собой.

— Я буду благодарен, если ты ненадолго ко мне присоединишься. А где твой брат?

Лаурин робко села на скамью рядом, игнорируя искушающее предложение сестры рядом с юношей.

— Я останусь на несколько минут, если хочешь, — она улыбнулась, а он вспомнил их первую встречу. Лаурин выглядела восхитительно, когда позволяла этой улыбке освещать все лицо. В глазах тут же начинали плясать искорки. — Гидеон отправился на прогулку. Он хотел бы поехать в путешествие с нашим отцом, но я думаю, что он уже привязался и к королеве и намерен утешить ее, — просто не знает, как это сделать. Он очень чувствительный.

— Не такой, как ты?

— Я едва знаю Гидеона, тем не менее, мы чувствуем поразительную близость. Да, я на самом деле считаю, что я жестче, не такая эмоциональная. Я думаю, что он показывает свои эмоции, а я научилась их скрывать... — Она пожала плечами.

Джил улыбнулся и удивился сам себе.

— О-о, я думаю, что ты такая же упрямая, как дикие кабаны в лесу.

Лаурин поморщилась:

— Спасибо за комплимент!

— Ну, я могу судить только по нашей первой встрече.

— Я была испугана, Джил. Ты же слышал нашу историю. Хотя все это может казаться тебе невероятным, но это правда. Я сама едва ли это понимаю.

Он покачал головой:

— Никто никогда в такое не поверит.

— Да, наверное, ты прав, — согласилась девушка. — Но от этого история не становится менее правдивой.

— Расскажи мне свою историю, Лаурин.

— Нет. Ты и так уже знаешь обо мне достаточно. Как насчет того, чтобы рассказать о себе?

— Хорошо, — кивнул Джил, распрямился и закрыл глаза, раздумывая, с чего начать.

У Лаурин перехватило дыхание. «Какой красивый молодой человек!» — подумала она, когда Джил начал свой рассказ. Он уступал в росте Гидеону и ее отцу, но они были выше, чем кто-либо, кого девушка знала. Джил отличали широкие плечи и узкие бедра, одевался он просто, что не могло не понравиться. Даже за то короткое время, которое Лаурин провела во дворце, девушка обратила внимание: многие из живущих здесь предпочитают яркие вычурные одежды. Она задумалась над тем, как любил одеваться король. Тоже ярко — или нет? Она с радостью отметила, что Саксон и ее мать предпочитают простоту во всем. Но, с другой стороны, для женщины, которая выглядит, как Элисса, не требуется никаких украшений. Джил, очевидно, предпочитал форму простого солдата, даже если и ходил в

любимчиках у королевы. Тем не менее, его одежда, несмотря на простоту, была хорошо сшита и великолепно сидела на нем.

— ... И меня нашли на следующее утро, прикованного цепями к воротам. Если бы не королева Найрия, то я, наверное, получил бы пинок под зад и никогда бы не попал во дворец. Вместо этого меня передали заботам нашей матери, Элиссе, которая в то время была лишь служанкой во дворце.

Лаурин кивнула. Ей не хотелось его прерывать, нравилось слушать его голос. В нем звучали легкое сожаление, тоска и мечтательность, которые она сама часто чувствовала. Джил рассказывал о том, как рос во дворце, а девушка стала внимательно следить за его лицом.

У него была квадратная челюсть, прямой нос и темно-зеленые глаза. Симметричное лицо обрамляли темные, слегка вьющиеся волосы, которые Джил коротко стриг, хотя мужчины в Тале носили длинные волосы, которые завязывали в хвост сзади. Больше всего в нем привлекали длинные ресницы. Лаурин задумалась, сколько раз ему приходилось слышать шутки других солдат из-за этих ресниц. Когда он смеялся, становились видны маленькие ровные зубы, но девушка решила, что теперь его смех будет звучать нечасто. Казалось, что вес новой должности задавил молодого беззаботного парня, которым он был прежде. Теперь от него требовалась серьезность.

— Тебе нужно больше смеяться, Джил, — она не хотела раскрывать свои мысли, но слова будто сами по себе вырвались изо рта.

— Прости?

Лаурин смутилась, но продолжила:

— Ты очень серьезно к себе относишься.

— Правда? — спросил он. По тону юноши можно было догадаться, что он совсем не польщен ее словами. — Странное заявление для человека, который находится в Тале меньше суток и едва ли меня знает. Что тебе известно о моей жизни, Лаурин? О моих обязанностях? Тебе не приходило в голову, как трудно человеку после того, как он внезапно слышит о существовании сводных братьев и сестры? Каково это — узнать, что теперь вынужден делить свою мать с двумя, нет, с тремя другими детьми?

Лаурин чувствовала себя глупо. Конечно, он был прав.

— Я просто имела в виду, что если ты немножко расслабишься... не будешь напряжен постоянно...

— Ты не знаешь, каков я. Ты провела со мной совсем немного времени, и при весьма мрачных обстоятельствах, — он встал. — А теперь извини, мне нужно заниматься организацией похорон. Прости мне мой длинный язык.

Он ушел прочь, а Лаурин тихо добавила:

— Я просто имела в виду, что у тебя прекрасная улыбка, на которую очень приятно смотреть.

Но, вероятно, Джил ее не услышал. Девушка не видела его до следующего дня. К тому времени ситуация очень сильно изменилась.

\* \* \*

Королева Таллинора Элисса появилась в тронном зале дворца в Тале вскоре после восхода солнца. Она нисколько не удивилась, заметив, что зал уже полон народу. Это были знакомые лица, почти всех можно назвать друзьями. Королева завоевала их доверие после вступления в брак с Лорисом.

Люди выглядели усталыми из-за того, что рано встали. Многие казались потрясенными и не могли поверить, что их король, еще относительно молодой, теперь неподвижно лежит на мраморной плите. И если Элиссе не удивило их появление в ответ на ее просьбу, то они, в свою очередь, определенно удивились тому, как держалась молодая женщина. Они никогда не сомневались в ее верности и любви к королю и ожидали истерики после такой

трагической потери вскоре после женитьбы. Эти аристократы не думали ни о столь срочном вызове, ни об ее твердости. Королева вела себя очень достойно, принимая их приветствия, которые произносились тихими голосами.

Элисса заметила Джила, Херека и Саксона, которые стояли по одну сторону от трона. Эту троицу знали все собравшиеся и не возражали против их присутствия. Элисса же была благодарна им за ободряющие кивки. Правда, она точно знала, что Джил не понимает, чего она хочет добиться этим утром. Королева сама сожалела, что раньше не сообщила ему то, что собиралась объявить теперь.

Элисса также попросила присутствовать Лаурин и Гидеона, и теперь заметила их в задней части зала, они почти спрятались под небольшой аркой. Дети не представляли, что здесь делают, а их не знал почти никто из собравшихся в тронном зале.

Элисса кивнула подданным:

— Пожалуйста, садитесь, господа.

Послышался скрип стульев, их двигали по плиткам пола, кто-то кашлял, прочищая горло. Когда все успокоились и затихли, королева обвела зал взглядом, преднамеренно останавливая его на некоторых из пришедших. Это были представители старой знати. Они оказались крепкими орешками, но большинство, в конце концов, поддались ее чарам. Теперь ей требовалась их поддержка. Аристократы должны быть преданы ее делу до конца.

Королева заговорила четким и громким голосом, радуясь, что он не дрожит.

— Спасибо, что вы пришли в этот ранний час в сложившихся обстоятельствах. Для тех, кто хочет услышать новость от меня, сообщаю: король Таллинора Лорис скончался от удара молнии, которая попала в него прошлой ночью. Прайм-офицер Херек находился вместе с ним во время удара молнии. Он заверил меня, что король умер мгновенно. Он не мучился.

Элисса сделала паузу. Послышался шепот, как часто случалось в тронном зале, но он быстро стих. Женщина заговорила снова, руки у нее покрылись испариной, в груди все сжалось. Она нервничала, предчувствуя реакцию знати на то, что собиралась объявить. Но теперь слишком поздно поворачивать назад. Это должно быть сделано.

— По законам Таллинора трон переходит наследнику.

Я не собираюсь претендовать на правление государством, как королева, жена Лориса.

Она заметила облегчение на лицах многих из старших представителей знати. Значит, они пришли, ожидая, что королева изменит законы. На самом деле, Элисса приготовила для них гораздо больший сюрприз.

— Как вы все знаете, король Лорис и королева Найрия не произвели на свет наследника, — теперь в ее голосе звучало сожаление. — У нас с Лорисом просто не было на это времени.

Она надеялась, что от этих слов угрюмое настроение чуть-чуть развеется, но никто даже не улыбнулся.

Вот и наступил важный момент. Элисса повернула голову вправо, где стоял Ролинд со скатанным пергаментом.

— Я хочу представить вам документ, написанный рукой короля. Я прошу трех из самых старших представителей высшего сословия подтвердить, что он действительно написан рукой короля Таллинора Лориса.

Она почувствовала, как у нее дрожат плечи, и приложила усилия, чтобы взять себя в руки. Элисса не должна допустить сейчас провала.

В зале опять поднялся шум. Собравшиеся стали переговариваться и что-то обсуждать. Королева заговорила еще громче, чтобы их перекричать.

— Сэр Дин, пожалуйста, подтвердите, что этот документ написан рукой нашего короля Лориса.

Седовласый мужчина с юго-запада надел монокль и внимательно посмотрел на пергамент, затем поднял голову и кивнул:

— Да, я готов подтвердить это.

— Спасибо, сэр Дин. Сэр Гайлс, пожалуйста.

Еще один пожилой мужчина, на этот раз с севера, не менее внимательно изучил документ и кивнул:

— Я много раз видел почерк короля Лориса. Это написано его рукой.

— Благодарю вас, сэр Гайлс. Лорд Айерс, я хотела бы, чтобы и вы это подтвердили.

Богатый господин благородного происхождения с запада, самый влиятельный из трех, взял пергамент в руки и посмотрел на написанное:

— Я готов поклясться, что это написано рукой Лориса.

Пергамент вернули Ролинду, который прошел к месту на возвышении, где находилась королева. Теперь она достала из рукава церемониального платья еще один пергамент.

— Этот текст был написан королем Лорисом в день нашего бракосочетания. Его подписали он сам и я при свидетелях — советнике короля Корине и Поварихе.

В зале снова началось оживленное обсуждение услышанного. Элисса подняла руку, призывая к тишине.

— Я понимаю, что выбор Поварихи не очень обычен, но ее знаете вы все, ее все любят, и она очень давно работает во дворце. Многие даже не помнят дворца без нее. Она — доверенная служанка, и ее подпись — это важное свидетельство подлинности документа, который ей зачитал сам король. Видите ли, Повариха не умеет читать, но она выслушала прочитанное ей в присутствии Корина и меня самой перед тем, как поставить подпись. Лорд Айерс, вы — старший представитель знати в этом зале, и вы были близки с моим мужем. Могу ли я попросить вас зачитать этот документ вслух для всех собравшихся?

Лорд прошел к возвышению и взял предложенный королевой пергамент.

— Ваше величество, это очень необычно...

— И обстоятельства самые необычные, лорд Айерс. Пожалуйста, начинайте, — подбодрила она его.

Лорд поднялся на возвышение, повернулся к собравшимся, развернул пергамент и слегка прищурился:

— Да, это почерк короля, все правильно.

Он посмотрел на Элиссу, которая мягко улыбнулась и кивнула. Лорд Айерс начал читать.

— «Я, король Таллинора Лорис, делаю это заявление в присутствии своей новой жены, королевы Элиссандры Квин, Лайла Корина и Бетси Чарлик, доверенных слуг. Если это заявление читают моим верным подданным, то это значит, что я уже отправился к Свету. Я должен попросить вас доверять решению моей королевы, которая решила сделать этот документ достоянием общества, и прошу прощения у тех, кто будет поражен этим заявлением.

Последние шестнадцать лет я хранил ужасную тайну после неблагодарного поступка, совершенного во время моего брака с королевой Найрией. Об этом знали только два человека во дворце. Оба они, лекарь Меркуд и прайм-офицер Кайрус, унесли тайну с собой в могилу. Оба помогли мне ее защищать, но после моей смерти я должен поделиться тайной с Королевством, которое люблю, и моим народом, которому служил».

Элисса почувствовала ком в горле. Она заставила себя сглотнуть, нужно было еще чуть-чуть продержаться и не сломаться. Лорд Айерс продолжил чтение после того, как голоса в зале снова стихли:

— «Я, король Таллинора Лорис, стал отцом сына женщины из Олдгейта, которая в дальнейшем жила в Уиттоне. Наш сын родился после единственной короткой встречи. Я более никогда не разговаривал с ней и даже не слышал о ней. Лекарь Меркуд следил, чтобы ребенок получил образование и должный уход. После моей смерти трон Таллинора должен перейти к нему, поскольку он единственный, кто является продолжателем династии старого короля Морта».

В тронном зале послышались крики, приглушившие голос лорда Айерса. У Элиссы от нервов кружилась голова. Королева не представляла, что будет после объявления нового короля Таллинора. Рядом с ней оказался Джил, который хотел ей хоть как-то помочь. Она

услышала его голос среди всего шума:

— Мама?

— Со мной все в порядке, Джил. Просто нервы. — Она очень внимательно посмотрела на него. — Прости меня, сын.

Он не понял, что Элисса имеет в виду. Молодой человек просто смотрел ей в глаза и пытался понять, за что она извиняется.

Джила тоже шокировало откровение. Он обводил взглядом зал и гадал, кто же из молодых господ благородного происхождения станет следующим королем. Лорд Айерс заставил всех успокоиться, требуя тишины, пока он не закончит чтение этого полного драматизма заявления короля. Наконец, в зале воцарилась тишина.

— «То, что вычитаете этот документ в тронном зале, означает, что я не нашел в себе смелости публично признаться сыну, что я его отец. Он находится среди вас, и я прошу у него прощения и надеюсь, что он поймет: я любил его на расстоянии, хотя у меня никогда не было возможности сказать ему об этом.

Я прошу всех представителей высшего сословия Таллинора собраться и поклясться в верности и поддерживать нового монарха Таллинора, короля Джилла из Уиттона».

Шок охватил всех, собравшихся в зале, и быстро перекинулся в остальную часть дворца. Новость распространялась с такой же скоростью, как летела молния, которая ударила по предыдущему королю.

Слово было сказано. Элисса почувствовала огромное облегчение и выскользнула из объятий Джилла, чтобы встать на колени.

— Да здравствует король Джил! — произнесла она громким и твердым голосом.

Ее слова подхватили другие люди, повторяя их снова и снова, подтверждая провозглашение нового короля. Они падали на колени, пока не остались стоять лишь трое. Херек был шокирован, как и все в зале, и опустил на колени перед новым королем только после того, как Саксон потянул его за руку.

И теперь на ногах остался только один Джил, который боролся со страхом и тошнотой. На глаза наворачивались слезы, он пытался их остановить. Его охватило ощущение предательства и потери.

В большом зале внезапно воцарилась тишина. Джил огляделся с еще большим смятением, чем прайм-офицер, потом почувствовал взгляд матери и посмотрел вниз на нее, стоящую на коленях... Стоящую на коленях! О, Свет!

Он наклонился, едва ли в состоянии связно мыслить.

— Вы знали? И держали это в тайне от меня?

Ее охватил ужас. Королева боялась, что, возможно, потеряет сына.

— Мы хотели сказать. Но король погиб до того, как мы смогли это сделать. — Слова прозвучали глупо для нее.

Юноша ощущал нарастающую ярость. Его отец — король. Сколько раз этот человек мог его обнять и назвать сыном! Джил, который всегда держал себя в руках, почувствовал, как выходит из себя.

То ли ему повезло, то ли так было предначертано судьбой — но взгляд, которым он обводил тронный зал, остановился на Лаурин. Она прямо смотрела на него серо-зелеными глазами. Именно эти глаза не дали выплеснуться поднимающейся ярости, и он вспомнил ее слова, которые слышал прежде. Тогда, после того, как она сказала о его улыбке, о том, как на нее приятно смотреть, Джил почувствовал странное приятное ощущение и какой-то душевный подъем. Теперь совсем не хотелось улыбаться, но в этой девушке было что-то разоружающее. При взгляде в эти глаза ему стало спокойно, а Лаурин слегка кивнула. Это было извинение за ее прежнюю дерзость и самонадеянность.

Внезапно Джил понял, что все присутствующие еще стоят на коленях и ждут.

— Пожалуйста, встаньте, мама, прошу вас, — прошептал он.

Теперь Элисса смотрела ему прямо в глаза и умоляла его глазами.

— Ты должен вначале это принять. Подтверди, что становишься монархом, сын.

Джил тут же посмотрел на Саксона, который украдкой поглядывал на него. Клык медленно кивнул.

Теперь в тронном зале стояла глубокая тишина, которая давила на молодого человека. В груди судорожно стучало сердце. Он должен что-то сказать, все ждали его слов. С печалью и неверием Джил разберется позднее. Теперь пришло время выполнить свое предназначение — то, что уготовано ему судьбой.

Он даже не стал откашливаться. Голос звучал ровно и сильно, как и должен звучать голос монарха. Джил был рад, что в эти важнейшие минуты его ум работал очень четко, а язык произносил как раз те слова, которые требовалось.

— Я прошу королеву-мать стоять рядом со мной, когда я приму мантию для правления Королевством. Прошу вас всех, верные граждане Таллинора, встать и подтвердить вместе с вашим новым монархом начало новой эры для нашей державы.

Джил улыбнулся, и эта улыбка предназначалась Лаурин. Он светился гордостью и ощущал, что его нашла судьба.

— Слава Таллинору! — громко крикнул монарх своим новым подданным.

Собравшиеся эхом повторили эти слова с той же силой и гордостью:

— Слава Таллинору! Да здравствует король Таллинора Джил!

## **Глава 6**

### **Новый гость во дворце**

Орлак стоял перед воротами дворца в Кипресе и восхищался их красотой. Он слышал, как солдаты собираются в главном дворе, а командиры выкрикивают приказы. Новость о его появлении уже распространилась, как и о совершенных им ужасных поступках.

Но Орлак не торопился. Вместо этого он с наслаждением рассматривал шпили дворца, подняв голову вверх и не обращая внимания на испуганных людей.

Наконец, к нему из-за ворот обратился один человек. Орлак предположил, что это старший офицер, и опустил взгляд, чтобы рассмотреть его.

— Кто вы? — спросил мужчина весьма неучтиво. Что ж, пусть будет так.

— Меня зовут Орлак.

Это ничего не значило для человека, хотя у него на лице был написан страх. Пришелец подумал, что этот человек, наверное, гадает, когда начнет истекать кровью.

— Уходите немедленно, и тогда сохраните себе жизнь, — сказал офицер. Правда, приказ прозвучал не слишком уверенно.

— А в противном случае? — поинтересовался Орлак. Он спросил это тоном по-настоящему заинтересованного человека, в глазах не появилось ни искорки доброты. Возможно, никакого «противного случая» не предусматривалось.

Военный моргнул в замешательстве. Его спас другой, гораздо старше, который теперь оказался в поле зрения Орлака и ровным голосом ответил ему:

— Или мы будем вынуждены вас убить.

Орлак запретил себе ухмыляться, призвал Цвета и почувствовал, как Доргрил ерзает в предвкушении развлечений. Носитель ненавидел засевшего внутри него бога и пообещал себе, что найдет способ его уничтожить. Но пока он сделает все, что только может, чтобы не приносить удовольствия садисту.

Удерживая гневный взгляд офицера, молодой бог прижался к створке ворот, задержался около нее едва ли на секунду, а потом чудесным образом прошел насквозь. Создавалось ощущение, будто у него совсем нет тела. Орлак появился целым и невредимым перед двумя не верящими своим глазам старшими офицерами. Ему было забавно наблюдать, как все солдаты за их спинами одновременно бросили оружие в благоговейном страхе перед невероятным, свидетелем которого стали.

— Думаю, что для одного вечера было достаточно кровопролития. А вы как считаете? — спросил Орлак у старшего по возрасту офицера.

Тот не смог ответить. Рот у него пару раз открывался, но из него не вылетело ни звука. Орлак резко кивнул.

— Я рад, что вы со мной согласны. — Он прошел мимо человека, но тут же опять повернулся:

— Ваше имя?

Пораженный офицер нашел в себе силы ответить.

— Бенсин, — выдавил он.

— Спасибо, Бенсин. Распустите солдат и приходите во дворец со старшими офицерами для представления.

Орлак пошел прочь, довольный разочарованием сидевшего внутри него Доргрила.

«Ты слишком мягок, племянник. Такая мягкость может пойти во вред делу».

«Я сам решу, как применять силу, Доргрил».

Старший бог придержал язык.

Внутри дворца придворные и слуги пребывали в крайнем возбуждении. Никто никогда не заходил во дворец так, как зашел этот человек, который уверенными широкими шагами следовал по прекрасным залам. Новость распространилась достаточно быстро, и никто не хотел рисковать жизнью, пытаясь его остановить. Тем не менее, проживающие во дворце люди, включая старших придворных, собрались, чтобы посмотреть, как он заходит во дворец.

Что еще они могли сделать? Забиться в свои покои? Истекать кровью? Или найти в себе смелость встретить этого высокого златовласого человека, который нес смерть и разрушение их красивому городу?

Орлак заметил страх и нерешительность и начал отдавать приказы.

— Все старшие слуги, придворные, советники, чиновники должны собраться вместе. Ты! — показал он пальцем на маленькую красивую женщину с темными волосами, которую нашел привлекательной. Она поклонилась, но не встретила с ним взглядом. — В каком зале королева дает аудиенции?

Женщина откашлялась и стала оглядываться на других.

— Отвечай мне, — жестко приказал Орлак.

— В Золотом зале... сир, — сообщила она и показала в нужном направлении.

— Можешь меня туда проводить? Будь так любезна.

Она кивнула, причем удивительно спокойно, как отметил Орлак, который тут же повернулся к основной группе собравшихся перед ним и пребывающих в замешательстве людей.

— Будьте любезны, кто-нибудь, подайте еды и вина. Я был в пути весь день.

Он не стал ждать ответа, предполагая, что его просьба будет быстро выполнена, и направился вслед за маленькой женской фигуркой.

«Приказывай, будь ты проклят! Ты — бог. И веди себя, как бог».

«Я не имею ничего против Кипреса, Доргрил, — спокойно ответил Орлак. — Моя месть будет направлена только на один Таллинон. И прошу тебя больше не отдавать мне никаких приказов».

«Или что? — спросил Доргрил, раздражение которого теперь явно чувствовалось. Его голос звучал злобно. — Что ты можешь со мной сделать? Ничего! Ты беспомощен, а без меня ты потратишь свою никчемную жизнь на поиски Гинта, и будешь сожалеть, что не умер. Вот какую жалкую жизнь я могу тебе обеспечить!»

Орлак знал, что это правда. Но он твердо решил избавиться от этого сумасшедшего, поселившегося внутри него.

Они пришли в Золотой зал. Хотя возникло большое желание сказать что-нибудь резкое в ответ Доргрилу, пришедший остановил себя и просто проигнорировал дядю.

Вместо этого он улыбнулся женщине, стоявшей перед ним. Орлак знал, что Доргрил будет мучиться, если он предпочтет ее. Она оказалась симпатичной и, хотя лучше, если бы партнерша оказалась златовласой, на первую ночь сойдет и эта.

— Если вы подождете здесь, сир, то я прослежу, чтобы вам побыстрее подали еду. — Ее голос снова звучал спокойно и ровно. Это заинтриговало Орлака.

— Как тебя зовут?

— Джуно, сир.

— Ха! Джуно. Я оказался для нее слишком сильным. — Он подмигнул.

Орлак специально говорил так, чтобы его слова ставили в тупик. Предполагалось, что теперь Джуно будет гадать, что именно он имел в виду своим замечанием. Вместо этого на лице женщины не отразилось никакого замешательства.

Напротив, стало заметно нечто непонятное за ее ясными, прямо смотрящими глазами. Ясно одно — испуга не наблюдалось. Женщина вежливо улыбнулась и кивнула.

— Благодарю, Джуно. Я хочу попросить тебя подготовить для меня спальню...

— Хорошо, — кивнула она, отправляясь выполнять его поручения.

— ... И подождать меня там, — добавил он, чтобы у нее на сей раз не осталось никаких сомнений насчет того, что имеется в виду.

Орлак заметил, что она застыла на месте, услышав его слова, и посчитал, что у нее на лице отразился страх. Да, он ничего не имел против этих людей. На пути в Кипрее молодой бог даже думал, что его, возможно, полюбят, а то и начнут восхищаться им.

Но все и всегда происходило одинаково. Люди боялись его силы, как и много столетий назад, и Орлак почувствовал знакомый холодок. Да его же всегда ненавидели! Он был мстителем, уничтожителем людей и их городов.

Орлак устало посмотрел на Джуно.

— Иди. Приглашай остальных. — Они заходили медленно и с опаской. Эти люди никогда не думали, что увидят мужчину сидящим на изысканном золотом троне, который на протяжении веков занимали только женщины. Когда двери, наконец, закрылись, а шарканье ног прекратилось, в большом зале воцарилась мертвая тишина.

Орлак наслаждался тишиной и оценил ее. Она объяснялась исключительно страхом. Он заговорил, обращаясь к собравшимся.

— Мне жаль, что сегодня пострадали люди. — Придворные и слуги постепенно поднимали глаза, встречаясь с его взглядом. Орлак продолжал говорить. — Я не имею ничего против народа Кипреса, но хотел дать вам понять: вы не должны даже пытаться мне противостоять. Я обладаю силой, которую вы не можете себе представить. Оружия у вас против меня нет, потому что на моей стороне Искусство Силы.

Вперед шагнул седовласый мужчина в богатых одеждах.

— Кто вы? — спросил Орлак.

— Советник покойной королевы, — он поклонился, потом добавил:

— Старший по рангу придворный во дворце.

— Что вы хотите сказать?

Мужчина огляделся с мрачным видом.

— Я говорю от имени всех собравшихся. Мы знаем ваше имя, но нам неизвестно, кто вы, почему находитесь здесь, почему сегодня убили сто сорок три человека, а еще восемьдесят, а то и больше, вероятно тоже умрут после полученных ранений. Что вы от нас хотите?

Орлак собрался ответить, но внезапно почувствовал тошноту. Комната поплыла у него перед глазами, масляные лампы замигали, перед глазами потемнело. Его сущность была резко отодвинута в сторону, а потом на нее словно бы наступили. Он не был готов к подобному, даже не представлял, что такое возможно.

Когда прозвучал ответ, Орлак был столь же поражен, как и собравшиеся в зале люди. Отвечал не он сам, а Доргрил.

— Я хочу ваш трон, — заявил низкий голос.

Люди мгновенно отпрянули от него. Их поразило не только дерзкое притязание, но и изменение голоса незнакомца. От этого звука холодело внутри.

Доргрил продолжал говорить, а Орлак чувствовал, что тонет внутри себя.

— Ваша королева мертва. Подчиняйтесь мне, люди добрые, и мы будем править справедливо.

Собравшиеся люди смогли, наконец, заговорить, преодолев страх перед этим человеком. Они громко возражали против предложенного им.

Доргрил улыбнулся, показывая идеальные зубы Орлака, даже позволил улыбке коснуться странных фиалковых глаз — моргнул, хлопнув длинными красивыми темными ресницами.

— Если вы не будете подчиняться, я сровню ваш город с землей, я убью всех подданных... целые семьи — матерей, отцов, братьев, сестер, бабушек и дедушек, даже младенцев. Все умрут ужасной смертью. Я буду убивать медленно, чтобы каждый из вас испытал самую сильную боль, которую только возможно, а заодно — и унижение. Кипрес прекратит свое существование. Он превратится в пыль и будет забыт — как и его народ.

Лицо седовласого мужчины приобрело пепельный оттенок.

— Зачем вам это делать? — только и смог он выдавить из себя.

— Потому что я делаю то, что хочу! — заорал Доргрил, и голос его разносился далеко за пределами зала. — Я - принц. Мне следовало стать королем. Я буду править! — он прекратил кричать и заговорил относительно ровным тоном, но от этого голос не стал менее страшным. — Может, я и подслащу эту сделку между нами. Пойду вам на уступки. Вам нужна королева, и я ее обеспечу. Буду править через нее. Примите это — или умрете... Все просто.

Люди стали переглядываться. Они были слишком напуганы, чтобы обращаться прямо к нему, но он видел это замешательство, и оно явно нравилось. Доргрил радовался, чувствуя, как Орлак извивается, требуя вернуть назад свое тело. Ну, ничего, подождет. Сегодня вечером хороший урок получили не только кипреанцы, но и этот молодой «хозяин».

От края толпы отделилась фигура в черном. Лицом этого типа можно было бы пугать детей. Он представился, низко кланяясь. Доргрил внимательно его осмотрел. Этот не казался таким испуганным, как остальные. Один глаз у него заметно дергался, а, впрочем, и вся половина лица. Другая выглядела так, словно человек страдал проказой.

Доргрила мгновенно очаровало ужасное лицо перед ним.

— А это кто такой? — спросил он заинтересованно.

Раздавшийся голос был больше похож на женский:

— Меня зовут Элмид Гот, сир. Я тоже был советником покойной королевы. Могу ли я попросить у вас личной аудиенции?

Доргрил оглядел лица других людей, на которых был написан страх. Они ждали решения своей судьбы. «И бойтесь дальше, люди добрые, — подумал он, — и подчиняйтесь мне». Он чувствовал, как Орлак пытается забрать назад собственный разум. Парень обладал могучей силой, и следовало ее опасаться. Ведь она помогла Орлаку выстоять в сражениях с Паладинами и победить их. Мальчик умел пользоваться магией, и его магические возможности превышали возможности Доргрила.

Но опыта Орлаку не доставало. Он ведь привык пользоваться лишь одним видом магии, необходимым для убийства Паладинов. Правда, Доргрилу приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не позволить носителю выпустить силу.

Все ждали.

— Можете идти. Я вас еще приглашу, — сказал он, потом посмотрел на Гота. — А вы оставайтесь.

Доргрил смотрел, как люди в еще большем замешательстве и страхе пытались как можно быстрее покинуть зал.

Он отметил удовлетворенный взгляд Гота и ухмылку, с которой тот взглянул на другого советника, но Доргрил временно игнорировал человека перед собой. Вместо этого старший бог решил обратиться к Орлаку.

«Теперь можешь забрать свое тело назад. Но не забывай этих ощущений, не забывай, что я снова могу им воспользоваться, как только захочу».

Доргрил не дал Орлаку возможности ответить, и в мгновение ока опять превратился в мерцающий красный туман. Носитель снова ощущал свое тело. У него дрожали ноги, он нащупал рукой трон у себя за спиной. О, Свет! Как он ослаб!

Оставшийся в зале человек, Гот, разговаривал с ним. Мгновение Орлак даже не слышал, что он говорит, а только видел, как шевелятся губы говорившего.

— Вы уверены, что ничего не хотите? Я принесу, — повторил Гот.

Орлак боролся с головокружением.

«Я с тобой еще разберусь», — проворчал он мысленно, но Доргрил не ответил. Однако молодой бог почувствовал, как мерцание на мгновение стало ярче, словно дядя пережил вспышку гнева.

Зал опустел, за исключением его самого и Гота. Орлак еще какое-то время приходил в себя. Советник разумно молчал и не шевелился.

— Что вы хотели мне сказать? — спросил, наконец, Орлак, никак не объясняя своего странного поведения.

Гот чувствовал себя выведенным из равновесия. Он привык разбираться в любой ситуации. Его живой ум и способность быстро реагировать на постоянно изменяющиеся условия означали, что он мог составить план за несколько секунд, а если требовалось — то отказаться от него и переработать. Советник знал, что обладает удивительной способностью видеть события практически с любой точки зрения. Именно поэтому, считал он, ему все время удается избежать возмездия. Его блестящий тонкий ум так и не смог найти объяснения только одному — доброму здравью и жизненной силе Торкина Гинта. Он лично видел, как тот умер, видел, как обвисло его тело, как Гинт сделал последний вздох перед смертью... Советник не мог предложить ни одного объяснения возвращения врага к жизни, если тот вообще умирал.

Теперь перед ним встала еще одна проблема, которую требовалось решить — Орлак. Откуда он появился? Почему для него так важен этот трон? Например, почему это королевство, а не Таллинор? Гот почувствовал холодок, что было для него редким ощущением, когда златовласый человек внезапно заговорил низким, пугающим голосом.

Гот, который никого не боялся, в это мгновение испытал благоговейный трепет перед кем-то, кто был намного сильнее и умнее его самого. Советник испугался. Глупые люди в зале что-то бормотали насчет борьбы с этим врагом. Смешно! Разве они не видели мертвых и умирающих на площади? Разве они не слышали ужасающие рассказы о том, как этот человек прошел сквозь железные ворота?... Более того, он просочился через них! Солдаты побросали оружие в страхе и готовности подчиняться. Сражаться с этим человеком нельзя (если он вообще человек). Ведь у смертного просто не может быть такой магической силы, не так ли?

Теперь он смотрел в фиалковые глаза, которые в свою очередь разглядывали его самого. Орлак оказался потрясающе красив. Хотя он и был блондином, манерой держаться и вообще всем, кроме цвета волос, он напоминал Готу Торкина Гинта, самого ненавистного из всех людей. Возможно, все дело в необычно высоком росте и широченных плечах, — решил советник. И эта проклятая широкая, веселая улыбка!..

Орлак ждал. Казалось, что затянувшаяся пауза забавляет его.

— Простите, сир, — Гот снова низко поклонился. — Я еще не полностью пришел в себя. Ваше появление испугало нас всех.

— Кипреанцы могут больше не бояться меня, — спокойно сказал Орлак.

Гот удивился.

— Но вы убили столько людей! Как они могут вас не бояться? — советник не смог сдержаться и приготовился к болезненному ответу.

— Это нужно было сделать, — ответил златовласый человек.

— А что вы хотите, сир? Может, я могу сослужить вам службу?

— Я так не думаю, королевский советник. То, что я хочу, вы мне дать не можете.

Гот решил положиться на свою удачу. Она пока сопровождала его, и терять теперь было нечего. Наоборот — может быть, он получит все, если расположит к себе этого

сильного мага.

— Я могу вас удивить.

— Я хочу стереть с земли Таллино́р, перебить всех его жителей, а человека по имени Торкин Гинт заставить встать передо мной на колени и поклониться мне! — заявил Орлак более громким и холодным голосом.

Гот едва ли заметил, как изменился тон Орлака — такой шок он испытал от услышанного. Бывший Главный Инквизитор задрожал от возбуждения.

Теперь Гот оказался на коленях, он сам желал преклониться перед этим могущественным человеком, который желал той же мести, что и он сам.

«О, родственная душа!» — хотелось воскликнуть советнику. Вместо этого он радостно сжал ладони перед собой, неотрывно глядя на Орлака.

— Мой господин, я на самом деле смогу вам помочь в том, чего вы так сильно хотите. Я таллинезец, раньше служил Главным Инквизитором королевства. На этой земле нет ни одного человека, которого бы я больше хотел видеть стоящим на коленях перед вами, чем Торкин Гинт. Я хочу видеть его боль, я презираю и ненавижу его каждой унцией своей крови.

Теперь пришел черед Орлака удивляться:

— Вы его знаете? И знаете, как он выглядит?

— Как он выглядит?! Ха! — Гот почти забылся. — Он — мой враг. Я едва не убил его, но потерпел провал, сир. Вместо него отравилась королева.

Он и сам не заметил, как выложил Орлаку всю историю.

— Вы убили ее?

Гот занервничал и огляделся, проверяя, не проскользнул ли в зал кто-то из кипреанцев, и не донеслось ли до вошедших признание. Советник кивнул — и не удивился, снова услышав смех Орлака. На этот раз златовласому мужчине было очень забавно.

— Но убить вы хотите Гинта? — уточнил Орлак, отсмеявшись.

— Всем сердцем. И его женщину. Ее зовут Элисса. И всех тех, кто его поддерживает. Их слишком много, чтобы сейчас перечислять их, мой господин. Я хочу, чтобы умерли они все, включая короля, который, как я слышал, недавно женился на Элиссе и сделал ее королевой Таллино́ра. Надеюсь, что доживу до того дня, когда его держава рухнет, а он будет лежать мертвым в руинах.

— В вас много ненависти, Гот, — заметил Орлак.

— У меня есть для нее основания, мой господин. Именно поэтому я буду слепо и верно служить вам, исключая все другие интересы. Ведь вы хотите того же, к чему стремлюсь я.

Орлак молчал, оглядывая этого странного человека. Чудесно, что они так сильно ненавидят одного и того же человека... и одно и то же Королевство. Он задумался, почему, но затем отбросил этот вопрос. Его это на самом деле не волновало. Зато произвела впечатление страсть Гота. Не оставалось сомнений в его искренности. Глаза советника говорили Орлаку, что собеседнику не свойственны никакие угрызения совести, никакое сочувствие к прочим.

— Как вы можете мне помочь? — спросил бог, которому было любопытно послушать идеи человека.

— Есть много способов, мой господин. Я знаю Таллино́р, знаю коллективный разум народа этой страны, и то, как он работает. Я знаю короля и его недостатки. Я знаю Торкина Гинта и его сотоварищей. Представляю, как все они выглядят. Я могу привести вас к тем, кто его поддерживает, защищает или прячет.

Гот мог бы продолжать, но почувствовал, что сказано достаточно. Он видел, как златовласый человек кивает в задумчивости, обдумывая услышанное.

— А что вы хотите в обмен на такую верную службу?

— В обмен? Ничего, великий господин. Я хочу только служить. Ну, может хороший участок земли на возвышенностях вокруг Кипреса. Или вы можете отдать мне часть трофеев из Таллино́ра. Может, дадите мне должность, сир, когда станете основателем новой династии

Кипреса. Как я предполагаю, вы собираетесь здесь править после того, как сделаете все намеченное в Таллиноре. Может, вы позволите мне править в Таллиноре от вашего имени?

Готу очень понравилась эта мысль, и он даже начал прохаживаться по залу, размахивая руками, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Из руин Таллинора мы можем построить новое королевство, мой господин. Ваше королевство, которое вы присоедините к Кипресу. И я стану им править для вас. Да и зачем останавливаться на Таллиноре? С вашей силой и моими знаниями мы можем захватить и другие страны.

Услышав о грандиозных планах Гота, Орлак засмеялся:

— А больше ничего не хотите?

Гот замер на месте.

— Да, сир, хочу. Я хочу присутствовать во время убийства Торкина Гинта. Но прошу, чтобы вначале его заставили смотреть, как его любимой Элиссе вспарывают живот, обезглавливают ее, а потом четвертуют. И я хочу стать ее палачом. Хочу смотреть ей в глаза и быть последним человеком, которого она увидит перед тем, как умереть.

Орлаку показалось, что этот Гот мыслит очень сходно с Доргрилом. Дядя уже предлагал найти и уничтожить всех членов семьи и друзей Гинта. Так что Гинту придется постоянно проявлять осторожность и обороняться. По мнению Доргрила, он никогда не сможет атаковать. Орлак видел в этом предложении смысл, а теперь появился этот незнакомец с похожим планом. Возможно, от него будет прок. Гот воспользовался своим преимуществом.

— Сир, чтобы помочь вам, я должен знать, что вы планируете для Кипреса.

— Планирую? Просто править.

— Как?

— Что вы имеете в виду, Гот? Вы же слышали, как я сказал тому скрипучему старику, что я буду править через женщину. По крайней мере, я с почтением отнесусь к их традициям.

— Значит, вы будете править через принцессу Сэйрел? — спросил Гот, пытаясь понять Орлака и зная, что рискует обратить на себя гнев этого могущественного человека.

Теперь в тупик был поставлен Орлак.

— Я пока не думал ни о какой конкретной женщине.

Гот нервничал, но продолжал задавать вопросы:

— Значит, вы можете убить королеву и поставить другую.

— Нет никакой королевы, Гот. Теперь вы меня раздражаете. Это вы ее убили, помните?

Готу показалось, что у него в венах застыла кровь.

— Нет, мой господин, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Я убил королеву Сильвен. А сейчас я говорю о принцессе... которую вскоре должны короновать и сделать королевой Сэйрел.

Орлак распрямился и уставился на Гота. Уродец удивил его, и Орлак пока не знал, как отнестись к этой новости.

Доргрил, который очень внимательно прислушивался к разговору, решил высказаться:

«Ее нужно найти и убить. Она слишком опасна».

«Зачем убивать?» — спросил Орлак, зная ответ в глубине души.

«Люди не успокоятся, пока имеется наследница. Всегда найдутся те (причем, таких немало), кто захочет видеть на троне королеву, которой этот трон принадлежит по праву. Ведь ты не хочешь, чтобы здесь началось восстание, пока ты решаешь вопросы в Таллиноре? Не теряй времени», — проворчал Доргрил.

Старший бог решил, что его племянник, несмотря на все магические силы — бесхарактерный и мягкотелый тип. Когда придет время, Доргрил с ним справится раз и навсегда, но этого момента следует подождать — до тех пор, пока он не возьмет под свой полный контроль все магические силы мальчика. Перед тем, как принимать решительные меры, надо точно выяснить, на что способен племянник.

Гот откашлялся, ему было неудобно. Он обратил внимание, что Орлак часто смотрит

словно бы в пустоту. Эти паузы в разговоре нервировали бывшего Главного Инквизитора. Создавалось впечатление, будто внимание Орлака уходило совсем в другую сторону, что он видел что-то еще, разговаривал с кем-то другим.

Молодой бог вышел из задумчивости и посмотрел на Гота сверху вниз.

— Где находится принцесса?

Гот с облегчением заговорил снова. Молчание ему не нравилось.

— Предположительно у себя в покоях, — сообщил он. — Ее мало кто видел после смерти ее матери в Ниме и прибытия в город. У нее есть служанка, которая оберегает принцессу ото всех.

Гот очень тщательно выбирал последнюю фразу. Он решил, что выбрал подходящее определение, и удержался от ухмылки. Может, ему удастся вышвырнуть Хелу из дворца. Еще лучше, конечно, было бы ее убить или, что дало бы ему еще большее удовлетворение, заполучить в качестве рабыни.

Голос Орлака вывел его из мечтаний.

— Приведите девочку ко мне. Я поручаю вам, Гот, найти и привести ее.

— Прямо сейчас, Ваше величество?

Гот не был уверен, стал ли этот златокудрый мужчина монархом, но считал, что должен выказывать ему уважение. Орлак проигнорировал обращение.

— Неужели вы подумали, что я имею в виду завтра?

Гот почувствовал, что краснеет. Его нечасто удавалось уличить подобным образом.

— Нет, сир. Я предположил, что вы хотите увидеть ее прямо сейчас.

— Тогда почему вы еще здесь? — спросил Орлак, и легкое изменение тона голоса означало намек на угрозу.

Гот поклонился:

— Все будет исполнено немедленно, сир.

И он тут же покинул зал в поисках Сэйрел.

После долгих и тщательных поисков во всех залах и комнатах, после осмотра всех ниш и закутков во дворце, при участии дюжин людей, задействованных в охоте, Гот снова оказался перед Орлаком. Однако на этот раз он чувствовал себя гораздо менее уверенно.

Советник низко поклонился.

— Мой господин, она исчезла. — Гот решил, что лучше всего сообщить об этом коротко.

— Может, слово «сбежала» подойдет лучше?

Советник нашел в себе мужество взглянуть в фиалковые глаза.

— Возможно, сир. Я не знаю. Ее никто не удерживал.

Теперь я догадываюсь: ее, возможно, предупредили о вашем появлении в городе, и она сбежала.

— Не исключено, — согласился бог, внезапно почувствовав усталость. — Я хочу, чтобы ее нашли и вернули во дворец.

Вы, Гот, лично отправитесь на ее поиски.

«Она должна была сбежать в Таллино́р», — прошептал Доргрил.

«К Гинту?»

«Не могу точно сказать, но не сомневайся: она отправилась в Таллино́р. Это самое безопасное место, куда можно было сбежать... и самое большое королевство, где легко затеряться. А здесь вокруг только маленькие острова».

Гот почувствовал сомнение, а тишина снова нервировала.

— Она могла уже сесть на корабль, сир, — высказал предположение он.

— Ну, тогда отправляйтесь за ней в погоню. Это ваше первое поручение. Если вы его выполните, то будете щедро вознаграждены, так, как пожелаете. Не подведите меня, Элмид Гот.

— Я не подведу вас, мой господин. Могу ли я взять с собой помощников?

— Берите все, что хотите. Отправляйтесь немедленно. Я предлагаю вам вначале

направиться в Таллинор.

Гот поклонился. Он был очень рад. Назад в Таллинор вместе с вооруженными людьми! Разве могло все сложиться лучше?

— Попробуйте не переусердствовать и не убейте еще одну королеву Кипреса, — добавил Орлак, когда Гот уже собрался уходить. — Я хочу, чтобы она вернулась живой.

Молодой бог подумал, что это вызовет раздражение Доргрила, и улыбнулся.

## Глава 7 Решение

На лице Элиссы отражалась боль, которая наполняла ее сердце. Она рассказывала о своем плане Джилу. Они сидели вдвоем в бывших покоях Лориса.

«Как грустно, — думала она, — что человека, полного жизненной силы, живого всего несколько дней назад, теперь называют «старым королем», словно он страдал старческим слабоумием!»

— Ты хочешь оставить меня сейчас, когда мне нужен твой совет — больше, чем когда-либо прежде? — спросил Джил.

Она взяла его за руку, но не почувствовала никакого ответного тепла.

— Ты знаешь об управлении страной столько же, сколько и я, сын. Очень мало.

Она надеялась, что он улыбнется, но выражение лица Джила оставалось серьезным. Элисса опять заговорила, причем очень быстро, представляя причины для обоснования своего отъезда.

— Твои конные прогулки по полям вместе с отцом имели смысл. В это время обсуждалось много вещей, хотя ты и не понимал, зачем. Я обеспечила верность знати, они тебя поддерживают. Ты можешь полагаться на трех советников, которых я выбрала. Могу добавить: ты, несомненно, знаешь о своих качествах лидера, они тебе уже помогали в жизни. Меняется только название должности — с прайм-офицера на короля. А работа — одна и та же. Лорис в тебя верил, он очень тобой гордился. И мне горько, что ты не услышал об этом от него самого. Думаю, что сам король очень сожалел об этом, умирая.

Элиссе бы хотелось, чтобы в глазах молодого короля не стояли слезы. Тем не менее, они были там.

— Не плачь, сын. Тебя любили. И любят до сих пор.

Он вырвал руку у матери, чтобы смахнуть ненавистные слезы — свидетельство слабости. Джил злился. Он больше не станет плакать. Он уже пролил достаточно слез из-за человека, которого любил — из-за погибшего отца, об отцовстве которого никогда не знал. Боль выплеснулась наружу.

— Как ты могла не поделиться этим со мной?!

Это было обвинением, но Элисса оставалась спокойной.

— Я знала, что это принесет боль. Мы хотели выбрать подходящее время.

— Сообщение об этом перед всеми представителями высшего сословия одновременно было совсем не подходящим временем, мама! — заорал юноша.

— Я это понимаю, — ответила Элисса внезапно жестким тоном. — Кто знает, возможно, безвременная кончина моего мужа заставила меня действовать поспешно.

Она не могла сдержать проскользнувшего в ее словах сарказма. Вероятно, Джил позабыл: она была королевой еще сегодня. Поэтому ей причитается некоторая доля уважения. Похоже, юноша не учитывает, что не только он один оплакивает любимого короля.

Джил ответил с той же резкостью, которая ее удивила. Она раньше не видела ее в нем. Теперь же его обычно добрые серые глаза горели гневом.

— Тем не менее, я вижу, что оплакивание нового мужа и печаль после его кончины не останавливают тебя от того, чтобы бежать за бывшим любовником. Так поступила бы и какая-нибудь шлюха!

Эти жестокие слова ударили по Элиссе гораздо сильнее, чем физическая боль.

— Сир, возможно, мне лучше уйти, — проговорила она твердым голосом, вспоминая о своем новом положении и о том, что он теперь куда выше.

Джил резко развернулся. Она знала, что он расстроен. Юноша был вынужден пережить ряд шокирующих новостей за последние два дня. Но Элисса все равно не позволит ему разговаривать с собой так неуважительно, король он или нет.

Элисса была небольшого роста; казалось, Джил возвышается над ней. Тем не менее, в ее глазах стояла холодная ярость, которую сын не видел никогда раньше. Он не собирался говорить то, что сказал, и едва ли мог поверить, что на самом деле так ужасно оскорбил мать.

Она очень официально сделала реверанс, хотя всем своим видом демонстрировала ярость. Но Джил схватил ее за руку до того, как Элисса успела уйти.

— Мадам, я требую лучшего объяснения, чем вы мне предоставили.

Он преднамеренно сформулировал фразу так, чтобы напомнить ей о своем новом статусе, и она это поняла.

— Осторожно, Джил. Ты же не хочешь, чтобы у королевы-матери появились синяки?

Элисса посмотрела на то место, где его сильные пальцы сжимали ее тонкую руку.

Юноша отпустил ее, словно его ужалило какое-то насекомое, и почувствовал, как ярость уходит, а остается только печаль, которую так хочется скрыть.

— Будь я проклят! Прости меня за то, что я только что сказал. У меня нет на это права. Мама... Назови мне причину!

Элисса почувствовала, что больше не в состоянии выдерживать давление и напряжение последних двух дней. Она устала вести себя по-королевски, устала демонстрировать чувство собственного достоинства, контролировать свои чувства и показывать другим силу. Пока королева оставалась здесь, страдая от одиночества и печали, Торкин Гинт каждую минуту еще на несколько шагов удалялся от нее и двигался в направлении ее мальчика, Рубина. Тор пытался спасти Королевство, которое этот юноша, стоящий сейчас перед ней, воспринимал, как должное.

Она закричала на него в ответ, и ей понравилось, когда Джил отступил назад, поставленный в тупик ее внезапным неистовством.

— Ты не веришь ни слову из того, что я тебе рассказывала, потому что не слышишь моего голоса! Ты слеп к тому, что видела я, совершенно ничего не знаешь про мою жизнь до того, как в ней появился ты!

Юный король был поражен. Его мать всегда держала себя в руках. Он зашел слишком далеко, слишком сильно на нее надавил.

— Значит, расскажи мне снова! — заорал он в ответ, радуясь, что они находятся в покоях его отца, которые сейчас не охранялись. Никто не услышит их разговора, за исключением пса, Дрейка. — Прости мне резкие слова и расскажи все, что знаешь, все, что я должен понять!

Пес прижал уши от громких голосов, а потом подошел к Элиссе и лизнул ей руку. Простой знак внимания со стороны животного, которому стало беспокойно, казалось, помог ей прийти в себя. Однако Джил заметил, что Элисса тяжело дышит и очень старается сохранять спокойствие.

Она положила маленькую ручку на большую голову Дрейка и заговорила с собакой мягким голосом. Гончая последовала назад, на любимое место, где и улеглась. Джил задумался, понимает ли Дрейк, что его любимый хозяин больше не вернется в эту комнату. Это было еще одним напоминанием о смерти отца и о том, что печаль после нее жила не только в его сердце. Юноша знал, что должен начать вести себя, как король, притом — прямо здесь и сейчас, с вдовой отца.

Теперь он обратился к ней без следа надменности или высокомерия.

— Пожалуйста, мама, прости меня за то, что я только что сказал. Это было нагло и неточно. Поговори со мной. Я обещаю придерживаться широких взглядов, избавиться от предубеждений. Расскажи мне все.

Элиссе пришлось проглотить гордость и рассказать ему о своей жизни до появления во дворце и обо всем, что она знала о нависшей над Таллинором угрозе. Он сидели у окна и смотрели на судорожную активность внизу, в главном дворе. Там шла подготовка к коронации. Тем временем Джил слушал рассказ, отличавшийся от всего, что ему доводилось слышать раньше.

\* \* \*

Гидеон и Лаурин решили скрыться от напряжения, возникшего во дворце и вокруг него после смерти короля и объявления наследника. Добрый старший конюх предложил им лошадей. Брат и сестра воспользовались возможностью ускакать на пустошь за замком. Там точно было спокойно. Какое-то время они ехали молча, глубоко погружившись в собственные мысли, но когда перешли на шаг, то почувствовали необходимость поделиться тем, что лежало на душе.

Первой молчание нарушила Лаурин:

— Что ты думаешь о Джиле в роли короля?

— Я едва ли что-то про него знаю, чтобы делать предположения. Похоже, он нацелился не проявлять ко мне дружеских чувств, поэтому я просто не попадаюсь ему на глаза. — Гидеон пожал плечами. — На самом деле ничего не могу сказать. Мне показалось, это ты с ним подружилась.

— Ну, да, на минуту. А потом я все испортила, предложив ему почаще расслабляться.

Гидеон повернулся к ней, поставленный в тупик.

— Понимаешь, он все время находится в напряжении, — пояснила сестра. — А Саксон говорит, что Джил всегда был очень веселым и радостным. Я могу в это поверить, когда он улыбается.

Гидеон кивнул, но не стал подшучивать над сестрой, хотя ему очень хотелось. Ему показалось, что она даже слишком заинтересовалась этим королем, которого вот-вот коронуют.

— Наверное, ему нужно дать немного времени, чтобы прийти в себя. Я думал обо всем, что с ним случилось за последние два дня. Ты помнишь, что мы почувствовали, узнав, что мы — брат и сестра?

Лаурин покачала головой:

— У меня нет никаких четких воспоминаний о том, что происходило до нашего появления в этом мире.

— Это так. У меня они тоже туманные. Но думаю, что мы оба были поражены и злились из-за того, что нас обманывали. Я знаю, что на пути в Сердце Лесов я начал ощущать настоящую печаль от того, что нас держали порознь, и большую часть жизни я был так одинок. Я был лишен семьи, которую мог бы любить, и которая любила бы меня в ответ.

Сестра легонько толкнула его в бок:

— Ты такой мягкотелый, Гидеон. Я ничего подобного не чувствовала. — Но ее хитрая улыбка подсказала ему, что девушка над ним смеется. — Нет, ты конечно прав. Как я понимаю, Джил был сиротой, а наша мать присматривала за ним во дворце. Ты знаешь, что его бросила родная мать, привязав к дворцовым воротам?

— Нет, — ее брат выглядел удивленным.

— Это правда. Его бросили ребенком... Родная мать отправилась умирать от лихорадки или чего-то еще. Он никогда не знал отца, а потом у него началась новая жизнь во дворце, с новой женщиной в роли матери. А потом, через несколько лет, его внезапно знакомят с нами. Мол, познакомься с новыми родственниками, сводным братом и сестрой... Они прибыли из другого мира!

Гидеон покачал головой. На его лице появилась грустная улыбка.

— А потом стало еще хуже, — заметил он. — Саксон рассказал мне, что Джил очень любил и уважал короля. Поэтому понятно, что его смерть так на него повлияла. Затем он

узнал, что Лорис был его настоящим отцом... — он замолчал, и фразу за него закончила Лаурин.

— ... И он является наследником престола. Ты солдат, а в следующую минуту — уже король. Но его ждет еще один удар. Как думаешь, наша мать надолго задержится во дворце, заламывая руки и играя роль королевы-матери?

Гидеон посмотрел в блестящие зеленые глаза Лаурин. В них блеснули озорные искорки.

— Полагаешь, что она последует за нашим отцом?

— Конечно! Разве ты не чувствовал, что происходит между ними? Это напоминало воздух как раз перед грозой. Знаешь, когда волосы встают дыбом, а все вокруг замирает и воцаряется тишина?

Он кивнул.

— Ты только представь это, Гидеон. Все эти годы она считала его мертвым, а теперь узнает, что он жив. Родители были женаты — не забывай о том. Они очень сильно любили друг друга, когда его казнили. И, догадываюсь, что и до сих пор любят!

У Лаурин горели глаза. Ей нравилось окутывать родителей ореолом романтики, и брат не мог не улыбнуться.

— Готов согласиться, что из них получается красивая пара, — ответил он и уклонился, когда сестра попыталась игриво ударить его.

— Красивая! Ты с ума сошел? Они великолепны. Ярго была права. Наш отец потрясающе красив, а королева...

— Королева-мать, — поправил Гидеон, специально поддразнивая ее.

— Тогда — Элисса. Она — самая красивая женщина, которую я видела.

— Ты так говоришь, потому что все считают тебя очень похожей на нее? — спросил он, широко улыбаясь.

Лаурин выглядела раздраженной. Брат не давал ей насладиться мыслями о будущем родителей. Гидеон скорчил гримасу.

— О, прекрати, я только тебя дразнил. Думаю, что они очень подходят друг другу. Наверное, мне могут отрубить голову или сжечь на костре за мои предательские слова, но я рад, что король мертв. Может, теперь наши родители будут вместе. Как я понимаю, они держали свой брак в тайне?

— Не знаю, но готова поспорить, что наша мать не станет терять время и быстро покинет дворец.

— Если она сейчас уедет, то немногие это одобряют, — мрачно заметил Гидеон.

— Учитывая, что поставлено на карту, и если Орлак появится, как предсказывает наш отец, не думаю, что ее будет особо волновать, кто и чем недоволен во дворце. Похоже, только они двое знают, что происходит. Надеюсь, что Элисса побольше объяснит Джилу. Ему нужно все понять, чтобы оказать поддержку.

— Он тебе нравится, верно?

Лаурин какое-то время молчала перед тем, как ответить.

— Я не могу сказать, что он прилагал усилия, чтобы понравиться. Как раз наоборот. Но Саллементро и Саксон говорят, что Джил обладает потрясающим шармом и красноречив. Он — лучший солдат в отряде, и самый завидный жених в Тале...

Гидеон улыбнулся еще шире:

— Я вижу, что ты хорошо поработала. Отлично выполненное домашнее задание!

— Не смейся надо мной. Мне хотелось бы узнать его получше, но я два раза его оскорбила и не уверена, что теперь, став королем, Джил удосужится на меня взглянуть.

— Не беспокойся. Помни, на кого ты похожа.

— Это правда?

— Лаурин, ты копия нашей матери!

Девушка смутилась от его искреннего комплимента и сменила тему:

— А когда коронация?

Гидеон погладил гриву лошади.

— Саксон говорит, что ее проведут быстро. Вероятно, в течение недели. Насколько я понимаю, пригласят всех монархов из соседних государств.

— Если наша мать не останется, то хоть мы-то с тобой останемся вдвоем?

Он робко посмотрел на сестру.

— Мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

Лаурин боялась этого. Она чувствовала, что брат может объявить что-то подобное.

— Нет, Гидеон, ты не можешь так поступить.

— Я должен.

— Почему не можешь подождать несколько дней?

— Ты видела выражение лица нашего отца, когда он узнал, что я отдал камень? Нет, я должен отправиться в Бриттелбери немедленно и забрать камень.

— Тогда я отправлюсь с тобой, — Лаурин остановила лошадь, ожидая спора.

Гидеон тоже остановился, но не стал отвечать сразу же. Пауза затянулась. Наконец, он очень тихо заговорил:

— Ты знаешь, что я не возьму тебя с собой. Это может быть опасно.

Она вышла из себя.

— Значит, меня все бросают?

Гидеон пожал плечами:

— Кто-то должен представлять семью на коронации... А ты — единственная, чье присутствие он сможет терпеть к концу дня, если ты догадалась правильно насчет нашей матери. — Гидеон подвел лошадь поближе и взял Лаурин за руку. — Я обещаю не бросать тебя надолго. Я поеду так быстро, как только смогу, и сразу же вернусь.

— Нет, не вернешься, — угрюмо ответила сестра. — Там девушка, и ты можешь в нее влюбиться.

— Я уже в нее влюбился, — он улыбнулся, стукнул пятками по бокам лошади и пустил ее галопом.

Гидеон смеялся, пока Лаурин ругалась из-за крушения надежд.

\* \* \*

Когда Элисса закончила рассказ, все долго и напряженно молчали. Затем заговорил Джил.

— Вы с Торкином Гинтом женаты, — это было сказано утвердительно.

— Да. Я видела, как он умер, как видело и бесчисленное количество других людей, включая твоего отца и Ее величество королеву Найрию. Саксон даже помогал обернуть труп саваном.

— Мама, это безумие. Как он в таком случае может быть жив?

Джил прилагал большие усилия, чтобы в его словах не прозвучала насмешка. Он ведь обещал ей попытаться все понять.

— Волшебство, сын. И он, и я — Чувствующие. Я больше не могу воспользоваться своими волшебными силами из-за архалита, — сказала она, показывая на свой лоб. — Но Тор обладает огромной силой. Я не уверена, что он сам понимает размах своей силы. С ним никто не может сравниться.

— Кроме этого Орлака, про которого ты говорила. Он идет сюда, чтобы стереть Таллинол с лица земли, нести разрушения, сеять панику и, как я предполагаю, убить нас всех.

Ему не удалось скрыть упрек, который явно звучал в голосе. Элисса отреагировала спокойно.

— Ты говоришь так небрежно, Джил. Значит, я могу предположить, что ты не веришь ни слову из того, что я рассказала тебе про Орлака. Пойми, что он — бог. Тору было видение, в котором Орлак сбегал из магической тюрьмы. Саксон и Саллементро были его стражниками. Беглец победил их, и поэтому они здесь, заново собирают Паладинов в

Таллиноре, чтобы вести последний бой.

— Ты в самом деле в это веришь? — Джил вглядывался в серьезные глаза матери.

— Это происходит теперь, сын мой. Тебе тоже нужно в это поверить, если ты собираешься спасти свою страну и свой народ. Орлак убьет всех. Он не пощадит ни единого ребенка. Если не поверишь мне, все погибнут.

Джил вздохнул и встал. Он снова посмотрел во двор, скрестив руки на груди и раздумывая надо всем, услышанным за последние два часа. Кое-что из этого поражало... Большая часть казалась невероятным, но, тем не менее, мать говорила убедительно. Он не представлял, сколько боли и страданий она вынесла из-за Гота. Тот жил во дворце задолго до появления Джила, но молодой человек слышал достаточно историй о бывшем Главном Инквизиторе. Мать не могла придумать такую сложную и захватывающую историю душевной боли и страданий, или такую сильную магию, которая восстанавливает зрение, телесные раны и возвращает человека в мир живых. Зачем Элиссе, его матери, врать? Она должна говорить правду.

— Что я должен сделать? — наконец спросил он.

Элисса расслабилась.

— Пойми, почему я уезжаю. Я не бегу за Тором. Я собираюсь найти своего сына. Моя задача — собрать Троицу, нашу единственную надежду против ужасного бога.

— А Триединство — это Гидеон, Лаурин и Рубин... Ты так считаешь?...

Она кивнула.

— Если это не так, мы проиграли.

— А что они могут сделать, чтобы победить его, эти трое неопытных «воинов» из другого мира?

О-о, опять в его слова закрался цинизм! Мать пожала плечами. Если она и уловила цинизм, то этого не показала.

— Мы должны побольше о них узнать. Определенно, они владеют волшебством, но я знакома с ними столько же, сколько и ты. Их истинной силе еще предстоит проявиться.

— Так объясни мне, как поможет добиться цели твой побег в это Сердце Лесов?

— Я должна найти Рубина. Я же рассказала тебе, как видела Гота, разбрасывающего листья над трупиком младенца в лесу, где они меня поймали.

Джил кивнул с серьезным видом. Это была ужасная история.

— Я не могу забыть этот образ. Он каждый день возвращается ко мне, мучает мою душу с той минуты, как я увидела то, что посчитала своим мертвым ребенком. Если я найду ребенка, то это видение исчезнет... Ты можешь это понять?

Он снова кивнул.

— И это еще не все, — деловито проговорила Элисса. — Ты должен быть наготове, Джил. Пусть все солдаты усиленно тренируются и будут готовы вступить в сражение в любую минуту. Я не представляю, что сделает Орлак и когда, но ты должен предвидеть все варианты развития событий. Следует сделать запасы еды и всего остального. Ты должен составить планы и назначить ответственных за спасение людей. Организуй связь по всему королевству — должны появиться новые пути доставки сообщений. Я не думаю, что существующих будет достаточно или что они переживут атаку Орлака. Разумно используй время, не теряй его, сын. Собери аристократов и объясни им самым простым языком, что Таллинор находится под угрозой. Они тебе не поверят, но ты должен убедить их, что держава должна готовиться к любым неожиданностям. Объясни, что как солдат, ты видишь: страна не защищена достаточно хорошо, надо провести кое-какие изменения. Ты — новый король, и они ожидают новых законов, нового подхода к делам. Действуй осторожно, но твердо и уверенно. Они будут уважать силу и последуют за тобой.

Джил пришел в ужас от этих предложений. Выстреливая указаниями, она походила в эти минуты на боевого командира. Неужели это та добрая и веселая мать, которая иногда казалась почти его ровесницей?

Юноша кивнул.

— Хорошо. Я приму все предложенные меры предосторожности. А потом — посмотрим.

Он должен сделать это для нее — или же просто посмеяться над всеми предупреждениями.

— Ты дождешься коронации? Не уедешь до нее? Все ожидают увидеть тебя на ней, — добавил Джил с надеждой.

— Я не могу. Надо ехать немедленно. Я придумаю, что ты скажешь. — Понятно.

Джил не понимал, но видел, что его мать — гораздо более целеустремленная женщина, чем он думал. Он догадывался, что она приняла решение даже до сообщения о его родстве с королем, а может, сразу же после того, как услышала о смерти Лориса.

— И Таллинон в безопасности, пока не падет Темезиус? — Джил старался говорить серьезно, словно во все это верил.

— Таллинон уже в опасности.

На его лице появилось удивленно выражение.

— Почему?

Элисса сверкнула на него зелеными глазами:

— Потому что Темезиус уже пал. Орлак на свободе.

## Глава 8

### Любовница Орлака

Орлак смотрел на женщину по имени Джуно, стоявшую перед ним. Он неторопливо принял ванну, потом ему сделали массаж две женщины, которые явно нервничали. Все это доставило большое удовольствие. Даже их испуг, дрожь и молчание не помешали их тщательной и умелой работе. Молодой бог чувствовал себя прекрасно, сидя в роскошных покоех. Он расслабился.

Джуно была полностью одета.

— Мне кажется, я говорил, что хотел бы видеть тебя обнаженной, когда приду, — сказал он без тени угрозы в голосе.

— Мой господин, — она снова низко поклонилась. — Моя бабушка всегда говорила, что я обладаю особым талантом. Можно сказать, что я в некотором роде ясновидящая.

— Правда? — ответил Орлак, подошел поближе и задумался, не имеет ли это какого-то отношения к желанию прижаться к ней кожей.

Джуно поспешно заговорила дальше, борясь с искушением отступить назад при его приближении.

— Да, правда. Когда мы встретились с вами, мой господин, я сразу же почувствовала, что ваш интерес вызван совсем не моей непривлекательной внешностью.

— О, прекрати, Джуно. Ты себя недооцениваешь, — сказал Орлак. Именно внешность он и имел в виду, поскольку она была красивой женщиной. Возможно, немного угловатой, да и мяса на костях надо бы побольше, но, тем не менее, Джуно выглядела привлекательной.

Орлак сделал еще один осторожный шаг к ней.

— Благодарю вас за комплимент, мой господин, но могу ли я проявить небольшую дерзость и предложить вам кое-кого, кто придется более по вкусу на эту очень особенную, первую ночь во дворце?

Ему понравилась дерзость Джуно. Она оказалась умна. Орлак видел это в темных, глубоких, словно бездонных глазах, которые, казалось, обладали мудростью не по годам. Ведь перед ним стояла совсем молодая женщина.

— Я когда-то знал одну Джуно, — признался он, удивив ее сменой темы разговора.

— Правда? — женщина внимательно за ним наблюдала.

— М-м-м, да. Можно? — спросил Орлак, показывая на маленький накрытый столик. Там стояло только вино.

— О-о, конечно. Позвольте мне, — сказала женщина осторожно, подошла к столику и

налила ему стакан вина. — Вы сказали, что проголодались, мой господин. Приказать принести еду?

— Она отравлена? — Орлак широко улыбнулся, демонстрируя белые зубы.

— Нет, сир. Мы не сделаем ничего подобного.

— Я просто шучу с тобой. В любом случае, я бы это узнал, — заявил он, садясь и откинувшись на спинку кресла.

— Вы выглядите усталым, — признала Джуно, несмотря на неудобство, которое почувствовала, оставаясь с ним в одной комнате. Она проследовала к звонку, чтобы дернуть за веревку и дать сигнал слугам.

— Да, я на самом деле устал. Но не слишком для того, что обещал себе на сегодняшнюю ночь.

Он лениво потянулся, радуясь, что она не дернулась. Орлак наблюдал, как она проводила двух слуг в комнату. Лакеи нервно приблизились к столу.

— Можно ли подавать ужин, сир? — спросила одна служанка, у которой дрожал голос, выдавая ее нервозность.

Ей было неуютно с этим убийцей кипреанцев.

— Благодарю. Джуно? — она тут же появилась рядом с ним. — Ты должна передать всем, кто живет во дворце, что они не должны меня бояться. Я не стану приносить зла никому, кто мне подчиняется.

Она кивнула, потом отпустила слуг, которые неслышно удалились.

— Пожалуйста, поешьте, мой господин.

— Ты ко мне присоединишься?

— Я посижу рядом с вами, если хотите. Орлак показал на стул напротив.

— Вы сказали, мой господин, что когда-то знали одну Джуно, — осторожно напомнила она.

— Все правильно, — ответил он, осматривая разнообразные восхитительные блюда, выставленные на столе, потом жадно съел сыру. Он заговорил, но, казалось, его отвлекает еда, поскольку Орлак сильно проголодался. — Она была старой, на самом деле, даже древней. Правда, она мне нравилась. У нее были седые волосы, совсем не такие густые и блестящие, как у тебя, морщинистое и покрытое пятнами лицо, скрипучий голос. — Молодой бог положил себе на тарелку еще одну ложку с блюда, которое ему особенно понравилось. — Но кроме одинакового имени, я вижу в вас обеих еще одну схожесть. Глаза. У нее они слезились от старости, иногда казались абсолютно белыми. Вроде бы та Джуно почти ослепла, но в ее глазах было что-то особенное... — продолжал он, но затем утратил нить мысли. — Ужин восхитительный, благодарю.

Джуно склонила голову.

— У нас во дворце работает великолепный молодой повар. Его зовут Рик Савил. Он происходит из знаменитой семьи поваров из Илдагарта.

Она заметила, как у Орлака приподнялись брови.

— У вашего Рика редкий талант. Пожалуйста, передай ему, что мне очень понравился ужин.

Женщина кивнула. Он был очарователен, и очень сильно отличался от того Орлака, с которым она сражалась ментально, сдерживая его силу. Джуно молча поблагодарила Сердце Лесов за возвращение именно в этот период ее жизни. Орлак никогда не знал ее молодой. Он помнил только старуху. Лисе — умница. Неужели она знала, что Джуно придется снова столкнуться с ним и находиться так близко?

— Кажется, ты задумалась? — донесся до нее его вопрос. Джуно вернулась мыслями к настоящему, к опасной тропе, по которой теперь шла.

— Простите меня. У меня сложилось впечатление, будто вы говорили о моей бабушке. Я задумалась о ней.

Он выпил немного вина, фиалковые глаза горели над краем кубка.

— Ту, которая называла тебя ясновидящей?

Она снова кивнула.

— И сегодня ночью, как я догадываюсь, ты собиралась мне рассказать, как пользуешься своим талантом, — сказал он, вытирая губы салфеткой.

— Это так, сир. Я взяла на себя смелость выбрать кое-кого для вас. Я считаю, что она принесет вам массу удовольствия.

— А откуда ты считаешь, что ты не принесешь?

И снова вежливость и шарм почти заставили Джуно забыть, с каким богом она имеет дело. Она должна об этом помнить! У него острый, как бритва, ум. Орлак соображает мгновенно, точно знает, какой вопрос задать, а к этому прямому вопросу она оказалась не готова.

— Я... я упомянула ранее, что обладаю особым чувством, как говорят старики. Встретив вас, я увидела у себя в сознании образ женщины, которая сегодня вам идеально подойдет, мой господин. Мы хотим принести вам удовольствие, а не раздражать вас.

Орлак удивил ее, рассмеявшись.

— Я не знаю, оскорбиться мне или нет, Джуно. Но расскажи мне про идеальную для меня партнершу.

— На самом деле, мой господин, женщина, которую хочу вам представить, может не соответствовать вашему идеалу. Но на сегодняшнюю ночь она будет идеальной партнершей.

Джуно поняла, что ей не следовало говорить ни о какой другой женщине, кроме как о партнерше, которую она выбрала на сегодняшнюю ночь. Это было ошибкой. Орлак был заинтригован и осушил кубок вина.

— О-о? Расскажи мне, каким у тебя в сознании представлялся образ идеальной для меня женщины.

Джуно почувствовала, что краснеет. Женщина, которую она видела, была полной противоположностью выбранной для него. Какая она дура — из-за нервозности сказала лишнее!..

— Ну, не робей. Ясно, что ты не хочешь проводить со мной ночь, поэтому я хочу услышать о той, которую ты увидела и считаешь идеально подходящей для меня. Джуно знала, что должна ему ответить.

— Сир, на самом деле я вижу полную противоположность мне. Это златовласая женщина, чем-то похожая на вас, мой господин, но не такая высокая. Она маленькая, стройная, с тонкими костями. Я думаю, что заметила цвет ее глаз — они серо-зеленые, словно море в штормовый день.

— Продолжай, — подбодрил он, внимательно слушая, но не глядя на Джуно.

Женщине совсем не хотелось продолжать, но Орлак вызывал страх своим внезапно спокойным поведением.

— Э-э-э... я видела высокие скулы, мой господин. У нее кремовый цвет лица, хотя на носу несколько веснушек. У нее очаровательные ямочки на щеках, когда она смеется. У нее красивая улыбка, чем она часто пользуется. А еще — хороший характер.

Джуно увидела, как на лице Орлака появилась ослепительная улыбка. Любопытно, что в течение всех веков борьбы в Пустоте она ни разу не оценила его невероятной красоты. Возможно, будучи очень старой Джуно из Эйзии, происходящей из известной семьи знаменитых ясновидящих, сражающихся за спасение мира, она не обращала внимания на такие тривиальные вещи.

— Я должен сказать, что ты — самая талантливая из всех ясновидящих. Эта женщина, которую ты представила, кажется мне неотразимой. — Орлак встал и вновь резко сменил тему разговора. — Почему бы тебе не представить меня той, кто сделает мою первую ночь в Кипресе запоминающейся?

Джуно почувствовала, как все ее тело расслабляется — ей удалось отвлечь внимание от себя. Она задумалась, что сделала бы, если бы Орлак настаивал, чтобы именно она провела с ним сегодняшнюю ночь. Женщина осторожно поклонилась ему и напомнила себе, что ей удалось уклониться от этих обязанностей только сейчас. Придется пережить еще немало

ночей перед тем, как человек, которого она ждала, действительно появится. Лисе сказала, что он уже в пути.

Джуно вышла из комнаты, все еще чувствуя облегчение, и жестом показала фигуре в плаще, которая терпеливо ждала в маленькой комнатке, что ей пора заходить. Лицо девушки было скрыто капюшоном.

— Пора, — сказала Джуно.

Незнакомка кивнула и проследовала за ней в комнату, где находился Орлак. Они заметили, что он вышел на балкон, чтобы насладиться ночным воздухом. Город выглядел особенно красивым в полнолуние. Молодой бог снял рубашку и широко развел руки. В серебристом свете луны его тело выглядело, словно идеальная скульптура с великолепно очерченными мышцами, торсом и широкими плечами.

У Джуно перехватило дыхание. Перед ней стоял бог — гордый, дерзкий и великолепный. Только она на самом деле понимала весь ужас его силы и черноту разума, в котором жила ненависть. Она надеялась, что это существо не причинит девушке боль. Однако девушка, которая стояла рядом с ней, с готовностью согласилась выполнить отведенную ей роль, даже просила ее прислать. Пока Орлак встречался с ненавистным Готом, Джуно приказала подготовить эти покои, а затем лично сходила в самый дорогой бордель в городе, предлагавший выбор самых разнообразных и роскошных женщин. Было ясно, кого надо найти.

Она и нашла нужную женщину. Тем не менее, Джуно едва не отказалась от собственного выбора, потому что заметила в молодой женщине надменность и высокомерие, которые соединились с отчаянным желанием быть избранной для этой задачи. Это чуть не оттолкнуло Джуно. Да, себя предложили еще несколько женщин — но все же немного. Даже в борделе слышали о случае на площади. Большинство не могло искушить никакое количество золота, но всегда находились несколько человек, для которых деньги имели первостепенное значение. Однако избранная на сегодняшнюю ночь женщина должна быть особенной. Джуно знала, что если избранница не удовлетворит Орлака сегодня, это вызовет гнев, который он выпустит на кипреанцев завтра. Нет, в выбранной шлюхе было достаточно уверенности, необходимой для встречи с ним. Она казалась незаинтересованной в предложенном кошеле и не показала страха, узнав, кого придется обслуживать. Казалось, что девушка не беспокоится даже теперь, ожидая вызова.

Джуно велела ей прийти обнаженной и накинуть только сатиновый плащ. Женщина и глазом не моргнула, услышав это предложение. На самом деле, показалось, что она заметила легкую улыбку, мелькнувшую в уголках рта. Эта шлюха явно была опытной и знала, как доставить Орлаку удовольствие.

Достаточно промедлений. Джуно откашлялась, Орлак опустил руки и медленно повернулся к ним. Джуно очень надеялась, что сделала правильный выбор. Она протянула руку к тонкой веревочке у шеи женщины и дернула за нее, чтобы снять плащ. Он беззвучно скользнул по плечам, и взору представилась обнаженное тело. Избранная партнерша была высокой, с роскошными формами, идеально пропорциональным телом и высокой налитой грудью. Женщина, которая только что застыла в поклоне, теперь с вызовом отбросила голову назад, и копна волос рассыпалась у нее по плечам. Она осматривала бога темными глазами, уголки пухлых губ были слегка приподняты в многозначительной улыбке. Выглядела она необычно и не могла не привлечь внимание мужчины. В ней имелась какая-то тайна, которая подчеркивалась странным бледно-зеленым кружком, который блестел у нее на лбу в лунном свете.

Орлак резко вдохнул воздух. Избранница была роскошна, и он представил ее на коленях, доставляющей ему удовольствие так, как обещал Доргрил. Он действительно почувствовал, как оккупант зашевелился внутри его сознания, красный туман засиял ярче. У Доргрила появились те же мысли.

Джуно почувствовала облегчение во второй раз за эту ночь. Выбор был идеальным.

— Орлак, мой господин, могу ли я представить вам Ксантию?...

## Глава 9

### Преследование начинается

После аудиенции у Орлака Гот не терял времени. Ему позволили собрать две дюжины человек, в кошельке звенело достаточно денег из королевской казны. Он сообщил солдатам, что по приказу Орлака ведет отряд в Таллинор с целью найти убийцу королевы Сильвен. Вызвалось много добровольцев — даже больше, чем требовалось. Советник взял одного офицера, который будет командовать солдатами.

Он объяснил, что служанка по имени Хела тайно покинула дворец, а у нее есть информация, которая может привести к убийце королевы — мужчине по имени Торкин Гинт. Некоторые солдаты знали Хелу, и Гот заметил удивление на их лицах при упоминании ее имени. Бывший Инквизитор быстро развеял их сомнения, сообщив, что именно Хела убедила королеву познакомиться с лекарем из Таллинора.

Совсем не помогло заявление одного шокированного офицера, который сообщил, что очень хорошо знает Хелу, что она всегда была самой верной из приближенных к королеве дам. Гот быстро выступил с самым важным обвинением, объявив: служанка захватила принцессу Сэйрел и увезла ее в Таллинор Для встречи с Гинтом. Девочку держат в плену, чтобы получить выкуп за наследницу кипреанского престола. Советник все это придумывал на ходу, быстро обходя любые препятствия и находя объяснения всему. Он бы позабавился, узнав, что Хела и в самом деле бежит под защиту Торкина Гинта.

Когда Гота спросили про вызывающего ужас незнакомца, он успокоил людей, заявив, что Орлак намерен посадить Сэйрел на трон, принадлежащий ей по праву. Он также сказал, что объявившийся вчера чужак — их единственная надежда в борьбе против раскрытого заговора. Ведь Таллинор имеет виды на Кипрес. Убийство королевы и взятие в плен принцессы — первые шаги врагов к успеху.

Гот был доволен собой. Ему удалось так быстро придумать эту ложь, выступая перед солдатами. Но почва под ногами оставалась не очень твердой: ведь Орлак убил много людей. Когда прозвучали новые возражения, Инквизитор напомнил людям, с чем они столкнулись. Это волшебство выходило за пределы понимания, с такой силой никто не в состоянии бороться. Лучше пусть Орлак будет на их стороне, разумно предложил советник, используя растерянность кипреанцев после гибели королевы и исчезновения принцессы. Он знал, что хватается за соломинки, что нужно больше времени для представления веских причин. Но ему самому требовалось срочно выполнить поручение — найти наследницу престола. После этого он получит невероятное богатство, а главное — власть, которой ему хотелось больше всего.

Люди были подготовлены. Теперь они начнут прочесывать город в поисках любой информации — всего, что может привести к местонахождению Сэйрел.

К Готу привели мужчину. Его сильно избили, он припадал на одну ногу. Солдаты, которые его притащили, бросили его перед Инквизитором.

— Он знает, сир, — объявил один из солдат.

Гот жестом показал, чтобы избитого мужчину снова подняли на ноги. Уставившись ему в лицо, Гот понял, что губы мужчины так сильно разбиты, что от них практически ничего не осталось. Или кто-то на него очень сильно разозлился, или мужик оказался слишком смелым, что совсем не пошло ему на пользу.

— Если у тебя есть какая-то информация о служанке Хеле, то лучше сообщи ее прямо сейчас, — сказал Гот приятным голосом.

Мужчина плюнул кровью в лицо Гота. Бывший Главный Инквизитор отреагировал совсем не так, как от него ожидали. Он всего лишь улыбнулся своей жуткой улыбкой и жестом призвал всех к тишине.

— Кто знает этого человека? — спросил советник.

Вперед шагнул один солдат.

— Я знаю, сир. Его зовут Гарт. Это — хороший человек, занимает должность стражника.

— Понятно, — кивнул Гот и повернулся к солдатам, которые удерживали Гарта. — Почему вы решили, что он что-то знает?

— Он хвастался в караульном помещении, что Хела должна ему жаркую ночку из-за оказанной услуги, сир.

— Хорошо.

Гот снова обратил внимание на солдата, знавшего Гарта, и что-то ему прошептал. Тот кивнул и ушел вместе с еще одним сотоварищем.

— Вольно, — отдал приказ Гот. — Нам придется немного подождать.

Солдаты были озадачены, но опустили Гарта на землю, где он теперь лежал молча, истекая кровью.

Через некоторое время солдаты вернулись. На этот раз они принесли с собой ребенка, маленькую девочку примерно шести лет. Она плакала. Мать тоже пришла и причитала, стоя в стороне. Обоим солдатам явно было неуютно, они были испуганы.

— Поднимите его, — приказал Гот и смотрел, как Гарта ставят на трясущиеся ноги.

Стражник сразу же узнал сестру и племянницу. Женщина кричала на брата, а ребенок плакал еще громче. Гот не мог не наслаждаться этой жалостливой сценой и очень сожалел, что не держит в руках раскаленное клеймо, а то бы все бы пошло, как в старые добрые времена в Таллиноре. Наконец, он заговорил, перекрывая шум.

— Так, Гарт, как ты видишь, меня совершенно не волнуют твои страдания. Да и тебе, похоже, на себя наплевать. Но если ты мне не расскажешь все, что знаешь про исчезновение Хелы, я отрежу пальчик ребенку твоей сестры. Я стану их отрезать, пока она не останется с двумя обрубками.

Гот почувствовал ужас собравшихся вокруг него людей. Им стало дурно от такого предложения. «Трусые», — подумал он. Кипреанцы, как и таллинезцы, стали очень мягкими. Инквизитор продолжал:

— А потом я займусь пальчиками ног, Гарт. Но ты можешь спасти ее, она не станет калек. Она даже не испытает никакой боли, если ты немедленно расскажешь все, что знаешь. Все очень просто.

Гот даже попытался улыбнуться, но лицо теперь дергалось очень сильно и очень часто... Оно всегда начинало дергаться, когда он так возбуждался.

Гарт повесил голову. Гот досчитал про себя до пяти, затем схватил ребенка и выхватил из кармана жуткого вида нож. Девочка теперь орала так сильно, что Инквизитор хотел воткнуть нож ей в сердце, но устоял. Вокруг него собрались солдаты, которые злобно переговаривались.

— Отойдите назад, — предупредил он. — Орлак наделил меня полномочиями, и вам следует выказывать уважение. Ему совсем не понравится, если вы станете мешать возвращению Ее величества королевы Сэйрел в целостности и сохранности.

Это возымело желаемый эффект.

— Гарт? — позвал он и с радостью отметил, что тот поднял голову и смотрит на него. — Ну так что? Пальчик — или информация?

Девочка теперь только хныкала. Ее мать побелела, как мел, смотрела на брата и продолжала отчаянно уговаривать его поделиться информацией.

Инквизитор не собирался проявлять терпение и больше не терял времени. Стражнику следовало напомнить, что Гот никогда не угрожает попусту. Без дальнейших предупреждений он схватил ребенка за левую ручку и отсек мизинец. Крик отдался болью в сердце каждого человека, стоявшего рядом, нескольких вырвало.

Мать завизжала и потеряла сознание, как и ребенок, что было для девочки благом. Гот снова холодно уставился на Гарта и протянул ему пальчик племянницы.

— Сувенир для тебя, — сказал он.

Гарт сломался и все ему рассказал. Через несколько минут собравшиеся уже знали про

странный уход из дворца Хелы с подругой в плаще. Стражник объяснил, что это служанка, которая забеременела, сама не зная от кого. Хела повезла ее домой, чтобы никто не болтал языком, а на репутации хорошей семьи не появилось пятна.

Гот рассмеялся.

— И ты не видел эту подругу?

Гарт смотрел, как его шокированную сестру и кричащую племянницу уводят прочь. У девочки продолжала течь кровь.

— Нет. Я поверил Хеле. У нее не было причин мне врать, но я все равно отправил человека проследить за ней, потому что вела она себя странно. Она встретила с каким-то мужчиной, и я только знаю, что они с подругой сели на корабль.

Все это стражник рассказывал очень медленно, запинаясь. Ему было трудно говорить, но Гот отличался терпением.

— Как назывался корабль?

— «Ворон». Он принадлежит капитану Квисту из Карадуна.

Гот был доволен. Он помнил это название с тех пор, как сам жил в Карадуне, и знал о репутации пирата. Тот считался самым успешным на всем архипелаге. Теперь у них появился след.

— Спасибо, Гарт, — сказал Гот и резанул ножом по горлу стражника.

Тот умер быстро и тихо. Инквизитор уже отдал приказ одному наемнику избавить Кипрес от сестры и племянницы Гарта. На самом деле, наемник только ждал их возвращения домой, чтобы закончить мерзкую работу.

Гот попытался стереть с одежды пятна разбрызгавшейся крови.

— Уберите тело. И я хочу, чтобы немедленно приготовили корабль. Мы направляемся в Королевство Таллинор.

Солдаты безрадостно, но покорно подчинились приказу.

Гот был очень доволен. Он поклялся, что в следующий раз направится в Таллинор с целой армией и колдуном Орлаком, взятым для защиты. Он проследит, чтобы отрубленную голову Торкина Гинта зашили в тело королевы Элисандры, потом сожжет этот труп и развеет пепел по самым дальним уголкам державы, а затем поможет новому хозяину стереть ее с лица земли.

## Глава 10

### Новые странствия

Гидеону сказали, что мать находится с королем. Поднимаясь по красивой каменной лестнице, украшенной скульптурами, в королевские покои, он почувствовал, как открывается канал мысленной связи. В голове резко зазвучал голос.

Фиггис! Это должен быть он.

«Ты где?»

«Во дворе замка. Мне не позволяют войти во дворец... Кстати, добрый день».

Гидеон улыбнулся.

«Добрый день, друг. Оставайся там. Слишком сложно объяснять, почему. Я вскоре к тебе присоединюсь».

«Не торопись. Я тебя ждал несколько столетий».

Гидеон прибыл к покоям, которые теперь постоянно охраняли. Он представился. Казалось, его ждали. Один из подчиненных Джила провел его в комнату, где сидела его мать. Ее поза, возможно, была излишне напряженной. Элисса тихим голосом беседовала с новым королем.

Оба повернулись при его появлении. Элисса широко улыбнулась, Джил просто кивнул. Гидеон поклонился, демонстрируя уважение обоим.

— Простите, что помешал вам, — сказал он.

— Нет, очень хорошо, что ты пришел, Гидеон. Мне очень жаль, что мы познакомились

при таких грустных обстоятельствах, — заговорил король. — Мгновение назад мы были незнакомцами, потом стали братьями... Теперь мы — король и подданный. Из-за всего этого можно запутаться.

Он улыбнулся, и Гидеон точно понял, что имела в виду его сестра, когда говорила, как улыбка меняет внешность Джила. Следует лучше узнать этого человека.

Гидеон запустил пальцы в темные волосы, расчесывая их, словно гребнем. Он улыбнулся в ответ.

— Наверное, начало знакомства было не самым удачным.

— Но ты в этом не виноват, — сказал король, указав на стул. — Выпьешь вина?... Мама?

— Я выпью эля, — ответила та, и Гидеон был поставлен в тупик, когда Элисса с королем засмеялись. Казалось, звуки смеха развеяли напряжение.

— Гидеон?

— Как и Ее величество, — проговорил он, пожав плечами.

Им подали кружки эля и вино для Джила, а заодно — вкусное печенье. Гидеон вскоре расслабился в компании короля, ему было гораздо легче сообщить о принятом решении.

«Сколько мне еще ждать?» — спросил голос у него в голове.

Гидеон подпрыгнул на месте, и эль выплеснулся из кружки. Двое других заметили это и удивленно посмотрели на него. Но Элисса быстро догадалась, в чем дело.

— После того, как привыкнешь к этому, дергаться перестанешь, — сказала она с хитрой улыбкой.

— Привыкнешь к чему? — спросил Джил, ставя на стол кубок с вином.

— К голосу в голове, — ответила она.

Джил повернулся к матери в некотором раздражении.

— О чем ты говоришь?

— Пусть Гидеон объяснит, — произнесла она, поудобнее устроившись в кресле.

Король посмотрел на сводного брата.

— Э-э-э... Это Фиггис. Он прибыл во дворец и хочет, чтобы мы поскорее трогались в путь.

Джил кивнул, не понимая ни слова из сказанного, но желая порадовать мать:

— Понятно. А кто такой Фиггис?

— Мой Паладин.

— Так, хорошо, это слово я слышал и раньше. Ты с ним связан. Я прав?

— Да. Как Саллементро и Саксон связаны с нашей матерью.

Король еще раз кивнул, на его лице застыла улыбка.

— А как он связан с элем у тебя в руке?

Вопрос повис в воздухе. Гидеон переводил взгляд с короля на мать и обратно перед тем, как ответить. Внезапно он почувствовал себя глупо.

— Фиггис только что обратился ко мне, и я этого не ожидал.

— Так... Теперь я ничего не понимаю, брат.

Элисса знала, что должна прийти на помощь, хотя последние несколько минут ей было забавно наблюдать за растущим неудобством Гидеона и попытками Джила разобраться с открывающимся перед ним волшебством.

— Джил, — позвала она, и король повернулся к ней. — Фиггис может связываться с Гидионом. Это означает, что он способен обращаться к Гидиону, когда они находятся на удалении друг от друга. Слова поступают прямо в сознание.

Король театрально взмахнул руками:

— Почему ты не сказала об этом раньше? Теперь я все понимаю!

Настала пора его успокоить.

— Послушай меня. Мы с Тором много лет общались так, пока не познакомились лично. Мы жили в разных деревнях, — сообщила она, вспоминая те далекие, прекрасные дни. — Я влюбилась в него через канал мысленной связи. Мы все можем разговаривать этим способом

с теми, с кем связаны. Подозреваю, что без архалита я могла бы общаться с Гидеоном, Лаурин, Тором, Саксоном, Саллементро и, возможно, еще с несколькими людьми, с которыми связь осуществляется через Сердце Лесов.

Джил заметил, что она больше не улыбается. Элисса очень напряженно смотрела на него зелеными глазами. За годы жизни рядом с ней он узнал этот взгляд, который означал — «я не шучу».

— А ты с кем разговариваешь таким образом?

Юный король бы заинтригован и раздумывал, насколько такое умение помогло бы на поле брани. Оно бы очень облегчило и связь между его подчиненными.

Гидеон понял, что король снова обращается к нему.

— С отцом, Лаурин, Фиггисом... Пока все.

— Мне очень жаль, что я не обладаю таким талантом, — заявил Джил, имея в виду именно это. — Ты сказал, что покидаешь нас?

Смена темы разговора застала Гидеона врасплох. Он порадовался, что уже поднес кружку с элем к губам. Пришлось отхлебнуть, проглотить, а за это время собраться с мыслями.

— Да. Именно поэтому я пришел сюда. Я хотел поблагодарить вас за гостеприимство, — он обращался к Королю, затем посмотрел на мать. — Я должен найти Ийсеуль и мой камень.

Элисса кивнула. Она ожидала этого.

— А Лаурин?

Гидеон снова посмотрел на короля.

— Надеюсь, что она сможет подольше воспользоваться вашим гостеприимством.

— Лаурин может гостить во дворце столько, сколько захочет. Я буду очень рад, если она останется. Будет очень неплохо, если кто-то из семьи задержится на церемонию коронации.

Несмотря на укол в адрес матери, юноша не встретился с ней взглядом. Гидеон мгновенно повернулся к Элиссе.

— Значит, Лаурин права. Ты уезжаешь?

Он заметил, как потемнело при этом лицо короля.

— Я должна, — ответила она, бросая взгляд на сына-короля. — Джил понимает. Ему просто нужно сделать так, чтобы люди это поняли.

— Как они могут понять отсутствие на коронации вчерашней королевы Таллинора... моей собственной матери, женщины, которая была замужем за королем, умершим всего несколько дней назад? Какое объяснение ты можешь предложить, мама?

Гидеон понял, что заново открыл рану.

— Простите, я...

Элисса не позволила ему закончить фразу.

— Все в порядке. Джил прав. Я ставлю его в очень трудное положение, но сын принял мои объяснения.

— Рубин? — Гидеон тактично не добавил имя другого человека, которого, по его мнению, она будет искать.

Элисса кивнула.

— Я предлагаю следующее объяснение, Джил. Твоя мать пережила сильную душевную травму после смерти короля и заболела. Ты посчитал, что мне лучше отправиться в монастырь для восстановления сил.

Юный король только презрительно фыркнул в ответ.

— И ты думаешь, что все придворные примут такое объяснение? После того, как ты стояла в тронном зале, этакая властная правительница, с чувством собственного достоинства, красивая и спокойная? Ты прекрасно держала себя в руках, не выглядела больной, не рыдала...

Мать не позволила ему продолжить тираду:

— Джил, все женатые мужчины в этом городе знают, что никто не в состоянии разобраться с эмоциями женщины, особенно той, которой пришлось пережить то, что пережила я. Ты забываешь, что я не притворяюсь, сын. Я не разыгрываю сцены, не устраиваю театр. Я живу и переживаю. Твой отец умер, и я стоически держалась. Для этого потребовались все мои душевные силы. Это не притворство... Я такая, как есть. А теперь я прошу тебя соврать ради меня. Они примут это, потому что ты так скажешь, и потому что знают: я люблю тебя, и при других обстоятельствах обязательно присутствовала бы на коронации. Никто не станет задавать вопросов, сын. Если потребуются, ты скажешь им, что у меня помутилось в голове, и ты отправил меня поправлять душевное здоровье... Но ты все равно скажешь — и проверишь, чтобы объяснения приняли.

Элисса наблюдала за сыном, новым королем, пока он не кивнул. Тогда она взяла его руку в свою и сжала. Гидеон смутился, став свидетелем этого жеста. «Она поразительная женщина», — подумал он и внезапно понял, что она теперь обращается к нему.

— Я уеду сегодня. Ты говоришь, что Лаурин знала?

— Она догадалась, что ты захочешь помочь найти нашего брата. Она не радуется моему решению.

Джил отошел к окну.

— По крайней мере, я буду рад видеть Лаурин на коронации и на пиру. Она будет сидеть рядом со мной, как личная гостья короля. Обещаю, что ей не будет одиноко или грустно. Сейчас из разных мест прибывают монархи и их свиты. Сегодня я уже получил подтверждение, что к нам направляется делегация из Кипреса.

— О, Свет! Но они ведь не успеют добраться вовремя? — спросила Элисса.

Король пожал плечами. Внезапно он напомнил ей маленького веселого мальчика, которого ничто не волновало и не беспокоило. Таким Джил выглядел всего лишь несколько лет назад.

— Мы подождем. Еще несколько дней роли не сыграют, а для меня будет честью их присутствие.

Гидеон шагнул к матери и поклонился, хотя ему хотелось ее обнять. Однако он посчитал, что ему не стоит это делать, раз они познакомились совсем недавно. Наверное, это было написано у него на лице, потому что Элисса взяла его за руку и притянула к себе поближе. Гидеон поразился тому, насколько она маленькая. Она казалась очень хрупкой в его объятиях.

Элиссе очень хотелось бы мысленно связаться с Гидеоном, сказать ему что-то особенное и очень личное, как мать сыну.

— Пусть Свет ведет тебя, сын мой, — произнесла она вместо этого. — И пусть он поможет тебе быстро вернуться ко мне живым и здоровым.

Гидеон наклонился, чтобы поцеловать ей руку и почувствовал возбуждение, когда Элисса коснулась его склоненной головы и запустила руку в густые темные волосы. Он надеялся, что сможет нормально говорить.

— Я быстро вернусь с камнем, Ваше величество. Ваш свет будет служить для меня маяком.

Элисса почувствовала, что ее переполняет любовь к этому юноше. Она в эту минуту не могла произнести ни слова и почувствовала облегчение, когда он отошел от нее к королю.

— Спасибо за заботу о Лаурин, Ваше величество, — Гидеон поклонился.

Джил отсалютовал Гидеону в традиционной таллинезской манере.

— Это совсем просто. С ней очень приятно общаться. Обещаю, что она будет здесь в безопасности. Пусть Свет освещает твой путь, а дорога окажется безопасной. Я скажу конюху, чтобы он дал тебе Тулли. Это хорошая кобыла, которая будет галопом скакать весь день, если попросишь.

— Ваше величество, в этом нет необходимости... — заговорил Гидеон, тронутый предложением короля. После разговора с Лаурин он знал, что Джилу очень трудно в этих странных обстоятельствах.

Джил снова улыбнулся, а Гидеон вновь вспомнил слова Лаурин.

— Чушь. Я настаиваю. Это — самое меньшее, что мы можем сделать для людей, на которых рассчитываем при спасении нашего мира.

Ни королева-мать, ни сводный брат не поняли, говорил ли он с иронией или нет.

Элисса спешила. Теперь, после того, как самое худшее закончилось, она едва ли могла дожидаться отъезда. Труднее всего оказалось прощание с детьми. Странно, но расставание с Лаурин прошло тяжелее всего. Девушка держала себя в руках, но отчаяние сквозило в последнем объятии. По правде говоря, они до сих пор оставались незнакомками. Тем не менее, между ними существовала такая сильная связь, что Лаурин, не удивившись новости об отъезде матери, чувствовала себя брошенной. За два дня ее оставили отец, брат, а теперь покидала и мать.

— Джил проследит, чтобы ты наслаждалась жизнью при дворе Таллинора, — слишком весело добавила королева-мать.

Лаурин смутилась при этих словах. Элисса продолжала:

— Он собирается посадить тебя рядом с собой во время коронации. О, Лаурин, ты познакомишься с монархами нескольких соседних стран, а заодно — со многими колоритными и влиятельными людьми. Следующие несколько дней будут очень интересными и полными событий. Ты едва ли заметишь наше отсутствие.

Даже сама Элисса чувствовала, что эти слова — пустые.

— А я не могу поехать с тобой? — очень серьезно спросила Лаурин.

— Нет, дитя. — Никаких объяснений она не давала, а девушка больше не спорила. — Ты будешь представлять нашу семью на коронации Джила. Я кое-что скажу тебе сейчас, Лаурин. Ты, конечно, можешь смеяться, но я считаю, что ты сейчас нужнее моему сыну, чем кто-либо другой.

— Я? — Лаурин хотелось рассмеяться от этого предположения.

Лицо Элиссы оставалось серьезным. Она кивнула:

— Я именно это имею в виду. Джил потерял человека, который играл исключительно важную роль в его жизни. Лорис... — Она колебалась, снова услышав, как это имя слетело с ее губ. — Король был важнее для Джила, чем я подозревала, да и за эту неделю он услышал несколько поражающих известий. Все это сказывается.

— Я не понимаю, как могу помочь, — Лаурин пожала плечами.

— Так, я не очень хорошо объяснила, — признала Элисса и взяла руку дочери в свою. — Ты для него — незнакомка. Это означает, что ты не станешь его судить. Кроме того, тебе неизвестны ни старые дворцовые сплетни, ни то, о чем тут шепчутся сейчас. Ты можешь оказаться хорошим другом для Джила, который, как и его отец, — одиночка. Я чувствую, что ты уже ему очень понравилась, он жалеет, что не сделал для тебя большего во время вашей первой встречи. — Элисса увидела улыбку, появившуюся в уголках рта Лаурин. — Подозреваю, что ты окажешься как раз тем человеком, который требуется Джилу. Ты для него гораздо нужнее сейчас, чем я, — сказала она. — Так ты сделаешь это для меня, Лаурин? Ты станешь ему другом?

— Конечно. Вы с папой и даже Гидеон, по крайней мере, чувствуете себя полезными, отправляясь делать то, что должны...

Девушка хотела продолжить, но взгляд матери остановил ее.

— Ты принесешь гораздо больше пользы, оставаясь здесь. На самом деле, если смотреть на тебя, находясь на некотором удалении, ты вполне можешь сойти за меня! — проговорила мать, выгнув брови дугой.

Они вместе рассмеялись. Элисса привыкла к тому, что ее самыми близкими друзьями были мужчины, она уже забыла, как весело можно проводить время с подругой. Ее всегда окружали Лорис, Джил, Саксон, Саллементро и даже Херек.

Но сейчас требовалось уходить. Паж уже отнес вниз ее небольшую сумку с вещами. Там, куда она отправлялась, Элиссе не потребуются ни роскошные платья, ни сатиновые туфельки. Она знала, что Саксон в нетерпении ждет с лошадьми.

Лаурин словно прочитала ее мысли:

— Саксон отправляется с тобой?

— Да, мы с ним связаны. Он вынужден путешествовать со мной, если я куда-то еду.

— А Саллементро?

— Он останется. Ему придется петь на коронации.

— А разве твой Паладин не обязан действовать, как Саксон?

Элисса слегка нахмурилась:

— Да, это интересный вопрос. Я задала его Тору до отъезда. Он считал, что один из двух Паладинов, с которыми связан каждый из нас, привязан к нам гораздо сильнее, чем второй. — Она пожала плечами. — Это разумно.

Больше говорить было не о чем.

— Наверное, тебе пора уезжать, — сказала Лаурин, очень стараясь не казаться грустной.

— Мы найдем его, и трое наших детей встретятся, — ответила Элисса, крепко прижимая к себе дочь. — Мне будет тебя не хватать, хотя я тебя почти совсем не знаю. Но я буду думать о тебе все время, пока отсутствую.

— Я — тоже.

Элисса покачала головой, серо-зеленые глаза блеснули.

— Нет, Лаурин. Я думаю, что тебе будет, чем заняться в мое отсутствие. О-о, Свет! Наверное, у нас один размер... Бери любое платье из моего гардероба. До отъезда я предупрежу Ролинду и камердинера, Тилли. Выбирай все, что хочешь. Ты должна выглядеть шикарно на всех празднествах!

Лаурин поняла, что мать выглядит, как девчонка, когда флиртует. Девушка не могла не улыбнуться.

— Тебе лучше всего пойдет голубой и светло-зеленый. Но бери все, что угодно.

После этих легких слов прощания королева-мать, которая очень недолго оставалась королевой Таллинора, покинула свои роскошные покои, выходящие на окруженный стеной красивый сад, который для нее построил Лорис.

Она больше никогда туда не возвращалась.

## **Глава 11**

### **Новые сведения**

Орлак сидел на балконе и смотрел на безупречно ухоженные сады перед дворцом Кипреса. Было раннее утро, в городе стояла тишина. Он потягивал маленькими глотками прекрасное сладковатое вино из винограда, выращиваемого в предгорьях у Нима. Другой рукой молодой бог беспокойно теребил свиток пергамента, который доставили во дворец незадолго до его прибытия. Ему повезло, что он его развернул и ответил немедленно. Вероятно, ответ уже прибыл по назначению.

Теперь Орлак смотрел на особую кисточку, которой отмечались документы от короля. Кисточка была сочно-малинового цвета, из сатиновых ниток, она подходила по цвету ко взломанной теперь королевской печати Таллинора — страны, откуда и поступило послание. Приглашение идеально вписывалось в его планы. Теперь можно отправляться в путь в самое ближайшее время.

Орлак надеялся, что к этому времени Гот уже нашел кипреанскую принцессу, которая обманула их всех. По крайней мере, этот уродец в черном, обладатель дергающегося лица, приблизился к ней. Узурпатор считал, что девушка, которой суждено стать королевой, больше не представляет для него никакой угрозы. Отбросив эту мысль в сторону, он смог сосредоточиться на том, что действительно имело значение.

За его спиной раздался тихий стон — так обычно стонут во сне. Звук был тихим, и только Орлак с его уникальным слухом смог его уловить. Ход его мыслей нарушился.

Молодой бог повернулся и посмотрел на обнаженную женщину, раскинувшуюся у него

на постели. Они не расставались после первой встречи, хотя Орлак знал, что дело тут совсем не в любви или даже симпатии. Вообще-то, было сомнительно, нравится ли она ему. Однако что-то в Ксантии притягивало. Ее страстность в постели компенсировала отсутствие симпатии к нему. И она нацелилась остаться с ним. Орлак знал, что она не любит его, но чувствовал, как у нее разгорается взгляд, когда женщина смотрит на него.

Сейчас он чувствовал себя удовлетворенным. Прошла лишь неделя, тем не менее, Орлак считал, что компенсировал за этот период то, чего был лишен на протяжении всей жизни. Эта таинственная женщина открыла для него тайны эротики. Она была красива — в этом никто не мог усомниться. Казалось, что Ксантия сделает все, лишь бы доставить ему удовольствие. Но Орлак чувствовал в ней жестокость.

Однажды в пылу страсти она укусила его. Боль оказалась сильной, но в тот момент он как раз приближался к пику удовольствия. Зато теперь, по прошествии нескольких дней, синяк портил его безупречную кожу, вызывал боль.

Ксантия безжалостна, решил Орлак. Несмотря на неопытность в отношениях с женщинами, он почувствовал, что это — необычная представительница их пола. Она говорила с ним о власти и мести. Вначале молодой бог решил, что ей каким-то образом удалось проникнуть в его мысли и узнать о его желаниях. Но узурпатор быстро понял — это ее собственные страстные стремления.

Эта оскорбленная женщина всю жизнь ненавидела таллинезцев и их образ жизни, который называла лицемерным. Ей хотелось убить короля, который поддерживал свой народ. Когда Ксантия заговорила о своих способностях Чувствующей, о том, как ее лишили возможности ими пользоваться, Орлак удивился. Он попросил рассказать поподробнее, узнав про архалит и Академию в Карембоше. Молодому богу было известно: стоит ему только коснуться ее лба, и он сразу же снимет этот прилипший камень, который сдерживал силу... Но пока не стоит этого делать, лучше подождать.

Теперь документ, который он держал в руке, вероятно, менял все. Похоже, желания Ксантии исполняются. Конечно, она не получит удовольствия, лично убивая Лориса, короля Таллинора, но, похоже, боги посчитали необходимым ответить на ее молитвы.

Орлак улыбнулся. Теперь Таллино́р будет легко взят. Предстоит коронация нового короля. Это просто идеально!

Сознание Доргрила неожиданно коснулось его собственного. Орлак дернулся. Дядя молчал больше суток. Во время последнего спора молодой бог прогнал его из сознания — тот вздумал было присоединиться к его сексуальным утехам. В некоторые моменты Орлак не был уверен, он или Доргрил движется над Ксантией, заставляя ее стонать. Ярость сработала. Доргрил отступил, оставив племяннику место, которое тот требовал для личного удовольствия. Старший бог жаловался, что ему тоже нужно расслабиться с женщиной, но эти стенания никак не тронули Орлака. Племянник в ярости предупредил, что совершит самоубийство, если Доргрил не уберется прочь. Конечно, это не устраивало дядюшку. Планы старшего бога фатально нарушатся, если не останется тела, в котором он мог бы устроиться, чтобы отомстить брату Дарганоту.

Доргрил мог вселиться в смертного, но это была бы жалкая победа. Ведь он искал мощное и лучшее тело для вселения. Гордость бога требовала тела бога. И теперь его могло удовлетворить только самое лучшее из всех божественных тел. Например, тело брата. Тогда он станет королем Сонма...

Орлак отвернулся от Ксантии и снова посмотрел на город.

«Поздравляю. Я думаю, что ты нашел нашу королеву, племянник», — заметил Доргрил. Орлак вздохнул. Ему придется поговорить со вселенцем.

«Что ты имеешь в виду?»

«То, что она идеально подходит на роль твоей марионетки. Это решает проблему для кипреанцев. Ты сдержишь обещание и представишь им королеву. Она сделает все, что ты попросишь... На самом деле, как я вижу, она уже это делает».

Орлак проигнорировал последнее замечание: «Да, мне приходила в голову такая же

мысль».

«Однако план усложняется, — дядя усмехнулся у него в голове. — Ты, конечно, не знаешь, кто такая Ксантия».

«А мне следует знать?»

«Ты был занят, сражаясь с этой группой глупых Паладинов, а вот я обращал внимание на происходящее и в других местах».

«Собираешься меня просветить?»

«На самом деле, тебе это понравится, — сказал Доргрил. Орлак представил его облизывающим губы. — Ксантия, как она и объяснила, — это бывшая послушница Академии в Карембоше. Она тебе все рассказала про это заведение, и про то, что оно собой представляет. Поэтому мне не нужно повторяться».

Орлак ненавидел, когда Доргрил важничал. Старший бог наслаждался любой возможностью рассказать какую-то историю, в особенности, если знал детали. Орлак отогнал от себя волну отчаяния, возникшую из-за того, что эта сущность засела внутри него.

«Продолжай».

«Догадайся, кто был ее лучшей подругой в Академии?»

«Я этого не знаю. Тебе придется мне рассказать».

Он пытался скрыть нетерпение. Он понял, что это может быть очень важный рассказ, и ему придется потерпеть Доргрила с его любовью растягивать все истории.

«Ее лучшей подругой какое-то время была Элиссандра... Та самая Элисса».

Орлак не продемонстрировал удивления, на которое надеялся дядя: «Почему только какое-то время?»

«О-о, это очень интересна история, — красный туман внутри Орлака стал мерцать ярче. — Изначально они поссорились из-за конкуренции — они обе претендовали на роль Старейшины. Для нас это совершенно неважно, — признал Доргрил, пропуская эту часть истории. — Но Ксантия по-настоящему возненавидела Элиссу из-за соперничества за внимание определенного мужчины. Можешь догадаться, кто это?»

«Ты шутишь?»

«Я никогда не стал бы шутить не из-за чего настолько ироничного. Торкин Гинт завоевал сердце Ксантии, но отмахнулся от нее, снова обнаружив свою любимую Элиссу в Карембоше. А что касается уroda с дергающимся лицом...»

«Гота?»

«Да, его. Он тогда попытался убить Гинта, почти добрался до него, но Гинт воспользовался очень хитрым трюком и исчез вместе со своей любовницей. Я думаю, что они отправились в Сердце Лесов».

«Что случилось?»

«Про Сердце Лесов я тебе ничего рассказать не могу. Я не в состоянии рассмотреть, что там происходит, оно для меня закрыто. Даже сидя в Пустоте, я видел только то, что происходило вокруг, но не внутри».

«Ну, тогда что ты можешь мне сказать?»

«Я знаю только, что планы Ксантии и Гота нарушились. Они не получили Гинта. Ксантия и Гот очень сильно ненавидят и его, и Элиссу. Мы можем это использовать. Ксантия сделает для тебя все, что угодно, если ты помашешь у нее перед носом морковкой — этими двумя людьми. Конечно, она считает Гинта мертвым. Гот просто любит преследовать кого-то, калечить, убивать. Дай ему людей и позволь действовать как он хочет, что ты недавно и сделал, — и он будет тебе верен. Ну, настолько верен, насколько может этот человек. Он страшно хочет покончить с Гинтом и подвергнуть Элиссу пыткам».

Орлак обдумал услышанное и с неохотой признал: от ненавистного дяди есть кое-какая польза.

«Как ты считаешь, откуда у Гинта такая сила?»

Красный туман ярко вспыхнул.

«Этого я не знаю. Догадываюсь, что он владеет невежественной магией, как Ксантия и

Элисса. Но он кажется гораздо более сильным волшебником, чем следовало бы. Однако в этом мире никакого другого вида магии не существует. Вообще-то, владеют ею лишь немногие. По большей части, это очень слабые способности — молоко свернуть или что-то в этом роде, если ты меня понимаешь».

Орлак кивнул.

«Но в Гинте есть что-то еще, — заметил он. — Почему, например, вокруг него собираются Паладины?»

«Это правда, и я восхищаюсь твоим ходом мыслей, — это был редкий комплимент от сущности, которая в основном выражала к нему презрение. Дядя продолжил: — Что еще у них есть? Они в отчаянии и объединились в последнем усилии. Определенно, Гинт обладает большой магической силой. И они его нашли. Меркуд провел несколько жизней в поисках кого-то, кто сможет бросить тебе вызов. Это тщетная попытка. Но они должны попытаться. С силой и волшебством Паладинов он становится сильнее. Но очевидно, что в сравнении с тобой он все равно слаб».

«Очевидно? Он слаб в сравнении со мной?»

Орлак услышал смех дяди. Презрение вернулось.

Все это имело смысл, но, тем не менее, Орлак высказал мысль, которая уже давно его беспокоила, грызла с тех пор, как его сознание впервые соприкоснулось с сознанием Гинта:

«А что, если он тоже бог?»

Это очень позабавило Доргрила. Казалось, что раскат его смеха разбудит Ксантию, но, конечно, никто не мог слышать его голос в голове у Орлака:

«Я думаю, что ты зря пугаешь сам себя».

«Я его не боюсь».

«Прости, племянник. Позволь мне перефразировать это. Думаю, что ты наделяешь его гораздо большими способностями, чем он заслуживает. Это — сын простого деревенского писаря. Я наблюдал за ним, когда он был еще юношей. Это просто крестьянин в образе спасителя Земли. Даже он в этом сомневается. Бог?»

Доргрилу снова стало забавно.

«Почему нет?»

«Как такое может быть?» — спросил Доргрил, который теперь испытывал раздражение от настойчивости Орлака.

«Он мог объявиться здесь, как, например, появился я».

«Зачем?»

«Чтобы не дать мне сделать то, что я собираюсь».

Доргрил снова рассмеялся: «Это что-то новенькое, племянник. Очень оригинальная мысль».

При этих словах красный туман, в который превратился Доргрил, вспыхнул, но на этот раз от него исходил холод. Такого холода старший бог не испытывал на протяжении многих веков. Орлак продолжал разговаривать с ним, но Доргрил его не слышал. Он судорожно размышлял. Нет, наверняка нет! Определенно, нет! Другой ребенок? Дарганот не способен на столь смелое решение. Эвагора никогда не согласилась бы на такую жертву.

А затем части картинки-загадки стали выстраиваться по местам. Орлак продолжал говорить.

«Тихо, дай мне подумать!» — рывкнул Доргрил на племянника.

Пришел через Орлака замолчать. Молодой бог поразился грозности тона дядя. Доргрил рывкнул на него в настоящей ярости. Пришлось подождать.

Доргрил стал анализировать факты, не смея поверить в дерзкое предположение племянника. Неужели сюда отправили еще одного бога? И каждый раз, доказывая несостоятельность идеи, он возвращался к одной и той же мысли: Лисе. Она всеми силами защищает Тора и Элиссу. Это возможно, очень возможно. Дарганот с Лисе придумали ловкий ход...

«Так, так», — только и слышал Орлак от более старшего бога. Потом снова наступала

тишина. Снова приходилось ждать.

«Очень хитрый план. Поздравляю, Лисе... Ты гораздо, гораздо умнее, чем я считал возможным для кого-то из Сонма. — Доргрил словно прищелкнул языком у Орлака в голове, а затем резко рассмеялся. — Таким ходом даже я гордился бы».

«Ты собираешься объяснять?» — спросил, наконец, младший бог.

«Это блестящий план. Просто дух захватывает от его простоты, если это на самом деле так. Скорее всего, имелся еще один ребенок, которого я проглядел. Он еще не родился, пока я жил в собственном теле. А если Сонм пожертвовал своей второй самой большой ценностью?... А возможно, и первой по важности после кражи наследника трона богов...»

«Кто это? Кто этот ребенок?»

«Скорее всего, это был новорожденный. Он даже не успел дорасти до того возраста, в котором украли тебя. Вероятно, его забрали у матери, как только он увидел свет», — сказал Доргрил, в голосе которого звучала ненависть.

Старший бог пытался соединить нити мыслей, распутывающихся у него в сознании, не обращая внимания на Орлака и высказывал мысли вслух, как только они появлялись. Теперь они словно лились потоком.

«Его отдали смертным родителям. Интересно, кто это сделал? Ребенок не мог путешествовать без перевозчика, — последовала долгая пауза. — Конечно, это сделала моя старая подруга, Лисе. Разумеется, она и провернула дельце. Лисе принесла новорожденного ребенка в простой дом, — но в тот, где его будут любить. Его, как и тебя, воспитывали, как смертного. Ребенок точно также не знал, кто он на самом деле. Он только понимал, что владеет странной и очень сильной магией».

Теперь Доргрил говорил тихо, отмечая важные моменты и вспоминая все, что видел из Пустоты.

«Ребенка принимали за простого Чувствующего. Осторожные родители научили его скрывать таланты, чтобы не привлечь внимания Гота и его банды Инквизиторов. Потом появился Меркуд, который на протяжении столетий искал именно го. И он обнаружил ребенка, то есть, уже юношу пятнадцати лет или около того. Лекарь решил доставить парня во дворец, где сможет следить за этим очень ценным экземпляром. Он манипулировал жизнью парня, пока терпение того не лопнуло, и он не вырвался на свободу. Меркуд разумно позволил ему уйти, но использовал другие методы, чтобы шпионить за ним. Он все время планировал смерть молодого человека в своих собственных целях».

Орлак запутался, слушая эту историю. Он упустил нить, но выяснил кое-какие захватывающие детали. Определенно, дядя знал, к чему клонит. Пришлось позволить ему продолжить.

Теперь Доргрил говорил быстро, потому что собрал все кусочки мозаики воедино.

«Меркуд использовал Элиссу, чтобы снова подчинить парня своей воле — спаси ее, умри сам. Но он не умер. У лекаря для него имелись другие планы. Он будет жить дальше, но тайно. И все это время вокруг него собирались Паладины...»

Орлак больше не мог это слушать. Рассказ прыгал с одного на другое, нельзя было удерживать нить. Он резко поднялся с кресла, в котором сидел, откинувшись, и в ярости выскочил на балкон, а там стукнул кулаком по бледно-розовому камню, из которого был сделан прекрасный дворец.

«Кто? — заорал он. — Кто такой Торкин Гинт?!»

Теперь Доргрил заговорил мягким тихим голосом. Он больше не важничал и не хвастался, вместо этого в голосе звучало благоговение: «Он — твой брат».

Джуно стояла в одном из маленьких двориков дворца и разговаривала с высоким, темнокожим мужчиной — моруком Адонго. Оба не теряли бдительности и шептались вместо использования ментальной связи, дабы Орлак случайно не уловил их магию.

— Он отправляется в Таллинон, — сообщила Джуно.

Адонго еще раз обернулся через плечо, проверяя, не появился ли кто-нибудь поблизости.

— Откуда ты знаешь?

— Доставили пергамент. На свитке большая печать Таллинора, — пожала плечами женщина. — Он мне сам сказал об этом.

У морука округлились глаза:

— Он с тобой многим делится.

Джуно кивнула:

— Да. А заодно — сбивает меня с толку. Он сейчас готовится к отъезду.

— И?...

— И он попросил меня выбрать слугу, который отправится вместе с ним.

— И ты выбрала меня?

— Да. Наш ребенок там. Я чувствую притяжение того, с кем мы связаны. А ты — нет?

— Тоже чувствую, — кивнул он. — Мне пришлось сопротивляться сильнейшему желанию вначале отправиться в Таллинор. Но что-то заставило меня после расставания с Тором сперва прийти во дворец Кипреса.

— Ты все сделал правильно. У тебя было время здесь обосноваться и примелькаться. Это пойдет на пользу нашим целям.

Адонго принялся вышагивать из стороны в сторону.

— А откуда мы знаем, что тот, с кем мы связаны, находится там, куда отправится Орлак?

— Мы и не знаем, — она заговорила еще тише. — Но ты сможешь следить за всеми передвижениями Орлака.

— Что ты ему сказала?

— Только то, что у меня на примете есть идеально подходящий ему слуга. Ты — морука. Тебя зовут Тит, и ты очень хорошо подготовлен. Ты очень рассудительный и сдержанный.

Адонго хитро улыбнулся:

— Такой сдержанный, что он даже не узнает меня.

— Я тоже не узнала, — улыбнулась в ответ Джуно. — Пожалуйста, Адонго, поезжай.

Морук кивнул и вежливо поклонился, как традиционно кланялись у него в племени:

— Я стану Титом.

Джуно почувствовала облегчение.

— Хорошо. А теперь поторопись. Он ничего не подозревает.

## Глава 12

### Сердце Лаурин

Элисса и Саксон поплотнее обернулись плащами, пытаясь укрыться от дождя. Они не могли нарадоваться умным лошадям, на которых ехали. Животные перешли на шаг и следовали рядом друг с другом. Под ногами лились потоки грязи, и клук не хотел рисковать. На более высокой скорости лошади могли бы их сбросить, поскользнувшись или подвернув ногу.

«Она больше не королева», — напомнил он сам себе, глядя на маленькую фигурку женщины, специально выбравшей ничем не примечательную одежду. Она очень легко перешла из роли королевы на роль простой смертной. Элисса никогда не страдала тщеславием, и теперь это ей помогло. Она словно отбросила недавнее прошлое, и сейчас выбрала для себя очередную роль — путешествующей знатной дамы с личным телохранителем. Саксон заметил, как светятся ее серо-зеленые глаза, и очень надеялся, что это — не из-за Тора. Было бы плохо, если сердце этой красивой и смелой молодой женщины оказалось бы вновь разбитым. Он отбросил мысль в сторону — это не его дело. И сама Элисса сразу же напомнила бы ему об этом, если бы Саксон хоть раз заикнулся на эту тему. Она отправилась в путешествие из-за того, что страстно желала найти сына.

— Как бы мне хотелось с ним связаться по каналу мысленной связи! — внезапно

сказала она, нарушив уютную тишину.

Голос звучал грустно, и это Саксону очень не понравилось.

— С Рубином? — Саксон надеялся, что она с ним согласится.

— Я имела в виду Тора, — ответила Элисса и немного смутилась. Может, как раз сейчас подходящее время, чтобы дать ей совет?

— Элисса, может быть, неразумно...

Она не позволила ему закончить фразу:

— Не надо, Саксон. То, что он жив, заставляет мое сердце биться вдвое чаще. От одной этой мысли оно чуть не разрывается! Я чувствую себя более удачливой, чем заслуживаю. Но это относится к Рубину и объединению всех наших троих детей. Дело не в Торе и не во мне. Наша привязанность друг к другу не имеет к этому никакого отношения.

Саксон воспользовался шансом:

— Тем не менее, я советовал бы проявлять осторожность.

Она сурово посмотрела на него. Во взгляде читался укор.

— Нет, клук, нельзя давать мне такие советы, — она на мгновение снова стала королевой, как совсем недавно. — Не надо забывать, что он все еще мой муж, хотя это не означает, что я бегу назад в его постель.

Элисса могла стать суровой, если ее выводили из себя. Саксон сожалел, что сделал это на раннем этапе путешествия. Теперь им предстоит ехать в молчании, и обоим станет неуютно.

— Я забыл об этом, Ваше величество, — сказал он, надеясь, что официальное обращение напомнит ей об его уважении.

Ее натянутое выражение лица расслабилось, появился даже намек на улыбку.

— Называй меня теперь Элиссой. Прости, Саксон, я очень нервничаю. Мужья умирают, мужья возвращаются из мертвых, сыновья возвращаются из мертвых, появляются дети, о существовании которых я не знала... Возможно, я принесла боль еще одному сердцу, хотя этого следовало избежать.

— Джилу? — мягко спросил он. Она кивнула:

— Ему сейчас очень больно.

— В нем есть все задатки, чтобы из него получился хороший король, — заверил ее Саксон.

— Но кто будет его направлять? У него никого нет, и даже я теперь его покинула.

— Уверен, что Джил проложит свой собственный путь и пойдет по нему. Король еще удивит нас всех.

— Ты даже хуже, чем обожающая своего сына мать, — поддразнила она его.

Саксон пожал плечами:

— Из него получится прекрасный правитель Таллинора. Давай не упускать из виду тот факт, что в его венах течет кровь старого короля Морта.

Женщина улыбнулась.

— Джилу повезло, что мы все так в него верим. — Элисса прикусила губу. — Надеюсь, что он присмотрит за Лаурин.

— Пусть он теперь и король, но, если не считать Херека, во всем Таллиноре не найдется солдата лучше Джила. Наверняка нет лучшего мастера-мечника. Лаурин с ним безопаснее, чем здесь с нами.

Элисса приподняла брови:

— Ты был так безжалостен с Джилом во время тренировок! Всегда говорил ему, что у него все получается ужасно.

Клук сплюнул:

— Никакого толку не выйдет, если у парня закружится голова, если он вообразит из себя невесту что, Элисса. Ты была слишком мягкой с ним. А кто-то должен был взять на себя роль сурового мужчины в его жизни.

Саксон снова заметил, как у нее по лицу пробежала грусть. Он опять сказал что-то не

то?

— Да, я очень сожалею, что не сказала ему про отца. Но Лорис на этом настаивал. Он ведь мог так помочь Джику в те годы!

— Что сделано, то сделано, — ответил Саксон, решив положить конец грустным мыслям. — А теперь давай посмотрим, что для нас могут сделать эти крепкие кобылки. Сердце Лесов зовет...

\* \* \*

В Тале царил организованный хаос — город готовился к коронации нового короля. Новость об объявлении Джика наследником престола разнеслась по стране. Ее встретили с большим энтузиазмом, что было понятно. Юноша пользовался популярностью в городе, особенно, среди местной знати, у которой имелись дочери брачного возраста. Занимая должность помощника прайм-офицера, он уже несколько раз ездил по Таллинору, а это означало, что его лицо было знакомо людям. Молодого короля знали и любили даже в самых удаленных от столицы районах. Это в значительной мере смягчило удар и ослабило беспокойство из-за появления нового правителя, тем более, его считали справедливым и смелым человеком.

Слуги трудились, словно рабочие пчелы, управляющие отдавали приказы. Дворец вымыли и вычистили сверху донизу. Все, начиная от серебра и заканчивая латами королевских гвардейцев, отполировали до блеска. Команда Поварихи суежилась в кухне. Открыли несколько частей замка, в которые давно не заходили. Их проветрили и словно вернули к жизни. Поток телег и фургонов казался нескончаемым. Они подвозили огромные связки трав и лаванды, чтобы заново набить матрасы и разбросать по полам во всех гостевых покоях. Через день или два все будет заполнено. На самом деле, Джику уже сообщили, что первые гости королевской крови появятся к вечеру. Забивали животных, свеживали туши, жарили, варили или просто развешивали для вяления мясо.

Лаурин чувствовала себя бесполезной среди всей этой сумасшедшей суеты. Она не знала, как предложить свою помощь, потому что все были очень заняты. Ей казалось, что мешать им и отрывать от дел — невежливо. Поэтому в тот день она просто бесцельно гуляла по территории, пока не заметила Ролинда, который пытался увести старого пса Дрейка подальше в один из маленьких дворишков. Там, как она видела, готовились искупать королевского гонимого пса. Целая группа мальчиков-пажей приготовилась к выполнению задания, но ни у кого не хватало смелости начать. В те дни Ролинд был единственным человеком, которого Дрейк искренне любил, за исключением Элисы и Джика. Всех остальных он просто терпел. Но казалось, что даже ради старого слуги пес не собирается подвергаться такому унижению, как ванна. Он был слишком стар, чтобы купиться на какую-то уловку или взятку. Огромная собака просто сидела неподвижно, словно приросла к земле, и смотрела на людей, как на врагов.

Лаурин обратила внимание на это веселое представление только потому, что один из старших пажей, у которого в списке заданий на этот день явно имелось много других, потерял терпение и смело приблизился к собаке с куском веревки. Дрейк, прославившийся своим громким и свирепым лаем, выдал один из лучших концертов, и все остальные пажи бросились назад. Старший довольно резво последовал за ними.

Ролинд покачал головой, а затем заметил Лаурин, которая стояла поблизости. Ей явно было забавно наблюдать за происходящим.

— Госпожа, могу ли я представить вам самую упрямую и самую грязную и неряшливую гонимую в Королевстве? Пса зовут Дрейк.

Лаурин рассмеялась:

— Чей это пес?

Ролинд вздохнул:

— Короля Лориса, пусть на него падет Свет. Но пес очень любил и вашу мать. Она

знала, как обращаться с этим зверем. Теперь это пес Джила. Они неразлучны, но король отдал четкий приказ: вымыть гончую. Собак моют только на коронацию. Поэтому, как я предполагаю, это его первая ванна и, надеюсь, последняя.

Теперь Лаурин стало по-настоящему весело. Девушка, смеясь, подошла к псу.

— А это обязательно?

— Таков приказ короля.

— Ну, тогда, Дрейк, давай во всем винить короля, а не этих приятных молодых людей, — сказала она, положив руки на бедра.

Ролинд был поражен, увидев, как огромный пес встал и замахал хвостом, глядя на девушку. Она улыбнулась и подозвала его к себе. Дрейк вел себя так, словно был ее собакой. Пес подошел к ней, позволил себя погладить и потискать.

— Госпожа, вы умеете найти общий язык с животными, как и ваша мать.

Лаурин улыбнулась:

— Я могу вам помочь в выполнении этого приказа?

— Но вы испачкаетесь, и вся ваша одежда промокнет.

— Пожалуйста, Ролинд, подождите две минуты, я переодеюсь, а вы можете пока отпустить пажей. Я справлюсь с Дрейком без посторонней помощи.

Ролинд с открытым от удивления ртом наблюдал за девушкой. Она подхватила юбки и побежала во дворец. Пес снова сел и злобным взглядом стал следить за оставшимися во дворе. Дворцовый секретарь покачал головой:

— Идите, мальчики. Выполняйте другие поручения.

Им не потребовалось повторять два раза, и пажи исчезли за несколько секунд. Когда юноши пробежали мимо него, Дрейк зарычал.

Ролинд отругал его. Он все еще укорял пса (хотя и мягко), когда снова появилась Лаурин. Она надела свободную мужскую рубашку и штаны, которые держались на талии при помощи кожаного ремня.

— Я позаимствовала эту старую одежду, — весело сообщила девушка. — Пошли, Дрейк. Тебе понравится, когда ты будешь чистым, ты еще спасибо нам скажешь. А потом я тебя расчесу. У тебя шерсть будет блестеть.

Понял ее пес или нет, Ролинд сказать не мог. Но Дрейк покорно проследовал к корыту, из которого обычно поили лошадей. Там Лаурин взяла большой горшок и стала лить воду на животное.

Псу это не очень нравилось, но он терпел и вел себя довольно спокойно. Потом Лаурин его намылила, и опять принялась окатывать водой. На намыливание Дрейк отреагировал с легким негодованием. Ролинд слушал поток мягких увещаний — Лаурин непрерывно разговаривала с собакой тихим голосом, объясняя, что теперь нигде не будет чесаться, а блохи, которые всегда кусали животное во сне, исчезнут. Она их вычесет. Ее голос успокоил секретаря в не меньшей степени, чем собаку. Именно поэтому Ролинд и не заметил, как во дворе появился король.

При виде этой сцены Джил пораженно остановился, а затем, не желая прерывать процесс, прислонился к одной из стен и наблюдал за Лаурин. Она походила на его мать, пока та не стала королевой и могла себе позволить подобное занятие. Именно такой он запомнил Элиссу. Лаурин безуспешно попыталась заплести свои золотистые волосы в косу, но она почти расплелась, и отдельные пряди блестели в лучах полуденного солнца и обрамляли лицо, покрасневшее от усилий. Девушка была очаровательна. Юному королю также понравилось, как она мягко разговаривает с собакой.

Он вспомнил день их первой встречи. Лаурин нашла для него Брикса, а этот конь подходил далеко не всем. Очевидно, она знала, как разговаривать с животными. В тот день девушка была покрыта грязью, а сегодня оделась в мужскую одежду. Похоже, ей совершенно несвойственно обычное для женщин тщеславие.

Джил думал, насколько Лаурин великолепна в этой простой одежде и с растрепавшимися волосами. Внезапно Дрейк решил, что уже достаточно вымылся, и решил

отряхнуться.

Он так тщательно избавлялся от воды на теле, что промочил всю одежду ничего не подозревавшего Ролинда и постарался сбросить как можно больше воды на Лаурин. Девушка вначале закричала, а потом рассмеялась, глядя на Ролинда и на саму себя.

Дрейк побежал прочь, желая повалиться в пыли, но Джил быстро его перехватил. Юноша прекрасно знал, что любят делать собаки с промокнутой шкурой. Он схватил гончую за холку и рассмеялся.

В этот момент Ролинд с Лаурин впервые заметили короля. Оба поклонились, но выглядели очень смешно в мокрой одежде.

Распрямившись, Лаурин смутилась. Король не мог оторвать взгляда от внезапно ставшей прозрачной белой рубашки, которая великолепно прилипла к ее груди.

Джил откашлялся:

— Как я предполагаю, такой моды придерживаются в тех местах, откуда ты приехала?

Она проследила за его взглядом, завизжала в ужасе и отчаянно попыталась прикрыться руками:

— Простите, Ваше величество. Я... э-э-э... должна переодеться.

Девушка не стала кланяться, а просто побежала во дворец. Щеки у нее горели, но теперь не от физических усилий, а от унижения.

Ролинд ничего не сказал, но его взгляд говорил, что Джилу не следовало так смущать дочь его матери. Юный король очень уважал старого секретаря и не стал игнорировать предупреждение на обычно ничего не выражающем лице слуги.

— Простите, Ролинд. Ее так хочется поддразнить.

— Вам не за что передо мной извиняться, Ваше величество, хотя мне хотелось бы упомянуть: девушка чувствует себя очень одинокой.

Джил задумался над этим:

— Я еще более ухудшил положение?

— Нет, сир. Я думаю, что она просто намерена помочь вам и стать частью дворцовой жизни. Лаурин хочет в нее вписаться... как большинство из нас.

Король кивнул:

— Я должен это как-то исправить.

Позднее в тот день Лаурин смотрела из окна своей комнаты на поля, в ту сторону, где по ее мнению должен находиться Бриттелбери. Она очень жалела, что не уехала вместе с Гидеоном. Внезапно девушка услышала стук в дверь. Пришел паж с посланием от короля, который приглашал ее присоединиться к нему во время конной прогулки во второй половине дня. Она предположила, что туда отправится целая группа людей, и с неохотой согласилась. Сегодня ей особенно не хотелось снова видеться с Джилом. Каждый раз, вспоминая, как она появилась перед ним едва ли не обнаженной, Лаурин чувствовала, как у нее начинают гореть щеки. Но ей, вероятно, удастся его избегать, затерявшись в группе. К тому же, это будет хоть каким-то занятием, и еще удастся провести несколько часов не в одиночестве.

После утренней катастрофы Лаурин очень тщательно готовилась. Ролинд наполнил ее гардероб дюжинами вещей, которые она, вероятно, никогда не наденет, но неудобство уменьшилось, когда она узнала, что мать велела обеспечить ее всеми возможными видами одежды — на все случаи жизни во время пребывания во дворце.

В назначенный час Лаурин оказалась в главном дворе и с удивлением увидела лишь одну лошадь и конюха, который ее держал.

— А где остальные? — спросила она.

— Они уехали вперед, госпожа, — сообщил он, помогая Лаурин сесть в седло. — Кобылу зовут Файерфлай. После того, как вы с ней лучше познакомитесь, на ней будет очень приятно ездить. Правда, должен добавить, госпожа, что она может немного проявить норов с новым ездоком. Но вы вскоре узнаете все ее повадки.

— Спасибо. А как мне найти остальных членов группы? — спросила она, закипая внутри от оскорбления. Ее лично пригласили, а потом не дождались!

— Я провожу вас, госпожа. Это недалеко.

Они молча направились к задней части дворца. Лаурин была в ярости и не могла ни с кем вести вежливую беседу. Она увидела нескольких солдат впереди, окружавших пару лошадей, но не заметила никаких мужчин в дорожных одеждах, готовых к конной прогулке, как, впрочем, и женщин. Как это грубо со стороны короля!

— Как вас зовут? — спросила она, наконец, у конюха, который вел лошадь.

— Баркли, госпожа.

— Баркли, я не хочу сегодня отправляться на конную прогулку. Проводите меня назад.

Ей очень не нравилось высокомерие в собственном голосе. Но приходилось выбирать между ним и яростью.

Баркли колебался. Теперь они находились в нескольких ярдах от других людей.

— Но, госпожа, король...

— Как я вижу, короля здесь нет. Он прекрасно обойдется без меня, — сказала Лаурин надменно, не в силах вернуться к вежливому тону. Несчастный человек, который вел лошадь, покраснел.

Она услышала, как к ним кто-то приближается сзади на лошади, но проигнорировала его.

— Я хочу немедленно вернуться во дворец, — это прозвучало, как приказ.

Лаурин увидела, как Баркли смотрит ей за спину, и в раздражении решила, что это просто неуважение к ее желаниям.

Такое отношение смешалось с оскорблением и пренебрежением со стороны короля, и в ней что-то взорвалось.

Девушка ухватила за поводья, чтобы вырвать их из рук Баркли. Лаурин решила, что сама найдет дорогу в конюшню если потребуется. Ее внезапное движение, когда она попыталась вырвать поводья из крепких рук конюха, привело к тому, что лошади стало больно. Вероятно, удила надавили ей на губы, Файерфлай взбрыкнула, чуть не сбросив Лаурин, и мгновенно припустила галопом.

Лаурин закричала. Она умела держаться в седле, но у нее не было опыта обращения с испуганным животным. Для этого требовались определенные навыки наездника, которыми она не обладала. У девушки создалось впечатление, будто лошадь не бежит, а летит.

Лаурин слышала стук копыт за спиной и молилась, чтобы ее догнали до того, как Файерфлай забежит в небольшую рощицу впереди. Похоже, лошадь упрямо направлялась туда.

Но догнать их не успели. Они врезались в гущу деревьев, ветки стали бить по лицу. Девушка отпустила поводья, чувствуя, что волосы цепляются за ветки и вырываются с корнем.

Вероятно, всадник, скакавший позади, все-таки догнал их. Файерфлай остановилась, а Лаурин не удержалась в седле и упала на землю. Из глаз посыпались искры, но через минуту или около того она пришла в себя, открыла глаза и увидела над собой обеспокоенное лицо короля.

— Тихо, не шевелись. Где-нибудь болит, Лаурин?

Она увидела другие лица. Все выражали беспокойство. Внимание всех этих людей оказалось приятным.

— У меня все болит, — прохрипела она и безрадостно приняла помощь короля, который помог ей принять сидячее положение. У нее и в самом деле болели спина и ребра.

— Не торопись. Двигайся медленно. Тогда будет не так больно, — мягко произнес Джил.

Голос его был приятным. Но ведь она злилась на него, верно? Лаурин нахмурилась, думая о том, почему она на него разозлилась. Затем у нее в голове прояснилось, и девушка все вспомнила.

— Вы бросили меня одну, — проговорила она. Люди стали расходиться, словно получили невидимый сигнал. — А куда все уходят?

В уголках губ Джила появилась улыбка.

— Я подумал, что ты не захочешь находиться в окружении большого числа людей. Ты можешь встать?

С некоторым усилием ей это удалось.

— Значит, ничего не сломано? — спросил он. На лице Джила все еще оставалось беспокойство. Он испугался, подумав, что девушка получила серьезную травму.

— Нет. Просто будет много синяков, — признала Лаурин. У нее все болело, и ей стало жалко себя. — Наверное, я выгляжу ужасно, — добавила она, заметив, что волосы снова выбились из косы.

— Ты выглядишь столь же великолепно, как и сегодня днем. К сожалению, ты решила больше не надевать ту восхитительную мокрую рубашку, — сказал он, очень стараясь не улыбнуться.

Лаурин посмотрела на него снизу вверх, поняв, что он до сих пор ее обнимает, так и не выпустив после того, как помог встать. Пока сводная сестра глядела в это мальчишеское красивое лицо, к ней вернулось чувство юмора. Ей стало по-настоящему весело, несмотря на боль и стоны. Девушка почувствовала облегчение, когда поняла: король не пытался ее унижить, это она сама отреагировала слишком бурно.

— Мне очень жаль, что так получилось, — проговорила Лаурин. — Я до сих пор сгораю со стыда.

Он помог ей пройти к дереву и предложил снова сесть.

— Это лишнее. Большинство придворных дам с удовольствием пожертвовали бы рукой или ногой, а скорее, и тем, и другим, чтобы выглядеть столь же роскошно, как ты сегодня днем — даже без помощи воды.

Лаурин прикрыла лицо руками. Девушка не была теперь уверена, смущается она из-за случившегося днем, или же из-за неожиданной лести.

— О-о, пожалуйста, давай больше не будем об этом говорить. Мне так стыдно!

Король по-настоящему рассмеялся.

— Боюсь, что я никогда не смогу этого забыть. Наверное, буду вспоминать еще много лет и мечтать. — Он сменил тему:

— Кстати, а почему ты так резко пустила лошадь галопом?

— Я не специально, — грустно призналась девушка. — Я так разозлилась за то, что меня бросили одну, и не захотела, чтобы конюх отводил меня к остальной группе. Поэтому, когда Баркли не стал разворачивать лошадь, я решила, что сама найду дорогу на конюшню. Похоже, я испугала Файерфлай.

— К какой группе?

— М-м-м? — посмотрела она на него, пытаясь привести прическу в порядок. Это не получалось.

— К какой группе? — повторил король. — О чем ты говоришь?

Лаурин больше не пыталась справиться с выбившимися прядями и поняла, что допустила еще одну ошибку.

— О-о, я просто предположила, что приглашение означает конную прогулку целой группы людей.

— Почему?

— Как это почему, сир? — переспросила девушка.

Теперь Лаурин нервничала от прямого взгляда этих зеленых глаз. Он сидел достаточно близко и касался ее коленями. Почему у нее вдруг так учащенно забилось сердце?

Джил перефразировал вопрос:

— Почему ты предположила, что мы поедем группой?

— А почему нет? — настороженно спросила она, заметив, как коротко подстрижены у него волосы. Их кончики казались золотистыми. Они с Джилом находились слишком близко, чтобы Лаурин чувствовала себя удобно.

Он рассмеялся из-за ее уклончивости и взял девушку за руку. Лаурин уставилась на

крупные ладони, на которых лежали ее маленькие ручки, и обратила внимание, что этот юноша хорошо ухаживает за своими руками. Это нетипично для солдата. Такие руки подходили для короля, которым он теперь стал. Абсолютно чистые ногти были коротко подстрижены и подпилены. Кожу у основания ногтей аккуратно срезали, четко просматривались белые полумесяцы. Лаурин пораженно поняла, что хочет чувствовать эти руки на своем теле. Она сразу же отвела взгляд от искушающих рук Джила и снова посмотрела в его зеленые глаза.

— Простите? — спросила она, внезапно дернувшись от видения этих рук, ласкающих ее сквозь промокшую рубашку. Девушка потрясла головой, чтобы отделаться от образа.

Король улыбнулся. У него был озорной и понимающий взгляд.

— Я ничего не говорил. Твоя рука внезапно повлажнела, Лаурин. С тобой все в порядке?

Девушка вырвала руку и вытерла о юбку.

— Со мной все прекрасно. Возможно, нам следует идти, — сказала она, поглядывая во все стороны. Не видел ли кто-нибудь их вместе? Внезапно показалось, что сидят они слишком близко. Их головы почти касались друг друга.

— С тобой действительно все в порядке? — в голосе Джила снова промелькнуло искреннее беспокойство.

— Да, честно. Конечно, будет много огромных синяков, но, в общем и целом, все нормально. Пойдемте?

Она попыталась встать, но эта ужасная красивая рука снова схватила ее собственную.

— Если с тобой все в порядке, то для меня будет честью, если мы продолжим прогулку и устроим пикник, который я планировал.

— Пикник? — переспросила она и сама себе напустила ручного попугая, которого видела во дворце в золоченой клетке. Девушка пообещала себе больше ничего не повторять за Джилом и не заставлять его самого повторять что-либо.

— Да, наш пикник. Для тебя и для меня.

— Я не понимаю...

— Я пригласил тебя на конную прогулку сегодня во второй половине дня. Подумалось, что мы можем устроить тихий пикничок, а я последую твоему мудрому совету и попрактикуюсь в своей улыбке.

— О, Джил, я не имела в виду...

Он прекратил улыбаться, к Джилу вернулась уязвимость. Теперь она очень нравилась Лаурин.

— Я знаю. Я знаю. Но ты права. Эти последние недели... Я чувствую себя так, словно к моему лицу прилипла маска с мрачным выражением. Ужасные новости переплетались со странными, все это свалилось мне на голову почти одновременно. Я на самом деле забыл, что такое улыбка. А ты мне напомнила, за что я благодарен. Итак... ты ко мне присоединишься?

Она огляделась в замешательстве.

— То есть — только мы вдвоем?

— Так и планировалось с самого начала. Эти люди — мои телохранители. Они ждали меня, пока я отправился кое-что проверить. Появилась ты и, очевидно, решила, что меня нет. Но клянусь тебе: я был там все время и просто уехал вперед по кое-каким королевским делам, — сказал Джил с напускной важностью. Они обменялись улыбками. Юный король кивнул своим подчиненным. — Охранники будут нести дозор, но держаться на расстоянии. Мы с тобой, можно считать, будем вдвоем, но поедем недалеко от них.

С этими словами он поднес ее руку к губам и поцеловал. Поцелуй был таким легким и быстрым, что ей пришлось даже убеждать себя, что это вообще произошло.

Король не испытывал ни неловкости, ни смущения от только что сделанного. Джил встал, помог подняться Лаурин и повел ее к Файерфлай, все время направляя девушку одной рукой. Ей казалось, что его рука жжет сквозь одежду. Она кожей чувствовала его

прикосновение и слегка дрожала от этого.

Немного позже они устроились у маленького ручья и легко перекусили. Пища была восхитительной. До этого Джил и Лаурин долго разговаривали во время прогулки, позволив лошадям самим выбирать скорость.

Король решил, что Лаурин на сегодня хватило быстрой езды, и преднамеренно пустил Брикса шагом. Они много смеялись над самыми обычными вещами, и Джил заметил, что девушка умеет очень хорошо пародировать других. Она совсем недолго жила во дворце, но уже могла очень забавно изобразить Корина и Повариху.

Джил еще раз посмеялся над случившимся днем, Лаурин сжалась, и тогда он пообещал, что больше никогда не будет об этом вспоминать. Однако юноша знал: этот образ будет возвращаться к нему ежедневно, и он не сможет успокоиться, пока не почувствует ее тело, прижавшееся к его собственному.

Потом они замолчали и просто ехали рядом. Им было уютно друг с другом. Джил начал задумываться, нет ли ничего предосудительного в желании, которое вызывала эта женщина. В конце концов, ведь она ему не настоящая сестра. Ее родная мать — это его приемная мать, они не росли вместе, как брат с сестрой. С его точки зрения, это просто молодая незнакомка, которой требовалась помощь. Девушка появилась в его жизни самым неожиданным образом. Она заинтриговала его с момента первой встречи, а теперь все только усилилось. Пока они сидели у ручья, оба стали серьезнее. Джил заговорил о своем отце.

Через некоторое время Лаурин стало казаться, что она хорошо знала этого человека. Она видела его внимательными глазами Джила, который тоже обладал необходимым для солдата навыком подмечать детали.

— Знаешь, он очень любил твою мать, — сказал юноша.

— Я так и поняла. А что можно сказать о моем отце? Он оценил ее прямоту.

— Мне хотелось бы, чтобы он никогда не приезжал сюда, но тогда я никогда бы не встретил тебя. — Джил не мог встретиться с ней взглядом, когда говорил это. — Я стараюсь непредвзято смотреть на все, что он, наверное, представляет. Лаурин. — Он снова рискнул взять ее за руку. — Я — король Таллинора. Но в душе я все равно остаюсь простым солдатом. Я разбираюсь с тем, что видят мои глаза и слышат мои уши. Все эти разговоры о волшебстве, злых богах и о твоём появлении из какого другого мира для спасения этого — они мне непонятны. Это сбивает меня с толку!

Девушка сжала его руку.

— Я понимаю. Я сама едва ли представляю, что здесь делаю. Спасение мира? Ха! Каким образом? Но, Джил, стоит посмотреть на меня.

Он и посмотрел. Лаурин быстро произнесла слова нужного заговора и состарилась примерно на пятьдесят лет. Она увидела ужас на лице короля, который мгновенно выпустил ее сморщенные старческие пальцы. Затем девушка точно также вернулась в настоящее и стала прежней.

Когда она снова заговорила, никакого смеха в ее голосе не звучало.

— Разве такое было бы возможно, если бы в этом мире не существовало волшебства?

Король был явно поражен.

— Что еще? — выдавил он.

— Что еще я умею делать? Многое. Я не знаю ни о каких ограничениях этой силы. Помнишь человека, который нашелся около дерева, неподалеку от места, где, как мы подумали, умерла Соррель?

Джил кивнул.

— Это моя работа, — продолжала девушка. — И я сделала это при помощи ментальной силы... Не руками, не оружием, просто использовала свои магические возможности.

Король покачал головой, частично в неверии, но отчасти понимая и испытывая ужас. Она продолжала:

— А парень, которого мы искали? Я думаю, что он из-за меня получил несколько переломов. Я нанесла ментальный удар и подбросила его в воздух. Он неудачно упал.

Лаурин сконфуженно улыбнулась, но Джил не смеялся.

— Я не знаю, что сказать, — признался молодой человек.

— И говорить нечего. Я тоже не могу это все объяснить, но верю отцу. Он призвал нас назад ради чего-то. И ты должен ему доверять. Если я тебе безразлична, если тебе безразлична наша мама... О, Свет, Джил! Если тебе безразличен Таллино́р, мы должны верить, что Тор с Элиссой знают такие вещи, которых не знаем мы.

— Что мне следует делать?

— Оставить недоверие. Прислушиваться ко всем предложениям. Признать, что волшебство есть, оно здесь, вокруг нас и может быть использовано во благо. Но у него имеется и темная сторона. Я считаю, что именно она нам теперь и угрожает.

Он кивнул.

— Моя мать... наша мать советовала мне примерно то же самое перед отъездом. Я дал ей слово, что усилю меры безопасности в стране.

— Не надо тянуть с этим. Приближается что-то нехорошее. Мой отец был вынужден с ним столкнуться до нашего появления в Таллино́ре. Не здесь, а где-то еще. Этот бог хочет уничтожить нас всех и стереть страну с лица земли.

— А как мне узнать, кто мой враг?

— Этого сделать нельзя, — ответила девушка. — Никто из нас этого не знает. Но мой отец его увидит. А пока мы должны доверять тем, кто знает больше нас, кто дольше готовился.

Лаурин посмотрела на солнце, садящееся за горами, и вздохнула:

— Уже поздно.

— Да, — признал король, но не пошевелился. — Лаурин, ты будешь рядом со мной следующие несколько дней? Мне нужен друг во дворце. Все это дело с коронацией просто пугает.

— Конечно, буду. Это честь для меня. Из тебя получится прекрасный король Таллино́ра. Я это знаю. И все аристократы захотят выдать за тебя замуж своих дочерей.

Джил скорчил гримасу:

— Я знаю. Поэтому я и прошу тебя оставаться рядом.

— Чтобы от них отделаться? — рассмеялась она. Внезапное беспокойство юноши забавляло ее.

— Нет, — очень серьезно ответил он. — Не отделаться, а дать им понять, что мое сердце занято.

Лаурин почувствовала себя так, словно попала в порыв сильного ветра, и этот ветер, пролетая, высосал из нее все дыхание. Она сглотнула, сделала глубокий вдох, пыталась что-то сказать... выдать из себя любой звук.

Джил встретился с ней взглядом.

— Я не знаю, откуда появилась эта идея, но я рад, что это сказал. Теперь ты теперь все знаешь. Я тебя очень растрогал этим?

Она покачала головой, все еще не в силах вымолвить ни звука. В голове пролетали какие-то бессвязные мысли, потом появилось эхо из прошлого. Лаурин вспомнила предсказание. «Когда-нибудь она найдет себе хорошего мужчину. Он будет сильным и умным, будет вести за собой других людей. Они безумно полюбят друг друга, и он никогда не захочет никакой другой женщины, кроме нее».

Теперь перед ней был как раз такой мужчина. Лаурин не могла отрицать, что последние несколько часов чувствовала, как глубже и глубже входит в его жизнь. Девушка соврала бы себе, сказав, что не очарована им. Она будет ревновать к любой женщине, которая вызовет у него желание, да и сама очень сильно желает этого юношу. А он смело повторял ее собственные мысли.

— Пожалуйста, скажи что-нибудь, — тихо произнес Джил, глядя на ее руку, которую держал в своей.

Лаурин снова сглотнула и очень надеялась, что сможет что-то из себя выдать.

— Я останусь рядом, сир. Я покажу всему Таллинору, что наши сердца уже заняты... друг другом.

Тогда он посмотрел на нее, и его глаза блестели в спускающихся сумерках:

— Могу ли я тебя поцеловать?

— Чего вы ждете, Ваше величество? — спросила девушка и с силой притянула его к себе. Ее больше не волновали возможные свидетели с любопытными глазами.

## Глава 13

### Коронация и пир

Кипреанская делегация торжественно въезжала в сказочно красивые ворота Тала. Когда они оказались в городе, сердце Орлака учащенно забилося в груди. Что он сделает? Может, сразу же выпустить на свободу свою силу, начать убивать и буйствовать?

Красный туман, в который превратился Доргрил, представлял, о чем сейчас размышляет племянник.

«Я тут думал...» — заговорил старший бог со знакомой хитростью в голосе.

«Мне бы хотелось, чтобы ты этого не делал», — огрызнулся Орлак, который на самом деле хотел, чтобы его оставили в покое.

Доргрил продолжил говорить так, словно племянник ничего и не отвечал: «Я считаю, что тебе нужно подождать. Пока ничего не показывай».

«Я жду уже несколько столетий».

«Тем не менее...»

Орлак понимал, что дядя преднамеренно выбирает слова и сводит высказывания к минимуму, хотя обычно бывал многословен. Он, очевидно, собрался по-настоящему убедить племянника в чем-то.

«Пока не высовывайся. Подожди, пока мы не выясним, где находится Гинт. Ты должен кое-что узнать о современном Таллиноре, чтобы получить максимальное вознаграждение. Потрать время на изучение королевства, и тогда кара для него будет самой страшной. В конце концов, ты ведь уже столько ждал... А впереди у тебя сколько угодно времени, чтобы месть получилась идеальной».

Орлак признал, что дядя прав. Он очень хорошо понимал ситуацию, и они кое в чем согласились, что случалось редко. Молодой бог понял, что дядя дал толковый совет. Он побольше узнает про этого короля и его двор. И поэтому разрушение его, когда придет время, окажется еще более забавным.

«Значит, мы продолжаем играть выбранные роли», — наконец сказал Орлак.

«Какое-то время — да, — ответил Доргрил. — Ты только посмотри, какая тебе уготована встреча, мой регент».

Орлак услышал низкий смех старшего бога. Это было забавно. На огромном крыльце и ступенях дворца в Тале его карету ждало несколько дюжин придворных. Наблюдая за приближением гостей, они кланялись или делали реверансы. Трубили трубы, а стража в ярко-малиновой таллинезской форме вытянулась по стойке «смирно».

Орлак заметил молодого мужчину, стоявшего в центре собравшихся. Он не отличался особо высоким ростом, но плечи его были широкими, лицо — приятным. В целом вид получался мужественным. Одевался он просто, как можно ожидать от солдата, но идеально скроенная темная одежда великолепно сидела на квадратных плечах. На боку висел меч, а вокруг него на ветру трепетал малиновый плащ — цвета Таллинора. Держался он по-королевски. Бесспорно, это был новый король, незаконнорожденный парень из Уиттона, на коронацию которого они приехали.

«Как я предполагаю, это и есть знаменитый Джил, — Доргрил эхом повторил мысли Орлака, когда остановилась их карета. — Но кто эта очаровательная девушка рядом с ним?» Орлак перевел взгляд на красивую молодую женщину с золотистыми волосами и серо-зелеными глазами. Таким бывает море в штормовой день. Молодой бог стал ее

внимательно рассматривать. Высокие скулы, словно выточенные скульптором черты лица, кремовая кожа... У него перехватило дыхание. Девушка оказалась поразительно красива, и он в это мгновение понял, что хочет ее. По его мнению, она оказалась идеальной.

«Они тебя ждут», — напомнил Доргрил у него в сознании.

Орлак попытался собраться с мыслями, но они разлетались в стороны от ослепительной улыбки девушки, которая, казалась, направляла все ее тепло на него. Молодой бог вышел из кареты. Тут же послышались тихие восклицания многих женщин на ступенях. Они не знали, что в этот день в их жизнь вошел бог. Одного его роста было достаточно, чтобы на него обратили внимание. Но возгласы издали женщины, чьи сердца учащено забились от красоты иностранного гостя.

Он, тем временем, элегантно поклонился королю Таллинора. Орлак никого не слышал, не обращал внимания на издаваемые женщинами звуки. Хотя казалось, что он смотрит на короля, его внимание на самом деле привлекала только одна пара глаз. Девушка снова поклонилась, но отвела взгляд.

Затем Джил из Уиттона направился к гостю широкими шагами. Он широко улыбался, говоря слова приветствия.

— Посыльный предупредил о вашем появлении. Мне очень жаль, что ваша королева больна, но я очень рад, что она прислала регента. Добро пожаловать в Королевство Таллинор, — произнес Джил, протягивая руку.

Орлак пожал ее.

— Находиться среди вас — честь для меня. Я искренне благодарю вас за приглашение от имени Кипреса. Меня зовут регент Силк.

Орлак улыбнулся, произнеся имя, которое для себя придумал. Оно только что пришло ему в голову. На древнем языке Кипреса, который мало использовался теперь, оно означало «вор». Ему нравилась ирония.

Король снова заговорил, вежливо поинтересовавшись:

— Надеюсь, что с Ее величеством не случилось ничего серьезного?

— Нет, сир. Наша королева должна поправиться через день или два, но мы не хотели ни задерживать вашу коронацию, ни пропустить ее. Пожалуйста, примите извинения королевы за то, что она не может присутствовать лично, и ее соболезнования из-за преждевременной кончины вашего отца. Мы много слышали о нем в Кипресе, знаем, что это был прекрасный человек.

Орлак почувствовал, насколько Доргрилу забавно слушать этот обмен фразами.

— Спасибо. Он действительно был прекрасным человеком, — сказал Джил, не желавший обсуждать отца с незнакомцем. — Проходите, пожалуйста, — продолжал он. Позвольте нам показать вам ваши покои, чтобы слуги могли распаковать вещи и помочь вам устроиться во дворце. Следующие несколько дней вы будете нашим почетным гостем. Мы надеемся, что вам у нас понравится.

Орлак улыбнулся и снова перевел взгляд на молодую женщину, которая стояла неподалеку. Он не ошибся. Определенно, это была та женщина, о которой говорила Джуно.

Выходит, Джуно не наврала, она и в самом деле — ясновидящая. На лице девушки действительно оказались веснушки. Теперь, когда она улыбалась, ее нос смешно сморщился, как и в видении Джуно. Орлак сделает эту женщину своей.

Кипреанцы оказались последними гостями королевской крови, прибывшими во дворец. Теперь в нем разместилось множество людей, которые заняли все покои, за исключением тех, что находились в западной башне. Они оставались пыльными и не использовались. Лорис много лет назад оставил четкие указания, запретив открывать их во время его царствования. Управляющий поинтересовался у нового короля, отпирать ли эти комнаты, но Джил покачал головой и подтвердил желание отца, связанное с сентиментальными воспоминаниями. Эти покои не требовались для проводимого теперь мероприятия. Можно справиться и без них. Да и в любом случае, кто захочет взбираться на самый верх башни после ночного пира? Место, где располагался Меркуд, где он хранил свои тайны, осталось

нетронутым.

Сама коронация прошла гладко. Погода стояла хорошая, такие весенние дни обычно изображают на картинах. Жители Тала, к которым присоединились многие тысячи гостей из других мест, приступили к неделе празднеств. Лиловый цвет траура сменился малиновыми цветами Таллинора — флагами с золотыми нитями по краям. Для праздника в эти цвета украсили почти все ниши и уголки столицы.

А во дворце шел пир в честь коронации. Повариха с помощниками превзошли самих себя. Подносили одно вкуснейшее блюдо за другим. Особо удалась редкая минога.

Между каждой переменной блюд Саллементро пел для гостей. Его великолепный голос удостоился похвал гостей королевской крови, многие пригласили его в гости, чтобы он выступил в их дворцах. Король Бриавеля, страны, расположенной к востоку от Таллинора, особенно настаивал на этом. Бард был польщен гораздо больше, чем признавал вслух. Но в глубине души он знал, что не сможет покинуть Таллинор, пока над страной нависает угроза вторжения Орлака.

Бог наслаждался собой. Ему очень понравилось, что его посадили недалеко от короля и леди Лаурин, как ее представили, так что он мог с ней беседовать. Пока шли развлечения и банкет, присутствующие только обменивались короткими и вежливыми фразами. Но Орлак надеялся, что это изменится, когда начнут исполнять более лиричные баллады. Потом начался естественный перерыв перед подачей десерта. Люди смогли расслабиться, откинуться на спинки стульев и какое-то время поговорить так, чтобы их не перебивали.

Орлак оказался втянутым в нудный и долгий разговор с одним из гостей из страны далеко на востоке. Он едва ли слушал и определенно не обращал внимания на этого человека. Даже замечания Доргрила интересовали его гораздо больше.

А старший бог в глубине тумана сиял.

«Предполагаю, что она помолвлена, или же ее сердце отдано кому-то в этом зале».

«Откуда ты можешь это знать?»

«Я замечаю разные вещи. Я наблюдаю за людьми».

«Ее внимание направлено на меня!»

Доргрил рассмеялся: «Может быть, но посмотри, как девушка постоянно оборачивается к королю. Посмотри, как она поджимает губки, когда он не обращает на нее внимания. Я очень удивлюсь, если эти двое — не любовники».

Орлак испытал болезненный укол ревности. Он знал, что не имеет никаких прав на эту женщину, но, тем не менее, его страстное желание пробудило в нем инстинкты собственника. Посланник из Кипреса пытался проигнорировать голос хитрого дяди, и ему все же удалось отделаться от назойливого и скучного официального гостя с востока.

— Леди Лаурин, — обратился он к ней с ослепительной улыбкой. — А вы сами из Тала?

— Нет, регент Силк. Я недавно здесь живу.

— Правда? А где ваш дом? — спросил он, стремясь удержать ее внимание.

Лаурин почувствовала смущение и некоторое раздражение. Она наслаждалась всей торжественностью и церемониями, сказочными нарядами и поразительной едой. Ничего подобного девушка никогда не пробовала. Но она страдала — от ревности. Джил оживленно беседовал с роскошной молодой дамой из какого-то далекого королевства. Лаурин выяснила, что эта женщина — принцесса, что она должна унаследовать очень богатый трон. Ее родители, похоже, очень одобряли общение дочери с королем Таллинора. Лаурин с ненавистью смотрела как принцесса с оливковой кожей опускает темные глаза, демонстрируя длинные ресницы, и как она смеется какой-то шутке Джила.

Лаурин услышала, как откашлялся регент Кипреса. Это заставило ее обратить мысли в другую сторону. Этот мужчина уделял ей много внимания, она чувствовала на себе взгляды других женщин в зале, которые готовы были лишиться глаза, чтобы оказаться рядом с этим исключительно красивым гостем.

— Э-э-э, моя семья жила в сельской местности королевства. Это маленькая деревня под

названием Пустошная Топь, недалеко от Гладкого Луга, — сказала она, зная, что прибывший никогда не слышал об этих местах.

«И Гинт оттуда!» — чуть не захлебнулся криком Доргрил.

Выражение лица Орлака не изменилось, но он наострил уши при упоминании деревни.

— Знаете, у нас в Кипресе недавно появлялся гость как раз из этого самого места. Как странно, что вы его упомянули.

От дальнейших вопросов Силка Лаурин спас знакомый смех и неясное, но сразу же показавшееся неприятным хихиканье. Похоже, Джил с принцессой опять наслаждались какой-то шуткой. Лаурин больше не могла это терпеть.

— Регент Силк, прошу прощения. Я отлучусь на минутку.

Орлак встал и легко поклонился.

— Конечно, — сказал он и заметил красные пятна у нее на щеках.

Лаурин выбежала из зала. Она была одновременно и разозлена, и обижена. На улице девушка вдохнула прохладного ночного воздуха, чтобы успокоиться. Свечи горели внутри раскрашенных в разные цвета фонарей, они отбрасывали разноцветные полосы света во двор, в котором она оказалась. Однако Лаурин не обращала внимания ни на красоту, которая ее окружала, ни на приятные запахи, исходившие от ароматических свечей.

Что произошло между ней и Джилом? Ведь после признания в любви, которое они запечатали поцелуем, прошло всего два дня! На самом деле, было несколько поцелуев, включая один долгий и запоминающийся, от которого у нее перехватило дыхание и задрожали колени. И во время этого поцелуя Лаурин и в самом деле отдала свое сердце этому человеку. Теперь же он открыто флиртует с другой девушкой! Король уже танцевал с несколькими девушками брачного возраста, вел легкие и непринужденные беседы еще с полудюжиной. Это очень трудно выдержать!

После того, как они расселись за столом, Лаурин была уверена, что Джил уделит ей больше внимания, но он даже не встречался с ней взглядом. Девушка почувствовала, как к глазам подступили слезы, но не позволила им хлынуть. Вместо этого ее охватила ярость, отодвинув печаль в сторону.

— А почему это ты здесь, красавица, а не на празднике?

Это спросила Повариха. Она направлялась будить очередную смену кухонных рабочих, которые менялись на протяжении дня и ночи.

— Я зашла сюда на минутку, чтобы побыть в тишине и выпить эля, — сообщила Повариха, поднимая кружку. — Знаешь, твоя мать очень его любит, но знать это дозволялось лишь Джилу и мне, — продолжала она, почесав огромный красный нос.

Несмотря на дурное настроение, Лаурин улыбнулась:

— Это правда?

— О, да. Это был наш секрет. Твоя мать любит выпивать по большой кружке в день... Говорит, что это держит ее в тонусе.

Теперь Лаурин рассмеялась:

— А мне можно попробовать?

Повариха протянула ей огромную кружку. Девушка сделала небольшой глоток и скорчила гримасу.

— Фу! Я предпочитаю таллинезское вино.

Крупная женщина уселась на скамью.

— Ты вполне можешь прикраситься к элю, если задержишься у нас надолго. Я люблю твою мать, Лаурин. Мне жаль, что она уехала.

— И мне тоже.

— Так из-за чего ты так расстроилась?

— О-о, со мной все в порядке, просто требовалось глотнуть свежего воздуха.

— Ты не только выглядишь, как Элиссандра, но и ведешь себя, как она. А поскольку вы так похожи, то ты, как и она, не можешь скрывать чувства, и все отражается у тебя на лице. Из-за чего тебе стало так грустно, моя девочка?

Полная женщина сделала еще один большой глоток, затем прямо посмотрела на Лаурин.

— Из-за Джила, — выпалила девушка, хотя на самом деле не собиралась этого делать.

— О-о, этот глупый мальчишка! Не позволяй ему так себя расстраивать, — сказала Повариха, взмахнув огромной рукой. — Я знаю его с детства. Уже в тот день своего появления здесь он завоевал сердца сразу двух самых важных женщин Таллинора.

— Правда?

— Пусть Свет поразит меня, если я тебе вру. Он очаровал королеву Найрию при первой встрече, а потом твоя мать, пусть Свет благословит ее, полюбила его, как собственного сына. Я видела его сегодня вечером. Он флиртовал, верно?

Лаурин молча кивнула.

— Да, Повариха права! Я всегда права. А ты, дитя, тоже пофлиртуй. Ты ведь не самая страшная женщина в зале сегодня вечером, правда? Ты обратила внимание на то, сколько мужчин заглядывается на тебя?

На этот раз Лаурин могла только покачать головой. Она и в самом деле не заметила ничего. Девушка все еще не пришла в себя после первого поцелуя Джила. Мысль о том, что кто-то может в нее влюбиться и даже хотеть ее, не приходила в голову. Предположение, будто многие мужчины заглядывались на нее, вызывало смех. Тем не менее, Повариха говорила серьезно.

— А как насчет этого красавчика-регента из Кипреса? У всех моих помощниц сердечки начинают учащенно биться при одном взгляде на него. Они только и говорят, что о его золотистых волосах и фиалковых глазах, его чудной белозубой улыбке и широкой груди. Должна признать: выглядит он, как бог.

— Да, он очень красив.

— И он смотрит только на тебя, моя дорогая. Я бы предложила тебе этим воспользоваться. Может, так ты сама вызовешь кое у кого ревность. — Повариха шумно допила эль. — Мне пора возвращаться в кухню, полную пара. Нам сейчас предстоит подавать сладкие пирожки и разные десерты. Я очень горжусь своей «марципановой фантазией».

С этими словами она ушла, махнув на прощание Лаурин.

Девушка улыбнулась. Повариха была права. Если она хочет снова привлечь внимание Джила, то не добьется цели, просто глядя на него, как какая-то грустная комнатная собачка. Регент Силк проявляет к ней явный интерес. Так почему бы не ответить ему? Какой от этого вред? Никакого, — решила Лаурин и поправила свое бледно-зеленое платье, которое прекрасно оттеняло ее глаза.

Когда девушка вернулась на свое место, регент Силк еще раз вежливо встал. Лаурин ни разу не посмотрела на Джила. Она заняла свое место и сразу же увлеклась разговором с посланником из Кипреса. Вечер продолжался, разговор становился все более интимным. Потом Силк передал ей кусочек какого-то фрукта в сахаре. Все, даже король Таллинора заметили, как Лаурин взялась за протянутую руку регента и искушающее коснулась губами фрукта, который он держал. Ее губы чуть задела его нежные пальцы, которые он тут же поднес ко рту, чтобы слизать с них оставшийся сахар.

А когда Силк пригласил Лаурин на танец, она с радостью согласилась и даже пошутила, что ему с его высоким ростом придется поднимать ее над землей.

Они танцевали несколько раз, и Силк не отводил фиалковых глаз от ее зеленых, цвета морской волны. Он постоянно уделял Лаурин внимание, и она даже сама удивилась, насколько ей это внимание нравится. Регент был потрясающе красив, остроумен и образован, его отличали изысканные манеры, прекрасные одежды, пошитые из кремового шелка и темного бархата. Посланник мог считаться прекрасным уловом для любой женщины.

Лаурин поняла, что прошло несколько приятных часов. Она радовалась, что ей этим вечером удалось отделаться от постоянных мыслей о короле и насладиться обществом этого роскошного мужчины, который, похоже, не собирался разбрасываться и уделять внимание

другим женщинам. В результате, Лаурин стала предметом зависти большинства девушек брачного возраста в зале (если не всех). Она только раз украдкой бросила взгляд на Джилла после своего возвращения и увидела, что он гневно смотрит на нее. В ответ девушка удвоила внимание к регенту. Сегодня вечером король поймет, что нельзя просто поиграть с ее сердцем, а потом бросить.

При этой мысли Лаурин кокетливо рассмеялась над тем, что Силк прошептал ей в ухо. Это привело короля в ярость.

Джил кипел внутри. У него возникло желание выхватить меч и пронзить регента насквозь. Как он смеет так ангажировать Лаурин! И ведь на их перешептывание, смех и флирт обращают внимание. Это, по меньшей мере, унижительно. Король мог поклясться, что у Лаурин были точно такие же чувства к нему в день их конной прогулки и пикника. Несомненно, в том поцелуе присутствовала симпатия. Да не просто симпатия, а гораздо большее. Джил чувствовал ее желание и даже любовь (он осмеливался так думать), о чем Лаурин дала ему понять в том долгом и страстном объятии.

Джил занимался любовью со многими женщинами. Даже не хотелось признаваться себе, с каким количеством. Он тоже разбивал сердца, но на самом деле, не давал обещаний никому. Собственная страсть и желания женщин заставляли верить, что он сохранит верность. Они считали, что, оказавшись в одной постели, достигли с ним какого-то соглашения, заключили некий пакт, чем-то обязаны друг другу. Но это не так.

Джил считался известным любителем пофлиртовать. Он с готовностью признавался в этом сам себе и радовался такой сомнительной репутации. Его мать очень ясно объяснила в прошлом, что не нужно давать обещаний никакой женщине, предварительно не посоветовавшись с ней. Он смеялся, когда она угрожала ему суровым наказанием. Теперь все стало понятно. Элисса знала, что он когда-нибудь станет королем, а поэтому должен правильно выбрать жену. Ведь девушке, которую он выберет, предстояло стать королевой.

Но его матери не требовалось беспокоиться. Джил не чувствовал душевной близости с женщинами. Он наслаждался их обществом, ему нравилось исследовать их тела, юноше были приятны прикосновения их мягких губ к его коже. Однако ничего похожего на любовь никогда не случалось. Херек однажды заговорил о какой-то искре. Прайм-офицер признал, что старик Меркуд, бывший лекарь короля Лориса, а до него и сам Лорис утверждали: если между двумя людьми не возникнет нечто особенное, любви никогда не будет. Должно произойти слияние частиц, взаимодействие, как в химической реакции. До этого существовали только похоть и желание.

Сказанное Хереком имело смысл для молодого Джилла, поэтому он успокаивал себя мыслью об этой искре, но задумывался: почему ни одна девушка ни разу не тронула его сердце. Но вот у Лаурин все получилось за одну секунду. А ведь она тогда была вся в грязи, да еще и резко отвечала ему, почти нагло! И, тем не менее, девушка зажгла в нем искру. А затем это случилось снова, в саду матери. Он был застигнут врасплох своими чувствами, и ушел, бросив ее. Он ведь тогда чуть не разругался с ней в пух и прах.

Джил вспомнил, как искал ее в тронном зале после объявления его наследником короля Лориса. Он был шокирован этой новостью, но почувствовал, как ее спокойствие переходит к нему, словно перетекает через зал и успокаивает нервы. Каждое движение ее золотистых волос, каждый робкий взгляд роскошных зеленых глаз, каждый находчивый ответ или нежная улыбка вбивали еще один гвоздь любви к Лаурин в его сердце. А ведь он знаком с ней такое короткое время! Вероятно, это и есть та удивительная алхимическая реакция, о которой говорил старик Меркуд, поскольку Джил ничего не мог с собой поделать. Никакого лекарства от этого сильного чувства не существовало. Не было порошка, чтобы уменьшить изощренную боль, которая терзала его сердце, когда он видел, как она улыбается другому.

Он больше не мог это выдерживать. А Лаурин продолжала не замечать его и уделять внимание кипреанцу. Не то чтобы Джил мгновенно невзлюбил этого мужчину, но через несколько часов после прибытия Силка король уже возненавидел одно это имя, поскольку его повторяли все женщины во дворце.

Пока мрачные мысли вертелись у Джил в голове, в зал вошла Повариха, чтобы получить заслуженные аплодисменты. Последнее блюдо, сахарную корону, подавали со сладкими винами. Она получилась прозрачной, как стекло, и была раскрашена различными цветами, словно сделанная из драгоценных камней. Это выглядело потрясающе.

Повариха улыбалась, когда ее помощники подали блюдо королю. Тот милостиво его принял, а потом поднял тост за лучшую повариху Таллинора, когда-либо служившую во дворце. Джил сказал, что им с ней очень повезло, и они всегда наслаждаются приготовленными ею блюдами. Повариха низко поклонилась, а распрямившись, сурово посмотрела на принцессу очень выразительными глазами. Девушка снова сидела рядом с Джилом. На лице Поварихи появился укор, который юноша очень хорошо знал, успев выучить за годы жизни во дворце. Она так смотрела на него, когда он воровал горячее печенье у нее из кухни.

Так вот в чем все дело? Лаурин рассердилась на него за то, что он предпочел принцессу? Но ведь он должен был уделять внимание гостям, верно? Возможно, девушка не понимала, как важно для него с политической точки зрения установить хорошие отношения со всеми монархами, пирующими сегодня у него за столом.

Требовалось обеспечить мягкий переход власти от Лориса к себе самому. Джил не мог рисковать разрывом или ухудшением отношений в начале своего правления. Если бы он отвернулся от принцессы, то наверняка вызвал бы недовольство у ее отца — короля, и, соответственно, рискнул бы отторжением важных соседей.

Но Джил понял, что Лаурин не думала о политике. Она чувствовала себя отверженной и, несомненно, обиделась из-за его невнимания. Это было так — он преднамеренно не встречался с ней взглядом. Но следовало объяснить ей, что Джил только так мог заставить себя не пожирать ее глазами, полными желания. Королю требовалась вся его воля, чтобы не протянуть ногу под столом и не коснуться ее ноги, или не прошептать что-то, что может услышать только она. Хотелось заключить ее в свои объятия и целовать всю ночь, — но не теперь. Сегодня требовалось играть роль короля для всех гостей, собравшихся во дворце.

Джилу стало дурно, когда он понял, что Лаурин объяснила его поведение сегодня вечером охлаждением страсти. Это было очень далеко от истины. Он бы прямо здесь и сейчас женился на ней, если бы мог. Вот оно! Юноша открыто сформулировал это у себя в сознании, и не мог прогнать эту мысль. Он хочет взять Лаурин в жены. Ему нужна Лаурин... ее сила, смелость, любовь.

Теперь его совершенно не волновало, одобрит ли его мать выбор или нет. Джил решил, что Элисса вряд ли посчитает это разумным выбором, и это его не остановит. В конце концов, он ведь король. Он женится на том, на ком захочет.

Как все исправить? Завтра способ найдется. Первым делом с утра он отправит посыльного в покои Лаурин и попросит о встрече.

## **Глава 14**

### **Вор Силк**

Когда пир в честь коронации и прочие развлечения подошли к концу, Орлак поцеловал руку Лаурин, а затем посмотрел ей прямо в глаза. Его странный, почти невероятный фиалковый взгляд говорил все, что он хотел высказать. Девушка почувствовала, как у нее пересохло в горле. В послании, заключенном в этом взгляде, не могла ошибиться даже девственница.

— Спасибо за этот вечер, — сказала она и почувствовала, что у нее горят щеки.

— Для меня он стал настоящим удовольствием, — очень вежливо произнес он, но не отпустил руки, которую только что поцеловал. Лаурин чувствовала прикосновение его прохладной кожи к своей собственной. Что же происходит?

— На самом деле, я считаю, что был, вероятно, слишком жаден сегодня вечером... Возможно, я не давал другим гостям приблизиться к вам, — добавил он.

Лаурин ничего не могла с собой поделать. Она была очень польщена этим заявлением. Решив преподать Джила урок этим вечером, она и подумать не могла, что флирт приведет ее к подобной ситуации. Девушка была вынуждена признать, что, несмотря на преследование только личных целей, ей действительно понравилось общество ослепительного регента Силка. Он был хорошо воспитан, отличался изысканными манерами. Любая другая женщина уже рухнула бы в его объятия. Тем не менее, в его интересе к девушке чувствовалась какая-то напряженность. В этом было что-то любопытное, что Лаурин никак не могла определить. Она не сомневалась, что проведенное с ним этим вечером время помогло добиться изначальной цели. Девушка чувствовала ярость Джила, и это приносило удовлетворение. Но теперь кипреанец хотел затащить ее в постель. А больше всего пугало то, что намерения чужеземца совсем не шокировали. Так что придется прилагать силу воли, чтобы этому противостоять.

Она решила сказать правду, возможно наивно надеясь, что это поможет разрешить проблему.

— На самом деле, вы сегодня стали в некотором роде моим спасителем. Я не знаю многих из этих людей. Да, по правде говоря, никого здесь не знаю. Король... Он — мой друг. Но сегодня он был занят.

— Я это заметил, — сказал кипреанец. Однако по лицу посланника ничего нельзя было прочитать.

— Да... Я была очень рада вашему обществу сегодня вечером и получила удовольствие.

Лаурин надеялась, что это поможет удачно завершить вечер, но знала: ее неопытность в отношениях с мужчинами очевидна.

Взгляд Орлака стал напряженнее. Хотя вокруг сновали дюжины людей, которые прощались друг с другом, Лаурин внезапно почувствовала, будто в зале никого нет, кроме них двоих. У нее создалось ощущение, будто регент затянул ее в какой-то кокон. У девушки перехватило дыхание. Внезапно она попала в его власть, и захват оказался очень сильным.

Девушка смутилась и пыталась определить, что ее в нем так тревожит. Она смотрела в глаза необычного цвета, и на мгновение почему-то вспомнила отца. Взгляд регента напоминал Тора. Возможно, сравнение получалось странным. У отца глаза были такого же сочного цвета. Невозможно поверить, что такой цвет существует, пока не увидишь его сам. Невозможно также представить их выразительность и напряженность взгляда. Лаурин считала, что их не встретишь на каком-то другом лице. У отца был удивительный темно-голубой цвет глаз, а у Силка они оказались фиалковыми — темными, и одновременно — очень яркими.

И в этот момент, когда она поражалась глазам Силка, Лаурин увидела в нем кое-что, что на короткое время замечала в отце. Схожесть имелась не только в цвете глаз — но и в уязвимости. За этими яркими глазами стояла печаль, как и за ослепительной улыбкой, за изысканными манерами. Такую же уязвимость она видела в отце. Он печалился из-за ее матери — по крайней мере, так думала Лаурин. Теперь она пыталась определить, что вызвало подобный грустный взгляд у регента Силка.

Она слегка пошевелилась, потом выдернула руку. Волшебство рассеялось. Девушка снова осознавала присутствие всех остальных людей в зале, например, пару королевских глаз, которые жгли ей макушку. Пришла пора уходить.

— Я прощаюсь с вами, регент, — сказала девушка, собираясь покинуть зал.

— Надеюсь, что это не прощание, леди Лаурин, а просто пожелание доброй ночи.

Девушка кивнула, скромно улыбнулась и покинула зал так быстро, как только могла. Она чувствовала огромное облегчение.

В отведенных посланнику покоях весело потрескивал камин, обогревая холодные комнаты. Орлак вышагивал из стороны в сторону. Он был достаточно раздражен и готов выпустить на свободу свою силу и разрушить весь дворец, чтобы тот рухнул на короля Джила из Уиттона. Девчонка вывела его из себя. Что в ней такое, что его так сильно

притягивало? Джуно очень точно дала ее описание. Как же она выразилась? Что-то там говорила про его собственное представление об идеале... Да, все правильно.

А затем Джуно рассказала про эту леди Лаурин. Определенно, это и есть она. Описание подходило почти идеально — маленькая, выглядит хрупкой... Орлак стал вспоминать все, даже замечание о характере. Он обратил внимание, что Лаурин быстро выходит из себя, например, когда она заметила пренебрежение со стороны короля и покинула зал. Теперь молодой бог не сомневался, что в видении Джуно появлялась именно эта женщина. Значит, так тому и суждено быть.

Он не осознавал, что не закрывал свои мысли, и теперь выругался, когда к ним присоединился Доргрил, словно продолжая разговор.

«Ну, тогда забирай ее», — предложил старший бог.

Орлак нахмурился: «Ты имеешь в виду — перебрось ее через плечо и уезжай в ночь?»

«Что-то в этом роде».

Дядя ждал ответа, но когда Орлак не высказал больше никаких возражений, а просто тяжело опустился на стул, Доргрил продолжал. «Это идеально, мальчик! Только подумай об этом. Ты хотел стереть Таллинора с лица земли, а можно действовать гораздо более утонченно и вывести короля Таллинора из строя, украв объект его желаний. Я так люблю изысканную, сложную интригу! Унижение гордого мужчины столь неожиданным ходом гораздо интереснее, чем победа над ним на поле брани. Для подобного шага требуется проницательность. Ведь нужно же догадаться, чего он желает больше всего на свете. Это будет блестяще!»

«А почему ты думаешь, что это его так сильно беспокоит? Может, ему будет наплевать?»

«О-о, я думаю, что ему будет совсем не наплевать. Вероятно, наш король Таллинора решил сделать Лаурин королевой. Я считаю, что он отправится в погоню, а мы можем устроить и ему, и его солдатам веселенькую жизнь. Можно его унижить, обесчестить в твоём присутствии, а ты, если захочешь, в это время будешь систематически разрушать державу у него за спиной».

Он сделал паузу, давая Орлаку время подумать обо всем этом.

«Ты имеешь в виду — буквально ее украсть?»

«Не думаю, что она уйдет добровольно».

«Я хочу ее».

«Больше, чем Таллинора?»

Это был хитрый и умный вопрос. Орлак почувствовал себя в ловушке. Нет, он не мог сказать, что хочет Лаурин больше, чем уничтожить Таллинора. Но если быть честным с самим собой, разрушение державы не интриговало его так, как эта женщина.

«Нет. Таллинора может подождать. А мое желание не может».

«Значит, она будет твоей, племянник. Можем взять ее с собой в Кипрее. Если захочешь, то сделаешь ее своей рабыней. Она будет исполнять любые твои желания».

«А Ксантия?»

«Что Ксантия? Она — пешка... ничего больше. Но она еще и жестока; ей интрига понравится, как и тебе».

Орлак опять задумался.

«В Лаурин есть что-то такое... — размышлял он. — Независимо от того, как я хочу ее, есть еще что-то, чего я не могу определить».

«Думаю, что я могу», — заявил дядя. Хитрость опять зазвучала в его голосе.

«Так скажи мне».

От прозвучавшего смеха Орлак разозлился. В нем стали пульсировать Цвета.

«Успокойся, мальчик. Я скажу тебе, что подозреваю. — Дядя снова рассмеялся, и Орлак в эту минуту возненавидел его. — Я только гадаю сейчас, поскольку единственные доказательства, которые у меня есть — это то, что я вижу сквозь твои глаза. Ты никогда не видел Элиссу, но позволь мне заверить тебя — леди Лаурин, которую ты так хочешь, — это

точная копия подруги Гинта».

«Ты лжешь!»

«Я ничего не получу, если буду лгать тебе по этому поводу. Я понял это, когда ты поцеловал ее руку и посмотрел ей в глаза, глубоко заглянул в них. — Доргрил почувствовал, что Орлак вот-вот придет в ярость. — Подожди! Сейчас послушай меня. Лаурин упоминала Гладкий Луг, даже ты обратил на это внимание. Я подозреваю, что она может быть дочерью Торкина Гинта и Элиссы. Я не могу это подтвердить, но знаю, что у него есть дети. И эти дети вернулись в Таллино́р. Лаурин слишком похожа на Элисандру, они не могут не быть родственницами».

«Моя племянница!» — воскликнул Орлак.

«Тихо... Не нужно будить весь дворец. Мне тоже нужно убедиться. А теперь зови посыльного. Где наш слуга?»

Орлак подошел к двери и раскрыл ее. Перед ней стоял человек в ярком костюме кочевых племен. По его внешности сразу же можно было понять, что он родом с Чужестранных островов. Он низко поклонился.

— Как я могу быть вам полезен, регент Силк?

— Тит, немедленно приведи кого-то из дворцовых пажей.

— Сию минуту, сир — ответил Адонго и снова низко поклонился.

Орлак закрыл дверь и стал ждать.

«Где ты его нашел?» — спросил Доргрил, думая о темнокожем мужчине, который только что получил задание.

«Это один из дворцовых слуг. Джуно выбрала его для меня. Она сказала, что он умеет держать язык за зубами, не мешать. Он очень исполнительный. Идеально подходит для путешествия».

«Он странно смотрит на нас — словно что-то знает».

«Тебе это только кажется, Доргрил».

В дверь тихо постучали, и Орлак впустил молодого пажа, который все еще окончательно не проснулся и тер глаза. К счастью, он достаточно уже пришел в себя и поклонился, несмотря на усталость.

— Сир, меня зовут Ипек. Я — посыльный. Как я могу вам помочь?

— Я хочу передать послание в покои леди Лаурин.

— Хорошо, сир. Мне подождать снаружи, пока вы его пишете?

— Нет, в этом нет необходимости.

Он подошел к очень красивому резному столику, взял перо, опустил его в чернильницу и вроде бы стал что-то писать на пергаменте. Затем он поднял голову с удивленным выражением на лице.

— Леди Лаурин... А какая у нее фамилия? Я хочу правильно к ней обратиться.

Парень был застигнут врасплох. Он как раз зевал, когда прозвучал вопрос кипреанца. Но паж быстро взял себя в руки.

— Ее фамилия — Гинт, сир.

— Прекрасно, так я и думал, — сказал Орлак и поразился своему гневу, который внезапно закипел в груди.

Вместе с гневом внутри поднимался красный туман, который завладел сущностью Орлака без предупреждения. Внезапно в комнате грозвучал голос Доргрила.

— Подойди сюда, мальчик.

Ипек покорно подошел к регенту и почувствовал холодный жесткий клинок, который пронзил ему горло. Он умер, не успев даже вскрикнуть от удивления.

Доргрил исчез, а Орлак тяжело дышал, освободившись и от него, и от собственной ярости.

«Заверни его в ковер, пока вся комната не испачкана в его крови», — приказал Доргрил.

Орлак опять пришел в ярость, но молча завернул труп, как велел Доргрил. Затем он

поднялся и сделал несколько глубоких вдохов перед тем, как начать говорить.

«Если ты еще раз сделаешь что-то подобное, Доргрил, то я покончу с собой. Я больше не стану тебя предупреждать. Ты будешь вынужден вечно жить в теле смертного. Я уверен, что это лишь немного лучше жизни в Пустоте. Запомни мои слова».

Теперь голос Доргрила звучал угрюмо: «Ты сам бы этого не сделал, а посыльный был лишним свидетелем».

«Какое это имеет значение? Мне плевать, сколько человек отправится за нами в погоню. Они все могут умереть всего лишь от одного удара моей ментальной силы. Больше не вмешивайся».

Орлак открыл дверь. И снова Адонго низко поклонился и выслушал приказ.

— Я хочу, чтобы оседлали трех лошадей. Мы выезжаем немедленно.

На лице Адонго ничего не отразилось.

— Ваши вещи, сир... остальное наше имущество... Мне их упаковывать?

— Нет, я хочу уехать немедленно. Наши вещи привезут остальные члены нашей делегации, которые могут уехать завтра. Встретимся во дворе внизу.

— Могу ли я спросить, для кого нужна третья лошадь?

— Нет. Выполняй приказ.

— Сию минуту, сир.

Лаурин услышала стук в дверь и почувствовала облегчение. Наконец-то! Пришел Джил, и они смогут все обсудить и со всем разобраться. Девушка знала, что после того, как он ее поцелует, она все ему простит, а он, конечно, не сможет на нее сердиться. Ведь ей нужна только его любовь.

Девушка набросила шелковый халат, улыбнулась, поняв, что ее одеяние почти прозрачно, и Джил найдет это не только забавным. Лаурин чуть-чуть приоткрыла дверь и была шокирована, увидев Силка.

— Регент! Уже поздно... Вы не должны приходить ко мне в такой поздний час.

— Я должен поговорить с вами. Пожалуйста.

Орлак все еще был в гневе из-за недавнего убийства парня Доргрилом и выяснения имени этой женщины. Конечно, это мало влияло на его желание, он все еще хотел ее... И внезапно молодой бог решил, что больше не потерпит сопротивления. Он сейчас не в том настроении.

— Нет, сир, я не могу позволить вам зайти в мои покои в такой час. Что подумают люди?

Она выглядела восхитительно, слегка взъерошенная после того, как поднялась с постели. Но девушка наверняка не спала... Возможно, она даже надеялась на позднего посетителя, и Орлак с сожалением понял, что ожидали не его.

Бог проник сквозь дверь и появился за ее спиной. Девушка видела, как он исчез у нее перед глазами. Ее ограниченное зрение не позволяло разглядеть, как он просочился в трещинку в двери, и Лаурин открыла ее пошире, чтобы посмотреть, куда он подевался.

— Лаурин! — позвал Орлак.

Она удивленно обернулась и случайно захлопнула дверь.

— Как?... Как, именем Света, вы это сделали?

Лицо у нее побледнело, на нем читался испуг.

— Не всегда все бывает таким, как кажется, — мудро заметил Орлак. — Я пришел за тобой.

— Вы пришли за мной? О чем вы говорите?... Как вы проникли в мою комнату?

— Волшебство, — произнес он, и снова воспользовался магией, направив в нее легкий удар.

Она стала падать, но он подхватил ее и не дал без сознания рухнуть на пол. Орлак улыбнулся, перебросил девушку через плечо, вспомнив разговор с Доргрилом, который, к счастью, сейчас благоразумно молчал. Затем молодой бог раскрыл шкаф, взял несколько вещей, включая теплые сапоги, бросил их в холщовую сумку и повесил ее на плечо.

Он заставил Цвета подняться на поверхность, и Лаурин, которая все еще мертвым грузом висела у него на плече, стала невидимой. Орлак вышел из ее покоев и направился из южной башни во двор. Дворец спал, и он по пути встретил только двух стражников. Как и ожидалось, они спросили, куда он идет, и гость ответил, что проголодался. Стражники сказали, что в кухне у Поварихи всегда можно чем-нибудь поживиться. Орлак поблагодарил их и быстро двинулся дальше, стараясь не показывать, что несет что-то тяжелое.

Адонго ждал во дворе с тремя лошадьми.

— Возьми сумку и привяжи к одной из лошадей, — сказал Орлак и бросил ему сумку с вещами Лаурин.

Морук ловко поймал ее. Он чувствовал, что в воздухе висит волшебство, но не мог разобраться, что происходит. Он также ощутил присутствие Лаурин где-то поблизости. Она в беде? Не хотелось ее оставлять, но совершенно непонятно, что задумал его хозяин. Более того, не отпускала мысль о том, что Лаурин каким-то образом находится рядом.

Следующие несколько минут Адонго пытался разобраться, почему он чувствует присутствие девушки. Как такое может быть? Она же спит у себя в покоях. Но он не мог позволить себе тянуть время. Слуга решил, что ради того, чтобы не выдать себя, нужно пока выполнять приказы хозяина. Если он обнаружит, что они сегодня ночью далеко уедут от Лаурин, то он найдет способ бежать и вернуться к ней.

Лаурин его пока не знала — они даже не встречались взглядами. Но Адонго был связан с ней, и теперь ее не оставит, если конечно, сможет.

При помощи Джуно ему удалось стать слугой Орлака. Адонго нервничал, снова оказавшись в его присутствии, но был предупрежден обо всем. Поэтому морук взял себя в руки, и не показал своего беспокойства.

К счастью, Джуно вернулась молодой, поэтому Орлак не мог ее узнать. Но Адонго появился с той же внешностью, поэтому они на пару с Джуно ее изменили.

Они сбрили его длинные волосы, и он теперь регулярно смазывал маслом темную кожу. Голова постоянно блестела. Морук отрастил усы и бороду, которые коротко стриг. Благодаря этим уловкам он так сильно изменился, что даже сам себя не всегда узнавал. Из зеркала на него смотрел никак не вождь племени.

Джуно смеялась и предупреждала, что рядом с Орлаком нельзя использовать магию, он мгновенно это почувствует. Но при такой измененной внешности бог никогда не узнает Пятого Паладина.

И Орлак не узнал. Морука не признал и Доргрил, который явно отличался гораздо большей подозрительностью. Адонго прошел проверку, и его приняли, как Тита. Так что теперь именно Тит садился в седло.

Он не заметил, как Орлак бросил невидимую ношу на спину третьей лошади, однако посчитал странным, что хозяин прикрепил поводья запасной лошади к своим собственным, а не приказал слуге ее вести.

В караульном помещении Орлак задействовал весь свой шарм.

— Не могу спать, — сказал он. — Вот, взял с собой слугу... Я решил проехаться в Тал и посмотреть, что там происходит, — он подмигнул.

— Именно за этим вам и нужна третья лошадь? — спросил стражник с улыбкой.

— Ну, никогда не знаешь, когда тебе повезет, — подыграл ему «регент», тоже улыбнувшись. — На самом деле, я думаю купить подарки придворным дамам Кипреса на ваших знаменитых ночных базарах. Поэтому потребуется помощь для доставки их во дворец.

— Одной лошади недостаточно. Женщины всегда хотят больше, чем получают, — ответил стражник, качая головой. — Наслаждайтесь!

— Обязательно, — гость бросил через плечо последний взгляд на дворец.

«Я с удовольствием посмеюсь над вами перед тем, как сотру ваше королевство с лица земли», — подумал он.

Позднее, на рассвете, через несколько часов езды верхом, когда они уже значительно

удалились от Тала и оказались в сельской местности Таллинора, на северо-западе, Орлак снял волшебную пелену. Взору Адонго представилась Лаурин, перекинутая через седло третьей лошади.

Адонго вскрикнул в отчаянии до того, как смог сдержаться.

Казалось, что Орлак никак на это не отреагировал, а просто спрыгнул на землю, обошел лошадь и уставился прямо в глаза человека с Чужестранных островов.

— Боюсь, что мне теперь придется убить тебя, Тит, раз ты знаешь мою тайну.

Адонго опустился на колени. Требовалось действовать быстро и как-то образом обезопасить Лаурин. Наконец, он понял, чем объяснялось странное ощущение ее близкого присутствия, которое не оставляло его все это время.

— Мой господин, вы и есть тот самый!.. — воскликнул Адонго.

— Что? — переспросил Орлак, которому стало немного забавно.

— Я видел вас во сне. Я видел, как вы спустились с небес и материализовались в этом мире. Мне сказали, что я должен стать вашим слугой... И должен всюду следовать за вами.

Услышав эти слова, Орлак похолодел.

— Кто тебе это сказал?

Теперь Адонго требовалось проявлять большую осторожность.

— Я не видел, кто говорил. Но я видел вас. Именно поэтому я и приехал в Кипрес, чтобы найти вас, мой господин. У меня не было выбора. Мы, моруки, — особый народ, а моя судьба была определена. Я должен был найти вас и стать вашим слугой. Я ждал знака, говорящего о ваших способностях.

А теперь вы их открыли, и я трепещу перед вами! Вам не нужно меня убивать. Я и так уже ваш раб, и покорно выполняю все ваши приказы.

«Я тебе говорил, что он понимающе за нами наблюдает. Он может быть полезен», — прошептал Доргрил.

«Думал, что ты не любишь лишних свидетелей».

«Когда девчонка проснется, будет много шума. В этом я не сомневаюсь. Он может помочь. Пусть завоеует ее доверие, а затем через него мы можем заставить ее нам помогать... По крайней мере, пусть остается до Кипреса. Он даже может пообещать ей устроить побег, а на самом деле докладывать все нам».

«Ты не перестаешь меня удивлять, Доргрил».

«От меня есть польза», — объявил старший бог.

— стань, — приказал Орлак.

Адонго почувствовал облегчение в напряженном теле. Орлак принял его. Слуга изобразил на лице благоговейный трепет и готовность подчиняться. Теперь он должен всеми силами защищать Лаурин. Для нее это будет нелегко. Можно с уверенностью предположить, что ее ждет эмоциональное и, вероятно, физическое испытание, которое девушка должна пережить. Адонго же обязан помочь ей пройти через них, а потом залечить оба шрама, пока за ней не придет настоящий Тот Самый.

Адонго скромно стоял и смотрел в фиалковые глаза бога, а затем рискнул отправить сильнейший мысленный импульс в направлении Сердца Лесов... Там Торкин Гинт должен был услышать его просьбу о помощи. Он молил Сердце Лесов, обладающее особым волшебством, каким-то образом скрыть послание.

Красный туман вспыхнул.

«Что это было?!» — воскликнул Доргрил.

«Я это сам почувствовал, но не уловил содержания, — признал Орлак и обратился к слуге. — Ты Чувствующий?»

«Да, о великий. Я отправил благодарность богам, которые наблюдают за мной и привели меня к вам».

Адонго понимал, что его точно ждет смерть, если Орлак не поверит его рассказу.

— Никогда больше не делай ничего подобного. Иначе я тебя убью.

Слуга поклонился, скрывая улыбку.

«Нет, мы убьем тебя, Орлак», — подумал он.

— Я низжайше прошу прощения, мой господин, — сказал он вслух.

Они услышали громкий стон Лаурин. Девушка приняла сидячее положение и пришла в ужас. Потом ужас перешел в ярость. Она вспомнила, что случилось.

— Вам это не сойдет с рук, Силк!

Орлак рассмеялся:

— Уже сошло.

— Король последует за вами... и убьет вас.

— Ну... он может попытаться.

Лаурин спрыгнула с лошади и встала на земле, чувствуя поднимающиеся Цвета, однако затолкала их назад. Отец однажды посоветовал ей не использовать волшебную силу, пока точно не разобралась, против кого выступает. Теперь пришлось последовать его совету. Она не будет торопиться, пока хватит и просто гневных слов.

— Что бы вы ни хотели, я вам этого не дам. Никогда. Можете убить меня прямо сейчас.

\* \* \*

Король Джил только что получил печальную новость. Леди Лаурин не отвечала на стук дверь, потому что ее не оказалось в покоях. Не было и регента Силка... Однако в его покоях нашли тело посыльного, Ипека, с перерезанным горлом. Труп завернули в ковер и оставили лежать на полу.

— Обыскать территорию! Приведите ко мне стражника, который позволил регенту Силку покинуть дворец ночью.

Джил почувствовал ком в горле. Первый официальный день его царствования обещал быть плохим.

Так и вышло.

## Глава 15

### Нож Гота

Гот чувствовал вдохновение. Он снова находился на таллинезской земле с дюжиной вооруженных мужчин. Вернулись ощущения из прошлого, когда он возглавлял набеги на деревни и пугал пытками и казнями Чувствующих. Конечно, сейчас все складывалось по-другому, но Инквизитор ощущал такое же возбуждение, как и в прежние времена, и оно омолаживало его, чего не могло сделать ни одно лекарство.

Он фактически взял след Сэйрел и ее суки-служанки. После получения информация от Гарта не потребовалось много времени, чтобы выяснить: корабль под названием «Ворон» вышел из гавани Кипреса под покровом темноты в тот же вечер, когда королева со служанкой сбежали из дворца. Гот предположил: поскольку они путешествовали пешком, то взяли очень мало вещей. Он также понял, что у них с собой достаточно денег для оплаты путешествия.

Гот опять напряг память, и она не подвела. Он вспомнил, что Квист женился на шлюхе и сделал ее владелицей борделя. Она была молодой и происходила из Хаттена. Эта девица превратила таверну и бордель в самое успешное заведение подобного рода в северной части королевства. Карадунцы считали Януса Квиста честным пиратом, если такое понятие вообще существует. Похоже, кипреанцы придерживались такого же мнения. Шурином Квиста вообще восхищались. Именно он рискнул Поцелуем Серебристой Девы.

«Вон как дело оборачивается», — подумал Гот. Он вспоминал все больше деталей из жизни Квиста. Наконец, появился и Торкин Гинт. Гинт с Квистом были, вероятно, знакомы и уж точно слышали друг про друга. Гот это знал, потому что именно Гинт спас Локлина Гилбита после затопления «Осы».

Какая там была связь? Что он упустил?

Квист предложил беглой королеве доставить ее в Таллинор... Почему? Деньги могли бы побудить менее богатого капитана рискнуть опасным ночным путешествием. Ведь воды неподалеку от берега Кипреса всегда считались бурными и непредсказуемыми, да еще и ночью... Инквизитор не отметал версию денег. Они могут на многое подвигнуть. Но Гот никогда не удовлетворялся простым ответом, очевидным, самым разумным мнением. Квист уже богат. Ему не требовалось участвовать в таком рискованном приключении.

А если Янус Квист помогал Сэйрел не за деньги? Какие еще могут быть мотивы?

Один из солдат протянул Готу поводья новой лошади. Отряд готовился выезжать из гавани Карадуна в сам город. Инквизитор спрашивал себя, что могло побудить богатого человека пойти на ненужный риск. На ум приходил только один сценарий, но столь необычной, что вначале Гот от него отмахнулся. Неужели преданность действительно послужила поводом? Может ли пират быть предан чему-то или кому-то, кроме себя самого и потенциальных трофеев? А кому предан Квист? Сэйрел? Определенно, нет. Служанке? Маловероятно. Оставалась только королева Сильвен. Почему пират посчитал себя обязанным защитить ребенка Сильвен? Он ведь даже не кипреанец.

Гот не мог найти связь, хотя и подошел близко к объяснению причины. Однако об истинном мотиве он не догадается никогда — Квист был предан своей жене Эйрин. И эта преданность послужила началом серии сложных, казавшихся несвязанными событий. Они, в конце концов, привели к объяснению Хелой случившегося для пирата. Служанка верила Гинту, и ему же верил Квист. Этого оказалось достаточно, чтобы пират помог девушке, которая искала Торкина Гинта и безопасное место.

Для бывшего Главного Инквизитора не имело особого значения то, что он не смог найти ответа, который бы его удовлетворил. Для Гота это было просто развлечение, нечто, чем он мог занять голову во время морского путешествия. На самом деле, теперь он хотел только видеть голову Квиста, катающуюся в пыли, а заодно — найти ключ к местонахождению Сэйрел. Кроме того, он желал знать имена ее защитников в Таллиноре. Он не подведет своего нового господина. Не хотелось даже думать о том, что случится, если он не выполнит задания.

Гот преднамеренно давал своим спутникам пить. Он хотел, чтобы они к моменту прибытия на причалы Карадуна были под градусом, если не пьяны. Тогда моральные запреты хотя бы частично ослабнут, люди станут грубее и будут меньше думать. Инквизитор умело переводил разговор на проституток во время последних часов путешествия. Соединение спиртного и мыслей о борделях привело к нужному уровню воинственности и агрессии, смешавшись с желаниями. С его одобрения (причем каждому солдату было обещано вознаграждение), они ворвались в таверну мадам Эйрин и разбудили спящий в эти предрассветные часы бордель. Вероятно, ночь оказалась не очень бурной, потому что до утра остались всего лишь несколько мужчин. Их сопротивление быстро подавили. Охрана, нанятая Эйрин, сопротивлялась лучше, убив трех кипреанцев и ранив четырех. Но защитники оказались в меньшинстве, и вскоре пали.

Гот позволил подчиненным делать то, что хотят. Он сказал им, что это дурные женщины. В Карадун отправляются отбросы общества Таллинора, и никто не будет о них сожалеть. Крики девушек доставляли огромное удовольствие Инквизитору. Он сам отправился на поиски Сэйрел, Хелы и Квиста, но не нашел никого из них. Зато он обнаружил женщину Квиста.

— Она — моя, — предупредил Гот, облизывая губы и создавая впечатление похотливых намерений, что было весьма далеко от истины. Он чуть не рассмеялся.

От этой женщины он хотел только информации. Гот приказал ее связать, вставить в рот кляп и бросить в чулан, пока кипреанские солдаты развлекались с проститутками, как хотели. Чуть позже те же самые мужчины собрались перед борделем на улице, в тусклом свете предрассветного часа. Они пребывали не в самом лучшем настроении, а многие даже чувствовали отвращение к самим себе после мерзкого поведения. Алкоголь уже выветрился из голов, сознание прояснялось.

Тем не менее, Гот, как и всегда, был красноречив. Ему удалось напомнить им о чувстве долга. Он пытался заставить солдат забыть про стыд, головную боль и усталость. Инквизитор сообщил им, зачем они сюда приехали и почему. Его голос, более похожий на женский, разносился в утреннем воздухе.

Гот объяснял, что долг каждого солдата — спасти королеву от таллинезцев и не позволить ей попасть в руки убийцы Теркина Гинта.

Он приказал вывести девушек на улицу, и разношерстная группа когда-то красивых молодых женщин оказалась перед ним. Они обхватили себя руками, пытаясь согреться. На их телах и лицах ясно просматривались синяки и порезы, полученные во время попыток отбиться от насильников. Ночные рубашки оказались порванными. Некоторые плакали, другие ругали Гота. Многие солдаты смотрели в землю, вероятно думая о своих женах в Кипресе, а то — и о своих дочерях. Возможно, гвардейцы, в конце концов, оправдали свое поведение тем, что подвергнувшиеся насилию женщины — это все равно проститутки, а случившееся не имеет значения.

— Выведите мадам Эйрин, — приказал Гот, которому страшно нравилось снова отдавать приказы.

Один солдат исчез в борделе, остальные ждали. Тишину нарушал только кашель и стоны девушек, у которых болело все. Было еще слишком рано, карадунцы пока не встали, но пара прохожих остановилась, шокированная увиденным. Тишина затягивалась, а потом внезапно нарушилась громким криком маленькой стайки потревоженных вьюрков.

В тишине этот звук прозвучал зловеще. Затем послышался голос мадам Эйрин, которая так яростно бранила солдата, что Гот искренне улыбнулся. Его изуродованное лицо исказилось от этой улыбки. Инквизитора ждало наслаждение. Он любил доставлять боль именно таким женщинам — тем, которые вначале ругаются и сопротивляются.

Девушки начали выть, увидев, как их почти не пострадавшую мадам бросают на землю к ногам Гота.

Эйрин поднялась на босые ноги, разорвав ночную рубашку. Но это ее не волновало. Она выплюнула пыль из рта и постаралась, чтобы плевок пришелся на сапоги Гота, что и удалось. Все видели это послание гордой женщины. Одновременно собравшиеся, включая ее саму, поняли: ей придется дорого заплатить за брошенный вызов. Мадам высоко держала голову, ее глаза горели, когда она смотрела в жуткое изуродованное лицо перед собой.

Гот не хотел, чтобы эта женщина испортила ему запланированное представление. Он прекрасно понимал, насколько привлекательной может быть смелость, поэтому решил взять ситуацию в свои руки и не оставлять времени солдатам на хоть какое-то уважение к проституткам.

— Где твой муж, шлюха?

Она улыбнулась, что было невероятно и неожиданно, потом провела тыльной стороной ладони по лицу, чтобы стереть пыль.

— Я тебя помню. Тебя называли Прокаженным, верно? — спросила она громким голосом, чтобы ее слышали все собравшиеся.

Гот сохранял спокойствие:

— Люди называют меня по-разному.

— Мясник без члена? Это прозвище ты слышал? Я слышала, что ты больше не мужчина, поскольку лишился главного мужского признака. Я поражена, что ты зашел в бордель. Здесь тебе нечего делать, Прокаженный. Мои девочки любят целых мужчин... Настоящих мужиков.

Гот почувствовал, как внутри него нарастает ярость, он проклинал тик под глазом. Кажется, щека дергалась еще сильнее, чем обычно.

Эйрин рассмеялась, увидев еще один его физический недостаток.

— А-а, подожди... Я вспомнила еще одно прозвище. Дергающийся Гла... — Эйрин не смогла закончить слово.

Гот ударил так быстро и так сильно, что она услышала звон в ушах, а на глазах

внезапно выступили слезы. Эйрин не чувствовала, как они бегут у нее по щеке вниз. Мадам сразу же поняла, что Гот ее изуродовал, поскольку очень сильная и резкая боль пронзила сломанные хрупкие кости.

— Встань! — завизжал мучитель.

Эйрин слышала, как тихо плачут девушки, она ненавидела людей, которые так над ней издевались. Мадам встала. На этот раз это было труднее, но женщина не хотела показывать Готу, насколько ей больно. Она не даст ему такого удовольствия.

— Где твой муж?

— Не знаю, — ответила она, несмотря на боль.

— О-о, я думаю, что знаешь, — сладким голосом ответил Гот. — Тебе лучше сразу же сказать мне, чем ты облегчишь и собственную судьбу, и судьбу этих некогда красивых девушек.

Эйрин огляделась. Лучи солнечного света теперь ярко освещали мрачную сцену. Впервые после того, как ее вывели на улицу, она заметила, как ужасно выглядят ее девушки. Некоторые оказались так сильно избиты, что пройдет несколько недель перед тем, как они снова смогут обслуживать клиентов. Мадам пыталась не думать о таком далеком будущем.

«Сосредоточься на том, что происходит сейчас — на выживании», — сказала она сама себе. Мадам помнила этого человека по имени Гот. Раньше он наводил ужас на Чувствующих Таллинора, но эти времена ушли в прошлое. Эйрин была уверена, что Инквизитор умер в королевской тюрьме. Но, очевидно ему удалось как-то выжить, иначе он бы сейчас не находился здесь и не спрашивал ее о Янусе. Теперь, оглядываясь вокруг, мадам поняла, что ее окружают кипреанцы. Солдаты были одеты в традиционные свободные яркие рубашки, всех отличала смуглая кожа и аккуратно подстриженные бороды и усы. Это были мужчины с Чужестранных островов. Значит, они приехали за королевой. Или отправились за ней в погоню, чтобы убить?

Янус приплыл на день или два раньше, чем планировал, поразив ее тем, что привез не только обычные трофеи. Вместе с ним появились две роскошные женщины. От вида младшей сердце Локки начинало биться в три раза быстрее, чем ему следовало. Естественно, Эйрин приняла женщин, но Хела заверила ее: они с королевой не будут в безопасности, пока не доберутся до Великого Леса. Мадам выслушала всю историю их побега с Кипреса от служанки Сэйрел, едва ли поверив в услышанное. Ей понравилась Хела, которая поклялась спасти молодую королеву и обеспечить ее безопасность. Эйрин подметила в этой смелой женщине много собственных черт характера.

Мадам спросила у служанки, зачем им нужно в Великий Лес — там ведь ничего нет. Ведь гораздо безопаснее будет у нее.

Хела показала поразительно уверенной, ответив: — Там нас защитит Торкин Гинт.

При упоминании имени ее любовника у Эйрин перехватило дыхание. Она задала еще несколько осторожных вопросов и выяснила: обе кипреанские женщины знакомы с Тором, хотя ни у одной из них не было с ним интимной связи. Узнав это, мадам почувствовала облегчение. Она ненавидела зависть, которую испытывала к ярким красоткам с оливковой кожей, которые сидели напротив нее.

Эйрин ревниво подумала (пусть и на какую-то секунду), что Тор не сможет им противостоять... По ее сведениям, он уложил в постель практически всех красавиц Таллинора.

Затем Хела начала рассказывать поразительную историю смерти прежней королевы и о предположительном участии в этом Тора. Служанка заверила Эйрин: на самом деле Сильвен любила Тора и надеялась даже жить вместе с ним, сделав своим официальным мужем. Мадам опять испытала негодование от того, что Тора Гинта любили и желали столько женщин, включая ее саму.

Дальнейшая история показалась нелепой. Хела рассказала о какой-то даме, приходящей во сне. Она велела бежать вместе с Сэйрел и добраться до Тора, который защитит их от смерти. Беглянок, по словам Хелы, собирался убить узурпатор по имени Орлак.

Эйрин сразу же выдала дюжину соображений по этому поводу, но, тем не менее, Хела была настроена решительно. Они должны отправиться к Тору.

— А как вы его найдете? Мы не представляем, где он сейчас находится, — ответила Эйрин, которую раздражала решительность, написанная на лице служанки.

— Я знаю, куда идти, — вставил Локки. — Я же был вместе с Тором и Саксоном, когда они в последний раз направлялись в Великий Лес. Помнишь?

Эйрин помнила. Квист взял ее руку, слегка сжав.

— Пусть их отвезет мальчик, — сказал он спокойным мягким голосом, которым всегда разговаривал с ней.

— Один?

Квист кивнул.

— Нет, я этого не позволю, Янус. Локки — всего лишь мальчик.

Она увидела, как брат при этих словах напрягся, с трудом сдерживая раздражение. Эйрин тут же пожалела о своих словах, хотя и на самом деле беспокоилась. Это сумасшествие! Какая-то чужеземная королева бежит в Таллино, а ее преследует колдун, который разрушил несколько зданий и убил множество людей. Смешно! А что беспокоило еще больше, так это взгляды Локки на молодую королеву. Предстоящее путешествие осложнялось еще сильнее.

— Ты веришь во всю эту магическую чушь? — спросила она мужа. В голос закралось раздражение.

— Я придерживаюсь широких взглядов, любовь моя, — мягко сказал он. — За свою жизнь я видел много странных вещей и научился ни от чего не отмахиваться только потому, что это на первый взгляд кажется неразумным или непонятным.

Ян почувствовал, как в Эйрин нарастает гнев. Она славилась своими вспышками ярости. Он поцеловал ей руку и долго держал ее в своих больших пиратских руках со шрамами.

— Мы должны помочь этим людям, любовь моя. Мать этого ребенка убили. Она была королевой. А теперь эта девушка — монархиня Кипреса. Наш долг помочь ей, пока другие узурпируют ее трон.

Эйрин знала, что муж прав. Он всегда бывал прав. И она, наконец, кивнула.

— Конечно, мы поможем, но Локки не должен ехать один. Ты отправишься вместе с ним.

Мадам посмотрела на мужа, ее глаза опасно горели. Янус Квист очень хорошо знал этот взгляд. Эйрин не позволит себе противоречить и не уступит в этом. Она и так пошла на компромисс, согласившись с его желанием. Теперь и ему придется поступить таким образом.

— Если ты еще какое-то время согласишься пожить одна, моя дорогая, то я с радостью провожу королеву Сэйрел и госпожу Хелу к Гинту.

Все четверо уехали на следующий день на рассвете. Гот со своими солдатами опоздали всего на один день... Резкий голос Гота вернул ее к настоящему.

— Я не хочу марать руки, выбивая из тебя правду, — закричал он.

— Я не сомневаюсь, что не хочешь, — ответила Эйрин. — Просто прикажи одному из твоих трусливых солдат сделать это для тебя. Я вижу, что кипреанцы наслаждаются избиением женщин.

Солдатам это не понравилось, и они ответили злобным ворчанием и негодующими восклицаниями. «Что пойдет им на пользу», — подумала Эйрин. Она не предоставит им никаких сведений. Будут ее бить или нет, но она не выдаст ни Яна, ни Локки.

Солдаты выглядели угрожающе, но они наверняка не станут ее убивать за молчание. Если ее побьют — что ж, значит, побьют. Она сильная и всю жизнь была сильной. И Эйрин теперь все выдержит, если им так хочется причинить ей боль. Мужчина в черном, Прокаженный, театрально вздохнул:

— Значит, не хочешь облегчить свою участь?

Эйрин ничего не сказала, только немного повыше вздернула подбородок.

— Пошел бы ты в то место, которого у тебя нет, Гот, — выругалась она, а потом еще добавила несколько крепких словечек, которые слышала от моряков во время драк перед заведением мисс Вайлет в старые добрые времена.

Гот хитро улыбнулся, но это была не просто ухмылка.

— Разденьте и свяжите ее, — приказал он, поворачиваясь спиной к Эйрин.

Солдаты, хотя и без особой радости, выполнили его приказ. А пока они это делали, Гот обратился к остальным. Солнце теперь поднялось уже довольно высоко, и собралось гораздо больше любопытных карадунцев. Семья Квиста пользовалась популярностью. Что здесь происходит?

Некоторые девушки из борделя, самые молодые, стали громко плакать. Старшие их обнимали и пытались успокоить, но они тоже впервые ощутили настоящий страх за свою хозяйку, которую знали, как Эйрин. Пока они только столкнулись с грубыми клиентами. Большинство из них избили и изнасиловали, но все это заживет. Девушки боялись за свою мадам. Она была хорошей женщиной, щедрой и, как они теперь понимали, смелой. Каким-то образом они почувствовали, что настал опасный момент. Этот жуткий урод проследит, чтобы дело приняло совсем другой оборот. Всем угрожает опасность.

Квист вернулся примерно сутки назад вместе с симпатичным Локки, который опять их дразнил. С мужчинами появились две новые девушки, красивые, но тихие и настороженные. Они почти не разговаривали с остальными и практически сразу же уехали. О них больше никто не думал.

Что нужно этим людям, явно кипреанцам, от мужа Эйрин? Возможно, он стал слишком жадным во время пиратства? Но это маловероятно. Они все знали репутацию Квиста. Такой больше не было ни у кого в этой части королевства.

Теперь они очень внимательно следили за мужчиной в черном с женским голосом. Он объяснял, что ищет пирата Квиста из-за участия того в захвате и похищении новой королевы Кипреса, девушки по имени Сэйрел. Ее сопровождала женщина более старшего возраста, ее служанка по имени Хела. Все девушки из борделя знали, что он говорит о тех женщинах, которые находились среди них примерно сутки назад.

— Кто-нибудь хочет что-то добавить к этому рассказу? — мерзко улыбнулся он, глядя на стоявших перед ним женщин.

Ответила ему Эйрин:

— Зачем моему мужу красть девушку, о которой ты говоришь? — крикнула она.

Гот на нее даже не посмотрел, но продолжал обращаться к другим женщинам. Ему всегда нравилось выступать перед толпой.

— Мне самому хотелось бы задать ему этот вопрос. Зачем он украл нашу королеву?

— Она не твоя королева, Гот. Ты — таллинезец. Убийца, трус, урод, предатель, собака, которая не достойна ничего от нас... даже моего плевка, который я уже на тебя потратила.

Он так и не посмотрел на нее. Эйрин же начинала замерзать. Утро было прохладным, и она чувствовала это обнаженной кожей. Мадам дрожала от холода и ярости одновременно. Она думала о Торе, представляла, как он обнимает этих двух женщин своими длинными, сильными руками и прижимает к себе. Они почувствуют себя в безопасности. Ей очень хотелось бы сейчас ощутить эти руки на своем теле, чтобы они обняли и прижали ее к себе.

Затем Эйрин подумала о своем добром и любящем муже, который, как она знала, готов поклоняться земле, на которую она ступала. Она подумала о Локки, умном мальчике с блестящим будущим, только если он не будет так рисковать собственной жизнью. И, наконец, она вспомнила о Петире, своем любимом брате, чья жизнь рано закончилась из-за встречи с другим человеком, подобным Инквизитору. Гот, как и убийца ее брата, любил издеваться над беззащитными людьми и невинными. При помощи этого справлялся со своей неуверенностью в себе или удовлетворял свою потребность в жестокости.

Еще маленькой девочкой, держа на руках новорожденного брата Петира, Эйрин полюбила его с первого взгляда. Она держала на руках и его мертвое тело. Сестра всегда помнила брата, которого обожала. Что-то в ней треснуло, когда она наблюдала за бывшим

Главным Инквизитором Таллинора, теперь просто каким-то беглецом в Кипресе, расхаживавшим словно павлин... Только этот был в черных одеждах, значит, больше напоминал ворону. Он выглядел зловеще мрачным, хитрым и злым. Гот нес смерть.

Но Эйрин не станет унижаться перед ним или раболепствовать. Она ничего не скажет про местонахождение Януса, Локки и женщин, которых они защищали. Она сделает это для всех них, даже если ей придется лишиться жизни. А если такое случится, она надеялась, что Торкин Гинт, единственный мужчина, которого она когда-либо любила просто так, найдет способ отомстить этому убийце.

— Делай, что хочешь, Прокаженный. Ни моим девушкам, ни мне нечего тебе сказать, — рывкнула она и почувствовала силу от собственной смелости.

— Повесьте ее вон на том дереве, — приказал он и показал на нужное. — За ноги.

Эйрин почувствовала, как к голове прилила кровь. Она больше не смущалась наготы, ее больше беспокоила боль, которую принесет ей Прокаженный. Сколько будет той боли? Унижения мадам не чувствовала. Ничто теперь не заставит ее сообщить ему сведения, которые ему требовались.

Мадам почувствовала солнечное тепло, которое коснулось ее тела, когда первый намек на лето пришел в северную землю.

В ту последнюю восхитительную ночь беззаботной любви и дружбы с Тором, он рассказал ей, как учил Элиссу не бояться и бежать от страха. Нужно позволить сознанию отделиться от тела и скрыться в безопасном месте, именуемом Зелень. Эйрин на самом деле не поняла этого в то время, но теперь до нее дошло значение слов любовника. Угроза грядущей боли помогла ей увидеть то, что имел в виду Гинт, когда говорил об отделении сознания от страха и боли. Требовалось сделать это теперь. Мадам не знала, как, но понимала: она должна отделить душу от пугающего настоящего, и тогда от того, что будет делать с ней Прокаженный, можно выжить. Может, он собирается избить ее кнутом или даже обжигать ее тело? Она слышала о такой попытке для добывания сведений.

Теперь у нее кружилась голова, но Эйрин попыталась представить что-то, что уведет ее из настоящего, позволит ей сбежать, что и требовалось, чтобы выдержать пытку. Она почувствовала облегчение, когда у нее в сознании вместо лица Тора возникло лицо Квиста. Тор не принадлежал ей, она любила его, но он сам никогда не будет любить ее так, как ей бы хотелось. Его сердце отдано другой.

Поэтому Эйрин с большой нежностью представляла уродливое, покрытое шрамами лицо пирата, и слышала тот особый мягкий голос, которым он разговаривал с ней одной. Когда Янус улыбался, то делал это не только губами, но и единственным глазом, который тут же начинал светиться. Эйрин представила, что он улыбается ей теперь.

Прокаженный что-то говорил, но Эйрин игнорировала его присутствие. Она не слышала его, потому что заставляла себя слушать Януса и его теплые слова. Муж говорил, что на какое-то время увезет ее отсюда, они покинут север и поплывут на красивые острова, которые, как он знал, располагались к западу от материка. Там чистейший белый песок, который кажется шелковым под голыми ногами, а вода такая теплая и прозрачная, что в ней видны рыбы. Там устрицы дают поразительно большие и красивые жемчужины кремового цвета, и Эйрин видела, как Янус нанизывает их на нитку и надевает ей на шею.

Эйрин теперь слышала, как волны океана ударяются о берег, крики чаек над головой... И все это время тихий голос Януса Квиста что-то нежно шептал жене.

В сознании мелькнул блеск клинка, но Эйрин держалась за свое видение, ей удалось сделать его реальностью. Значит, Гот решил ее порезать. Не самая оригинальная пытка, но пусть будет так. Он будет резать ей тело, но ничего не может сделать с душой, потому что ее душа плавала теперь вместе с дельфинами. Янус смеялся где-то вдалеке. Женщина держалась за дельфины плавники и неслась по кристально чистой воде.

Видение замерло на мгновение, и она услышала слова Гота:

— Враги Кипреса должны умереть.

Она правильно расслышала? Значит, он собирается ее убить? Как странно, что она не

рассматривала смерть, как возможность. Эйрин думала только о пытке. Казалось, Прокаженному больше не требуются ее слова. Она его оскорбила — «подлая, гнусная шлюха», как он ее называл. Это мадам услышала.

Значит, она должна умереть, чтобы дать Локки шанс выжить и защитить Януса и королеву, которую он взялся провожать. Глубоко внутри Эйрин знала, что Прокаженный, скорее всего, никогда не оставил бы ее в живых, даже если бы она и предоставила сведения, которые ему требовались. Женщина вздохнула, понимая, что теперь ее зовет смерть, причем гораздо раньше, чем она предполагала.

У нее в сознании шептал Янус.

«Они зовут тебя, моя любовь, — он показал на дельфинов. — Они хотят, чтобы ты ехала по волнам вместе с ними. Ты всегда будешь в безопасности среди них».

Если Эйрин и почувствовала глубокий смертельный разрез, который изуродовал ее плоский живот, то ничего не показала. Лишь ее тело отреагировало, выплеснув наружу скользкое содержимое. Она не осознавала, что Гот решил ускорить процесс, наслаждаясь возможностью выпотрошить ее живот. Инквизитор вывалил все ее внутренности наружу.

Солдаты отвернулись, их рвало. Девушки больше не кричали, а рухнули в пыль, бледные и лишившиеся сознания от ужаса. Иные обнимали друг друга и отворачивались, не желая быть свидетелями действий Прокаженного. А он отчаянно хотел видеть вокруг себя глазющую толпу.

Гот закончил мерзкую работу, наслаждаясь горячей кровью на пальцах. Казалось, от них даже шел пар. Инквизитор любил смерть, которую они несли. Он посмотрел на небо, на кружащих над головой черных ворон, которые позднее устроят тут пир.

Инквизитор улыбнулся при мысли об этом. Он понял, что именно появление ворон, вероятно, испугало небольшую стайку вьюрков, которые разлетелись.

Он получил огромное удовольствие от казни. Ему всегда хотелось убить кого-то именно так, и он часто задумывался, сколько времени потребуется телу, чтобы умереть после того, как он его выпотрошит. По его прикидкам, симпатичной жене Квиста, которая, к сожалению, даже не застонала, предоставляя ему желанное удовольствие, осталось несколько мгновений.

Эйрин почувствовала сонливость.

Янус шептал, что ей следует отдохнуть с друзьями, и она улыбнулась ему. Дельфины уносили ее все глубже, теперь она чувствовала, как водоросли касаются ее лица. Касание напоминало веревки, но спины животных казались теплыми при прикосновении. Да, она устала. Это — правда.

«Я ему ничего не сказала, Ян», — прошептала она мужу, и его лицо потускнело и исчезло, когда ее захватила смерть.

К счастью, Эйрин умерла быстро в то ясное утро. Ее друзья потом скажут, что заметили даже тень улыбки на ее красивом лице. Это была немного кривая улыбка, искаженная из-за того, что ее лицо с одной стороны было разбито...

Готу не потребовалось сильно бить одну из самых молодых девушек, которая, как он обратил внимание, пережила нервный срыв после убийства мадам. Оказалось, что это не проститутка, а простая служанка, которая каждое утро готовила завтрак и убирала таверну после вечерних гулянок.

Взгляд Инквизитора выхватил именно ее, потому что она показалась ему наиболее вероятной кандидатурой на сообщение сведений. Гот оказался прав.

Как только он обратил внимание на девушку, она стала сильно дрожать.

— Я хочу поговорить с тобой, — заявил он и показал пальцем на дрожащую служанку. — Солдаты, набейте сумки провизией, которую найдете в таверне, а затем садитесь на лошадей. Мы вскоре уезжаем.

Гот позвал к себе самого старшего солдата, который тут же подошел.

— Оставь здесь двух человек охранять тело жены Квиста. Оно должно висеть, как сейчас. Пусть им в полной мере наслаждаются вороны и другие любители падали. —

Инквизитор увидел, как солдат скорчил гримасу. — И пусть вон ту девушку подведут к хозяйке.

Служанку подтащили к трупку Эйрин, который уже стал привлекать внимание мух. Девушка истошно кричала.

— Заткнись! — приказал Гот.

Она замолчала от страха, но не могла прекратить хныкать. Все ее существо охватил ужас.

— Если не хочешь висеть рядом с этой шлюхой, то расскажешь мне все, что я хочу знать. Понятно?

Она кивнула. Ее сдерживаемые рыдания начали возбуждать Гота.

— Женщины, о которых мы говорили, здесь появлялись?

Девушка кивнула, но не могла смотреть на Инквизитора.

— Хорошо. Ты видишь, как все легко? — продолжал он. — Когда они уехали?

Она что-то прошептала, и Гот решил, что над ней нужно немного поработать. Девушка определенно говорила, но слишком медленно. Он врезал ей сапогом и почувствовал, как ломаются ребра. Хорошо, это обеспечит полное внимание.

Девушка рухнула в пыль, на внутренности Эйрин, и ее стало рвать, когда она поняла, в чем сидит. Боль пронзила ее тело. От рвоты страдания еще более усилились, и маленькое тело продолжало дергаться. Началось головокружение, служанку выворачивало от запаха внутренностей Эйрин.

— Говори — и побыстрее, или подохнешь среди внутренностей своей хозяйки, — предупредил Гот.

Она ответила ему, хватая ртом воздух:

— Вчера. Они уехали на рассвете.

— С кем?

— С Локки и господином Квистом, сир.

«Так, — подумал Гот. — Значит, Квист продолжает обеспечивать защиту, и шурин помогает».

Это было уже интересно.

— Куда они направились?

— Я не знаю, сир, — простонала служанка, отползая на коленях от скользкой массы.

Затем она вспомнила кое-что, услышанное, когда она подавала еду гостям. Девушка надеялась, что сейчас это спасет ей жизнь.

— О-о, подождите... Я слышала, как они говорили про Великий Лес. Но я почти ничего не поняла. Я подаю еду. Это все, что мне удалось уловить.

Ее охватила боль, и больше она ничего не могла сказать.

Девушка больше не интересовала Гота, и он отошел, скорчив гримасу от одного ее вида. Значит, они отправились в Великий Лес. Почему? Кто их там примет? Инквизитор размышлял об этом, умывая руки от крови Эйрин в ближайшем желобе. Он сам заходил в Великий Лес единственный раз, когда много лет назад искал Торкина Гинта и Элиссу.

Внезапно он все понял — и чуть не упал.

— Гинт? Вот оно! Они отправились к Торкину Гинту.

«Это даже слишком хорошо», — подумал он, садясь на лошадь. Можно убить их всех.

Солдаты посмотрели на своего странного и вызывающего отвращение командира.

— Мы едем на юг, — объявил он. — В Великий Лес.

## Глава 16 Встреча в Сердце Лесов

Тору не хотелось снова отсылать Клута от себя, и сокол почти ничего не говорил в ответ на его предложение. Это означало, что птице такая мысль понравилась еще меньше. Однако Клут согласился с рассуждениями Тора о том, что им нужно узнать, что происходит

на севере. Если Орлак прибудет из Кипреса, то логично предположить — высадится он в Карадуне.

«Просто осмотрись и сразу же лети назад, — давал указания Тор. — Тебя не будет пару дней. А мне как раз потребуется пара дней, чтобы добраться до Великого Леса. Я буду ждать тебя в Сердце Лесов».

Клут взлетел у него с плеча в ту же ночь и столь быстро набрал высоту, что Тор не видел его уже мгновение спустя. До него долетел только пронзительный крик — друг попрощался с ним.

Тор почувствовал себя очень одиноким в темноте, которая его окружала. Пока Клут находился с ним, он мог закрыть в себе сердечную боль из-за расставания с Элиссой. Без общества друга, без его мудрого голоса в голове сразу же вернулись мысли о любимой. Он снова и снова вспомнил, от чего отказался. По мере приближения к Великому Лесу у Тора в голове все чаще появлялись видения обнаженной Элиссы в объятиях Лориса. Настроение от этого не улучшалось. Не хотелось останавливаться ни для отдыха, ни для еды, он решил идти всю ночь.

Тор надеялся, что двое его детей находятся в безопасности в Таллиноре, знакомятся с матерью, обычаями и образом жизни таллинезцев. Если им суждено когда-либо войти в эту новую жизнь, то сейчас самое подходящее время, чтобы выяснить, подходят они для нее — или нет. Но Тор не знал: один из них в это время спал неподалеку от обочины дороги, отдыхая от скачки галопом к деревне под названием Бриттелбери. А дочь везли на север, перебросив через спину лошади, два бога и один из Паладинов. Если бы Тору было все это известно, он не пытался бы развеселить себя насвистыванием, пока шел к Великому Лесу.

Элисса и Саксон сделали привал на ночь и разделили скудные запасы, которые клук додумался бросить в седельные выюки перед их поспешным отъездом.

Элисса не любила груши. Она предпочитала не есть их с того дня, когда неподалеку от Карембоша украли три плода из фруктового сада. Вскоре после этого она стала свидетельницей надругательства над Саксоном, видела, как ему выкололи глаза, как по его красивому лицу текла кровь. И он тогда думал о ней и звал ее. Один запах груш вызывал из памяти жуткую сцену. Она помнила, как осел Кетай носился по двору и вносил сумятицу в ряды орущих мужчин, видела двух симпатичных мальчиков из семьи Фоксов, Милта и Ориса, которые смотрели на нее с любовью и благоговением, когда она пыталась выполнить трюк «Полет». Ей это удалось, а они умерли, спасая ее жизнь.

Женщина отвернулась от груши, которую ей настойчиво протягивал Саксон.

— Ты должна перекусить, — сказал он.

— А что-нибудь у тебя в мешке еще есть? — спросила она с надеждой.

— Я украд две булочки у Поварихи, но сам планировал есть их позднее, — сказал Саксон с хитро поблескивающими в свете их маленького костра глазами.

— О-о, ты несносен, Саксон! Отдай мне одну!

Он рассмеялся и вручил ей небольшую булку. Элисса с большим удовольствием впиалась в нее зубами.

— Ты мне нравишься такой, — сказал он, внимательно ее оглядывая.

— Так здорово чувствовать себя свободной и беззаботной, — призналась Элисса. — Хотя мне не следует... Ведь этот бог-убийца идет на нас! — она улыбнулась. — Я снова чувствую себя живой, Саксон.

— Все дело в нем? — он знал, что ему не требуется произносить имя Торкина Гинта.

Она кивнула, откусив еще кусочек булочки.

— Отчасти, — сказала Элисса и посмотрела на друга, а потом стала перечислять все то, от чего чувствовала себя так хорошо. — Сказать по правде, хорошо, что я больше не королева. Мне нравится знать, что у меня есть дети. Я согласна с тобой — из Джила при нужной поддержке получится прекрасный король для Таллинора. Я поражена, что пытаюсь догнать Торкина Гинта, а сейчас нахожусь здесь, с моим самым близким другом, стареющим клуком. — Женщина улыбнулась, когда он поморщился. — Я понимаю — наш

единственный способ обрести свободу от груза, который висит на нас, — это встретиться с Орлаком лицом к лицу и не прятаться от него.

— О-о, и это все? — поддразнил ее Саксон.

Элисса бросила грушей ему в грудь. Он ловко ее поймал и откусил кусочек. От запаха грушевого сока ей стало дурно. Она заговорила, чтобы сдержать рвоту, а ужасная сцена не всплыла из памяти.

— Я чувствую себя невероятно счастливой, когда, возможно, мне совсем не следует таковой быть. Мне стыдно.

— Не нужно этого стыдиться. Никто вокруг этого костра не станет тебя осуждать.

— О-о, правда? А если я тебе скажу, что Тор меня поцеловал?

Саксон перестал жевать грушу.

— Будь осторожна, Элисса. Мы все его любим, но ты потеряешь больше всех от любви к нему.

— Я знаю, — сказала она, опустила глаза и сразу же пожалела, что поделилась этим.

— Вы заслуживаете того, чтобы быть вместе. Вы оба. Но я боюсь всего того, с чем нам еще предстоит столкнуться до тех пор, пока кто-то из нас почувствует себя в безопасности.

— Знаю, — повторила она, положив сумку на землю в виде подушки и приготовившись спать. Потом зевнула. — Если завтра весь день не будем вылезать из седла, мы его догоним?

— Думаю, да.

— Хорошо, — ответила Элисса и закрыла глаза. Ее голос звучал тише, словно она удалялась прочь. — Просто я не могу дождаться, когда, наконец, удастся его обнять.

Она ненадолго открыла один глаз, чтобы с наслаждением посмотреть на нахмурившегося Паладина.

Через несколько часов после того, как улетел Клут, Тор почувствовал, как у него в голове внезапно и резко открывается канал связи, словно кто-то резанул холодным лезвием. Потом его сознание наполнил встревоженный голос Адонго, просящего о помощи. Сообщение было коротким, даже очень: «Орлак захватил Лаурин. Мы направляемся на север».

После этого канал мысленной связи резко закрылся, словно оборвалась нить. Тор быстро развернулся, погрузился в транс, пытаясь проследить направление, по которому шел сигнал. Он сомневался, что слышал его, и боялся, что сказанное — правда. Но ничего не обнаружилось: Адонго уже прикрылся мысленным «щитом».

Тор уселся у обочины дороги, тяжело дыша. Он услышал крик совы, но больше ничто не нарушало тишину ночи. Сова заставила его вспомнить о своем Паладине. Сейчас Тору требовался его мудрый совет.

«Клут! Ты где?» — бросил он нить мысленной связи.

«Вместе с группой друзей. У нас пир, здесь менестрели и танцоры, акробаты и пожиратели огня... Как ты думаешь, где я? — язвительно спросил сокол. — Лечу в Карадун, как ты и приказал! Я буду там до рассвета».

Тор был слишком расстроен, чтобы почувствовать сарказм друга.

«Возвращайся».

«Почему?» — теперь Клут слышал страх в голосе Тора.

«Орлак уже здесь».

Птица мгновение молчала. Клут знал, когда нужно помолчать и также знал, что Тор сам все объяснит.

«Несколько минут назад Адонго связался со мной по каналу мысленной связи. Связь была очень короткой. Вот его точные слова: «Орлак захватил Лаурин. Мы направляемся на север».

На какое-то время воцарилась тишина, и Тор ее не нарушал. Он надеялся, что сокол скажет что-то успокаивающее.

«Значит, Адонго уже нашел Лаурин, а Орлак нас опередил. Он уже в Таллиноре?»

«Очевидно, да».

«И я предполагаю, что Адонго не позволяет тебе вступить с ним в мысленную связь?»

«Правильно. Он закрылся «щитом». Почему?»

«Это ясно. Если там Орлак, то Адонго не может рисковать обнаружением канала связи, который идет к тебе. А следует предполагать, что он не стал бы сообщать такую дикость, если бы не был уверен».

«Почему ты в этом так уверен?»

«Что там именно Орлак? Это объясняется очень легко. Ты забываешь, что мы все сражались с ним на протяжении нескольких столетий. Он не должен был измениться, если не окружил себя какой-то новой оболочкой. Я не могу представить, чтобы он использовал какие-то трюки... Орлак явно хочет, чтобы таллинезцы его боялись. Ему нужно, чтобы мы знали: он может попасть в королевство и делать все, что захочет».

«Почему он не узнал Адонго?»

«Я снова предполагаю, что наш морук предпринял большие усилия, чтобы изменить внешность для обеспечения защиты Лаурин».

Тору в голову ударила еще одна мысль.

«Клут, если Лаурин у Орлака, это значит, что он уже побывал а Тале! Может, он его разрушил. Гидеон, Элисса...»

«Подожди! Послушай меня. Адонго рисковал всем, отправляя тебе это послание. Если он решил пойти на этот риск, и Тал был бы разрушен, а твой сын или королева пострадали бы, то он бы и это тебе сообщил, пусть это означало бы его верную смерть. Нет, я считаю, что он передал тебе все, что требуется, очень сжато сказал самое главное».

«Зачем богу, который собрался мстить и стереть с лица земли Таллинон, заходить в город и красть одну-единственную женщину?»

«Ха-ха! Ты не думаешь, Тор. Кто эта женщина?»

«Моя дочь».

«Вот именно. И что ты теперь сделаешь?»

«Последую за ней».

«Вот-вот. Я думаю, что он хочет как раз этого. Орлак показывает тебе, что способен сделать. А после того, как ее исчезновение обнаружат, думаю, что и гвардейцы короля начнут действовать. Возможно, даже сам Джил, который, как ты сам говорил мне, влюбился в Лаурин, отправился в погоню. Орлак достигает всего одним этим хитрым шагом. Украд твою дочь, он вызывает тебя, что является его главной целью. Но он заставит действовать и воинов Таллинона, также выводит из равновесия нового короля, возможно, вынудит его на безрассудные поступки. В результате страна окажется в опасности. Нет, Тор, я считаю, что это — продуманный шаг».

Тор молчал, обдумывая полученную информацию.

«Почему Лаурин? Почему не Гидеона?»

«Вероятно, потому что женщины кажутся более беспомощными, хотя твоя дочь и не такова, но он этого не знает. Возможно, Гидеона не оказалось рядом. Мы же не знаем всей ситуации».

«А почему не Элиссу?»

«Потому что, несмотря на то, как ты любишь Элиссу, твоя дочь еще более ценна. Ты сделаешь все для обеспечения ее безопасности. Я думаю, что Орлак это понимает».

«А откуда он знает, кто она?»

«На этот вопрос я не могу ответить. Мы все видели, что она поразительно похожа на мать. С другой стороны, Орлак никогда не видел ее мать».

Тору стало холодно.

«Но Доргрил видел».

Клут какое-то время молчал, а Тор не хотел прерывать мысленную связь.

«Ты поворачиваешь назад?»

«Нет, я полечу дальше. Ведь не зря я уже залетел так далеко».

«Тогда я сделаю то же самое. Я доберусь до Сердца Лесов и найду Рубина. Мы примем

решение, как только ты вернешься. Поторопись, Клут».

Страх за Лаурин и неуверенность в следующем шаге подгоняли Тора. Он быстро шел всю ночь размашистым шагом, и даже бросился бегом, увидев первые деревья одной из частей Леса, куда направлялся.

Арабелла бросилась к нему в объятия.

— Очень хорошо, что ты вернулся, — сказала она, хотя видела по плотно сжатым губам Тора и мрачному виду, что он принес новости, которые она совсем не будет рада слышать.

— Солиана здесь? — спросил Тор, высвобождаясь из объятий. Но пока он вполне намеренно не выпускал ее руку.

Арабелла была его Паладином, а поэтому жаждала находиться рядом с ним. Он знал, что не следует сразу же рассказывать ей обо всех своих печалях, действовать резко и не позволять ей демонстрировать свою любовь.

— Нет, — ответила отшельница. — Я давно ее не видела.

Они вместе углубились в Великий Лес, направляясь к Сердцу Лесов. Тор чувствовал, как оно притягивает его. Он даже слышал возбужденное пение Небесных Огней, которые звали его к себе.

— Мне нужно столько тебе рассказать, — проговорил Тор.

— Ты похудел. Расскажешь все за трапезой, — Арабелла показала на выставленную на земле еду.

Они уселись под одним из огромных деревьев и вместе перекусили.

— Орлак уже здесь, — объявил он.

Арабелла прекратила есть и уставилась на него. Она решила не прерывать Тора — для него было важно рассказать ей все, что требовалось.

— Продолжай, — шепотом попросила она.

Тор рассказал ей про Адонго и его краткое послание, а также о том, к каким выводам пришли они с Клутом. Арабелла мгновенно испугалась за Лаурин. Она поняла, что быстро приближается время Паладинов — последней битвы, о которой они говорили на протяжении веков.

Праведная отшельница видела, что Тор сбит с толку и расстроен, и ей не хотелось добавлять собственный страх к бурлящему котлу его мыслей.

— Что мы будем делать?

— Ждать Клута. Все решим после его возвращения. Ты знаешь, почему я сейчас вернулся, Арабелла?

Она покачала головой.

— Расскажи мне о Рубине.

Она нахмурилась и, казалось, пребывала в замешательстве.

— О каком Рубине? Кто это?

Тор удивился. Почему-то он ожидал, что отшельница вздохнет с облегчением и все ему расскажет, но, похоже, Сердце Лесов хранило свои секреты... Иногда — и от своих.

— Рубин — это мой сын.

Судя по выражению лица, Арабелла была поставлена в тупик.

— Я не понимаю, — сказала она. — Твоего сына зовут Гидеон.

— Это так, но недавно я узнал, что в тот день в Сердце Лесов родился еще и третий ребенок. Элисса родила слабенького мальчика. Это знала только Соррель и, как я понимаю, Дармуд Корил. Но я полагал, что и ты это обнаружила...

Она покачала головой. Арабелла выглядела шокированной, а потом у нее на лице появилось изумление. Она отложила фрукт, который жевала.

— Третий ребенок. Троица?

Тор кивнул. Арабелла заплакала, обняла его и разрыдалась еще сильнее. Он присоединился к ней. Но Тор не мог сказать, плачет ли он из-за Рубина или, что более вероятно, из-за потерянной дочери. Потом пришлось сообщить все, что узнал с момента их

последней встречи, включая смерть Соррель. Последняя новость вызвала у нее грусть.

— Наверняка эта старушка умела хранить секреты, — признала Арабелла. — Ты, конечно, знал ее мужа. Думаю, они очень подходили друг к другу.

Тор кивнул.

— Они все делали, пытаюсь исправить зло. Купили украденного ребенка и сохранили его личность в тайне. Я считаю, что, узнав о том, кто он, они пришли в ужас. Я до сих пор не знаю, сколько лет было старому Меркуду и Соррель, но, полагаю, несколько столетий.

Арабелла кивнула в задумчивости, вспоминая день возвращения Тора в Сердце Лесов вместе с собственным трупом.

— Он умер, когда ты вышел из его тела, чтобы вернуться в собственное. Когда я взглянула на то место, где он лежал, то увидела, что он превратился в пыль. По Сердцу Лесов пролетел легкий ветерок, словно посланный богами. Ветерок развеял пыль, — сказала она.

— Это случилось и с Соррель. Мы держали ее за руки, пока она рассказывала про Рубина. Но как только она умерла, то превратилась лишь в горстку пыли. Сколько же лет они провели в этом трудном поиске?

— А ты, Тор?

Он посмотрел на нее и слегка покачал головой, показывая Арабелле, что не понял вопроса.

— Кто ты?

Он легко улыбнулся.

— Кто знает? — грустно произнес он. — Я считал себя сыном простого деревенского писаря. Я знаю только, что Джион и Аилса Гинт — мои родители... Это единственные родители, которых я когда-либо знал, но я так и не выяснил, кто мои настоящие мать и отец. Не думаю, что когда-либо выясню. Они погибли в огне. До сего дня я не представляю, есть ли у меня братья и сестры.

— А как так получилось, что ты оказался в деревне у Гинтов?

— Надо мной сжалилась путешественница. Никто из жителей деревни, в которой я родился, не мог позволить себе взять в дом еще одного ребенка. А она взяла меня с собой, но постоянно странствовала и не могла воспитывать сына.

Когда женщина остановилась в гостинице в Пустотной Топи, Аилса Гинт, моя мать, просто не могла не взять меня к себе.

Он пожал плечами. Ему все еще было больно — ведь Джион и Аилса не настоящие его родители.

— А своих детей у них не было?

Тор покачал головой:

— Моя мать оказалась бесплодной. Это одна из причин, почему они так быстро согласились. Хотя странно, — Тор запустил пальцы в волосы и расчесал их, словно гребнем. — Я часто рисовал картинки с изображением своей семьи. Мои родители всегда удивлялись, что я рисовал четырех человек.

— Сестру, как я предполагаю? — улыбнулась Арабелла.

— Нет, старшего брата. И он всегда выглядел угрожающе на моих рисунках.

— Что ты имеешь в виду?

— О-о, мне трудно объяснить. Это было так много лет назад. Я всегда рисовал его как бы отдельно от нас троих, как можно дальше. И он всегда выглядел на моих рисунках разозленным.

— Как ты думаешь, что это означает?

— Если честно, не знаю. Я был ребенком. Возможно, мне отчаянно хотелось иметь брата. Я на самом деле не знаю, Арабелла.

Тору было не совсем удобно делиться этими воспоминаниями и погружаться в прошлое. Раньше он много думал о брате, который появлялся на рисунках, но давно его не вспоминал, да и вообще предпочитал не ворошить прошлое.

Арабелла, очевидно, почувствовала это.

— А женщина?

— Ты имеешь в виду путешественницу?

Она кивнула.

— Никто не знает. Я больше никогда про нее не слышал. Я также удивился, узнав, что мои родители не задали никаких вопросов. Но я думаю, что они так отчаянно хотели ребенка, что их совершенно не волновало, откуда он появился. Тем более, они получили меня без всяких формальностей.

— Это тебя волнует, Тор?

— Нет. Все уже в прошлом.

— Ты не понял, что я имела в виду, — сказала Арабелла и взяла его руку. — Тебе никогда не приходило в голову, что есть нечто общее между Орлаком и тобой?

Тор был ошарашен.

— Я тебя не понимаю! — воскликнул он.

— Орлака забрали от настоящих родителей, как и тебя.

— Но мои погибли в огне.

— Это ты так считаешь, — сказала она, но Тор проигнорировал сомнение в ее голосе.

— Орлака украли, а меня отдали — в этом нет схожести.

Арабелла видела, что Тор пытается защищаться.

Ей не хотелось продолжать его расстраивать, но стало очевидно: Гинт наверняка рассматривал параллельные пути бога Орлака и себя самого. Было очевидно, что он предпочитает не обсуждать это в открытую.

Она потянулась, специально показывая ему, что не собирается продолжать эту тему, а затем улыбнулась.

— А что с Рубином? Как ты собираешься его искать?

Тор опять расчесал пальцами волосы, встал и размял длинные ноги.

— Я больше ни о чем не думал после отъезда из Тала. Я считаю, что Солиана — его Паладин, она должна знать, где он находится, — заявил он и прислонился к дереву.

«И ты прав», — послышался у него в сознании знакомый голос.

Тор повернулся налево и увидел огромную волчицу. Казалось, ее серебристый мех блестел в лучах света, прорывающихся сквозь листву.

— Солиана! — воскликнули одновременно Тор и Арабелла и двинулись к ней.

— Где он? — спросил Тор, не в силах сдержать возбуждение.

«Подожди. Кто-то приближается», — предупредила волчица.

«Сердце Лесов никого сюда не допустит», — уверенно заявил Тор.

«Уже допустило».

«Кого?» — спросила Арабелла.

«Друзей», — ответила огромная волчица и открыла пасть. Это напоминало улыбку.

Кетай вышел на опушку. Элисса и Саксон держались рядом с ослем. Оба довольно улыбались. Им понравилось смущение и замешательство на лице Тора.

— Ты посмотри, кто нас встречает, — сказала Элисса с широкой улыбкой. Когда никто не ответил, она сама заполнила паузу. — Ну, скажи что-нибудь!

— Зачем? — только смог выдавить из себя Тор.

— Потому что терпеть не могу тишину.

— Нет, я имею в виду: зачем ты приехала сюда?

Элисса не могла сразу же определить, доволен ли он или же не рад видеть ее. Возможно, ему не нравится, что она оставила их общих детей в городе. Она преднамеренно избегала объяснений.

— Это долгая история. А поесть что-нибудь можно? От Саксона никакого толку во время путешествия. Бесполезен!

Клук сплюнул в типичной для его народа манере, но ничего не сказал.

Они стояли в нескольких футах и просто смотрели друг на друга, ожидая, когда кто-то

сделает первый шаг или что-то нарушит некое подобие транса или заклинания, окружившего мужа и жену. Первым вперед шагнул Тор, крепко прижав к себе Элиссу. Он ничего не говорил, просто обнимал ее, а остальные тихо отошли прочь.

Тор слышал, как Арабелла тепло приветствует Саксона, а он потом с удовольствием снова встретился с Солианой. Кетай ушел вглубь леса, как и всегда.

Тор выпустил жену из объятий и держал на расстоянии вытянутых рук, чтобы любоваться ее прекрасным лицом.

— Я не смею позволять себе такое удовольствие. Но я так рад, что ты здесь!

— Ты выглядишь грустным.

— Это долгая история, — эхом повторил он ее слова. — Поешь. Предложим поесть и Саксону.

— Что случилось? Что-то с Рубином? — Элисса подумала, что у нее разорвется сердце.

— Нет, любовь моя. Я пока его не видел, хотя Солиана что-то знает. У меня есть новости об Орлаке.

Он не хотел больше ничего говорить в эти минуты, а она не хотела слышать. Вместо этого Тор коснулся пальцем бледно-зеленого кружка у нее на лбу, и он свалился на землю.

«Я ненавижу эту метку, которую прикрепили тебе ко лбу», — прошептал он по каналу мысленной связи.

«Я больше никогда не буду носить архалит», — ответила она, чувствуя, как к ней возвращаются магические способности, и радуясь воссоединению с этой системой мысленной связи и с любимым мужчиной.

«Я предполагаю, что у тебя тоже есть новости, раз ты такое говоришь?» — он чувствовал это внутри нее, и чувствовал, как она отчаянно хочет ими поделиться.

Элисса кивнула.

— Давай перекусим, — сказала она осторожно. — А затем поделимся новостями.

Тор с Арабеллой уже поели и просто смотрели, с какой жадностью Элисса и Саксон поглощают остатки простого ужина. Элисса признала, что еда никогда не казалась ей такой вкусной.

Солиана терпеливо сидела рядом с Тором, который постоянно гладил или запускал руку в ее поразительно густой серебристый мех.

Наконец все замолчали, и Элисса решила заговорить первой и сообщить остальным новости из Тала. Глядя на Солиану, она сожалела, что не сидит на месте волчицы, так близко расположившейся к Тору. Теперь, находясь в присутствии того единственного мужчины, которого она по-настоящему любила, ей внезапно стало трудно думать о Лорисе, особенно, когда Тор неотрывно смотрел на нее своими яркими блестящими темно-голубыми глазами. Слегка закружилась голова.

Элисса откашлялась и обратилась к собравшимся:

— Я нахожусь здесь, потому что я больше не королева Таллинора.

Арабелла шокировано вскрикнула. Тор ничего не сказал, но Элисса заметила, как он прищурился, пытаясь разобраться в только что услышанном. Женщина продолжала, надеясь, что Свет поможет ее голосу не дрожать. Она и в самом деле не хотела больше плакать.

— Лорис мертв.

Элисса решила, что лучше все сказать прямо и простыми словами, и сразу же заметила неверие на лице Тора.

— Не может быть! Как такое могло случиться? — спросил он. — Это не могло произойти в пути — он же должен был вернуться в Тал через несколько часов после моего отъезда. К тебе же прискакал посыльный с сообщением, что все в порядке...

Она легко кивнула, показывая, что все это так, но он не знает конец истории. Когда Тор замолчал, Элисса сделала паузу, чтобы взять себя в руки. Нельзя больше плакать из-за человека, которого любила.

— Вскоре после твоего отъезда из Тала прибыл другой посыльный. Он скакал очень быстро, едва не загнал лошадь на скользкой дороге, и сам был едва жив...

Тор внезапно вспомнил посыльного с королевской эмблемой, который невероятно быстро скакал по опасной дороге. Тогда они с Клутом обменялись мнениями по этому поводу.

— Я видел того посыльного. Я подумал, что заметил слезы у него на лице, но не мог точно определить из-за дождя.

— Это на самом деле были слезы, — подтвердила Элисса. — Он приехал, чтобы сообщить новость о смерти короля Таллинора. Лориса во время грозы убила молния.

Она больше не могла говорить об этом, Тор обхватил голову руками. К счастью, продолжение истории взял на себя Саксон.

— Король умер мгновенно, как нас заверил Херек. Его тело привезли в Тал и похоронили после традиционного прощания.

Солиана улеглась животом на землю, положив голову на лапы, Арабелла обхватила руками колени и коснулась их лбом. Потом она задумалась, что могут означать все эти события.

— Элисса, но почему ты тогда здесь? Что ты имеешь в виду, сказав, что ты больше не королева? Кто правит Таллинором? — спросил Тор, поставленный в тупик.

— В Таллиноре новый монарх. Его зовут Джил из Уиттона.

— Твой приемный сын? — воскликнул пораженный Тор.

Ей очень не нравилось это выражение, потому что она всегда думала о Джиле, как о родном.

— Это незаконнорожденный ребенок короля. Я узнала об этом перед самой свадьбой, и нам с Лорисом так и не представилось возможности сказать ему об этом.

Тор покачал головой.

— Значит, Лорис был неверен Найрии?

Предположение показалось очень непристойным и оскорбительным, но Тор не мог объяснить, почему. Свет знает, сколько раз он сам был неверен жене со времен заключения их брака!

Элисса кивнула и улыбнулась при воспоминании о Найрии.

— Очевидно, такое случилось всего один раз. Об этом знали лишь Кит Кайрус, бывший прайм-офицер, о котором ты мне столько рассказывал, и Меркуд. Старик позаботился о Джиле, проследил, чтобы он получил образование и ни в чем не нуждался. Потом мать заболела и умерла, когда он был еще совсем ребенком.

Кусочки картинки-загадки встали на свои места в сознании Тора.

— Теперь я все понимаю. Вот почему Джил привязали к дворцовым воротам... Его умирающая мать надеялась, что королевская чета пожалеет ребенка.

Элисса пожала плечами:

— Возможно, хотя я и сомневаюсь, что она ожидала для него таких привилегий. Вероятно, та женщина просто надеялась, что для него подберут хороший дом. Кто знает? Он был незаконно рожденным и низкого происхождения — с ее стороны. Ничего лучше она для него придумать не смогла. Но как мать сына короля, пусть и незаконнорожденного, она должна была обеспечить Джилу возможность находиться рядом с отцом.

— А он как воспринял новость?

— Плохо, — одновременно сказали Элисса и Саксон.

— Он справится, — тут же продолжила Элисса. — Из Джилы получится прекрасный король... И ты был прав насчет Лаурин и Джилы. Думаю, что я проиграла тебе золотую монету.

Она улыбнулась, радуясь, что свои плохие новости уже сообщены. С неприятной частью беседы покончено.

— Значит, пришла пора мне сообщать плохие новости.

— Лаурин и Джил?

— Только Лаурин.

— И рассталась с ней чуть больше суток назад. Она не радовалась моему отъезду, но

была в безопасности. Что случилось?

— Похоже, не была в безопасности. Лаурин исчезла. — До того, как Элисса и Саксон смогли что-то ответить, он добавил бесстрастным тоном:

— Она у Орлака.

Элисса так быстро вскочила на ноги, что это всех удивило. Потом она схватила Тора за грудки, чуть не разорвав ему рубашку, и потянула на себя. Она была в отчаянии и желала знать, что ему известно об их дочери.

— Я знаю только, что он схватил ее, и они направляются на север.

— Каким образом? Как он может уже быть здесь?

Элисса почувствовала привкус желчи во рту. Магическая сила вернулась впервые за много-много лет. Эта сила поднималась в ней, готовая вырваться наружу, и Элисса испугалась, что в отчаянии ударит по кому-то наугад.

— Каким-то образом он побывал в Тале. Никто не знает, под какой личиной он появлялся, за исключением Адонго, Паладина Лаурин. Он сейчас находится с ней. Мы с Клутом предполагаем, что он знает Орлака, но тот не узнал в Адонго одного из Паладинов. Его удалось скрыть от бога. Поэтому Адонго сможет защитить нашу дочь.

— А куда он ее везет?

— Я не знаю.

— А почему ты уже не отправился за ним в погоню? — спросила она, не обращая внимания на Саксона, который переступал с ноги на ногу рядом с ней. Он предлагал успокоиться.

— Я жду возвращения Клута с севера. Он полетел в Карадун, чтобы узнать новости или получить какие-то подсказки насчет местонахождения Орлака.

— Слишком поздно! Мы опознали, Тор. Он забрал нашу девочку! — воскликнула Элисса, не в силах больше держать себя в руках.

Тор обнял ее.

— Он не принесет ей зла, Элисса. Мы бы узнали, если бы это случилось. Я уверен, что почувствовал бы это. Думаю, он собирается использовать ее в виде приманки. Ты не взяла Гидеона с собой?

— Он уехал в Бриттелбери почти сразу же после того, как ты покинул Тал. Он очень переживал из-за камня. Он поехал к той девушке, Ийсеуль.

— Это очень опасно. Я имею в виду то, что мы разделились, — Тор выглядел обеспокоенным.

— С ним все будет в порядке. Он сказал, что сразу же вернется.

— Надеюсь, что ты права. А он встретился с Фиггисом?

Она кивнула:

— Они уехали сразу же после того, как появился Фиггис.

Элисса и Тор заметили, что фактически остались одни.

Саксон и Арабелла тихо ушли. Только Солиана лежала у края опушки. Казалось, она дремлет, но Тор знал, что это не так. Волчица просто не хотела им мешать.

— Как только вернется Клут, я отправляюсь за Орлаком.

Элисса кивнула:

— Мы поедем вдвоем. Я не гналась за тобой, чтобы остаться одной в Великом Лесу.

Он поцеловал ее, и она ответила на поцелуй, притянула его поближе, крепко прижалась к нему и губами требовала продления поцелуя.

— Это означает, что мы снова можем быть мужем и женой? — осторожно спросил Тор, когда они, наконец, оторвались друг от друга.

— Означает.

После ее ответа у него на губах появилась улыбка, глаза засветились, и у нее тоже мгновенно улучшилось настроение.

«Наконец-то мы вместе», — произнес он по каналу мысленной связи.

«Пока смерть не разлучит нас», — ответила она, а затем содрогнулась, потому что эти

слова внезапно показались пророческими.

\* \* \*

Клут появился в Карадуне, когда солнце уже поднялось над горизонтом. Он кружил высоко над городом и смотрел зоркими глазами на разворачивающуюся внизу неприятную сцену. Клут не хотел спускаться ниже. Он уже понял, кто висит вниз головой между деревьев, и кто ходит с важным и самодовольным видом перед окровавленной женщиной.

Сокол лишь один раз вскрикнул в отчаянии, и этот крик подхватил ветер. Ради Тора Клут нашел в себе смелость спуститься к деревьям и осмотреть всю жуткую сцену. Он не стал задерживаться.

Клут сразу же покинул Карадун. Никто не видел, как он прилетел, и никто не видел, как он молча улетал с тяжелым сердцем.

Он принес Торкину Гинту только плохие новости.

## **Глава 17**

### **Стойкость Квиста**

Янусу Квисту было не по себе. Пират не мог точно определить, почему так нервничает и дергается, но что-то его беспокоило. Он пережил этот день со сжатыми зубами, и едва ли разговаривал с остальными членами отряда. На вопросы капитан отвечал односложно и неохотно.

Приближались сумерки, и путешественники уже различали очертания деревьев. Это говорило, что они почти достигли одной из частей Великого Леса. Ни одна из женщин не умела хорошо ездить верхом, поэтому Квист придерживался более низкой скорости, чем хотелось бы. Вначале он думал, что Хела начнет возражать. Она очень нервничала в борделе и хотела как можно скорее отправиться в путь. Оказавшись на дороге, служанка, похоже, успокоилась, особенно, когда он объявил, что они пересекли неофициальную границу Карадуна и находятся непосредственно в Таллиноре. А когда Локки показал на темную массу впереди и пояснил, что это и есть Великий Лес, Хела заметно расслабилась. Правда, в тот момент Лес выглядел лишь неясно различимое пятном. Она заговорила веселым тоном и попыталась, хотя и безуспешно, втянуть пирата в разговор. Женщины и Локки смеялись и болтали о жизни при дворе в Кипресе. Казалось, молодой пират находил это захватывающей темой.

На самом деле Квист получил бы удовольствие от этой болтовни, если бы не дурное предчувствие. Оснований для него не имелось. Во время путешествия на юг не случилось ничего примечательного. Они встретили на дороге всего несколько человек, погода стояла хорошая, даже по вечерам. Дождь не шел, даже ветер их не беспокоил, хотя в это время года отсюда с гор обычно доходил пронизывающий холодный воздух. Каждый вечер отряд разводил костер, все вкусно и сытно ели, поскольку взяли с собой много припасов, а потом спокойно спали. Им никто не мешал.

Спокойно... кроме этого утра, — напомнил он сам себе. Квист вспомнил свое странное пробуждение. Он открыл глаза до рассвета и почувствовал страх. Капитан огляделся, взяв себя в руки и пытаясь успокоиться. Сердце учащенно билось. Обычно Квист вставал рано, но все-таки после восхода солнца. Он сел и с радостью отметил: их маленькая группа продолжает крепко спать. Женщины прижимались друг к другу. Они обе ему нравились, а служанка вызывала особое уважение и чем-то напоминала ему его любимую Эйрин. Она была решительной, смелой и симпатичной, то есть, обладала всеми качествами, которые вызывали у него восхищение.

Янус потерял глаза, а потом понял, что его разбудила Эйрин. Ему показалось, что она звала его во сне. Судя по голосу, жена чего-то боялась. Квист не очень четко помнил сон, зато вспомнил, как успокаивал ее. Затем она каким-то чудесным образом оказалась вместе с

дельфинами и плавала с ними, пока он сам стоял на белом песке, на берегу, и смеялся, радуясь ее веселым выкрикам. Ей явно нравилось плавать с дельфинами.

Больше он ничего не помнил. Правда, когда она в последний раз исчезла из его поля зрения, то нырнула в морские глубины, держась за плавники двух сильных и гордых дельфинов, которые легко разрезали телами соленые воды.

Пират потряс головой, чтобы очистить ее от чудных мыслей. Вместо них он представил Эйрин спящей и улыбнулся. Она ненавидела рано вставать, и можно было ожидать вспышки гнева, если побеспокоить жену до восхода солнца. Квист знал, что больше не заснет, поэтому даже не пытался. Он встал, потянулся и на цыпочках обошел их маленький лагерь, который они разбили на ночь. Поблизости протекал ручей и капитан решил сходить за водой, а заодно поворошить угли во вчерашнем костре, чтобы приготовить завтрак к моменту пробуждения остальных. Впереди их ждал долгий день. После дня езды верхом они должны добраться к Великому Лесу в сумерках, правда, уставшими и измотанными. Все будет болеть.

Квист скучал по Эйрин. Он хотел сдать этих женщин Гинту и снова сесть в седло ко времени наступления темноты — если ему только удастся быстро найти этого человека.

Локки явно влюбился в девушку, да еще и королеву — ни больше, ни меньше. И она оказалась не лучше — бросала на него застенчивые взгляды, призывно улыбаясь и сверкая темными глазами. Локки будет громко возражать, не желая так быстро покидать Сэйрел и Хелу, но Квист уже принял решение. Пират не собирался задерживаться так далеко на юге. Он был человеком с севера, и с этой стороны Карадуна объявлен вне закона. Нет, он здесь не останется. Надо как можно скорее вернуться к жене и быть рядом с «Вороном».

Он разбудил сонное трио и заварил чай из собранных листьев. Квист постоянно удивлял людей. Те, кто считал его необразованным человеком из-за того, что он был пиратом, на самом деле, оказались дураками. Капитан получил образование, но решил не делать карьеру, потому что искренне любил море. Отец запретил ему выходить в море, и Янус сбежал из дома на юго-западе Таллинора, а потом пробрался на побережье. Он много лет ходил по морям из Киракавии, пока его корабль однажды не атаковали карадунские пираты.

Атака пиратов провалилась, и это изменило жизнь Квиста. На корабле, где трудился Янус Квист, был отличный капитан. Он мог бы легко уйти от пиратов, но решил вступить в бой, успешно захватил пиратский корабль и убил большую часть команды. Капитан объяснил молодому моряку, что разбойники погибли из-за жадности. Именно из уст того капитана Янус впервые услышал необыкновенную идею. Если найдется пират, который будет оставлять всех в живых на захваченных кораблях, брать только половину добра и не атаковать один и тот же корабль более двух раз в год, то он станет процветать и, вероятно, заслужит неохотное уважение врагов и властей. Капитан просто высказал вслух мысли, которыми ни с кем не делился раньше. Но его речи вместе с радостью, которую Квист испытал во время погони за пиратским кораблем, заставили молодого моряка мгновенно принять решение. Пиратство — вот его жизнь!

— Мы доберемся до леса до темноты? — внезапно спросил Локки, врываясь в воспоминания Квиста.

Пират поднял голову и увидел, что все лошади остановились перед ним, а три пары глаз устремлены на него.

— Простите... Я думал о другом.

— Мы заметили, — ответила Хела, но по-доброму, и улыбнулась ему.

— М-м-м... Да, если поторопимся. Нужно доставить вас в безопасное место, женщины, а эти деревья...

Квист не закончил фразы. Его привлек какой-то грохот, который к ним приближался. Другие тоже это услышали.

— Что это? — спросила Сэйрел, оглядываясь и пытаясь определить его происхождение.

Все внимательно прислушивались.

— Всадники, — сказали Хела и Квист одновременно.

Квист посмотрел на Локки, который уже тянулся к кинжалу, прихваченному с собой.

— Это они, — упавшим голосом произнесла Хела.

— Кто? — Сэйрел побледнела.

— Те, кто хочет твоей смерти. Я знала, что они появятся. Значит, теперь будем сражаться.

— Нет! — приказал Квист. — Локки, бери Сэйрел и Хелу и скачите, как ветер. Мы не знаем, кто это. Но если это преследователи, я их задержу. Обещаю вам, что буду сдерживать достаточно долго, чтобы вы успели добраться до Великого Леса. Бросайте лошадей, когда потребуется, и прячьтесь под покровом Леса.

— Я не оставлю тебя, — заявил Локки.

— Ты сделаешь так, как я приказываю, — крикнул в ответ Квист и повернулся к Хеле. — Веди свою королеву в безопасное место. Сейчас нужна смелость. Скачите так быстро, как только позволят лошади.

— Но я не могу ехать так быстро! — воскликнула в ужасе Сэйрел.

— Можешь! — прикрикнула на нее Хела. — Спасибо, Квист. Мы встретимся вновь.

Квист хотел сказать, что этого, по его мнению, не случится, но промолчал, спрыгнув с коня и шлепнув остальных животных по крупу. Это вместе с его громким криком возымело нужный эффект. Локки оглянулся на капитана, и на его лице смешались злость и беспокойство, но вскоре шурин уже скакал галопом и подгонял других лошадей. Пират наблюдал за ними с мрачным видом, потом быстро помолился Свету с просьбой помочь им добраться в безопасное место и не позволить женщинам упасть с лошадей.

«Просто доберись до деревьев, Локки», — отправил он мысленный зов, затем отвернулся от поднятого лошадьми облака пыли и сделал глубокий вдох.

Вот оно! Вот почему он так мерзко чувствовал себя весь день. Предчувствие его не обмануло, теперь он должен действовать, чтобы спасти жизни других. Квист хотел успокоить себя, что это может оказаться просто группа таллинезских гвардейцев, которые скажут галопом, но почувствовал — такое маловероятно. Не зря же он весь день пребывал в отвратительном настроении.

Он запустил руку в седельные выюки и достал небольшой мешочек, который бросил в них, собираясь в дорогу. Ему тогда почему-то пришла в голову мысль его взять. Теперь он очень поможет. Квист достал две абордажные сабли, которые обычно брал с собой в путешествие по морю или по суше. С этими клинками он стал серьезным противником и сегодня намеревался забрать с собой в могилу как можно больше врагов.

Высыпая содержимое мешочка на дорогу в одну линию, он понял, что спокойно думает о смерти. Это было правдой. Квист не ожидал, что выживет после предстоящей схватки, и намеревался лишь убить побольше преследователей Сэйрел и дать своим друзьям шанс на спасение. Он всем сердцем надеялся, что Торкин Гинт находится в Великом Лесу. Хела руководствовалась увиденным во сне. Хотя капитан ничего из этого не понял, он доверял ей, поскольку она действительно во все это верила.

Теперь он сжался в тени у обочины дороги. Сумерки перешли во тьму, всадники приближались, и мысли Квиста обратились к Эйрин. Он думал о ее счастливых криках, которые слышал во сне, когда она плавала с дельфинами. Капитан надеялся, что ей его будет не хватать.

\* \* \*

Тор с Элиссой находились в Сердце Лесов вместе с Саксоном и Арабеллой, ожидая волчицу. Пришло время выяснить побольше про Рубина. Все четверо испытывали нетерпение, но знали, что Солиану нельзя торопить. В любом случае, она вскоре появится. Однако первым появился Клут и только добавил им напряжения. Он внезапно пролетел над деревьями, привлек их внимание, а потом беззвучно опустился в центре поляны, где они

сидели. Птица выглядела изможденной. Тор подбежал к ней, чтобы взять на руки.

«Как ты? С тобой все в порядке?»

«Просто устал. Дай мне минутку отдохнуть».

— С ним все в порядке? — спросила Элисса, выражая всеобщее беспокойство.

— Он измучен. Нам нужно дать ему отдохнуть, — ответил Тор.

«Нет, — заявил ему сокол, тяжело дыша и прижимаясь груди Тора. — Я должен сообщить очень плохие новости. Они тебя расстроят».

Тор почувствовал, как у него волосы встают дыбом на шее сзади и на руках. Клут не любил театральных эффектов. Поэтому подобные слова испугали Тора. Значит, им предстоит услышать что-то на самом деле ужасное.

Тор приложил палец к губам, чтобы никто не задавал никаких вопросов.

— У Клута есть новости, — просто сообщил он.

Все молча ждали.

«Рассказывай», — мягко попросил Тор.

«В Карадуне был Гот — он посетил заведение мадам Эйрин».

Тор не хотел больше ничего слушать, но знал, что должен, и сжал челюсти в ожидании самого худшего.

«Он преследует Сэйрел, нынешнюю королеву Кипреса. Как я догадываюсь, ей удалось каким-то образом сбежать от Орлака. Похоже, Гот теперь работает на нашего врага».

Тор видел обеспокоенность на лицах друзей, и кивнул им, показывая, что вскоре поделится с ними всеми новостями. А пока он должен дать Клуту все рассказать.

«Продолжай», — попросил он.

«Гот задержался в борделе ровно столько времени, сколько ему потребовалось на его обычную грязную работу и получение ответов на вопросы. Сейчас он с солдатами направляется сюда».

«Подожди», — перебил Тор и быстро пересказал остальным услышанное.

Все это очень мало значило для Элиссы и Арабеллы, но Саксон мгновенно отреагировал и стал тереть лицо руками. Он боялся за молодую королеву.

«Рассказывай дальше», — попросил Тор сокола.

«Мне очень жаль, Тор, что я принес такие новости».

Тор погладил Клута.

«Знаю, но ты — это наши глаза и уши. Рассказывай, не тяни».

Он услышал, как птица вздохнула в душе, и понял, что это будет его последняя минута спокойствия в этой жизни. Возможно, новость прозвучит как погребальный звон по нему самому. Что бы Клут ни сказал, это потребует немедленных действий. Тор не сомневался в этом и знал, что надежды на то, чтобы избежать кровопролития, растаяли. Он почувствовал пульсацию Цветов, а затем услышал ужасные новости.

«Гот замучил Эйрин. Кипреанские солдаты, которые прибыли вместе с ним, избili девушек».

«Эйрин мертва?» — Тору требовалось дополнительное подтверждение. Он вроде бы понимал каждое слово, но до него не доходило их общее значение.

Ненависть Клута к Готу нарастала во время полета домой и, наконец, кристаллизовалась во что-то непробиваемое. Он нацелился отомстить. Гот должен заплатить своей жизнью за это жестокое деяние. Клут понял, что Тор старается никого не убивать, если только может. Единственным способом дать Тору почувствовать весь ужас смерти Эйрин был точный рассказ о случившемся ясным утром в Карадуне, когда в воздухе появился намек на лето...

Клут специально говорил, не выражая никаких эмоций, просто сообщил ужасную историю.

«Он приказал ее раздеть и подвесить за ноги к дереву, вниз головой. Сам он вспорол ей живот и вывалил содержимое в пыль».

Никто другой из собравшихся на опушке не слышал этого ужасающего описания

случившегося в Карадуне. Они могли только видеть шок и печаль на красивом лице Тора. Элисса услышала, как он часто задышал, а Арабелла с Клутом, связанные с Тором особой связью, почувствовали, как в нем закипают Цвета. Он задрожал, потом медленно встал, посадил сокола на ближайшую ветку, а затем специально прижался к дереву, впитывая его силу. Требовалось утешение, пока его долго и сильно рвало.

\* \* \*

Теперь Квист видел их. Лица мужчин ничего не выражали, губы были плотно сжаты. Он узнал форму кипреанских гвардейцев. Хела оказалась права. Впереди ехал мужчина в черном. Его лицо нельзя было назвать ничего не выражающим. Его искажала жуткая гримаса, он безжалостно хлестал лошадь кнутом — все сильнее и сильнее. Предводитель был в ярости и отчаянно пытался побыстрее добраться до Великого Леса.

Пират сглотнул образовавшийся в горле ком. Внезапно ему пришло в голову, что одно появление этих всадников здесь означает, что они уже посетили Эйрин. Он сейчас не мог думать, что это значит. Тогда бы у него затряслись руки, а сейчас требовались решительность, смелость и железная воля. Капитан коснулся горячей щепкой странного порошка, который много лет назад купил вместе со специальной таблеткой в аптеке в Карадуне. Сухой старик, который продал порошок, сказал, что это называется Колдовским Огнем. Квист купил эту новинку на всякий случай, но так никогда и не попробовал разжечь ярко-красное пламя. Сейчас наступил подходящий момент. Пират надеялся, что порошок сработает. Он загорелся, и пламя побежало по высыпанной дорожке к таблетке в середине. Она взорвалась. Ослепительная вспышка и неожиданный шум напугали лошадей, которые приближались на высокой скорости. По крайней мере, четыре встали на дыбы и сбросили ездоков.

«Отлично!» — подумал Квист и схватился за абордажные сабли, а затем отошел во тьму, чтобы зарубить упавших солдат. Он молча и быстро убил трех из них, пока ехавший впереди мужчина в черном, которого в Таллиноре звали Прокаженным, пришел в себя и восстановил какое-то подобие порядка. Лошади были испуганы и разбежались в ужасе. Янус Квист подбежал сзади и поразительно высоко подпрыгнул, чтобы отрубить голову одному из солдат, а затем отсек кисть второму. Раненый истошно закричал, а пират на мгновение вспомнил одного знаменитого капитана, прославившегося тем, что рубил кисти врагам и развешивал на своей мачте. Там они чернели и высыхали на ветру и соленом воздухе.

Квист снова отбежал назад под прикрытие кустов, но знал, что переполох продлится недолго. Его очень скоро обнаружат. На этот раз он атаковал отряд сбоку и, хотя это ему не нравилось, стал выводить из строя лошадей. Теперь испуганные крики раненых животных смешивались со стонами людей.

Обладающий острым зрением Гот заметил его. Квист услышал, как Прокаженный кричит, перекрикивая шум, и показывает на него. Значит, его заметили. Пират пошел в последнюю атаку. Он подбежал к солдатам и завалил еще двух до того, как завалили его: кто-то умело резанул ему под коленями сзади. Капитан в беспомощности рухнул на землю. Он разделался с семью из тринадцати солдат. Еще двое получили тяжелые ранения, их, вероятно, оставят умирать. Шесть лошадей больше не смогут идти, еще четыре пропали. Значит, осталось только три лошади и пять способных следовать дальше человек, подсчитал он. Для одного атакующего это был прекрасный результат. Теперь, наблюдая за приближением предводителя, он посчитал, что должен смело умереть.

Гот захлопал в ладоши.

— Очень хорошо, Квист, — сказал он. — Ты отлично послужил Ее величеству своими огненными трюками и сверкающими лезвиями.

Квист видел бывшего Главного Инквизитора Таллинора второй раз в жизни. В первый раз это случилось в Карадуне. Тогда Гот только что приехал туда и задавал вопросы в борделе. Он наводил ужас на всех девушек, и Эйрин попросила капитана избавиться от

посетителя. Тот проводил Прокаженного до двери, и он ушел, не создавая проблем. Пират знал, кто это, но был типичным жителем Карадуна. Пока его лично не беспокоят, он не будет ни о чем рассказывать таллинезцам, которые его ищут, назначена награда или не назначена. Янус Квист не делился секретами Карадуна.

Судя по последним сообщениям, Гот подсел на стракку, стал бесполезным. Тем не менее, он сейчас стоял перед Квистом, хотя и похудел в два раза. Однако в его теле все еще оставалась сила, а жестокость светилась на изуродованном лице. Когда сапоги Прокаженного остановились рядом с Квистом, он подумал об Эйрин.

— Поставьте его на колени, — приказал Гот.

Боль была ужасной, когда Квиста грубо подняли и поставили перед Готом. Пират чувствовал, как кровь вытекает из раны. Ему перерезали сухожилия. В ногах совсем не осталось сил, и Квист хотел, чтобы Гот поскорее с ним покончил.

— Где королева, Квист?

— Не здесь.

— В Великом Лесу?

— Нет.

— Где же тогда?

— Направляется в Тал, но ты ее никогда не догонишь. У них свежие лошади, а ваши, как я вижу, находятся в полумертвом состоянии, даже без моей помощи, — соврал он.

— В Тал, да? — Гот так сильно ударил Квиста кулаком, что пират тяжело завалился на бок. — Врешь, пират. Хочешь, я объясню тебе, откуда это знаю?

Квист ничего не ответил. Вероятно, Гот подал знак подчиненным, потому что капитана снова подняли на колени. У него кружилась голова, и на этот раз он смотрел в пах Прокаженному. Пират где-то слышал, что какой-то клук отрезал Готу мужское достоинство, а потом засунул его бывшему Главному Инквизитору в рот и оставил умирать. Наверное, это было шуткой. Никто не выживает после такого наказания, а если и выживает, то, вероятно, станет отшельником. Однако самомнение Гота, казалось, не только совсем не пострадало, а даже усилилось.

— Посмотри на меня своим единственным глазом, Квист — или я его выколю.

Квист помнил, как лишился глаза. Наверняка, нет ничего болезненнее, чем толстая щепка, глубоко врезающаяся в глазное яблоко. Во время налета началась драка, кто-то в дикой ярости замахнулся на него саблей, но вместо этого попал по палубному ограждению. Дерево треснуло, и острая щепка впилась в глаз. Сделать ничего было нельзя. Тот удар, пришедшийся по деревянному ограждению, не лишил Квиста жизни, но цена оказалась огромной. Лекарь в Кипресе удалил поврежденный глаз. Боль во время пути назад была неопишуемой, и команда постоянно вливала в капитана спиртное, привязала к койке, на которой он извивался и кричал на всем пути домой.

Янус Квист не был уверен, что способен пережить подобное еще раз. Он предпочтет умереть. А чтобы ускорить смерть, а заодно задержать Гота, он поднял голову, как приказали, и уставился в дергающееся изуродованное лицо, которое пыталось улыбаться.

— А-а, так лучше. Будет ужасно потерять один оставшийся глаз, не правда ли?

Квист просто кивнул, чтобы позабавить Гота. Каждая минута, пока он поддерживает заинтересованность Прокаженного, означала еще одну минуту свободы его друзей, пока они неслись к убежищу.

— Я хочу тебе объяснить, откуда я знаю о твоём вранье про королеву и ее друзей.

— Валяй, — сказал пират. — Я никуда не уйду.

Гот оценил шутку и громко рассмеялся:

— Ты мне нравишься, Квист. А поскольку ты мне так нравишься, я во всех подробностях расскажу тебе, с каким наслаждением убивал твою жену, вместо того, чтобы просто сообщить об этом.

Квист больше не чувствовал боли. Она исчезла вместе с желанием жить. Значит, Эйрин не спит в своей пуховой постели и не плавает с дельфинами. Его жена висит вниз головой на

дереве перед борделем, а ее тело гниет и больше не интересует никого, даже птиц, питающихся падалью. Эйрин мертва. Умерло и его сердце. Теперь ему просто нужно сделать так чтобы оно прекратило биться, и тогда он отправится на ее поиски. Капитан сделал все, что мог, — он обеспечил друзьям какое-то время ценой собственной жизни и жизней солдат. Теперь им троим предстоит добраться до Гинта и каким-то образом отомстить за смерть Эйрин. О себе пират совсем не думал. Он жил полной жизнью, и последней наградой стала молодая жена и ее красивое тело, прижимавшееся к его, ее нежность и привязанность, если и не любовь... Но она могла прожить еще долго. Эта мысль разбудила в Квисте невероятную злость, а вместе с ней и силу, чтобы броситься с колен на ненавистного Прокаженного. Один последний удар — за Эйрин.

Квист врезался лбом в челюсть мучителя, и Гот на мгновение был ошарашен. В нем забурилась ярость. Как смеет это ничтожество, путающееся с проститутками, да еще и женившееся на одной из них, перебивать его речи?! А он еще даже не рассказал, как копался в теле Эйрин Квист, как извлекал из него теплые внутренности.

Гот восстановил равновесие, хотя зубы у него заболели от удара, потом посмотрел на жалкую кучу, которую теперь представлял пират. Определенно он лишился последних сил во время этого смелого, но бессмысленного удара.

Гот поднял меч и опустил его на шею пирата. Затем он ногой отбросил голову Квиста к одному из кипреанских солдат и быстро отошел в сторону, чтобы не запачкаться кровью, выливающейся из обезглавленного тела.

— Мы заберем ее с собой, — объявил Гот.

## **Глава 18**

### **Турнир в таверне**

В конце концов, Гидеон решил не брать лошадей, которых предлагал король. Они с Фиггисом предпочитали путешествовать пешком, особенно, теперь, когда Фиггис поправился. Вскоре город Тал остался позади, они направились на север, а потом стали отклоняться на запад, к Бриттелбери.

Фиггис казался неутомимым. Каждый вечер именно Гидеон первым начинал искать место для сна, а карлик, несмотря на свои размеры, оказался выносливым и шел поразительно быстро.

Гидеон ожидал, что они станут останавливаться на постоянных дворах, но их было очень мало в этой части страны. Фиггис предложил каждую ночь разбивать лагерь на природе. Оказавшись рядом с товарищем, Гидеон наслаждался приключением. Ему нравилось спать под открытым небом гораздо больше, чем когда он в одиночку шел к Аксону.

Фиггис рассказывал много интересных историй, чтобы скоротать время. Гидеон много узнал о жизни горного народа, из которого происходил карлик, он стал восхищаться этими людьми, с нетерпением ожидая часа, когда друг выполнит обещание и возьмет с собой туда, где он родился. Но по большей части их разговоры вертелись вокруг угрозы Орлака и возможностей вместе с другими Паладинами и Троицей нанести ему поражение.

В этот день, когда на Таллиноре стали спускаться сумерки, они прибыли в город, в котором имелось целых две гостиницы. Обе были заполнены людьми, приехавшими из сельской местности. Множество посетителей объяснялось представлением, которое давали на большой поляне. Гидеон устал и хотел отдохнуть.

— Пошли, Фиггис, давай сегодня ночью поспим в нормальной постели. Возьмем один номер на двоих. У меня есть деньги, которые мне дала мама. Я ведь за это путешествие почти ничего не потратил.

Фиггис внимательно посмотрел на него.

— Из тебя получится ужасный горец, парень.

— Я хочу выпить эля и хорошо поесть. Съем огромную порцию. На самом деле, я могу даже поесть за двоих!

Они вместе рассмеялись.

— Хорошо, ты выиграл. В какую гостиницу пойдём? — спросил Фиггис, осматривая одну и вторую.

— Ну, давай посмотрим. «Бык и вол» или «Старая корона»? М-м-м... Думаю, в первую.

— Веди, — предложил Фиггис. — Но не удивляйся, если на меня кто-то уставится. Такие, как я, тут давно не появлялись, — предупредил он.

Они зашли в красивую гостиницу и через пару минут громкие разговоры и смех стихли.

«Что я тебе говорил?» — послал Фиггис вопрос по каналу мысленной связи.

«Но я все равно хочу пить и есть. И сегодня ночью я отказываюсь спать на земле. Следуй за мной», — ответил Гидеон, проталкиваясь по заполненному людьми залу.

Вид двух незнакомцев, которые очень странно смотрелись рядом друг с другом, нисколько не удивил девушек, подающих еду и выпивку. Они были очень рады увидеть такого высокого и красивого путешественника у себя в заведении. Служанки привыкли к грубым деревенским жителям, которые появлялись в городе в выходной день после работы в поле на протяжении всей недели. Гидеон радовал взгляд. Девушки не показались особенно красивыми, но одна широко и радостно улыбалась, и у нее весело блестели глаза.

— Два самых больших эля, — заказал Гидеон. — А что будет сегодня вечером?

— Зависит от того, что ты имеешь в виду, — сказала девушка и взяла две огромные кружки с полки.

Он улыбнулся. Было приятно просто пофлиртовать и хотя бы мгновение не беспокоиться о спасении мира.

— Еду, — ответил парень.

— Можешь выбрать между деревенским пирогом и жареным голубем.

— По порции каждого блюда, — ответил он. — И по большой порции, — Гидеон подмигнул.

— Садись, если найдешь место.

Гидеон развернулся и увидел, что Фиггис уже занял место в углу большого зала.

— Мы будем вон там, — крикнул Гидеон девушке. Она кивнула.

Молодой человек присоединился к другу.

— Видишь, о тебе уже забыли. Ты был интересен только в первую минуту.

— Подожди, — предупредил Фиггис.

Им подали еду, и они оба с удовольствием поели и выпили эля. Напиток быстро подействовал на Гидеона, парень расслабился и пребывал в прекрасном настроении. Ему нравилось находиться среди людей, а девушка, которая подавала еду и эль, часто встречалась с ним взглядом, и он уже раздумывал о том, что еще может ждать его этой ночью.

— Ты спросил про ночлег?

До того, как Гидеон успел ответить, в таверне раздались крики, а потом аплодисменты.

— В чем дело? — спросил юноша и даже встал, чтобы лучше видеть происходящее. — Еще по элю?

— Почему бы и нет? — ответил Фиггис, который тоже начал расслабляться под влиянием выпивки.

Гидеон прошел к стойке, снова проталкиваясь сквозь толпу. Теперь крики звучали чаще, мужчины веселились все больше. Молодой человек заказал еще две кружки эля и на этот раз заплатил другой девушке. Потом он заметил, что первая слегка надула губки из-за того, что ее сестра первой до него добралась.

— А до какого часа вы работаете? — спросил у служанки Гидеон.

— Мы заканчиваем очень поздно. И если ты будешь поглощать эль с такой скоростью, то напьешься до того, как мы сможем насладиться твоим обществом.

— Шлюха! — воскликнул владелец гостиницы и шлепнул девушку полотенцем по заднице. Это был дружеский жест, и они оба засмеялись. — Это мои дочери, молодой человек, и они отправятся в постель сразу же после того, как закончат работу. — Хозяин

явно был скользким типом. В глазах его светился ум — или хитрость. — В свои собственные постели, — добавил он на тот случай, если требовались дополнительные пояснения.

Гидеон улыбнулся.

— Я просто убиваю время, хозяин. Я не хотел никого оскорбить.

— И не оскорбил, — ответил мужчина и отправил дочь к столам, с которых требовалось убрать.

Она бросила взгляд через плечо на Гидеона, но теперь парень знал, что приставать к ней не следует.

— А что тут происходит? — спросил он у владельца гостиницы.

— О-о, в город приехало Шоу Абсурда. Это силач Лондри. Он готов заплатить любому, который его пересилит.

— По-моему, он не выглядит очень сильным.

— У него не выиграть, — ответил владелец гостиницы, и на лице у него появилась хитрая улыбка.

— А сколько платит?

— Не утруждай себя. Он еще ни разу никому не проигрывал, а приезжает сюда уже несколько лет. Каждый год какой-нибудь молодой парень, у которого бурлит кровь, думает что способен с ним справиться. Но такой всегда возвращается домой, поджав хвост. Мне не хотелось бы, чтобы ты лишился денег, — сказал мужчина, и Гидеон подумал, что на самом деле он так не думает.

Юноша просто кивнул.

— А что такое Шоу Абсурда?

— Странствующий цирк, в котором выступают всякие необычные типы. Твоему другу, карлику, лучше проявлять осторожность, а то они могут его схватить и включить в свою труппу.

— Им вначале нужно его поймать, — сказал Гидеон и улыбнулся. — Спасибо за предупреждение.

Владелец гостиницы взял у него монету. Юноша подхватил две кружки с элем, вернулся к Фиггису и пересказал услышанное. Маленький человечек пожал плечами.

— Он жульничает, — сказал карлик. Гидеон опустил кружку на стол.

— Кто?

— Силач жульничает. Он — Чувствующий.

— Должен быть им, если учитывать, какой он тощий и слабый на вид. А почему ты так решил?

— Чувствую его магию. Как только начались крики, я ее уловил, но она очень слабая. Вероятно, мы с тобой выпили слишком много эля, чтобы ее заметить.

— Но мы не можем допустить, чтобы он выигрывал всю ночь, не правда ли? — спросил Гидеон, осушая кружку. Энергия била у него через край. — Давай посмотрим, не сможем ли мы получить кое-что из его денег.

У Фиггиса голова оставалась еще достаточно светлой, чтобы предупредить приятеля.

— Не надо, парень. Нам нужно хорошо отдохнуть ночью, а мы еще не определились, где будем спать.

— Всего один разок, Фиггис, — ответил Гидеон, подхватил друга за руку и потащил мимо ног посетителей таверны к столу, вокруг которого собралась громко кричащая толпа.

Рост Гидеона позволял легко видеть, что происходит. Он выглядывал из-за плеч мужчин, наслаждающихся представлением силача Лондри. Худой мужчина с тонкой рукой выступал против молодого фермера. Молодой парень покраснел и вспотел, и прилагал немало усилий, чтобы его рука не опустилась на стол, что означало поражение. Это был крупный, крепкий деревенский житель, который явно был способен уложить на стол руку большинства людей, но его физическая сила не могла победить магию. Конечно, он этого не знал и поэтому очень старался пересилить знаменитого Лондри. Последний использовал очень слабую магию, и коренастый фермер сдался под одобрительные крики зрителей,

которые стали хлопать его по спине и говорить, что тот был очень близок к победе. Крестьянин ушел, злясь на самого себя.

«Не надо, Гидеон. Нам это сейчас не нужно. Мы же отправились в это путешествие совсем с другой целью».

«Ненавижу жуликов», — ответил Гидеон и стал проталкиваться вперед.

Он услышал у себя в сознании вздох товарища, но не стал обращать на него внимания.

— Кто здесь принимает ставки? — крикнул он, пытаясь перекрыть шум.

Раздались громкие аплодисменты. Толпа почувствовала, что предстоит еще одна схватка. Лондри осмотрел нового противника, сверху вниз и снизу вверх.

— Я принимаю ставки, — ответил он. — Дьюк за участие. Победитель забирает все.

— Как я вижу, ты выигрываешь весь вечер, — заметил Гидеон, глядя на горку монет у локтя Лондри.

— Да, выигрываю. Я никогда не проигрываю, — ответил Лондри. — Вот что я тебе скажу, парень. Похоже, у тебя есть деньги... Но давай изменим ставки, сделаем соревнование более интересным, — предложил он.

— Как?

— Давай утроим ставки!

— Пойдет, — сказал Гидеон и слегка покачнулся, притворяясь пьяным от эля, а поэтому не совсем понимающим, на что только что согласился.

— Покажи мне деньги, приятель, — попросил силач.

Юноша опустил руку в карман, достал горсть монет, которые ему дала мать, положил на стол и тут же опять услышал недовольное ворчание Фиггиса у себя в голове.

«Это просто небольшое развлечение. Он уже много лет отбирает у них деньги, жульничая».

«Значит, ты считаешь, что следует преподать ему урок?»

«Что-то в этом роде».

Лондри сосчитал монеты в небольшой кучке перед ним. Это было настоящее богатство.

— Я не могу поставить столько же, — сказал он.

— Я смогу! — выкрикнул владелец гостиницы, который подошел к столу и жадно смотрел на блестящие монеты.

«Значит, и хитрый владелец гостиницы тоже в деле».

«Это имеет значение?» — спросил Фиггис.

«Оба — жулики. Послушай, Фиггис, где твое чувство справедливости?»

«Наверху, в постели, под одеялом».

Гидеон усмехнулся про себя, а затем обратился к толпе.

— Вот что я вам скажу, люди добрые. Я уверен, что смогу победить этого силача. Почему бы вам всем не сделать ставки?

Он увидел, что владельцу гостиницы это не понравилось.

— Так обычно не делается, — попытался воспрепятствовать он.

— Чего ты боишься, хозяин? Ты сам сказал мне, что Лондри никогда не проигрывает. Так почему бы не рискнуть и на этот раз? Ты же уверен, что силач выиграет?

Владелец гостиницы облизал губы и снова взглянул на кучку монет на столе.

— А откуда у тебя столько денег? Ты вор?

— Эти деньги скопили для меня мои родители. Это все, что у меня есть, и я готов ими рискнуть. А ты?

Гидеон надеялся, что этот ответ уведет всех от размышлений о том, откуда у него появилась такая внушительная сумма денег. На самом деле, он не мог себе позволить это объяснить, если его будут расспрашивать дальше. Трудно представить, как эта провинциальная толпа отреагирует на сообщение, что он — сын бывшей королевы Таллинора.

Лондри посмотрел на своего партнера и кивнул. Гидеон это заметил и повернулся к владельцу гостиницы. Все вокруг с нетерпением ждали ответа. Жадность хозяина победила.

— Хорошо. Будем брать ставки.

Прозвучали одобрительные крики многих людей, слившиеся в единый рев. Последовала судорожная активность. Мужчины доставали из карманов последние монеты, чтобы сделать ставки. Половине собравшихся в зале нравилась уверенность высокого парня, и они поставили на него. Они знали, что он проиграет, но им было приятно, что кто-то заставил жадного владельца гостиницы показать, что он имеет прибыль с ежегодного турнира. Он всегда это отрицал, но сегодня вечером стало ясно, что это партнер Лондри. Другие в зале, не такие уверенные и знающие о незапятнанной репутации приезжего, поставили на силача, хотя даже каждый из них хотел бы увидеть, как он проигрывает.

Две девушки записали, кто сколько поставил, а Гидеон настоял, чтобы владелец гостиницы проверил это и поставил свою подпись.

— Все слышали, что сказал хозяин. Он обещал выплатить выигрыши, — объявил юноша. — Вы все — свидетели.

Мужчина нервно улыбнулся, а собравшиеся весело закричали. Владелец гостиницы был уверен в победе, но ему совсем не нравилось, что над таким количеством его денег нависла даже самая слабая угроза.

— Садись, — предложил Лондри Гидеону. — Устраиваться поудобнее не нужно, ты ненадолго задержишься на этом месте, — сказал он и рассмеялся, демонстрируя два ряда зубов разной степени испорченности.

Затем Лондри с грохотом опустил локоть на стол и показал сжатый кулак. Гидеон последовал его примеру, а одна из девушек завязала на запястьях противников ленточки. Силачу повязали красную ленточку победителя, а его противнику — голубую. Красная ленточка запачкалась от частого употребления. Голубая еще никогда не объявляла победителя.

— Я поставила на тебя свой последний дык, — прошептала девушка Гидеону, завязывая тугой узел у него на запястье, и украдкой погладила его перед тем, как добавить:

— Постарайся выиграть.

Молодой человек наградил ее улыбкой, от чего та почувствовала слабость, глядя в самые яркие голубые глаза, которые когда-либо видела. Проиграет он или выиграет, но она сегодня ночью собиралась наградить его кое-чем большим, чем деньги. Служанка отошла в сторону.

Собравшаяся толпа затихла. Владелец гостиницы быстро напомнил всем правила:

— Только один раунд. Чей кулак первым коснется стола, тот и проиграл. Я с наслаждением получу ваши денежки.

На него зашикали и засвистели те, кто поставил на Гидеона, и весело приветствовала остальная толпа.

— Готовы? — крикнул он и поднял руку.

Оба противника кивнули, а затем схватились за руки друг друга, ладонь к ладони — и крепко сжали. Гидеон уловил, как противник собирается с силами, призывая волшебство. Да, Лондри и в самом деле был Чувствующим, но очень слабым — ему едва хватало способностей, чтобы отправить посыл в руку и победить человека, не владеющего волшебством. Хрупкое тело свидетельствовало, что без магии «силач» едва ли когда-либо выиграл бы в соревновании, где меряются физической силой.

Гидеон почувствовал, как Цвета стали мягко пульсировать внутри. Он отметил, что Лондри крепче сжал его руку, пока они наблюдали за владельцем гостиницы, собирающимся дать отмашку. Юноша в последний раз смело улыбнулся силачу, показывая, что ему море по колено. Наконец, владелец гостиницы опустил руку, и все собравшиеся вокруг стола начали кричать.

Вначале ничего не происходило, только пальцы сжимались все сильнее, пока соперники просто проверяли друг друга. Пока Гидеон выяснял способности слабого Чувствующего, Лондри позволил волшебству действовать вместо себя.

Гидеон знал, что «силач» не сможет противостоять его собственной силе. Отец

предупреждал его об этом. Но он решил позволить Лондри почувствовать себя в безопасности и даже начать одерживать над собою верх, наклоня руку опасно близко к столу. Люди в таверне словно сошли с ума и неистово кричали. Половина зала поддерживала молодого чужака и просила его найти силы, чтобы оказать достойное сопротивление. Вторая половина нараспев произносила имя Лондри, предвкушая еще одну победу и появление денег в карманах. Они значительно превысили бы то, с чем люди пришли в таверну. Владелец гостиницы демонстрировал удовольствие, тоже пел и думал о том, насколько богаче станет сегодня вечером.

«Заканчивай», — предложил Фиггис.

«Не порти мне удовольствие, карлик».

«Помни об Орлаке. Нам нужно выполнить работу, а завтра с утра снова отправляться в путь».

Пришел черед Гидеона мысленно вздохнуть. Этот вздох передался Фиггису по каналу связи, а юноша посмотрел на дочерей владельца гостиницы. Одна ему очаровательно улыбалась, и он ей подмигнул. Девушка оказалась в замешательстве, видя, что кулак Гидеона находится совсем рядом со столешницей. Почему он так самоуверен? Она из-за диких криков толпы едва ли слышала собственные слова, обращенные к парню. Хотелось его подбодрить. Мужчины стояли на стульях и столах, несколько забрались на барную стойку, чтобы лучше видеть поражение незнакомца.

Гидеон снова обратил внимание на Лондри, который похабно улыбался ему, демонстрируя ужасные зубы.

— Что ты скажешь маме и папе, потеряв их деньги? — поддразнил его силач.

Юноша широко улыбнулся.

— Но я же еще не проиграл, Лондри, — ответил он и очень легко подтолкнул Цвета вперед.

Они тут же ответили, и полетели к слабой силе Лондри, которая уже текла по руке Гидеона. Выражение лица «силача» полностью изменилось, когда он почувствовал, как слабеет его рука. Что происходит? Это неправильно! Он посмотрел на улыбающегося противника, с которым они сражались. Кулаки постепенно поднимались от «красного» поля. Мгновение они оставались в центре, в той самой позиции, с которой начинался поединок.

Лондри в ужасе посмотрел на владельца гостиницы, а затем у него появилось очень неприятное ощущение — его не способная оказывать сопротивление рука неотступно двигалась к «голубому» полю. Толпа неистовствовала. Парень нашел в себе какие-то скрытые резервы и смело сражался. Руки медленно и будто осторожно двигались вниз к столешнице с «голубой» стороны. Лондри хотелось думать, что его собственные глаза его обманывают. Он попытался удвоить силы, но уже давно использовал все волшебные резервы. Похоже, на парня напротив него магическая сила больше не действовала.

А затем случилось что-то невероятное. Лондри никогда не испытывал ничего подобного. У него в голове словно резали холодным клинком, открывая проем, и в этот проем ворвался голос.

«Жуликам нельзя позволять процветать», — сказал голос.

Это был голос парня. Он продолжал улыбаться. Лондри посмотрел на свой кулак, понимая, что проиграл. Его рука впервые коснулась столешницы с «голубой» стороны поля. Он не слышал даже собственных мыслей среди последовавших криков.

В гостинице словно произошел взрыв. Мужчины орали, хлопали друг друга по спине, другие прыгали на столы, и оттуда валились друг на друга. Лондри ничего не чувствовал. Он только видел, как его пальцы выпускают из захвата, а потом одна из дочерей владельца гостиницы осыпает его противника поцелуями.

— Как тебе это удалось? — тихо спросил Лондри.

Гидеон услышал его лишь благодаря своему великолепному слуху.

— Я жульничал, — ответил он и встал.

Лондри увидел, как весь его выигрыш исчезает в руках Гидеона, и посмотрел на

хозяина гостиницы. Судя по выражению лица, тот готов был убить «силача». В это время веселые победители стали требовать у него выигрыш по ставкам и хотели получить его побыстрее. Лондри понимал, что должно пройти много времени перед тем, как кто-то из Шоу Абсурда сможет снова появиться в этой таверне. Вообще неизвестно, переживет ли владелец гостиницы сегодняшнюю ночь. Ведь он вполне может разориться после всех выплат, которые предстояло сделать.

Гидеон сунул монету в руку девушки, которая все еще висела у него на шее.

— Мне нужно идти, но это для тебя, — сказал он.

«Давай отсюда выбираться, Гидеон», — сказал Фиггис, который хотел поскорее увести друга от толпы и истерических поздравлений тех, кто поставил на него. Горец почувствовал облегчение, увидев кивок молодого человека.

«Пошли», — сказал он, рассовывая деньги по карманам и махая тем, кто его поддержал.

Ночь была ясной и прохладной. Они с наслаждением вдохнули свежий воздух.

«Значит, придется провести еще одну ночь под открытым небом, — сказал Фиггис. — Пошли вон к той небольшой роще с другой стороны города».

«Да, похоже на то, — ответил Гидеон, имея в виду ночь под звездами. — Мне не хочется возвращаться в гостиницу. Владелец смотрел на меня так, словно хотел убить».

Фиггис усмехнулся: «Думаю, что он получил по заслугам».

«Они много лет так жульничали и обманным путем вытягивали деньги из честных людей. Я предполагаю, что они могли это придумать только после падения Главного Инквизитора».

«Да, ты прав. Саксон рассказывал мне, как Гот наказывал людей на протяжении многих лет. Лишь недавно Чувствующие смогли заявить о своих возможностях».

«Они всегда такие слабые?»

«Думаю, да. Невежественная магия никогда не бывает сильной. Это просто следы того, что передалось через много поколений».

«И этого боялся король Лорис и подвергал людей преследованиям?»

Фиггис покачал головой: «То, что с ними делали, ужасно».

«Отец говорил, что они с матерью владеют невежественной магией. Но она у них обоих сильная».

«Это правда. Торкин Гинт — это Тот Самый, а твоя мать — тоже особенная. Никто из нас до конца не понимает всего этого. Их магия, возможно, является индивидуальным, каким-то особым даром. Без них нет Троицы».

«Мне это непонятно, Фиггис. Здесь заключено что-то большее. Если у Чувствующих слабые возможности, то как получилось, что у моих родителей они огромные, достаточные для того, чтобы думать о противостоянии богу?»

«Я не уверен, что у них есть особый выбор».

Гидеон отказывался это принимать.

«А что это, по-твоему, если не невежественная магия?» — спросил Фиггис.

«Тебе не приходило в голову, что мои родители тоже могли произойти от богов?»

«Нет, не приходило. Это невозможно. Бредовая мысль».

«Почему?»

«Объясни, как такое может быть».

«Я не знаю. Это просто мысль».

Гидеон с Фиггисом так увлеклись разговором по каналу связи, что не обратили внимания, как снова вышли на открытую дорогу и направились из города, в сторону телег и фургонов, где, как они предположили, разместилось Шоу Абсурда. Как только друзья ступили на ответвление дороги, которое приведет их к роще, где они собирались провести ночь, Фиггис внезапно издал тихое шипение: «За нами идут».

Они обернулись и увидели, как к ним приближается полудюжина мужчин.

«Подожди! — предупредил Фиггис, чувствуя, как в его Друге поднимаются Цвета. —

Твоей силы достаточно для защиты. Давай послушаем, что им от нас нужно. Если это деньги, просто отдай их им».

«Черта с два! Свиные яйца им, а не деньги. Но я их выслушаю».

Толпу за собой вел Лондри.

— Мы не хотим никаких проблем, — объявил им Лондри.

— Тогда почему вы за нами идете? Вы не за нашими деньгами?

— Мы не собираемся у вас ничего красть. Я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились.

«Это что-то новенькое», — заметил Фиггис.

Из тени выступил человек с красным лицом. Он был широкоплечим и высоким, и казалось, что его рост почти равен ширине. В глаза бросался нос картошкой.

— Меня зовут Вик Тин, я владелец Шоу Абсурда, — представился он и протянул руку. — Давайте выйдем на открытое место из тени и там поговорим.

«От этого вреда не будет. Вполне можем его выслушать», — решил Гидеон.

Они развернулись и последовали назад за мужчинами на главную улицу. Там Тин повернулся к Гидеону.

— Лондри рассказал мне о случившемся в таверне.

Юноша пожал плечами.

— Ты — Чувствующий и путешествуешь вместе с карликом, — продолжал мужчина с некоторым удивлением в голосе. — Мы уже несколько десятилетий не видели таких, как он. Я предлагаю вам место в нашем шоу.

Гидеон был ошарашен. Это было последним, что он ожидал. Он посмотрел на Фиггиса, и оба рассмеялись.

— Что тут смешного? Вы оба идеально подходите!

— Может, и подходим, но мы сейчас направляемся в Бриттелбери и должны поторопиться. Спасибо за ваше предложение, — ответил молодой человек искренне и вежливо. — Удачи, Лондри.

Друзья собрались уйти.

— Подождите! Пожалуйста! — крикнул Тин. — Бриттелбери — это одна из наших остановок. Мы доберемся туда через несколько дней. Почему бы вам не поехать с нами? Помогите нас заработать немного денег, да и сами заработаете.

Гидеон повернулся.

— Я не уверен, что мне нужно зарабатывать. Лондри подтвердит, что у нас достаточно денег, чтобы добраться до Бриттелбери.

Лондри кивнул:

— Мне очень жаль, Вик. Я думал, что он может согласиться.

Тин пожал плечами.

— Вы пойдете пешком всю ночь? — спросил он.

— Вероятно, — ответил Фиггис.

— Я думал, что ты глухонемой, — пораженно воскликнул Тин.

— Нет, я умею петь и танцевать, — ответил Фиггис и изобразил пародию на джигу. Он чувствовал облегчение от того, что встреча не переросла в драку, как он предполагал.

— Пожалуйста, не уходите. Пока не уходите. Почему бы вам не остаться на ночь в нашем лагере? Мы сможем поговорить. Утром получите завтрак, а на ночь некое подобие кровати. Мы будем рады проявить гостеприимство. Может, ты научишь Лондри каким-нибудь трюкам. — Тин посмотрел на Гидеона. Его предложение было щедрым. Он казался искренним. Оба друга не почувствовали подлых намерений.

— Давайте выпьем перед отдыхом. Даю слово: ваши деньги в безопасности. Кто знает, может, мне удастся уговорить вас отправиться в путь с нами? — он широко улыбнулся.

— Хорошо, — кивнул Гидеон. — Я не прочь поспать в мягкой постели.

— Пошли, — позвал Тин, и они отправились вместе с группой. — Я познакомлю вас с парой наших исполнителей. Лондри вы уже знаете, а это наш акробат и фокусник Элби. — Худой мужчина с плавной походкой улыбнулся Фиггису, который что-то приветственно

буркнул. — С другой стороны — Селвин, у которого, как вы видите, нет рук, зато он ходит по канату. Между ними Церис, глотатель змей.

Церис протянул руку:

— Раньше я работал в цирке Зорроса.

Гидеон улыбнулся.

— Простите, но я родом не из этих мест, — сказал он.

О, это очень известный цирк. Раньше он славился «Летающими Фоксами». Но эта группа распалась после ухода Саксона... А потом Грета вышла замуж за Зорроса...

— Саксона? — переспросил Фиггис. — Клука?

— Да, его, — ответил Церис и улыбнулся при мысли, что у них нашелся общий друг. — Ты знаком с Саксоном?

— Очень давно был знаком, — признался Фиггис. Они оказались на поляне.

— Вот сюда, — показал Тин.

Группа разделилась, циркачи отправились к собственным фургонам, но Церис последовал за Гидеоном и Фиггисом. Они ныряли под навесы, переступали через одеяла и различные другие, быстро обустроенные временные места обитания. Тин привел их к ярко раскрашенному фургону и предложил заходить.

— Я знаю, что вам обоим требуется отдых, но давайте вместе выпьем чего-нибудь покрепче эля. Потом я прослежу, чтобы вы хорошо отдохнули.

Фиггис подозрительно смотрел на него. Тин рассмеялся:

— Ничего зловещего, уверяю тебя, карлик. Только отличная выпивка, которую я купил во время нашего последнего путешествия на юг.

Церис ткнул Гидеона в бок.

— Вы можете нам доверять.

Они устроились в относительно просторном фургоне Тина и слушали его рассказ о том, как больше десяти лет назад появилось Шоу Абсурда. Гидеон наслаждался отдыхом и позволил себе расслабиться, но Фиггис внимательно следил за дверью и за состоянием сознания друга. Еще один стаканчик — и парень вырубится, не сомневался он.

— Расскажи мне о твоём цирке, Церис, — заплетаясь языком попросил Гидеон.

— Это было великолепное время. Мы путешествовали по королевству — и на север, и на юг, и много раз выступали перед королевской четой. Невероятно, но наша королева, то есть теперь королева-мать однажды жила с нами.

Юноша чуть не выронил стакан:

— Ты о ком говоришь?

— О королеве Элиссе. Она жила и путешествовала с нами. Она и ее приятельница, старушка Соррель.

— Я тебе не верю.

— Это правда. Клянусь!

Гидеон собирался поподробнее расспросить молодого человека, но тут раздался громкий рев.

— Простите. Это наш очень большой друг. Он каждый вечер очень сильно напивается после представления.

— Большой друг? — переспросил Фиггис, поставил свой скан на стол, а также забрал стакан из рук Гидеона.

— Да, это он. Огромный детина! Полная противоположность тебя, мой друг. У вас двоих получился бы прекрасный номер.

— Ты говоришь про гиганта? — уточнил Фиггис и почувствовал, как у него скрутило живот.

— Гиганта? Нет, не думаю. Великаны — это сказка, которая живет в нашем воображении. Но он — очень крупный человек. Я никогда не видел никого, даже похожего на него. Он собирает огромные толпы.

— А как его зовут? — спросил Фиггис.

— Он сможет произнести имя только утром, когда снова протрезвеет, — засмеялся Церис.

Гин предложил снова наполнить стаканы, но Фиггис отказался и не позволил также наливать Гидеону.

— Он представляется Темезиусом. Очень странное имя, вы не находите? Так теперь не называют, — сказал Тин и подлил себе спиртного. Он даже не заметил, как карлик вскочил на ноги и направился к двери.

— Я хочу его увидеть, — объявил Фиггис.

Гидион зевнул.

«Вставай, парень! Немедленно! Мы нашли Темезиуса!»

Гидеон на самом деле не понимал, зачем так срочно встречаться с «Большим Человеком», как его называли. Они всегда старались не звать его Гигантом, что подошло бы больше всего, поскольку боялись, что это может распугать малышей.

На Темезиуса было страшно смотреть. В глаза бросались длинные темные волосы и такая же длинная темная борода. Огромные ручки и ножищи тоже покрывали густые черные волосы, голос был громким и низким, и доносился с любого конца лагеря, где бы Темезиус ни оказался. Тем не менее, несмотря на ужасающую внешность, он обладал доброй душой. В один прекрасный день он просто вышел из Великого Леса, полностью потеряв память.

В тот день Шоу Абсурда ехало по редко используемой дороге на северо-запад, огибая одну из частей знаменитого Великого Леса. Все чувствовали себя неудобно, находясь так близко от этого места, считавшегося заколдованным. Из-под деревьев внезапно появился огромный детина и испугал лошадей, впряженных в первый фургон. Те заржали и встали на дыбы, сломав ось. У цирка не осталось выбора, кроме как встать лагерем как раз в том месте, от которого они хотели побыстрее уехать. Выяснилось, что незнакомец потерял память, совсем не представлял, где его дом, есть ли у него семья и почему он оказался в Великом Лесу. Он только знал, что его зовут Темезиус.

Он не желал никому зла и помог циркачам побыстрее отремонтировать сломанный фургон, чтобы двигаться дальше. Так Темезиус присоединился к цирку. Он предпочитал широко шагать рядом с фургонами, очень быстро стал популярным членом странствующей труппы и пользовался успехом везде, где они выступали.

Тин все это быстро объяснил новым друзьям, пока вел их к самой темной части лагеря и к Темезиусу.

— А вы про него слышали? — обратился он к Фиггису.

— Я раньше знал одного Темезиуса. Он тоже был огромный детина, — признал карлик.

— Определенно не может быть двух таких Темезиусов, странствующих по Таллинору, — заявил Тин.

Гидеон, шатаясь, шел за ними. В голове у него помутись и он решил, что крепкие спиртные напитки не для него. У него и от эля начинала кружиться голова, но вместе с тем, что предложил Тин... Теперь ему хотелось только лечь в кровать, но он знал, что если ляжет, то мир начнет кружиться перед глазами. Это было ужасно.

— Почему он столько пьет? — спросил Гидеон у Цериса, который тоже присоединился к ним.

— Мы не знаем. По утрам он всегда трезв, но каждый вечер пропивает большую часть заработанного. Он — довольно приятный дядька, но я с ним дел не имею. Понимаешь, он ненавидит змей.

— А-а, понятно... А ты их глотаешь!

Гидеона начинало подташнивать только при одной мысли об этом, а у него и так крутило живот от выпитого. Церис улыбнулся:

— Элисса всегда ежилась, когда я проделывал это рядом с ней.

Юноша поперхнулся, не в силах сдержаться.

— Ты мне когда-нибудь побольше расскажешь про нашу королеву.

— С радостью, — ответил Церис. — Мы пришли. Голову пригни, — показал он на низкую ветку, под которую ныряли другие.

Они вошли в шатер. В углу на подушках развалился самый высокий мужчина, которого Гидеон когда-либо видел. Такой широкой грудной клетки ему тоже не приходилось наблюдать.

— Эй, Темезиус! Я привел к тебе гостей. На самом деле — друзей, — сказал Тин, толкая в бок спящего мужчину.

— Он уже заснул? — спросил юноша.

— Да, он кричит во сне... Именно это вы и слышали, — ответил Церис.

Гигант не пошевелился и громко сопел. Фиггису пришлось скрывать улыбку, которая все время появлялась у него на лице. Он повернулся к Тину.

— Твое предложение про участие в шоу... Ты на самом деле это имел виду?

Гидеон не был уверен, все ли он правильно понял. Фиггис посмотрел на него и взглядом приказал молчать. Он и молчал. В любом случае он бы не смог говорить.

Красное лицо Тина расплылось в улыбке.

— Конечно! Вы изменили решение? — спросил он, гадая, почему карлик вдруг стал говорить за этих двоих.

— Да, но только до Бриттелбери.

— Отлично! — воскликнул он, плюнул на руки и потер их.

Гидеон уселся на землю и почувствовал, что или должен найти в себе мужество лечь, или просто вырубится. Тин улыбнулся.

— Не думаю, что парень когда-либо раньше пил такую огненную жидкость.

Фиггис пожал ему руку.

— Вероятно, мне следовало его предупредить насчет знаменитого желтого ликера с юга, — сказал он.

— Церис, — позвал Тин. — Пойди спроси у старины Бенси, где у нас есть места в караване.

— В том нет необходимости, — ответил Фиггис. — Гидеон уже спит, а я не хочу его никуда тащить. Я буду рад лечь здесь. Нам с Темезиусом есть о чем поговорить. Мы давно не виделись.

— Значит, он удивится, когда проснется, — заметил Церис, у которого горели глаза.

— Точно удивится, — подтвердил Фиггис.

— Ну, тогда спокойной ночи, Фиггис, — пожелал Вик Тин.

Двое мужчин ушли, Гидеон погрузился в забытие до того, как содержимое желудка успело вырваться наружу. Когда ночную тишину больше не нарушало ничего, кроме тихого похрапывания парня, Фиггис открыл канал связи: «Просыпайся, бродяга».

Гигант чуть-чуть приоткрыл один глаз. «Тебе потребовалось много времени. Я не знал, сколько еще смогу притворяться! Мне каждый вечер приходилось пить!»

Фиггис рассмеялся, а затем заплакал, обнимая своего самого старого и лучшего друга.

## Глава 19

### В ловушке

Лаурин наблюдала за грациозными и четкими движениями слуги. Он готовил завтрак из фруктов и сыра, которые принесли в каюту. Они плыли на корабле, и последние несколько дней девушка отказывалась от еды и питья. Но сегодня утром пленница смилостивилась и согласилась на несколько глотков воды, которую ей предложил человек, представлявшийся Титом.

От страха и голода у нее кружилась голова. Лаурин даже не знала, сколько дней находилась в седле или в каком направлении они ехали. Она также не помнила, как садилась на корабль.

Слуга понимал, что девушка за ним наблюдает.

— Пей воду медленно и маленькими глотками, — тихо сказал он, не ожидая ответа.

Лаурин не произнесла ни слова с момента выхода из магического ступора, в который ее погрузил Орлак. Один раз она закричала при виде похитителя, а затем молчала и, казалось, тоже ничего не слышала.

Орлака совершенно не беспокоили ее здоровье и слабость, он просто гнал лошадей на север, где собирался сесть на корабль, идущий на Чужестранные острова. Адонго обратил внимание, что лошади скачут быстрее, чем обычно способны животные, и чувствовал, что их окружает сильное волшебство. Они добрались до Карадуна невероятно быстро.

На такой скорости вообще невозможно путешествовать! Имея столько денег, оказалось совсем нетрудным договориться о том, чтобы их взяли на борт.

— Где он? — спросила Лаурин ничего не выражающим голосом.

Адонго удивился, услышав ее голос, но не показал этого.

— Недалеко.

— А куда мы направляемся?

— В Кипрес.

— За нами будет погоня, — сказала девушка, отводя от лица локоны волос.

— Он это знает.

— Он как раз этого хочет, не так ли?

— Возможно, — осторожно ответил Адонго.

Требовалось проявлять большую осторожность и следить за тем, что говорит. Адонго прекрасно знал: Орлак способен подслушать любой разговор и будет это делать. Молодой бог приказал ему завоевать доверие девушки. Значит, сам он ему доверяет. Но каким-то образом требовалось передать Лаурин, что он ей больше, чем друг. Тем не менее, Паладин не мог открыться, он должен был подыгрывать двум богам, следуя придуманному ими плану. Нельзя позволить себе снова рисковать и связываться с Тором. Первая попытка и так оказалась чрезвычайно опасной, и он едва пережил ее. Орлак не позволит снова пользоваться волшебством.

— Он не тот, кем притворяется, Тит.

— Я только слуга. Я не знаю о таких вещах, — соврал Адонго. — Он обладает магической силой. Я понимаю, что это так, и советую вам не проверять его — Адонго не знал, что еще сказать. Он надеялся, что завуалированное послание в его словах дойдет до Лаурин. — и хозяин предпочитает, чтобы его магии не мешали другие, особенности — те, кто сам владеет волшебством.

Он гневно посмотрел на нее, умоляя ее понять его, но девушка уже отвернулась и думала совсем о другом. Она вздохнула и спросила:

— Что он со мной сделает?

Адонго пожал плечами, очень сожалея, что не может ей ничего больше рассказать, в особенности — про собственную связь с ней. Нельзя даже успокоить ее.

— Мы вскоре прибудем на место, — только и сообщил он.

Орлак с Доргрилом слышали весь разговор между Лаурин и моруком. Красный туман вспыхнул и разгорелся ярче.

«Я ему не доверяю», — заявил Доргрил.

«Он — просто средство».

«Как скажешь. Но ты ему доверяешь?»

«У меня нет оснований ему не доверять. Слуга не представляет для нас угрозы».

Доргрил с неохотой согласился, но все равно решил оставить последнее слово в споре за собой.

«Ну, тогда просто запомни мои слова, племянник, — заявил он, вздохнул и сменил тему. — Когда мы прибываем в порт?»

Орлак не был в настроении вести беседы. Он смотрел на море и волны, которые бились о борта корабля, и желал поскорее оказаться на твердой земле.

«Через несколько часов».

После того, как они причалили, Лаурин оставили в каюте. Она согласилась, наконец-то, немного поесть после постоянных уговоров слуги Тита. Теперь он вышел на палубу, чтобы получить указания от хозяина. Девушка мысленно называла хозяина Силком, но теперь задумывалась о его истинной личности и тайных магических способностях, которые он использовал в ее покоях несколько ночей назад. Она постоянно думала о Джиле. Как ей пришло в голову, что нужно принести ему такую боль? Лаурин до сих пор видела тень страдания молодого человека из-за внимания, которое она сама уделяла Силку. Но, главное, как можно настолько очароваться регентом и одобрять его ухаживания?

В ярком свете дня, когда к эмоциям больше не примешивалась ревность, Лаурин поняла: она вела себя очень глупо, а теперь угроза нависла над всем, ради чего так напряженно трудились ее родители, братья, Паладины. Они ведь хотели собрать всех вместе. Пока она держала страх внутри, но он постоянно угрожал вырваться наружу. Ей было трудно поверить, что ее выкрали из дворца! Девушка решила уйти в себя, отключившись от всего, включая звуки, и пока выдерживала, но знала в глубине души: впереди ее ждут более тяжкие испытания.

Однако до этой минуты человек по имени Силк ничего у нее не просил. Он едва ли произнес более дюжины слов, обращаясь к ней. Путешествие проходило в молчании. Лаурин чувствовала, что он постоянно использует магические способности, но не могла определить, для чего, потому что «регент» умело закрывался щитом от выпускаемых ею щупалец. Казалось странным, что они проехали такое расстояние за столь короткое время. Девушка всегда считала, что до северной окраины неделя пути верхом, а то и больше, а до порта на западе — еще неделя пути. Но сейчас она почему-то уверилась, что они ехали всего несколько дней... Или ей так просто показалось? Лаурин ничего не знала наверняка.

Ей очень хотелось отправить сигнал Гидеону или отцу, но она сдерживалась, несмотря на страх. Что-то подсказывало ей: отправка подобного сигнала может подставить их под удар. И Тит как-то странно на нее смотрел. Он словно бы говорил одно, а на самом деле имел в виду совсем другое. Когда Лаурин заговорила о магических способностях Силка, слуга не удивился, но отреагировал очень осторожно. Она вспомнила, что он говорил ей во время нескольких обменов репликами, и почувствовала, что этот человек имел в виду. Да, подтверждал он, Силк — Чувствующий, но ему не нравится, когда его магию замечают. А еще, как казалось, слуга умолял ее взглядом не демонстрировать никаких магических способностей. Или он показывал, что сам не может ими воспользоваться?

Ей это все показалось? Тит передавал какое-то скрытое послание? Но если так, то почему? Кто он, кроме как слуга Силка, которому тот платит? Если это слуга, то он опасен. Почему Тит в ней заинтересован? Лаурин не могла не заметить, как он о ней заботится, как суетится вокруг нее. Зачем? Какое ему дело, выживет она или умрет?

Возможно, слугу ждет наказание, вплоть до лишения жизни, если Лаурин хотя бы заболит. Поэтому он и хочет, чтобы она хорошо питалась...

Девушка сидела в душевой каюте и раздумывала. Потом ее мысли, наконец, обратились к Силку и тому, кем он может оказаться на самом деле. «Регент» обладал очень сильными магическими способностями. У Чувствующих с невежественной магией, как объяснял ее отец, способности слабы. Но когда похититель погружал ее в ступор, он лишь мягко направил на нее свои силы, но, тем не менее, когда они ее коснулись, Лаурин почувствовал их невероятную мощь.

Когда Силк исчез и снова появился, Лаурин тоже почувствовала сильнейшую концентрацию магии. Он мог ею пользоваться, как хотел, тем не менее, казалось, что похититель применяет лишь малую часть. Значит, это совсем не простой Чувствующий, решила она и прикусила губу. Ее охватил страх, в горле встал ком.

Внешне «регент» отличался от большинства людей. Он был выше всех, кого знала Лаурин, и обладал очень мощным телосложением. Этим он напоминал ее собственного отца, Торкина Гинта. Привлекали внимание его странные глаза фиалкового цвета — властные и неотразимые. Они были столь необычными, как и вся его внешность. Все, кто видел его,

обращали внимание на глаза. Как сказала одна из придворных, когда он только появился? Лаурин вспомнила шепот той женщины. «Это бог», — с благоговейным трепетом произнесла фрейлина.

Конечно, придворная дама имела в виду его поразительную внешность, но теперь Лаурин казалось, что это очень подходящая фраза. Девушка почувствовала, что эта мысль может стать последним кусочком картинка-загадки, который встал на место. Кровь в венах внезапно заледенела. Определенно, это не простой человек. На самом деле — совсем не человек. Лаурин доверяла своей интуиции и считала, что сейчас она ей хорошо служит.

Она находится в присутствии истинного бога. Злобного бога, настоящее имя которого — Орлак. Орлак! Ей стало дурно.

Итак, он уже среди них и украл ее. Зачем? Лаурин стала мерить каюту шагами, чтобы не дрожать. Вероятно, он выяснил, что она — дочь Торкина Гинта. Похититель использует ее в качестве приманки, чтобы получить большой приз. Он прекрасно понимает, что когда отец узнает о случившемся, то покинет Сердце Лесов и отправится за ней. Но как об этом узнает ее отец, если с ним не свяжется кто-то, кто знает о случившемся?

Она подумала о Джиле. К этому времени ее исчезновение уже обнаружено и, если предположить, что тот поймет, что она уехала среди ночи с незнакомцем совсем не по доброй воле, да еще не оставив сообщения, то король начнет поиски и станет рассматривать все возможности. Но подсказок осталось немного.

Кто еще узнает? Не мама. Она уже уехала до того, как украли Лаурин, и даже, как надеялась дочь, воссоединилась с отцом. Вместе с ними должны находиться Саксон, Клут, Арабелла и, вероятно, Солиана. Саллементро? Нет, он не сможет использовать канал мысленной связи — если только мама не избавилась от архалита. Лаурин задумалась об этом и решила: вероятно, камень уже снят, учитывая, где она находится и с кем. Значит, вот она, возможность. Если Тор снял архалит со лба Элиссы, то ее Паладин может связываться с ней по каналу мысленной связи и передаст ей сообщение о захвате дочери. Это имело смысл.

Она задумалась о Паладинах, и мысли выбрали направление, которое она не позволяла себе никогда раньше. Гидеона уже нашел один из его Паладинов, Фиггис. Разве столь уж невероятно, что и ее тоже найдет один из тех, кто особо связан с ней? Она подсчитала их у себя в голове. Еще не появились Кайрус, Темезиус, Джуно и Адонго. Двое из этих Паладинов связаны с ней. Но кто? Ее отец говорил про Адонго, с которым познакомился, когда их обоих везли в Кипрее рабами. Он сказал о нем, как о немногословном человеке, всегда выбирающем выражения. Паладин был моруком из кочевых племен с Чужестранных островов. По словам Тора, моруков отличает смуглая кожа, длинные руки и ноги, длинные черные волосы и отсутствие растительности на лице.

Такой поворот событий возможен?

Пока она обдумывала такую идею, этот человек вошел в каюту.

— Мы должны уходить. Регент Силк ждет вас снаружи, — это прозвучало, как преднамеренное предупреждение, чтобы она не сболтнула ничего лишнего. — Пожалуйста, следуйте за мной, — добавил Тит.

Лаурин коснулась руки мужчины, а когда он повернулся после этого прикосновения, девушка прижала палец к губам, чтобы он не задал никаких вопросов. Она опустила палец в чашку с водой, а затем написала на деревянной скамье: «Адонго?» Когда пленница закончила писать, он отвел взгляд от скамьи и очень серьезно посмотрел на Лаурин.

Человек один раз медленно кивнул, почти незаметно. Но и этого оказалось достаточно. Сердце в груди у нее учащенно забилося, и она одними губами произнесла «благодарю». На глаза навернулись слезы. Девушка почувствовала себя защищенной, словно на нее накинули какую-то специальную накидку. Он здесь, чтобы защищать ее. Ее Паладин нашелся!

Адонго покачал головой, предупреждая, чтобы она не расплакалась, а потом показал пальцем на мокрые пятна на скамье. Лаурин поспешно стерла буквы юбкой.

— Только после вас, госпожа, — сказал Адонго, и на этот раз сам почувствовал, как улучшается настроение. Она нежно ему улыбнулась.

Адонго молился, чтобы Лаурин не попыталась открыть канал мысленной связи. Он все еще не знал, сможет Орлак их подслушивать или нет. Они вышли на палубу. Молодой бог находился там, но проигнорировал вышедших. Их ждала карета, и Лаурин велели садиться в нее. Хозяин последовал за ней, а Адонго пришлось устраиваться на козлах вместе с возничим. Паладин боялся за подопечную и решил все-таки рискнуть открытием канала мысленной связи. Он вспомнил, как Тор как-то упомянул, что не слышит разговоров Элиссы и Саксона. Возможно, между Паладинами и теми, с кем они связаны, устанавливался какой-то особый канал, в то время как его связь с Тором, как например, несколько ночей назад, была открытым использованием магии. При таком отправлении сигнала наугад любой человек, обладающей силой и чувствительностью к магии, как у Орлака, в состоянии к нему подключиться.

Осторожно открывая канал связи с Лаурин, Адонго рисковал всем в надежде, что переговоры между Паладином и тем, с кем он связан, остаются закрытыми.

«Попытайся не демонстрировать свой страх».

«Теперь, зная, что ты здесь, я больше не боюсь, — ответила она удивительно спокойно. — А нам не опасно так разговаривать?»

«Я надеюсь, что он не сможет подслушать. Но мы вскоре узнаем».

«Похоже, мы в безопасности. Он совсем не реагирует».

«Что он делает?»

«Смотрит».

«На что?»

«На меня!»

«Я буду держать канал связи открытым».

«Не уходи».

«Я не уйду до самой смерти, дитя. Я сейчас существую только ради тебя».

— Чему ты улыбаешься? — спросил Орлак у девушки.

— Простите, регент Силк. Это личная мысль.

Он удивился, когда она ему ответила. Лаурин не сказала ему ни слова после того, как он ее захватил. Орлак задумался над тем, чем вызвана эта перемена.

— Меня зовут не Силк, — мягко произнес он, все еще глядя на нее.

Ему было немного грустно видеть темные круги у нее под ввалившимися глазами. Она также похудела. Но красота осталась, и его восхитил вызов, появившийся у Лаурии в голосе. Он получит от нее удовольствие.

— Как вы хотите, чтобы я вас называла?

— Моим настоящим именем.

— Значит, я буду называть вас Орлак, — ответила аурин, надеясь его шокировать.

И это у нее получилось. Она также услышала по каналу связи, как Адонго резко выдохнул.

«А это разумно?» — спросил он.

«Не знаю, но будь я проклята, если буду сжиматься перед ним».

У Адонго не нашлось времени на ответ. Орлак заговорил снова:

— Откуда ты это знаешь?

— Давайте скажем, что мы вас ждали.

— Ты и...

— Мы ждали.

Бог улыбнулся. У этой девочки есть настоящее мужество и твердость характера, а если она еще и обладает волшебными способностями... Дочь Элиссы даже не пыталась использовать их против него. Умная и красивая.

«Она над тобой смеется!» — прошипел Доргрил, которому совсем не понравилось впечатление, произведенное девчонкой на его племянника. Орлак его проигнорировал.

— А как мне называть тебя? — вместо этого спросил он у Лаурин.

— Вы уже знаете мое имя. Я не прячусь ни под какими масками, — усмехнулась она.

— Мне нравится имя Лаурин, хотя я все время прикидываю, что обо мне подумает твой отец, узнав, что я наслаждаюсь плотскими отношениями с племянницей.

Орлак прямо смотрел на девушку, пока произносил эти слова. Он намеревался нанести ими удар.

До этой минуты Лаурин снова чувствовала себя сильной, но внезапно хрупкая защита рухнула. Он смотрел на нее по-особенному, словно затягивая в кокон.

— О-о, ты не знала? — добавил он, изображая невинность после того, как убедился, что удар достиг цели. — Твой отец, Торкин Гинт, — мой брат. Разве это не мило?

— Ты лжешь! — закричала она, и ее голос внезапно прозвучал очень резко.

— Правда? — сказал он. — Подумай об этом. Ты очень умная женщина, догадалась, кто я... А теперь подумай, как все это выстраивается в схему. Я считаю, что ты согласишься: мы из одной семьи.

Он взял ее руку и поцеловал.

— Приехали. Добро пожаловать в мой дворец, — сказал он и покинул карету.

Орлак услышал смех внутри себя.

«Прекрасный ход, — признал Доргрил. — От этого удара она нескоро оправится».

\* \* \*

Тор и Элисса провели вместе прекрасную ночь, заново открывая друг друга. Они полностью отдавались удовольствиям, искупались в пруду, где впервые занимались любовью, а потом сидели обнаженными, прижимаясь друг к другу и наслаждаясь этим временем.

— Ты научился кое-каким новым штучкам, — признала Элисса, слегка выгибая брови.

— Ты не довольна? — ответил Тор и поцеловал ее идеальную, налитую грудь.

— Нет, совсем нет. Я просто думаю, где ты набрался такого опыта?

— Говорят, что для совершенствования и достижения идеала нужно практиковаться. Поэтому я снова и снова практиковался, пока не решил, что достиг идеала, — сказал он с невинным выражением лица.

— Болван! — она бросила в него палочкой. — Я тебя ненавижу! — но Элисса, тем не менее, смеялась.

— Но я тебя люблю, — сказал он, снова притянул ее к себе и нежно поцеловал.

— А ты любил кого-нибудь после меня, Тор?

— Никого.

— А девушку, из-за которой ты так расстроился? Ты мне про нее расскажешь?

Внезапно Тор стал серьезным.

— Эйрин... Она была очень близким, очень дорогим другом. Я до сих пор не могу поверить, что она мертва, притом умерла такой жуткой смертью. На этот раз Гот заплатит своей жизнью за это. Клянусь.

— Мы должны заставить его заплатить за все. Он лишал людей жизни или калечил их, — грустно сказала она. — Расскажи мне об Эйрин.

И он рассказал. Элисса почувствовала укол ревности, но не от того, что Тор занимался с Эйрин любовью. Просто та девушка поделила с ним часть жизни, которой не могла насладиться Элисса.

Элисса погладила его щеку.

— Не грусти из-за нее. Разозлись. Мы отомстим за ее смерть, обещаю тебе. Давай не портить особенные минуты, которые у нас есть.

— Ты уверена, что хочешь все это услышать? — спросил он.

— Да. Я не обижаюсь, Тор. Я просто чувствую себя обманутой из-за того, что нас держали порознь.

— Я знаю. И, конечно, еще была Сильвен... — продолжал он со скрытым смыслом в голосе и хитрой улыбкой на лице. Тор словно дразнил ее, чтобы спрашивала дальше.

— Королева!

— Не меньше.

— Тор! Кого ты не уложил в постель?

— Ну, давай посмотрим... Я всегда надеялся, что мне удастся лечь в постель с леди Августой. Мне так никогда и не представилось возможности, хотя один раз я был близок к цели. Она...

На этот раз Элисса ударила его кулаком. Сильно.

— Прекрати! Несносный мужчина!

— Ну, ты сама спросила, — жалобно произнес он, пытаясь скрыть улыбку, которая так и просилась на лицо.

Тор обнял Элиссу, затем очень театрально встал и начал размахивать руками для большего эффекта.

— По правде говоря, я ложился в постель со многими женщинами, но ни одну из них не любил. Я всегда любил только одну девушку с тех пор, как ей было девять лет, а мне самому чуть больше. Элиссандра Квин из Пустошной Топи, она же — королева Таллинора или просто Обнаженная Девушка из Сердца Лесов — вот моя истинная любовь. Именно ее желает мое сердце, ради нее я дышу. — Он улыбнулся. — И обрати внимание: я — настоящий джентльмен, не упомянул один ее неблагоразумный поступок — укладывание в постель короля или любовь с ним.

Теперь Элисса посмотрела на него серьезно.

— Спасибо тебе за это. Но та любовь была другой, совсем не тем чувством, которое я испытываю по отношению к тебе.

Он взял ее за руку и помог подняться, потом накинул ей на худые плечи плащ, на котором они лежали.

— Я уже знаю это, — Тор поцеловал ее. — Мне не за что тебя прощать.

Они услышали какой-то звук и повернулись. Солиана очень серьезно смотрела на них обоих.

«Время?» — спросил Тор, надеясь, что нашелся Рубин.

«Приближаются незнакомцы... Нужно твое присутствие, — ответила она и побежала в подлесок. Когда она исчезала, до них донеслись последние слова: — Встречаемся на опушке».

Тор с Элиссой быстро оделись и направились к месту встречи, где нашли Арабеллу и Саксона.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил Тор.

Саксон держал в руке пару кроликов.

— Я охотился сразу же за границей Сердца Лесов. Меня вызвала Солиана. — Он пожал плечами и бросил кроликов на землю. — Сегодня всем хватит жаркого из кроликов.

Арабелла кивнула, когда Тор посмотрел на нее.

— Меня тоже позвала Солиана. Ты знаешь, кто приближается?

— Нет, — признал Тор.

— Гот? — спросила Элисса.

Никто не ответил, но все услышали, как люди пробираются сквозь заросли деревьев, как трещат и ломаются ветки, хрустят опавшие прутья. Затем на опушку внезапно вышли три человека, на их лицах был написан страх.

— Локки! — воскликнул Тор.

Затем он перевел взгляд на двух спутниц парня.

— Пусть Свет спасет нас! Это ты, Хела?

Элисса увидела, как симпатичная женщина делает реверанс. Она была растрепана, испугана, но явно почувствовала облегчение при виде их. Она не упустила блеск в глазах незнакомой женщины, когда та снова посмотрела на Торкина Гинта.

— Это я, Тор. И я привела с собой Ее величество, королеву Кипреса Сэйрел.

Тор казался ошеломленным и перевел взгляд на превосходно сложенную, высокую

молодую женщину. Когда он в последний раз видел Сэйрел, она рыдала над телом мертвой матери и казалась девочкой с лентами в волосах. Сейчас перед ним стояла гордая молодая женщина.

В ее осанке чувствовался вызов, который просвечивал сквозь страх, излучаемый ими всеми. Тор поклонился. Саксон последовал его примеру, а Элисса, как он отметил, этого не сделала. Тор улыбнулся про себя. Значит, королева Таллинора не кланяется королеве Кипреса. Но думать об этом времени не было. Он широкими шагами направился к вновь прибывшим.

— Ваше величество! — он взял ее руку и поцеловал. Сэйрел улыбнулась:

— Я рада, что мы нашли вас. Он повел девушку к Элиссе.

— Сэйрел, это Ее величество королева-мать, бывшая королева Таллинора Элисса.

Девочка почувствовала, что краснеет. Она только что думала, что эта златоволосая женщина ведет себя нахально, не сделала реверанс перед особой королевской крови.

О, еще предстоит многому научиться! Она слишком импульсивна, а нужно уметь обуздывать свои порывы.

Сэйрел милостиво кивнула, а потом очень легко поклонилась старшей.

— Ваше величество!

Тор с облегчением увидел, как Элисса сделала то же самое.

— Добро пожаловать, Сэйрел. Но вы прибыли так поспешно. За вами гонятся?

Локки сделал несколько шагов и оказался рядом с Тором. К ним присоединился Саксон.

— Быстро расскажите мне все, — попросил Тор.

Локки потер лицо. Странно, теперь, чувствуя себя в безопасности, он внезапно ощутил сильную тревогу и расстроился. До этой минуты он находил в себе смелость и привел женщин в Великий Лес, в убежище. Теперь он знал, что может передать всю ответственность Тору. Чувство облегчения было огромным, колени дрожали. На самом деле, он прилагал усилия, чтобы не сломаться.

Саксон опустил огромную руку на плечо парня.

— Успокойся, парень. Теперь вы в безопасности. Рассказывай, но побыстрее.

Локки сделал глубокий вдох.

— За нами гонится Гот. Он почти настиг нас за последней деревней. Янус, — Локки сглотнул, но все-таки смог взять себя в руки. — Янус заставил нас уехать без него. Он ударил лошадей по крупу, и мы понеслись галопом к Великому Лесу. Чуть шеи не свернули на этой скорости! Я... я не знаю, что с ним случилось. Он остался, чтобы принять бой... Как я понимаю, хотел их задержать. Он там один. Эйрин меня никогда не простит.

Казалось, парень чувствует себя ужасающе и подавлен. Тор напрягся при упоминании имени Эйрин и обрадовался, когда рядом с ними оказалась Хела и взяла его руку. Так можно было отвлечься от Локки.

Элисса тем временем предложила Сэйрел сесть и передохнуть, но все равно заметила этот интимный жест. Однако она заставила себя подняться над ревностью, которую ощутила. Рядом встал Тор и обнял ее.

— Что случилось? — спросил он у Хелы.

Они все собрались рядом с Сэйрел, опустились на землю и позволили часто бьющимся сердцам успокоиться в тепле и безопасности Сердца Лесов. Хела рассказала их историю так быстро, как только могла, начав с посещения ее во сне женщиной по имени Лисе.

\* \* \*

Гот пришел в ярость. Его теперь сопровождали всего двое солдат, потому что еще двоих, лишившихся лошадей, пришлось оставить на месте схватки. Они похоронят мертвых, а потом сами будут пробираться на север. На самом деле, Прокаженного совершенно не интересовало, что с ними станет. Ему требовалось найти королеву, и он жаждал

разделаться со служанкой, из-за которой возникло столько проблем. Да, он просто не мог дожидаться этого момента! Голова Квиста болталась в мешке, привешенном на боку бывшего Главного Инквизитора, кровь сочилась сквозь тонкую мешочную ткань. Однако Гот испытывал удовлетворение: еще с одним сторонником Гинта покончено.

Теперь они приблизились к Великому Лесу. Это казалось невероятным, но у края стоял осел и задумчиво ел траву. Он напомнил Готу мерзкую тварь, которая много лет назад устроила такую суматоху в Карембоше. Прокаженный не стал обращать внимания на животное и погнал лошадь дальше, яростно ударяя ее пятками и кнутом. Он направлялся к деревьям, хотя животное явно не хотело туда идти.

Гот ворвался в прохладный темный лес, опередив других всадников. Он знал, что ветви располагаются достаточно высоко, и человек на лошади может спокойно проезжать под ними. Поэтому Прокаженный очень удивился, когда зацепился плащом сзади за ветку и почувствовал, как его поднимает с седла. Гот попытался сбросить плащ, но каким-то образом запутался в других ветках, внезапно окруживших его. Лошадь исчезла в неизвестном направлении, убежав в глубину леса без всадника.

Гот понял, что качается на ветках. Это было странно, потому что он не чувствовал никаких дуновений ветра. Затем деревья стали прокалывать его кожу в тех местах, где держали его.

Прокаженный закричал, обращаясь к солдату, который скакал позади него, но приказ застыл у него на губах при виде осла, внезапно взмахнувшего задними ногами. Они поднялись достаточно высоко, чтобы ударить по всаднику. У того не осталось шансов удержаться в седле. Солдат, как камень, рухнул на землю, а осел, очень напоминающий животное из Карембоша, стал ждать, пока ошарашенный человек не поднимется на ноги.

Гвардейца шатало, а осел нанес еще один очень сильный и прицельный удар задними ногами. Солдат рухнул. Судя по вытекающей изо рта крови, Гот решил, что его подчиненный мертв.

Он закричал последнему всаднику, который уже притормозил лошадь:

— Сними меня отсюда!

Солдат посмотрел на павшего товарища, затем опять на Гота:

— Ты можешь висеть здесь столько, сколько угодно, и подохнуть. Меня это не волнует, кусок дерьма. Ты — не один из нас. Ты убийца, а еще — трус. Наши солдаты умирают, а тебе до этого нет дела. Ты пытаешь и безжалостно убиваешь женщин. — Он плюнул в сторону Гота. Это был пустой жест, потому что урод висел достаточно высоко среди деревьев. — Я не собираюсь дальше заезжать в Великий Лес. Я слышал легенды об этом знаменитом месте в Таллиноре. Надеюсь, что ты сгниешь среди ветвей, — заявил солдат, развернул лошадь и выехал из-под деревьев.

Гот извивался и ругался, но застрял прочно. Он не представлял, как так могло получиться, поэтому прекратил сопротивляться и стал думать, как высвободиться. Но и через несколько минут в голову не пришло ни одной стоящей мысли. Прокаженный попал в беду и оказался один.

Затем без предупреждения к нему потянулась огромная ветка. Бывший Главный Инквизитор едва ли верил в происходящее, но видел все своими глазами. Гот резко вдохнул воздух и испугался, что было редкостью для него. Ветка же обернулась вокруг него. Прокаженный не мог закричать, он замер на месте, в горле пересохло, и не удавалось выдать ни звука. А затем его стало резко перебрасывать с дерева на дерево.

Он не мог сориентироваться, не соображал, где верх, а где низ. Инквизитор думал только о следующем яростном и непредсказуемом движении, о броске, в центре которого окажется сам. Гот чувствовал себя детской тряпичной куклой, силы покидали его, а деревья продолжали с ним развлекаться. Потом его рука стала смещаться в плече, боль оказалась очень сильной, но деревья неумолимо продолжали над ним издеваться. Они то бросали его, то немислимым образом вытягивали тело, но по большей части его просто стегало ветками. Иногда его хватали за ногу, в другой раз — за больную руку. Бывший Главный Инквизитор

кричал в агонии, но никто его не слышал.

Гот уже не помнил, как долго продолжалось наказание. Казалось, болело все. Боль пронзала тело целиком, во всех местах. Его поражало происходящее. Однажды ему показалось, что деревья что-то шепчут и смеются над ним. Прокаженный подумал, что, вероятно, потерял сознание, потому что внезапно его разбитое тело со всей силы рухнуло на землю. Раздался глухой удар.

Гот лежал без движений, ошарашенный и поставленный в тупик. Каким-то образом он знал, что все еще в состоянии шевелить ногами и одной рукой, хотя каждое движение доставляло боль. Вторая рука стала бесполезной. Он подумал, не специально ли деревья решили не ломать ему все кости.

Гот открыл глаза и уставился в другие, блестящие темно-голубые глаза, которые ненавидел больше всех в мире... Это был Торкин Гинт.

— Добро пожаловать в Сердце Лесов, Гот. Я очень рад, что ты смог к нам присоединиться. Здесь есть и другие, которые также желают тебя поприветствовать.

В поле зрения появилась Элисса. Гот почувствовал укол в сердце. Или это было возбуждение, ненависть? Он не знал.

Элисса ничего не сказала, просто смотрела на него с презрением.

Он посмотрел ей за спину и прищурился. Боль охватила все тело. Рядом с Элиссой стоял ублюдок клук, который выглядел довольным. Там находилась и женщина, которую он не узнал. Родственник Квиста оказался рядом с ненавистной служанкой из Кипреса — Хелой. У них обоих на лицах отражалась ненависть.

— Привет, Гот, — ухмыльнулась Хела.

А затем он, наконец, увидел королеву — молодую женщину, которую его новый мстительный хозяин приказал привезти назад. Теперь это не получится.

— Мы выиграли, Гот. Ты жалок, — только и сказала она, а потом повернулась к нему спиной.

В эту минуту отчаяния, поняв, что на самом деле побежден, Прокаженный также внезапно понял, что может рассмеяться.

— Я тебе кое-что принес, Гинт, — заявил он женским голосом после того, как заметил, что мешок с головой Квиста все еще привязан к его боку. — Открой его.

Тор не мог объяснить, почему сделал так, как предложил Гот. Он до сих пор не пришел в себя, с такой легкостью заполучив бывшего Главного Инквизитора. Да и способ его появления поражал. Вероятно, Великий Лес расправился со всеми спутниками Прокаженного.

Торкин Гинт высыпал содержимое мешка на землю. По траве покатилась окровавленная голова Яна Квиста, остановившись у ног Тора. Локки начало тошнить, и Тор услышал, как у него за спиной закричала Сэйрел.

Гот рассмеялся, несмотря на боль. Даже теперь Прокаженный восхищался собой. Какое впечатление он способен производить на людей!

— Нравится мой подарок? — спросил он. — Жаль, что я не смог привезти вам другой трофей — жену пирата. Ее внутренности сейчас лежат кучей, на них пируют стервятники, — сообщил Гот. — Такое красивое тело! Стойкая девка, ничего мне не сказала, даже не закричала, когда я вспарывал ей живот. Я не получил никакого удовлетворения!

Больше Готу ничего сказать не удалось. Локки так сильно врезал ему сапогом по голове, что Прокаженный потерял сознание и перестал двигаться.

Элисса тяжело дышала, у нее вздымалась и опускалась грудь. Она пыталась сохранять спокойствие, а потом они с Саксоном бросились к Локки. Парень спрятал лицо на плече Элиссы, и она успокаивала его, как только могла. От его рыданий у всех разрывалось сердце.

— У меня никого нет, кроме нее, — повторял он.

Снова появился Кетай и направился к распростертому телу Гота. Осел шокировал всех собравшихся, помочившись на голову бывшего Главного Инквизитора. Это дало желаемый эффект. Горячая вонючая жидкость помогла ненавистному Прокаженному прийти в

сознание, но все равно он был едва жив. Инквизитор застонал, а осел направился прочь подлесок. Это был комичный жест, но никто не улыбнулся.

— Что теперь? — спросил Гот. Соображал он не очень хорошо, и все тело болело.

Полные гнева темно-голубые глаза Торкина Гинта уставились на изуродованное лицо Элмида Гота, и он ответил на вопрос двумя словами:

— Твоя смерть.

Элисса не удивилась, когда несколько часов спустя появился Саллементро, еще один взъерошенный и расстроенный всадник. Он отказался от пищи и только попросил дать ему несколько минут, чтобы привести дыхание в норму. Он ехал без остановок, пока не добрался до Великого Леса.

Саллементро начал объяснять ситуацию, сложившуюся во дворце. Элисса остановила его, пояснив, что они уже знают про «регента Силка».

— Сал, послушай меня, — обратилась она к продолжающему говорить музыканту. — Силк — не тот, кем представляется. Мы считаем, что это — Орлак.

У Саллементро открылся рот, затем закрылся, и округлились глаза:

— Но такого не может быть! Как же так? Он ведь находился среди нас!

Тор кивнул.

— Ты можешь дать его описание?

Музыкант очень подробно рассказал о человеке, которого знал, как регента Силка. С каждым словом и без того плохое настроение Тора ухудшалось.

— Это он, — объявил Тор.

— Но как ему удалось ее увезти? Почему ему никто не помешал? — спросила Элисса, видя выражение лица расстроенного Тора.

Саллементро передал все, что им удалось выяснить и до чего додуматься:

— Джил в гневе. Он уже выехал на север с Хереком и отрядом гвардейцев.

Тор покачал головой:

— Он не представляет, с кем имеет дело. Все они обречены.

— Умер мальчик-паж, а если Сал все понял правильно, то любимая женщина короля украдена из его собственного дворца. Как ты считаешь, что он сделает? Сожмется в уголке и будет надеяться, что ее спасет кто-то еще? — судя по голосу, Элисса разозлилась.

— Нет, прости. Конечно, Джил делает то, что может.

— Вот именно, — кивнула она. — Если бы только для того, чтобы сохранить лицо... Однако я его об этом предупреждала. Он многое знает.

— А верит в это?

— Джил отнесся к моему рассказу скептически. Но произошло слишком много странных вещей, чтобы полностью игнорировать мои слова. Я дала ему много колоритных деталей. Если бы мы только могли каким-то образом его перехватить!

— Я поеду, — вызвался музыкант.

— Нет, поеду я, — заявил Локки. — Я настаиваю, Тор. Я знаю север лучше многих и готов поспорить, что езжу на лошади лучше и быстрее, чем певец, — сказал парень и кивнул на лютню, которая всегда висела за спиной менестреля.

У Саллементро не осталось сил, чтобы отвечать на оскорбление. К тому же к нему мысленно обратилась Элисса: «Он молод. Он не умеет тщательно подбирать слова... И он только что узнал об убийстве сестры и ее мужа».

Тор спросил у Саллементро, когда Джил выехал на север. Музыкант пожал плечами:

— Мы все выехали в одно утро. Он направился в Карадун, а я — в Великий Лес. По моим прикидкам, ему еще остается два, а возможно, и три дня пути.

— Выходит, я успею добраться туда вовремя, — сказал Локки. — Поеду прямо сейчас.

Тор ушел с опушки. Ему требовалось подумать. Совсем не хотелось, чтобы этот юноша один несся навстречу неизвестно чему.

«Для него будет безопаснее всего с королевскими гвардейцами», — раздался в голове успокаивающий голос Клута.

«Я знаю... И он всегда мечтал об этом».

«Отпусти его. Пусть почувствует, что что-то делает для отмщения смерти сестры».

Тор вернулся к Локки.

— Хорошо. Уезжай прямо сейчас. — Он видел, как погрузнела Сэйрел. Но сделать ничего было нельзя. — Я надеюсь, что Джил тебе поверит.

— Вот, передай ему вот это, Локки, — сказала Элисса, доставая что-то из кармана. — Тогда он поймет, что ты направлен от меня.

Она протянула парню маленький бледно-зеленый овальный камушек.

— Что это? — спросил он.

— Эта штучка мне больше никогда не понадобится. Но король поймет, что ты приехал от его матери, и то, что ты говоришь, — правда. Расскажи ему все, что знаешь, включая то, что Гот у нас, и мы с ним сами разберемся. Также передай ему, чтобы помнил все, о чем я его предупреждала.

Элисса увидела, как Саллементро бросил взгляд на черную кучу на земле.

— Это и есть знаменитый Гот? — до этой минуты он его не замечал.

— Ему недолго осталось коптить землю, — заявил Тор очень жестким тоном. Такого от него никто раньше не слышал.

— Но он еще жив?

— Едва, — ответила Элисса. — Его жизнь нужно закончить, Сал. Это — сплошное зло.

— О-о, я согласен. Просто подумал, что для него будет слишком хорошо, если убить его здесь и сейчас.

Локки занялся проверкой седла на лошади, которую Кетай с Солианой смогли привести на опушку. Она стояла под деревьями.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тор у музыканта.

— Несколько лет назад я путешествовал по северному краю. Не спрашивайте, почему. Это ужасное место. Однажды я встретил человека, который, по его словам, раньше работал на Гота и знал кое-какие секреты. Я думаю, что он был в бегах, поскольку Инквизицию распустили.

Саллементро увидел раздражение на лице Элиссы и понял, что нужно побыстрее завершать рассказ.

— В любом случае, я тоже был в бегах — спасался от своей семьи, и мы вместе напились. Он сказал, что хочет показать мне одно место. Я подумал, что это недалеко, но мы ехали два дня, в горы, а потом я увидел самое невероятное место.

Элисса подумала, что ударит своего Паладина, если он еще растянет рассказ: «Сал, вполне возможно, что сейчас умирают люди, а ты все тянешь. И уж точно многим угрожает опасность. Давай переходи к делу!»

Он пожал плечами:

— Прошу прощения. Обычно я рассказываю истории под музыку. А от старых привычек трудно избавиться. Тот человек показал мне место, куда отвозили всех Чувствующих, которые не умерли после пыток и клеймения Готом. Мне пришлось в голову, что эти выжившие люди должны получить удовлетворение, наблюдая за смертью Прокаженного.

Все собравшиеся воскликнули в удивлении. Тор и Элисса шагнули вперед, и Саллементро подумал, что оба его ударят.

— Саллементро, где это место? — закричала Элисса. — Ты можешь нам объяснить, как его найти?

— М-м-м... — он задумался. — Да, думаю, что смогу, хотя нам потребуется человек, который хорошо знает горы.

— Нам нужен Фиггис! — воскликнул Саксон. — Надо только связаться с ним и Гидеоном.

«Я могу слетать в Бриттелбери», — предложил Клут. Тор заметил, что Локки готов и хочет побыстрее уехать. — Давайте проводим Локки, а потом будем принимать решения.

Локки уехал без каких-либо дополнительных отсрочек. Он обнял Хелу, поклонился Сэйрел, потом поцеловал ей руку и пообещал, что они еще встретятся. Служанка с радостью отметила, что ее королева хорошо держится и показывает, что у нее есть характер, и она станет сильной монархиней. Элисса тоже крепко обняла Локки. Хотя они едва были знакомы, она прекрасно помнила чувство одиночества и потери, когда все, кого она любил, умерли. Казалось, юноша это понимал и принял ее сочувствие с грустной улыбкой.

Саксону хотелось бы отправиться вместе с парнем, но теперь его место было рядом с Элиссой. Они вместе с Саллементро считали ее жизнь важнее собственных.

— Помни все, чему я тебя научил во время нашего первого путешествия сюда, — сказал он, сжимая парня в медвежьих объятиях. — И передай от меня привет Хереку... Может, тебе удастся произвести на него впечатление, и тогда твоя мечта сбудется.

— Я собираюсь, — ответил Локки. — Подожди немного. Когда-нибудь я стану прайм-офицером.

Арабелла с Саллементро надеялись, что Свет поможет ему добраться до цели. А Локки осталось попрощаться лишь с двумя остающимися в Великом Лесу.

Локки погладил Клута и сказал что-то соколу. Он знал, что птица его услышит и поймет.

— Он желает тебе того же, — ответил Тор от имени Клута.

— Тор, мы ведь отомстим за нее? — внезапно очень напряженным голосом спросил юноша.

— Я обещаю тебе, Локки. Твое нынешнее задание — это уже часть мести. Гот — просто заложник в гораздо большей игре. Забудь о нем. Ты должен передать сообщение королю. Так ты в одиночку уже сделаешь одно очень важное дело для спасения Таллинора. Даю слово: смерть Эйрин будет отмщена. Своей невероятной смелостью и жертвенностью она спасла три жизни... Одна из них — жизнь королевы То же самое — Квист. Он был очень смелым человеком, и также пожертвовал жизнью, чтобы спасти тебя. Их обоих будут помнить боги.

Локки опять стало очень грустно, и он почувствовал ком в горле. Но он ощущал и гордость поскольку теперь участвовал в общем деле. Он их не подведет, как Эйрин и Ян не подвели его самого.

— Пусть Свет ведет тебя, Локки.

— И тебя, — ответил парень, обнимая Тора. — Мы снова вскоре встретимся.

Он сел на лошадь, которая выглядела странно отдохнувшей, и заметил, что седельные вьюки полны припасов, необходимых для путешествия. Локки посмотрел на Тора.

— Все это обеспечило Сердце Лесов, — пояснил Тор, пожав плечами.

Локки развернул лошадь и поехал прочь. Он обернулся только один раз, на Сэйрел, и один раз помахал. Затем он исчез из виду.

«Он все сделает, как надо», — сказал Клот.

«Я верю в это, — согласился Тор. — Он — смелый парень».

Все собрались вокруг импровизированного стола, к которому пригласила Арабелла. Она настояла, чтобы все поели.

— Хорошее решение нельзя принять на пустой желудок, — предупредила она и, несмотря на отвратительное настроение, все набросились на еду, которая чудесным образом появилась под деревом рядом с прудом.

Во время еды все тихо разговаривали. Тор взял за руку Элиссу. Именно в это мгновение он услышал у себя в сознании тихий голос Солианы: «Пора».

Он повернулся и увидел волчицу. Она хотела, чтобы они за ней последовали. Тор сжал руку Элиссы, а когда она ему нежно улыбнулась, он заговорил с ней мысленно: «Любовь моя, я думаю, что мы сейчас встретимся с нашим сыном».

Он сам поразился тому, как твердо звучал его голос, хотя сердце учащенно билось в груди.

У Элиссы тут же затуманились глаза.

«Где он?» — спросила она не таким твердым голосом.

«Пойдем. Солиана хочет, чтобы мы следовали за ней».

Они встали, а когда к ним повернулись остальные, Тор объяснил, почему за ними пришла волчица. Саксон, Саллементро и Арабелла понимающе кивнули.

— Мы будем ждать вас здесь, — сказал Саксон.

Увидев, как они приближаются, Солиана развернулась и стала указывать путь. Тор знал, что Клут летит за ними среди деревьев, и радовался этому. Он не смел взглянуть на Элиссу. Она крепко держала его за руку и заставляла себя сохранять спокойствие. Оба долго шли молча, пока не оказались в части Сердца Лесов, которую никогда раньше не видели. Тор сказал об этом волчице.

«У Сердца Лесов много тайн, — ответила она. — А теперь мы должны ждать».

Тор задержал дыхание. Напряжение было огромным, и он считал, что точно также сейчас чувствует себя его жена, которая впивалась пальцами ему в руку.

Клут опустил Тор на плечо. Они ждали.

## Глава 20

### Вся Троица и Паладины на месте

Орлак приказал двум служанкам отвести Лаурин в баню и вымыть.

— Мы вскоре увидимся, — заявил он перед тем, как повернуться к Адонго. К нему он обратился тихим голосом. — Помни о своей роли. Она должна тебе доверять. Ты должен постоянно находиться рядом с ней.

— Как пожелаете, мой господин, — ответил Адонго, низко поклонился и поблагодарил Свет за такую удачу.

— А где Джуно? — спросил Орлак, шагая через две ступени по красивой мраморной лестнице. Его длинные ноги это позволяли.

Служанка сделала реверанс.

— Она ждет девушку, господин.

— Пусть сразу же поднимается вверх, как только закончит, — приказал Орлак и исчез на площадке.

Адонго тут же оказался рядом с Лаурин.

«Что теперь?» — спросила она.

«Баня. Тебе она понравится».

«Когда он собирается снова меня увидеть?»

«Какое-то время он подождет. Ему нужно осчастливить Ксантию».

«Ксантию?»

«Она столь же красива, как и опасна. Нам нужно не показывать тебя ей».

«А Джуно?»

«Сейчас ты с ней познакомишься, и мы будем все вместе. Твои Паладины — и ты»

Он улыбнулся прекрасной широкой улыбкой, которая сразу же осветила его лицо, обычно лишенное какого-либо выражения. Одна из служанок, которая указывала им дорогу, заметила эту улыбку.

— Чему ты улыбаешься? Тебе так понравилось путешествие?

— Нет.

Он не стал объяснять подробно, и служанка мудро не стала его расспрашивать. Адонго был странным типом, и они принимали его странности, как данность.

— Вот сюда, — показала одна из девушек. — Удачи, госпожа Лаурин. Если вы станете у него фавориткой, то, возможно, окажетесь в безопасности. Только опасайтесь ее.

— Кого? — спросила Лаурин, уже догадавшись об ответе.

— Суку Ксантию. Проститутку, которая теперь считает себя королевой. Я молюсь за ребенка нашей королевы Сильвен. Ей удалось бежать. Смелая девушка! Я не думала, что ей хватит храбрости, но, возможно, когда-нибудь она вернется и спасет нас.

Вероятно, служанка собиралась еще что-то сказать, но Адонго заставил ее замолчать: — Дальше я сам поведу нашу гостью. Спасибо.  
Обе девушки исчезли.  
«Пойдем, моя госпожа, — мягко позвал Адонго. — Давай завершим соединение».  
«Я не понимаю».  
«Поймешь».

\* \* \*

Появились Небесные Огни, по одному зажигаясь вокруг них, потом дюжины превратились в сотни и заплясали на все увеличивающейся скорости. Они пели, создавая свою собственную особую музыку, и танцевали вокруг двух людей и волчицы, которые стояли в ожидании.

«Они тебя любят», — сказала Элисса.  
«Они любят Сердце Лесов и все, что принадлежит ему».  
«А ты принадлежишь ему?»  
«Наверное».  
«А ты мог бы жить здесь вечно?»  
«Да».  
«Они это знают. Именно поэтому они тебя любят».  
«Я часто думаю, кто они такие... Они иногда со мной разговаривают».

Элисса собиралась еще что-то сказать, но почувствовала, как дрожит Тор. Она ничего не видела, но держала канал мысленной связи открытым и молчала.

Тор почувствовал сильнейшую волну энергии, затем воздух вокруг них стал прохладнее, и в нем словно били разряды. Потом он стал плотным и хрупким, как стекло. Волосы у него встали дыбом.

«Он идет», — прошептала Солиана.

Свечение усилилось, раздался гул — это работала очень сильная магия. Песня Небесных Огней превратилась в знакомое приветствие. Появился их бог, Дармуд Корил.

«Так мы готовимся к встрече нашего сына», — объявил бог.

Тор, Элисса и Клут слышали его и молча поблагодарили. Они наблюдали за мерцанием, которое теперь, казалось, сосредоточилось у огромного старого дуба. Это было самое большое дерево, которое им довелось видеть в Великом Лесу. Потом мерцание начало превращаться в свет, он сделался ярче, разделился на тысячу цветов, и они стали пульсировать в ритме пения Небесных Огней. Тор вспомнил день, когда наблюдал за превращением Клута из человека в сокола и не сомневался, что мысли птицы эхом повторяют его собственные, хотя не смел послать даже шепота по каналу мысленной связи.

Теперь свет горел так ярко и стал настолько ослепительным, что им пришлось отвернуться и крепко зажмуриться. Именно в этот момент, когда они не смотрели в сторону дуба, появился Рубин. Он вернулся в Таллинон. Оглушительная песнь Небесных Огней и пронизывающий всех гул магии мгновенно прекратились. Наступила мертвая, напряженная тишина.

Заговорил не голос Дармуда и не голос Солианы. Тем не менее, зазвучавший голос показался Тору очень знакомым. Этого человека Тор не ожидал больше никогда увидеть.

— Тор, познакомься со своим сыном Рубином, — сказал Кит Кайрус.

Тор посмотрел в сторону дерева, и его взору представилось удивительное зрелище. Молодой человек вышел из ствола дуба. Казалось, разворачиваются слои коры, раздвигаются и поднимаются ветки, чтобы вернуть им сына. Рубин поднял голову, чтобы впервые взглянуть на своих настоящих родителей. И они заплакали. Рубин оказался идеальным соединением их обоих. Если Гидион получился копией отца, а Лаурин — матери, то в Рубине слились оба родителя. Это был высокий парень с золотистыми волосами и мягкими серыми глазами с зелеными точками. Он робко улыбнулся и сразу же стал сильно похож на

отца.

Никто из родителей не произносил ни слова. Оба чувствовали огромное облегчение — их мальчик вернулся целым и невредимым.

— Он проделал долгое путешествие, чтобы оказаться вместе с вами, — заговорил Кайрус, понимая, как в них бурлят эмоции. — Мы оба...

Тор посмотрел на старого друга. Они многое сказали друг другу одним этим взглядом, хотя оставалось еще многое обсудить и объяснить.

Но пока главным был ребенок, и Кайрус повернулся к нему:

— Иди к своим родителям, Рубин.

Они все двинулись одновременно, и Рубин оказался в крепких объятиях. Мать добралась до него первой и обняла ребенка. В это мгновение ее любовь к Тору и их трем детям, и ее намерение защитить их всех переполнили ее.

Тор обнял жену и мальчика длинными руками, и у него глаз полились слезы. Он был очень рад, что мальчик цел и невредим, и его нашли.

«Добро пожаловать назад, дорогой ребенок», — прошептал Тор по каналу мысленной связи.

Кайрус поднял голову и увидел среди деревьев Клута. Кайрус улыбнулся ему, а Клут спустился и сел ему на плечо.

Оба подумали одно и то же: «Значит, все Триединство найдено».

\* \* \*

Дневной свет проникал внутрь небольшого здания, превращенного в частную баню, сквозь стекла, окрашенные в пастельные тона, и рассеивался. От бассейна необычной формы вверх поднимался пар. Пахло лавандой, гардений, мятой, жасмином и цветами апельсинового дерева. Эти запахи перемешивались, создавая восхитительный аромат. Благодаря им Лаурин смогла успокоиться и расслабиться. Вдыхая их, девушка оглядывалась вокруг себя и видела стены, украшенные восхитительными фресками. На них изображались играющие боги. От этих картин захватывало дух, и они были написаны так, что создавали ощущение присутствия. Лаурин представляла себя идущей по одной из тропинок, под идеально написанной аркой, увитой ползущими бледно-розовыми розами. За аркой начинался фруктовый сад.

— Здесь так красиво, — сказала она.

Адонго предложил ей зайти в здание, а затем запер за ними дверь. Лаурин с удивлением оглядывала баню и, наконец, заметила женщину старше себя, но, тем не менее, молодую и привлекательную. Она стояла в центре бассейна.

На ней была надета легкая сорочка, но она промокла, и поэтому ничто из ее красивой фигуры не оставалось для воображения. Молодая женщина была великолепно сложена.

— Хочу представить тебе Джуно, — заговорил Адонго. «Она — твой Паладин», — добавил он мысленно.

— Она поможет тебе обустроиться, и мы оба будем тебе прислуживать.

Адонго увидел вопросительный взгляд Джуно. Она спрашивала, почему он не боится пользоваться каналом связи, а Паладин просто кивнул в ответ. Лаурин и Адонго увидели выражение радости на ее лице.

«Лаурин, я много лет ждала встречи с тобой. Теперь я не оставлю тебя, дитя, до самой своей смерти».

С этими словами последняя из Паладинов соединилась со своей подопечной, и все они одновременно почувствовали странное раскрытие сознания.

Наконец-то десять защитников соединились со своими пятью подопечными.

Ощувив какое-то смещение внутри себя, Тор высвободился из объятий.

«Вы это почувствовали?»

«Наконец-то оно случилось, — сказал Клут. — Ты меня слышишь, Кайрус?»

«Я тебя слышу, птица», — сухо ответил бывший прайм-офицер, но протянул руку и коснулся сокола, показывая свое удивление.

«Тор, мы соединились. Последний Паладин встретился со своим подопечным».

Элисса все это слышала.

«Как вы считаете, это Лаурин?»

«Наверное, — ответил Тор. — Это означает, что Темезиус и Джуно находятся среди нас».

— Я немного обижен тем, что ты не представил нас официально, — заявил Кайрус, приближаясь к Элиссе.

Тор запустил пальцы в волосы и расчесал их.

— Свет! Прости меня. Элисса, это знаменитый Кит Кайрус.

«А вы на самом деле еще красивее, чем он говорил», — сказал Кайрус одной Элиссе и поклонился.

— Встреча с вами — честь для меня. Я также считаю честью то, что ваш очень ценный ребенок был отдан на мое попечение.

— Кайрус, я хочу услышать все детали вашей жизни, но вначале, Рубин, давай поприветствуем тебя в Сердце Лесов, — сказал Тор, чтобы отвлечь Элиссу от красивого солдата, который неотрывно смотрел на нее.

«Берешь на себя мое дело?» — сказала Солиана Тору, хотя и с любовью, и Рубин тут же поднял голову на ее голос.

— Солиана! — воскликнул он, сорвался с места и вприпрыжку понесся к волчице, потом спрятал лицо и запустил руки в ее мех. Волчица все это позволила, потом сама потерлась о него мордой, помахивая огромным хвостом. Она тоже была его Паладином, как и Кайрус, и тоже радовалась, что он вернулся.

«Давайте посидим здесь и послушаем о прошлом Рубина, — предложила она. — Кайрус, начинай».

Элисса сразу же почувствовала, как ее тянет к высокому красивому солдату. Она столько слышала о нем от Тора, и знала, как отчаивался ее муж после того, как Кайрус был отдан Сердцу Лесов. Теперь они знали, почему так случилось. Мать слушала историю жизни сына.

Кайрус объяснил, как в ту знаменательную ночь Солиана отвела его к особому месту в Сердце Лесов, где его приветствовал Дармуд Корил, Небесные Огни и все существа Леса.

— Мне сказали, что мне предстоит сыграть особую роль, — пояснил он. — Но в то время я еще не знал, что это. Мне просто было известно, что это правильно. Я принадлежал этому месту, и искал его после смерти моей семьи.

— Значит, ты не знал, что ты — Паладин? — пораженно спросил Тор.

— Нет. До тех пор, пока вот этот огромный дуб чудесным образом не опустил ветки и не вручил мне новорожденного мальчика. Тогда же Солиана сказала мне, что мне придется его растить, обучить его всему, что я знаю, рассказать об отце и том, что я понял в Сердце Лесов. — Он посмотрел на Элиссу. — Мне ни разу не разрешили взглянуть на вас, пока вы жили здесь. Как жаль! — вздохнул он, оценив ее радостную улыбку. — Но Солиана мне все о вас рассказала. Конечно, Тор нам страшно надоел во время пути в Сердце Лесов, упоминая обо всех, даже самых мельчайших деталях.

Он замолчал, потому что слушатели смеялись над Тором, который пожал плечами и взял за руку Элиссу.

— Как я мог вести себя иначе? — спросил он.

— Конечно, не мог, — сказал Кайрус, посмотрев на Рубина. — Он был таким слабеньким. Я очень о нем беспокоился.

— Ты до сих пор беспокоишься, — заметил Рубин.

«Это работа Паладина, дитя. И я постоянно беспокоюсь за твоего безрассудного и отчаянного отца! — заявил Кнут по каналу мысленной связи. — Я могу вам рассказать несколько историй, от которых у вас у всех волосы встанут дыбом».

— Думаю, не надо этого делать, — сказала Элисса и притворилась, будто гневно смотрит на сокола.

«Я хотел бы когда-нибудь слышать эти истории», — сказал Рубин, закрывшись щитом и обращаясь к одному Клуту. Он тотчас же слышал смех птицы у себя в сознании.

Кайрус продолжил свое повествование:

— Итак, мы с Солианой, при постоянной помощи Дармуда Корила и какого-то очень странного осла, который то и дело появлялся, поддерживали в Рубине жизнь. Затем, к моему удивлению, он стал быстро расти и физически окреп. Тогда мы поняли: с ним все будет в порядке. Дармуд Корил сказал мне, что пришло время покинуть Сердце Лесов.

«У меня разрывалось сердце, когда пришлось отпустить Рубина, но я знала, что с Кайрусом он будет в безопасности, Рубину тоже больше требовался мужчина рядом», — заметила Солиана.

Дальше рассказывал Рубин:

— И нас поглотили деревья, правда, Кайрус?... И перебросили в другой мир.

Солдат кивнул:

— Все правильно. Мы отправились в путешествие, не зная, куда направляемся, и прибыли в страну, не очень отличную от Таллинора. Там и обосновались.

— И как вы там жили? — спросила Элисса, которая с трудом верила во всю эту историю.

Кайрус пожал плечами:

— Во многом так, как живем здесь. Мы нашли брошенный домик неподалеку от леса. Для парня было хорошо жить рядом с лесом, да и я предпочитаю тихую жизнь. Там мы и обитали.

— У нас были куры, утки и коза, а Кайрус даже подарил мне пони. Затем я очень вырос, и больше не мог на нем ездить, и мы купили молодую кобылку, вырастили ее, чтобы я мог на ней ездить в школу, — добавил Рубин.

— Местный небольшой монастырь искал талантливых учеников, а потом убеждал их получать образование. Я думаю, что они надеялись в дальнейшем заполучить Рубина, хотели, чтобы он стал священником. Я ничего не говорил, не желая их расстраивать. Просто радовался, что он учится писать и считать. Я даже думаю, что он умеет читать!

Последнее предложение было специально произнесено с иронией. Тор с Элиссой заметили, как Рубин легко подтолкнул Кайруса в бок, и они улыбнулись друг другу. Определенно, эта шутка для них двоих значила что-то большее. Рубин и солдат очень близки... А почему бы и нет, особенно если они еще и общались по мысленному каналу связи? Более того, Кайрус был единственным родителем, которого знал в своей жизни Рубин. Настоящие родители оставались для него незнакомцами.

Тор сказал Элиссе, чтобы не грустила из-за этого. Для их сына было естественным испытывать подобные чувства к Кайрусу.

А им придется завоевывать любовь сына. Конечно, Элисса согласилась, но ей так хотелось его обнять и больше никогда не отпускать от себя! А еще — собрать вместе всех трех детей и обнять их всех одновременно.

Кайрус продолжал рассказ:

— У нас была счастливая жизнь, блаженно спокойная, без каких-либо потрясений и событий — конечно, до того дня, как Рубин вдруг рухнул без сознания. Затем вскоре появилась посыльная и сообщила, что нам следует возвращаться в Таллино́р.

— Ее звали Ярго? — уточнил Тор.

— Да, — кивнул Рубин. — Она оказалась очень красивой и долго путешествовала, чтобы отыскать меня. Ярго сказала, что ты меня вызываешь.

— Так и было, — подтвердил Тор. — Но я думал, что зову только двух детей, о существовании которых знал. Она никогда не говорила мне о тебе, Рубин.

Судя по выражениям лиц, Кайрус и Рубин были поставлены в тупик.

— Каких еще детей? — спросил Кайрус. Тор с Элиссой были ошарашены:

— Разве вы не знаете?

«Они ничего про них не знают», — послышался мягкий голос Солианы.

— Расскажите нам, — попросил Кайрус.

И Тор рассказал другу и сыну о брате и сестре, которые родились до Рубина. Он заодно объяснил, как они попали в Таллино, как жили до того, и что с ними случилось здесь.

Тор понял, что мать его детей тоже впервые слушает эти истории. Он постарался как можно больше сократить рассказ о сожжении Дунтарина и последующих смертях.

— Значит, Лаурин уже встречалась с Джилом? — спросила Элисса.

— Да, встречалась, но я в ту пору не знал, кто такой этот помощник прайм-офицера. Этого не знал и Саксон, который отсутствовал во время назначения Джила, — ответил он. — Но ни Гидеон, ни Лаурин не помнят, что с ними происходило до их появления в нашем мире. Интересно, что ты помнишь, Рубин?

Кайрус слегка пожал плечами.

— По правде говоря, и помнить-то особо нечего, — сказал он. — Наша жизнь на самом деле была очень спокойной и уединенной.

Рубин раздумывал надо всем услышанным от Тора.

— Значит, причина моего появления здесь — это завершение Триединства, поскольку я являюсь одним из Троицы. Я правильно понял?

Тор кивнул.

— Пока Соррель не рассказала нам о твоём существовании, Рубин, мы не представляли, что такое Триединство и кто составляет Троицу. Да, теперь мы считаем, что вы, трое наших детей, и есть эта Троица.

— А что мы должны сделать?

— Ждать посещения дамы, говорящей во сне, — с сарказмом заметила Элисса. В ее отношении к этой женщине можно было не сомневаться.

Рубин в замешательство посмотрел на мать, а Тор бросил укоризненный взгляд уголком глаза.

— Мы не уверены, Рубин, — сказал он. — Но думаю, что теперь, после твоего появления здесь, узнаем больше.

«Может, нам стоит соединить детей вместе, и тогда Их роли и откроются», — предложил Клут.

«Очень мудрое предложение, Клут, — согласилась Солиана. — Мы должны привести всех детей в Сердце Лесов».

— Вначале следует разобраться с Готом, — заявил Тор.

— С Готом?! — прорычал Кайрус.

Элисса с Тором вздохнули. Тор ответил солдату:

— Ты и половины не знаешь. И вероятно, не захочешь знать. Ты очень многое пропустил. Придется наверстывать.

— Что я пропустил, например?

Тор нервничал. Как сообщить старому другу столько плохих новостей? Он знал, что солдат всегда требовал честности и краткости. Не было смысла уходить от правды.

— Гот — это долгая, очень долгая история сама по себе. Когда мы отведем вас обоих к остальным, я тебе все расскажу. Сейчас он лежит без сознания и напоминает свинью, приготовленную для жаривания. У птиц так связывают крылышки, а у животных — ноги. Тут нам помогло Сердце Лесов своими ветками.

— Пусть меня поразит Свет! — воскликнул солдат. — Не могу дождаться! А остальное?

— Много плохих новостей, — признал Тор. — Мне очень жаль, что я это тебе так прямо выдаю, но и король, и королева, которым ты служил, мертвы.

Они увидели, как бывший прайм-офицер побледнел, и на его лице также отразились ужас и недоверие.

— Лорис мертв?

Тор взял руку Элиссy в свою. Он понимал, что ей не хочется снова переживать по этому поводу, но знал, что должен рассказать все другу, хотя и кратко.

— Кайрус, мне следовало раньше сказать тебе, что ты сейчас находишься в присутствии бывшей королевы Таллинора. Элисса была замужем за Лорисом.

Это казалось невозможным, но Кайрус был поражен еще больше.

Тор быстро продолжал рассказ:

— Лорис умер не так давно от удара молнии. Но первой умерла Найрия, примерно год назад. У нее же было слабое сердце. — Тор пытался сделать историю короче. — Элисса осталась во дворце после того, как стала свидетельницей забивания меня камнями. Лорис в нее влюбился. — Тор понимал, что у него не очень хорошо получается. — О-о, Свет, вероятно, я запутал тебя еще больше.

Кайрус очень медленно кивнул, затем покачал головой:

— Подожди, давай помедленнее. Что ты имеешь в виду, говоря, что тебя забили камнями?

Теперь все сделали резкий вдох. Значит, на объяснения потребуется гораздо больше времени.

Рубин переводил взгляд с родителей на опекуна, сбитый с толку и озадаченный. Его спас Клут: «Пошли, Рубин. Прогуляешься с нами с Солианой и заново познакомься с Сердцем Лесов».

«Буду очень рад».

«Кайрусу нужно многое узнать. Пусть они ему все расскажут, а потом они все к нам присоединятся, — мягко произнесла Солиана. — В любом случае, я хочу, чтобы ты какое-то время был только моим».

Рубин улыбнулся и запустил руку глубоко в серебристый мех волчицы, его Паладина, и вместе с соколом на плече отправился вглубь Сердца Лесов. Небесные Огни ярко горели и плясали вокруг него.

## Глава 21

### Путь на север

Фиггис и Темезиус проговорили до раннего утра и узнали, как оказались в этом мире. Их истории были живописными, до этой встречи пришлось преодолеть немалый путь. Когда Гидеон, наконец, зашевелился, они предложили ему выпить воды. Друзья рискнули поставить его на ноги, и только что выпитая вода выплеснулась наружу. Пришлось вытащить его из шатра на тот случай, если парня снова начнет рвать, и это оказалось мудрым решением: очень скоро Темезиусу пришлось держать его над кустами. Двум взрослым людям было жаль своего молодого подопечного.

— Твой рассказ впечатляет, — заявил гигант, перекрикивая шум, издаваемый Гидеоном. — Столько испытаний для такого коротышки!

Фиггис уже собирался резко ответить, но тут они внезапно ощутили сдвиг внутри себя. Даже Гидеон, несмотря на ужасное самочувствие, смог выпрямиться.

— Что случилось? — прохрипел он.

«Свершилось», — сказал Фиггис.

«Мы вернулись. Паладины снова вместе. Мы все собрались теперь в этом мире», — с благоговейным трепетом продолжал Темезиус.

Гидеон посмотрел на них обоих.

— Что это значит?

Фиггис легко похлопал его по спине. Он знал, что парень себя ужасно чувствует после выпитого вчера вечером.

«Это означает, парень, что последний из нас, Паладинов, встретился с тем, с кем он связан. И теперь начинается настоящая битва».

Два Паладина задумчиво посмотрели друг на друга, Темезиус послал фразу по каналу

связи, связывающему только их двоих: «Давай его пока не беспокоить. Пусть насладится безмятежностью, пока еще может».

Фиггис кивнул.

— Так, как насчет завтрака? — спросил Темезиус и не мог не улыбнуться при виде выражения лица Гидеона. Мысль о еде вызывала у него отвращение.

Но веселость Темезиуса мгновенно исчезла после того, как все трое услышали голос Торкина Гинта по каналу связи Паладинов: «Гидеон, сынок, ты где?»

Юноша не обращал внимания на головную боль.

«Папа! Я с Фиггисом и одним гигантом, которого зовут Темезиус. Это мой второй Паладин. Мы находимся в одном небольшом городке и направляемся в Бриттелбери».

Отец явно обрадовался, что они целы и невредимы.

«Лаурин?» — позвал Тор. Они все услышали беспокойство у него в голосе.

«Я здесь», — теперь все уловили, как она всхлипнула.

«Это Джуно, — заговорила ясновидящая, чтобы они не слушали плач Лаурин. — В настоящий момент она в безопасности. Но нам нужно ее отсюда вывезти».

«Джуно, это мать Лаурин. Что он собирается с ней делать?»

Тревога Элиссы была очевидна, и ей ответила Лаурин, которой очень не хотелось, чтобы ее посчитали трусихой, несмотря на настоящий страх, который она испытывала.

«Это ловушка, — сказала девушка. — Он использует меня, чтобы заманить вас в Кипрес. Никто из вас не должен приезжать».

«А он знает, кто ты?» — перебил отец.

«Что я — твоя дочь? Да».

«Но он знает, что ты собой представляешь?» — настаивал Тор.

«Если ты имеешь в виду, знает ли он, что я — одна из трех детей и часть Троицы... Нет, не думаю. Ни Троица, ни Триединство ни разу не упоминались».

«Ты молодец. Не теряй духа. Ничего ему не говори. Он не принесет тебе зла. Ему нужен я, дитя».

Тору не нравилась ложь, которую он говорил собственной дочери. Он считал, что Орлака совершенно не волнует, кому он принесет боль, если он отомстит таким образом тому, кто являлся предметом его ненависти. Элисса тоже это знала и отвернулась от Тора.

«Лаурин, мы приедем за тобой, — сказала она и продолжала говорить дальше, несмотря на возражения дочери. — Джуно, обезопась ее».

«Подождите!» — крикнула Лаурин, отчаянно желая сообщить им всем о родственной связи между Тором и Орлаком. Но ясновидящая уже закрыла канал связи.

— Успокойся, дитя, — сказала она. — Нельзяшний раз рисковать такими разговорами.

Джуно продолжала лить теплую воду на ту, с кем была связана особой связью, чтобы уменьшить ее страх. Женщина-Паладин понимала ситуацию лучше всех. Она знала, что Орлак хочет девушку — с той самой минуты, когда она рассказала о женщине из снов. Чем меньше Лаурин будет сейчас знать, тем лучше для нее. Ей потребуется ясный ум и смелость. А любые разговоры по каналу мысленной связи сейчас только снизят ее решительность.

Гидеон достаточно пришел в себя, чтобы понять: Лаурин в беде.

«Где Лаурин?» — спросил он у отца.

Не было смысла скрывать от него правду.

Фиггис, Темезиус и Гидеон одновременно испытали шок, который другие уже пережили раньше.

«Как это случилось?»

«Слишком долго объяснять. Но дело в том, что она сейчас в ловушке в Кипресе. Мне нужно время, чтобы подумать. Прости, Темезиус, что не приветствую тебя должным образом. Но поверь: я очень рад, что ты с нами. Мы с Элиссой от всей души приветствуем тебя».

«Быть Паладином твоего сына — честь для меня», — напоминающий гром голос

гиганта рокотал очень мягко.

«Что нам делать? Что ты от нас хочешь?» — прозвучал знакомый голос Фиггиса.

«Верните камень побыстрее», — твердо ответил Тор.

«Мы идем пешком. Возможно, до Бриттелбери еще четыре дня пути», — сообщил Фиггис.

«Кошель у Гидеона при себе? Тот, который я ему дала?» — спросила Элисса.

«Мы едва ли к нему прикасались», — ответил парень.

«Купите лошадей, — предложил Саксон. — Вы в каком городе?»

«В Варбине, на северо-западе», — сказал гигант.

«Я знаю этот город, — кивнул Саксон. — Там есть большая конюшня».

«Но не найдется достаточно большой лошади для меня, старый друг», — в голосе Темезиуса слышалась искренняя теплота. Он был явно привязан к Саксону.

«Ну, тогда купите повозку и двух лошадей. Вам нужно, по крайней мере, в два раза быстрее преодолеть весь путь. Если большую часть пути скакать галопом, то от Варбина получится не больше дня пути. Конечно, придется ехать от восхода до заката. Но это будет один день!»

«Сообщите нам, когда камень будет у вас, — сказал Тор. — И поторапливайтесь!»

«А вы оба где будете?» — спросил Гидеон, имея в виду мать и отца.

«Разбираемся с одним типом, который и без того уже слишком долго задержался в этом мире», — ответил отец.

После этого канал мысленной связи закрылся.

Темезиус почесал бороду, не поняв ответ Тора, потом увидел, что и его спутники тоже поставлены в тупик. В любом случае, они получили задание, и он решил, что лучше немедленно трогаться в путь.

— Думаю, так мы вполне можем пропустить завтрак, Гидеон.

Он увидел, как парень снова повернулся к дереву, и получил удовольствие от гневного взгляда Фиггиса.

Тор осмотрел ряд людей перед собой. Судя по выражениям лиц, все от него что-то ждали. И число ожидающих явно увеличилось. Взгляд темно-голубых глаз Тора остановился на Рубине, который, как и следовало ожидать, сидел между Кайрусом и Солианой. Это было правильно, но ощущалась боль Элиссы, которой очень хотелось крепко прижать мальчика к себе — и не отпускать.

«Прости, что я не сказал им о твоём появлении», — сказал он так, что его услышал только Рубин.

«Скажешь, когда придет время», — ответил сын. По его выражению лица ничего понять было невозможно.

На этот раз Тор почувствовал другую боль. Он понял, что хотя Гидеон самодостаточен, а Лаурин более зависима, эти двое детей уже близки ему. Оба умеют общаться с людьми. Они открыты для общения, настроены дружелюбно. Рубин же отличался от брата и сестры. Да, Тор не провел никакого времени с сыном, но, тем не менее, уже чувствовал — это независимый, выдержанный и хладнокровный парень. Отец обратил внимание на то, как удобно сидит сын. Его движения были очень четкими и экономичными. Он не бросал слов на ветер, особо не демонстрировал эмоций. Тор попытался определить его характер одним словом.

Клут словно прочитал его мысли: «Очень сдержанный, не правда ли?»

Вот оно. Сдержанный. Рубин делил свою жизнь только с Кайрусом, и здорово походил на бывшего прайм-офицера.

«Как ты считаешь, с ним все будет в порядке?» — поделился Тор страхами с другом.

«Давай дадим ему свободу. Он не смог насладиться роскошью жизни с тобой в Сердце Лесов, как Гидеон и Лаурин. У вас троих был тот спокойный период, когда вы познакомились друг с другом. А бедного ребенка бросили драконам на съеденье, если так можно выразиться».

«Мне очень не нравится, что ты всегда прав, Клут».

«Да, я знаю. Для меня это тоже тяжкий груз».

В более счастливые времена они бы над этим посмеялись. Клут очень любил себя хвалить. Но никто из них двоих не мог себе этого позволить сегодня.

«Гот», — только и сказал сокол. Одно слово. Но оно говорило очень многое.

«Да».

«Ты подумал над словами Саллементро?»

«Да».

«И что?»

«Ты знаешь эти горы, не правда ли?»

«Я — брокен в душе. Я не забыл ни один из перевалов и ни одну из троп. А со зрением сокола мне будет нетрудно найти то место».

«Что ты думаешь?»

«Думаю, что будет быстрее воткнуть ему нож в горло здесь и сейчас, но справедливее проделать этот путь».

В эту минуту Кайрус открыл канал связи с Тором и Клутом: «Если бы я любил играть в азартные игры, то мог бы выиграть много денег, поставив на свою догадку о том, что вы сейчас обсуждаете. Готов поспорить: это Гот».

«Ты прав», — ответил Клут.

«Позвольте мне поделиться своими мыслями, хотя они могут показаться вам ничемными?» — спросил бывший прайм-офицер.

«Мы будем рады», — ответил Тор. — Ты — солдат и лучший стратег среди нас».

«Спасибо, — Кайрус улыбнулся, вспоминая о славных днях. — Предложение Саллементро требует немалых усилий. Вероятно, это еще и опасно, но я считаю, что наказание станет справедливым делом. Гот не заслуживает дальнейшей жизни. Он виновен в ужасных грехах даже в мое время, и я даже не позволяю себе представлять и гадать, что он натворил в последние годы. Я рекомендую следующее. Вам с Элиссой следует отвезти Прокаженного в то место, о котором говорил музыкант, и раз и навсегда покончить с этим незавершенным делом. А я отправлюсь за вашей дочерью».

«Но Орлак ждет меня», — предупредил Тор.

«Конечно, ждет. Он намерен заманить тебя приманкой, за которую, как он знает, ты ухватишься. Поэтому не делай этого. Если не поедешь, то это не трусость, а мудрость. Я не провалюсь и привезу ее назад к родителям».

Тор задумался над этим предложением.

Первым заговорил Клут: «Мы должны защищать тебя любой ценой, Тор».

«Но опасность-то угрожает моей дочери!»

«Мы это знаем, — мягко сказал Кайрус. — Но мы не должны играть на руку Орлаку. Если ты к нему не приблизишься, это будет означать, что ему придется идти к тебе. Я и в самом деле считаю, что Троица должна оставаться в Сердце Лесов, чтобы добиться поставленной перед ними цели. А ты — Тот Самый. Мы все защищаем тебя. Несмотря на всю преданность тем, с кем мы связаны, спасти мы в первую очередь должны Торкина Гинта».

«Откуда ты это знаешь?»

«Я не знаю. Называй это солдатской интуицией».

«Я согласен с Кайрусом, — вставил сокол. — Нам следует придерживаться изначального плана и сделать тебя приманкой, на которую клюнет Орлак — и придет к нам».

Тор решил, что все должны слышать их обсуждение: «Саксон, Элисса...»

Они оба ответили, и Тор пересказал им предложение Кайруса.

«А Рубин?» — спросила Элисса и нахмурилась.

«Отправлюсь с Кайрусом, — ответил он сам. — Я могу помочь».

Элисса была категорически против.

«Нет! — воскликнула она. — Тогда Орлак и тебя захватит. Я этого не позволю».

Она в отчаянии посмотрела на Тора, умоляя его согласиться с ней. Но он не мог. С какой стороны ни посмотришь, Кайрус рассуждал здраво, а разлучать парня с его защитником и Паладином теперь было бы сумасшествием. Каждому требовались защитники.

«Рубину следует оставаться рядом с Кайрусом. Мы не можем отделить его от обоих Паладинов».

Тор увидел отчаяние на лице жены, но заставил себя не обращать на него внимания.

— Вот мой план, — объявил он вслух, и все стали слушать его с полным вниманием, включая Гота, который пришел в себя. Правда, он лежал у дерева, привязанный к нему ветками. Подумать только! Чем больше Инквизитор извивался, пытаясь вырваться, тем больше боли пронизывало его тело, и тем крепче ветки обвивали Прокаженного. Но он слушал Тора.

— Кайрус и Рубин отправятся в Кипрес. Я надеюсь, что они встретятся с королем и отрядом Херека. — Он повернулся к кипреанкам, которые все эти часы вели себя очень тихо. — Хела, могу я попросить тебя их сопроводить? Ты хорошо знаешь город, а что еще важнее — тебе знаком дворец. Твоя помощь будет неоценима.

Она кивнула:

— Конечно. А Сэйрел?

— Я хочу вернуться в Кипрес, — твердо заявила королева.

— Пока рано, Сэйрел, — посоветовал Тор. — Давай вначале обезопасим твой трон. Сейчас мы не можем тобой рисковать.

— Нет риска, — сказала она хотя и вежливо, но твердо. — Если узурпатор придет по следу в Сердце Лесов, то забудет про Кипрес. Он ему сам по себе не нужен. Но это моя страна. Там живет мой народ. Я вернусь и предъявлю претензии на трон. Узурпатор уедет, а вы, я уверена, сделаете все, чтобы он в Кипрес не вернулся. Мне предсказывали в снах, что ты, Торкин Гинт, защитишь мой трон. Я верю тебе и больше не собираюсь уклоняться от своих обязанностей и прятаться в другой державе.

Это были слова истинной королевы. Тор прищурился, обдумывая темпераментную речь девочки. Тем временем Элисса заметила, как Рубин все чаще поглядывает на Сэйрел. Это были многозначительные взгляды. Мать почувствовала облегчение. Колесо жизни продолжало вертеться, любовь и страдания продолжали существовать независимо от того, что происходит в мире. Вот сидит ее сын, вокруг говорят о сражении, смерти и борьбе, а его, похоже, в эту минуту интересует только то, что сердце стало биться быстрее при виде юной девушки.

Потом Элисса посмотрела на королеву и отметила, как уверенно та сжимает челюсти. Во взгляде явно читалась целеустремленность, а держалась она по-королевски. И все же, Сэйрел еще так молода!

Элисса покачала головой и снова обратила внимание на Тора.

— Хорошо, Сэйрел, — сказал он. — Это твой выбор. Пусть Свет ведет тебя назад к трону и хранит тебя на всем пути.

Он увидел, как победно загорелись ее глаза. Сэйрел была права, желая исполнять свой долг. Она очень походила на мать. Ей судьбой предначертано стать сильной правительницей, но одновременно — совестливой и преданной своему народу. Тор надеялся, что она установит и будет поддерживать тесные связи с Таллинором. Два молодых монарха... Если кто и способен повернуть ход истории, так только они.

— Рубин, в таком случае мы рассчитываем на тебя. Ты будешь защищать королеву Кипреса во время предстоящего путешествия.

Тор специально это сказал, заметив большой интерес, который его сын проявлял к Сэйрел. Рубину обязательно нужно дать задание, иначе он почувствует себя еще более отделенным от остальных. Не следовало так рисковать.

На лице Рубина почти ничего не отразилось. Он выслушал указания отца и тщательно подобрал слова для ответа.

— Я буду считать это честью, — сказал юноша, повернулся к королеве и слегка

склонил голову.

Она впервые заметила его... а может быть, и нет. Элисса уловила застенчивую улыбку, отправленную Рубину, которая что-то обещала.

«Свет! Да это же кокетка в детском теле», — прошептала Элисса по каналу связи, соединяющему ее с одним только Тором.

«Она молода, признаю, но больше не ребенок, любовь моя. И Сэйрел много на себя берет, не имея опыта. Я думаю, что она прекрасна. Она отлично подойдет Рубину», — ответил он и послал жене улыбку, зная, что сказанное им вызовет у Элиссы большое раздражение.

«А как насчет Локки? Разве ты не заметил, как он на нее смотрел? А его последний взгляд?»

«Сейчас я не могу об этом думать, любовь моя. Нам нужно обеспечить сохранение жизни им всем, и пусть они сами разбираются со своими сердцами».

Сказано это было мягко, и Элисса больше ничего не спрашивала. Тор повернулся к Арабелле.

— Мы с Солианой останемся, как и всегда. Саллементро, может, и ты решишь составить нам компанию и развлекать нас, пока мы нервно ждем возвращения наших любимых? — спросила Арабелла.

Музыкант посмотрел на Элиссу. Она пожала плечами, но смотрела по-доброму. Так она говорила ему, что решение должен принимать он сам. Саллементро беспокоился. Если он останется, это может показаться трусостью, но отправляться в путешествие казалось сумасшествием. Что ему делать? Петь весь вечер так, чтобы их всех усыпить? Его спас Саксон:

— Сал, оставайся. Ты не борец. И наверняка нужно, чтобы кто-то из нас остался в Сердце Лесов на случай, если потребуется какая-то подготовка, — сказал Саксон, улыбнулся и поднялся на ноги. — Я схожу кое-что собрать. Думаю, мы тоже куда-нибудь направляемся?

Тор перешел на мысленную связь, поскольку не хотел, чтобы Гот подслушивал. А бывший Главный Инквизитор, судя по всему, наконец-то стал обращать внимание на происходящее.

«Саллементро прав. Нам следует позволить людям, подвергнувшимся преследованием, решать судьбу Гота. Мы с Элиссой в сопровождении Саксона и Клута отведем Прокаженного в то место в горах, и там с ним разберутся. А потом вернемся в Сердце Лесов так быстро, как только сможем. И мне нужно, чтобы и остальные возвращались побыстрее, — сказал он. Все кивнули. — Кайрус, нам необходимо придумать, как быстро доставить вас туда».

«Это легко, — ответил солдат. — У Рубина есть странная привычка путешествовать среди деревьев. Это трудно объяснить, лучше показать».

«Правда? — спросил Тор и вспомнил тот невероятный случай, когда деревья Сердца Лесов быстро переправили его к Карадуну. — А как далеко ты можешь путешествовать таким образом?»

«По всему Лесу. Мы воспользуемся северо-западной частью, которая доходит почти до Карембоша. Затем купим лошадей на остаток пути до Карадуна, а потом на корабле переправимся в Кипрес».

Саллементро объявил, что привез деньги. Они могут ими воспользоваться.

Элисса наконец высказала то, что беспокоило ее с той минуты, как Тор предложил путешествие в Кипрее для спасения Лаурин.

«Я подумала, что Орлак может узнать Кайруса. Нельзя исключать эту возможность. Он же, в конце концов, из Паладинов, а это означает, что бог его уже видел и сражался против него».

Тору это даже не пришло в голову. Это может нарушить все их планы.

Кайрус потрепал короткую бородку.

«Не думаю, — сказал он. — Женщина из снов, Лисе, приходила ко мне только один раз за все то время, что мы с Рубином находились за пределами Таллинора. В тот раз она рассказала мне о моей роли Паладина и о том, что я уже сражался и проиграл одну битву против Орлака. Я помню, как она сказала, что теперь у меня другая, очень отличная от предыдущей внешность, и что я даже был известен под другим именем. Я рассказываю это вам потому, что считаю: для Орлака я окажусь незнакомцем».

«Ты другой, — признал Клут. — Именно поэтому я и не признал тебя во время нашей первой встречи в Хаттене».

Кайрус кивнул: «Лисе сказала, что Орлак знал меня, как Джерома Кайрусона. Так звали моего пра-пра-пра-Дедушку и, предполагаю, имя изменилось на Кайрус».

Они распрощались. Элисса крепко прижалась к Рубину, и он это позволил, чувствуя ее отчаяние — ведь ей так скоро снова приходится его терять. Тор мало говорил, но одного взгляда на Кайруса хватило, чтобы получить ответ по каналу связи, соединяющему только их двоих.

«Я приведу твою дочь назад... как и твоего сына. Они вернутся в Сердце Лесов. Или я умру, пытаясь это сделать».

Эти слова слышал только Тор и кивнул Кайрусу.

Теперь они все собрались вокруг огромного дуба. Все были заинтересованы и хотели посмотреть на необычный способ, которым умел передвигаться Рубин.

— А ты уверен, что мы все сможем путешествовать таким образом? — спросила Хела с сомнением на лице.

Рубин улыбнулся:

— Деревья защитят нас всех.

— А это больно? — Сэйрел разделяла нежелание Халы.

— Нет. Держись за мою руку. Мы будем путешествовать вместе, — предложил Рубин.

Элисса гневно посмотрела на Тора и поджала губы.

«Я вижу, что это путешествие обещает быть интересным», — сказал Кайрус им обоим и поцеловал руку Элиссы.

«Приведи их назад ко мне, Кайрус», — попросила она.

«Если только ради того, чтобы снова поцеловать вас, госпожа», — ответил он и притворился, что сморщился от сурового взгляда Тора.

Рубин взял Сэйрел за руку. Казалось, что ей уже очень уютно в его обществе.

— Мы пойдем первыми. Кайрус, ты сам все знаешь. — Паладин кивнул. Рубин посмотрел на Солиану, но что они сказали друг другу, осталось между ними. — Сделай глубокий вдох, Сэйрел. Вначале в животе будут непривычные ощущения.

Он застенчиво улыбнулся другим и обнял девушку.

Тор очарованно смотрел, как Рубин прижался к огромному дубу и прошептал что-то на странном языке, которого Тор не знал. Все сразу же почувствовали в воздухе волшебство, а потом пораженно наблюдали, как ветки дуба опустились и обняли пару. Когда это случилось, создалось впечатление, будто Рубин с Сэйрел тают, а в следующее мгновение они исчезли, поглощенные дубом.

Все одновременно резко вскрикнули в удивлении, потом воцарилась тишина. Через некоторое время все посмотрели на бывшего прайм-офицера.

— Думаю, что пришел наш черед, Хела, — сказал он и элегантно протянул руку, за которую она взялась.

— Пусть Свет ведет тебя, Кайрус, — пожелал Тор перед тем, как снова стать свидетелем такого же процесса.

И эти двое тоже исчезли.

— Невероятно! — пробормотал Саксон.

«В самом деле», — согласился Клут.

Все они направились к месту, где Гот был плотно примотан к дереву. Он не видел, как исчезла первая группа.

— Может, дадите пить? — прохрипел он.

— Можешь умереть от жажды. Мы не будем сожалеть, — ответила Элисса. — Когда отправляемся в путь?

— Прямо сейчас, — сказал Тор. — Саллементро, ты ведь приехал на телеге? Музыкант кивнул.

— Правда, я не знаю, где она, — признался он.

«Я знаю, — вставила Солиана. — Вон там и лошадь Саллементро, и еще две, которые забрели в Великий Лес... Вероятно, они принадлежали солдатам Гота».

— Больше нам и не потребуется, — решил Саксон. — Давайте устраивать нашего пленника.

— Пусть остается связанным на протяжении всего путешествия. Запястья и лодыжки. Я буду сидеть на телеге рядом с ним, — заявил Тор.

— Я не хочу видеть его рядом, — призналась Элисса, глядя на человека, который раньше наводил на нее дикий ужас. — Но хочу посмотреть, как он умирает, — сказала она, поразив себя самой уверенностью в голосе.

Опять прозвучали слова прощания, а затем Великий Лес открыл тропы и направил Саксона, который уселся на козлах, на северо-восток, к горной цепи Роркъяля.

Они быстро продвигались вперед, оставаясь в Великом Лесу, который приведет их прямо в горы. Сердце Лесов теперь осталось далеко позади, и все путешественники, за исключением Гота, остро ощущали эту потерю. Элисса обрадовалась, когда Саксон объявил, наконец, привал на ночь. Клут вернулся, когда уже горел маленький костер, а запах готовящейся еды наполнял воздух. Сокол только что поел и стал чистить перышки, прислушиваясь к тихим разговорам. Во время всего пути птица летела высоко над землей, но пока ничего не высмотрела.

Путешественники следовали по редко используемой дороге. Больше на ней никого не было. Лишь немногим людям требовалось попасть в неизведанные, труднодоступные горы, и еще меньшее количество чувствовало себя нормально в Великом Лесу. Сокол обратил внимание, что Гот угрюмо молчит и отказывается от еды. Ну и пусть. Клут надеялся, что бывшему Главному Инквизитору удастся продержаться на внутренних резервах достаточно долго, чтобы живым попасть в руки Чувствующих.

— А ты когда-нибудь задумывался, куда отправляют этих людей? — спросил Саксон, когда Тор протянул ему кусочек жареного зайца.

— Вот хлеб, — предложила Элисса, отрывая кусок от буханки, которую они нашли на телеге. Все уже научились не удивляться тайнам Сердца Лесов.

Тор осторожно жевал кусок горячего мяса.

— Я думал, что все они умирают, — признался Тор. — Я не знал, что часть остается в живых.

— Я считаю, что и все так думали, — согласилась Элисса. Саксон развернулся и пнул Гота. От этого удара бывший Главный Инквизитор поморщился. У него все болело.

— А ты, Гот?

Прокаженный что-то буркнул себе под нос.

— Ты знал, что их куда-то отвозят?

— Да, — кратко ответил он, но не стал ничего объяснять.

— А по чьему приказу? Наверняка, не по твоему? — Тор даже моргнул в неверии. Он не мог представить, чтобы Инквизитор думал о жизни людей, которых подвергал пыткам.

Гот молчал, но снова застонал после того, как его «подбодрил» Саксон, ткнув носком ботинка в бок.

— По приказу короля, — процедил Прокаженный сквозь боль.

Элисса покачала головой:

— Зная Лориса, я не верю, что он когда-либо приказывал применять пытки. Думаю, мы с уверенностью можем предположить, что это придумал Гот, и сам всем занимался. Что касается обуздания способностей Чувствующих, то да, Лорис оправдывал это, поскольку

вырос, считая этих людей опасными. Он был за то, чтобы на них надевали специальные уздечки, лишавшие их возможности творить волшебство. Такое трудно понять, но полагаю: даже если он и знал о пытках, то научился их не замечать. Это странно противоречит отношению короля к людям вообще, но, боюсь, это очень сложный вопрос.

Клут слушал с большим интересом, и теперь решил подключиться к обсуждению.

«Я думаю, что Элисса права. Лорис не мог отделаться от страха, идущего с древних времен. Его научили вести себя так. Вероятно, королю вдолбили, пока он еще был ребенком, что все Чувствующие — зло. Но одно то, что он отдал приказ отправлять этих людей в убежище в Роркхеле, показывает, как ему было трудно поддерживать их преследование».

— Вот именно! Спасибо, Клут! — сказал Элисса, с отсутствующим видом жуя кусочек хлеба. — И я давно думаю о последних словах короля. Тор, ты помнишь то странное послание, о котором я тебе рассказывала? То, которое он отправил мне перед смертью? В то время я его не поняла.

Тор пожал плечами.

— Я помню, — сказал Саксон, вытирая рот, запачканный мясным соусом. — Там было что-то о свободе твоему народу.

— Все правильно, — кивнула она, напряженно думая. — Это послание все время беспокоило меня, поскольку я не понимала, к чему относится этот личный и хорошо обдуманный приказ. Ведь Лорис мог прислать любую весть. Тем не менее, он выбрал именно эти слова: «Прости меня, моя любовь, за то, что покидаю тебя. Найди свой народ. Освободи их. Спаси Таллинон». Херек сказал мне, что Лорис почему-то знал, что обречен. Этим можно объяснить его желание попросить у меня прощение за то, что оставляет меня, но остального я не поняла.

Тор вытер руки. Он не представлял, к чему приведет этот разговор. Затем посмотрел на Гота, в глазах которого снова горела ненависть, а лицо постоянно дергалось. Элисса продолжала говорить:

— Теперь я считаю, что Лорис велел мне найти этих Чувствующих. Когда он ссылался на мой народ, он имел в виду тех, кто обладает такими же волшебными способностями, как и мы.

Тор кивнул:

— Да, теперь это имеет смысл, раз мы знаем, что люди, выжившие после жестоких пыток Гота, живут дальше, и все вместе обустроились в горах.

Элисса почувствовала победу.

— Как жаль, что Лорис не сказал мне больше!

«Я думаю, что это была своего рода исповедь, — задумчиво произнес Клут. Все посмотрели на него, устроившегося на ветке. Сокол уже почистил клюв и когти, и на них не осталось и следа лесного голубя, которого он так ловко поймал в полете. — Знаете, человек, который предвидит свою смерть, часто ощущает необходимость избавиться от своих тайн... и грехов».

Элисса кивнула.

— У тебя очень мудрый сокол, — сказала она Тору, сооружая себе удобную подушку из плаща.

Они заснули. Гот спал беспокойно и дергался от боли. Сны видела только Элисса, впервые услышав голос Лисе: «Как я предполагаю, ты меня ждала?»

«На самом деле, нет», — Элисса почувствовала облегчение, но заодно и злость, поскольку пришло, наконец-то, и ее время. Это было странное сочетание эмоций.

«Почему?»

«А с чего бы вдруг? На протяжении стольких лет ты разговаривала со всеми, кроме меня. Поэтому относительно тебя я ничего не предполагаю».

«Но ты рада, что я пришла?»

«Да».

«А скажешь мне, почему?»

«Чтобы я могла тебе объявить, насколько презираю тебя и твое манипулирование людьми, которых я люблю».

Последовало молчание. Элисса отказывалась его нарушать. Она заставит Лисе заплатить (пусть и такую небольшую цену) за то, что та управляла всеми, кто по-настоящему волновал Элиссу. Молчание затягивалось, и женщина решила, что дама из снов ушла. Тем не менее, она намеревалась пока не издавать ни звука — просто ждать, прислушиваясь.

«Наверное, я это заслужила», — произнесла, наконец, Лисе.

«И не только это, а гораздо большее. Люди умирали по твоей милости».

Лисе сочла это несправедливым, но решила не спорить. Она знала, что Элисса все равно выскажется.

«Это было необходимо. Однако по доброй воле я никогда бы на это не пошла».

«Врешь! Уходи, Лисе. Рассказывай сказки Тору и всем остальным, кто тебя слушает».

«Твоим детям угрожает большая опасность».

«Но не из-за меня, а из-за тебя и того, что ты заставляешь их делать».

«Разве ты им не поможешь?»

«Я буду помогать им так, как только умею. А ты помогаешь только достижению своих целей. Для тебя совершенно не играет роли, выживут люди или погибнут».

«Это суровое обвинение».

«Ты его заслужила. Я тебя ненавижу».

«Могу я тебе что-то показать?» — Тон и тема изменились. Элисса этого не ожидала.

«Нет, я хочу, чтобы ты оставила меня в покое. Забирайся в сон к Саксону... или Клуту. А еще лучше пошли Готу кошмар, который он заслуживает».

«Я хочу тебе показать, почему твои дети играют для меня огромную роль».

«Я не хочу иметь с тобой никаких дел. Оставь меня в покое. Дай мне пожить спокойно. От меня ты не получишь прощения или оправдания».

«Я не ищу ни прощения, ни оправдания. Я хочу тебе показать, кто ты».

Это привлекло внимание Элиссы.

«Я и так знаю, кто я».

«Правда?»

Элисса колебалась. Лисе поняла это по ее дрожащему голосу.

«Я... да»

«Пойдем, дитя. Это гораздо важнее твоей ненависти».

«Куда?»

«Следуй за мной».

И Элисса последовала. Она позволила поднять себя ввысь — к Лисе, которую так и не видела.

Они путешествовали у нее в сознании, и женщина увидела рождение ребенка. Это был мальчик. Его передали матери, красавице с соломенными волосами, — но лишь ненадолго. Мать горько плакала, когда ребенка у нее нежно забрал очень высокий темноволосый мужчина с яркими голубыми глазами. Волосы у него вились волнами. Он сразу же показался Элиссе знакомым, но эта мысль тотчас же исчезла. Она больше его не видела — только его руки, протягивающие ребенка какой-то женщине. Лицо женщины прикрывал капюшон плаща.

— Возьми его, — сказал мужчина.

— А вы уверены, что это правильно? — спросила женщина. Мать продолжала горько плакать.

— Теперь уходи, — проговорил мужчина, и женщина с прикрытым лицом ушла.

Видение затуманилось.

«Куда она его забирает?» — спросила Элисса, беспомощная, но заинтригованная.

«Смотри дальше».

Видение прояснилось, и теперь Элисса наблюдала за женщиной в плаще на пыльной дороге. Она шла по ней, приближаясь к небольшой деревушке. Место оказалось знакомым

— настолько, что по спине пробежал холодок.

«Гладкий Луг», — прошептала она.

Лисе ничего не сказала.

Элисса продолжала наблюдать за женщиной с младенцем. Она вошла в Гладкий Луг, свернув с основной дороги на Тал, и направилась к гостинице. Элисса не хотела верить происходящему перед ее глазами.

«Я не хочу на это смотреть».

«Ты должна».

Элисса задержала дыхание. Женщина приблизилась к прекрасно знакомой двери и вошла внутрь. В помещении у стола стояла другая женщина, которая готовила еду и в эту минуту что-то помешивала. Элисса почти почувствовала восхитительный аромат, потому что знала, кто стоит у стола. Повариха повернулась, и стал слышен разговор.

— Знаешь, я не позволю, чтобы кто-то только клевал приготовленную мной еду, — прозвучал знакомый голос. — Что это такое? Давай мне ребенка и ешь мясо. И учти: ничего не оставлять. Ты и так слишком худая.

Словно получив сигнал, ребенок заплакал. Повариха не стала ждать, когда ей его передадут. Вместо этого она сама протянула руки, забрала ребенка из рук женщины и исчезла с ним. Когда она вернулась через какое-то время, посетительница уже закончила еду. Ребенок спал и был доволен.

Элисса услышала объяснения Поварихи. Та сказала, что одна из деревенских девушек только что родила младенца, и у нее достаточно молока для еще одного рта. Элисса также обратила внимание, что ребенка пока не передали посетительнице, которая скинула капюшон, но сидела, повернувшись спиной.

А затем Элисса в удивлении прослушала историю о том, как у нее появился ребенок. Это было вранье. Повариха же, эта милая полная женщина, слушала очень внимательно, переживала все больше, а глаза у нее округлялись. Потом она заплакала, узнав от посетительницы, что родители ребенка погибли в огне, и его не захотел взять никто из родной деревни.

«Прекрати это!» — закричала Элисса, но дама из снов не обращала на нее внимания.

Элисса попыталась закрыть глаза, но они не слушались. Вместо этого она видела, как повариха склонилась вперед и предложила женщине оставить ребенка ей. Та мгновенно согласилась.

Повариха сняла передник и, держа ценного ребенка одной рукой, вывела женщину из гостиницы. Элисса хотела ернуться, но не могла. Она не хотела видеть, к какому дому направляются две женщины, разговаривающие тихими голосами. Но потом она все равно увидела знакомое здание в конце деревни, в окружении красивого сада. Это был довольно счастливый дом, хотя в нем никогда не слышался детский смех. Там жил странствующий писарь, который неплохо зарабатывал. Он много работал, чтобы обеспечить надежную крышу над головой себе и жене.

У Элиссы закружилась голова. Она попыталась заговорить с Лисе, но знала, что это бесполезно. Дама из снов хотела, чтобы она просмотрела все видение до конца, каким бы оно не было, поэтому пришлось справиться с тошнотой и смотреть, как Джион Гинт обнимает свою полную жену Аилсу и улыбается ребенку, которого та держит в руках. Он приветствовал незнакомку, которая уже спешила. Она заявила, что нужно быстрее отправляться в Тал, а ребенок и так ее задержал, и из-за него она уже потеряла какие-то деньги. Семейная чета улыбнулась, они еще поговорили с незнакомкой о каких-то незначительных вещах. Наконец, женщина опустила руку в карман и извлекла оттуда небольшой завязанный мешочек.

Она протянула его Джиону Гинту и сказала, что его следует передать мальчику, когда «придет время». Они спросили, когда это будет, но незнакомка только отмахнулась и встала, собираясь уехать.

— Вы сами поймете, когда придет время, — сказала она. — Позаботьтесь об этом

славном малыше. Его зовут Торкин.

С этими словами она повернулась, и Элисса впервые увидела лицо женщины. Оно теперь не было скрыто капюшоном. Элисса резко выдохнула и подумала, что кричит, только ее крик никто не услышал.

Элисса отчаянно пыталась проснуться, но все еще жила во сне и наблюдала, как видение становится туманным и исчезает. А за ним появилось следующее.

Теперь Элисса смотрела на деревенский луг. У нее перехватило дыхание. Это был Мятный Дол. Танцевали старые девы, собрались мужчины из соседних деревень. Она увидела своего отца. Все ее тело содрогнулось от рыданий, так захотелось расплакаться при виде него! Он был молодым и гордым. Некрасивый мужчина — но хорошо сложенный, крепкий, с веселой улыбкой.

Он был умен и постоянно шутил, остальные молодые парни смеялись. Его светлые волосы песочного цвета были аккуратно перехвачены ремешком, лицо чисто выбрито. А пока он смеялся с друзьями, его глаза неотрывно смотрели на женщину, которая находилась слишком далеко, и Элисса не могла ее узнать. Она видела золотистые волосы цвета меда, заплетенные в две косы и украшенные цветами. Наконец, женщина бросила букет, и Лэм Квин смело сражался со всеми, кто хотел поймать эти маргаритки.

Элисса снова вскрикнула при виде следующей сцены. Ее отец стоял перед домом, в котором она сама прожила пятнадцать лет. Она даже увидела старую яблоню, к которой ее приятельница Сорель привязывала Кетая.

Затем она оказалась внутри дома и увидела повитуху, которая помогала женщине, предположительно ее матери, вытолкнуть ребенка. Элисса видела только бедра женщины, покрытые потом. Она часто и судорожно дышала между схватками. Повитуха была высокой, крупной женщиной и закрывала собой мать Элиссы.

Элиссе хотелось ее оттолкнуть, но она не могла этого сделать. Она могла только ждать и надеяться, что ей позволят увидеть мать, которую она никогда не знала.

Кажется, Элисса расплакалась во сне. Она знала конец этой истории. Мать умрет, а она сама выживет. Она почувствовала укол старого чувства вины, в горле стоял ком, она плакала, умоляя Лисе освободить ее от этого видения. Но женщина из снов не обращала на мольбы внимания.

«Ты должна это увидеть, дитя», — сказала она.

Элиссе показалось, что у дамы из снов тоже стоит ком в горле. И ее тронуло происходящее?

Мать начала кричать и пыталась вытолкнуть из себя ребенка. Потом вместе с потоком крови появился крошечный, идеально сложенный младенец. Девочка тут же начала плакать, и повитуха, не теряя времени, обрезала толстую нить, соединяющую Элиссу с матерью. Когда нож резанул по пуповине, Элиссе показалось, что она услышала крик Лисе.

Элисса снова смотрела на мать. У той началось сильное кровотечение. Повитуха что-то крикнула, и Лэм Квин вбежал в дом. Не было времени радоваться рождению дочери, которую поспешно завернули в пеленку и сунули ему в руки. Ему сообщили, что у жены очень сильное кровотечение.

— Сомневаюсь, что она выживет, — деловито заявила повитуха.

Интересно, все повитухи такие бесчувственные? — задумалась Элисса. Неужели они все настолько лишены эмоций и не замечают чувств других людей, которые борются за жизнь и рожают детей?

Похоже, эта повивальная бабка совершенно ничего не чувствовала. Вскоре она прикрыла истекающую кровью мать простыней и сказала Лэму Квину, что больше ничего не может сделать.

— Ваша жена умирает. Дайте мне ребенка... Пусть пососет молочка, пока у матери не остановилось сердце. Сердце слабое, — заявила повитуха, желая забрать дитя из рук отца, который с неудовольствием и неверием смотрел на крупную женщину. — Вам лучше с ней попрощаться, — предупредила повитуха. — Вашей жене недолго осталось в этом мире.

«Все правильно», — думала Лисе, у которой по щекам текли слезы. Она чувствовала боль и вину, наблюдая за тем, как ее взрослая дочь переживает всю агонию.

Элисса услышала тихий вздох, и Лэм Квин стал снова и снова произносить имя жены. Он даже потряс ее и едва успел подхватить ребенка, когда девочка отвалилась от груди матери.

Он схватил дочь одной рукой, обнимал мертвую жену другой и одновременно рыдал, точно также, как рыдал на протяжении многих лет. Эти рыдания многократно слышала Элисса. Эти были слезы безутешного мужчины. Они прожили с женой всего десять месяцев.

А теперь жена умерла. Осталась только оболочка, вымытая и выложенная для прощания. Женщина лежала в постели, с цветами в волосах, одетая в мягкое кремовое платье.

Наконец, люди расступились, и Элисса смогла впервые увидеть мать. Она была красива, но неземной красотой — начиная от бледной безупречной кожи до тени улыбки на мертвых губах.

Это была та женщина, которая привезла Торкина Гинта в Гладкий Луг.

Видение исчезло, и снова воцарилась тишина. Элисса тяжело дышала, голова напряженно работала. Она снова и снова возвращалась к одному и тому же месту, к одной женщине. Одной мысли.

«Женщина, которая принесла Тора его родителям, была моей матерью?»

Ответ прозвучал не сразу.

«Сны не лгут», — наконец сказала Лисе.

«Но тогда эта женщина... ты», — это прозвучало не как вопрос, а как утверждение, произнесено ровным тоном.

Элисса услышала, как Лисе еще раз вздохнула. В этом вздохе чувствовалось огромное сожаление: «Да, дитя. Мы с тобой мать и дочь».

«Нет. Этого не может быть. Если моя мать мертва, то как ты можешь быть женщиной из снов, которая разговаривает с нами?»

«Потому что твоя мать, Элисса, никогда не была простой женщиной. Мою бабушку звали Лисандра. Я взяла это имя, когда проходила между мирами, чтобы войти в Таллино́р».

Лисе ждала. Этот момент будет самым сложным из всех для ее дочери.

«Что ты имеешь в виду под «между мирами»? Кто ты?»

«Ты знаешь, что я Лисе. Теперь ты знаешь, что я твоя мать, и ты должна принять правду. Я также Хранительница Миров».

«Богиня! — воскликнула Элисса так громко, что дама из снов удивилась. — Моя мать — богиня?»

«Твой отец этого никогда не знал».

Элисса несколько раз глубоко вдохнула воздух, чтобы успокоиться.

«Должна ли я понимать, что все, начиная с брака с моим отцом и до смерти при деторождении было частью твоего плана?»

«Мне очень жаль, но это так».

Элисса не могла этого выдержать, не могла всего этого понять. Это было уже слишком. Она начала кричать. Дама из снов пыталась ее успокоить, но у нее ничего не получалось.

«Оставь меня! Убирайся из моей головы!..»

Элисса проснулась, дрожа в прохладном утреннем воздухе. Она вся была покрыта потом. Женщина встала и долго трясла головой, чтобы избавиться от прикосновения Лисе. Затем она отошла от лагеря. Светало. Элисса не могла находиться среди других. Ей требовалось подумать... в одиночестве.

## Глава 22

### Правда раскрыта

Лаурин вымыли, привели в порядок и одели в простое по фасону платье, но из очень

тонкой дорогой материи. Волосы расчесывали, пока они не заблестели, потом заплели в одну косу. Девушка была чистой и опрятной, но нервничала. Что произойдет теперь?

Джуно прижала палец к губам.

«Мы вскоре увидимся. Сейчас я должна пойти к нему».

«Адонго?»

«Мы будем рядом. Попытайся сохранять спокойствие. Считай пока эти покои своими.»

Когда Джуно покинула Лаурин, девушка нервно вышагивала из стороны в сторону. Теперь они все не представляли, что их ждет, и сердце у нее учащенно билось.

Джуно раздумывала, что хочет Орлак от этой девушки, пока быстро шла по коридорам, направляясь к его покоям. Ее сразу же пропустили в приемную, где она ждала, пока о ее появлении объявят. Потом вернулся слуга и предложил следовать за ним. Четвертый Паладин сделала глубокий вдох и вошла.

Она видела, что Орлак тоже принял ванну. Его золотистые волосы были мокрыми, и он как раз вытирался полотенцем. Он совершенно не стеснялся своей наготы, а Джуно восхитилась его невероятно красивым телом. Оно оказалось идеальным!

Орлак снова напомнил ей скульптуру, но Джуно считала, что ни у одного художника или скульптора никогда не было такого красивого натурщика. Она не признавала, что неотрывно смотрит на него, и была поражена, когда заметила, как он улыбается. Даже его радостная, широкая улыбка была полностью разоружающей.

— Тебе нравится то, что ты видишь, Джуно?

— Э-э-э... Простите меня, господин. Я погрузилась в свои мысли. Я не хотела так бесцеремонно вас разглядывать.

— Не извиняйся. Мне нравится, как ты на меня смотришь. Благодаря этому я верю, что вся твоя холодность надумана, и ты действительно меня хочешь.

Джуно хотелось бы, чтобы она могла покраснеть. Это помогло бы скрыть истинные чувства к молодому богу. Вместо этого она взяла себя в руки и проигнорировала насмешки над собой. А ему явно нравилось насмехаться.

— Вы меня вызывали, господин.

Он вздохнул. Джуно не собиралась сегодня заниматься с ним любовью.

— Пойдем на балкон, — сказал Орлак и кивнул в сторону спальни. — Она спит.

Они вышли на большой балкон Сильвен, который она так любила. Слуги уже накрыли там стол. Орлак обвязал торс чистым полотенцем, сел и стал рассматривать выставленные яства. Джуно присоединилась к нему по его просьбе, но, как обычно, не ела.

— Как девушка? — спросил он.

— Испугана.

— А чувствует она себя хорошо?

— Я сделала все возможное, чтобы устроить ее поудобнее. Могу ли я спросить, откуда она?

— А она разве тебе не сказала?

Джуно покачала головой.

«Она врет», — предупредил Доргрил.

«Помолчи!» — ответил Орлак, не сводя глаз с Джуно.

— Господин, она ничего не говорила, пока я ее мыла и одевала. Она молода, и вполне понятно, что ее пугает это новое место, которое она совершенно не знает.

— Понятно. Она что-нибудь сказала?

— Да. Спрашивала меня, что вы от нее хотите. Орлак резко рассмеялся:

— А сама не может догадаться?

Джуно сохраняла спокойствие и старалась не смотреть на Орлака гневным взглядом. Она не должна себя выдать и сделать положение Лаурин еще более опасным, чем теперь.

Орлак пожал плечами.

— Ты заметила в ней что-нибудь особенное, моя всевидящая Джуно?

— Да, господин, — осторожно ответила она. — Похоже, что это женщина из моего

видения.

— Ха! — он радостно хлопнул в ладоши. — Я знал, что ты это поймешь. Она как раз такая, как ты говорила. И ты права: я очень ее хочу.

— Значит, вы это для нее планируете? Она станет вашей, — Джуно подыскивала подходящее слово и наконец нашла, — спутницей?

Орлак кивнул. На его красивом лице также появилось хитрое выражение.

— А Ксантия?

— Тоже моя спутница, — сказал он и добавил: — Когда я так решу.

Джуно решила оставить эту тему. Она презирала Ксантию и знала, что появление Лаурин принесет проблемы.

— Могу ли я спросить ее имя и откуда она? Это может мне помочь в общении с ней. Ей нужно расслабиться перед встречей с вами.

Орлак вдохнул запахи цитрусовых деревьев, поднимающиеся из сада вниз. Доносились отдаленные звуки города, начинающего очередной день.

— А Тит с ней?

— Да.

— Хорошо. Спроси у него. Тит знает, кто она.

Джуно встала и поклонилась. Она не могла больше и о чем спрашивать. Орлак для нее закрылся.

— Это все, господин?

— Пока да. Но я хочу, чтобы ты привела ее ко мне сегодня вечером.

Четвертый Паладин не ожидала этого, и ей требовалось очень быстро что-то придумать.

— А это не слишком быстро, господин? — Она произнесла эту фразу так, словно делилась мыслью, а не задавала вопрос и, тем более, не отказывала ему.

Орлак ответил ей точно таким же тоном:

— Думаю, нет. Я считаю, что пришло время превратить ее из девушки в женщину.

Бог услышал рокошующий смех Доргрила внутри себя.

«Как ты ловко...» — сказал дядя.

Орлак почувствовал, как у него самого учащается сердцебиение при мысли о прикосновении к Лаурин. Он не стал обращать внимания на поджатые губы собеседницы.

— Не противоречь мне, Джуно. Я ожидаю увидеть ее сегодня вечером в своих покоях.

— А Ксантия? — Джуно почувствовала раздражение и злилась на себя из-за того, что снова вернулась к этой теме.

— Тебя это совершенно не касается, служанка, — заявила носительница помянутого имени, появляясь на балконе.

— А о ком мы говорим, любовь моя? — проворковала она, обняла мужчину за шею и поцеловала в щеку.

Орлак преднамеренно высвободился из ее объятий.

— О молодой женщине по имени Лаурин. Она сегодня ночью будет спать в моей постели, Ксантия. Пожалуйста, перенеси свои вещи в другое место. Мне в любом случае не нравится, что ты, похоже, обосновалась в моих покоях в мое отсутствие. У тебя есть свои.

Лицо Ксантии потемнело, но недостаточно, чтобы выдать ее чувства. Она повернулась к Джуно и радостно улыбнулась:

### **Пропуск текста (разворот 348–349)**

ри Тора подсказала ей все, что требовалось. Отец упоминал злобную женщину по имени Ксантия, которая ненавидела ее мать. Значит, это она и есть.

Теперь Лаурин приготовилась к встрече с опасностью. Наверняка это — не визит вежливости.

— Меня зовут Лаурин, — сказала она, преднамеренно делая голос резче, и ей понравилось, как он прозвучал. — А вы кто?

Гостья прошла дальше в комнату.

— Ксантия. Женщина Орлака.

Лаурин выдохнула воздух.

— Значит, я ему не понадобится, — ответила она и прошла к окну, чтобы ее от Ксантии отделяло как можно большее расстояние.

— Как бы мне хотелось, чтобы это было так, — сказала темноволосая наложница. — Но, похоже, он тобою очарован.

— Не могу понять, почему, — ответила Лаурин, пытаясь тянуть время и желая, чтобы Адонго ее спас. Пока Паладин стоял молча, наблюдая за обменом фразами.

«Она очень опасна. Не зли ее», — только и сказал он.

— Откуда ты? — спросила Ксантия, приближаясь и продолжая столь же напряженно рассматривать Лаурин. Она напоминала хищницу, выбирающую себе обед.

Девушка отвела взгляд:

— Из Таллинора.

— Поразительно, — выдохнула Ксантия, оказавшись рядом. — Посмотри на меня! — приказала она, и Лаурин разозлилась на себя за то, что на самом деле повернулась и посмотрела, как ей велели.

Теперь они находились всего в нескольких дюймах друг от друга. Ксантия оказалась гораздо выше и смотрела на Лаурин сверху вниз. Разглядывала она ее очень внимательно, а потом случилось то, чего девушка никак не ожидала. Это напоминало удар змеи и произошло очень быстро. Наложница Орлака дала ей пощечину:

— Это за твою мать, сука. Я предполагаю, что ты — дочь Элиссы, потому что ты наверняка не можешь быть ее двойняшкой.

Лаурин все еще пыталась привести дыхание в норму. Ее никогда не били раньше. Она испытала больше, чем шок. Теперь девушку тоже охватила ярость. Значит, это правда. Перед ней та самая злобная женщина, про которую говорил отец.

В Лаурин стали подниматься Цвета. Ксантия нависала над ней с довольной улыбкой на лице, а девушка готовилась нанести ответный удар.

«Не надо!» — закричал Адонго у нее в голове. Он почувствовал, как внутри нее закипает волшебство.

Лаурин остановилась и тяжело дышала.

«Ее защищает архалит. У меня есть предложение получше насчет того, как разобраться с Ксантией».

Канал связи закрылся, и Адонго исчез. Лаурин гадала, какой план он придумал.

— Отвечай мне! — заорала Ксантия.

Лаурин расправила плечи. У нее распустились волосы, а лицо горело в месте удара.

— Я — дочь Элиссы и Торкина Гинта.

Ксантия рассмеялась. Это был смех маньячки, и он подсказал Лаурин, что она стоит перед женщиной, эмоции которой внезапно вышли из-под контроля. Наложница приоткрыла рот, глаза у нее округлились и смотрели дико. Она выглядела безумной, каковой была и на самом деле.

— Я так и знала! Значит, они поженились и родили ребенка. Как мило! И как поживают твои родители, дитя?

— Я не знаю, — соврала Лаурин. — Давно не видела обоих.

Девушка тянула время, гадая, когда вернется Адонго.

— У меня с твоей матерью остались кое-какие счеты. Я должна ей отомстить за старое, — заявила Ксантия. Слова прозвучали, как плевок.

— Понятно, — Лаурин радовалась, что теперь в большей или меньшей степени взяла себя в руки. Она справится с этой женщиной и победит ее.

— Давай считать, что отметка на твоём лице — это только начало того, что тебя ждет.

— Ксантия! — голос прозвучал тихо и спокойно, но обе женщины повернулись — одна с облегчением, другая — в страхе. — Отойди от нее, — велел Орлак.

Ксантия хотела сказать что-то примирительное. Но было слишком поздно. Владеющие

волшебством почувствовали, как Орлак отправил малую частичку своей силы в сторону своей наложницы, но, тем не менее, ее яростно отбросило к стене. Женщина с силой ударилась и со стоном сползла на пол.

Лаурин мгновенно закрылась щитом.

— В этом нет необходимости, — сказал Орлак, двигаясь к ней. — Я пришел не для того, чтобы приносить тебе боль. Позволь мне взглянуть на твое лицо.

Он взял ее за подбородок большой красивой рукой, и Лаурин опять почувствовала, как ее привлекает этот мужчина. Он пугал ее, но его присутствие подавляло. Казалось, что при нем уходит вся решительность. Девушка позволила ему держать себя за подбородок, пока он оглядывал щеку.

— Мне действительно очень жаль, — сказал Орлак и имел в виду именно это а потом очень нежно погладил ее по щеке. — Тит!

— Да, господин? — Адонго поклонился.

— Позови Джуно. Пусть займется лицом и волосами Лаурин.

Орлак так ее и не отпустил. Она чувствовала силу в его теле, которое теперь касалось ее. Он стоял очень близко и внимательно рассматривал ее поразительными фиалковыми глазами. «Это — мой дядя», — сказала она себе и пыталась испытать отвращение, но не могла.

— Сейчас, — произнес Адонго, на самом деле не желая оставлять Лаурин вдвоем с Орлаком.

— И пусть отсюда уберут Ксантию, отнесут в ее покои. Больше ее в мои покои не пускать. — Адонго улыбнулся, кланаясь. — И я запрещаю ей приближаться к покоям Лаурин.

Она не должна здесь никогда появляться, ни при каких обстоятельствах. За это отвечаешь ты.

— Не беспокойтесь, сир, — ответил Тит.

Орлак наклонился и поцеловал то место на щеке, которое болело больше всего. Боль теперь стала тупой. Лаурин почувствовала, как открывается канал мысленной связи. Она ожидала услышать Адонго, но у нее в голове зазвучал голос похитителя, а по спине тут же пробежал холодок. «Ты поступила мудро, не воспользовавшись против нее своей особой силой», — сказал он.

Она чувствовала себя так, словно стояла перед ним обнаженной. Орлак знал, что она владеет волшебством, но это его совершенно не беспокоило. Лаурин больше не могла защититься от него никакими барьерами. Он продемонстрировал, что способен связываться с ней мысленно и по желанию заходить в ее сознание, отводить в сторону щит, словно его там и не было.

Орлак поклонился, поцеловал ее руку и на этот раз заговорил вслух:

— До вечера.

Он ушел, больше не произнеся ни звука, и даже не посмотрел на распростертую фигуру в углу.

\* \* \*

Элисса вела себя не просто тихо, она молчала. Саксон несколько раз пытался мысленно связаться с ней, но она закрылась от него щитом и попросила его дать кое над чем подумать. Паладин уважал ее желание погрузиться в свои мысли и знал: она сама обратится к нему, когда будет готова обсудить то, что беспокоило.

Пришел черед Тора сидеть на козлах, и он несколько часов не замечал состояния Элиссы, поскольку приходилось сосредоточить внимание на лошадях и на том, как управлять ими на неровной дороге. Тор с Клутом постоянно держали канал мысленной связи открытым и регулярно переговаривались между собой.

Поэтому мысли Тора постоянно оставались занятыми. Гот, конечно, ничего не говорил,

и все его игнорировали. Он только стонал каждый раз, когда телега подпрыгивала на кочке.

Они все еще оставались в Великом Лесу, но деревья уже поредели. До выезда на открытую местность Саксон решил напоить лошадей у ручья, который большую часть пути журчал справа от них, а заодно дать всем отдохнуть. Паладин распряг животных и увел их. Элисса в одиночестве удалилась под дерево. Гот так и валялся на повозке. Внезапно Тор оказался один и отправился на поиски жены.

— Ты ведешь себя очень тихо, — заметил он, приближаясь к ней. — Что-нибудь случилось?

Элисса подтянула к себе колени и опустила на них подбородок. Она не знала, с чего начать и даже как именно начать. Не выбирая слов, она позволила им выливаться из себя потоком:

— Мне ночью снился сон.

— Да? — подбодрил ее Тор и сел рядом. Он уже собрался обнять ее, но почувствовал, что жена не хочет, чтобы к ней сейчас прикасались.

Она не теряла времени и не произносила лишних слов:

— Приходила Лисе.

— Я рад.

— А я нет, — очень эмоционально воскликнула Элисса, затем добавила мысленно: «Посмотри на меня, Тор!»

Он не хотел, но заставил себя встретиться с ней взглядом. Она смотрела на его красивое лицо, в его яркие, блестящие глаза и знала, что следующие слова принесут ему боль. Но это требовалось сказать:

— Вчера ночью я встретила твоего отца.

Он этого никак не ожидал, но, как отметила Элисса, чего-то все-таки ждал.

— Ты... встретила моего отца? — на его лице появилась вопросительная улыбка.

— Возможно, «встретила» — не совсем подходящее слово. Лучше сказать, что я его видела. И твою мать. Они оба невероятно красивы. Слишком красивы, слишком идеальны... как ты.

Тор пришел в замешательство. Он не представлял, к чему она клонит, и не понимал, почему у нее в голосе звучит обвинение, хотя это и были едва уловимые нотки. Тор решил действовать осторожно.

— Как я понимаю, ты говоришь не про Джиона и Аилсу Гинт, — он попытался произнести это в своем обычном веселом тоне и улыбнулся, но на этот раз веселость не сработала. Элиссе было не до того.

— Нет, — ответила она. — Их имен мне не назвали, но ты действительно похож на своего настоящего отца.

Тор не знал, что сказать. Внезапно ему стало не по себе.

— А еще что-нибудь ты видела?

— Много, — ответила Элисса, прищурилась и склонила голову набок. — Почему бы тебе, перед тем, как я продолжу, не признаться? Что, по твоему мнению, я собиралась тебе рассказать? О чем ты думал?

Он пожал плечами, увидел, как посуровело ее лицо из-за его нежелания, и понял, что врать сейчас не должен. Тор взял ее за руку и почувствовал облегчение от того, что Элисса это позволила.

— Я подумал, что ты собираешься рассказать мне про свою мать.

— Собираюсь. Значит, ты про нее знал?

Теперь ледяной тон ее голоса заставлял Тора нервничать. Он посмотрел на Саксона, который оказался занят и повернулся к ним спиной. Клут слушал разговор, но благоразумно молчал и тихо сидел среди деревьев.

Будет лучше, если он расскажет ей все.

— Когда Орлак вызвал меня из Сердца Лесов, а потом отбросил от себя, я оказался в Пустоте. Вначале я этого не знал. Все происходящее ставило меня в тупик и, конечно, меня

там не ждали. Именно мое появление отвлекло Лисе и позволило Доргрилу сбежать.

Элисса кивнула. Тор уже упоминал побег Доргрила в Сердце Лесов, когда они ждали Рубина.

— Продолжай.

— Я видел Лисе. Понимаешь, никто из нас не знал ее до того момента. Для меня сразу же стало очевидно, что вы с ней родственницы. В дальнейшем, когда я уже вернулся в Сердце Лесов, Лисе призналась, что она — твоя мать. А когда она подумала, что я могу тебе это сказать, то просто это запретила.

— А ты всегда подчиняешься Лисе, — заявила она, теперь в ее голосе звучала жалость.

— Нет, — ответил он, защищаясь. — Не поэтому. Я согласился с тем, что именно она должна тебе это сообщить. Очевидно, она выбрала для этого прошлую ночь.

Элисса ухмыльнулась и вырвала свою руку.

— А она тебе говорила, что именно она привезла тебя к Джиону и Аилсе?

Она сразу же поняла, что он этого не знал, и почувствовала вину из-за своей прямооты и резкости. Тем не менее, Элисса продолжала рассказ. Теперь, после того, как она обдумала все увиденное во сне, ей стало легче. Она была уверена, что сложила вместе частички важной картинки-загадки.

— А ты знал, что она преднамеренно вышла замуж за моего отца, а затем устроила собственную смерть при деторождении, чтобы оставить меня без матери, а моего отца — сломленным человеком, который так никогда и не оправился от горя? Ты знаешь, что все это было частью ее плана?

Тор покачал головой, потом опустил ее и запустил руки в волосы. Он не мог защищать Лисе против этих обвинений, потому что все они были правдой.

— Расскажи мне все, что ты видела, — грустно попросил он.

И она рассказала, не упуская ни одной детали. Закончив, Элисса подобрела. Теперь она избавилась от гнева и радовалась, что всем этим поделилась. Пришел ее черед предлагать утешение. Она потянулась к Тору и обняла его, ощутив облегчение, когда он ответил, повернул голову и обнял ее.

Клут моргнул. Теперь они узнают всю правду. Они разберутся с увиденным. Он открыл канал связи с Саксоном, чтобы и тот мог все слышать. Клук поднял голову от лошадей и посмотрел в ту сторону, где сидели Элисса с Тором. Он слышал голос женщины.

— Моя мать — богиня, — сказала она. В голосе звучало то же неверие, которое она чувствовала во сне. — А ты знаешь, Тор...

Он поднял голову и поцеловал слезы у нее на щеке.

— Что, любовь моя?

— Я думаю, что твои настоящие родители — тоже боги. Тор резко выпрямился:

— Что?!

Его худшие страхи подтверждались. Тор это подозревал, но никогда не позволял себе принять такую идею. Но Элисса произнесла это вслух, и ее слова стали подтверждением, которое он не хотел получить.

Она кивнула.

— Это не все. Худшее впереди.

— Не надо, — простонал он.

— Мы должны все это обсудить. Нам это предписано. Поэтому она и приходила.

— Нет.

«Да», — сказал Клут в сознание их обоих. Элисса развернула Тора за плечи так, что он был вынужден смотреть на нее.

— Послушай меня. Ты один раз сообщил о первом видении, которое Лисе послала тебе во сне. — Тор уже начал качать головой, но Элисса все равно продолжала. — Ты рассказывал мне про людей, которых видел в том сне. Это были Король и Королева Сонма. Ты называл их Дарганот и Эвагора. Это те же люди, которых я видела прошлой ночью. Эвагора родила тебя, а Дарганот забрал тебя у нее и сразу же передал Лисе, моей матери.

Остальное ты знаешь.

— Нет! — закричал Тор и вскочил на ноги.

«Пусть идет, Элисса, — сказал Клут. — Он знает, что все, сказанное тобой, — правда».

Элисса с тяжелым сердцем наблюдала, как ее любимый исчезает среди деревьев. Его Паладин последовал за ним. Ей тоже требовалось утешение, и она обрадовалась, увидев, как к ней направляется Саксон.

Клут опустился вниз, уселся на колено Тору и наблюдал, как человек, с которым он был связан особой связью, угрюмо и молча смотрит в землю.

«Ты давно знаешь?» — наконец спросил Тор.

«Всегда знал».

«Я думал, что мы друзья».

«Ближе нас никого нет».

«Но тогда почему ты молчал?»

«Сам Дарганот запретил мне что-либо говорить об этом. Нам всем сказали, что вы должны сами обнаружить, кто вы. Я не уверен, почему... Я до сих пор не уверен. Но я сдержал запрет, а ты сам сдержал обещание Лисе, не открыв Элиссе то, что стало известно».

«Я не виню тебя, Клут».

«Знаю. Но мне нужно, чтобы ты понял, почему я не делился с тобой этими сведениями. Это сыграло бы для тебя большую роль?»

«Что? Знание того, что сумасшедший бог, который хочет убить меня и всех, кого я люблю, и уничтожить страну, которую я считаю родной — это мой брат? Да, это могло бы сыграть роль», — Тор покачал головой. «Мой брат!» — повторял он про себя снова и снова, словно это был какой-то чужеродный звук.

«Послушай меня, — попросил Клут. — Когда ты снова встретишься с ним, помни, что взрослый мужчина Орлак — это результат того, что с ним случилось, когда он был еще невинным младенцем. Если ты этого не забудешь, то знание пойдет тебе на пользу. Сейчас ты чувствуешь себя обманутым, подавленным, возможно, думаешь о мести. Именно так чувствовал себя молодой Орлак, обнаружив, что он на самом деле не простой смертный, а бог. Тем не менее, все время его заставляли жить, как смертного. Это не было его выбором. Орлака украли. Не забывай: украли ребенком. Иногда мне его жаль».

Тор поднял, наконец, голову и посмотрел на своего Паладина.

«Элисса права. Ты — мудрый старый сокол».

Птица засмеялась: «Ага, ты, наконец, это признал!»

Тор промокнул глаза и потер лицо.

«Я больше не знаю, что думать».

«Думай о выживании себя самого и твоих любимых, — заявил Клут. — Орлак все еще хочет убить тебя и разрушить Таллинон».

«Как ты считаешь, он знает?»

«Не могу сказать. Откуда бы?»

«Вероятно, от Доргрила».

«Не исключено. Приближаются Элисса и Саксон».

Тор поднял голову. По покрасневшим глазам можно было догадаться, что Элисса расстроена.

— С тобой все в порядке? — спросила она. Он кивнул.

— Давайте все сядем.

— А заодно и поедим, — сказал Саксон, показывая всем мешок, который прихватил с собой.

Они разделили скромную трапезу, которая включала сочную ежевику, собранную Саксоном. Они разговаривали за едой и делились всей информацией, которой обладали.

— Что ты чувствуешь к Лисе? — спросил Тор у Элиссы.

— Я не уверена, — призналась она, облизывая запачканные соком пальцы. — Это потрясение. Я всегда хотела знать свою мать. Мне следовало быть блаженно счастливой, а

вместо этого я чувствую себя использованной, обманутой. Мне больно, я злюсь.

Он кивнул:

— Понимаю. Самое странное, что я помню, как в детстве рисовал нашу семью. Я всегда рисовал четырех человек. Мои родители, то есть Гинты, забавлялись, когда я настаивал на том, чтобы обязательно нарисовать старшего брата. — Тор покачал головой. — Вероятно, я каким-то образом знал о его существовании.

Саксон бросил ему кусок хлеба, горбушку. — Может, ты впитал в себя что-то из происходившего вокруг. Представь, насколько смелой должна была быть твоя мать, чтобы отказаться от тебя, отдать тебя после того, как уже потеряла одного сына, тоже оказавшегося в Таллиноре. Кто знает, какая боль и знания могли просочиться в твою сущность? — клук пожал плечами. — Может, я говорю глупости.

Элисса опустила ладонь на его руку. — Нет, Саксон. Не говоришь глупости. Может, моя мать и богиня, но Лэм Квин — смертный, и у меня в венах также течет и его кровь. В Торе же течет только кровь богов... Никто из нас не знает, что это означает на самом деле. Возможно, он все-таки как-то образом впитал в себя печаль своей матери.

Пришло время развеять дурное настроение, решил Клут. Им еще требовалось многое сделать, а пребывание Тора в дурном настроении не пойдет никому на пользу.

«Конечно, вы все понимаете, что мы находимся в присутствии особы королевской крови. Перед нами сидит Принц Сонма... и наследник богов».

Элисса улыбнулась.

— Ваше высочество! — воскликнула она, встала и сделала реверанс, что вызвало смех у Саксона и даже улыбку у Тора.

Тор тоже встал.

— Достаточно... — заговорил он, но не успел закончить предложение.

Саксон полетел вперед, из его спины торчала стрела. Элисса закричала, а затем Тор снова услышал тот же жуткий звук — стрела вылетела из лука, и раздался глухой стук, когда она врезалась в тело Элиссы. Женщину с силой отбросило вперед. Она рухнула на землю и замерла. Тор был шокирован и мгновение тупо смотрел на упавших друзей, а потом закричал, обращаясь к Клуту.

«Уже лечу!» — ответил Клут, взмывая ввысь с ветки и мощно взмахивая крыльями.

Тор установил мощный щит, закрыв им их всех. Теперь по ним не ударит ничего, хотя он и предполагал, что нападавшие уже сбежали. Он сам рухнул на колени рядом с Элиссой. Женщина потеряла сознание, ударившись головой о дерево во время падения. Рана сильно кровоточила, но Тор проигнорировал кровотечение, стал искать пульс и быстро его нащупал. Сердце билось сильно и ровно.

Потом он проверил состояние Саксона. Клук застонал.

— Проклятье, что по мне попало?

— Стрела, — ответил Тор. — Не шевелись.

— Элисса! — Саксон только что заметил, что она лежит рядом.

— Она жива, Саксон. Дай мне взглянуть на твою рану, а потом я займусь ею.

«Держи меня в курсе!» — послал он мысленный зов Клуту.

«Трое мужчин. Двух лошадей нет. И...»

«Подожди, дай я сам догадаюсь. Гота тоже нет?»

«Он двигается с большим трудом. Тем не менее, он с ними».

«Ты знаешь, кто это такие?»

«Не имею ни малейшего представления».

«Лети за ними, но не показывайся. Гот предупредит их о тебе».

Тор сообщил Саксону дурные вести и не удивился, когда клук проворчал:

— Помоги мне подняться, Тор.

— Подожди!

— Гот больше не сбежит.

— Нет. Клут летит за ними. Мы его найдем.

— Посмотри Элиссу, — попросил Саксон.

— Сейчас собираюсь. Но ты должен нести дозор, — предупредил Тор.

Клук кивнул и сморщился, принимая сидячее положение. Но сидя он мог лучше видеть происходящее вокруг.

Тор спокойно работал. Теперь он знал, что друзья получили не смертельные раны, и вошел в роль лекаря — промыл пораженные участки, внимательно осмотрел и оценил нанесенный вред. Стрела попала Элиссе в плечо. Она от этого не умрет, но требовалось вытащить металлический наконечник из тела, пока не началось заражение.

Пока Элисса все еще оставалась без сознания, Тор призвал на помощь Цвета и Небесные Огни, которые теперь все время находились рядом, и мгновенно отвечали на его зов. И на этот раз они сразу же материализовались из Великого Леса. Тор сконцентрировался, чувствуя, как Цвета бушуют внутри него, его дух вошел в Элиссу и сразу же отправился к месту ранения. Его физическое тело склонялось над ней, он держал руки над наконечником стрелы, а его дух работал изнутри.

Тор позволил Цветам самим творить волшебство и вытолкнуть наконечник стрелы из плеча любимой женщины. Он чувствовал, как она сама выходит на поверхность из темноты, в которую погрузилась, и понимал, что должен работать быстро. Ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы вытянуть себя назад из тела Элиссы и вернуться в собственное. Там он сделал несколько глубоких вдохов, но сильно дрожал, как и прежде после того, как пробовал подобное лечение. Однако времени на полное восстановление сил не было. Ему требовалось закончить работу над раной. Используя Цвета, он теперь работал с внешней стороны, прочищая оставленный стрелой разрез. К счастью, рана оказалась ровной и небольшой, и Тор видел, что она вскоре затянется. Элисса застонала, но так пока и не пришла в себя.

Небесные Огни инстинктивно знали, что делать, и как только Тор опустился на корточки, изможденный работой, они принялись прижигать рану. Элисса открыла глаза, и ее тут же вырвало.

Тор каким-то образом заставил себя встать и принес воды, потом оторвал несколько полос от собственной рубашки, чтобы перевязать ей рану.

Он обратился к женщине по их личному каналу связи: «Ты в безопасности. Ранена, но ничего страшного. Просто потребуется какое-то время на восстановление».

«Что случилось?» — спросила Элисса. Голос звучал сонно или так, словно она не понимала, где находится.

«Мы не уверены. Возможно, разбойники. Тебя ранило стрелой. И они забрали Гота».

Элисса закрыла глаза.

«Сколько жизней у этого негодяя?»

«Он наслаждается последней, — заверил ее Тор. — Я отправляюсь за ним».

«Один?»

«Саксона тоже ранило. Я должен им заняться».

От этой новости Элисса резко открыла глаза.

«Я тебе помогу».

На самом деле, в эти минуты она была так слаба, что не могла даже поднять голову с земли. Элисса сморщилась от боли в плече.

«Не двигайся. У тебя еще может подняться жар из-за этой раны. Дай ей затянуться и побереги свои силы».

Небесные Огни закончили работу, запели, и Тор поблагодарил их. Похоже, только он один понимал их язык.

«За ними летит Клут. Гот не сбежит. Обещаю».

«Зачем им нужен Гот?»

«Если это простые разбойники, то он, вероятно, пообещал им богатство».

«А в каком состоянии Саксон?»

«Жить будет, но рана поболит, как у тебя. Нам повезло, что они так плохо стреляют».

«Маленькие радости...» — сказала она, снова закрыла глаза и заснула.

Тор опять пожалел, что у него нет аррака для облегчения боли. Если бы была настойка, друзья быстро поправились бы. Но его сумку украли, а вместе с ней — и ценную бутылочку, которую он использовал в таких случаях.

Гораздо позднее, когда уже горел костер, оба пациента проснулись и обнаружили, что лежат в задней части повозки, которую разбойники решили не брать. Тор помог им обоим сесть.

— Выпейте вот это, — сказал он, протягивая каждому по глиняному горшку. — Все выпейте, — предупредил Тор.

Элисса ощутила вкус многих лекарственных трав, которые смешались с крапивой. Это была правильно подобранная смесь для избавления от лихорадки, если она начнется. У нее также болела голова.

— Какие новости? — прохрипел Саксон.

Он начал дрожать и понял, что остаток ночи будет потеть, пока его тело борется с болезнью.

— Они встали лагерем к северу отсюда. Очевидно, на открытом месте, чтобы избавиться от Клута, но он слишком хитер для них.

— Что ты планируешь, Тор? — спросила Элисса.

— Вначале проследить, чтобы вы оба пережили ночь, — ответил он. — Затем догоню Клута и наших новых друзей.

## Глава 23

### Потерянный и найденный

Тин не желал слышать про их отъезд. Он также не хотел отказываться от возможности заработать на Темезиусе.

— Еще одно представление, — умолял он. — Уедем сегодня утром и отправимся прямо в Бриттелбери. Завтра вечером сможем выступить уже там.

Предложение искушало.

— А как насчет других ваших представлений? — спросил Гидеон.

— Не имеет значения. Я на этом одном достаточно заработаю, если буду рекламировать по пути. А теперь поторопитесь. Выезжаем через час.

Он не оставил им возможности изменить решение. Темезиус почесал голову.

— Так лучше, не правда ли, Фиггис?

— Да. И не будем попадать в неприятные ситуации.

А то у одного знакомого парня есть такая склонность, — сказал он. Гидеон нахмурился, а остальные засмеялись.

Тин сдержал слово и через час первые фургоны уже выезжали из города и направлялись в сторону Бриттелбери.

— А что ты делаешь на шоу? — спросил Гидеон у Темезиуса.

— Я просто выхожу... И у всех отвисают челюсти.

Фиггису это понравилось, и он рассмеялся:

— В общем, ты — исполнитель, вызывающий бурный восторг публики, да? Может, нам с Гидеоном удастся внести какой-то особый вклад? Как ты думаешь? — спросил он у Гидеона.

— У меня уже есть одна мысль, — ответил парень, правда, объяснять ничего не стал.

Во время путешествия, особенно, когда они проезжали по деревням, окружавшим Бриттелбери, Тин регулярно останавливался, заходил в гостиницы и рекламировал «Самое лучшее шоу в стране», как он любил его называть. Во время каждой остановки исполнителей просили оставаться в фургонах, чтобы заранее не выдать никаких секретов.

— Если люди хотят увидеть наших героев абсурда, то им за это нужно заплатить, — было его любимой присказкой.

Бриттелбери оказался городом вполне приличного размера. Не удивительно, что Тин посчитал возможным пропустить другие запланированные остановки, если ему удастся представить здесь звезд своего шоу. Он был готов пойти на такой риск. Люди махали руками, приветствуя их. Исполнители снова прятались. Тин нанял охранников и расставил их по периметру луга, на котором планировалось представление, чтобы никто не смог заранее подсмотреть номера.

— Фиггис, тебе придется остаться здесь, — заявил Гидеон. — По тебе сразу же понятно, что ты — один из исполнителей в Шоу Абсурда, поэтому не стоит гулять по городу и приводить Тина в отчаяние.

Паладин кивнул:

— Возможно, ты прав. А как ты ее найдешь?

— Я не знаю. Наверное, буду задавать вопросы.

— А как насчет сегодняшнего вечера?

— Я вернусь вовремя. Обещаю.

— Прямо назад! — предупредил Фиггис с суровым выражением лица.

Гидеон перечислил задания:

— Найти камень, поцеловать девушку, вернуться на Шоу Абсурда.

— Хороший мальчик, — похвалил Темезиус и захохотал своим громоподобным смехом. — А ты расскажешь нам, как мы сегодня вечером будем развлекать народ?

На лице Гидеона появилась улыбка.

— Покажем им мастерство эквилибристов. Такой номер никто никогда не видел, — ответил он, многозначительно постукивая себя по носу. — Тренироваться не нужно. Оставьте это мне. О-о, Темезиус, спроси у Тина, не можем ли мы использовать Толстуху.

— Зачем?

— Увидите, — ответил он, откинул кусок материи, закрывающий вход в шатер, и вышел на яркий солнечный свет.

Гидеон прищурился. Куда ему направиться в первую очередь? Парень решил пройтись и посмотреть город.

Бриттелбери оказался больше, чем он ожидал, и поэтому молодой человек решил, что навряд ли встретит Ийсеуль во время прогулки по городу. Ее можно найти на работе. Гидеон направился к первой гостинице и выпил там разбавленного водой эля. Пил он специально медленно, никуда не торопясь, чтобы прочувствовать место, в котором оказался. Определенно, это был шумный и процветающий город. В нем присутствовала какая-то грубость или суровость, и Гидеон предположил: это объясняется расположением в горном районе Роркфель. Горы маячили на удалении.

На главной улице люди шли по своим делам, мало обращая внимания на незнакомцев, которые казались неотъемлемой частью города, сквозь который проходил и проезжал большой поток гостей. Очевидно, многие использовали его, как последнее место отдыха, такой «водопой», перед тем, как направиться на запад по малонаселенной местности. Отсюда ехали в Илдагарт или дальше на север, к Киракавии.

Чтобы направиться отсюда на запад, требовалось или ехать прямо сквозь северную часть Великого Леса или, как предпочитало большинство, отправляться долгим круговым путем. Люди огибали Великий Лес, а потом перебирались через самые низкие горы горной цепи. Путешествие получалось длительным и часто — безрадостным.

Гидеон проголодался. Он не ел с предыдущего вечера, а все, что он тогда проглотил, вылетело назад на рассвете. Теперь у него урчало в животе, и он отправился на поиски пищи. Он пошел к рынку, где продавали всевозможные товары. Торговцы выкрикивали цены и нахваливали качество. Это было оживленное и живописное место. Оно казалось таким обыденным... чем-то, чего ему так не хватало в жизни.

Он уловил запах жарящегося мяса, повернулся и увидел открытый ресторанчик. Ряды столов и стульев стояли на улице под парусиновым навесом. Время было еще ранее, но, тем не менее, посетителей оказалось довольно много. Гидеон выбрал столик в углу, попытался

убрать длинные ноги с дороги служанок, и стал ждать. Вскоре одна из женщин остановилась и спросила, что желает посетитель.

— Сейчас будет готова курица, — сообщила она.

— Отлично, — кивнул он. — Хлеб есть?

— Конечно. Эля принести?

— Э-э-э... нет, спасибо. Молока, пожалуйста. Девушка посмотрела на него как-то странно.

— Молока?

Запах эля в гостинице убедил его, что он выпил уже достаточно, на всю жизнь хватит... По крайней мере, он так подумал в те минуты.

— Пожалуйста, — попросил Гидеон, пытаясь не обращать внимания на ухмылку на лице женщины.

— У нас тут очень редко заказывают молоко. Но я посмотрю, — сказала она.

Гидеон откинулся на спинку стула, завел руки за голову, и огляделся. Теперь были заняты все столики, по большей части — мужчинами. Юноша обратил внимание, что, заказав эль, они тут же погружались в какую-то шумную игру. Это было что-то среднее между костями и картами.

Гидеон с интересом наблюдал за игроками и едва ли обратил внимание на еду, которую поставили перед ним.

— Мы подоили для тебя старую Бетси, которая стоит за сараем, — сказала женщина, ставя еду на стол. Если она и ожидала какого-то ответа от Гидеона, ее колкость не достигла цели, потому что он увлекся наблюдением за шумной игрой перед ним.

— О-о... э-э-э... спасибо, — поблагодарил юноша.

Женщина подумала, что молодой человек дьявольски красив, но совсем не интересен. Гидеон схватил ее за руку.

— Простите, а вы можете мне сказать, во что они играют?

— О, Свет! Откуда ты приехал, незнакомец?

— Из монастыря, — пожал он плечами. Гидеон сказал первое, что пришло ему в голову, но не представлял, насколько это близко к истине.

— Очень похоже, — заметила она, держа руку на бедре. — Это объясняет молоко. Они играют в хари. Наше заведение называется Хари-хаус. Наверное, ты этого не знал. Запомни мои слова — не ввязывайся в игру. У тебя нет опыта, и ты лишишься всего, включая сапоги.

— Они на много не потянут, — признался Гидеон и улыбнулся своей самой лучшей улыбкой.

Женщина не могла не улыбнуться в ответ. Его от дальнейших разговоров спас какой-то мужчина, который окликнул служанку.

— Сейчас иду, — крикнула она и опять повернулась к Гидеону. — Если тебе будет одиноко, приходи.

Он потягивал молоко, причем так, чтобы вокруг губ образовался белый круг. Женщина ушла, на лице было написано неудовольствие. Ей это молоко на губах совсем не понравилось.

«Так, от тебя избавился», — подумал Гидеон и с наслаждением принялся за теплую курицу. Он опускал хлеб в соус, который натек с птицы, и сосредоточенно наблюдал за игрой в хари, которая шла на различных столиках вокруг него. Это быстрая и яростная игра, и ставки делали не только участники. Столы привлекали и других, которые хотели рискнуть деньгами.

Гидеон не знал правил, но начал понимать ритм игры и быстро догадался, кто жульничает. Это был мужчина в конце стола. Человек широко улыбался и играл с таким видом, словно на самом деле не обращал особого внимания на происходящее, шутил, болтал с окружающими его людьми. Всегда казалось, что он запаздывает со следующей картой или костью.

К тому времени, как Гидеон закончил есть, вытер соус хлебом и выпил молоко, он в

целом разобрался в хари. В этой игре полагались на обман, а не на удачу. Если умеешь жульничать, как делал мужчина в конце стола, возможность выигрыша увеличивалась в десять раз. У того игрока имелся сообщник среди зрителей, возможно, их было даже несколько. Они использовали различные сигналы, чтобы показать, какие карты куда двигаются при быстрой игре. Гидеон ненавидел нечестность, но на него произвело впечатление то, как хорошо все получается у шулера.

Игрок оказался очень хитер. Он не выигрывал каждую партию. Выигрыши были небольшими, и не привлекали особого внимания. Гидеон обратил внимание, что сумма постоянно растет по мере того, как игроки и зрители напиваются все больше. Потребление алкоголя давало явно неплохой доход заведению, а заодно помогало жулику, которому больше не требовалось проявлять такую осторожность. Эль разносили в кувшинах, но на каждый кувшин, выпитый другими игроками, у этого приходилась всего половина стаканчика. Жулик притворялся пьяным, однако глаза у него смотрели очень внимательно.

Как раз когда Гидеон решил, что полностью разобрался с хитростями жулика, тот за одну партию проиграл все, что выиграл до того. Юноша испытал потрясение. Шулер потратил столько усилий! Игрока, тем временем, хлопали по спине, шутили по поводу доставшихся ему плохих карт и очень неудачных бросков костей. Все стало ясно в следующую минуту, когда развеселившиеся игроки решили сыграть последнюю партию и предложили самые высокие ставки. На всех других столах игра прекратилась, и остальные собрались посмотреть эту партию с огромными ставками. Чтобы поучаствовать, требовалось поставить очень много... слишком много для одного игрока. Тот стал спрашивать собравшихся вокруг, не хочет ли кто-то занять его место. Гидеон поднял руку.

— Я хочу! — сказал он и криво улыбнулся, словно был туповатым парнем.

Послышался гул одобрительных голосов. Его тут же пригласили за стол.

— Сколько у тебя денег? — спросил кто-то.

Гидеон поставил на стол тяжелый кошель с монетами, затем достал второй с робкой улыбкой, громко рыгнул, а потом еще и зевнул. Жулик улыбнулся ему, явно решив, что парень не представляет для него никакой угрозы.

— Меня послали на рынок, — признался Гидеон бородатому мужику рядом с ним. — Но я чувствую, что мне сегодня сопутствует удача. Может, смогу произвести впечатление на отца, вернувшись с полным кошельком.

Жулику выпало сдавать.

«Как все хорошо спланировано», — подумал Гидеон.

— Э-э-э, обождите, — сказал он, задерживая процесс. — Я не знаю правил.

Собравшаяся вокруг толпа замолчала. Люди смотрели на него пораженно.

— Я из монастыря, — виновато пожал он плечами.

— Но ты говорил про семью... Про своего отца и тяжелый кошелек, — напомнил сосед.

— О-о, понятно. Я имел в виду аббата. Мы называем его отцом.

Люди вокруг него стали откашливаться и ворчать.

— Все в порядке, парень, — сказал жулик. — Вреда не будет. Деньги уже в игре, поэтому мы не можем его отпустить.

Гидеон внутренне улыбнулся. Он знал, что шулер не в состоянии упустить кучку монет, которая, как ему кажется, уже перекочевала к нему в кошелек.

— Я б-б-быстро обучаюсь, — сказал Гидеон, решив добавить заикание к общей картине.

Несколько человек вокруг него покачали головами. Внезапно им стало жалко простофилю. Парень точно уйдет из-за стола без денег. Другие просто смеялись, и Гидеон присоединился к ним. Он казался всем дурачком.

Порядок восстановил жулик и тихим голосом объяснил основные правила. Юноша кивнул.

— В-в-се понятно. Я запомнил, — сказал он, как только жулик закончил объяснения.

— Но есть тонкости, — предупредил жулик и, судя по виду, собирался и их также объяснять. Но юноша поднял руку ладонью к нему.

— Не беспокойся. Я сегодня ч-ч-чувствую удачу. Н-н-ничего больше не говори. — И он снова зевнул.

Жулик улыбнулся.

— Все готовы? — спросил он.

Подтверждения послышались со всех концов стола. Зрители стали делать ставки. Было много криков и шума. Жулик начал сдавать. Гидеон взял семь карт, зная, что перед ним стоит задача собрать лучший набор. Это должны быть три солнца и четыре дракона. Конечно, такой результат едва ли когда-то получался. Победить могли комбинации солнц, лун, звезд, драконов, грифонов и пегасов. Имелись и другие карты. Гидеон хотел получить комбинацию три плюс четыре, причем солнц и драконов.

Вначале у него оказались одно солнце, одна луна, две звезды, два дракона и драгоценный камень. Это был неплохой набор, и юноша задумался, не сдал ли ему жулик эти карты специально, чтобы он вначале почувствовал себя в безопасности. Все смеялись над тем, как Гидеон украдкой заглядывал в полученные карты, а потом прижал их груди.

Гидеон призвал Цвета, прикрылся ими, чтобы нормально рассмотреть карты, и сразу же услышал ворчание за спиной, а заодно заметил, что жулик трет глаза. Гидеон понял, что его карты затуманились для остальных. Несчастный подсказчик, который стоял у него за спиной, ничего не увидит.

Началась партия. Жулик бросил кости и несколько раз моргнул. Выпала тройка. Это означало, что каждый должен поменять три карты, передав свои сидящему слева игроку, независимо от того, хочешь ты этого или не хочешь. И теперь игра продолжалась таким образом.

Гидеон понял, что жулик обычно не только знает, что поступает к нему, но и то, что получают остальные, и даже какие комбинации у них складываются в результате. Но только не теперь! Все его помощники, столь тщательно расставленные по местам, в эти минуты терли глаза. Им было трудно рассмотреть карты, за которыми они пытались следить.

— Подождите, — сказал жулик. — Мне что-то попало в глаз.

Он встал и сильно потер его, а потом даже смочил подол рубахи элем и промыл глаза.

Гидеон улыбнулся и подумал, что все получится еще забавнее, чем он ожидал, бросил кости и получил как раз ту цифру, которая требовалась. Еще раз — и все за столом обменялись двумя картами, как он и хотел. Много времени не понадобится...

Вскоре после этого Гидеон шел по рынку, насвистывая себе под нос, но постоянно оставаясь в напряжении. Он заставил работать все свои органы чувств. Теперь его кошелек стал в три, а то и в четыре раза тяжелее, чем когда он покинул циркачей. Юноша также знал, что сегодня приобрел нескольких врагов. Ему требовалось быть очень внимательным.

Уже перевалило на вторую половину дня, а Гидеон потерял несколько ценных часов в Хари-хаусе. Теперь он займется поисками Ийсеуль и не будет больше ни на что отвлекаться.

Он пошел среди рыночных рядов, надеясь с кем-то заговорить и начать задавать вопросы. Молодой человек не думал, что жулик с товарищами догонят его так быстро, как они это сделали, но не удивился, заметив знакомое лицо с внимательными глазами. Шулер ждал его в конце одного ряда. Гидеон оглянулся и заметил нескольких человек, которые ранее стояли вокруг стола для игры в хари. Теперь они блокировали выход с другой стороны. Просто сбежать было невозможно, поэтому молодой человек опять призвал Цвета и держал их наготове, а потом спокойно и невозмутимо пошел дальше к жулику и кивнул ему.

— У нас есть проблема, — сказал жулик.

— Я догадался, что она у вас могла возникнуть, — ответил Гидеон.

Мужчина ткнул его в грудь:

— У тебя наши деньги.

Гидеон вопросительно улыбнулся:

— Я думал, что выиграл их.

— Да, но мы изменили решение. Мы хотим получить их назад.  
— А-а, теперь я вижу, что ты прав — у нас действительно проблема.  
— Как я вижу, ты больше не заикаешься, — заметил жулик, внезапно поняв, что разговаривает вовсе не с дурачком.

Юноша улыбнулся:

— Это всегда срабатывает... Обычно люди обманываются.  
— Теперь я вспомнил, что до ближайшего монастыря отсюда пять дней езды верхом.  
— Правильно. Что я могу сказать? — Гидеон вскинул руки, словно сдавался. Но на самом деле он смеялся.

Жулик кивнул, оценивая дерзость молодого человека.

— Может, спросим моих друзей о том, что они хотят сделать?  
— Зачем? Мы оба знаем, что ты жульничал, и мы оба знаем, что и я жульничал. Кого бы ты ни спросил, я дам тот же ответ: деньги мои.

— Я заинтригован, — сказал жулик и выглянул из-за Гидеона сбоку, потому что был маленького роста и не мог посмотреть парню через плечо. Дружки шулера медленно приближались. — А как тебе удалось нас всех обмануть? Ты же был один.

— Это древнее искусство. Боюсь, что не могу тебе показать этот трюк, иначе меня исключат из гильдии жуликов. — Он очень весело улыбнулся.

— О, Свет! Ну ты и наглец! — воскликнул мужчина, внезапно выходя из себя. — Не могу дождаться, когда расквашу твою наглую физиономию, красавчик.

— Как мило! — произнес голос, который Гидеон так хорошо знал.

— Ийсеуль!

— Я знала, что это ты, — заявила она и с презрением посмотрела на жулика.

— Где ты была? Я тебя искал.

Девушка фыркнула.

— Наверяд ли. Если за тобой гонится этот человек, то ты провел день, играя в хари. А ты что здесь делаешь, Белчер? Я думала, что градоначальник велел тебе и твоим друзьям держаться подальше от Бриттелбери.

— Мы и держались, — с негодованием ответил тот. — Мы появлялись тут в последний раз два года назад.

— Это недостаточно долго, — спокойно заявила она. — Забирай своих друзей и катитесь отсюда, или я позову городскую стражу.

Он с ненавистью посмотрел на Гидеона, а потом гневно — на Ийсеуль.

— Я собираюсь вернуть свои деньги, шлюха.

— Ты не только очарователен, но и вежлив, Белчер. Как и всегда. Уходи, или я позову на помощь. Я видела, как этот человек дерется, — сказала она, показывая на Гидеона. — Он справится с вами шестью и задержит вас, пока я не вернусь со стражей.

Белчер прищурился, обдумывая следующий шаг. Он решил отступить и подал знак сотоварищам. Гидеон с Ийсеуль смотрели, как они уходят.

— Боюсь, что видишь ты их не в последний раз, — тихо произнесла она. — Они появляются время от времени. Мне кажется, эти жулики работают по всей стране.

— Ты поразительна.

— А тебе повезло, что я оказалась рядом.

— Я держал ситуацию под контролем. — Он пожал плечами.

Девушка рассмеялась:

— Да, я не сомневаюсь, что так и было, зная, на что ты способен.

Они оба внезапно застеснялись. Ийсеуль снова заговорила первой:

— Э-э-э... пойдём к моему прилавку. Мы сможем там поговорить.

— У тебя есть прилавок?

— Да, мы торгуем свечами. Все заняты в деле... даже Гверис.

— Как он?

— О-о, отлично.

Они пошли вместе по рынку, и Гидеон решился взять ее за руку. Она не сбилась с шага, а молодой человек был рад прикосновению и злился на себя за то, что не поцеловал ее при встрече. Юноша возненавидел Белчера за то, что испортил их встречу. Теперь ему придется придумать причину, чтобы снова ее поцеловать, или Темезиус разочаруется.

— А Гверис не страдает от последствий пережитого?

Она перестала улыбаться.

— Не уверена. Он кажется достаточно счастливым. Прекрасно, что он снова дома, с семьей, но его все равно мучают кошмары, и он иногда вдруг начинает дрожать, вроде бы беспричинно. Я делаю все от меня зависящее и старюсь все время быть рядом.

Она пожала плечами. Гидеон действовал инстинктивно. Он обнял девушку за плечи и прижал к себе.

— Он — счастливый парень, раз у него такая сестра.

— О-о, нас у него четверо, и мы все его безумно любим. Просто у меня с ним особая связь после всего, что мы пережили вместе. — Ийсеуль показала на аккуратный прилавок, прикрытый полосатым навесом. — Вот мы и на месте.

— Какие все молодцы в вашей семье! — воскликнул Гидеон, рассматривая свечи. Он вертел их в руках и поражался идеально гладким и блестящим воском.

— Семья моего отца занимается изготовлением свечей уже на протяжении нескольких поколений. Я думаю, что знания теперь просто впитались нам в кровь.

— А ты продаешь их здесь?

Она рассмеялась.

— Нет. Если бы мы продавали их только здесь, то получали бы лишь малую часть того дохода, который имеем. Папа развозит их по всей стране. По большей части, он продает их в монастыри. Мы делаем специальные свечи для королевских домов и даже декоративные — для различных придворных церемоний и важных событий. Недавно отправили большую партию на коронацию. Ты же слышал обо всех почетных гостях, которые присутствовали? Даже Кипрес прислал делегацию.

— Слышал, — ответил Гидеон.

Ийсеуль взяла в руки простую свечку кремового цвета.

— Вот самая обычная свечка. Такие предназначены для использования в домах. Обычно за этим прилавком стоит моя младшая сестра, но сейчас у нас дома все больны, за исключением меня, брата и отца, который в отъезде.

— О-о, — Гидеон больше не знал, что сказать. Они улыбнулись друг другу, а потом сразу же стали серьезными.

Ийсеуль сделала глубокий вдох и постаралась говорить веселым тоном:

— Значит, ты приехал.

— Как и обещал, — ответил Гидеон и изобразил легкий поклон.

— За камнем, — это не было вопросом.

Юноша смотрел себе на сапоги, затем поднял голову, посмотрел в ее странные светлые глаза и кивнул.

— Конечно, — Ийсеуль попыталась мужественно улыбнуться. — У меня нет его с собой, Гидеон. Я принесу его тебе.

— Хорошо, — пожал он плечами, затем, почувствовав себя идиотом, добавил: — А ты не занята сегодня вечером?

— Занята? М-м-м... нет, занимаюсь обычными делами.

— Да, конечно, у тебя же семья. Я забыл, — пролепетал он, желая вырвать собственный язык за то, как он неловко разбирается с этой ситуацией.

— Нет, с ними все будет в порядке. Они поправятся. А что ты имел в виду?

Гидеон заметил, что она волнуется, как и он сам.

— Просто я приехал с друзьями.

— Это очень мило, — кивнула Ийсеуль, не понимая, что именно он имел в виду.

— Мы работаем в «Самом лучшем шоу в стране».

— Где? О-о... ты имеешь в виду Шоу Абсурда? Которое будет выступать на лугу за городом?

Он улыбнулся:

— Ты же видишь, насколько я красив. Моя красота доходит до абсурда.

В ответ он получил веселый смех, который так хотел услышать.

— Это правда?

— Сегодня вечером мы с друзьями будем исполнять невероятный номер. Я подумал, что ты захочешь прийти. Принесешь камень... приведешь Гвериса.

— Ты действительно меня приглашаешь?

— Конечно. Буду очень рад, если ты к нам присоединишься.

— А Фиггис с тобой? Я буду счастлива снова его увидеть.

— Да. И новый друг, Темезиус. Это — гигант. У Гвериса глаза вылезут из орбит, когда он его увидит. Она снова рассмеялась:

— Ты шутишь.

Юноша покачал головой и многозначительно на нее посмотрел.

— Обещай, что придешь.

— Хорошо. Я приведу Гвериса... и принесу камень.

— Тогда — до вечера, — ответил Гидеон и положил на прилавок свечи, которые во время всего разговора держал в руке.

Ее бледные глаза светились. Девушка была так красива и так счастлива видеть его, что Гидеон не мог сдержаться, наклонился и поцеловал ее. Ийсеуль не позволила ему ограничиться просто легким поцелуем и обвила его шею руками. Высвободившись, наконец, из ее объятий, он с трудом дышал и хватал ртом воздух.

— Я рада, что ты приехал, — сказала девушка.

— Я вижу, — ответил молодой человек. Он в последний раз нежно улыбнулся ей и ушел.

На пути назад к цирку, легко шагая и ощущая радость на душе, Гидеон открыл канал мысленной связи с отцом: «Мне вернут камень сегодня вечером».

«Отличная работа, сынок. Проблем не возникло?»

«Никаких. А у тебя как дела?»

«О-о, как обычно, очередные испытания... Пленник сбежал, твоя мать и Саксон ранены стрелами. Клут сейчас следит за теми, кто нас атаковал... Проблемы, которые возникают каждый день».

Гидеон какое-то время молчал, пытаясь понять, не смеется ли над ним отец.

«Ты шутишь?»

Внезапно голос отца прозвучал устало: «Нет, сынок. Просто пытаюсь так сохранять спокойствие. Я только что извлек наконечники стрел из твоей матери и Саксона. Сейчас они оба спят... и выздоравливают. Я сижу один и думаю, что случится теперь. О, Свет!»

«С тобой все в порядке?»

«Да. Да, со мной все прекрасно. Я сильно беспокоюсь за твою сестру, а теперь еще и это... Определенно, одна стрела предназначалась мне. Просто эти типы оказались отвратительными стрелками».

«А ранения серьезные?»

«И твоя мать, и Саксон поправятся, но болеть раны будут много дней. Из-за этого нам пришлось снизить скорость. Я надеюсь, что жар будет держаться недолго, если вообще начнется».

«А Гот?»

«Как только закончится ночь, я отправлюсь за ним. Ночью мне надо находиться рядом с ранеными».

«Один отправишься?»

«С Клутом».

«Значит, мы тогда поедem тебе навстречу. Тебе потребуется помощь».

«Поезжай на восток, и как можно скорее, сынок».

«Выедем сегодня вечером после шоу».

«Шоу?»

«Это долго рассказывать».

«Понятно. Следуй к твоей матери и Саксону. День или два они будут беспомощны».

Канал связи резко закрылся, и прекрасное настроение Гидеона улетучилось. Оно словно с силой шмякнулось о пыльную дорогу, по которой он шел.

Спустилась ночь, у Элиссы и Саксона появились первые признаки лихорадки. Оба дрожали. Тор подбросил веток в костер и внимательно наблюдал за пациентами. Клут тем временем подобрался еще поближе к группе людей, включающей Гота. Было ясно, что у Прокаженного болит все тело, и сокол даже восхитился силой бывшего Главного Инквизитора. Несмотря на боль, он рассказывал остальным, насколько богат и сколько у него земель. Было очевидно, что они его не узнали. Да и откуда бы? Это раньше все мгновенно узнавали Инквизитора, даже ни разу его не видев. Эти же люди просто смотрели на дергающееся, изуродованное лицо, и оно им ничего не говорило.

Клут внимательно слушал, надеясь узнать хоть что-то, что сможет передать Тору.

— А откуда вы? — спросил Гот, подвигаясь поближе к огню.

Мужчина, который казался в группе главным, скорчил гримасу.

— Ниоткуда. Вначале были моряками, — ответил он.

— Я удивлен видеть вас в лесу, да еще и в такой уединенной части.

— А тебе-то что?

— Просто любопытно. Большинство таллинезцев боятся Великого Леса.

— Но не мы. И ты сам, похоже, не боишься.

— Правильно, — кивнул Гот.

На самом деле это было враньем. У него имелись все основания бояться этого волшебного леса. Прокаженный догадался, что у его спутников есть веские основания бежать в глухие районы, где нет людей... даже если эти места и считаются опасными.

Он решил сменить тему:

— А куда вы направляетесь?

— На северо-запад. В Карадун.

— А-а, я хорошо знаю это место.

Теперь люди очень внимательно посмотрели на него.

— Это не место для порядочного человека, — заметил один.

— Я и не говорил, что им являюсь. Я просто богатый человек. — Гот таинственно засмеялся. Моряки понимали, что у бывшего пленника имеются секреты, тайные планы, а ходит он кривыми тропами. Они присоединились к его смеху.

— В таком случае, мы рады, что помогли тебе, как ты просил, — снова заговорил главарь. — Но запомни мои слова. Если я вскоре не увижу денег, то перережу тебе горло с такой же легкостью, как перерезают ягненок перед тем, как зажарить.

Гот кивнул:

— Я понимаю. Даю вам слово. В Карадуне я вам всем хорошо заплачу за то, что увезли меня от этих людей. Поверьте мне. — Он попытался улыбнуться, но это у него никогда не получалось. — А с кем я сейчас путешествую?

— Никаких имен.

— О-о, мой добрый друг, вам не нужно меня бояться. Вы произвели на меня большое впечатление, и я готов предложить вам работу. Вам не нужно искать корабль, на который вас возьмут. Я предполагаю, что в Карадуне вы как раз собираетесь наняться на какой-нибудь корабль, не правда ли? Я вам хорошо заплачу, если станете моими телохранителями.

Мужчины переглянулись, оценивая предложение.

— Мы уже давно не выходили в море, Норд.

Названный Нордом гневно посмотрел на товарища.

— А, значит, Норд, — сказал Гот. — Я рад с тобой познакомиться и благодарю за

спасение меня от этих людей. Позволь мне должным образом поблагодарить тебя, выплачивая тебе существенное и регулярное жалование за охранные услуги.

— Начиная с какого времени? — спросил огромный бывший моряк, глядя на Гота прищуренными глазами.

— С этой минуты. Ты не считаешь, что они отправятся за нами в погоню. Но я тебя уже предупреждал насчет птицы.

Норд фыркнул:

— Я не боюсь никаких птиц... И твои разговоры о волшебстве тоже меня не пугают.

Гот кивнул:

— Тем не менее, проявляйте осторожность. Вы принимаете мое предложение?

Моряк посмотрел на подчиненных, которые с готовностью кивнули.

— Поскольку ты теперь знаешь мое имя, я хотел бы знать и твое.

— Но ты уже знаешь, друг мой. — Меня зовут Элмид Гот, я бывший Главный Инквизитор Таллинора, а теперь считаюсь вне закона в этом королевстве. Однако с тех пор я стал доверенным советником кипреанского монарха и сейчас выполняю секретное поручение моего короля.

Эта речь произвела впечатление только на одного Гота.

— Говорят только деньги, Гот, — ответил Норд.

— И их будет много, друг мой, — сказал Прокаженный и протянул руку для рукопожатия с вопросительным выражением лица.

Главарь пожал руку:

— Меня зовут Норд Джеспер.

Клут передал Тору все, что узнал, и очень сожалел, что Тора сейчас нет рядом.

«Почему-то это имя кажется знакомым», — признался Тор.

«Один из моряков с «Осы»?» — высказал предположение Клут.

«Нет. Но я его точно где-то слышал. Мне придется подумать».

«Как Элисса с Саксоном?»

«Спят, время от времени их пробирает дрожь, потом потеют. Так лучше. По крайней мере, я знаю, что их тела сопротивляются болезни».

«План у тебя уже есть?»

Тор рассмеялся: «Тебе же всегда не нравятся мои планы!»

«Правильно, — подтвердила мудрая птица. — Но я всегда в них участвую».

«Я поговорил с Гидеоном. Он вскоре получит камень. Они с Фиггисом и Темезиусом сегодня вечером направятся на восток, к нам. Я надеюсь, что он доберется до Элиссы и Саксона дня через два».

«А не опасно оставлять их одних?»

«Я предпочел бы этого не делать, но они все-таки остаются вдвоем, и мы можем общаться по каналу мысленной связи. Я не позволю Готу уйти. А ты как?»

«Отлично. Замерз. Скучаю по лесу».

«Ты ел?»

«Нет!»

«Значит, в дурном настроении? Старый ворчун!»

«Представь себе. Они сейчас все укладываются спать. Не думаю, что мы услышим какие-то разговоры до рассвета».

«Хорошо, отправляйся на охоту».

Тор почувствовал, как канал связи закрылся, и устался в огонь. Его продолжало беспокоить имя Норд Джеспер, но опыт подсказывал, что сейчас не нужно напрягать память. Воспоминание придет само. Он проверил пациентов. Теперь оба крепко спали после последней чашки его специального отвара, который еще продолжал бурлить над огнем. Отдых поможет выздоровлению.

Он устроился поудобнее и задумался об Орлаке. Это — его брат. Как только Элисса поделилась своими мыслями, Тор понял, что так оно и есть. Значит, он тоже Принц Сонма,

рожденный богами и пожертвованный Таллинору, чтобы убить собственного брата... А теперь еще и Доргрила, поселившегося внутри Орлака. Тор покачал головой. Такой информацией он с Элиссой не делился. Ей хватило шокирующих известий, и она еще в полной мере от них не оправилась. Вначале она узнала, что он жив, потом внезапно появились дети, затем она испытала отчаяние после смерти Лориса.

Тем не менее, она продолжала упрямо двигаться вперед. Его жена намеревалась выполнить свою роль до конца. Новость о захвате Лаурин стала еще одним ударом, и Элисса очень боялась за дочь. Такой испуганной Тор ее никогда не видел. Если добавить к этому новость о вселении в Орлака другого бога, еще более безумного и мстительного, Элисса может сломаться. Нет, лучше пока не сообщать ей это, каковы бы ни были последствия.

А что с Троицей? Способны ли они принять этот новый, ужасающий вызов? Откуда они узнают, что делать? А самое важное — в чем заключается их роль? Эти вопросы постоянно крутились у него в голове. Наконец, он решил не заглядывать слишком далеко вперед. Решай проблемы, который сейчас стоят перед тобой, — сказал Тор сам себе. Следуй плану, прикончи Гота. Затем возвращайся в Сердце Лесов и приканчивай Орлака.

Тор задумался о Готе. Как он ненавидит этого типа! Сколько человек погибло из-за него!

Мысли Тора неизбежно вернулись к Эйрин. Ему стало грустно, а перед глазами появился образ красивой молодой женщины, повешенной вверх ногами столь варварским способом и оставленной умирать. Тор подумал, что даже Орлак убивает более гуманно. В некотором роде Тор был рад, что Квист тоже мертв, поскольку жизнь пирата была бы сломана без его большой любви. В этом не приходилось сомневаться. Он надеялся, что Янус Квист не узнал про смерть Эйрин, но было маловероятно, что Прокаженный не воспользовался возможностью помучить пирата и сообщил самые мерзкие детали перед тем, как убить его.

Тор подумал о недолгой, печальной судьбе Эйрин. Казалось, она жила полной жизнью, использовала все предоставлявшиеся возможности, но во время двух последних встреч он чувствовал в ней печаль. На поверхности это казалось разочарованием из-за того, что они с Тором могут быть только тайными любовниками и большими друзьями, — но не более.

Но Тор решил, что все было гораздо серьезнее. Эйрин не отошла от смерти Петира. Он знал, что она гордится тем, что смогла позаботиться о братьях. Эта женщина всегда яростно их защищала и растила практически с детства. Она взяла на себя заботу о них, когда сама еще была очень молодой. Тор знал, что именно Петир разбил ей сердце. Новость о его смерти и понимание того, что она не могла ему помочь, вовремя до него добраться, оставили шрам навсегда.

Тор разозлился от этого — и вспомнил. Воспоминание появилось, как удар. Норд Джеспер!

«Норд Джеспер!» — крикнул он мысленно, резко открыв канал связи и испугав Клута, который в эту минуту пировал.

«Да, его так зовут», — спокойно подтвердил сокол.

«Клут, это имя моряка, который избил брата Эйрин, Петира, и оставил его полумертвым. Петир так и не поправился, сбежал от Эйрин и Локки и закончил жизнь в притоне, в Карадуне, где продают стракку. Она нашла его там мертвым, опоздав всего на несколько часов», — Последние слова Тор произнес с трудом. В горле появился ком.

«Хорошо, Тор. Я тебя слышу. Ты отомстишь, обещаю. Они пока спят и никуда не уходят».

«Я отомщу за Петира от имени Эйрин. Она этого хотела».

«Отдохни немного, — посоветовал Клут. — Поговорим утром, когда сможешь четко мыслить».

Прозвучал еще один мудрый совет друга. Тор быстро попрощался и закрыл канал связи.

Он устроился рядом с Элиссой, проявляя осторожность, чтобы ее не побеспокоить, и

пытался не думать о Лаурин и ее страхе перед Орлаком. Вместо этого он представлял Гота и Норда Джеспера, просящих у него пощады.

## Глава 24

### Сюрпризы

Джуно неохотно пошла за Лаурин. Адонго последовал за ней.

— Что он хочет? — с опаской спросила Лаурин.

Служанка бросила взгляд на Адонго. Возможно, они обменялись какими-то фразами, но похищенная девушка этого не уловила и в испуге уставилась на Паладинов. Она инстинктивно поняла, что они сейчас взвешивают, говорить ей правду, или нет.

— Он хочет, чтобы ты провела с ним ночь, — по совету Адонго Джуно выбрала честность.

Лаурин затрясло от шока, потом она почувствовала головокружение. Адонго преодолел два шага, разделявших их, и подхватил девушку. Она тяжело опустилась на стул.

— Ты должна быть мужественной, госпожа Лаурин, — сказал он.

«Если пойдешь к нему добровольно, он не принесет тебе зла», — добавил он мысленно.

Лаурин слышала голоса у себя в голове, в ушах гудело. Ноги отказывались держать тело. Она затрясла головой.

— Я к этому не готова. Неужели вы попросите это от меня?

Джуно сморщилась от боли, прозвучавшей в голосе той, с которой она была объединена особой связью. «Мы должны, дитя».

— Не сопротивляйся этому. Он выбрал тебя, поставив выше всех других, — сказала Джуно вслух, ненавидя себя за это.

Теперь Лаурин дрожала всем телом. Адонго вышел из комнаты, а Джуно переодела девушку в белое платье, простого, но, тем не менее, красивого кипреанского покроя.

Лаурин ушла в себя. Ее охватила паника при мысли, что ей придется отдаться Орлаку, тому самому врагу, ради уничтожения которого они с братьями были рождены. Брат отца ее изнасилует. Девушка тупо смотрела в одну точку, молчала, а слезы катились у нее по щекам. Джуно тихо напевала, пытаясь успокоить подопечную. Она расчесала ей волосы и украсила белыми, пахучими цветами.

«Я должна поговорить с отцом», — объявила Лаурин, словно возвращаясь к окружавшей ее действительности.

«Пожалуйста, дитя, прошу тебя. Не рискуй отправлять зов. Этот проклятый может подслушивать. Ты поставишь под угрозу жизни всех. Моя собственная жизнь меня не волнует, но ты должна пережить это испытание, и вскоре мы уничтожим врага».

«Я не могу, Джуно».

Джуно стояла за Лаурин, и они обе смотрели в зеркало. Женщина-Паладин заговорила веселым голосом на тот случай, если их кто-то подслушивал:

— Вы очень красиво выглядите, госпожа Лаурин.

«Не заставляй меня это делать».

«У нас нет выбора. Мы должны это пережить, чтобы прийти к участию в последнем сражении».

— Какая заколка вам больше нравится? Из оленьего рога или черепашьего панциря?

Лаурин отказывалась отвечать.

«Я буду с ним бороться. Он принесет мне боль, а я виню в этом вас, тебя и Адонго, моих Паладинов, которые, как предполагается, должны отдать за меня жизнь».

Это был несправедливый удар, но Джуно приняла его, понимая, что так должно. Девочка испугана, и имеет для этого все основания.

Служанка сама выбрала заколку из черепахового панциря.

Вошел Адонго:

— Пора, госпожа Лаурин.

«Я ненавижу вас обоих!» — закричала она, пряча истинные чувства за ничего не выражающим лицом.

«Мы любим тебя, — сказали они вместе. — И мы отомстим за это».

Лаурин посмотрела на одну, потом на другого. Она знала, что Паладинам больно, но ее это не волновало. Она больше не могла плакать, но не могла и унять дрожь. Но теперь это было не страхом, а яростью. Внутри, у нее в сознании что-то щелкнуло, девушка успокоилась, и на фоне этого спокойствия в ее тело вливалась чистая, дикая ненависть, напоминая лаву.

Лаурин встала.

— Давайте с этим покончим.

Она спокойно пошла между Паладинами, отказываясь вступать с ними в мысленный контакт, хотя оба несколько раз пытались открыть канал связи. Лаурин полностью закрылась щитом, и даже ее Паладины не могли до нее дотянуться. Она не будет вступать в контакт с отцом и не позволит ему стать свидетелем этого ужасного события.

Молча поднимаясь по мраморной лестнице, девушка стала укреплять вокруг себя ментальные магические стены. Орлак сможет делать с ее телом все, что захочет, но к сознанию не прикоснется. Она не позволит ему вступить с ней в ментальную связь. Лаурин достаточно сильна, чтобы противостоять его ментальным щупам. Она не допустит его к себе — себе истинной. На самом деле, ею можно обладать только через канал связи. А Лаурин закроет его для врага.

«Я могу быть кем угодно, — успокаивала она сама себя. — Я вполне могу стать Ксантией. Или трупом».

В конце концов, девушка остановилась на последнем варианте, потому что именно это определение больше всего подходило к тому, как она себя поведет.

Когда они подошли к покоям Орлака, их пустили в приемную. Паладины снова попытались ее подбодрить, но Лаурин ответила им только холодным взглядом. А когда слуга Орлака пригласил ее заходить, она остановилась, не позволяя Паладинам пройти с ней.

Лаурин подняла руку ладонью к ним. У нее было суровое выражение лица, и сразу же становилось ясно: она приняла для себя решение. Девушка хотела зайти к нему одна. Она позволила слуге раскрыть перед собой дверь и вошла с отстраненным видом, которого ей, наконец, удалось добиться. Перед тем, как переступить порог, она в последний раз с грустью подумала о Джице.

Ей хотелось бы, чтобы первым был он. Но она не позволила себе над этим плакать.

Темнота окутала вечер, словно черная мантия. Орлак отпустил всех слуг. Последний проводил Лаурин на балкон и ушел. Благодаря прекрасному слуху девушка услышала, как за ним закрылась дверь. Она осталась одна со своим мучителем. Тот стоял у дальнего края балкона, повернувшись к ней спиной. Молодой бог был столь же ослепительно красив, он оделся в свободную белую рубаху, выпущенную над белыми брюками. Высокие черные сапоги подчеркивали его рост и худощавость фигуры. Лаурин не двигалась, и в это мгновение, наблюдая за врагом, ожидая его действий, поняла, что ужасно испугана.

Наконец, он повернулся. Его длинные золотистые волосы были зачесаны назад и завязаны в хвост. Кожа казалась бронзовой и отполированной.

— Спасибо за то, что пришла.

— А у меня был выбор?

Лаурин старалась говорить твердым голосом, но страх ее предал, и слова прозвучали нервно.

Он не ответил и улыбнулся ей. Улыбка получилась почти робкой. Мужчина приблизился к ней, но не прикоснулся. Вместо этого девушка с удивлением увидела, как он ей кланяется.

— На самом деле — нет. Но это не портит моего удовольствия от созерцания тебя. Лаурин, ты еще красивее, чем я представлял в мечтах.

Дерзкий тон Силка исчез, как и его намеки, и павлиньи манеры. Этот человек говорил

тихо. Одежда, хотя и сидела на теле великолепно, была простого фасона, в ней отсутствовали цвета, предпочитаемые «регентом». Силк говорил возвышенным стилем, почти поэтически, а Орлак выражался просто и прямо. Лаурин мгновенно запуталась. Она хотела уколоть его язвительным ответом, но ничего не получилось. Беспокойство снова подвело девушку.

Единственное, что в нем не изменилось, так это фиалковые глаза. Они притягивали ее к себе и заставляли принять его.

Орлак показал на стол.

— Ты присоединишься ко мне? Здесь работает главный повар из прославленной поварской семьи. Как я понимаю, твой отец с ним знаком. — Орлак улыбнулся. — На самом деле, твой отец спас ему жизнь. Похоже, мой повар считает нашего общего родственника героем.

Это было сказано по-доброму. Если Лаурин все правильно поняла, то это произнесено, чтобы заставить ее улыбнуться, даже расслабиться.

Лаурин отчаянно хотела не поддаваться обаянию Орлака и отвела взгляд от его притягивающих фиалковых глаз.

— Зная о его преданности моему отцу, вы не боитесь, что он может вас отравить?

— Я принял меры предосторожности, — мягко ответил он. — Хотя я считаю, что Рик очень серьезно относится к приготовлению пищи. Это его страсть, и он не станет портить блюдо чем-то, что может сделать его горьким. — Похититель очень тихо вздохнул и взял ее за руку, но не оказывал на нее никакого давления. — По крайней мере, я хочу так думать.

Вот оно, снова — умаляющие собственное достоинство манеры. Лаурин хотела отказаться от пищи, игнорировать Орлака, заставить его навязываться ей, но против воли позволила ему проводить себя к столу.

— Я позволил себе смелость выяснить твои любимые блюда, — он несколько смущенно пожал плечами. — Конечно, у нас не было времени на выяснение деталей, но Рик очень старался. Надеюсь, что еда тебе понравится.

Лаурин вопросительно посмотрела на него. Она пыталась определить появившееся в нем новое качество. Дело было не в нервах, потому что Орлак, как и всегда, вел себя уверенно, любезно и естественно демонстрировал изящные манеры. Но девушка поняла, что он очень хочет сделать так, чтобы ей было удобно. Похититель пытался произвести на нее впечатление, как делал бы любой новый возлюбленный. Это ставило в тупик. Его вежливость, ухаживания, красивый голос, вызывающая возбуждение внешность, как была вынуждена признать девушка, тоже служили усилению ее смущения. Лаурин запуталась еще больше! А его голос, к тому же, еще и напоминал голос отца.

— Выглядит очень аппетитно, благодарю, — произнесла она, не веря собственной любезности.

Орлак спросил разрешения налить ей немного вина.

— Оно тебе понравится, — сказал он, наливая совсем чуть-чуть в ее кубок. — Просто попробуй и скажи мне. Если не понравится, закажем что-нибудь другое.

Лаурин попробовала. Вино вызвало невероятный взрыв вкусовых ощущений у нее во рту, и она не могла поверить собственной улыбке.

— Очень хорошее вино, — признала девушка.

Орлак улыбнулся, довольный комплиментом, и скромно наполнил ей кубок. Наверняка он не собирался преднамеренно ее спаивать.

— О-о, и у меня есть кое-что для тебя, — сказал он и внезапно вскочил на ноги.

В конце стола лежал бархатный свиток. Орлак протянул его ей и отвернулся.

— Я хочу подарить это тебе.

Теперь девушка смутилась. О, Свет! Она не могла понять врага. Лаурин и в самом деле не хотелось это разворачивать, но Орлак смотрел на нее так, словно затаил дыхание.

— Вы хотите, чтобы я сейчас это рассмотрела?

Он пожал плечами, на лицо вернулась неловкая улыбка. Орлак взял бокал и сделал

глоток. Лаурин развернула бархат. Внутри лежало ожерелье из ослепительных зеленых камней, напоминающих цвет моря. Каждый из них выглядел так, словно внутри него горел огонь. Пламя свечей фантастически отсвечивало от поверхности каждого камня. Девушка была ошарашена. Похититель смотрел на нее уголком глаза. Невероятно, но ей показалось, будто он не уверен, что ему теперь делать.

«Зачем ты добиваешься ее? Зачем обхаживаешь, племянник? Она — твоя рабыня. Мы же решили, что ты с ней удовлетворишь все свои желания. Меня тошнит от этих ухаживаний. Бросай ее на спину, получай удовольствие — и все. Затем повтори это же завтра ночью, чтобы она почувствовала себя использованной и развращенной. Как еще ты заставишь ее позвать отца?»

«А меня тошнит от тебя, Доргрил. Убирайся».

«Я предупреждаю тебя...»

«Убирайся!» — закричал Орлак мысленно и знал, что боль от отчаяния отразилась на лице, и гостя это увидела.

Туман внутри потемнел и ушел прочь, свернувшись. Старший бог пребывал в дурном настроении.

Лаурин не знала, что от нее ожидается, и следила за лицом Орлака, ожидая какого-то знака. Она заметила, что он встревожен, и это испугало ее еще больше. Казалось, в нем уживается невероятно много различных личностей. Девушка заставила себя отвернуться от своего похитителя и снова посмотрела на бархат. Ей предстояло стать его наложницей. Она предположила, что поэтому ей следует украшать тело так, как он хочет.

Лаурин уже решила думать о себе, как о наложнице Орлака. Только так она могла не путать эти отношения с ее чувствами к Джилу. Она хотела быть его возлюбленной и не желала, чтобы ее касался какой-то другой мужчина. Любовь свою она отдаст только Джилу. А поскольку враг вознамерился ее использовать, она станет для него просто предметом.

— Вы хотите, чтобы я это надела?

Казалось, он снова взял себя в руки и пожал плечами.

— Только если оно тебе нравится. Я выбирал ожерелье, подходящее к твоим прекрасным глазам.

Лаурин сглотнула. Он вел себя так, что его было трудно ненавидеть. Вместо этого Орлак напоминал смутившегося мальчишку.

— Можно? — спросил он, показывая на камни.

Лаурин кивнула. Что еще девушка могла сделать? Если она плюнет ему в лицо или сбросит ожерелье с балкона, это только приведет его в ярость, а Джуно и Адонго советовали ей не злить его. Паладины рассказывали ей, что Орлак способен сотворить в таком состоянии. Она сама никогда не видела его в гневе, но не станет его провоцировать.

Лаурин почувствовала, как Орлак оказался у нее за спиной и застегнул ожерелье у нее на шее. Однако он даже не попытался ее погладить. Его пальцы оказались очень близко, но он ни разу не коснулся ее кожи. Ожерелье идеально легло на шею. Оно было тяжелым и холодным. Орлак обошел девушку, чтобы восхититься ею.

— Это красивое ожерелье, оно достойно тебя. Твоя красота оттеняет камни, и они кажутся идеальными на твоей шее.

Девушка склонила голову, принимая комплимент. Она совершенно не представляла, что ему сказать.

— У меня для тебя есть еще один подарок, — сказал он. — Тебе он может понравиться больше, чем ожерелье. — Орлак улыбнулся и вышел из-за стола. — Я скоро вернусь. Пожалуйста, ешь.

Он исчез в покоях. Лаурин потрясла головой, чтобы прояснить мысли. Пока ее коснулись только его улыбка и взгляд. Девушка думала, что он набросится на нее, как только она зайдет в покои. Но родич оказался обворожительным и внимательным. Так мужчины ведут себя с понравившимися женщинами.

Орлак появился вновь.

— Я подумал, что он может скрасить здесь твое одиночество. — У него на руках сидело крошечное пушистое существо.

Когда существо подняло головку, Лаурин поняла, что это щенок, и не сомневалась, что его только что отняли от мамки. Она в удивлении приоткрыла рот, и сердце у нее растаяло при виде огромных, темных доверчивых глазок. Щенок зевнул на руках у Орлака, потом твякнул, и мужчина вручил его Лаурин, которая мгновенно влюбилась в эту собачку с золотистым окрасом шерсти.

— Я не стал давать ему кличку, но он вырастет в красивого гордого зверя. Поэтому его имя должно этому соответствовать.

Орлак сел, и Лаурин снова обратила внимание на его нерешительность.

— Он такой красивый!

— Но не настолько, как ты. Но, как и ожерелье, он тебе хорошо подходит.

— Спасибо, — поблагодарила она, на этот раз не в силах скрыть удовольствие от неожиданного подарка.

— Он всегда будет защищать тебя, Лаурин. Когда пес вырастет, никто не сможет причинить тебе зла.

Странно, но эти слова прозвучали пророчески и глубоко повлияли на нее. Камни, его отношение, его чувствительность, а теперь этот продуманный подарок, эта забота о ней, страдающей в одиночестве... Лаурин расплакалась. Орлак молча сидел, наблюдая за ней, пока она не успокоилась. Щенок счастливо заснул у девушки на коленях.

Она шмыгнула носом:

— Я назову его Пелисс.

— А-а, — улыбнулся Орлак. — В честь бога, защитника против всех демонов?

Лаурин кивнула, на самом деле не зная, почему посчитала это подходящей кличкой.

— Отличный выбор, — признал он и протянул руку к вину. — А теперь поешь, Лаурин. Тебе нужно поесть.

Так девушка оказалась в этой странной и неожиданной ситуации. Она ужинала и разговаривала с Орлаком. Это казалось немыслимым. Все люди, которых она любила, готовились к ужасной схватке, в то время как она сидела здесь со щенком на коленях, ожерельем на шее, пила прекрасное вино и пила, а ее враг рассказывал ей о Кипресе — все, что узнал об этом сказочном городе, столице Чужестранных островов. Лаурин было стыдно признать, что похититель оказался прекрасным собеседником, гораздо более остроумным и интересным, чем «регент» Силк. Несколько раз он заставил ее громко смеяться. И она видела, что Орлак очень доволен, вызвав ее смех.

Вечер тянулся дальше, свечи почти догорели. Орлак, тем не менее, не предпринимал никаких шагов, вызвавших бы у нее тревогу или отвращение.

— Не хочешь прогуляться в саду? По ночам в них стоит особенно приятный запах.

Он взял с собой два только что наполненных кубка с вином. Это предложение означало, что они покинут его покои. Мысль радовала и успокаивала.

— Да, — ответила Лаурин, глядя на спящего щенка.

— Пелисс будет здесь в безопасности, — сказал Орлак.

Значит, он собирается снова привести ее в свои покои, с грустью решила она. От судьбы не уйти. Лаурин кивнула и даже взяла мужчину под руку, которую он предложил. Они направились к каменной лестнице, ведущей в сад внизу, молча прошли по розовому саду, а потом — по фруктовому.

Нельзя сказать, что Лаурин было неудобно, но она не могла полностью расслабиться, как Орлак, вероятно, надеялся. Чтобы успокоить его и дать понять, что она получает удовольствие, девушка позволила вести себя, держалась за его руку и даже тихо смеялась, когда он помогал ей перейти через маленький пруд по камням.

Орлак проводил ее к скамейке в закрытом саду, где выращивались лекарственные травы. Его окружала стена сильно пахнущей жимолости, добавляя особый аромат к различным запахам, пронизывающим ночь.

— Мне здесь нравится больше всего, — таковы были его первые слова после того, как они покинули балкон. — Не возражаешь, если мы тут немного посидим?

Он протянул ей один из кубков.

— Совсем нет, — ответила Лаурин и сделала глоток, зная, что каждая минута здесь откладывает время, когда она окажется под его телом. — Здесь очень красиво. Вероятно, Рик использует эти прекрасные травы для приготовления блюд.

Орлак кивнул и скорчил гримасу.

— Только проследи, чтобы Пелисс не заходил сюда во время прогулок.

Она рассмеялась.

— Прослежу.

Опять воцарилось долгое молчание. Лаурин не знала, что делать и говорить. Наконец, Орлак вздохнул и попросил:

— Расскажи мне о моем брате.

Это ее удивило больше всего в тот вечер. Лаурин сделала глубокий вдох и задумалась над тем, что говорить. Ей придется проявлять осторожность, потому что враг мог преднамеренно затягивать ее в ловушку. Вероятно, он хочет, чтобы она выдала информацию, которую ее похититель сможет использовать против них. Она начала с описания Тора и представила его старшему брату столько деталей, сколько вспомнила — от невероятных темно-голубых глаз до манеры говорить.

Орлак ее не прерывал.

— Сейчас, когда я разговариваю с вами, вы мне его напоминаете, — призналась она, не желая ничего больше рассказывать про отца, поскольку это могло быть опасно.

Это было единственной фразой за последние несколько минут, над которой она не подумала тщательно.

Он в задумчивости вертел в руке кубок с вином, желтоватая жидкость блестела в ярком лунном свете.

— Мы вскоре встретимся и попытаемся уничтожить друг друга, — сказал Орлак без каких-либо эмоций в голосе.

Он просто утверждал это.

И Лаурин снова произнесла то, что пришло на ум, зная, что это опасно:

— Но почему это должно быть так?

— Это так, — пожал плечами Орлак, глядя в землю.

Лаурин использовала этот важный момент.

— Вы одной крови. Неужели это ничего не значит?

— Ты не страдала так, как страдал я, — произнес он мягко.

— Но мой отец не виноват в ваших страданиях.

Орлак поднес кубок к губам и осушил.

— Я только на него могу вылить свое отчаяние. Больше никого нет.

— А если вы убьете его, убьете меня... Это вас удовлетворит?

Наконец, он повернулся к ней и посмотрел на нее большими печальными фиалковыми глазами.

— Я не убью тебя, Лаурин.

Девушка точно также напряженно смотрела ему в глаза, чтобы он знал: она имеет в виду именно то, что говорит.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убить вас и не позволить вам принести зло моей семье.

— Я знаю, — сказал он грустным шепотом.

Затем Орлак склонился к ней и очень нежно поцеловал ее. В эти мгновения, пока длился поцелуй, Лаурин почувствовала его любовь к ней. Но имелось и что-то еще, и она не отпускала его губ, пытаясь определить, что это. Она выпустила щуп и в это мгновение его слабости заметила внутреннюю борьбу. Лаурин не знала, что это за борьба и почему она идет, но почему-то смогла определить: Орлак отчаянно хочет быть таким, какой он с ней. А

что-то внутри него хочет, чтобы он стал полной противоположностью. Девушка чувствовала, как он отталкивает что-то зловещее, и решила, что это, вероятно, его темная сторона, которая хочет мстить, как он мечтал на протяжении стольких веков.

Орлак отодвинулся от нее.

— Уже поздно, — сказал мужчина. — Думаю, что к этому времени Джуно и Тит чувствуют себя очень несчастными. Вижу, что ты уже произвела на них такое же впечатление, как... — Орлак не закончил фразу. Вместо этого он встал. — Я должен отпустить тебя в твои покои.

Лаурин была слишком испугана и боялась сказать нечто не то, что заставит его изменить решение. Неужели ей на самом деле так повезло, удалось избежать кошмара?

Орлак помог ей встать, затем вежливо поклонился и поднес ее руку к губам.

— Спасибо за то, что позволила мне поцеловать тебя. — У него на губах появилась легкая улыбка, но быстро исчезла. — Я сразу же пришлю тебе Пелисса. В твои покои вот сюда, — он показал на освещенное крыло.

А затем он исчез, направился вверх по ступеням. Лаурин снова опустилась на скамью. В душе у нее все бурлило, колени дрожали. И она просто не могла никуда идти. Она избежала кошмара. Орлак ей это позволил. Он сделался для нее загадкой. Хуже... Она больше не чувствовала презрения или отвращения... Она даже больше не чувствовала страха. Было только жалко его.

Наконец, она вернулась в свои покои, где ее уныло и мрачно поприветствовали Джуно и Адонго. У них на лицах был написан страх. Паладины явно переживали из-за того, что ей пришлось вынести за последние несколько часов.

«Мы не хотели беспокоить тебя, дитя, и врываться в твои мысли, — прошептала Джуно прямо ей в сознание, объясняя, почему не открывался канал связи. — Тебе больно?»

Лаурин покачала головой. Она не могла говорить, запутавшись в своих чувствах.

«Мы приготовили для тебя ароматическую ванну».

Она так и не смогла привести мысли в порядок, поэтому молчала. Друзья приняли это за отчаяние и проводили девушку к теплой воде, чтобы смыть запах Орлака с ее тела.

Следующие три вечера Орлак и Лаурин ужинали вместе и гуляли в саду. Каждый раз молодой бог был обворожителен и внимателен. Девушка сказала ничего не понимающей паре Паладинов, что соврет, если не признает, что получает удовольствие от этих вечеров. Она даже заявила, что с нетерпением ждет времени, которое проводит с Орлаком.

Ни Адонго, ни Джуно не понимали действий Орлака. Оба ожидали худшего — что он силой возьмет Лаурин и оставит ее сломленной. Они не могли представить, что он станет ухаживать за ней, а что еще хуже — она будет отвечать ему дружбой.

Женщина-Паладин чувствовала, что Лаурин начала жалеть бога. Если бы она только знала, через что прошли Паладины, чтобы сейчас оказаться здесь, то девушка не стала бы испытывать жалость, она бы его презирала. Но Джуно понимала хитрые махинации бога. Вероятно, это какая-то уловка, хитрость.

Адонго с ней соглашался. Он даже высказал предположение, что это затишье перед бурей. И был прав.

\* \* \*

Локки скакал, как ветер, останавливаясь только, чтобы накормить и напоить лошадь. Он спал урывками в кустах и питался запасами, которые нашел в седельных выюках. Но по большей части его гнала вперед целеустремленность. Он хотел достойно выполнить задание и избавиться от чувства вины. Ведь он сам выжил, а Эйрин и Янус Квист мертвы. Поэтому он с мрачным видом гнал к Карадуну с единственной целью — добраться туда вовремя, чтобы встретиться с королем Джилом.

Ему повезло. Локки стер пыль с лица и снизил скорость при въезде в сам Карадун. Он увидел, что маленький город как будто резко разросся. Количество людей стало намного

больше, на улицах бросались в глаза яркие знамена и гербы короля Джила. Площади заполнили королевские гвардейцы, которые вели себя, как хозяева.

На лице парня появилась улыбка. Локки задумался, не попрятались ли карадунцы по убежищам. Наверняка им не понравится такое внимание со стороны правителей Таллинора, особенно — самого короля. Джил был известен, как честный игрок, который безжалостно преследовал нарушителей закона, будучи помощником прайм-офицера.

Локки сделал глубокий вдох. Он успел. Он сдержал обещание, данное Тору, добрался до Карадуна вовремя. Парень спрыгнул с лошади и повел довольное отдыхом животное по городу к борделю, который совсем недавно называл домом. Он предположил, что гостиница до сих пор работает, и не хотел встречать никого из девушек, поэтому обошел здание сзади. Там нашлись свежее сено и овес для смелой лошади. Юноша напоил кобылу, потом несколько минут вытирал ее, вспоминая наставления Саксона. Клук говорил, что всегда нужно первым делом позаботиться о лошади.

Занимаясь животным, Локки задумался о борделе и понял, что теперь он принадлежит ему. Эйрин и Квист мертвы, больше никаких родственников нет. Но этим он займется позднее. Теперь нужно найти короля.

Даже не умыв лицо, он украдкой выбрался назад в город, раздумывая, как встретиться с правителем.

Локки спросил указаний у нескольких солдат, большинство из которых явно желали ему хорошенько врезать. Ишь ты, с королем он хочет встретиться! — отчетливо читалось на их лицах. Однако последний солдат, с которым парень разговаривал, выглядел опытным человеком. Он осмотрел юношу, прищурившись.

— Похоже, ты долго ехал верхом, парень, — заметил солдат хриплым голосом.

— Я ехал из центральной части страны, и почти не делал привалов.

— Значит, спешишь, — сказал солдат, почесывая голову. — Увидеть короля, я имею в виду.

— Мне нужно с ним поговорить. У меня есть новости, которые он должен услышать.

Старый гвардеец увидел, что парень очень устал, а также покрыт пылью и наверняка голоден.

— Вот там устроился прайм-офицер, — солдат показал на здание на удалении, которое, как знал Локки, пустовало уже много лет. — Поговори с ним. Это почти то же самое, что поговорить с королем.

У Локки засияло лицо. Прайм-офицер! Это слово произвело на него большее впечатление, чем мысль о встрече с правителем.

— А он согласится со мной встретиться?

— Этого я тебе сказать не могу. Могу только указать тебе нужное направление, парень. Остальное — твое дело.

Локки поблагодарил старого солдата, который пошел дальше, пожелав ему удачи. Парень развернулся и посмотрел на дом, который прайм-офицер сделал своим штабом. Там постоянно сновали люди. Очевидно, туда приходили сообщения, а из штаба отправлялись другие. Это был центр сбора всей информации, в котором обосновался старший командир.

Локки сглотнул. Он должен произвести впечатление на этого человека. Эта мысль прочно засела у него в голове, когда молодой человек направился к дому. Но его тут же остановили два стражника.

— Остановись, парень. Сюда вход воспрещен, — сказал один.

— Мне сказали, что я смогу здесь поговорить с прайм-офицером Хереком.

— Правда? И кто такое сказал? Может, его мать? Я думаю, что она — единственный человек в его жизни, который еще может на него повлиять.

Они оба рассмеялись над собственной шуткой. Локки не тронулся с места. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Один солдат сказал, что я могу получить аудиенцию у короля, если вначале поговорю с прайм-офицером.

Теперь стражникам стало еще веселее.

— О-о, теперь ты хочешь поговорить с королем? Ну, парень... Почему ты сразу не сказал? Конечно, король тебя примет. Ему больше нечего делать, кроме как пропустить стаканчик или съесть чего-нибудь сладенького с таким, как ты.

Второй стражник толкнул его в бок:

— Иди отсюда, парень. Мы здесь по серьезному делу.

— Я знаю. Именно поэтому я нахожусь здесь и пытаюсь поговорить со своим монархом о вещах, которые имеют отношение к серьезному делу, которое упомянули вы, — он говорил ровным и жестким тоном. Шутки прекратились.

— Больше я тебе повторять не буду, — заявил один из стражников. — Уходи немедленно, или мы тебе надерем задницу.

— Можете попробовать, но тогда король не получит сообщения от своей матери, которое привез я.

Они фыркнули.

— Королевы-матери, да? — спросил один.

Локки кивнул. Второй врезал ему в ухо, и Локки упал на землю.

— Королева-мать находится в монастыре, недалеко от столицы, и восстанавливает силы после пережитой потери, слышишь, ты, бродяга с волосатым задом! Она не станет разговаривать с кем-то вроде тебя, — заявил стражник, который ударил Локки.

В левом ухе у юноши звенело. Он потряс головой, чтобы этот странный звук прекратился.

— Эй, стража, оставьте парня в покое, — прозвучал голос старого солдата, который тут же помог Локки подняться на ноги. — Я думал, что они сделают что-то подобное. -

Он обернулся на стражников. — Дайте ему сделать то, о чем он просит. Вы же знаете, что нам требуется вся информация, которую только можно собрать. Король не поблагодарит вас за то, что вы отправили прочь человека с ценными сведениями.

Стражники посмотрели на Локки с сомнением.

— У нас есть приказ, — сказал один.

— А разве это помешает? Просто спросите.

Второй стражник пожал плечами и нехотя направился к дому.

— Скажите им, что я могу это доказать, — крикнул Локки ему в спину и повернулся к старому солдату. — Спасибо.

— Потом угостишь меня элем, — ответил он.

Стражник долго не возвращался, а потом, когда, наконец, он появился, подтолкнул Локки к дому.

— У тебя одна минута на объяснения.

Локки повернулся к старому солдату:

— Пожелайте мне удачи.

— Уже пожелал, — ответит тот, глядя, как Локки направляется к двери.

Внутри стояла очередь из солдат, которые получали приказы. Локки не видел прайм-офицера, но слышал громкие голоса. Он задумался, который из голосов принадлежит Хереку.

— Подожди здесь, — сказал один солдат и показал на стену у самой двери.

Локки сделал, как ему велели, и попытался привести себя в порядок, но тщетно. Солдат вскоре вернулся и позвал его за собой:

— У тебя только одна минута.

— Мне уже сказали, — пробормотал Локки и последовал за ним.

Они протолкнулись сквозь толпу солдат, окружавших стол, и Локки оказался лицом лицу с человеком, о встрече с которым мечтал. Херек оказался худым, среднего роста, но сразу же становилось ясно, что он пользуется уважением.

Именно он был главным в этом помещении. Заговорил он тихим и спокойным голосом, внимательно осматривая покрытого пылью парня перед собой.

— Сколько ты был в седле?

Локки знал, что у него мало времени, и он должен все сделать с первой попытки. Не следовало тушеваться или трепетать.

— Три дня, сир.

— Откуда ехал?

— Из Великого Леса, прайм-офицер Херек.

— Один?

— Я ехал один. Да, сир. Но в Великом Лесу я был не один, а вместе с Торкином Ги...

Херек его оборвал и подал какой-то знак. Солдаты тут же стали расходиться. Херек посмотрел на Локки и поднял один палец. Юноша понял, что ему следует молчать, пока их могут подслушать. Через несколько минут помещение опустело, осталось всего несколько человек, и прайм-офицер снова обратился к нему.

— Теперь можешь говорить спокойно. Садись.

Локки был благодарен за это и еще больше удивился, когда Херек сам налил в кружку воды и протянул ему:

— Вначале выпей, а потом поговорим. Ты ел?

Локки покачал головой, пока пил воду, пытаясь утолить жажду, о которой не подозревал. Херек кивнул, и кто-то сразу же исчез, чтобы принести еды.

— Лучше? — спросил прайм-офицер, когда Локки допил кружку.

— Гораздо. Спасибо, сир.

— Хорошо. А теперь рассказывай все, что собирался.

Локки привел мысли в порядок. Сейчас он говорил с командиром всей армии — прайм-офицером. Выше поста не было, за исключением самого короля. Этому человеку должен понравиться краткий и четкий отчет.

— Вы сказали, что мы можем говорить свободно?

Прайм-офицер кивнул.

— Новая монархия Кипреса, королева Сэйрел, сейчас прячется в Великом Лесу...

Его тут же перебил Херек. В помещении послышались крики.

— Так-так, парень! — воскликнул прайм-офицер. — Королева Кипреса?

Локки кивнул.

— Позвольте мне рассказать вам все, сир, а потом, возможно, я отвечу на ваши вопросы.

На Херека парень произвел впечатление. Он прекрасно держался:

— Хорошо. Начинай с того, кто ты.

Локки заговорил и рассказал прайм-офицеру, который с каждой минутой беспокоился все больше и больше обо всем, что случилось после появления двух кипреанок на таллинезской земле.

— ... И мы решили, что кто-то должен передать сообщение королю. Выбрали меня.

В помещение воцарилась тишина.

Наконец, прайм-офицер потер лицо обеими руками.

— Торкина Гинта забили камнями несколько лет назад. Я сам присутствовал на казни. Я видел, как он сделал последний вздох, как раз перед тем, как камень пробил ему голову, и она лопнула, словно перезрелый фрукт. — Он посмотрел на Локки. — Это противоречит здравому смыслу!

Юноше хотелось пожать плечами. Он не знал ничего из этого.

— Он жив, сир. Я за эти последние годы много раз разговаривал с ним. Мы вместе отправились в Кипрес, где он спас мне жизнь... На самом деле, два раза спас.

Остававшиеся в помещении солдаты ухмыльнулись, но не Херек, который сильно прищурился, рассматривая серьезного парня.

— Расскажи мне о Гинте.

Локки сделал это. Описание совпадало.

— А где вы познакомились?

— На корабле, сэр. На «Осе», которая направлялась в Кипрес, как я и упоминал.

— Значит, ты встречался с королевой? Я не знал, что ее зовут Сэйрел, — сказал Херек, пытаюсь найти несоответствия в невероятной истории, которую только что услышал.

— Да? М-м-м... Королева Сильвен убита. Тор считает, что это сделал Гот...

Локки замолчал, увидев, как прайм-офицер рассвирепел при одном упоминании этого имени.

— Гот? Элмид Гот, бывший Главный Инквизитор Таллинора? — он спросил это шепотом. — Осторожно, парень. Я хочу услышать правду.

— Да, прайм-офицер Херек. Я говорю только правду. Этот тот самый Гот. Именно он убил королеву, а ее дочь сбежала от узурпатора, Орлака.

— Значит, Гот сейчас в Кипресе? — спросил Херек и принялся вышагивать из стороны в сторону.

— Э-э-э... нет, сир.

— Но ты только что сказал, что он убил королеву Сильвен.

Локки чувствовал, как у него учащается сердцебиение, пока он рассказывал о гнусной работе Гота, вернувшегося в Таллинон.

— Он в Таллиноне, сир. Недавно он убил в Карадуне мою сестру, Эйрин Квист. Он убил и ее мужа, капитана Квиста, который поехал вместе со мной и кипреанками.

Ты это видел, знаешь, что это правда? — спросил запутавшийся и сомневающийся Херек. Тем не менее, прайм-офицер был заинтригован.

Херек едва ли верил услышанному. Рассказ парня все больше и больше усложнялся.

— Свет уберег меня от присутствия на казни моей сестры, сир, в особенности такой жестокой, как выбрал Гот. Он вспорол ей живот. — Локки сжал кулаки. — Я видел голову Януса Квиста в Великом Лесу. Гот специально сохранил ее для нас.

— А где он сейчас, парень? — Херек схватил Локки за рубашку спереди.

Локки не сопротивлялся и не пытался вырваться.

— Его держат в плену в Сердце Лесов. Он у Торкина Гинта.

Локки увидел, как в бездонных глазах прайм-офицера медленно зажигается огонь. Херек отпустил рубашку парня.

— И ты говоришь, что Элисса... э-э-э... Королева-мать находится в Великом Лесу вместе с Саксоном и Саллементро? — в голосе прайм-офицера звучало недоверие. Как музыкант-то вляпался в это дело? Когда успел? — Мне сказали, что она отправилась в монастырь восстанавливать силы после потери мужа.

— Простите, сир, но у вас неправильная информация. Я видел королеву-мать несколько дней назад. — Локки пожал плечами. — Она обняла меня на прощание, — добавил он, и Херек не мог не улыбнуться внутренне, глядя на смелого парня.

— Съешь что-нибудь, Локки. У меня от твоей истории волосы дыбом встают.

Херек показал на тарелку, к которой Локки не смел прикоснуться, пока говорил. Теперь он жадно принялся за еду.

— Ты утверждаешь, что можешь это доказать? — спросил Херек.

Локки кивнул. Рот у него был полон.

— Подожди здесь, — приказал Херек и прошептал что-то подчиненным, потом исчез.

Локки ел, а солдаты вокруг него молчали и держались отстраненно. Юноша задумался, поверил ли кто-нибудь ему. Херек долго отсутствовал.

Наконец, дверь резко распахнулась, и он снова появился, но в сопровождении еще одного мужчины. Этот оказался не особо высоким, но крепким и сильным. Держался он властно. Человек был одет, как солдат, на боку у него висел меч, из сапога торчал кинжал. Вновь появившийся мгновенно произвел впечатление на Локки. На него нельзя было не обратить внимание.

— Это он? — спросил незнакомец.

Херек кивнул.

— Локки, поклонись. Это твой властитель, король Джил.

Локки не знал, что ему делать в первую очередь — кланяться или выплевывать то, что во рту. Он сделал и то, и другое: выплюнул еду изо рта в руку и быстро поклонился, выказывая уважение монарху.

— Ваше величество, — произнес он, надеясь, что действует правильно.

— Вольно, — ответил король.

Когда Локки выпрямился, король Джил уже приветственно протягивал ему руку. Молодой человек пришел в ужас. Ведь его собственная рука была полна не пережеванной пищи. Он тут же бросил ее на тарелку рядом, а ладонь быстро вытер о штаны. Затем он пожал королю руку в таллинезской манере. Властитель, похоже, не заметил ни его волнения, ни грязной руки.

Вместо этого Джил улыбнулся, чтобы парень расслабился.

— Прайм-офицер только что пересказал мне удивительную историю, которую ты привез. — Локки кивнул. — Я верю тебе потому, что сам встречался с Торкином Гинтом и знаю, что моя мать не в монастыре. Очевидно, у тебя есть какое-то доказательство того, что ты недавно с ней виделся.

— Да, Ваше величество... Простите, — сказал Локки и стал рыться в карманах. Их у него было несколько, но, наконец, он нашел нужный. — Она просила меня передать это вам, чтобы вы знали: я говорю правду.

Он протянул руку, и король сделал то же самое. Взглянув на свою ладонь, Джил увидел, что Локки опустил туда бледно-зеленый овал, маленький камень.

Джил сделал глубокий вдох.

— Похоже, господа, что этот парень говорит правду, — заявил он, обращаясь к остальным в помещении. Потом король посмотрел на Локки. — А теперь рассказывай все, что знаешь.

И Локки снова пересказал все, что знал... На этот раз он сообщил королю, что Лаурин держит в плену не регент Силк. Силк — это и есть Орлак, тот самый незнакомец, о котором Джила предупреждала Элисса.

— Они боятся, что вы можете угодить в капкан, Ваше величество.

Король кивнул в задумчивости:

— Это меняет дело. А они что-нибудь советовали?

— Нет, Ваше величество. Элисса сказала, что вы сделаете все, что должны, ради спасения Лаурин.

Король снова повернулся к Локки.

— Ты проявил большую смелость, сынок. Мы должны наградить тебя за твои усилия.

Локки покачал головой:

— Нет, сир. Мне ничего не нужно. Я сделал это ради моей умершей сестры и ее мужа.

Король кивнул.

— Но что-нибудь мы можем для тебя сделать, Локки?

— Да, Ваше величество, — его момент настал.

— И что?

— Ваше величество... м-м-м... всю жизнь я мечтал только об одном.

— И о чем же? — спросил король, которому явно стало забавно. Потом он бросил взгляд на Херека.

— Могу я обратиться к прайм-офицеру, сир?

— Давай.

Локки повернулся к Хереку и поклонился.

— Прайм-офицер Херек, я предлагаю вам свои услуги. Я хочу вступить в королевскую гвардию и защищать жизнь монарха своей собственной. Самое большое мое желание — стать солдатом. Клук Саксон сказал, что вы можете предоставить мне такую возможность, если я произведу на вас хорошее впечатление. Он сказал, что поручится за меня.

Король подмигнул Хереку. Прайм-офицер обратился к Локки.

— Сколько тебе лет, Локлин Гилбит?

— Шестнадцать, сир, — соврал парень.

Херек видел, что парень прибавил себе немного годков.

— Понятно. Таким образом, по возрасту ты подходишь. Можешь вступить в отряд, но, думаю, что тебе нужно еще немного подрасти.

Локки нервно взглянул на прайм-офицера, потом опустил глаза.

— Да, сир. Я понимаю, что рост у меня недостаточный, но я умею читать, писать и постоять за себя, сир. Я люблю подраться.

Херек положил руку на плечо Локки:

— Нам не нужны твои мускулы, парень. Отряд сразу же замечает острый ум, если он есть. Ты доказал, что ты смелый и находчивый парень, а люди, подобные тебе, встречаются редко. Добро пожаловать в армию, Локки. А теперь иди вот с этим человеком, и он обеспечит тебя всем необходимым.

— Нам нужны хорошие солдаты, вроде тебя, Локки, — сказал Джил. — Особенно — те, кто знает Кипрес. Ты поедешь с нами.

Локки опустился на колени, чтобы поблагодарил монарха, но Джил остановил его:

— Иди отдохни, сынок. Тебе требуется отдых, а мы пока будем искать быстрый корабль.

— У вас нет корабля? — спросил Локки.

Король поморщился:

— Нет, мы не таскаем их за собой, как фургоны. Мы надеялись арендовать его здесь, хотя твое сообщение заставляет меня переработать наши планы.

— Ваше величество, э-э-э... У меня есть корабль, которым вы можете воспользоваться. Это самый быстрый корабль в Карадуне.

Джил с Хереком повернулись к парню.

— Поясни, — попросил король.

— Это корабль Януса Квиста, «Ворон». Теперь он мой, Ваше величество. И я предлагаю его вам для быстрого и безопасного путешествия на Чужестранные острова.

— О, Свет, парень, да ты — просто бесконечный поток сюрпризов!

Локки улыбнулся:

— У меня даже есть надежная команда, Ваше величество.

— Херек, давай обеспечим мальчика всем необходимым, а затем сразу же отправимся на причал. Если все так, как он сказал, то мы отплываем сегодня вечером.

## Глава 25

### Капитуляция

Четыре человека вышли из Великого Леса в окрестностях Илдагарты. На Хелу и Сэйрел произвел впечатление волшебный способ передвижения, предложенный Рубином. Они только немного запыхались.

Рубин шепотом поблагодарил деревья. Но если Великий Лес и ответил ему, то другие этого не слышали.

Юноша повернулся к Кайрусу.

— Что мы делаем теперь?

Солдат прищурился, осматривая землю впереди.

— Спускаются сумерки. Я бы рекомендовал направиться в город и снять какие-нибудь комнаты на ночь. Лучше принимать решения на сытый желудок и после хорошего ночного сна.

Хела одобрительно улыбнулась Кайрусу и уже не в первый раз восхитилась его красотой и манерой держаться. Они знали друг друга совсем немного, но женщина чувствовала, как ее неумолимо тянет к нему, и ничего не могла с собой поделать. Да, он на самом деле выглядел так, что не мог не привлечь любую женщину. Каждая им восхитится. Но в действительности, ее привлекала не внешность. Было что-то еще. Держался он

сдержанно, но смотрел прямо. Хела чувствовала в нем силу, которая бурлила под внешним спокойствием.

— Как я понимаю, никто из вас никогда не бывал в Илдагарте? — спросил Кайрус.

Все покачали головами.

— Значит, вам здесь понравится. Это самый красивый город во всем Таллиноре с богатой историей и культурой.

Они вошли в чудесный город, как раз когда спускалась темнота, и Кайрус подложил им подождать у особенно красиво украшенного фонтана. Похоже, это было излюбленное место встреч. Вокруг ходило много людей, поэтому незнакомцы не привлекали внимание. В любом случае, как отметил Кайрус, в Илдагарт ежегодно приезжают сотни любопытных. Несколько новых лиц никому не покажутся странными.

— Я должен кое-что выяснить, — сказал он и кивнул Рубину. — Не теряй бдительности, парень. Сэйрел для нас очень дорога. Она — вверенная нам драгоценность.

Внешне Рубин никак не подтвердил, что понял указания, но очевидно двое мужчин обменялись словами по каналу мысленной связи. Так предположила Сэйрел. Этот умение, недоступное другим, ее одновременно очаровывало и раздражало.

Они все наблюдали за удаляющимся Кайрусом, и Хела отметила в нем кое-что новое и привлекательное. Он шел и держался очень уверенно и даже надменно. Он был высоким мужчиной, спину держал прямо, а голову высоко.

— Похоже, вы очень близки с ним, — тихо сказала Сэйрел Рубину, пока они ждали возвращения Кайруса.

— Он — мой самый близкий друг. На самом деле больше, чем друг, — ответил юноша, не уточняя ничего более, и опустил руку в прохладную воду фонтана, чтобы сполоснуть лицо.

Сэйрел точно знала, что он имел в виду, так тщательно подбирая слова. Девушка последовала его примеру, опустила руки в прохладную воду, а потом побрызгала на лицо.

— Я никогда не знала своего отца.

Рубин ничего не сказал.

— Но ты знала, что такое сильная любовь матери, дитя, — вставила Хела. Это был очень мягкий укор.

Королева робко улыбнулась, понимая всю неловкость ситуации. Не нужно было говорить то, что она сказала. Она не знала, как это подействовало на Рубина. Сэйрел бросила взгляд на Хелу, но та молчала.

— Я надеюсь, Рубин, что теперь, вернувшись в Таллинор, ты компенсируешь все то, что тебе не хватало в эти годы. Ты теперь нашел потерянное. У тебя в жизни снова двое родителей.

Сэйрел опять взглянула на Хелу, которая одобрительно улыбнулась, не желая думать о пустоте таких слов, если учитывать, против чего выступают сейчас Рубин, Кайрус и их друзья.

Если Рубин это и понимал, он ничего не сказал, а только слегка кивнул.

— Кайрус возвращается, — объявил он.

— Есть хорошие и плохие новости, — сообщил бывший прайм-офицер в своей обычной манере. Он не тратил лишних слов. — Мы можем снять номера в приличной гостинице под названием «Роза и шипы», но я услышал, что здесь недавно проезжали кипреанцы и спрашивали про двух женщин, которые отвечают вашим описаниям.

— Понятно, — произнесла Хела, надеясь, что он может что-то предложить. — Значит, это рискованно?

— Я предпочел бы не рисковать вами, дамы. У меня есть предложение, но оно вам может не понравиться.

— Сир, все, что обеспечит нам защиту от угрожающей опасности, подходит, — сказала Сэйрел.

Он склонил голову, глядя на королеву:

— Конечно, Ваше величество.

Кайрус произнес два последних слова шепотом, чтобы никто из проходящих мимо людей его не услышал. Свои соображения он представил более громким голосом.

— Вы обе можете немного изменить внешность, если прикроете головы шарфиками. Я предлагаю нам с Хелой поселиться в гостинице, как муж и жена. Я могу представляться солдатом в отпуске, который привез жену на север, чтобы показать ей этот прекрасный город. Такая история сойдет без проблем. Для вас двоих все будет сложнее, — повернулся он к Рубину и Сэйрел. — Вы можете притвориться братом и сестрой? Вы едете через Илдагарт для встречи с семьей в одном из северных городов... Пусть будет Саддлеворт.

Уголком глаза он заметил удивление Хелы, но преднамеренно не обращал на нее внимания.

— А откуда мы? — спросил Рубин.

Кайрус задумался над этим.

— Из Мексфорда, — ответил он. — Вы выбрали более длинный путь, потому что не хотели заезжать в столицу, но наоборот желали посмотреть Илдагарт.

Оба кивнули.

— А кто мы? — нахмурившись, спросила Сэйрел.

Кайрус увидел, что Хела сейчас начнет возражать, и поэтому не стал сразу же отвечать королеве.

— О, Свет! Вы что, с ума сошли? Вы все! — зашипела Хела, потом заговорила шепотом. Ее слова звучали резко. — Неужели вы думаете, что я позволю королеве Кипреса спать с незнакомцем?

— Но я вижу, что ты, Хела, не возражаешь против того, чтобы самой спать с другим незнакомцем, — заметила Сэйрел. — Пожалуйста, не беспокойся за мое целомудрие или из-за благопристойности. Рубин с уважением отнесется ко мне и не будет ни на что посягать.

Королева произнесла это надменным и действительно властным тоном. У Хелы отвисла челюсть. Слова прозвучали почти как предложение удалиться или изгнание. С губ служанки уже был готов сорваться резкий ответ, но она сдержалась, напомнив себе, что это больше не ребенок, которого следует ругать за наглость. Это королева, которая собирается возвращать свой трон.

Кайрус увидел, что должен вмешаться и успокоить женщин. Он быстро огляделся.

— Вон там находится отличный ресторан под названием «Шпалера» — самый любимый в этом городе. Мы можем придумать легенду для каждого из нас за ужином. Ведь все голодны? — Он обвел взглядом всех и остановил его на старшей женщине. Ему требовалось помочь ей вернуть статус. — Хела, как ты думаешь?

— Этот план нам очень подходит, — тихо сказала она.

Кайрус подал ей руку, и Хела взяла его под руку.

— Для «Шпалеры» мы — семья, путешествующая вместе. Говорить буду я, — объявил он.

Позднее, с полными животами и отрепетированными легендами, они составили новый план, который еще больше усилил отчаяние Хелы. Этой ночью было решено остановиться на разных постоянных дворах, поскольку Сэйрел заметила, что на них могут обратить внимание из-за отсутствия багажа.

— Если в гостиницу приезжает одна пара без багажа, то это еще как-то может сойти. Две отдельные пары, путешествующие без багажа и заселяющиеся в одну и ту же гостиницу в один и тот же вечер, привлекут внимание, — заявила она.

Кайрус согласно кивнул и посмотрел на спутницу королевы.

— Она права, — сказал он, хотя ему очень не хотелось усиливать тревогу Хелы. Той и так хватило неприятностей за последнее время. Они все удивились, когда служанка согласилась.

— Я знаю, что права. Мы должны делать все, чтобы защитить ее жизнь.

Кайрус посмотрел на Хелу и обрадовался, что она не стала возражать, поняв, что от ее

возражений в данном случае будет только вред. Служанка согласилась с мудрым предложением, и делала то, что было нужно, правда, сердце и голова подсказывали иное. Ей понравилась улыбка, быстро промелькнувшая на лице Кайруса. Он гордился ее решением, а она сама почувствовала легкую дрожь от возбуждения, с которым ничего не могла поделать. Она будет сегодня делить номер с этим мужчиной, и они останутся ночью одни.

Кайрус и Хелой подождали, пока Рубин с Сэйрел не заселились в «Розу и шипы», в номер с двумя кроватями. Они махнули старшим, показав таким образом, что все в порядке. Вскоре Кайрус уже улыбался жене владельца гостиницы «Пруд с лилиями», еще одного приличного заведения.

— На одну ночь, только вы и супруга, да, господин?

— Все правильно, — улыбнулся он милостиво.

— Наверное, вы хотите двуспальную кровать, господин, а не две отдельные.

Кайрус колебался. Две отдельные кровати подошли бы гораздо больше.

— Конечно, — вмешалась Хела. — Я забыла, насколько холодными могут быть ночи на севере, — она подмигнула женщине за стойкой.

— О, да, да, господин. Значит, вам следует снять наш лучший номер. Там есть камин и кресла, — она многозначительно постучала себя по носу.

Кайрусу пришлось приложить усилия, чтобы не посмотреть на нее гневно. В нем закипела гордость, как в старые времена, но он напомнил себе, что больше не занимает никаких высоких постов в этой стране. Он больше не был прайм-офицером, не являлся уважаемым и почитаемым главой службы безопасности и защитником короля. Вместо этого он притворялся офицером в отпуске, который ненадолго привез жену на север. Пришлось заставить себя улыбнуться:

— Спасибо.

— Я сейчас пошлю мальчика за вашими чемоданами.

— У нас нет багажа, — ответил он — вероятно, слишком быстро.

— Нет? — переспросила женщина в замешательстве. — Я правильно поняла, что вы приехали в отпуск в эти места, сир?

— Да, — сказала Хела, беря Кайрусу под руку. Она заметила, как помрачнело его лицо. Для человека, который взял на себя ведение переговоров, Кайрус совсем не умел врать. — Знаете, мадам, наш багаж пропал по дороге с востока. — Она вралась гладко и убедительно.

— Не может быть! — глаза женщины округлились от неверия.

— Пропал. Я в ужасе! Я не знаю, как обходиться без одежды и туалетных принадлежностей.

— Его украли?

Хела пожала плечами:

— Не имеет значения, как именно он исчез. Меня беспокоит то, что его у нас нет.

— Да уж, представляю, — ответила женщина, сочувствуя незавидному положению гостей.

Хела кокетливо захихикала.

— Конечно, сегодня ночью мне не потребуется никакой одежды, мадам, — Хела бросила взгляд на ошеломленного Кайруса. — Но боюсь, что завтра мне придется опустошить кошелек моего мужа и заменить пропавшее товарами из вашего прекрасного города.

Кайрус сжал руку Хелы.

— Возница сказал, что багаж еще может найтись, моя любовь. Его привезут с багажом следующих путешественников, которые направляются сюда. — Он улыбнулся, хотя челюсти и были слегка сжаты.

— Это так, — согласилась Хела.

— Я могу прислать вам что-нибудь в номер? — спросила жена владельца гостиницы.

Хела улыбнулась в ответ.

— Я слышала, что Илдагарт знаменит напитком под названием «Забуб»?

— Да, госпожа.

— Мне хотелось бы его попробовать.

— А еще пришлите графин «Морриет», — добавил Кайрус, пытаясь опять вести разговор.

— Сейчас пришло, — ответила женщина и вручила им большой ключ. — Верхний этаж, в конце коридора. Подняться стоит ради того, чтобы взглянуть на город, — сказала она и добавила:

— Но не перенапрягайтесь, сир. У вашей жены на вас большие планы.

Она подмигнула Хеле и ушла, хихикая себе под нос.

Кайрус разумно решил не показывать раздражения, и Хела задумалась, не преступила ли границу, поскольку, как только они оказались на лестнице и вне пределов видимости из холла, Кайрус тут же высвободил руку.

— Надеюсь, я вас не оскорбила? — спросила она, и в ответ услышала только хмыканье.

Оба в ледяном молчании поднялись на два пролета, но усилия того стоили. Они поняли это, оказавшись в просторном номере и открыв ставни. Перед ними открывался великолепный вид на город и руины, освещенные лунным светом. А с ясного северного неба улыбались тысячи мерцающих звезд. Балкон был украшен красивыми резными колоннами, и на мгновение напомнил Хеле о Кипресе.

— Простите мне нескромность и невежливость. Я только хотела, чтобы нам поверили и не догадались, кто мы на самом деле. В конце концов, это была ваша идея. И у вас, похоже, возникли трудности. Вы не смогли убедить любопытную жену владельца гостиницы.

— Я понимаю, — сказал Кайрус, поднося зажженную тонкую восковую свечу к камину. Огонь сразу же загорелся. — На улице прохладно, — заметил он встревожено.

Хела развернулась и взглянула на него. Они оба долго смотрели друг на друга, а потом одновременно повернулись к двуспальной кровати, но Кайрус мгновенно отвернулся и занялся камином. Он взял кочергу и стал ворошить дрова. Хела сделала глубокий вдох и с радостью услышала тихий стук в дверь.

— Войдите, — крикнула она.

Появилась служанка с подносом.

— Ваш «Забуб», мадам, — сказала она и направилась к маленькому столику. — И ваше вино, сир. Сюда поставить?

— Да, спасибо, — ответила Хела.

Девушка сразу же ушла, и Хела снова осталась вдвоем с Кайрусом в напряженной тишине. Наконец, он откашлялся.

— Я сегодня могу спать на сдвинутых стульях.

Хела не знала, что сказать. Как помочь ему снова расслабиться?

— Налить вина? — спросила она.

— Спасибо.

От неестественного обмена фразами она внутренне сжалась. Со своей стороны Кайрус наблюдал за женщиной. Хела направилась к столу, и он с трудом оторвал взгляд от ее роскошной фигуры. Он знал, что она чувствует неловкость из-за него, и понимал, что должен сказать что-то, что поможет ей чувствовать себя удобнее.

— Тебе должен понравиться знаменитый «Забуб».

— Надеюсь, — ответила Хела и протянула ему бокал вина.

В номере стояли два кресла, и они устроились в них, друг напротив друга. Хела наблюдала за Кайрусом, потягивающим вино маленькими глотками. Ей стало забавно, когда у него на лице появилось довольное выражение. Он явно наслаждался вкусом вина. Мышцы его лица расслабились, офицер закрыл глаза и смаковал «Морриет».

— Я вижу, вы давно не пили такого прекрасного вина.

— Это так, — пробормотал он, сделал еще один глоток и открыл глаза.

Хела потягивала собственный напиток. Он оказался удивительно крепким, но вкус, тем не менее, был великолепным и необычным.

- М-м-м... — беспомощно произнесла она. — Невероятно.  
— Я же тебе говорил, — гораздо мягче произнес Кайрус.  
— Ты устал?  
— Нет, просто наслаждаюсь простым удовольствием и собственными мыслями.  
— Вы предпочтете, чтобы я помолчала?

Он ничего не сказал, и Хела от этого еще больше запуталась. Она молчала, потягивая «Забуб» маленькими глотками. Напиток и в самом деле оказался восхитительным. Молчание затянулось. Хела поняла, что им стоит зажечь свечи, но не решалась нарушить покой Кайруса. Она задумалась, не задремал ли он. Хела ненавидела молчание, и больше не могла сдерживаться.

- Вы женаты, Кайрус? — она поразила себе, внезапно задав столь личный вопрос.  
— Один раз был, — ответил он, не открывая глаз.  
— О-о?

Она принялась за изучение его лица в отблесках камина. Вероятно, раньше он был очень красив, но теперь у него на лице отражались пережитые испытания. Появились морщины, исчезавшие в усах и бороде, которую Кайрус коротко стриг. Определенно, жизнь сделала его красивое лицо еще более интересным. Хела поняла, что мужчина не сообщил ей никакой дополнительной информации, и потому упрямо продолжала задавать вопросы.

- А что случилось?  
— Она умерла.

Кипреанка этого не ожидала, и теперь чувствовала себя ужасно из-за того, что задала вопрос.

- Я думаю, что вы до сих пор не избавились от грусти, — мягко сказала она.  
— Вы правы.  
— Никакой другой женщины?  
— Множество.  
— А-а, — ответила она на его прямое заявление.

Мысли кружили у нее в голове, и Хела поняла, что размышляет о том, что значит быть его любовницей. Кайрус был в прекрасной физической форме, тело казалось сильным и мускулистым. Она также отметила, что он тщательно ухаживает за руками. На самом деле, офицер вообще выглядел очень аккуратным и организованным, а также умным и предусмотрительным.

Мужчина удивил ее, заговорив, когда она уже считала разговор оконченным:

- Ни одна из них не затронула мое сердце.  
— Я никогда не испытывала такой сильной любви.  
— К такой любви следует относиться с осторожностью. Она может принести больше боли, чем радости. Как в моем случае.

— Значит, вы предпочли бы ее никогда не знать?

Теперь он открыл глаза, и Хела почувствовала, как ее обжег суровый взгляд серых глаз Кита Кайруса. Этот взгляд наводил ужас на подчиненных.

- Нет, — сказал он, и от одного этого слова, казалось, в комнате стало прохладнее.  
— Простите меня, — извинилась Хела. — Я ничего не имела в виду.

Девушка чувствовала, как у нее горят щеки. После того, как они зашли в эту гостиницу, она только и делает, что извиняется. О, Свет! Этот человек выводит ее из себя.

Кайрус снова закрыл глаза, бокал у него опустел. Хела на цыпочках прошла к столику, взяла графин и наполнила его бокал. Она воспользовалась возможностью и зажгла одну свечку, которая начала отбрасывать новые тени в комнате.

- Спасибо, — тихо поблагодарил он.  
— А семья? — Хела надеялась, что это более безопасная почва. Их впереди ждала долгая ночь, которую требовалось пережить, и было ясно, что разделят они только беседу.  
— Сын.  
— Он взрослый? — удивленно спросила она. Как он мог бросить собственного ребенка,

чтобы растить чужого?

— Он умер вместе с матерью... вскоре после рождения.

Теперь Хеле хотелось откусить собственный язык. Она залпом допила «Забуб» и обожгла рот. Когда она снова подняла глаза на Кайруса, то обнаружила, что он на нее смотрит.

— Из-за моих ответов вам стало не по себе.

— Вы правы, — признала она. Внезапно ему самому стало забавно:

— Это мой особый дар.

Она внезапно улыбнулась, несмотря на неудобную ситуацию.

— Со мной все будет в порядке, — наконец сказала Хела.

Ей понравилось, что этот загадочный мужчина способен ее развеселить, когда она чувствует себя так неловко.

Он сделал глоток вина.

— Возможно, нам следует начать с начала. Расскажите мне о своей жизни, пока я допиваю этот графин «Морриет».

И она рассказала. Хела говорила про детство в сонной деревушке в Кипресе до того, как сбежала из дома с мужчиной, который оказался подлецом. Обещание женитьбы исчезло, как только закончились деньги. Хела объяснила, что ей повезло: над ней сжалился один из придворных. Ему так хотелось ее тела, что он нашел ей место в группе личных служанок королевы.

Хела поведала Кайрусу про жизнь королевских слуг, про то, как на протяжении лет взбиралась по служебной лестнице и стала личной служанкой королевы, а, в конце концов — помощницей, и подругой.

— Мы были близки, и я знаю, что вы бы ей понравились, Кит Кайрус, — сказала Хела.

— Почему?

— Потому что вы представляете собой тайну. — Она отметила, как он улыбнулся после этого заявления. — Я думаю, что большинство женщин найдут это интригующим. Сильвен понравилось бы раскрывать ваши тайны, но я считаю, что больше всего ее привлекло бы то, что вы — сложный человек. Если честно, многие женщины находят таких мужчин устрашающими.

— Но не Сильвен.

— Нет. Она бы наоборот получала от этого удовольствие.

— А вы находите меня устрашающим, Хела?

Она отругала себя за колебания.

— Нет. Я считаю вас отчужденным.

— Правда?

Он открыл глаза и повернулся к ней. Хела почувствовала, как сердце на мгновение замерло у нее в груди. Кайрус глубоко сидел в кресле, вытянув длинные ноги к огню, и слегка расстегнул рубашку. Этот мужчина и в самом деле выглядел очень желанным, а разговор уже уходил на опасную почву. За ним находилась двуспальная кровать, на которую служанка королевы теперь бросала нехарактерные для нее нервные взгляды. Это выдавало ее мысли и желания.

Хела сделала глубокий вдох.

— Но я думаю, что это напускное. Я считаю, что на самом деле вы — сердечный, добрый и нежный мужчина. — Она пожала плечами. Теперь вполне можно сказать все. — Я просто думаю, что вы преднамеренно прячетесь за стеной отчужденности и слоями тайн. Это безопасно. Ваши жена и сын умерли. У вас разбито сердце. Вы считаете, что душу не вылечить, а другой вы отдать сердце никогда не сможете. Поэтому вы занимаетесь любовью со многими, но не любите ни одну. Так вы держитесь на расстоянии от женщин.

Она смотрела ему прямо в глаза и отметила, как они странно потемнели.

— Похоже, вы многое про меня знаете.

— Я знаю только то, что мне подсказывают мои чувства и интуиция.

Кайрус встал.

— Думаю, нам пора отдохнуть. Ложитесь на кровать.

Я пойду пройду, пока вы не устроитесь.

Хела почувствовала разочарование. У нее с ним ничего не получилось, а ведь она умела обращаться с мужчинами. Она по ним специализировалась! Этот ей понравился. Вряд ли она ожидала, что на самом деле выйдет что-то серьезное, но Хела каким-то образом провалилась сегодня вечером. У них опасная миссия, и маленькие радости вроде спокойной беседы или сближения с кем-то будут короткими, если вообще возможными. Сегодня ей предоставлялся шанс забыть об их опасной жизни и просто узнать побольше об интригующей личности. Тем не менее, весь ее шарм, который всегда прекрасно действовал на мужчин, куда-то исчез.

— Будь он проклят! — пробормотала Хела.

Из-за Кайруса она чувствовала себя дешевой шлюхой. Тем не менее, он даже не хотел ее. Внутри нее все кипело, а больше всего раздражало то, что Кит Кайрус не проявил вообще никакого сексуального интереса. Женщина смотрела, как он уходит, не произнося больше ни слова, и ощутила пустоту внутри. Хела знала, что ее хотят мужчины. Если бы ей предстояло сказать о себе, то на ум пришли бы слова — «умудренная», «искушенная», и даже — «искушающая» и «эротичная». Ее сильно беспокоило, что эти качества не привлекали Кайруса.

Она разделась, постирала нижнее белье и блузку и развесила их на балконе сушиться до утра. Затем Хела развязала волосы, сожалея об отсутствии расчески, и расчесала их пальцами. Она забралась в постель, застеленную чистым бельем, и поблагодарила свою удачу за то, что Кайрус обладает достаточным вкусом и вместительным кошельком, чтобы позволить такую приличную гостиницу. Это было небольшим утешением после вызывающего отчаяние вечера.

Хела задремала, ожидая его возвращения.

Кайрусу требовалось выйти из номера. Он вдохнул прохладного ночного воздуха и пошел, не выбирая никакого направления специально, никуда не стремясь. Кит Кайрус связался по каналу мысленной связи с Рубином, тот сообщил, что с ними все в порядке, но спать они пока не хотят.

Кайрус чувствовал, что общение с Сэйрел пойдет на пользу Рубину.

«Будь осторожен, парень. Помни, что находишься в присутствии королевы».

«Увидимся утром», — ответил Рубин и оборвал связь.

Старого солдата редко беспокоила сдержанность подопечного. Рубин был таким с тех пор, как начал разговаривать, то есть — с раннего детства. И с тех пор ничего не изменилось. У Кайруса манеры Рубина скорее вызвали восхищение. Он часто напоминал ему самого себя. Однако он первым признавал, что парню нужно расти, развиваться и узнавать мир. Все эти годы они жили очень тихо и уединенно, и Кайрус понял: им обоим требуется снова общаться с людьми, особенно — с женщинами.

Именно поэтому он шел по красивым улицам Илдагарта — он испугался женщины, а это оказалось новым опытом для Кита Кайруса, самоуверенного, дерзкого, блестящего мужчины, бывшего командующего армии Таллинора. В те славные дни им восторгались мужчины и женщины, но он не называл ни одного мужчину другом, за исключением, возможно, Торкина Гинта, и всегда любил только одну женщину. Она покинула его жизнь без предупреждения, оставив его безутешным и, как он теперь понял, неспособным любить другую.

Он позволил Гинту забраться себе под кожу, но они делили больше, чем дружбу. Они делили Сердце Лесов и его тайны, а теперь еще и Рубина. Хотя Кайрус никогда не позволял себе это признать, Рубин был ему, как сын. Он держал в руках новорожденного мальчика, и с того дня Рубин почти постоянно находился рядом с ним. Они были близки, как только могут отец и сын.

Тем не менее, Рубин был сыном другого мужчины, который недавно заявил на него права и поставил его в опасное положение. Одно это пугало и тревожило.

А разговор с Хелой вывел Кайруса из равновесия в больше мере, чем он думал вначале. Изначально он решил уйти от нее, поскольку посчитал, что может пожалеть о том, как складывается разговор. Было очевидно, что женщине одиноко, ей отчаянно требуется мужское общество. От него самого нужны были только улыбка или соответствующий взгляд, — и они уже лежали бы под одним одеялом. Он ненавидел себя за то, что преднамеренно заставил ее чувствовать неловкость, подорвал ее уверенность в себе.

Теперь Кайрус понимал, что Хела — не просто одна из большой группы женщин, которых он в свое время уложил в постель. У нее был острый, как бритва ум, она отвечала на его замечания, сама высказывала мысли быстро, как молния. И от этого захватывало дух.

Почему? Потому что она была права. Хела сразу же заметила его неуверенность и сомнения. Она точно забивала гвозди своими словами, как в свое время Корлин прибил его между двух деревьев. Кайрус представлялся всем смелым сыном Таллинора, но знал, что в душе он трус. То есть трус в том, что касалось сердечных дел. Боль, которую он испытал после потери жены, оказалась слишком сильной. Жена была очень мягкой, очень спокойной женщиной, идеально ему подходила. Кит Кайрус словно запер где-то в глубине души вызывающие боль воспоминания о ней. Он никогда не позволял им всплыть на поверхность, почти забыл черты ее лица и особенности фигуры.

Кайрус знал, что на самом деле никогда не поднялся снова на поверхность, не вышел на свет дня после ее смерти. Он постоянно ходил по темному лабиринту, думая о прошлом.

Он получал удовольствие от женщин, но считал их только объектами похоти. Удовлетворив свое желание, Кайрус вел себя всегда вежливо и галантно, но редко встречался с одной и той же женщиной дважды. Он никогда не оборачивался назад и не извинялся, хотя знал, что женщина может чувствовать себя оскорбленной и обиженной.

Но Хела каким-то образом тронула его. Узнав ее историю, он восхитился крепкой броней, которую она тоже выстроила вокруг себя, но по другим причинам. Она сильно отличалась от элегантных придворных дам, которые едва ли не бросались на него, когда он был прайм-офицером. С раннего возраста Хеле приходилось самой о себе заботиться, и она оказалась смелой и преданной, а он сам так восхищался этими качествами, что ему даже пришлось отвернуться от нее, когда она заново рассказывала про их побег с Кипреса, а потом от Гота. Именно Хела поддерживала мужество в Сэйрел, и именно она, надо надеяться, восстановит королеву на принадлежащем ей по праву троне. Кипреанцы многим обязаны этой маленькой, находчивой и очень желанной женщине.

Кайрус желал ее, и в этом не было сомнений. Ее смуглая кожа, маленький рост, но роскошные формы притягивали его и обещали удовлетворение, которого он, возможно, не испытывал никогда. Это будет так легко... Но Хела, похоже, видит его насквозь, знает, что он из себя представляет. И это выводило из равновесия. Его пугал даже ее поцелуй, не говоря уж о том, к чему он может привести. Он боялся даже до нее дотронуться, а Кита Кайруса нелегко испугать. Поэтому он бесцельно гулял больше двух часов, пока луна не оказалась в высшей точке. Людей на улицах стало меньше.

Наконец, Кайрус снова оказался на площадке перед их дверью. Он надеялся, что Хела спит, что им больше нечего сказать друг другу. А с утра они начнут все с чистого листа, зная, что обстоятельства сегодняшнего вечера вероятно больше никогда не повторятся.

Кайрус осторожно открыл дверь и неслышно вошел в номер. Мужчина задержал дыхание, потом тихо выдохнул, заметив, что Хела спит. Ее темные волосы были разбросаны по подушке и запутались. Он услышал ее ритмичное дыхание и расслабился. Все хорошо. Сегодня ночью ему не придется встречаться с демонами.

Камин почти догорел, вскоре останутся одни угольки. В слабых отсветах он изучил ее лицо. Оно не было таким потрясающе красивым, как у Элиссы, у нее также не было высоких, великолепных скул его жены, от которых ее лицо казалось словно выточенным из мрамора.

А лицо Хелы представляло собой набор приятных черт, которые очень красиво сочетались. Тем не менее, смуглая кожа придавала ему что-то невероятное. Длинные ресницы лежали на щеке, волосы были мягкими, блестящими и длинными. Темные глаза

напоминали кошачьи, причем были такими темными, что казались почти черными.

Кайрус тихо вздохнул, наблюдая за ее лицом. Он боялся, что она проснется, когда подтягивал одно кресло к другому и морщился при каждом шуме. Это будет не очень удобно, но сойдет. Он снял рубашку через голову и потянулся, отвернувшись от Хелы.

Теперь Кайрус стоял у камина и смотрел из окна.

У Хелы всегда прекрасно получался обман. Притвориться спящей очень легко. Одна из самых небольших уловок! Она знала, что обманула Кайруса, иначе бы он так не расслабился перед ней.

Девушка чуть-чуть приоткрыла глаза и смотрела, как он потягивается. Она оказалась права. Его тело оказалось крепким и мускулистым, но, тем не менее, очень стройным для человека его возраста. Не было ни следа животика, жир не свисал по бокам. Она запуталась из-за этого мужчины, а такого в жизни Хелы почти никогда не случалось. Что тут поделать?

Ей хотелось каким-то образом все исправить между ними, но она не знала как. Хела не хотела, чтобы они заснули, когда между ними остается неловкость. Это значит, что они проснутся, и ничего не будет решено. А учитывая все, что ждало их впереди, нельзя такого допустить.

Поэтому Хела пошла на уловки. Она использовала все свои достоинства и надеялась, что они помогут ей сегодня одержать победу. Женщина потянулась, притворяясь, что не замечает Кайруса. Потом она села в постели и снова потянулась, позволяя Кайрусу отлично рассмотреть свою налитую грудь, заложила руки за голову, волосы каскадом рассыпались по плечам. Потом Хела закинула их назад, потряхнув головой.

Она услышала, как Кайрус резко вдохнул воздух, и поняла, что мужчина попал в капкан, тем более что он сам был полураздетым. Хела продолжала притворяться, будто не замечает его присутствия. Она вела себя так, словно все еще не проснулась окончательно, опустив ноги на пол.

Она откинула одеяло в сторону, чувствуя себя очень уязвимой из-за полной обнаженности, но нацелилась посмотреть, к чему же все-таки приведет ее уловка. Хела зевнула и просто сидела минуту или две, слегка покачиваясь из стороны в сторону, словно ей все еще требовалось проснуться, а потом, наконец, встала.

Это был самый важный момент. Кайрус или сдастся ей, или оскорбит до глубины души каким-нибудь резким замечанием. И тогда она бросится под одеяло и закроется до подбородка. Хела была к этому готова.

Он ничего не сказал. Тишина показалась оглушительной, но Хела не обращала на нее внимания.

Хела воспользовалась возможностью, открыла глаза, так пока и не поворачиваясь к камину, у которого стоял мужчина, и направилась к небольшому кувшину с водой у окна. Теперь, как она знала, она давала Кайрусу в полной мере насладиться видом своей искушающей спины, всеми изгибами тела, обнаженной красотой. Она позволила ему наслаждаться этим видом столько времени, на сколько человек может растянуть несколько глотков воды.

Затем она развернулась, вроде бы полностью проснувшись, увидела его, прямо смотрящего на нее, и вскрикнула.

— Тихо, Хела! — мягко произнес он. — Это я, Кайрус.

— А что вы стоите в темноте? — спросила она, пытаясь прикрыться руками и волосами, но преднамеренно не преуспев в этом.

— Простите меня. Я думал, вы спите.

— Вы за мной подсматривали?

— Да.

— Почему?

— Потому что вы хотите, чтобы я подсматривал.

Хела порадовалась темноте, поскольку не хотела, чтобы он видел, как она покраснела от правдивости его замечания.

— Это глупый ответ, Кайрус. Почему вы смотрели на меня спящую?

— На самом деле, я смотрел на вас проснувшуюся и показывающую себя в лучшем виде.

Она заметила улыбку — или ей показалось? Может, да, а может, и нет. Было трудно сказать, потому что он отошел в тень.

— Простите, Хела, — снова заговорил он. — Я снова уйду.

— Нет! — воскликнула она достаточно громко, чтобы испугать его, когда он уже повернулся, чтобы идти к двери. — Не уходите, — добавила она очень тихо.

Он вздохнул, не глядя на нее.

— Хела, я не могу.

— Скорее, не будете, — ответила она излишне резко.

Он откашлялся и положил одну длинную, мускулистую руку на косяк, но больше не делал попыток уйти. Внезапно в отсветах затухающего камина Кайрус стал выглядеть очень грустным, каким и был на самом деле. Гордым, сильным, производящим впечатление, но, тем не менее, уязвимым. Хела быстро прошла к нему и встала рядом.

— Посмотри на меня, — сказала она. Это прозвучало, как приказ. — Пожалуйста, — добавила она.

И он посмотрел.

— Разве неправильно, что ты можешь желать меня? — спросила она с чувством.

Кайрус не отводил взгляда от ее глаз. Заговорил он тихо, Хела ни разу не слышала такой нежности в его голосе. От нее она растаяла.

— Совсем не так... Неправильно то, что я воспользуюсь тобой, а ты заслуживаешь лучшего.

— Это мой выбор. Я рискну.

— Нет, — он медленно покачал головой.

— Тогда ты бери риск на себя! — воскликнула она с легкой злостью в голосе. — Рискни, Кайрус. Воспользуйся шансом. Ведь я на самом деле могу тебе понравиться. Твоя жена мертва — давно, насколько я поняла. Выйди назад на свет и позволь себе возможность полюбить кого-то. Я не так наивна, чтобы верить, что это могу быть я. Но рискнуть можно. Что такого в том, если мы будем любить друг друга одну ночь?

Она увидела, как его серые глаза смягчились и немного затуманились. Это приносило ему боль. Но он держал себя в руках. Такой сильный мужчина! Большинство к этому времени уже, по крайней мере, протянули бы руку к ее обнаженному телу. Они были бы беспомощны перед таким искушением — но не он.

— Коснись меня, Кайрус. Я хочу, чтобы ты это сделал. И я рискну тем, что утром ты не захочешь снова ко мне прикасаться. Но сегодня насладись мной, как я наслажусь тобой. Мы — двое одиноких людей, нам некого любить, кроме ребенка, который поручен каждому из нас, причем оба эти ребенка — не наши. У тебя и меня родственные души. И мы направляемся к опасности. Возможно, к смерти, кто знает? Я с радостью приму смерть ради той девушки, которую люблю. А ты делаешь это из-за девушки, которую никогда не знал и встретил только сейчас. Ты слишком много ставишь на кон ради незнакомки... Почему бы не рискнуть чувствами ради кого-то, кого ты знаешь и кто ничего от тебя не требует? У тебя нет передо мной никаких обязательств!

Он колебался, и в этот момент неуверенности Хела взяла его руку. Кайрус не стал сопротивляться, и она приложила его длинные пальцы к своей щеке. При его прикосновении женщина резко выдохнула. Потом он снял вторую руку с косяка, и она тоже легла ей на лицо. А когда ее лицо оказалось в его руках, Хела почувствовала, как учащенно забилося ее сердце.

Он держал ее лицо с минуту, глубоко вглядываясь ей в глаза, затем наклонился и колебался всего долю секунды. А потом, словно опустив все внутренние барьеры, он коснулся ее губ своими и на блаженно долгое время забыл все — от давней сердечной боли до страхов о том, что им предстоит.

Бывший прайм-офицер больше не замечал ничего вокруг, только одну Хелу. Он чувствовал только ее руки на собственном теле, запах острых духов, все еще остававшийся у нее на теле, прикосновение ее языка, вкус гладкой кожи. Он отбросил сомнения в сторону и освободил страсть, сдерживаемую многие годы. Кайрус позволил рукам ходить по ее маленькому, но гибкому телу. Его губы то и дело искали ее, иногда нежно, а иногда и более сильно.

Хела обвила его тело ногами, прайм-офицер легко поднял женщину и отнес на кровать. Она отказывалась отпускать его шею, отказывалась позволить ему сбежать от ее поцелуев, поэтому Кайрус сам осторожно опустился рядом и, наконец, сдался удовольствиям, которые предлагало ее тело.

## Глава 26

### Обещания

Гидеон обводил глазами зрителей. Зал заполнился быстро. В нем собрались счастливые, весело болтающие люди, которые хотели посмотреть представление одного из самых любимых странствующих цирков. Номера менялись достаточно часто во время медленного путешествия по стране, но имелись и фавориты, например, Церис, который глотал змей и мечи и прославился еще в знаменитом цирке Зорроса.

Гидеон пояснил Фиггису и Темезиусу, что от них требуется.

— Ты уверен? — спросил Фиггис.

— Никто не сможет разобраться в сути, — ответил Гидеон. — Все произойдет быстро. Номер простой. Давайте не забывать, на чем настаивал мой отец. Мы должны уехать, как только сможем.

Гигант кивнул.

— Я говорил с Тином. Потребовалась лишь маленькая ложь. Он понимает.

— Хорошо, — ответил Гидеон. — А как насчет Толстухи? Ее мои планы радуют?

Темезиус улыбнулся.

— Она заинтригована... и э-э-э... будет счастлива, когда к ней прикоснется молодой мужчина. — В его низком голосе слышалось веселье. — Она сказала, что это будет первый раз за долгое время.

— Я посмотрю, пришла ли Ийсеуль.

Гидеон уставился на море людей, которые воспользовались советом Тина. Он повесил объявление, что их самое лучшее в мире шоу будет показано в Бриттелбери только один раз — этим вечером.

У Гвериса от нетерпения горели глаза. Он первым заметил Гидеона и замахал ему, а потом ткнул сестру в бок. Она повернулась, и ее лицо сразу же смягчилось. Так смотрят на новых любовников. У Гидеона создалось ощущение, будто сердце остановилось в груди. Он вспомнил их поцелуй сегодня днем и захотел повторения. Это любовь? Он не знал. Хотелось только прижимать ее к себе — и никогда не отпускать. Она подняла руку и робко помахала ему. Гидеон сглотнул. Как он найдет в себе мужество оставить ее?

До их выступления было несколько номеров. Все заканчивались громкими и бурными аплодисментами заинтересованных зрителей. Люди были счастливы видеть странных артистов с еще более странными талантами из шоу господина Тина. Гидеон отметил, что никто не использовал магических способностей. Когда на арену вышел высокий молодой человек, который совсем не выглядел странным, толпа замолчала в ожидании.

Гидеон бросил взгляд на Ийсеуль и Гвериса. Оба широко улыбались и выглядели счастливыми, но по разным причинам. Он не мог не улыбнуться только им одним. Гидеон лишь кратко сообщил о номере, который они сегодня исполнят. Распорядитель шоу не мог поверить своим ушам, но уверенность молодого человека заставила его разрешить то, что казалось чистым безумием.

Тин сказал зрителям, что это самый опасный номер. Он на самом деле считал, что это

так.

— Пожалуйста, отодвиньтесь подальше, на сколько сможете, чтобы у господина Гидеона было побольше места, — проговорил он почтительным тоном.

Серьезное выражение лица заставило людей воспринять просьбу серьезно, и толпа сразу же отодвинулась назад. Все это было игрой на публику. На самом деле, Гидеону не требовалось больше места, чем было, но он не сказал Тину об этом.

Тин представил Фиггиса, который гордо вышел на арену и сорвал аплодисменты. Карлики встречались редко, но не считались особо странным зрелищем. Поэтому аплодисменты просто были данью уважения к давно забытой расе.

Фиггис поклонился. Затем появилась Толстуха. Зрители ее уже видели, и все равно оценили ее невероятные формы, хлопая в ладоши. Она улыбнулась и тепло помахала. Теперь пришел черед гиганта. Никто в Бриттелбери не видел Темезиуса до этой минуты. Огромный сильный мужчина вышел на арену под крики толпы. Люди не верили, что такой рост возможен, и одобряли настоящий «абсурд».

«Встречайте исполнителя, всегда вызывающего восторг публики!» — сказал он для Гидеона и Фиггиса по каналу мысленной связи и широко улыбнулся.

Фиггис мечтал побыстрее все закончить и повернулся к Гидеону.

«Ты хочешь, чтобы я сейчас к тебе прыгнул? Все правильно?» — уточнил он.

Гидеон кивнул:

«По моему сигналу».

Зрители снова замолчали. Добиться тишины от нескольких сотен человек было нелегко, но все-таки удалось. На лице Гидеона медленно расплывалась улыбка.

— Ко мне, карлик! — громко крикнул он и вытянул руки.

Фиггис внутренне вздохнул, но побежал, как приказали. Как только их вытянутые руки коснулись друг друга, карлик взмыл в воздух и приземлился ногами вперед на руку Гидеона, высоко поднятую в воздух.

«Впечатлило?»

«Только слегка, как и их», — ответил Фиггис, кивая на зрителей.

Толпа захлопала в ладоши в награду за грациозность карлика и силу человека, удерживающего его на одной руке, но люди ожидали гораздо большего. Ведь их же предупредили, что это будет опасный номер.

Гидеон не стал обращать внимание на презрение Фиггиса.

— Ко мне, Толстуха! — крикнул он, и его голос разнесся в ночи.

Все рассмеялись, когда самая толстая женщина в стране постаралась изобразить подобие бега. Вытянув руки, она, к удивлению, всех припустила галопом. Никто из зрителей не верил, что она способна на что-либо, кроме как сбить с ног и уронить в пыль красивого молодого человека и карлика, которого он удерживал на одной руке. Но люди пока сдерживали смех. Толстуха коснулась руки Гидеона, вроде без усилий взмыла в воздух и оказалась в другой руке молодого человека. Зрители пораженно замолчали.

На лице женщины тоже отразился шок, и публика решила, что происходит что-то вне пределов их понимания. Это должен быть какой-то особый трюк, потому что никто не может быть настолько силен. Такая крупная женщина неспособна взмыть в воздух с такой легкостью или балансировать на одной руке человека. Слышались удивленные возгласы, люди в неверии перешептывались.

Теперь все головы повернулись к гиганту, а потом назад на трио. Гидеон переправил Фиггиса себе на голову.

«Кто-нибудь в это поверит?» — спросил карлик, которому стало немного скучно.

«А это имеет значение?»

«Наверное, нет, — ответил Фиггис. — Не говори мне только, что Толстуха сейчас окажется на моей голове!»

«Боюсь, что так и будет», — ответил Гидеон, взмахнул рукой, и Толстуха взмыла в воздух.

Она истерически закричала. Ее ужас передался пребывающим в напряжении зрителям, которые наблюдали, как ее крутит в воздухе. Но потом она приземлилась кончиками пальцев на голову Фиггиса. Карлик театрально вздохнул по каналу связи.

«А теперь попроси ее сделать то, о чем я ей говорил раньше», — обратился Гидеон к Фиггису.

— Толстуха!

— Да? — нерешительно пролепетала женщина.

— Сделай то, что тебе говорили раньше.

— Я не уверена, что мне хватит смелости, — прошипела она.

— Просто делай, — мягко сказал Фиггис. — Ты не упадешь.

Женщина осторожно подняла одну ногу с головы карлика и приняла танцевальную позу.

Толпа сошла с ума.

Гидеон начал смеяться. Он мог держать их на голове всю ночь. Это требовало такого малого количества магических сил.

Потом вперед шагнул Темезиус. Этого не может быть! Молодой человек отличался высоким ростом, но гигант все равно возвышался над ним. Парень доходил ему лишь до плеч. И как эти трое стоят друг на друге? И ведь парень внизу еще и улыбается!

— Тёмезиус! Ко мне! — внезапно крикнул Гидеон.

Многие не могли на это смотреть, включая Гвериса, но когда гигант побежал к трем другим, Ийсеуль рассмеялась и прошептала брату:

— Верь Гидеону!

Гигант не только взмыл в воздух, он еще и сделал несколько кувырков перед тем, как приземлиться на руки Толстухи.

Толпа захохотала. Люди толкали друг друга, уверенные, что никогда больше не увидят такого странного зрелища. Теперь Гидеон принялся ходить по кругу с ношей, даже осмелился сделать несколько танцевальных па, что сорвало бурные аплодисменты. Тин ждал за кулисами и радостно потирал руки. Жаль, что эти трое покинут цирк сегодня вечером, хотя гигант заверил его, что они вскоре вернуться. Тин мог только думать о богатствах, которые получит за один этот номер, и представлял, как построит все шоу вокруг него, сделав его последним. Жаль, что он раньше не знал, какое это будет зрелище.

Гидеон еще раз обошел арену с друзьями над головой, а затем они по одному прыгнули вниз. Люди все еще качали головами. Если кто-то и подозревал волшебство, об этом не говорили вслух. Никто в эти дни не мог творить волшебство так, если вообще когда-нибудь мог!

Вернувшись к фургонам, Гидеон с друзьями поздравляли себя с хорошим выступлением. Толстуха приняла их искреннюю благодарность, но все еще пребывала в шоке. Поэтому ей требовалось что-нибудь выпить для успокоения нервной системы.

После ее ухода Фиггис серьезно посмотрел на друга.

— А что с камнем?

— Ийсеуль его принесла. Вы не возражаете, если я провожу ее домой? Она с маленьким братом.

Фиггис и Тёмезиус покачали головами.

— Наверное, сюда вскоре подойдет Тин, поэтому тебе лучше поскорее сбегать, — заметил Тёмезиус. — Кстати, где она живет? Мы могли бы встретить тебя там с повозкой и лошадьми.

Гидеон пересказал то, что сам слышал от Ийсеуль.

— Поторопись, парень, — предупредил Фиггис. — Прощайтесь побыстрее.

— Вскоре увидимся, — уходя, ответил Гидеон.

— Гидеон! — крикнул Фиггис ему в спину, и парень повернулся. — Не давай девушке никаких обещаний. Впереди нас ждут опасные времена.

Гидеон кивнул и исчез в темноте. Ийсеуль с Гверисом ждали его за караваном. Он сам

предложил это место. Представление продолжалось, поэтому толпа еще не разошлась.

— Гидеон! — крикнул Гверис и бросился к нему.

Гидеон схватил мальчика и поднял высоко в воздух.

— Ты был великолепен, — воскликнул мальчик, хватая ртом воздух.

— Правда? — ответил Гидеон, глядя только на Ийсеуль, которая стояла чуть в стороне. Ей было одновременно страшно за брата и нравилось, что он так рад.

— Я вижу, что ты так и остаешься человеком со многими странными талантами, — сказала она, склонилась вперед, легко поцеловала его в щеку и одновременно вложила ему в руку камень.

Гидеон почувствовал облегчение — камень снова вернулся к нему. Перед тем, как он опустил его в карман, камень издал у него в ладони нечто, напоминающее легкий гул.

Гидеон наклонился и обнял Гвериса.

— Я рад снова видеть тебя, — сказал он и посадил мальчика себе на плечи. — Держись крепко.

— А ты можешь удержать меня на руке или голове, как держал гиганта?

— Легко.

— Ой, сделай, пожалуйста, — попросил мальчик.

— Не смей! — предупредила Ийсеуль.

— Лучше не надо, — сказал Гидеон возбужденному другу. — Твоя сестра придет в ярость.

— О-о, она все время на меня сердится. Я пытаюсь не обращать внимания.

— А другие сестры? — спросил Гидеон и взял Ийсеуль за руку.

Мальчик вздохнул.

— Да, они мне все надоедают, — признался он.

Ийсеуль засмеялась, как и Гидеон.

— Женщины просто не понимают, что нужно мальчикам, правда? — спросил Гидеон.

— Вот именно, — по-деловому ответил Гверис. — Именно поэтому хорошо, что папа вернулся.

— Отец приехал? — удивленно спросил Гидеон.

Ийсеуль кивнула.

— Сегодня во второй половине дня. Я рада, что он вернулся. По крайней мере, поможет с больными, — уныло сказала она.

Они медленно пошли в город.

— Как они все себя чувствуют?

— Гораздо лучше, спасибо. Я считаю, что одна сестра поправилась. Мама чувствует себя достаточно хорошо, чтобы готовить еду, а это очень хороший знак. Двое других вскоре тоже встанут на ноги.

— Это хорошо, — сказал он, и внезапно ему стало неловко, только не мог объяснить, почему. — Я могу вас проводить до дома?

— О, да! — воскликнул Гверис. — Познакомишься со всеми.

— Нет, малыш. Не в этот раз. Я доведу вас до дома, чтобы с вами все было в порядке, а в гости зайду, когда все будут здоровы.

Гверис больше ничего не говорил и смотрел на мир с большой для себя высоты, пока они медленно шли в темноте к его дому.

— Ты снова уезжаешь, — сказала Ийсеуль ничего не выражающим тоном.

— Я должен.

Она кивнула, и он почувствовал, как ее рука крепче сжала его собственную.

— Сейчас я путешествую с Фиггисом и Темезиусом, — произнес молодой человек, не зная, что сказать.

Дискомфорт перешел в неловкость, и эта фраза казалось лучшим, что он смог придумать, когда они оставили центр города позади.

— Понятно, — кивнула девушка, затем спросила: — Они тебя защищают?

Он немного помолчал.

— Да, можно сказать и так.

— А куда вы направляетесь?

— Сегодня ночью поедem на восток. Нас ждут люди.

Девушка какое-то время молчала. Гидеон порадовался, что она больше не задает вопросов о направлении или людях, которых он упомянул.

— Это безопасно?

— Со мной все будет в порядке, обещаю, — ответил Гидеон, избегая ответа на вопрос.

— Вот наш дом, Гидеон, — показал Гверис. — Вот тут мы и живем.

Гидеон увидел небольшой, чистенький домик, в окне горел свет, из трубы валил дым. Дом окружал небольшой сад, и Гидеон уловил запах лаванды.

— Это такой приятный запах... Любимый у моей мамы, — сказала Ийсеуль, заметив, как молодой человек принимает.

— И дом у вас красивый. Он кажется гостеприимным местом, где идет радостная и счастливая жизнь. Наверное, в нем хорошо жить, — сказал Гидеон, опуская мальчика на землю.

— Да, — признала она. — Иди в дом, Гверис. Я хочу поговорить с Гидеоном.

— Значит, ты собираешься его поцеловать? — спросил мальчик с улыбкой.

— О-о, я надеюсь на это, — ответил Гидеон до того, как Ийсеуль успела открыть рот. — А ты меня обними крепче, до следующей встречи. — Мальчик так и сделал. — Теперь позаботься о других сестрах. Ты же второй мужчина в доме, а когда нет папы, то главный.

Гверис кивнул с серьезным видом:

— Возвращайся поскорее. Спасибо за представление.

И он исчез, забежав за угол дома.

Парень с девушкой посмотрели друг на друга в темноте. В окнах некоторых домов горели свечи, и давали тусклое освещение. Однако Гидеон обладал прекрасным зрением и видел, как в ее глазах блестят слезы, которые девушка пыталась скрыть. Ийсеуль явно намеревалась не дать им пролиться.

— Я подумала, что раз мой отец вернулся и все поправляются, я могу...

— Не надо, — сказал Гидеон и нежно приложил пальцы к ее губам. — Пожалуйста, Ийсеуль. Ты не можешь поехать со мной.

— Почему?

Этот вопрос отдался болью в сердце. На самом деле — почему? Он больше всего на свете сейчас хотел быть с ней, но помнил грустный голос отца, который звучал у него в голове. Гидеон представил мать, раненую и лежащую на пустынной дороге.

— Потому что теперь я иду по опасному пути.

— Ты можешь мне об этом рассказать?

— Нет, — покачал головой он.

— Это связано с камнем? — Ийсеуль быстро соображала.

— В некотором роде, — ответил Гидеон, надеясь, что этого для нее окажется достаточно.

Она медленно кивнула и прикусила губу, затем заставила себя заговорить веселым голосом, стараясь скрыть истинные чувства.

— Я была очень рада снова увидеть тебя. Гверис будет говорить об этом много дней.

— А ты? — спросил он, сожалея, что это сделал.

— Я? — переспросила она, теперь глядя ему прямо в глаза. — Я буду сожалеть о том, что ты приезжал, потому что прощаться с тобой так тяжело... гораздо тяжелее, чем раньше.

— Я вернусь, Ийсеуль.

— Ты говорил это в прошлый раз, — грустно произнесла она.

— И я сдержал обещание.

— Да, но тебе было за чем возвращаться... У меня оставался твой ценный камень.

Теперь у тебя нет причин снова сюда приезжать. Ты ничего не оставляешь здесь.

Молодой человек отбросил сомнения, воспользовался возможностью и притянул девушку к себе.

— Нет, оставляю. На этот раз я оставляю что-то гораздо более ценное.

Она не стала сопротивляться.

— И что это?

Гидеон склонился вперед и зашептал ей в ухо.

— Мое сердце. Я отдаю его тебе на хранение. Мне нужно, чтобы ты очень бережно хранила его, потому что оно очень хрупкое.

Теперь у нее из глаз полились слезы. Их было немного, и плакала она не громко. Капли неслышно катились у нее по щекам, а Гидеон целовал их.

— Я вернусь за своим сердцем и его владелицей, — мягко произнес он.

Ийсеуль взяла себя в руки.

— Ты правда это имеешь в виду? Я не смогу в это верить в твое отсутствие, если не поверю прямо сейчас. — В ее голосе послышалось отчаяние.

— Я говорю правду. Я люблю тебя, Ийсеуль. Я вернусь к тебе, как только смогу.

Времени было мало. Гидеон знал, что Темезиус и Фиггис могут появиться в любую минуту. Он повел девушку за дом, где было темно, и целовал ее долго и глубоко. Она отвечала, стоя на цыпочках и обвив руками его шею. Она вся отдалась этому поцелую, отключилась от действительности, а потом юноша и девушка вдруг услышали вежливое покашливание. Конечно, Гидеон уже давно слышал их приближение, но Ийсеуль, похоже, удивилась и быстро отодвинулась от него в смущении.

— Еще минуту, — тихо сказал Гидеон.

— Мы пока поедем, — также тихо ответил Фиггис и добавил мысленно: «Побыстрее догоняй нас, парень. И помни, что я говорил тебе об обещаниях».

Это явно звучало, как предупреждение. Повозка быстро скрылась из виду.

— Я должен уходить, — сказал Гидеон, нежно целуя ее лицо и стирая последние слезы. — Делай свечи, будь счастлива с семьей и вспоминай меня добрым словом. Когда я вернусь в следующий раз, то обязательно задам твоему отцу один вопрос.

Она удивленно вскрикнула.

— Ты говоришь правду?

— Я не шучу. Я обещаю.

— Тогда уезжай по своим странным делам и побыстрее возвращайся ко мне.

Она оттолкнула его, и Гидеон пошел прочь, но вернулся для еще одного поцелуя.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала Ийсеуль. — Береги себя. Я буду хранить твое сердце.

Он в последний раз обнял девушку и с неохотой высвободился из ее объятий, затем быстро ушел в темноту, догоняя друзей.

«Не давай девушке никаких обещаний». Он попытался игнорировать наставление, но тщательно выбранные Фиггисом слова снова и снова звучали у него в сознании. Он послушался толкового совета? Нет. Гидеон его проигнорировал и сказал о любви и женитьбе красивой девушке, которая верила, что он сдержит обещание. А он сдержит? А сможет его сдержать?

Гидеон покачал головой, чтобы отделаться от сомнений. Да, он сдержит слово. И с этим твердым обещанием себе самому он побежал, чтобы догнать своих Паладинов и направиться навстречу судьбе, какой бы она ни была.

\* \* \*

Кайрус резко проснулся и сел. Он был слегка озадачен, но только на одно мгновение. Старые привычки долго умирают. Солдат мгновенно взял себя в руки, резко выпрыгнул из кровати, и в мгновение ока был на ногах и готов к свершениям. Он оказался обнаженным.

Кайрус повернулся и обнаружил, что Хела уже одета.

— Ты всегда так встаешь? — спросила она с невинным видом.

Кайрус откашлялся.

— На самом деле, нет. Я оставляю этот способ для встреч с дамами.

Она улыбнулась шутке.

— Прошлая ночь была прекрасна, Кайрус. Действительно прекрасна. Но мне не требуется ее обсуждать, — она хотела успокоить его, имея в виду, что он ничем ей не обязан.

— Я рад это слышать, — у него на лице появилось хитрое выражение. Кайрусу стало весело. — Ведь если мы начнем обсуждать все те интригующие вещи, которые мы проделали вчера, то разговор за завтраком с Сэйрел и Рубином получится уж слишком пикантным. Как считаешь?

— Кстати, нам нужно поспешить, — сказала она. — Пора с ними встретиться. Двое молодых людей с горячей кровью, в одной комнате, ночью... Может случиться все что угодно.

Кайрус почти оделся.

— На самом деле это может случиться и с двумя старыми людьми с горячей кровью!

Они обменялись улыбкой близких людей.

— Давай пообещаем, что прошлая ночь не принесет никаких осложнений никому из нас, — предложила она.

Ей было больно говорить эти слова, но Хела знала, что этого мужчину следует полностью освободить от обязательств. Только так можно его завоевать.

— Согласен, — сказал он, не глядя на нее.

Кайрус отправил мысленный зов и выяснил, что Рубин с Сэйрел уже покинули «Розу и шипы» и сейчас жуют горячие булочки с беконом в одной из таверн Илдагарта.

«Лучше поторопись, Кайрус. У нас нет денег, чтобы оплатить завтрак. И вообще, почему ты так поздно?»

«Не лезь не в свое дело, парень».

«А-а, понимаю. Возможно, мне следовало переночевать с вами».

«А возможно — и нет, учитывая, кто составлял тебе компанию».

Кайрус был рад, что Рубину весело. Он почувствовал это до того, как канал связи закрылся. Это было редкостью.

Они быстро спустились вниз, кивком попрощались с женой владельца гостиницы и направились к таверне, следуя указания Рубина. И Кайрус, и Хела с облегчением услышали за плотным завтраком, что Сэйрел и Рубин большую часть ночи провели за разговорами. Молодежь делилась мыслями.

— Я полностью согласна с Рубином, — заявила Сэйрел, нацелившись убедить Кайруса. — Если мы позволим королю Таллинора и его солдатам прибыть в Кипрес без приглашения, причем в большом количестве и с явно воинственным настроением, наш народ обидится. Они будут сражаться. У нас мирный народ, но, как и ваш, в случае провокации или угрозы родной земле люди станут сражаться, защищая ее.

— Да, а тем временем Орлак, получив предупреждение, сможет переправить Лаурин в какое-то другое место, — добавил Рубин, поедая бекон Хелы.

Кайрус в задумчивости потрепал бороду. Они были оба правы.

— Что ты думаешь? — спросил он у Хелы, оставляя себе больше времени на размышления.

Хела обратила внимание, что он часто теребит бороду. Это была одна из его привычек, и ей она скорее нравилась. Женщина также обнаружила, что он очень опытен в любовных делах. Ей потребовалось очень постараться и использовать все свое воображение, чтобы, в конце концов, удивить его. Хеле нравилось чувствовать, как тело Кайруса дрожит в предвкушении удовольствия. Потом он искал ее губы и целовал их более страстно и более глубоко, чем какой-либо другой мужчина в ее жизни. Затем Кайрус крепко прижимал ее к себе на протяжении нескольких часов. Она подумала, что он заснул, но он просто тихо

лежал, наслаждаясь близостью тел, которые касались друг друга.

Хела моргнула и поняла, что все глаза смотрят на нее. Кайрус улыбнулся:

— Я только что говорил на элутинском языке?

Сэйрел понравилась шутка, но Хела посмотрела на нее укоризненно.

— Простите, — ответила Хела. — Я пропустила вопрос.

Она по выражению глаз увидела, как ему забавно за ней наблюдать. Он словно знал, о чем она только что думала. Хела пыталась уверить себя, что конечно, этого не может быть, но, тем не менее, сильно покраснела.

— Я спрашивал, что ты думаешь про наш новый план? — повторил он.

— Конечно, Сэйрел права. Несомненно, таллинецам не понравилось, что кипреанцы галопом пронесли по их стране. И если теперь все будет наоборот, и таллинецы окажутся в Кипресе, то реакция будет точно такой же. — Хела пожала плечами. — Хотя я считаю, что таллинецов можно понять. Правда в этом случае на их стороне.

— Хорошо, — кивнул Кайрус и допил чашку чая с травами. — Мы немедленно выезжаем в Киракавию и надеемся перехватить короля.

\* \* \*

У Элиссы задрожали веки, она открыла глаза. Ощущалась слабость, словно силы вытекли из нее, но заставила себя улыбнуться Тору, который склонился над ней с обеспокоенным лицом.

— Уже утро?

— Рассветает, — кивнул он.

— Не уверена, что могу двигаться, — прошептала женщина. — А как Саксон?

Тор успокоил ее.

— Он проснулся чуть раньше. Он слаб, но я помог ему умыться. — Тор улыбнулся. — Он сказал, что хочет смыть болезнь.

Элисса на мгновение снова закрыла глаза и почувствовала, как Тор взял ее за руку.

— К нам едет Гидеон, любовь моя. Он вскоре будет здесь вместе с Фиггисом и Темезиусом. Они о тебе позаботятся.

Элисса снова проснулась.

— А ты? — спросила она, уже зная ответ.

— Мне нужно отправиться за Готом. — Тор увидел, как Элисса внезапно напряглась, и приложил палец к губам, чтобы она помолчала. — Я должен. Я сварил новый отвар. Выпей его. Вы оба с Саксоном должны его выпить. В течение дня к вам начнут возвращаться силы. Вечером вы уже почувствуете голод. В повозке много еды. Рядом с ними появился Саксон.

— Доброе утро, красивая.

Элисса улыбнулась ему.

— Именно мы помешали, да?

Саксону стало забавно от тона, которым была произнесена фраза, и он знал, что это означает. Элисса поправится, уже пошла на поправку. Саксон встал на колени и помог женщине сесть.

— Врежь ему за меня, — сказала Элисса Тору. На мгновение он был поставлен в тупик.

— Готу?

— Нет, тому негодяю, который выпустил стрелу! Тор улыбнулся. Улыбка напоминала волчью.

— О-о, любовь моя, я сделаю с ним не только это, а гораздо больше.

— Я хочу отправиться с тобой. Я хочу разделить это удовольствие, — яростно признался Саксон.

— Твое место здесь, с моей женой, — сказал Тор и выглядел раздосадованным, когда они оба повернулись к нему и посмотрели удивленно. Он пожал плечами. — Я не могу воспринимать тебя как-то по-другому. Прости.

— Не извиняйся, — сказала Элисса. — Отправляйся на охоту. И возвращайся ко мне целым и невредимым.

Тор поцеловал ее.

«Я обещаю», — прошептал он ей в сознание, затем встал. Саксон последовал его примеру. Потом они коснулись друг друга кулаками, как было принято в Таллиноре.

— Счастливой охоты, — с тоской и легкой завистью пожелал клук.

Садясь в седло, Тор напомнил обоим:

— Не забывайте пить отвар. Выпейте весь. Вскоре поговорим.

Саксон кивнул.

— Будь осторожен, — сказал он. — Я не знаю, как спасти тебя от стрелы, если она вдруг в тебя врежется.

Тор ударил коня пятками по бокам, один раз оглянулся на Элиссу, а потом открыл канал мысленной связи с Клутом.

«Куда ехать?» — спросил он у сокола.

«По дороге. Они пока не вставали».

«Долго ехать?»

«Я тебя встречу задолго до того, как ты к ним подберешься. Просто поезжай побыстрее и слушай, что я говорю».

Канал связи закрылся, и Тор пустил коня галопом. Голос Клута снова зазвучал у него в голове.

«А теперь сбавь скорость. Видишь деревья впереди? Привяжи коня в тени».

«Я вижу, что открытая местность снова быстро заканчивается».

«Все правильно. Эта часть Великого Леса смотрит на Роркбель, словно показывает пальцем. Теперь разбойникам придется повернуть на восток, если не хотят углубляться в Великий Лес или горы. Похоже, они не хотят выходить из-под укрытия».

«А ты где?» — спросил Тор, замедлив бег усталого коня, которого теперь пустил шагом. До этого он несся во весь опор.

«Здесь», — ответил Клут, внезапно вылетая из-за спины Тора и аккуратно приземляясь ему на плечо.

«О, Свет! Сколько раз я просил тебя так не появляться?»

«Однако у меня теперь это отлично получается».

Тор погладил птицу и сразу же смягчился.

«Мне не нравится, когда мы вынуждены разделяться».

«Я знаю. Мне тоже это не нравится. Но это очень важное дело».

Они отвели коня в тень. Саксон прикрепил к боку коня бурдюк с водой, а также тонкое кожаное ведро, из которого животное теперь с благодарностью попило. Также имелся и мешок с овсом.

«Он думает обо всем», — заметил Клут.

«Когда дело касается лошадей», — сухо ответил Тор.

«Как наши пациенты?»

«Ворчат, в особенности моя жена. Гидеон сейчас едет на восток вместе с Фиггисом и Темезиусом».

«Да, я помню. Спасибо за то, что позволил мне поучаствовать в том разговоре. Я рад, что он получил назад камень».

«М-м-м... Мне интересно, что он пообещал, чтобы его получить».

«Девушке?»

Тор кивнул, поглаживая коня, пока тот пил. Клут какое-то время молчал, потом спросил:

«А почему это тебя беспокоит?»

«Он так молод».

«А это имеет значение?»

Тор ничего не ответил. Клут продолжал: «На самом деле я помню, как ты рассказывал

мне, что влюбился в Элиссу еще прыщавым юнцом, а ей вроде бы и десять лет еще не исполнилось».

«Но это...»

«Другое дело? Не понимаю, почему. Гидеон так похож на тебя. Почему бы ему не быть похожим на тебя и в сердечных делах? Расслабься, Тор. Твои дети знают, что такое печаль, в их жизни было уже немало горя. Если эта Ййсеуль приносит ему радость... Почему бы и нет? Это может быть такое же чувство, как твоя любовь к Элиссе».

«Я больше не могу с ней прощаться», — внезапно выпалил Тор.

«Я знаю».

«Я боюсь за нее».

«Она сильнее, чем ты считаешь».

«Сколько еще наказаний она может вынести?»

«Не нужно ее недооценивать, Тор. Она тебя за это может возненавидеть. У Элиссы есть цель в этом деле. У нее свое предназначение. Я не думаю, что это только рождение твоих детей. У нее в венах течет кровь богов. Эта кровь победит».

«А мы?»

«Мы все победим, каким-то образом».

«И никто из нас не умрет», — торжественно произнес Тор, на самом деле в это не веря.

«Этого я не говорил».

«Давай не будем об этом говорить».

«Мы не можем сбежать от своей судьбы».

«Я ненавижу это слово».

«Именно она подготовила тебя... Именно она ведет тебя вперед. Как и меня, и всех нас».

«Он — мой брат, Клут».

«А ты — его брат. Обещай мне, что подождешь, не будешь пока принимать никаких решений. Давай посмотрим, что означает эта связь. А пока будем разбираться с тем, с чем можем. А значит — с Готом».

## **Глава 27**

### **Долина Чувствующих**

Гот не спал уже несколько часов. Он знал, что их будут преследовать, и предполагал, что сокол не выпустит их из вида. Теперь бывший Главный Инквизитор не сомневался, что птица каким-то образом поддерживает связь с Гинтом. Каждый раз при этой мысли во рту появлялся горький привкус. Магия! Как он ее ненавидел!

Гот вспомнил, как его подхватили деревья. Он чувствовал их ненависть, знал, что они хотели разорвать его на части. Тем не менее, они лишь слегка потрепали его и преднамеренно сохранили ему жизнь. Он предполагал, что они сделали это для Гинта... для расплаты. Торкин Гинт и этот таинственный Великий Лес работают, как единое целое? Должно быть, так. Но почему? И какую цель преследует Гинт? Сколько бы Прокаженный ни размышлял над этим вопросом, он не мог найти ответа, который бы его удовлетворил. Он научился принимать, как факт, то, что в делах, касающихся Гинта, никогда не находится удовлетворяющих его ответов.

Но Гот рассмеялся про себя, глядя на маленький пузырек, который прошлой ночью обнаружил в сумке, украденной у Гинта. Аррак! Больше никакой боли. Гот сделал еще один глоток, и тут же появились знакомые ощущения. Лекарство действовало по всему телу, вплоть до кончиков пальцев ног. Боль уходила. Теперь он сможет ехать верхом, и быстро. Его защитит аррак.

Ему в голову пришла новая мысль. Пока не началось действие аррака, Гот не мог четко мыслить. Теперь, после глубокого сна, голова у него снова прояснилась, и все вероломство и хитрость вернулись. Почему бы не сбежать?... Не только от Гинта, но и от человека по

имени Норд Джеспер, который все еще спал рядом. Никто из группы пока не пошевелился. Они все сильно напились, обнаружив в повозке несколько бурдюков с вином. Прокаженный считал, что моряки еще долго будут спать. Это даст ему достаточно времени, чтобы украсть одну из лошадей.

Он решил, что поскольку удача сейчас на его стороне, можно попробовать все, что угодно. Оно того стоит. Гот неслышно поднялся на ноги, опустил пузырек с арраком в карман, зная, что он ему потребуется в дальнейшем, несмотря на то, что в эти минуты он чувствует силу. Потом Прокаженный направился к месту, где вчера привязали лошадей. Он понял, что кобыла, на которой он ехал, до сих пор под седлом. Вероятно, она и устала, и не отдохнула, и из-за этого раздражена. Но седло сэкономило ему время. И шуметь он не будет, и вообще беспокоиться, седлая лошадь.

Кобыла укоризненно заржала, когда Гот стал отвязывать поводья. Несмотря на холодное утро, бывший Главный Инквизитор покрылся потом. Приходилось прилагать усилия, чтобы действовать неслышно. Он даже погладил лошадиную морду, что было для него совершенно нетипично. Но животное требовалось успокоить. Потом он заметил, как лошадь внезапно насторожилась, хотя сам он никакого звука не услышал. Тем не менее, Прокаженный повернулся.

— Привет, Гот, — поздоровался Гинт с соколом на плече. — Ты куда-то собрался?

Готу хотелось закричать от раздражения. Ведь еще чуть-чуть — и он бы сбежал. Ну почему он не подумал сбежать до рассвета?

Тор ухмыльнулся.

— В любом случае я тебя бы поймал, — сказал он, словно мог читать мысли бывшего Главного Инквизитора. — Нам разбудить твоих друзей?

Гот заметил, что на кобыле все еще остается лук. Гот отлично стрелял. Когда Тор повернулся, чтобы взглянуть на спящих разбойников, Инквизитор протянул руку к луку и выхватил стрелу из висевшего рядом колчана.

«Ты позабавишься, узнав, чем занят Гот у тебя за спиной», — предупредил Клут, когда Тор направился к группе разбойников.

Тор закрыл себя и Клута мысленным щитом. Теперь Прокаженный никоим образом не сможет причинить им зло.

Потом он по очереди пнул ногой спящих. Те просыпались очень медленно, сознание у всех еще явно оставалось затуманенным. Наконец, Тор повернулся к Готу, который хрипло рассмеялся.

— Первой пристрелить птицу или тебя?

Клут засмеялся в голову у Тора: «Он надоед, не правда ли?»

Теперь разбойники рядом с ними полностью проснулись, медленно встали, но пребывали в замешательстве.

— Что здесь происходит? — проворчал Джеспер.

Гот выпустил стрелу, которая вонзилась в грудь одного из товарищей Джеспера. Тот рухнул на землю, как подкошенный. «Неплохо, хотя в следующий раз нужно целиться в сердце», — подумал Гот и в мгновение ока приготовил к стрельбе еще одну стрелу. Его недавние спутники внезапно насторожились.

— Мы тебя скрутим, Гот, — предупредил Джеспер. — Ты успеешь убить только одного из нас за то время, которое нам нужно, чтобы бросить тебя на землю.

— Да, но кто это будет? — весело спросил Гот и выпустил вторую стрелу. Она на огромной скорости полетела к цели, и второй товарищ Джеспера присоединился к первому на земле.

— Это было просто глупо, — заявил Джеспер. — Мы с этим типом сейчас тебя прикончим. Быстро решай, кто из нас двоих тебе нравится меньше.

— Вынужден признать, что это нелегкое решение, но ему я денег не должен, — сказал Гот, кивая на Тора и все еще наслаждаясь собой.

Тор повернулся к моряку.

— А я презираю вас обоих, поэтому точно не стану к тебе присоединяться ни в чем, Норд Джеспер.

Моряк выглядел пораженным:

— Откуда ты меня знаешь?

— Я знаю только про тебя, но этого достаточно, чтобы желать твоей смерти — или от его руки, или моей. Мне все равно, — соврал он. Тор предпочел бы, чтобы Джеспера убил Гот.

Джеспер переводил взгляд с одного потенциального убийцы на другого.

— Что я сделал кому-то из вас?

Тор почувствовал, как при звуке жалобного голоса моряка в нем поднимается ярость.

— Кроме выстрелов по моим товарищам, ты имеешь в виду? При чем одной из жертв стала моя жена!

Гот шагнул поближе. Его жена? Он мог иметь в виду только Элиссу.

— Она мертва? — спросил Гот.

— Она жива, — ответил Тор, даже не глядя в сторону бывшего Главного Инквизитора. — А кроме них ты убил моего друга. Его звали Петир Гилбит.

Норд Джеспер нервно чесал голову:

— Я не помню такого.

— Да уж, наверное, не помнишь, потому что его жизнь для тебя ничего не значила. — Он повернулся к бывшему Главному Инквизитору. — Убей его, Гот. Я вижу, что к тебе странным образом вернулись силы.

Прокаженный улыбнулся.

— Да, я очень ценю лечебные свойства твоего аррака. Так, так... Кто бы мог подумать, что мы с тобой, Гинт, окажемся на одной стороне?

— Только на этот раз, — ответил Тор, и у него на лице снова появилась волчья улыбка, словно он знал что-то, что не знали другие.

Джеспер стал умолять оставить ему жизнь, а Тор отвернулся, сделал несколько шагов и сел.

— Я подожду тебя здесь, — заявил он Готу, нацеливающему лук.

— Знаешь, Гинт, твоя наглость меня поражает, — качая головой, сказал Гот. — Да, подожди меня и стрелу, которую я оставил специально для тебя. Затем я вернусь к месту, где осталась Элисса, и закончу то, что не удалось моим спутникам.

В сознании Тора вспыхнули Цвета. Он мог бы убить Гота здесь и сейчас, но вспомнил мудрый совет Кайруса. Должна восторжествовать справедливость. Не ему творить правосудие.

«Уходи, Клут. Лети к деревьям».

Сокол подчинился. Гот не заметил, как птица неслышно взлетела с плеча Гинта.

Джеспер тем временем так испугался неминуемой смерти, что полный к утру мочевого пузыря непроизвольно опорожнился.

— О боже, — с ложным сочувствием воскликнул Гот. — Как стыдно! Как нехорошо отправляться к своим богам таким грязным и неопрятным.

Тор смотрел в траву. Он слышал, как Джеспер снова просил пощады, потом раздался жуткий свист стрелы, вылетающей из лука, и глухой удар. Стрела вошла в тело. За легким вскриком и булькающим звуком последовала тишина. Гот выполнил за Тора грязную работу. Норд Джеспер мертв. Эйрин обещала отомстить за смерть Петира, и вот теперь это сделано.

Тор поднял яркие темно-голубые глаза и остановил взгляд на Готе, который сделал еще несколько шагов по направлению к нему. Последняя стрела была вставлена в лук. Тор заметил, что колчан пуст.

— Наверное, я должен очень постараться на этот раз, чтобы стрела точно вошла в цель. Не хочется ее терять, — сказал Гот, зная, что враг понял: это последняя стрела.

Тор кивнул с серьезным видом, не отводя взгляда от дергающегося лица Прокаженного.

— Ничего не хочешь сказать? — спросил Гот, которого немного беспокоило полное спокойствие жертвы.

— Давай побыстрее.

— О-о, значит, ты торопишься умереть?

— Нет. Я должен поскорее обеспечить суд над тобой.

Теперь Готу стало очень весело. Он от души рассмеялся.

— А я ведь могу и промахнуться, Гинт. Мне только жаль, что я не могу убить одной стрелой тебя и твою жуткую птицу.

— Ты не можешь принести зла ни одному из нас, — тихо сказал Тор.

— Заткнись, Гинт. А теперь ты умрешь. Подними подбородок, и я прослежу, чтобы стрела прошла тебе сквозь горло.

Тор так и сделал.

— Прощай, — сказал Гот и выпустил стрелу.

Стрела вырвалась в воздух с мерзким звуком. Тор слегка махнул рукой, и стрела последовала в указанном направлении, пролетела мимо него и, не принеся никакого вреда, воткнулась в землю у него за спиной.

Лицо Гота задергалось гораздо сильнее. Тор встал на ноги и заговорил ровным, размеренным тоном:

— Есть несколько способов решить проблему...

Гот бросился бежать. Тор снова поразился его скорости и живости. Аррак поистине творит чудеса. Клут опустился на плечо Тора.

«Ты далеко его отпустишь?»

«Пусть бежит до верха той горы, к которой сейчас направляется. Я думаю, что мы должны его вначале вымотать».

Тор слышал смех сокола у себя в сознании. Они наблюдали за тем, как Гот быстро перебирает ногами, правда, по мере того, как склон становился круче, бежал он медленнее.

Теперь Гот действовал только интуитивно. Он знал, что Гинт его догонит, тем не менее, считал, что должен попытаться уйти. Он отчаянно неся к вершине горы, зная, что если переберется на другую сторону, то у него появляется шанс оторваться от преследователя. Может, магия Гинта работает только на небольшом расстоянии?

Его надежды не оправдались. Взобравшись на вершину горы, Гот вдруг почувствовал, как его тело резко останавливается. Он сам совсем не хотел останавливаться, хотя и чувствовал усталость. Зато ноги теперь просто отказывались двигаться. Потом он рухнул на землю, из легких кто-то будто вытянул воздух. Гот лежал на земле, хватал ртом воздух и думал, какая ужасная смерть его ждет. Потом его потащило назад, вниз по склону, руки и голова ударялись о землю. Ничто его не держало, и ощущение было очень странным — против воли его тянуло нечто очень сильное.

Остаток дня Тор сидел в гробовом молчании. Гот пытался с ним заговорить, вначале упрашивал его и льстил ему, затем оскорблял, но противник отказывался сказать хоть слово тому, кто теперь стоял у дерева после унижительного путешествия вниз по склону. Тело Прокаженного было изрядно помято и окровавлено. Тор поддерживал постоянный легкий поток Цветов, которые прижимали врага к дереву.

Гот ненавидел волшебство, которое в эти минуты чувствовал вокруг себя. Он ненавидел всю магию, и теперь понимал: Гинт использовал эти способности в его присутствии все то время, пока они были знакомы. Прокаженный даже зарычал, вспоминая чудесное выздоровление королевы Найрии. Она вот-вот должна была уйти за ворота, ведущие к Свету, а в следующее мгновение уже сидела в постели, опираясь на подушки, и щеки у нее розовели. Теперь Гот понял, что это случилось благодаря Гинту. Потом Тор с Элиссой поразительным образом исчезли из Карембоша. А ведь Инквизитор тогда был уверен, что загнал их в угол. Он вспомнил радугу из ослепительных цветов. После появлений той радуги исчезла пара любовников.

Гот потряс головой, пытаясь отделаться от этих бесполезных мыслей, но они все равно

возвращались и мучили его, снова и снова напоминая о дерзком использовании магии Гинтом в присутствии Гота. А что там с казнью? Гот рассмеялся, но Гинт даже не шелохнулся при этом звуке. Бывший Главный Инквизитор помнил, как на кресте висел труп. Как можно было вдохнуть жизнь в это разбитое, мертвое тело?... Тем не менее, вот он, Гинт, сидит перед ним. Единственным способом была презренная магия. Сквозь сознание Прокаженного проносились другие события, всплывающие из памяти... Вдруг они оба оказались на «Осе», потом умер тот капитан, который отрубал кисти рук неугодным, корабль затонул, Гинт сбежал от пиратов и оказался в объятиях кипреанской королевы. Гот поражался всему этому, даже спасению жалкого Локки Гилбита от Поцелуя Девы. Вероятно, это тоже была работа Гинта.

Прокаженный увидел, как вернулся мерзкий, ненавистный ему сокол, и обратил внимание, что птица склонила голову набок, словно слушала слова Гинта. Теперь Гот в этом не сомневался. Они общались благодаря магии. Он ненавидел их обоих больше, чем когда-либо.

Часы тянулись медленно, и его постоянным спутником была боль. Она его не убьет, но лишит сил, энергии и намерения выжить и уничтожить Гинта навсегда. Солнце начало путь к горизонту, спускались сумерки, но магия Тора продолжала работать. Гот так и стоял без движений у ствола дерева, которое также снова и снова напоминало ему о его ненависти.

Наконец, солнце полностью скрылось за западным горизонтом, исчезло красное мерцание, и быстро спустилась ночь. Вскоре после этого Гинт встал. Казалось, он что-то услышал, но Гот улавливал лишь гудение насекомых и звуки, создаваемые маленькими зверьками, которые иногда пробегали рядом. Гинт широкими шагами отправился глубже в лес, и вскоре Инквизитор услышал голоса. Их было несколько.

Вместе с Гинтом на ярко освещенную лунным светом поляну рядом с дорогой вышли еще пять человек. Среди них оказалась Элисса, которая отказывалась даже смотреть в сторону Гота. Он видел, как она то странно клонится на один бок, то держится за него, и порадовался, что ранение определенно приносит ей боль. Тем не менее, она была очень красива... бледная и будто эфемерная. Ублюдок клук, как и всегда, находился рядом с ней и выглядел ничуть не хуже, чем обычно, несмотря на ранение.

Потом Прокаженный испытал шок. Он увидел карлика и гиганта, которые следовали в паре шагов друг от друга. Гот был поражен. Ведь эти расы вымерли несколько столетий назад, верно? Тем не менее, даже вид этих двоих не избавил его от еще большего шока. Он захлопал глазами при виде человека, который оказался очень похож на его врага. При таком освещении Гот мог поклясться, что они идентичны. Однако когда молодой человек приблизился и гневно уставился на Инквизитора, тот понял, что это скорее Гинт, какого он знал много лет назад. Значит, сын. Как мило!

Все они не обращали на него внимания и тихо беседовали между собой после объятий, которыми обменялись при встрече.

Тор и Элисса отошли в сторону, чтобы побыть вдвоем, другие отдыхали и поили лошадей. Гидеон взялся приготовить легкий ужин и доставал из мешков сушеные фрукты и сыр. Он заметил, как родители отходят от основной группы. Ему хотелось бы находиться рядом с ними и поучаствовать в разговоре, но он уважал их желание побыть вдвоем.

Тор нежно обнял жену.

— Я так рад, что ты снова со мной. Это такое облегчение! Как ты себя чувствуешь?

— О-о, не начинай снова, Тор! Твой сын уже несколько часов достает меня этим вопросом и смотрит на меня обеспокоено. Со мной все в порядке, как ты видишь.

— Мои глаза никогда не врут, Элисса. Ты очень бледна, странно наклоняешься в одну сторону, а выражение лица рассказывает совсем другую историю, а не то, что ты говоришь нам вслух.

Она смягчила взгляд. Было несправедливо срываться на нем и выплескивать на него свое плохое настроение. Элисса знала, что ей следует ему сказать. Но пока она не будет этого делать, потом поймет все лучше.

— Не беспокойся, любовь моя. Твои травы сработали, только, боюсь, с моей злостью им сделать ничего не удалось. Я успокоюсь только после того, как Гот понесет справедливое наказание.

Элиссе не нравилось то, как она себя чувствует. Гот пробуждал в ней все самое низменное. Когда он появлялся рядом, всегда просыпалось негодование, ярость, злость, накопившиеся за все годы. Она пыталась притвориться, будто новый страх — это просто страх, а не что-то осязаемое, потому что доказательства отсутствовали. Сон, только и всего. Элисса поспешно сменила тему.

— Саксон сказал, что у тебя с собой есть особая жидкость, которая лечит все.

Тор улыбнулся.

— Аррак. Невероятное средство! Ты немного выпьешь перед тем, как мы тронемся в путь.

— А сейчас что будем делать? — спросила она и кивнула на Гота, хотя так и не посмотрела на него.

— Больше не будем терять времени. Я знаю, что все устали, но, тем не менее, надо отправляться в путь. Я просто чувствую, что все должны как можно быстрее вернуться в Сердце Лесов.

Она кивнула.

— Я согласна. Но нам нужно дать отдохнуть лошадям. Я предложила Гидеону организовать ужин. Мы должны что-то съесть, хотя бы для того, чтобы убить время и дать лошадям отдых.

Тор взял ее за руку.

— Тогда пошли, — сказал он и повел ее к тому месту, где сын выложил еду.

Позднее, когда все заново седлали лошадей, а Гота снова положили на повозку, рядом с матерью оказался Гидеон.

— Ты сказала отцу, что тебя беспокоит?

Она сурово и укоризненно посмотрела на него. Сын видел, как она таким же образом смотрела на Джилу. Это означало, что она больше не будет обсуждать этот вопрос. Однако Гидеон не позволил смутить себя этим взглядом.

— Расскажи мне. Она вздохнула.

— Все в порядке, сынок. Это ерунда.

— Пожалуйста.

Элисса посмотрела на серьезное выражение лица Гидеона и перенеслась в прошлое, в Мятный Дол. Он на самом деле был копией отца. Она вспомнила тот счастливый день, когда танцевала вместе с другими незамужними девушками, а Тор поймал ее букет. Это счастливое воспоминание ослабило решимость ни с кем не делиться причиной обеспокоенности.

— Я слишком много сплю. Вижу много снов. Она склонил голову набок.

— Лисе?

Элисса нахмурилась.

— Нет. Ксантия.

— Женщина из Академии? Элисса кивнула

— Она продолжает меня дразнить... смеяться надо мной.

— Из-за чего?

— Лаурин.

Гидеон взял мать за руку.

— Мама, мы знаем, что временно Лаурин в безопасности.

Они услышали, как их зовет Тор. Гидеон посмотрел в ту сторону, где находился отец, и показал жестом, что они сейчас подойдут.

— В руках сумасшедшего бога? В безопасности? — Появившийся на его лице страх не позволил ей сказать что-то еще. — Это сон, Гидеон. Я же говорила тебе, что это ерунда.

— Объясни меня, что тебя в нем пугает.

Она сделала глубокий вдох и посмотрела на нагруженную повозку.

— Сейчас идем! — крикнула она Тору перед тем, как отвечать сыну. — Я считаю, что буду вынуждена снова с ней столкнуться и сражаться за спасение моей дочери.

— Скажи другим.

Гидеон увидел, как она колеблется.

— По крайней мере, скажи отцу. Позволь ему помочь тебе, — попросил он, теперь тоже ощущая ее страх, только не понимая его.

— Пока не буду. Вначале я дождусь Лисе. — Потом Элисса приложила палец к губам, давая понять, что больше ничего не намерена говорить на эту тему. — Пошли. Твой отец хочет, чтобы мы поторопились. Нам пора в путь.

Гидеон со своими Паладинами проделал путь на восток из Бриттелбери на удивление быстро, по большей части — благодаря деревьям, которые их направляли. Большинство жителей Таллинора во время путешествий огибали Великий Лес, потому что боялись его, но эти трое следовали напрямик. Высокие, покрытые листьями часовые приветствовали их, открывали перед ними новые тропы и обеспечили быстрое появление у места, где ждали Элисса с Саксоном.

Элисса была очень рада их видеть, и поражена ростом Темезиуса, который возвышался над ней.

Рана Саксона явно продолжала болеть, но он никому не позволял суетиться вокруг себя. На самом деле, казалось, что это его смущает. Встреча с Темезиусом подняла настроение Саксона, и все повеселились, глядя, как гигант пытается обнять клука так, чтобы рана снова не начала кровоточить. Положительные эмоции требовались им всем.

Теплая встреча между Паладинами теперь повторялась. Темезиус заплакал при виде великолепного сокола, его большого друга и товарища по оружию... Неужели это на самом деле смелый Клут? А когда птица уселась на высокое плечо Темезиуса, все решили, что улыбка никогда больше не покинет лицо гиганта.

Группа заново встретившихся друзей позволила Великому Лесу направлять их, указывая путь. Таким образом, путешествие сократилось до нескольких часов вместо нескольких дней. Они вскоре почувствовали близость таинственных гор Роркхель. Деревья стали редеть, начинался новый день. Путники находились у самой северной оконечности Великого Леса.

«Домой», — тихо вздохнул Клут по каналу мысленной связи. Его услышали все, кроме Гота.

Они обустроились у края леса. Дальше лошадей брать было нельзя, а здесь они останутся в безопасности.

«Отдыхайте, — сказал Клут всем остальным. — Я слетаю на разведку и определюсь с нашим местонахождением».

Сокол взмыл вверх, мощно махая крыльями, и быстро исчез за первой горой. Темезиус сразу же занялся лошадьми, заметив, насколько устал Саксон. Когда клук собрался ему помочь, гигант отмахнулся и предложил лучше позаботиться об Элиссе, которая выглядела изможденной. Тор это тоже заметил, но ничего не сказал. Пока он решил не делиться ни с кем своим беспокойством. Фиггиса оставили при пленнике.

«Не позволяй ему разговаривать с Элиссой, — предупредил Тор. — Гот сделает все возможное, чтобы вывести ее из равновесия. Она и так плохо себя чувствует, без его вмешательства».

Фиггис кивнул.

«Я прослежу, чтобы он ни с кем не разговаривал», — пообещал он.

Тор с Гидеоном отправились на поиски воды. Они слышали, как она журчит неподалеку. Еще требовалось набрать хвороста.

Элисса смотрела, как двое дорогих ей мужчин исчезают в лесу. Она прекрасно знала, что они будут обсуждать во время этого похода.

«Ты о ней беспокоишься?» — спросил сын.

«Это так очевидно?» — ответил вопросом на вопрос Тор.

«Только потому, что я сам беспокоюсь».

«Она тебе что-нибудь сказала?»

«Возможно, тебе стоит настоять, чтобы она поделилась с тобой всем, что ее тревожит».

Тор остановился. Он знал, что сейчас они уже находятся вне пределов слышимости остальных.

— Что тебе известно, сын?

— Она отказалась мне многое рассказывать.

Две пары поразительно ярких темно-голубых глаз смотрели друг на друга. Тор понял, что его жена и сын доверились друг другу. Он не хотел нарушать это доверие.

— Как ты считаешь, я могу что-то сделать, чтобы помочь ей?

Гидеон пожал плечами и снова пошел. Он испытал облегчение, когда отец последовал за ним.

— Я думаю, что стрела ранила ее гораздо серьезнее, чем мы считаем.

— Нет, я сам обрабатывал эту рану. Она чистая. Конечно, болезненная, но заживет. Твою мать тревожит не это.

Гидеон молчал. Тор попробовал другой подход.

— А-а, вот и ручей. Давай для начала наполним бурдюки.

Они принялись за работу, и Тор добавил:

— Я постоянно думаю, не продолжает ли Лисе навещать ее во сне и беспокоить.

— О-о, нет, это не Лисе, это Ксан... — Гидеон замолчал, разозлившись на себя.

Подобравшись поближе к правде, Тор умело показал, будто ничего не услышал или не понял, и невозмутимо продолжал разговаривать с сыном.

— Просто после появления Лисе в первый и единственный раз, твоя мать очень сильно расстроилась. Она ушла в себя, никого к себе не подпускала... как сейчас. — Тор опустил на землю полный бурдюк, умыл лицо и напился. — Вода прохладная. Восхитительная! — Он улыбнулся сыну. — Пить хочешь?

Гидеон также напился, радуясь, что удалось так легко скрыть промах.

— А она вообще скрытная, замкнутая? — спросил он у отца.

— О, Свет, нет. Элисса очень открытый человек. Очень прямой. Я не понимаю ее нежелание поделиться своим беспокойством. Может, она говорила с Саксоном?

Гидеон снова пожал плечами.

— Может быть.

Они встали и набрали в мешок хвороста и щепок. Тор все время тихо разговаривал с сыном, пытаясь найти способ очень аккуратно задать сложный вопрос, который требовал подробного ответа. Он увидел, как выражение лица Гидеона меняется. Вместо беспокойства на нем теперь отражалось облегчение, словно он принял решение.

— Папа...

Как раз когда Тор подумал, что Гидеон может сдаться, он почувствовал привычный холодок в сознании. Открывался канал связи. Тор узнал отличительный зов Клута: «Я нашел ее!»

Они больше не обсуждали Элиссу, вместо этого подхватили бурдюки и хворост и поспешили назад к остальным.

Пришло время Гота.

Создавалось впечатление, будто они заходят в новый мир. Путь им указывал Клот, шли они пешком. Гот передвигался медленно, у него явно все болело. Ему связали руки и привязали к Темезиусу, который шагал перед ним. За Инквизитором шел Гидеон и следил за каждым его движением. Этот мерзкий тип с дергающимся лицом и постоянной ухмылкой сразу же не понравился парню. Фиггис шел первым вместе с Саксоном. Тор с Элиссой замыкали процессию. Женщина притворялась, будто ей не требуется помощь, тем не менее, с большой радостью опиралась на руку Тора, когда требовалось перебираться через камни. Им приходилось доверять соколу, потому что на земле определить нужный поворот не

представлялось возможным. Иногда людям вообще казалось, что они идут назад. Но сокол настаивал, чтобы все точно следовали его указаниям.

«Лишь немногие знают эти горные перевалы. Но только брокен может найти тот, к которому мы направляемся. Доверьтесь мне».

Теперь они шли уже несколько часов, радуясь, что солнце еще не в зените, и они отправились в путь на рассвете. Если бы Клут не спустился к Тору и не обратил внимание на нужное место, то они наверняка пропустили бы узкую тропу. Там имелся хитро скрытый вход, а над тропой впереди свисали ветки с двух сторон. Получался прохладный и довольно темный коридор длиной в несколько сотен шагов.

Гот не представлял, что с ним сделают. Создавалось впечатление, что они все знают что-то, ему недоступное. Неужели они способны разговаривать, не издавая звуков, используя какую-то магию? Он отбросил мысль, как только она появилась. Тем не менее, раньше он уже убедил себя, что подобная связь существует между соколом и Гинтом. Прокаженный не понимал, почему его привели сюда. Если Гинт хотел его убить, то почему не убил его раньше? Почему не убил вчера, когда Гот оказался в его власти? Или вообще тогда, когда его схватили деревья? Создавалось впечатление, будто Гинт не хочет пачкать руки.

Гот улыбнулся сам себе. Может, он и в этот раз выживет, в конце-то концов. Тем не менее, Тор упрямо тащил его вперед, к какой-то цели. Что он здесь делает?

Инквизитор частично получил ответ на свой вопрос, когда они по очереди вышли в заливаемую солнцем долину, окруженную со всех сторон скалами. Теперь они стояли над пропастью, а внизу видели передвигающихся людей — не несколько человек, а население большой деревни.

Клут опустил на плечо Тора. Никто ничего не говорил. Даже каналом мысленной связи никто не пользовался.

Благоговейную тишину нарушил Гот.

— Почему я здесь, Гинт?

— Для отправления правосудия, — ответил Тор холодным тоном. — Посмотри повнимательнее. Подозреваю, что у меня лучше зрение, чем у тебя, Гот, но по мере приближения обрати внимание на некоторых детей, лица которых ты с таким удовольствием уродовал клеймом.

Все повернулись и посмотрели на Прокаженного, который чувствовал себя так, словно кровь у него в венах застыла.

— Это Чувствующие? — прошептал он.

Элисса обратилась к человеку, которого ненавидела больше всех в мире, впервые после того, как снова оказалась около него.

— Только они имеют право судить тебя.

— Но они все мертвы! — закричал Гот. — Мне говорили, что они все умерли за свои грехи и от моего наказания.

Голос его стал выше, более визгливым, он привлек внимание людей внизу, эхом отдаваясь от каменных стен. Элисса вылила все годы ненависти в презрительный ответ.

— Тебе давали ложную информацию, Гот. По указанию короля Лориса выживших лечили, а затем тайно отвозили сюда, подальше от твоей жестокой орды, чтобы они могли спокойно жить.

Щека снова дергалась сильнее, фактически прыгала. Гот был в таком состоянии, что образ Элиссы затуманился перед глазами. Он пришел в ярость и не мог отвечать и даже выговаривать слова, хотя обычно произносил их четко. Прокаженный почувствовал облегчение, когда Темезиус грубо тряхнул его, а потом подтолкнул вперед.

— Иди! — приказал гигант.

Им потребовался час, чтобы спуститься в долину по опасным тропам и неожиданным открытым площадкам. Один раз даже пришлось пересекать пещеру. Группа точно следовала указаниям Клута, который видел дорогу. Все это время внизу собирались Чувствующие и молча наблюдали за спуском незнакомцев. Никто из них не видел людей из внешнего мира

со времени их появления здесь. Чувствующие решили, что Инквизиторы Таллинора, наконец, вернулись, чтобы убить их.

Тор ощущал, как собирается их волшебство. Наиболее сильные волны исходили от самых агрессивных среди них, которые организовывали какой-то отпор. Он понимал, почему, но, тем не менее, позволил Цветам подняться. Другие также это почувствовали и остановились.

«Мы в опасности?» — первой спросила Элисса.

«Я думаю, что они считают нас врагами, даже Инквизиторами», — ответил Тор.

Саксон остановил всех.

«Мне пойти первым? — предложил он. — Поговорить с ними?»

Тор улыбнулся.

«Нет, нам не следует их бояться. — Затем он улыбнулся еще шире. — В качестве меры предосторожности я прикрою нас всех щитом. Они не могут принести нам зла».

«Даже все вместе, объединившись?» — уточнил Фиггис.

Тор покачал головой.

Гот наблюдал за этими странными и молчаливыми приготовлениями. Он обратил внимание, что у его спутников постоянно двигаются глаза, словно они общаются. Некоторые кивали или улыбались. Он увидел, как Гинт качает головой. Они разговаривают! Их злая магия позволяла им разговаривать друг с другом, не произнося слов вслух. Это так сильно оскорбило бывшего Главного Инквизитора, что он почувствовал, как возвращается его гнев. Слабость прошла. Теперь новость о том, что многие из тех, кого он считал отправленными к своим богам, живы и поселились в этой долине, приносила только ярость. Злоба сменила растерянность. Трусливый король, которому Гот служил, врал ему. Этот король любил своих жалких подданных больше, чем принято у коронованных особ. Любовь к ним пересилила то, за что боролись все короли. Его предшественники делали все возможное, чтобы избавить страну от Чувствующих, и Гот считал, что Лорис поступал именно так. Но нет... Ярость Инквизитора еще усилилась.

Темезиус снова его подтолкнул. Гот с трудом шел вперед, в голове кружились неприятные мысли, он кипел от злости. Наконец, они вышли из пещеры на яркий солнечный свет. Чувствующие явно ожидали их выхода с той сторон, с которой они появились изначально. Но Клут оказался мудрее и вывел их на открытое место с другой стороны, чтобы они успели привыкнуть к яркому солнечному свету и собраться с мыслями.

— Мы пришли с миром, — крикнул Тор, и все Чувствующие быстро повернулись, пытаясь определить, откуда прилетел голос.

Гостей заметили. Многие воскликнули в благоговейном трепете при виде Темезиуса, который оказался значительно выше и шире в плечах, чем высокие Тор и Гидеон. Вперед вышел немолодой крепкий мужчина. Одна часть его лица была изуродована клеймом. Глаз с той стороны вытек. Он молча осмотрел их одним глазом и отметил, что у них нет оружия. На самом деле при них вообще не оказалось вещей. Это была разнородная компания, но явно не солдаты и не важные павлины из Инквизиции.

— Меня зовут Лиам. Представьтесь, — приказал он.

Тор шагнул вперед и протянул руку в типичной для Таллинора манере. Мужчина по имени Лиам отказался ее пожать, но Тор не обиделся и продолжил.

— Меня зовут Торкин Гинт, я бывший лекарь их величества короля Лориса и королевы Найрии. Но я больше известен, как преступник Чувствующий, который совратил Неприкосновенную из Карембоша.

— Чувствующий?

Тор кивнул.

— Это Элисса Квин из Пустотной Топи.

Мужчина остановил его:

— Ты из семьи Лэма Квина?

Элисса элегантно поклонилась.

— Да, господин. Я его дочь, — она улыbnулась.

— О-о, будь я...

— Поосторожнее, Лиам. Элисса Квин теперь имеет титул — Ее величество, королева-мать.

Люди подошли поближе. Некоторые удивленно вскрикнули после этого сообщения.

— Это смешно, парень! Королю Лорису лет пятьдесят, если не больше. А этой девушке не больше...

— Она не мать Лориса, — мягко перебил Тор. — Король Лорис мертв. Речь о его сыне... сыне Элиссе, — он бросил взгляд на Элиссу, которая оценила его выбор слов. — Недавно коронованного короля Таллинора зовут Джил.

Люди в толпе стали громко переговариваться. Страх сменился замешательством. Лиам поклонился. Он не был уверен, верить этой истории или нет, но женщина явно держалась по-королевски. Тор продолжил.

— Это Саксон, смелый клук, сердце которого отдано Таллинору. Он служит королю Джилу и является защитником королевы — матери.

Саксон шагнул вперед и протянул руку в таллинезской манере. На этот раз Лиам отреагировал благосклонно и пожал ее.

— Мой сын Гидеон, — сказал Тор, отступая на шаг назад и касаясь плеча парня.

Лиам кивнул:

— Да, вижу.

Гидеон кивнул в ответ.

— Мы не желаем вам зла, — заверил он слушателей.

— Вон там летает мой сокол. Его зовут Клут.

А это Фиггис.

Лиам нахмурился, озадаченный при виде маленького человечка:

— Карлик?

Тор кивнул:

— Да, он из горного народа. Прекрасная раса. Справа от него Темезиус.

— Гигант, — сделал вывод Лиам, и в его голосе звучало благоговение.

— Да, — подтвердил Тор. Он друг тебе и тем, кто живет вместе с тобой, как и всем нам.

Лиам показал пальцем на Гота:

— Всем, за исключением вон того типа, который привязан к твоему гиганту и хмурится.

— Да, ты прав, — спокойно ответил Тор. — И это подводит нас к тому, зачем мы пришли сюда. Мы можем поговорить со старейшинами без свидетелей?

Лиам пару мгновений молча смотрел на него.

— Да, — проговорил он. — Следуй за мной.

Тор понял, что люди, стоявшие достаточно близко, чтобы видеть черты лица Гота, не понимали, кто это. Они не ожидали увидеть его здесь. Обычно они видели его в другом окружении, и больше он не казался гордым и важным Главным Инквизитором Таллинора. Это был худой жалкий человек с ужасно изуродованным лицом. Может, после того, как его получше рассмотрят, люди и узнают его, решил Тор и последовал за Лиамом.

Темезиус спросил, нет ли где-нибудь поблизости шеста или столба.

— Вон там, — показал Лиам. — Мы там в случае необходимости привязываем ослов. У нас их несколько. По большей части они пасутся на небольших пастбищах, которые имеются здесь неподалеку. Как вы понимаете, мы отсюда не выезжаем.

— Спасибо, — кивнул Темезиус.

— А зачем вам столб? — Лиам не смог воздержаться от вопроса. — Вы хотите к нему привязать пленного?

Темезиус направился к столбу, и Гот изо всех сил старался не упасть, выдерживая темп гиганта, который шагал широкими шагами. Теперь все были заинтригованы и следили за

происходящим. Перед ними разыгрывалась какая-то пьеса. Люди увидели, как гигант прочно привязал связанного пленника к столбу и оставил там. Человек с ужасающим лицом стал кричать и проклинать своих захватчиков.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал Темезиус. — Скоро вы все узнаете.

## Глава 28

### Расплата

Они сидели на ковриках в большой пещере. Элисса отметила, что по атмосфере эта пещера чем-то напоминает тронный зал во дворце в Тале. Лиам улыбнулся. Он все еще пытался разобраться в отношениях между человеком по имени Торкин Гинт и бывшей королевой Таллинора. Казалось, что они очень близки — их глаза очень многое говорили друг другу. Все услышанное ставило в тупик и поражало. В стране столько всего случилось, пока они жили здесь. В этой долине время тянулось медленно и не происходило никаких значительных событий.

— Я никогда не видел тронный зал в Тале, Ваше величество, но здесь собирается наша община. Думаю, что государственные дела не очень сильно отличаются от дел общины.

Две дюжины собравшихся людей вежливо рассмеялись, надеясь, что не оскорбят эту женщину, заявившую о принадлежности к королевской семье.

Элисса кивнула и мягко улыбнулась.

— Это на самом деле так. Могу открыть вам один маленький секрет. Король Лорис никогда не любил заседать в тронном зале. Он всегда считал, что лучше всего встречаться за кубком вина у него в покоях, а его лучшие решения были приняты в седле.

Теперь они смеялись от души. Напряжение ушло, как и натянутая вежливость. Тор про себя восхитился ее легкостью в общении с людьми, в особенности незнакомцами.

Как быстро Элисса привлекла их на свою сторону и заставила забыть о страхах и беспокойствах!

Его мысли нарушила женщина, которая склонилась перед ним с подносом.

— Покушать хотите? — спросила она. — Вы, вероятно, устали после путешествия.

— Мария! — воскликнул Тор, мгновенно привлекая к себе внимание всех собравшихся.

Женщина была поражена.

— А мы знакомы? — спросила она.

Тор покачал головой, одновременно чувствуя смятение и удовольствие.

— Не совсем. Ты ведь с Твиффордской Переправы?

Она кивнула в замешательстве.

— Все правильно.

— И у тебя несколько сестер.

Ее глаза затуманились.

— Да. Конечно, я не видела их много лет. Но объясни мне, откуда ты все это знаешь.

Теперь все смотрели на него, и Тор жалел о своей произвольной реакции.

— Я присутствовал при твоём клеймении, Мария, — тихо произнес он.

Она дернулась так, словно он дал ей пощечину. У нее задрожали руки, Тор забрал у нее поднос, и Мария тяжело опустилась на пол перед ним.

— Я стараюсь не думать о случившемся. Это давно в прошлом. Теперь моя жизнь проходит здесь. Только упоминание тобой этого кошмара заставляет все вспомнить. И воспоминания получаются очень яркими.

Она расплакалась. Тор повернулся к Элиссе за помощью. Не говоря ни слова, Элисса встала со своего места и быстро оказалась рядом с женщиной. Всем внезапно стало очень неудобно от звука тихих рыданий Марии. Тор стал извиняться. Казалось, никто не чувствует негодования, хотя грусть в пещере стала ощутимой, словно повисла в воздухе. Все вспоминали собственную судьбу и пережитое в руках Гота и его жестоких подчиненных.

Лиам пожал плечами после извинений Тора.

— Такое случается. Бывает достаточно какой-то мелочи и ты все вспоминаешь. Мы получили много различных шрамов, и не только физических. Мое лицо — ничто в сравнении с тем, что я еще потерял. Меня увезли от молодой жены и трех маленьких детей. Я заставил себя забыть их, не упоминал их много лет до этой минуты, — сказал он с огромной грустью в голосе. — Я потерял так многое из-за такой мелочи. У меня очень слабые магические способности. Над ними вообще можно только смеяться! Но этот проклятый негодяй Гот все равно нашел меня и наказал.

Тор изменил положение. Ему все еще было неловко и требовалось как-то извиниться.

— Мария, именно я заставил тебя тогда потерять сознание. Я не мог смотреть, как Гот причиняет боль тебе и твоей семье. Я закрыл твою магию, если можно так выразиться, поскольку ты была недостаточно сильна, чтобы победить их. Зато я знал, что ее использование приведет к ужасающим последствиям для твоей семьи.

Мария подняла голову, все еще оставаясь в объятиях Элиссы.

— Ты? — она пыталась вспомнить его и внимательно разглядывала его лицо. — Писарь? — внезапно спросила она.

Тор кивнул.

— Я хотел, чтобы ты выжила. Я надеялся, что выживешь. Деревенские жители, после... — Он откашлялся. — После того, как тебя положили на повозку, к тебе подошли все деревенские жители и коснулись тебя. Все! Они так хотели заверить тебя, что позаботятся о твоей матери и сестрах.

Она кивнула.

— Спасибо, что рассказал мне об этом. Значит, с ними все должно быть в порядке.

Он подумал, что привез ей так мало новостей.

— Мария, ты можешь вернуться. Теперь вы все можете вернуться. Больше вам нечего бояться.

— Как ты можешь такое говорить! — воскликнул Лиам, который явно был шокирован. — Мы живем в постоянном страхе перед Инквизиторами.

К разговору подключилась Элисса, спокойная и распространяющая спокойствие вокруг себя мягким голосом.

— Лиам, Мария... вы все, послушайте меня.

Она встала в центре круга сидящих людей.

— Торкин Гинт говорит правду. Король Лорис распустил Инквизиторов.

Она сделала паузу, зная, что это вызовет бурную реакцию, и оказалась права. Люди вскакивали на ноги и выкрикивали вопросы.

— Пожалуйста, выслушайте меня, люди добрые, пожалуйста. У нас есть веские основания для появления здесь.

Их объяснит Тор, но я хочу, чтобы вы знали: по королевскому указу больше ни один Инквизитор не скачет по дорогам Королевства Таллинон. Чувствующие свободны жить так, как хотят, без наказания за их способности.

Она увидела, как выражения их лиц меняются от смутения к удивлению.

— Да, способности и таланты. Лорис женился на Чувствующей и узнал, что нас не нужно бояться. Он понял, что мы не злые колдуны, нацеленные на захват мира или уничтожение его народа. Для большинства из нас наши способности были грузом, но король понял, что их можно направить на пользу Таллинону. Я торжественно клянусь вам, как ваша бывшая королева, а теперь королева-мать, что он официально помиловал всех Чувствующих. У меня есть полномочия даровать вам свободу.

В пещере раздались неистовые крики. Шок, отчаяние, восторг — все смешалось в этих громких, диких воплях. Элисса дала им время успокоиться, пока все глаза снова не уставились на нее.

— Перед долиной не стоит никакой стражи. Мы можем вывести вас отсюда на свободу — если вы хотите. Вероятно, кто-то из вас родился здесь и счастлив здесь. Они могут решить

остаться. Но тем из вас, у кого есть семьи в окружающем мире, или кто просто хочет туда вернуться, мы поможем найти путь назад.

Тор видел, что Элисса может вот-вот сломаться. Она выполняла последнее желание Лориса — найти ее народ и освободить.

Лиам в неверии качал головой.

— Никакой стражи? А давно ее нет?

Элисса пожала плечами.

— Я не знаю. Но Инквизиторов распустили уже несколько лет назад... после того, как их глава, Элмид Гот, — при упоминании его имени у нее изменился тон, стал тверже, — был схвачен и подвергнут суду за свои грехи.

Она не стала перечислять эти грехи.

Это сообщение вызвало новую волну криков и тревоги. Элисса попросила выслушать ее до конца, а когда все, наконец, успокоились, продолжила:

— Гот был признан виновным и приговорен к сожжению на костре, но сбежал при помощи хитрой сообщницы, и с тех пор находится в бегах.

— А вы никогда не думали уйти? — спросил Саксон, которого поражало, что люди с такой готовностью приняли заключение, пусть и в долине.

— А какой был смысл в ответной борьбе? По большей части мы все крестьяне, то есть простые люди. В любом случае Инквизиторы бы стали преследовать наших любимых, наши семьи, если бы мы сбежали. Мы оставались здесь и не заявляли о себе, чтобы спасти наши семьи, а не себя, — ответила Мария.

После нее заговорил Лиам.

— Нас привезли сюда и оставили одних. Мы предполагали, что где-то имеются стражники. Но сказать по правде, казалось невозможным отсюда выбраться. Несколько человек попытались, и мы решили, что они или заблудились, или попали в руки стражников и были убиты. Мы больше не могли рисковать никем из нас. И наша жизнь здесь не была такой уж плохой. Они оставили нас в покое, и мы построили для себя здесь новую жизнь. Она не просто терпима, здесь хорошо. Мы в безопасности. Мы не знали, что преследователей больше нет и охотиться на нас некому, иначе еще кто-то из нас наверняка попытался бы покинуть долину.

Он пожал плечами, остальные согласно кивнули. Элисса подняла руку с просьбой о тишине.

— В ночь перед смертью король Лорис отправил мне последнее личное послание. В нем он просил меня найти мой народ. Вначале я не поняла, о чем он говорит, но теперь знаю, что он имел в виду всех вас... всех Чувствующих. Он хотел, чтобы я обеспечила вам свободу. — Следующие слова дались ей нелегко, но она быстро взяла себя в руки. — Лорис просил у вас прощения. Он очень сожалел, что его царствование было омрачено вашим преследованием.

После этих последних слов пещеру наполнило напряженное молчание. Прощение. А можно простить? — гадал Тор.

Пришел черед Лиаму откашляться. Он огляделся вокруг. За ним внимательно следило множество глаз. Он надеялся, что говорит от них всех. Лиам повернулся и обратился к бывшей королеве.

— Ваше величество, я не уверен, что мы когда-нибудь сможем оправиться от боли и утраты, унижения и отчаяния, которые пережили. Но никто из нас, я уверен, не утратил нашей способности... нет, нашего желания искать в людях хорошее. Вы сообщили нам, что Лорис мертв и теперь на троне сидит его сын. Надо надеяться, что он хороший человек... более терпимый, чем его отец. Может, его даже отличают широкие взгляды, и он готов принять, что Чувствующие не менее верны и преданы нашей короне, чем люди, не обладающие нашими способностями. — Он увидел, как Элисса кивнула. Она отчаянно хотела, чтобы они все поверили ее словам. — Мы не добьемся ничего, отвечая ненавистью на ненависть. Как народ, мы можем только расти и идти вперед, проявляя терпимость и

принимая все стороны жизни.

Он в последний раз быстро обвел взглядом пещеру, чтобы удостовериться, правильно ли понял настроение других и выражает чувства всех собравшихся.

— Мы принимаем ваши извинения. Возможно, мы не удостоим вас сейчас нашего прощения, Ваше величество, но мы с радостью воспользуемся свободой и рады вашему заявлению о том, что у нас теперь есть место в обществе Таллинора.

Люди захлопали в ладоши. Аплодисменты эхом отразились от стен пещеры, Тор встал и обнял Элиссу и Марию. Обе женщины тоже обнимались. Саксон, Темезиус и Фиггис присоединились к радостным крикам. Гидеон стоял немного в стороне, возможно, он еще не пришел в себя от выступления матери.

Тор отправил ему мысленный зов: «Может, она и больная, и слабая, но все равно поражает, не правда ли?»

Гидеон улыбнулся в ответ: «О, Свет! Я горжусь тем, что я ее сын».

Когда радостные крики, наконец, стихли, Лиам задал вопрос, который вертелся у всех на губах. Тор надеялся, что они сами об этом спросят.

— А что случилось с ненавистным Готом? Он до сих пор буйствует на нашей земле?

Теперь заговорил Тор.

— Это долгая история, — сказал он и предложил всем снова сесть. — Именно поэтому мы сегодня пришли сюда.

— У вас есть новости о его местонахождении? — спросил кто-то.

— Больше, чем новости, — ответил Тор с самым серьезным видом. — Я привел его вам.

Он ожидал взрыва, диких криков, но удивился ледяной тишине.

— Сюда? — переспросил Лиам. — В долину?

Тор кивнул. Он уже собирался пояснить, но Лиам внезапно встал.

— Человек у столба! — закричал он. — Это Гот? Ты, конечно, шутишь?

— Нет, не шутит, — спокойно ответила Элисса. — Именно этот человек разрушил вашу жизнь. Мы нашли его и привезли к вам, чтобы вы творили над ним правосудие.

Тишина стала еще более напряженной. Их мучитель был отдан им на милость. Сколько раз они представляли, что сделали бы с ним, если бы им так повезло?

— Элмид Гот ждет вашего суда, Лиам. Твоего и твоей общины. Его несколько раз приговаривали к смерти, и жертвы его страсти к убийствам уже давно не ограничиваются людьми с магическими способностями. Он наслаждается убийством невинных, а недавно убил мою подругу, молодую женщину, причем таким варварским способом, что я избавлю вас от описания деталей. Услышав об этом, я не убил его сразу же, а позволил еще чуть-чуть пожить, чтобы Чувствующие, к которым он не проявил ничего, кроме бессердечной жестокости, смогли сами решить, каким способом его казнить.

Элисса ощущала их ужас и нежелание радоваться этой новости.

— Мы понимаем, что это поразит всех, собравшихся здесь. Возможно, вам какое-то время нужно подумать и посоветоваться?

Лиам кивнул, как и большинство собравшихся. Вперед шагнула Мария:

— Я сама с радостью убью его, если кто-то даст мне ножи разрешение. Я сделаю это без колебаний.

Элисса взяла ее за руку.

— Я чувствую то же самое, — призналась она. — Он много раз обращался со мной бесчеловечно и совершил немало ужасных деяний, о которых я предпочту не говорить. Я могу сказать только одно: Гот не должен жить дальше. Король требовал его смерти. Он должен умереть.

— А как насчет короля?... Разве он не запятнан нашей кровью? Разве он не столь же виновен, как Гот?

Элисса почувствовала себя так, словно ей в сердце воткнули нож. Именно таким образом на нее подействовало обвинение, которое она сама повторяла снова и снова, пока

жила во дворце и не узнала Лориса и того, сколько в нем было хорошего.

Она сделала паузу не только для того, чтобы собраться с силами, но и подобрать правильные слова, потом сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Лорис умер в одиночестве... во время ужасной бури. Такой я не видела много лет. Он пытался добраться домой, ко мне. — Она попыталась улыбнуться слушателям, но не смогла. — В тот день на него напала стая ворон. — Многие из собравшихся вокруг прошептали заклинание, предохраняющее от дурного глаза и злого колдовства. — Лорис знал, что ему суждено умереть. Я считаю, что в те минуты, когда он уже понял, что его ждет смерть, король решил, что все дело в совершенном им грехе. Он допускал это ужасное наказание для людей своего Королевства. Его смерть была трагической, но быстрой. Он умер от удара молнии. Она прошла сквозь его тело и ударила в землю. Она как будто указала на него пальцем, обвинительным перстом. Я видела его труп и проплакала много часов над ним. Молния попала ему в сердце, его кожа почернела и сжалась. Он заплатил за свои грехи.

— Боги, — прошептал кто-то.

Элисса кивнула.

— Да, это так. Боги наказали моего мужа за его грехи. Я могу с уверенностью сказать, что у него их было два. Во-первых, он любил меня, когда я ему не принадлежала. Второй грех — это незнание всего, связанного с Чувствующими. Он закрывал глаза на жестокие дела Гота. Боги наказали его по-своему, а теперь вы должны наказать Прокаженного, как посчитаете нужным. Мы оставим вас посовещаться.

С этими словами Элисса, бывшая королева Таллинора, поклонилась собравшимся, а затем с царственным видом вышла из пещеры. Сразу же за ней последовал Тор и остальная свита.

Они тихо поели в отдельной пещере гораздо меньших размеров, чем та, в которой проходило собрание. В этой пещере жила Мария вместе с двумя другими женщинами. Все они входили в группу, которая принимала решение о судьбе Гота. На всех гостей произвело впечатление то, что трем женщинам удалось сделать пещеру уютной. Там лежали сплетенные вручную коврики, стояла сделанная своими руками мебель. Вход в пещеру закрывал кусок домотканой материи. Днем его отводили в сторону, чтобы проникал свет, а ночью он обеспечивал уединение и защиту от прохлады. Мария принесла им еду и ушла.

Члены группы, за исключением Тора и Элиссы, после еды решили осмотреть долину. Клут станет их провожатым. Тор же хотел воспользоваться возможностью побыть с Элиссой вдвоем.

— Ты была великолепна, — сказал он.

Она выглядела смущенной.

— Правда?

— Настоящая королева, — он взял ее руку и поцеловал.

— Я не уверена, что могу честно сказать, что когда-либо чувствовала себя настоящей королевой. Я всегда считала, что я в какой-то мере притворяюсь. — Она покачала головой. — Я до сих пор это чувствую.

— Нет, Элисса. Если бы Лорис до сих пор оставался жив, то в Таллиноре сейчас были бы самые лучшие времена в его истории. Найрия... — он хорошо подумал перед тем, как продолжить. — Найрия во всем полагалась на Лориса и подчинялась ему. Они из похожих семей, из одного сословия. Да, она была совестливой и любила свой народ, но все равно оставалась привилегированной дамой, которая никогда не могла понять, насколько ужасны Инквизиторы и как они ломают жизни людям. Конечно, она ненавидела Гота, но по другим причинам. Но ты привнесла в правление Лориса истинную совестливость. Ты — Чувствующая. Ты из той же группы, которая страдала в руках Гота и от власти, которая ему принадлежала. Нет, тут нет никакого притворства или обмана. — Он покачал головой. — Ты, моя любовь, была лучшей королевой Таллинора, хотя и короткое время. Ты провела бы важные реформы... И ты до сих пор можешь это сделать — через своего сына.

Она склонилась вперед, очень быстро его поцеловала, потом вздохнула.

— Не думаю, что снова увижу его.

Элисса попыталась улыбнуться, но в глазах стояла такая глубокая печаль, что Тор сразу же ощутил тревогу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Она пододвинулась к нему и оказалась в объятиях мужчины.

— Я тоже этого не понимаю. Это очень туманное, но очень сильное чувство. Я ощущаю, что мое время заканчивается.

Теперь Тор изменил положение. Очень быстро. Он оказался перед ней на коленях и схватил ее за плечи.

— Ты не должна так думать! Ты обязательно переживешь все это! Ты будешь жить дальше!

Тор никогда не чувствовал такого сильного страха, как в эти минуты. Элисса улыбнулась, очень широко. В улыбке светилась любовь к мужчине, который теперь держал ее за плечи.

— Я люблю тебя, Тор. Я всегда любила. Но ты — ужасный лжец. Ты никогда не был способен на обман.

— Это не обман! — произнес он шепотом. — Я верю в это.

— Значит, это во благо всем нам. Но я так не чувствую. Я чувствую приближение чего-то темного и злого. Но оно направлено лишь на меня одну.

Тор прижал женщину к себе. Он был шокирован.

— Нет! Элисса, ты боишься из-за Гота и всего того, что нам еще предстоит сделать. Это выводит из себя, заставляет нервничать. Я понимаю, что легко испугаться в такой ситуации.

Элисса отодвинулась от него и какое-то время молчала, глядя в его поразительные темно-голубые глаза. Она много лет так не смотрела в них. Бывшая королева поняла, что забыла, насколько они яркие. На самом деле это были глаза бога. А какие черты лица! Все линии были очень четкими, и теперь полностью ушло мальчишество. Этот мужчина выглядел впечатляюще. В нем читалась сила. Элисса коснулась нижней части его щеки и почувствовала, как там пробивается щетина. Она любила Тора бритым — так лучше подчеркивалась его потрясающая внешность. Но ей нравилось трогать короткие, грубые волосы...

У Тора в голове судорожно кружили мысли. Элисса смотрела на него так, словно видела его лицо в последний раз и пыталась запечатлеть в памяти его черты.

«Элисса! Прекрати это!»

«Почему? — мечтательно спросила она. — Я не хочу на этот раз забывать твое лицо. Я забыла его на время, когда считала тебя мертвым. Но на этот раз подобное не повторится. Я хочу забрать его с собой туда, куда отправляюсь».

«Пожалуйста! — закричал он мысленно. — Пожалуйста, прекрати это немедленно. Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Куда ты собралась?»

«Я должна с ней встретиться, Тор».

«С кем?»

«С Ксантией».

Тор был поражен. Он думал, что именно это имя Гидион собирался произнести во время их похода за водой, но отмахнулся от мысли, не желая выпытывать у сына дополнительную информацию. Но это оказалась правда. Именно Ксантии боялась Элисса.

«Но почему? Каким образом она может принести тебе зло?»

Элисса вышла из мечтательного состояния. Теперь она смотрела строго и не отводила глаз.

— Не мне. Моей дочери. И я этого не допущу.

— Откуда ты можешь знать, что она в состоянии принести зло Лаурин? Откуда ты можешь знать, что она вообще находится рядом с ней? — спросил он, совсем запутавшись.

— Потому что Ксантия дразнит меня. Она появляется у меня в снах и смеется надо

мной. Она зовется меня, Тор. И я должна идти. Моя дочь отдана ей на милость.

Тор попытался призвать к разуму:

— Но это только ночные кошмары!

— Прекрати! Ты веришь своим снам и видениям, которые посылает Лисе. Я знаю, что я вижу в своих. Это реальность. Я чувствую это внизу живота. Моя интуиция подсказывает мне, что опасность Лаурин угрожает не столько от Орлака, сколько от тех, кто находится рядом с ним.

Тор не поверил этому, но знал, что Элисса нацелилась на определенный курс, причем неверный, а он не мог ей позволить идти этим путем в одиночку, в особенности в нынешнем мрачном настроении.

— В таком случае я тебе помогу.

При этих словах Элисса снова повернулась и посмотрела на него. Выражение лица у нее смягчилось, стало привычным — таким, как он его знал и любил.

— Ты не можешь, любимый. Это моя последняя роль во всем этом плане. Это моя судьба. Я должна встретить ее, как ты должен встретить свою.

Тор покачал головой, отказываясь принимать ее слова.

— Бедный Тор! Ты никогда полностью не понимал, что ни один из нас не управляет своей судьбой после появления в нашей жизни Меркуда. Как я жалею о том дне у Твиффордской переправы, когда ты вмешался и спас Марии жизнь! Если бы не это, то Меркуд никогда бы нас не обнаружил, мы бы поженились и спокойно жили бы в южных графствах. — Теперь она улыбнулась очень грустно. — Но что сделано, то сделано. И теперь мы должны доиграть наши роли до конца. У Лисе для каждого из нас имеются свои планы. Моя мать на самом деле хитра. Разве ты этого не видишь? Она никогда не позволяла нам быть вместе. И никогда не позволит. — Элисса встала. — А теперь поцелуй меня еще раз, мой любимый муж. А затем мы закончим то, ради чего приехали сюда.

Тор был слишком встревожен, чтобы делать что-то, кроме как подчиниться ее желаниям. Он встал и прижал ее к себе. Он чувствовал такую беспомощность, что нашел утешение там, где мог — в ее губах. Он словно потерялся в ней, выливая всю свою любовь в объятие. Хотелось, чтобы Элисса верила: каким-то образом он спасет их обоих.

За ними пришел Лиам, и когда они вышли из пещеры на улицу, то увидели, что собралась вся община. Лица людей были суровыми и мрачными. Вся явно чувствовали себя нехорошо из-за принятого решения. Тор все понимал. Эти люди не были жестоки. Иные после стольких лет просто не могли испытывать ту же ненависть, что раньше, этому к жалкому человеку, привязанному к столбу. А он все еще ругался и огрызался.

Гидеон и другие члены группы собрались рядом с Готом. Клут уселся на столб над пленным. Так он показывал власть над человеком, который наводил страх и ужас на огромное количество людей.

Лиам обратился к гостям.

— Мы приняли решение, — торжественно объявил он.

Тор кивнул. Лиам говорил громко, чтобы его могли слышать все.

— Этот человек виновен во многих гнусных деяниях. Уничтожить его — сделать одолжение стране. Заверяю вас, что мне трудно лишить любого человека жизни... даже этого.

Тор чувствовал, как Элисса напряглась рядом с ним. Она неотрывно смотрела на Гота, который извивался под ее взглядом, но все равно с ненавистью ругал всех Чувствующих.

— Расскажи нам о вашем решении, — наконец попросил Тор.

Лиам откашлялся:

— Он должен быть сожжен, как было решено в Таллиноре.

— И пусть он никогда не найдет Свет, — прошептала Элисса так, что ее услышал один Тор.

— Это должно произойти в самое ближайшее время, — продолжал Лиам. — На закате.

— Вы подготовите все необходимое? — спросил Тор голосом, теперь лишенным

каких-либо эмоций. Он знал, что принято правильное решение.

— Подготовка уже началась. Все произойдет на закате. Вас позовет Мария.

Тор поблагодарил Лиаму, взял Элиссу за руку, и они направились к Готу. Ярость бывшего Главного Инквизитора стала ощутимой. Чувствующие стали расходиться. Им было неуютно из-за сложившейся обстановки.

Теперь Тор говорил ради маленькой группы своих друзей.

— Помолчи, Гот! — приказал он, и, что удивительно, тот и в самом деле замолчал.

Гот гневно смотрела на Тора, лицо уроды постоянно дергалось и, казалось, излучало ненависть. Игнорируя остальных, Прокаженный посмотрел только на главного врага и рассмеялся.

— Я тебя не боюсь, — заявил он.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы ты понял: тебя привезли сюда для отправления правосудия, что давно уже следовало сделать. Тебе следовало уже много раз умереть за твои деяния, Гот. Это просто последняя глава твоей гнусной, печальной жизни. Сегодня вечером ты умрешь, как повелел в своем указе Его величество король Таллинора Лорис.

— Ты будешь моим судьей и палачом, Гинт?

— Тебя судили давно. Я буду здесь только свидетелем твоей смерти.

— Уходи! — выплюнул Гот. — Я больше не хочу видеть тебя или кого-то из твоих мерзких приспешников.

Гидеон не мог сдержаться:

— Мы делаем Таллинору большую услугу, избавляя страну от этого типа.

Темезиус кивнул.

— Я знаю этого типа всего несколько дней, и у меня от него мурашки появляются на коже.

— Я знаю его слишком давно, — тихо произнес Саксон, а затем посмотрел на Элиссу. — Сегодня наконец-то мы от него избавимся.

Когда солнце стало исчезать за горами, за гостями снова пришла Мария.

— Пора, — сказала она, и все встали. Нервы у всех были на пределе после дня в напряжении. — Умирая, брокен смотрит на запад, — показала она в нужном направлении.

Клут подтвердил это по каналу мысленной связи. — Мы посчитали, что раз Гот умирает в горах Роркбеля, то нужно следовать традициям брокенов.

«Для него это слишком хорошо», — заметил Клут, но его слышали только друзья.

— Следуйте за мной, — сказала Мария. — Кто его приведет?

— Я, — ответил Темезиус и широкими шагами направился к Готу, который всю вторую половину дня вел себя странно тихо.

Теперь же, при виде приближающегося гиганта, Гот стал извиваться у столба. Он видел, что ненавистные враги наблюдают за ним, и уже какое-то время также наблюдал за потоком людей, которые медленно поднимались по тропе между валунов. Теперь и Мария посмотрела в сторону этих людей.

— Мы ходим на вершину этой горы молиться. Будет правильно, если он отправится к богам оттуда.

Все последовали за Темезиусом, который перекинул Гота через плечо, словно мешок муки. Сделал он это без усилий и шел совершенно ровно и спокойно, словно и без ноши.

Поход к вершине занял какое-то время. Тор снова помогал подниматься странно ослабевшей Элиссе. Казалось, она лишалась сил вместе с заходящим солнцем, уходила в место, куда не мог добраться никто. Тор теперь беспокоился и из-за жены, и из-за сына. Он пытался успокоить Гидеона, объясняя, что мать пребывает в меланхолии, но даже ему самому слова казались пустыми и придуманными. Тор отправил к ней шуп, но обнаружил, что она закрылась щитом. Тор знал, что в состоянии сломать этот щит, но с какой целью? Вероятно, это только вызовет ее гнев. Элисса каким-то образом вырвалась от него и ушла. Он мог только обеспечивать ее безопасность, пока она не вернется из того места, где

прячется, и перестанет бояться.

В сумерках молчаливая и безрадостная группа оказалась на вершине горы. Там было странно тихо, даже ветер не дул. Небо озарялось оранжевыми отблесками заходящего солнца, вскоре, когда солнце полностью зайдет, его цвет изменится на черный. Никто из детей не присутствовал, но на вершине горы собрались многие члены общины, решившие, что в состоянии смотреть на предстоящее зрелище. Теперь они видели, как Гота к месту казни несет гигант. Темезиус сбросил груз с плеча. Прокаженный был связан. Он продолжал ругаться.

Лиам решил, что больше никакие формальности не требуются. И без того уже было много разговоров. Он явно хотел побыстрее закончить с этим делом.

— Привяжите его, — приказал Лиам двум мужчинам.

— Подождите! — воскликнула Мария. У нее округлились и горели глаза. Собравшиеся считали ее воплощением самой мести. — Он должен быть обнажен, как были мы. Обнажен и унижен.

Лиам кивнул.

— Разденьте его, — приказал он.

Это было сделано, несмотря на крики и сопротивление Гота. Многие пришли в ужас при виде его обнаженного тела. Никто из них не слышал о том, что в свое время сделал клук ножом. Гота быстро привязали к высокому валуну, который стоял на этом месте много веков. Каждый из Чувствующих прошел мимо Прокаженного и бросил веточки к его ногам. Было решено, что каждый Чувствующий, испытавший на себе клеймо Гота, поучаствует в его казни. Похоже, Гот лишился рассудка. Теперь он проклинал каждого из них, слюна капала изо рта, разлеталась во все стороны, а маниакальные глаза закатились.

Он выглядел, словно демон, и многие женщины отворачивались, бросив веточку.

Тор обратил внимание, что влажных веток среди брошенных нет. Влажные ветки обычно выбирали для того, чтобы продлить процесс сожжения жертвы. Нет, эти люди хотели просто смерти своего мучителя, чтобы он исчез с лица земли, а его прах развеялся ветрами среди суровых гор Роркьяля.

Наконец все ветки были брошены к ногам Гота. Солнце село. Спустились сумерки... Это было странное волшебное время между днем и ночью, когда душа может с легкостью улететь к своим богам.

Лиам повернулся к Тору и Элиссе.

— Кто-нибудь из вашей группы хочет что-нибудь сказать перед тем, как Мария зажжет огонь?

— Да, я хочу, — внезапно произнесла Элисса.

— Не надо, — предупредил Тор.

— Я должна, — заявила она.

Элисса посмотрела на Саксона. Тот кивнул.

«Говори, красавица. Он забрал у тебя самое ценное. А теперь брось это ему в лицо», — подбодрил он ее по каналу связи, открытому только им двоим.

Тор хотел, чтобы она ничего не говорила. Ситуация казалась ему странно опасной. Волосы у него на руках встали дыбом. Он почувствовал, как его охватил старый страх. Ему на плечо опустился Клут. Как и всегда, сокол очень удачно выбрал время. Большие и сильные лапы птицы с огромными когтями, помогли Тору сосредоточиться.

«Все в порядке?» — спросил Клут.

«Я буду в порядке после того, как это все закончится», — ответил Тор, сильно сжав челюсти.

«Она должна сделать то, что ей подсказывает интуиция, Тор... как и мы все», — мягко посоветовал Клут.

Элисса подошла к Готу и посмотрела ему прямо в глаза. Прокаженный злобно улыбнулся — специально для нее.

— Элисса, я хотел бы попросить тебя у меня отсосать, как в старые добрые времена, но

как ты видишь, сосать у меня нечего, — сказал Гот и разразился маниакальным смехом.

Она содрогнулась.

— Ты был создан огнем, Гот, — нахмурившись, заговорила она. — И очень хорошо, что языки пламени уничтожат существо, в которое ты превратился, и сожгут твои грехи. Тебе очень подходит такая смерть. Отправляйся к своим богам — к тому, кто примет тебя. Больше ты не можешь принести мне зла.

Она повернулась к Марии и кивнула. Та подожгла небольшую сухую веточку от факела, который принесли на вершину горы. Все затаили дыхание. Тор почувствовал, что у него кружится голова. Все поплыло перед глазами. У него создалось ощущение, что он достиг очень важной вехи на жизненном пути. Это был один из поворотных моментов судьбы.

Мария посмотрела на дергающееся лицо жертвы, но Гот глядел только на Элиссу. Мария поднесла горящую веточку к куче хвороста у ног Прокаженного. Хворост мгновенно загорелся.

Гот расхохотался. Потом он стал нести какую-то чушь. Он дергался, кричал, разражался бранью и бредил. Инквизитор явно сошел с ума, его лицо исказилось, безумие четко отразилось на нем.

Саксон смотрел, как Гот пытается сорвать веревки, и задумался, выдержат ли они. Саксон поделился сомнениями с Фиггисом, который кивнул с серьезным видом.

— Жаль, что мы сами их не проверили.

Темезиус услышал их и склонился к друзьям.

— Давайте надеяться, что огонь быстро пожрет его, — прошептал он.

Гидеон тоже слышал этот обмен фразами и шагнул к матери. Тор сделал то же самое. Им обоим очень не нравилась, что она продолжает стоять перед Готом, который так и не сводил с нее взгляда. Казалось, Элисса околдована и не в состоянии сдвинуться с места. Тем временем языки пламени поднимались все выше и выше.

— Отойди назад, дорогая, пожалуйста, — мягко попросил Тор.

Элисса сбросила его руку.

— Нет, я буду смотреть на него, пока он не умрет.

Гидеон с Тором обменялись обеспокоенными взглядами.

«Значит, мы будем стоять рядом с ней, — сказал Тор сыну по личному каналу связи. — Ей это совсем не к чему».

И так они и стояли, видя, как их враг извивается среди языков пламени, которым еще предстояло коснуться его когда-то опаленной кожи.

Прилетел слабый ветерок и поднял искры вверх. Несколько опустились на лицо Гота. Он словно вернулся в реальность от этого шока. Зрители увидели, что от этих искр его щеки почернели. Брови у него сжались, а ноги загорелись. Это было ужасное зрелище, но Элисса продолжала упорно смотреть на человека, которого ненавидела.

Гот снова сфокусировал взгляд на ней.

— Элисса! — закричал бывший Главный Инквизитор, перекрикивая рев пламени. — Я навсегда останусь твоим первым мужчиной! Я первым получил это удовольствие! Никогда не забывай о том. Эта мысль всегда будет преследовать тебя, моя красавица. Ты была моей, я тебя пометил!

Это переполнило чашу терпения. Больше она выдержать не могла. Больше никакой боли от этого человека не будет, больше никаких насмешек или жестоких слов. Он испортил ей жизнь, принес в нее горечь и страх, а теперь Элисса навсегда избавит от него землю. Тор почувствовал, как рядом поднимается волна силы, но не отреагировал достаточно быстро. Элисса собрала свою магическую силу, словно в кулак, и закричала, ударяя по Готу. Языки пламени взметнулись вверх вокруг Гота, стали очень яркими, даже белыми. Гидеон вспомнил об ужасе, который сам испытал в Дунтарине. Тогда языки пламени тоже стали белыми и превратили его врагов в пепел.

Теперь Гот горел очень быстро. Кожа расплавилась, как масло, он кричал в агонии,

окруженный тьмой. Спустилась ночь, небо почернело. От яркости пламени у Элиссы закружилась голова, и она почувствовала, как ее затягивает в пустоту, а она сама не контролирует этот процесс. В черной пустоте она увидела Ксантию: «Посмотри, что мы делаем с твоей дочерью, трусиха. Разве ты не попытаешься спасти ее?»

Элисса увидела, что происходит за спиной Ксантии. Там огромный златовласый мужчина, обнаженный, со вздыбленным членом, опускался на ее распростертую дочь. Лаурин плакала и просила милости.

«Никакой милости», — заорал бог и вошел в нее. Лаурин закричала от боли и отчаяния, но бог не останавливался.

«Зови его! — приказал он, яростно насилуя ее. — Зови его ко мне. И тогда я остановлюсь!»

«Нет!» — выдохнула Лаурин. Глаза округлились от боли и страха.

Бог выгнул спину дугой и усилил темп.

«Я могу продолжать это несколько часов», — сообщил ей его мерзкий голос.

«Я не стану его звать, дьявол. Орлак! Спаси меня!»

«Забудь об Орлаке. Теперь ты будешь давать удовольствие мне. Посмотри на меня, девочка. Меня зовут Доргрил, я — твой хозяин... Я — новый хозяин и правитель этой земли».

Злобный смех Ксантии слышался над хриплым голосом хозяина, который наслаждался порочными удовольствиями.

Тор в ужасе смотрел, как тело Элиссы напряглось и замерло. Глаза вроде бы смотрели в никуда, округлились, а зрачки расширились. Она явно не видела ничего из происходящего перед ней или вокруг нее. Тор подхватил жену, чтобы она не упала, и в это мгновение горящее тело Гота снова задержалось, пытаясь разорвать веревки.

«Держись, проклятая», — отправил Саксон мысленный приказ веревке, которой привязали Гота.

Однако Гот оказался силен. Его плоть горела, охваченная яростным огнем, тем не менее, в нем нашлись невероятные силы, чтобы вырваться из сковывающих пут. Прокаженный прыгнул к краю скалы и с криком, полным ненависти, полетел вниз, в долину. Темезиус, Фиггис и Саксон бросились к краю обрыва, чтобы посмотреть, как охваченное огнем тело летит к своей смерти.

И только тогда Саксон заметил, что Тор и Гидеон склонились над распростертым телом Элиссы. Тор просил жену послушать его, тряс за плечи, снова и снова выкрикивал ее имя. Все в отряде почувствовали, как он отправляет сильные ментальные импульсы, прощупывает все вокруг нее, пытается догнать ее там, куда она ушла.

Гидеон был слишком шокирован, и не мог говорить. Он съезжился рядом с родителями. Наконец, к нему подошел Темезиус и поднял молодого человека на ноги.

— Гидеон! — резко позвал гигант. — Что случилось?

Голос Паладина вывел молодого человека из ступора.

— Она внезапно напряглась, замерла на месте и потеряла сознание. Я не знаю, что именно случилось. Помогите ему! Помогите моему отцу найти ее!

Фиггис опустил руку на плечо Тора, который продолжал повторять ободряющие слова и умолял жену вернуться.

«Торкин Гинт! — позвал Фиггис. — Ты нам нужен». Тор посмотрел в лицо карлика. «Она ушла».

«Она дышит?»

Похоже, Тор его не понимал.

— Темезиус, Элисса дышит? — спросил Фиггис вслух.

Гигант склонился над ее маленькой грудью. Все вокруг замолчали. Наконец, он поднял голову.

— Сердце бьется, но слабо.

Тор с Гидеоном немного пришли в себя.

— Быстро, Темезиус, мы должны отнести ее в Великий Лес. Надо уезжать немедленно, — сказал Тор, встал и стал судорожно расчесывать волосы пальцами, словно гребнем. — Все закончилось? — спросил он у клука, имея в виду Гота.

— Он бросился вниз со скалы... Его любимый трюк, — ответил Саксон.

«Клут!» — позвал Тор.

«Лечу», — ответил сокол, взмыл высоко над головами людей, а потом спикировал вниз, в долину. Он проверит, умер ли Гот.

К ним подбежал Лиам.

— Что случилось с королевой?

Скорбное выражение лица Тора подсказало ему, что ничего хорошего.

— Мы не знаем. Гот очень жестоко поступил с ней и ее семьей, — ответил Тор, обходя правду. — Похоже, она потеряла сознание. Я думаю, что мы прямо сейчас должны вас покинуть.

Темезиус легко подхватил Элиссу, словно она весила не больше перышка. Теперь ее тело обмякло, глаза закрылись.

— Вы сейчас уходите? Ночью? — пораженно переспросил Лиам.

— Да.

Саксон тронулся в путь рядом с Темезиусом. Фиггис последовал за ними вместе с Гидеоном, который едва ли чувствовал руку направляющего его Паладина.

— Мне очень жаль, что мы покидаем вас таким образом, — искренне сказал Тор.

Появился Клут.

«Готу конец», — сообщил сокол.

«Ты уверен?» — уточнил Тор. Его голос звучал хрипло, словно скрежетал в голове сокола.

«Он мертв».

— Готу конец, — сообщил Тор людям, которые стали собираться вокруг него, потом посмотрел на Марию. — Мы должны уйти. Наша работа здесь закончена.

— Вы покидаете нас сейчас? — в голосе звучало неверие. — Но вы же обещали вывести нас отсюда... тех из нас, кто захочет вернуться.

Тор заговорил мягким голосом. Он хотел быстрее присоединиться к друзьям, доставить Элиссу в безопасное место, но знал, что должен дать этим людям ответ... какую-то надежду.

— Я помню о своем обещании. Мы вернемся за вами и доставим вас в Таллинор.

— Когда? — спросил Лиам. — Я не уверен, что буду одним из них, но многие выразили желание вернуться домой.

— Скоро. Обещаю вам. Я должен вынести Элиссу из долины. Там ей будет оказана помощь. Мы не можем взять вас с собой ночью. Позвольте мне сделать то, что я должен, и один из нас вернется за вами. Я даю вам слово.

— Сдержи это слово, Торкин Гинт. Ты обязан его сдержать. Это твой долг перед этими людьми, — сказал Лиам. — Мы будем ждать твоего возвращения и подготовимся.

— Спасибо, — ответил Тор, чувствуя облегчение. — А теперь я должен идти.

— Я не могу сказать, что мы благодарим тебя за перекладывание на наши плечи того, что должен был сделать король, но мы благодарим тебя за то, что ты поймал Гота и освободил нас от его власти.

Тор кивнул и протянул руку по традициям Таллинора.

— До новой встречи.

Клут полетел вперед, Тор побежал трусцой, пока не догнал остальных.

— Какие-нибудь изменения? — спросил он, хватая ртом воздух.

— Никаких, — ответил Саксон. — Наша единственная надежда — это Сердце Лесов.

Идти было трудно из-за темноты, но им снова помогал Клут. Благодаря его указаниям они безошибочно выбирали дорогу и нужные повороты, чтобы, в конце концов, оказаться у края Великого Леса. По пути Гидеон отрывал от рубашки кусочки ткани и привязывал их к веткам или подкладывал под камни.

— Зачем ты это делаешь? — наконец спросил Фиггис.

— Кто-то из нас должен будет за ними вернуться, — только и ответил молодой человек.

Никто не хотел думать о предстоящих испытаниях, в связи с которыми вернутся не все.

Через несколько часов они добрались до Великого Леса. Несмотря на частые остановки для проверки пульса Элиссy, путь они преодолели довольно быстро. Она так и оставалась без сознания и дышала очень слабо. Когда друзья опять оказались среди деревьев, Тор взял жену на руки и крепко прижал к себе.

— Берите лошадей и как можно быстрее скачите в Сердце Лесов, — сказал Тор остальным. — Приближается опасность.

— А ты, папа? — спросил Гидеон.

— А я доставлю ее в Сердце Лесов другим способом. Поторопитесь!

Друзья смотрели, как Тор крепко прижал Элиссy к груди, а затем почувствовали, как вокруг них творится сильное волшебство. Вокруг пары появились маленькие огоньки, запели, потом возникла радуга, окружила Тора и Элиссy и ослепила остальных.

Когда члены группы смогли снова взглянуть на то место, где только что стоял Тор с Элиссой, пары уже не было.

## Глава 29

### Лес замолкает

Тору больше не требовалось привлекать силу Дармуда Корила, чтобы путешествовать по Великому Лесу. Он теперь понимал, как магическим образом переправиться в Сердце Лесов. Его подпитывал страх за жизнь Элиссy, и он использовал все свои силы и навыки, чтобы на поразительной скорости перенестись в самый центр Сердца Лесов, где были зачаты их дети.

— Дармуд Корил! — крикнул Тор хриплым от страха голосом.

— Я здесь, Торкин Гинт.

— Спаси ее. Используй мою жизнь, если потребуется, но только спаси ее!

— Отдай ее мне, — приказал бог, и ветви деревьев, служивших ему, опустились вниз.

Тор не хотел расставаться с Элиссой, но, тем не менее, очень нежно опустил ее на ветки. Ее подняли высоко над землей, и она исчезла у него из вида. Тор упал на колени и просил Сердце Лесов использовать всю его магию для спасения дорогой Элиссy. Он снова и снова предлагал собственную жизнь в обмен на ее.

Появилась Солиана, которая неслышно подошла к тому месту, где Тор стоял на коленях. Волчица ткнулась в него мордой, и он обнял ее.

— Она ушла, — плакал Тор в густой, серебристый мех волчицы. — Я пытался сделать все, что мог, только бы добраться до нее, но даже не чувствую ее присутствия.

«Мы тоже любим ее, сын Сердца Лесов. Держись», — больше Солиана ничего не могла придумать. Никакие слова утешения не приходили на ум, потому что она тоже ощущала пустоту. — Пока мы ждем, Расскажи мне, что случилось».

Волчица знала, что это поможет ему прийти в себя, и оказалась права. Тор рассказал все — обо всех событиях, которые произошли во время их путешествия на север.

«Значит, Гот наконец-то мертв», — сказала она.

«Да, но каким-то образом ему удалось забрать с собой Элиссy».

«Я так не думаю. Судя по тому, что ты рассказал, Элисса отправилась по собственной воле. — Солиана подняла голову. — Тихо! Возвращается Дармуд Корил».

Тор вскочил на ноги, но когда увидел, как деревья опускают безвольное тело жены, понял в глубине души, что они опоздали.

Элиссy нежно положили на землю, но Тор не мог на нее смотреть. Он видел грустное доброе лицо Дармуда Корила. На нем в эти минуты пролегли глубокие морщины.

— Мы потеряли ее, сын мой.

Тор сглотнул. Он не мог выдавить из себя ни звука. Горло отказывалось подчиняться. Он хотел, чтобы оно полностью закрылось, перекрыв дыхание, и он бы умер рядом с любимой.

— Здесь находится только ее тело, — продолжал бог. — Ее душа улетела. Она очень умело скрыла следы, и я не могу найти ее. Не могу призвать ее назад.

— Но возможно... — Тор отчаянно хватался за соломинки, за что угодно, что только даст ему надежду.

Дармуд Корил покачал головой, и Тор замолчал. Деревья шуршали и скрипели, выражая страдание. Появились Небесные Огни, и тихо запели вокруг ценной пары.

— Тело уже холодеет, дитя мое. Слишком поздно. Элисса для нас мертва.

Тор знал, что это правда.

Он больше ничего не говорил и лег на землю рядом с ней, зарылся лицом в ее золотистые волосы и заплакал, выливая в них свою печаль.

Солиана сидела рядом, сама убитая горем и обеспокоенная из-за Тора. Она должна внимательно за ним следить. Он и Троица — это их единственная надежда. Сердце Лесов медленно замолкало. Ничто не шевелилось, даже рябь не бежала по озеру. Надо всем несчетное количество часов царило отчаяние. Тело Элиссы стало коченеть рядом с Тором, а затем похолодело так, как холодеют только мертвые.

В таком состоянии их на следующий день и нашли остальные. Казалось, что в объятия смерти попали оба.

Теперь она жалела, что ничего не сказала перед уходом, чтобы принести утешение Тору, но вид Лаурин, ее крик отчаяния и ужасающий смех Ксантии вывели ее из терпения. Элисса отправила предупреждение Ксантии, а затем покинула собственное тело. Она почувствовала странную свободу, посмотрела вниз на мужа и сына, почувствовала их испуг, и ей захотелось сказать им, что она приняла решение.

Элисса задержалась гораздо дольше, чем собиралась, путешествуя с Тором в Сердце Лесов и так сильно ощущая его печаль, что ей хотелось протянуть руку и коснуться его мягких, вьющихся волос и заверить его, что это все к лучшему. Она смотрела, как он получает ее тело назад от Дармуда Корила, видела его агонию, когда он осознал правду и упал рядом с ней. Душа ее теперь дрожала от стыда — ведь она заставила его так страдать. А ведь еще столько предстоит сделать!

Тем не менее, у нее не оставалось выбора, сказала она сама себе. Ее собственные нужды и нужды Тора не выше нужд их детей, не важнее их. Чудовище Орлак насилует Лаурин, а Элисса знала все об изнасиловании. Ее саму спас Саксон, а у Лаурин не было никого, кто бы ее спас. Ее Паладинов нигде не видно! И что они могли сделать против такой силы? Элисса вспомнила широкую, мощную спину Орлака и то, как он растягивал губы. В этой улыбке соединялись удовольствие с ненавистью, а под ним кричал ребенок, который отказывался звать родителей в ловушку.

Элисса попыталась отделаться от видения. Ей требовалось ясное сознание для того, что она собиралась сделать. Она подумала про единственную непонятную вещь: почему Лаурин призывала Орлака себя спасать? Ведь именно он насиловал ее, как какую-то шлюху.

Этого Элисса не понимала, но времени было мало, чтобы разбираться. Больше ей нет места на этой земле... Она это теперь знала. Должно отправиться за своим истинным врагом — за Ксантией. Может, ей удастся использовать Ксантию, чтобы отвлечь внимание Орлака и обеспечить своему ребенку отдых от его внимания, если и не полную безопасность.

Элисса в последний раз взглянула вниз на мужчину, которого любила. Она не могла ни прикоснуться к нему, ни связаться с ним мысленно по каналу связи.

«Прощай, дорогой Тор, — крикнула она мужу, который не мог ее услышать. — Больше не грусти, любимый. Боги решили, что нам никогда не суждено быть вместе».

Она подумала о Гидеоне, которого уже так сильно любила, об этом чувствительном, нежном молодом человеке, которому будет нелегко оправиться от удара. Душа болела за него.

И Рубин... Она не знала его, но связь между матерью и сыном все равно оставалась сильной. Его лицо отпечаталось у нее в сознании. Элисса надеялась, что его отец переживет это испытание. Тор расскажет мальчику о ее бесконечной любви и сожалении о том, что ее не было рядом, пока он рос.

Наконец, она подумала о Джиле. О ее любимом сыне... ее короле.

Затем она отправилась в путешествие — за Ксантией, которую собиралась уничтожить.

## **Глава 30**

### **В Кипрес**

Лаурин ушла так далеко в себя, как могла, и сжалась там. Боль прошла, теперь осталось только мерзкое ощущение от прикосновения этого типа к ней. Ей требовалось терпеть его над собой, а заодно и Ксантию, которая маниакально смеялась над ее страданиями.

Она подумала о Торе и почувствовала силу, поскольку не сдалась и не выполнила требования чудовища, хотя несколько раз испытывала искушение связаться с отцом, с ними со всеми — и будь, что будет. В те минуты страх перед чудовищем охватывал ее всю, подавлял. Но в следующую секунду Лаурин подумала — сквозь боль, унижение и отчаяние — обо всех тех людях, кто рассчитывает на нее. Она должна их защитить, не раскрыть, кто они, их местонахождение.

Ужас начался три ночи назад. Каким-то образом она нашла в себе волю держаться. Однако сегодня, на четвертый день, когда он снова вернулся, чтобы насиловать ее, Лаурин почувствовала, как ее решительность уменьшается. Сколько еще раз он может к ней приходить? Сколько еще времени ей удастся противостоять его требованиям? Они всегда были одни и те же. Она должна позвать отца, обратиться к нему за помощью. Но затем, всего несколько мгновений назад, когда девушка уже почти не могла сопротивляться, и даже мысль о том, что он принесет боль Гидеону, показалась ей, пребывающей в ужасе, почти справедливой, она услышала голос: «Я спасу тебя от него. Держись, Лаурин. Еще чуть-чуть».

Затем голос исчез. Он звучал слабо, но звучал и дал обещание. Лаурин услышала целеустремленность и ярость перед тем, как он исчез.

Это был голос Орлака.

И тогда Лаурин поняла, что человек, который приносит ей боль — это совсем не тот мужчина, который так тщательно за ней ухаживал. Этот Орлак был другим, с другим голосом, другим поведением. Каким-то образом в его тело вселился самозванец и овладел им.

Чувства Лаурин обострились от страха, и она открыла сознание для Орлака. Возможно, он пытался до нее дотянуться с тех самых пор, как начался этот ужас. Теперь он обещал спасти ее. Странно, но она почувствовала облегчение. Это было пониманием, что чудовище на самом деле оказалось не Орлаком, который провел с ней вместе столько вечеров и разговаривал обо всем. За это время они столько всего обсудили, поделились многим! А он только целовал ей руку, не больше. Он словно робел и не решался к ней прикоснуться. Но чудовище, живущее внутри него, было совсем другим.

Лаурин не могла быть уверена, что ее предположение правильно, но подозревала, что у нее хорошо работает интуиция. И теперь она вспомнила, что Джуно и даже Адонго пытались ее предупредить. Может, они видели этого захватчика?

Она выживет. Она позволит ему творить этот ужас снова и снова, но не испугается его угроз и не поддастся его требованиям. Пока Лаурин не позовет отца, ему придется оставить ее в живых. Девушка решила, что если только произнесет имя Тора, то может считать себя мертвой. И поэтому она спрятала все его следы, схоронила все пути к нему. Он был Тот Самый. Дочь должна его защитить. Орлак спасет ее.

С этой мыслью она почувствовала что-то новое. А чудовище снова выступило со своими требованиями.

Теперь действовала Ксантия. Она отправила мысленный зов! Сможет ли Лаурин

проследить его путь?

Лаурин не была уверена, что это возможно, но следовало попытаться. Так и оставаясь в удалении от тела, она сосредоточилась... Девушка почувствовала, как поднимаются ее Цвета, но не позволила им разгореться. Они оставались маленькими и как бы очень личными... Благодаря новому особому видению она заметила искаженное болью лицо матери.

Лаурин испытала потрясение. Лицо матери смотрело на нее сквозь огненный круг, и девушка даже слышала ее мысли. Она почувствовала, что может закричать, поскольку ощутила присутствие брата и отца. Пришлось мгновенно отступить назад, побежать прочь от них, отчаянно надеясь, что существо, вселившееся в Орлака, не обнаружит, что она только что сделала.

Лаурин повезло. Доргрил увлекся удовольствиями плоти и в этом состоянии не почувствовал, как девушка отправляла импульсы через Ксантию.

Лаурин снова отступила в себя, когда Доргрил остановился. Он сильно толкнул ее. Она слышала жуткий смех Ксантии, но ничего не показала. Девушка отодвинулась в сторону, подтянула колени к груди, больше не стараясь скрыть свой позор от этих двух тварей.

Она притворилась, что находится на грани потери сознания. Ксантия сильно ударила ее по лицу, чтобы посмотреть, не притворяется ли Лаурин, но девушка почувствовала приближение удара, собралась, а потом обмякла. Щека чувствовала боль, но выражение лица ее не выдало. Оно расслабилось, показывая, что Лаурин заснула, или просто отключилась.

Доргрил с Ксантией заговорили, считая, что она без сознания, но Лаурин слушала, оставаясь совершенно неподвижной.

— Спасибо, что освободил меня от архалита, Доргрил, — проворковала Ксантия.

Лаурин отметила имя и внутренне порадовалась. Это не Орлак! Доргрил! Ей сразу же стало ненавистно это имя, звук которого звучал у нее в голове.

— Не стоит благодарности, — сказал он, казалось, употребив весь свой шарм. Это не сработало — низкий голос все еще был окрашен презрением. — Мудро используй свою свободу, Ксантия. Если сделаешь какую-нибудь глупость, например, попробуешь выплеснуть свою бессмысленную мелочную ненависть, я легко тебя убью. Глазом моргнуть не успеешь!

Слова прозвучали тихо, но нельзя было не услышать в них угрозу. Лаурин почувствовала, как Ксантия содрогнулась. Ведьма боялась его, но ее привлекала сила, и она ничего не могла с собой поделать.

— Оставайся со мной, Доргрил. Не позволяй Орлаку вернуться. Я буду верно служить тебе, как никто другой, — умоляла Ксантия.

— Он — на моей милости, как и она, — заявил Доргрил, оглядывая Лаурин.

Девушка затаила дыхание.

— Как ты считаешь, она позовет отца?

— Она долго не выдержит, а у меня еще много сил, — он мерзко рассмеялся. — Она его позовет. День-два, не больше.

— А почему бы тебе не пойти и просто не прикончить его самому? Я думаю, что мы можем догадаться, где он прячется.

— Потому что я хочу, чтобы он пришел ко мне! — заорал Доргрил.

Лаурин поразились, что он так быстро приходит в ярость, а также силе. Ничто в его манерах или речи на это не указывало.

— Я хочу, чтобы он умолял сохранить его жизнь или жизнь его дочери. Я знаю — он любит других больше, чем силу, которой обладает, больше, чем то, кто он есть и кем может быть. Он поклоняется женщине, которую ты ненавидишь, а также детям, которых она родила. Они — его слабость. Придет...

Наконец, оба оставили Лаурин, но только после того, как Ксантия облила ее холодной водой из кувшина и пообещала, что они вернутся позднее. Перед тем, как уйти, шлюха наклонилась над Лаурин и прошептала:

— Я показала твоей матери, что с тобой происходит в Кипресе, плохое дитя.

Лаурин впервые заметила, что у Ксантии на лбу больше нет бледно-зеленого архалита, хотя, вероятно, его сняли уже несколько дней назад. Девушка не испугалась, что к этой женщине вернулись магические способности. Она перекатилась на спину, чтобы посмотреть в лицо улыбающейся ведьме, и нашла в себе силы укоризненно сказать:

— Это было глупо. Теперь она сможет тебя найти и уничтожить.

\* \* \*

— Слава Свету! — воскликнул Кайрус. — Он все еще здесь!

Они стояли у причала в Карадуне после быстрого путешествия из Илдагарта. На солдата произвело впечатление то, как быстро они преодолели это расстояние. Большой северный город и эта тихая заводь находились на небольшом удалении друг от друга по меркам Королевства Таллинон, но Кайрус помнил, что такое путешествие обычно занимало два, а то и три дня. Они справились за один день.

«Ты что-нибудь делал с нашими лошадьми, раз они бежали так быстро?»

Рубин лишь легко улыбнулся. Это само по себе стало ответом.

— Откуда вы знаете? — спросила Сэйрел.

Кайрус отвернулся от довольного Рубина и посмотрел на королеву.

— Вот этот флаг может реять на корабле, только если на борту находится монарх... Или, по крайней мере, так было в те времена, когда я служил в армии, — ответил он.

— Значит, нам нужно просто подойти и представиться? — спросила Хела. — Сейчас мы очень привлекаем внимание и, я уверена, в самое ближайшее время солдаты попросят нас уйти.

Она увидела, как обычно серьезное лицо Кайруса становится веселым. Ему явно было забавно, и он подергал коротко стриженую бороду.

— Я думаю, что только что нашел способ получить аудиенцию, — тихо сказал он. — Следуйте за мной.

Она сделали, как он предложил. Кайрус шагал широкими шагами, трое остальных держались в нескольких шагах позади. Хела гордилась им. Он был великолепен. Служанка королевы не могла не признать это про себя, наблюдая за уверенной и даже дерзкой походкой Кита Кайруса.

Корабль явно готовили к отплытию, и все еще хорошее зрение Кайруса сослужило ему хорошую службу. Судорожной деятельностью командовал человек в гражданской одежде. Может быть, это капитан. Определенно, корабль не был королевским или военным. Единственные суда, которые выходили из этого порта, принадлежали пиратам... Обычно — работоторговцам.

На лице Кайруса промелькнуло неудовольствие. Он всегда надеялся что-то сделать с Карадуном, но, тем не менее, именно ему пришлось предложить оставить город в покое. В конце концов, было решено, что внимательная слежка и шпионы помогут лучше держать его под контролем. Это будет незаметно. Лорис оценил здравый смысл в предложении прайм-офицера, который считал, что лучше всего постоянно наблюдать за потенциальными нарушителями порядка. Если применить силовые методы, то они просто разбегутся по другим областям, заверил короля его слуга. А если проблема не распространяется на юг и сдерживается в районе одного Карадуна, то можно считать, что она находится под контролем. Лорис, в конце концов, согласился, хотя ему и не хотелось оставлять в покое город, полный преступников. Кайрус тянул время и ввел в пиратское сообщество двух или трех своих людей, которые много лет жили среди карадунцев. Они осторожно, но часто присылали сообщения после того, как стали пиратами.

Кайрус снова посмотрел на главного человека на судне. Он казался слишком молодым, чтобы командовать на собственном корабле. Прайм-офицер проверил название — «Ворон» — и его мысли быстро закружились в голове. Он пытался вспомнить имя владельца судна.

— Янус Квист, — пробормотал он. Другие тут же посмотрели на него, и он объяснил:

— Но это не Квист. Он обладал яркой внешностью, и это еще мягко сказано.

Рубин мог похвастаться более острым зрением, и сосредоточился на Локлине Гилбите, который отдавал приказы.

— Ему столько же лет, сколько мне. Может, и меньше.

Сэйрел прищурилась, вглядываясь вдаль.

— Это Локки! — внезапно закричала она.

Хела укорила ее за громкий голос, хотя никто из солдат, похоже, не обратил на нее внимания.

Теперь пришла очередь Хелы прищуриться и посмотреть на молодого человека.

— Я думаю, что Сэйрел права. Квист — его родственник. Он женился на его сестре. Этот капитан был исключительно добр к нам. Он помог нам бежать с Кипреса.

— Хорошие новости. Он может нам помочь, — сказал Кайрус. — Но сейчас он слишком далеко, чтобы принести нам какую-то пользу, — добавил он и кивнул на трех солдат, которые приближались к ним.

— Эй, граждане, — крикнул младший по возрасту. — Что вы здесь делаете? Причал является охраняемой территорией, пока корабль не уйдет из порта.

Кайрус разоружающее улыбнулся:

— А вы кто?

— Солдаты отряда Его величества «Щит», и не подотчетны вам, господа, — ответил молодой человек. — Мы должны просить вас покинуть территорию.

— А король на борту? — продолжал Кайрус, не обращая внимания на молодого человека и поворачиваясь к старшему в тройке. Бывший прайм-офицер его не узнал, но надеялся, что тот может его помнить.

— А вам какое дело? — спросил старший.

Первому солдату очень не понравилось, что его игнорируют, поскольку у него явно было более высокое звание. Кайрус не мог не улыбнуться, когда старший солдат спокойно поднял руку, призывая младшего к тишине. Подчиненные так обычно не делают, но жест был мягким и не призывал к конфликту. Младший по возрасту начальник благоразумно прикусил язык.

— Королю будет интересно встретиться со мной.

— Ваша фамилия? — спросил старший.

— Кайрус.

Это была необычная фамилия, но нельзя сказать, чтобы очень редкая. Солдат кивнул.

Кайрус видел, что молодой парень готов выпалить целую кучу приказов, предположительно — с требованием уйти отсюда. Поэтому Кайрус заговорил до того, как парень успел произнести хоть звук.

— Меня зовут Кит Кайрус, — твердо заявил он, прищурился и смотрел пронзительным взглядом на старшего по возрасту солдата. Когда-то об этом суровом взгляде среди гвардейцев короля ходили легенды.

Старший солдат нахмурился и тоже очень внимательно смотрел на Кайруса.

— Очень знакомое имя, хотя и подзабытое к этому времени. Конечно, я никогда его не знал, поэтому не могу подтвердить, какое лицо соответствует этому знаменитому имени.

— Но он может, — сказал Кайрус и кивнул на высокопоставленного офицера, который сходил по сходням «Ворона».

Все обернулись в ту сторону.

— Послушайте, — опять заговорил молодой. — Если вы считаете, что я и его подключу к этому разговору, то очень сильно ошибаетесь. Его не беспокоят банальными просьбами от незнакомцев.

— Я для него не незнакомец, мальчик, и в моем появлении здесь нет ничего банального, — голос Кайруса звучал резко. — Позови его.

Солдат мог пережить оскорбление, когда его игнорировали, но не желал терпеть

обращение, как к какому-то мальчику на побегушках.

— Вы с вашими друзьями можете уйти отсюда или по доброй воле, или вас насильно уведут с причала. Решайте.

Хела улыбнулась. Кайрус вел себя так спокойно. В его взгляде оказалось больше презрения, чем в голосе. Словами такое пренебрежение не передать. Женщина увидела, что он просто посмотрел за спину отдававшего приказы молодого человека и обратился к старшему по возрасту подчиненному.

— Позовите Херека, — это не было вежливой просьбой.

Старший солдат кивнул и шагнул в нужную сторону.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — закричал офицер. — Я здесь старший, — заявил он и понял, что уже слишком поздно. Его старшинство было спокойно и блестяще подорвано, когда старший по возрасту солдат пожал плечами и отправился к прайм-офицеру Хереку.

— Стража! — заорал молодой каким-то солдатам, которые грузили товары на тележку.

— О-о, помолчи! — вмешался Кайрус жестким и командным голосом.

Сэйрел с Хелой с трудом сдержали смех, глядя на несчастного лишившегося дара речи солдата. Рубин отвернулся, зная, насколько это унижительно для молодого человека перед женщинами и им самим.

Солдаты подбежали к ним, но офицер уже понял, что это бессмысленно. Херек смотрел в их сторону, прищурился, а потом поманил рукой.

— Спасибо, — сказал Кайрус офицеру. Его слова были вежливыми, — но не тон.

Остальные молча последовали за Кайрусом, который направился к прайм-офицеру Таллинора. Тот наблюдал за их приближением. Его заместители находились поблизости. Они также прекратили свои занятия и следили за приближением группы. Прайм-офицер короля смотрел неотрывно. Для него вся судорожная активность на причале будто прекратилась, звуки стихли. Он ничего не видел из этого, пребывая в состоянии шока. Румянец спал, щеки побледнели и казались восковыми.

— Херек, — тихо произнес Кайрус, и все остальные уловили, что говорит он прерывающимся голосом. — Я очень рад тебя видеть.

Рот у прайм-офицера открылся и закрылся. Потом он потряс головой.

Кайрус отсалютовал, потом пожал другу руку, затем обнял его. Херек, который был ниже ростом, ответил на рукопожатие, потом тоже обнял товарища. Он был явно тронут. Все вокруг них прекратили свои занятия и теперь удивленно наблюдали, как обычно сдержанный прайм-офицер демонстрирует столько эмоций. Оба человека рассмеялись, на лицах вокруг них стали появляться озадаченные улыбки.

Наконец, старые друзья отступили друг от друга.

— Что случилось? Откуда ты? Каким образом? — выпалил Херек и улыбнулся. — Что? Где? Почему? — задал он три вопроса, которые Кайрус всегда задавал своим подчиненным — и снова требовал ответов на них.

«Факты! — всегда говорил Кайрус. — Давайте мне факты. А затем мы будем искать решение». Он вспомнил старые времена.

— На самом деле, Херек, я должен тебе многое объяснить, но у нас очень мало времени. Мы приехали с важным делом к королю.

— У него тоже очень срочное дело, — со вздохом ответил Херек. — И я полагаю, что его срочное дело и ваше — одно и то же.

Кайрус кивнул теперь с серьезным видом.

— Ты прав, Херек. Вот это — Ее величество королева Кипреса Сэйрел, — сказал Кайрус, протягивая руку к девушке и мягко подталкивая ее вперед.

Люди вокруг громко зашептались и стали снимать головные уборы. Херек выглядел пораженным и переводил взгляд с Сэйрел на Кайруса и обратно. Его бывший начальник кивнул, и прайм-офицер опустился на одно колено.

— Ваше величество!

Она бросила взгляд на Хелу, которая глазами подсказала ей, что следует вести себя, как королеве. Она же на самом деле королева! Сэйрел наклонилась и взяла Херека за руку.

— Благодарю, — сказала она и жестом показала, что он может встать. — Вы и ваши подчиненные очень любезны, — она улыбнулась и обвела взглядом и солдат. — Мы приехали с новостями для короля Джила. Я прошу у него аудиенции, сир.

— Вы ее получите, — заверил ее Херек.

Сэйрел повернулась и представила Хелу.

— Эта смелая женщина помогла мне сбежать от узурпатора. Мы очень многим обязаны ей за сохранение королевской династии Кипреса.

Херек поклонился Хеле. Он ей уже понравился.

— А это сын Торкина Гинта, — Кайрус положил руку на плечо Рубина.

Он проявил осторожность, не упоминая Элиссу, потому что все эти солдаты, как он знал, были верны Лорису, а теперь — его сыну. Они короткое время также служили королеве Элиссе и знали ее, как жену предыдущего монарха, а теперь королеву-мать. Не следовало вызывать ненужные эмоции на этом этапе. В этой щекотливой ситуации нельзя позволять им разыграться.

Херек повернулся к Рубину и пожал ему руку по обычаю Таллинора.

— Я думаю, что и так бы догадался, кто твой отец. Добро пожаловать, Рубин Гинт.

— Сэйрел! — внезапно прозвучал голос.

Все повернулись и увидели, как молодой человек ловко сбегает по сходням. Королева мило улыбнулась.

— Локки! — воскликнула Хела.

— О, Свет! Каким образом вы оказались здесь? — спросил Локки у женщин. Глаза у него горели.

— Я рада снова видеть вас, господин Гилбит, — кивнула Сэйрел.

— Спасибо, Ваше величество, — ответил он, вспоминая, кто она. — Э-э-э, но меня теперь называют капитан Гилбит, — сказал он, бросая взгляд на ее спутников мужского пола и останавливаясь на высоком молодом человеке со светлыми волосами, который стоял рядом с ней. Локки кивнул ему. — Ты мне кого-то напоминаешь, — пробормотал юноша, но не объяснил, что на самом деле парень очень сильно напомнил ему сразу двух людей.

— Меня зовут Рубин Гинт, я сын Торкина Гинта и...

— А я — Кит Кайрус, — перебил солдат Рубина и добавил предупреждение по каналу мысленной связи: «Лучше не упоминать твою мать в этой компании, сын».

Локки кивнул, затем улыбнулся Хеле.

— Здравствуй. Рад снова тебя видеть, — в его голосе звучала искренняя теплота.

— Смелый Локки, — ответила она. — Ты все сделал. Мы все знали, что у тебя все получится.

Он улыбнулся.

— Если ты теперь капитан этого корабля, то где Квист, хотел бы я знать? — спросил Кайрус.

— Мертв, — бесстрастным тоном ответил Локки. — Его убил Гот.

И бывший прайм-офицер, и нынешний напряглись и посмотрели друг на друга.

— Вопрос с этим негодяем решается, Локки, — заверил Кайрус молодого человека. — Нам есть что рассказать вам всем.

— Тогда пошли, — позвал Херек. — Первым ваш рассказ должен выслушать король.

\* \* \*

Элисса прикрыла свою душу ментальным щитом. Она шла по следу, подходя все ближе и ближе, иногда летела со свистом, но полагалась только на свои ощущения. Пока ничего нельзя было увидеть, оставалось гадать, будет ли ее ждать Ксантия. Готова ли та нанести по ней удар?

Элисса снизила скорость. Теперь у нее возникло очень сильное ощущение присутствия врага — она понимала, что находится над целью. Нужно проявлять осторожность.

И внезапно она ее увидела. Ксантия стояла в комнате, причем, в очень красивой комнате, и смотрела на двух людей, которые тоже находились в ней.

Бог, Орлак, снова смеялся над ребенком ЭлиССы. Она видела Лаурин, прижавшуюся спиной к окну. Орлак дразнил ее, и сердце матери сжалось, когда Лаурин посильнее запахла тонкий сатиновый халатик вокруг своего хрупкого тела. Он вскоре снова нанесет удар. Интересно, сколько раз это уже повторялось? Но у ЭлиССы для него тоже имелись планы.

«Ксантия! — закричала она прямо в сознание женщины. — Я здесь, злая ведьма! Иди, взгляни в лицо той, которая тебя уничтожит».

\* \* \*

«Ворон» отплыл три дня назад, и теперь оставалось всего несколько часов пути до порта Кипреса. Локки этого не понимал. Путешествие, даже в хорошую погоду, занимало около шести дней, тем не менее, на третью ночь они оказались почти у цели. Конечно, «Ворон» был быстрым судном, но не настолько. Локки много раз бороздил эти воды и знал, что преодолеть этот путь за такое время невозможно.

Локки отдал приказ, который передадут впередсмотрящему, а сам перевел взгляд на Рубина. Потом он перевел взгляд на Сэйрел, которая, как уже отметил Локки, почти не отводила глаз от этого нового парня. Казалось, Рубин не замечает ее взгляда.

Каким-то образом Локки понял, что сын Торкина Гинта управляет некой силой, которая так быстро доставила их к цели, но он обладает властью и над королевой.

Локки сглотнул, потом сделал глубокий вдох. Как раз подул свежий ветер. Значит, он ее потерял. Не то чтобы она когда-то принадлежала ему... Но хотелось надеяться, что их пути снова пересекутся. Тот последний взгляд в Сердце Лесов говорил о многом. Он знал, что тот взгляд ему не привиделся. Сэйрел относилась к нему не только как к товарищу, вместе с которым оказалась в трудной ситуации и многое пережила. Но в его отсутствие, пока он галопом неся с сообщением к королю, другой юноша появился в поле ее зрения.

А почему бы и нет? — спрашивал он себя, снова поворачиваясь к морю и ударяя кулаком по палубному ограждению. В этом парне есть все, что она захочет видеть в мужчине. Да он еще и владеет волшебством. Зачем ей смотреть на простого моряка, который хочет только стать солдатом?

Херек словно прочитал его грустные мысли.

— Отличная работа, капитан Локки.

Капитан обожал и боготворил прайм-офицера.

— Спасибо, сир, хотя, боюсь, что такое быстрое плавание — это не моих рук дело.

Херек склонился над палубным ограждением, как и Локки.

— Ты сделал свою часть работы, парень. После появления у нас ты произвел впечатление на всех, включая короля. Если какие-то другие силы помогают нам в нашем деле, мы воспользуемся этой помощью.

— Да, сир.

— Я тоже этого не понимаю, парень. Мы живем в странные времена и видим еще более странные события. Если люди вроде Торкина Гинта на нашей стороне, то нам повезло. Он — хороший человек.

— Да, прайм-офицер Херек. Без вопросов.

— И поэтому у его сына хорошая наследственность... и матери, и отца.

Локки кивнул.

— Мы должны помогать друг другу. Нет места для мелочных обид.

— Мое сердце — не мелочь, сир.

— А-а, значит, мои мысли работали не в том направлении. Прости. Я не могу давать

советы твоему сердцу... только твоему разуму. Она — королева, Локки.

— Как была его мать, сир. Они очень подходят друг другу.

Херек вздохнул и сжал плечо Локки. Вероятно, лучше всего было бы оставить парня одного зализывать раны. Он вскоре получит новость о том, что его назначают одним из заместителей Херека, и он будет проходить специальную подготовку, если все еще хочет стать гвардейцем короля. Правда, прайм-офицер не понимал, почему Локки хочет отказаться от жизни на море. Очевидно, что парень — отличный моряк и уже капитан. С хорошей командой, избавив «Ворон» от репутации пиратского судна, Локлин Гилбит может стать восходящей звездой торгового флота, закупать и продавать разрешенные законом товары. Херек поговорит с молодым человеком, когда все это закончится. Возможно, это произойдет на пути назад, в Таллинор.

Херек посмотрел в ту сторону, где на палубе стоял король с гостями. Джил и Кайрус были похожи, хотя Джилу потребуется еще несколько лет, чтобы уравниаться с Кайрусом в опытности и держаться так, как он. Нынешний прайм-офицер чувствовал себя странно, даже лишним, поскольку решил, что ему придется передать бразды правления своему бывшему начальнику. Кайрус, конечно, это сразу понял и очень быстро пресек подобные мысли. Он вернулся не для того, чтобы занять свою старую должность. Теперь на его широких плечах лежал совсем другой груз, гораздо более важный.

Херек с Джилом в благоговении выслушали совершенно невероятную историю, которую за эти три дня рассказал Кайрус. Джил сразу же в нее поверил, что вначале удивило Херека, но, подумав, он понял, что король научился принимать многие странные и невероятные идеи после возвращения Торкина Гинта из мертвых. А если смог Гинт, то почему бы не смочь Кайрусу? Они узнали столько из прошлого Кайруса, сколько тот мог рассказать. В один момент король резко осушил кубок вина, потом встал и принялся в задумчивости мерить шагами комнату. Херек вспомнил тот разговор.

— И значит, вас захватило Сердце Лесов и...

— Не захватило, сир. Предложило остаться.

Джил посмотрел на Кайруса, и тот ответил ему таким же уверенным взглядом. В Кайрусе не было хитрости. Херек много раз рассказывал молодому Джилу истории о легендарном прайм-офицере. Король рос на рассказах о Ките Кайрусе и теперь в его присутствии, конечно, чувствовал себя несколько странно.

Король кивнул, хотя было очевидно, что ему трудно переварить услышанное.

Херек помнил, как Кайрус продолжил рассказ. Он поведал им о слабеньком новорожденном мальчике, о том, как заботился о нем при помощи серебристой волчицы и лесного бога. Когда мальчик достаточно окреп, их перенесли в другой мир.

Кайрус рассказал те же подробности, какие несколько дней назад поведал Тору и Элиссе. Он сообщил, как после появления Орлака в Кипресе Рубин потерял сознание, а потом их назад призвала таинственная посыльная по имени Ярго.

При этом король приподнял брови. Рассказ становился все более странным. Джил продолжал вышагивать из стороны в сторону.

— Продолжайте, — попросил он.

И Кайрус продолжил, доведя рассказ до встречи Рубина с родителями в Сердце Лесов.

— Хотя все это звучит очень странно, это соответствует рассказу Локки о приключениях моей матери в Сердце Лесов, — уныло заметил король и достал из кармана бледно-зеленый камушек. — Она мне прислала вот это. Это ее вещь. Я знаю, что она там.

— Но ее больше нет там, сир.

При этом король Джил замер на месте.

— Где она? — спросил он.

— Когда я расставался с ней, они с Гинтом планировали отвезти мясника, Гота, в горы.

— Зачем?

— Там имеется долина, куда отправляли всех Чувствующих, выживших после пыток Гота.

— Ты об этом знал? — спросил Джил у Херека.

Херек покачал головой, пораженный новостью не меньше короля.

— Это делалось по указанию Лориса, — заявил Кайрус. — Он хотел, чтобы их увозили в какое-то безопасное и удаленное место, где они смогут жить, не опасаясь дальнейших преследований Инквизиторов. Как я понимаю, Лорис собрал небольшой отряд из надежных солдат, Херек. Он и мне ничего не говорил... Поэтому не расстраивайся.

— Да я и не расстраиваюсь. Я горжусь, что он принял такое решение. Мне всегда было неуютно от того, что мы творим такие жуткие вещи во имя нашей державы.

Кайрус только кивнул. Он тоже испытывал чувство беспомощности и вспоминал множество разговоров с королем Лорисом, когда просил прекратить это сумасшествие и жестокость.

— Так что вы говорили мне, Кайрус? — спросил Джил. — Моя мать повезет Гота в долину, чтобы эти люди, которых он судил столько лет, теперь судили его?

— Да, именно это я и хочу сказать вам, сир.

— Эта дама меня когда-нибудь уморит, — пробормотал король себе под нос, но все в комнате уловили гордость у него в голосе.

— Они попросили меня отправиться в Кипрес и привезти назад их дочь. Я подумал, что лучше вначале встретиться с вами, сир, и предотвратить... любую ненужную демонстрацию силы нашим соседям. Хела сможет провести нас во дворец, а Рубин... — он снова пытался подобрать нужные слова. — У Рубина есть определенные способности, которые позволят нам вернуться с Лаурин.

Джил понял разумность доводов и сразу же приказал отправить сообщения на два других корабля, чтобы те поворачивали назад. Два судна, которые шли за королевским, замедлили ход. Там ничего не понимали, но, в конце концов, повернули в порт. Солдатам явно не хотелось отпускать короля в неизвестность без должной поддержки. Но все на борту флагманского корабля знали: потребуется появиться незаметно, чтобы каким-то образом вернуть Лаурин. Если же причалит много агрессивных настроенных солдат с оружием, то элемента неожиданности не будет, и на самом деле им не представится возможности захватить девушку.

А теперь они собрались на палубе, и вскоре им предстояло причалить к знаменитому причалу Кипреса. К счастью, стояла тихая ночь.

Херек приблизился к монарху и услышал, как тот спрашивает:

— У вас есть план?

— Нет, сир, — покачал головой Кайрус. — Но верьте мне. Тогда Херек рассмеялся:

— Ты нисколько не изменился. А Кайрус стал серьезным.

— На берег должно сойти как можно меньше народу. Другие кивнули.

— При условии, что вы не скажете, что «король остается здесь, потому что его следует охранять»... В таком случае я воспользуюсь своей властью и сброшу вас с корабля, независимо от того, что вы — бывший прайм-офицер, — заявил Джил.

Кайрус улыбнулся.

— Хела проведет нас во дворец. Главный — Рубин. Сэйрел... — Он увидел, как король и прайм-офицер напряглись при упоминании имени королевы. — Готов поспорить, что самозванец бежит... Он направится в Таллинор. Теперь королеве не угрожает опасность от него.

— А откуда вы это знаете? — спросил Джил.

— Я объяснил, что я теперь Паладин. Я знаю, чего хочет Орлак. И после того, как мы заберем Лаурин, он больше не захочет оставаться в Кипресе. Он держит ее лишь для того, чтобы привлечь ее отца. Без приманки ему потребуется охотиться на него другим способом.

— А что он хочет? — спросил Херек.

— Торкина Гинта. — И король, и прайм-офицер удивленно посмотрели на него, и Кайрус кивнул. — Гинта и его семью. Они все ему угрожают.

— Я не понимаю, — признался король.

— Историю, объясняющую эту ненависть, сейчас не сообщишь. Она очень длинная, — с серьезным видом пояснил Кайрус. — В другой раз я расскажу вам этот захватывающий рассказ.

Он продолжил объяснения:

— Сэйрел должна отправиться с нами, чтобы мы вернули ей трон и обеспечили коронацию. Если старейшины до сих пор живы, то Хела быстро соберет Совет Старейшин Кипреса, чтобы принять нужное решение, — заявил он с мрачным видом. — Херек, отбери полудюжину солдат. Мы имеем дело с очень сильным противником, обладающим магическими способностями. Никакое оружие не поможет. Нам нужно действовать украдкой и хитростью, а также самим потребуются воспользоваться магией. Локки должен оставаться на «Вороне», а корабль — быть готов к отплытию в любую минуту.

Они снова согласились.

— Вы уверены, что я не могу убедить вас остаться, Ваше величество? — спросил Кайрус у Джилла. — Ваша жизнь сейчас очень ценна для народа Таллинора.

— Да, но женщина, которая родит мне наследника, находится в этом дворце. Нет, Кайрус. Я буду рядом с вами, чтобы забрать назад ту, с кем я помолвлен.

Это шокировало всех. До этого Рубин и женщины молчали, хотя и внимательно слушали. После того, как возгласы прекратились, все увидели, что Джилл смущен.

— Простите меня. Никто об этом пока не знает. Прошу вас не сообщать новость никому постороннему.

— А ваша невеста об этом знает? — спросил Рубин с каменным лицом.

Джил напрягся, но ему удалось сдержаться.

— Как я понял, она — твоя сестра, Рубин...

— Сир, я с ней не знаком, даже ни разу в жизни не видел ее. Пожалуйста, не смущайтесь из-за меня.

— Я не смущаюсь, но считаю, что обязан сказать: я очень люблю Лаурин и думаю, что буду прав, сказав, что и она испытывает ко мне те же чувства. У нас просто не было возможности публично объявить о наших намерениях до ее захвата.

«Это не поможет», — предупредил Кайрус.

«Он просто жутко самоуверенный, не так ли?»

«Я надеюсь на это, черт тебя побери! Он — король Таллинора, и всего на год или около того старше тебя, парень. Ты не представляешь, с чем этот молодой человек столкнулся в последние недели и что ему еще предстоит».

— Простите меня, Ваше величество. Лаурин на самом деле повезло.

Джил благоразумно не стал развивать тему.

Чуть позже, когда они вставали на якорь, Кайрус воспользовался возможностью переговорить с королем один на один. Все переоделись в гражданскую одежду, Локки тем временем извинялся перед начальником порта за прибытие в такой час.

— Ваше величество, я хочу извиниться за манеры молодого человека.

Джил посмотрел на Кайруса. Он понравился ему с первого взгляда. Король сразу же понял, что этот человек очень похож на него самого и его отца, сделан из того же теста. Бывший прайм-офицер продолжал производить впечатление на молодого короля на протяжении короткого морского путешествия. Ему понравилась мудрость и советы солдата...

— Он — странный парень.

— Рубин не жил нормальной жизнью. Он очень... оторван от людей. Я думаю, что ему необходимо многое узнать об этикете, особенно — в присутствии монарха.

Джил улыбнулся, и Кайрус расслабился. Он уже узнал некоторые черты Лориса в его сыне — от походки, преисполненной важности и самодовольства, до легкости в общении. Из него получится хороший король, если его будут окружать те люди, которые нужно.

— Я не обиделся. Конечно, я не могу это сказать никому из окружающих меня людей, но я учусь быть королем. Все, за исключением Херека, похоже, думают, что мудрость и опыт

приходят вместе с короной. Я ничего не знаю о том, как быть королем, Кайрус. Я — солдат, как и вы. Я могу сражаться и ездить верхом, пить и ругаться, и в этом посоревнуюсь с самыми лучшими солдатами. И я могу вести за собой людей. Надеюсь, что последнее качество мне поможет больше всего. Корона свалилась на меня, я о ней не просил, даже не хотел ее, хотя совру, если скажу, что не думал о Лорисе, как об идеальном отце. Я хотел, чтобы он был моим отцом. Мы с ним были хорошими друзьями, — в голосе Джила звучала грусть.

Кайрус кивнул:

— У него имелись свои недостатки, но он был лучшим королем в нашей стране за все времена. Я не знаю насчет вас, Джил, но если вы пустите в свое сердце Чувствующих, откроете свое сердце для них, и вспомните, откуда вы сами, то думаю, что из вас получится еще лучший король, чем ваш отец. Мудро выбирайте советников... и держите Херека рядом. Более верного подданного, чем он, вы не найдете.

Нарушая протокол, солдат похлопал короля по плечу, как сделал бы отец. Затем он развернулся, чтобы присоединиться к остальным.

— Кайрус! — крикнул Джил ему в спину. — А я могу убедить вас стать моим советником? Мне нужны люди вроде вас. Люди, которые знают и военное дело, и протокол, а, главное, им известен Таллинон снаружи и изнутри. Вы присоединитесь ко мне?

Кайрус улыбнулся мягко и по-доброму.

— Возможно, мы вернемся к этому разговору после того, как невеста окажется в ваших объятиях, и если меня не похоронят на кипреанской земле.

— Мы все вернемся на этот корабль, Кайрус. Живыми! — с чувством сказал король.

— Молюсь, чтобы вы оказались правы, сир.

## Глава 31 Ярость матери

Ксантия вздрогнула. Элисса!

«Ты уверена, что хочешь встретиться со мной здесь, Ксантия? Вернуться назад будет невозможно».

Теперь пришел черед Элиссы дразнить соперницу. Та издала рычание, словно безумная.

Доргрил испытал шок из-за внезапного появления Элиссы и отвернулся от Лаурин, которая тоже слышала насмешливые слова матери. Девушка не стала терять время, и тут же выразила собственное презрение женщине, которую ненавидела:

— А-а, испугалась? Я знала, что ты испугаешься, трусливая тварь! Уже съежилась от страха?

— Ксантия, не отвечай! — приказал Доргрил, не зная точно, что ему делать — хватать сообщницу или бить по женщине, которая насмехалась над ней.

Лаурин использовала появившуюся возможность.

— Спрячься за него, Ксантия! Моя мама слишком сильна для тебя.

Больше ничего не потребовалось. Доргрил пришел в ярость и принял неправильное решение. Он с ревом выплеснул силу наружу, и Лаурин отбросило на другой конец комнаты. Она рухнула, как когда-то Ксантия, по которой в ярости ударил Орлак. Девушка осталась лежать неподвижно.

Лаурин потеряла сознание, и больше не мешала Доргрилу. И она не потребует для запланированного на следующий час развлечения. Но в тот момент, когда он отвлекся, направив внимание на Лаурин, Ксантия заорала в ярости и нацелилась встретиться со своей давней соперницей. Эта встреча с врагом была явно предначертана судьбой. Дух Ксантии вышел из тела, хотя она не была уверена, что сможет это сделать, а потом быстро понесся к Элиссе, чтобы разделаться с ней раз и навсегда.

Доргрил резко развернулся от звука падающего на пол тела Ксантии, и на этот раз

ярость в нем вскипела с новой силой. Он стукнул кулаком по стене с красивой лепниной, разбил ее и сломал кости руки Орлака.

Насмешки Элиссy слышал еще один разум, спрятанный в глубинах собственного тела. Орлак улыбнулся. Его молчание на протяжении последних трех дней не только удивляло Доргрила, но и сильно беспокоило. Ничто из того, что он говорил или делал, казалось, не могло пробудить гнев Орлака. Для старшего бога это было дурным знаком. Молодой сдался? Или он что-то задумал? Орлак действительно кое-что задумал, ожидая момента для нанесения удара. Он отчаянно надеялся, что Лаурин его слышала. Он точно знал, что Доргрил не слышал, что давало шанс. А теперь случилось это. Мать Лаурин и в самом деле оказалась смелой женщиной и, хотя он не мог представить, как ей удалось появиться таким образом, Орлак благодарил судьбу за то, что она провела этот ловкий ход.

Орлак не знал, что в венах Элиссy течет кровь богини. Это шокировало бы его, как и Доргрила — если бы тот узнал, кто ее мать. Тем не менее, Орлак молча благодарил ее, потому что теперь у него появлялся хоть какой-то шанс дать свободу ее дочери. В его любви к Лаурин у него не было сомнений, хотя он не позволял разуму слушать сердце. Молодой бог пытался убедить себя, что она — просто приманка для своего отца. А когда эта затея провалилась, он говорил себе, что это просто развлечение, ничто больше. Но на самом деле он не мог оторвать от нее глаз, не мог забыть ее голос и ее смех. Правда, держа девушку рядом с собой, он также занимал и ее отца — тому приходилось обороняться и бояться за собственного ребенка. Пока у Орлака находится Лаурин, Торкин Гинт не будет представлять для него серьезную угрозу. Он постоянно напоминал себе об этом, когда одна мысль о встрече с ней угрожала его страстному желанию уничтожить ее отца.

Орлак не рассчитывал на то, что Доргрил внезапно потеряет терпение. Он думал, что почувствует, как старший бог собирается с силами для удара, но этого не произошло. Доргрил прекрасно закрылся щитом, а забирая у Орлака тело, сделал это столь быстро, что застал племянника врасплох. Да и на самом деле дядя был очень силен. А что еще хуже, Орлак понимал, что это случилось потому, что его сознание занято мыслями о Лаурин.

Лаурин заплатила очень высокую цену за его ошибку. Орлак вынужденно стал свидетелем ее отчаяния, унижения и боли. Доргрил наслаждался каждым мгновением, а молодой бог дал себе обещание, что заставит дядю в свою очередь заплатить за все это.

В какое-то мгновение во время этих полных боли дней Орлак стал по-новому воспринимать свою судьбу. Он признал, что главным для него является избавление от Доргрила, а не от Торкина Гинта. Внезапно Гинт потерял бывшее значение, как и другая цель — уничтожение Таллинора и его народа. Следовало в первую очередь уничтожить старшего родича.

«Чего бы это ни стоило», — повторял Орлак снова и снова, а его тело тем временем без его разрешения ужасно унижало женщину, которую он хотел любить. В ее мужестве, в ее отказе сдаваться Орлак нашел обновленную веру и силу молчать... не издавать ни звука... тихо сидеть в глубине собственного тела и думать, как перехитрить самый порочный и живой ум во всем Сонме, да и во всех мирах. Теперь молодой бог считал дядю одновременно и самым злым, и самым сообразительным.

Он должен уничтожить Доргрила, но не имел представления, как это сделать. Больше всего его беспокоила Лаурин. Первейшей целью было ее освобождение из рук бога, и Элисса предоставила ему крошечный лучик света. Это была надежда на то, что он преуспеет.

Орлак чувствовал, как Доргрил бушует внутри него. Сам Орлак мысленно подбадривал жену брата и просил всех богов, которые слышали его обращение, помочь ей преуспеть.

Одна богиня услышала... и помогла.

«Я здесь!» — закричала Ксантия.

Элисса не отреагировала мгновенно. Все, кого она любила теперь и когда-либо, казалось, возникли перед ней. Она прощалась с каждым. Она знала, что это ее гибель, и поняла, что ее судьба — это избавление мира от Ксантии.

Элисса не сознавала, что представляет собой какую-то субстанцию. Она думала, что

стала лишь бестелесным духом, но теперь, взглянув на себя, увидела мягко поблескивающее свечение. Женщина была призраком самой себя.

Элисса развернулась и увидела Ксантию, которая мерцала темным светом. Призрак напоминал старую Ксантию, которую помнила Элисса, только она стала старше, ее тело налилось силой, и эта женщина стала еще красивее, но какой-то особенно зловещей красотой.

«Привет, Ксантия, — поздоровалась Элисса сладким голосом. — Я удивлена, что ты пришла».

«Думаешь, что я тебя боюсь?»

«Совсем нет. Я думала, что ты его рабыня... Орлака».

«Ха! Орлака!»

«Я видела тебя с ним».

«Твои глаза тебя обманывают. — Теперь пришел черед Ксантии посмеяться над Элиссой. — Ты видишь только оболочку Орлака. А слышишь ты и наблюдаешь за духом величайшего из всех богов. Его зовут Доргрил».

Доргрил! Элисса содрогнулась. Она читала про этого бога в трудах Нанака. Доргрил был братом Дарганота и безуспешно пытался узурпировать трон Сонма, забрать его у Короля, которому тот принадлежал по праву. Его в наказание отправили в Пустоту на веки вечные. Но теперь, похоже, он каким-то образом сбежал.

На лице Ксантии появилась усмешка, даже скорее оскал, который в эти дни у нее заменял улыбку. А Элисса поняла, почему ее дочь звала Орлака и просила его помочь ей.

«Мне придется тебя убить», — заявила Ксантия.

«Правда? Возможно, ты опоздала».

«После того, как я покончу с тобой, Элисса, и вернусь...»

«А-а! Значит, ты не знаешь. Я ведь пыталась тебя предупредить».

«Предупредить меня?»

«Ты понимаешь, где ты находишься? Я больше не связана с Таллинором. Я сделала свой выбор, как и ты».

Ксантия осеклась. Впервые ее уверенность пошатнулась.

Элисса снисходительно покачала головой: «Давай я просвещу тебя. Мы находимся в месте, которое называется Пустота. Разве ты про него не слышала?»

Ксантия покорно покачала головой, хотя и не хотела этого делать.

«О-о, значит, это будет для тебя интригующе», — заявила Элисса.

«У меня нет времени на всю эту болтовню!» — сплюнула Ксантия.

«Есть... У тебя впереди бесконечность».

Ксантия рассмеялась, но смех окрашивался нервозностью.

«Где мы?» — закричала она.

«Я же сказала тебе: в Пустоте. Откуда нет возврата... для нас обеих», — Элисса с большим удовольствием произнесла последние слова.

«Ты врешь!»

«Больше нет необходимости врать. Попытайся вернуться, и поймешь, что не можешь этого сделать. Это место вечной смерти, Ксантия».

Образ ее врага заискрился и засиял. Элисса продолжала.

«Я уже попрощалась с теми, с кем хотела. Я не уверена, что у тебя была такая возможность, но это не играет для меня роли».

«Ты никогда не была сильна в темном Искусстве Силы, как я, Элисса. Именно ты пострадаешь», — Ксантия начала кружить.

Элисса оставалась неподвижной, несмотря на угрожающие движения Ксантии. Она только рассмеялась.

«Похоже, ты не понимаешь, — сказала она. — Ничто из этого теперь не играет роли. Ничто из происходившего и происходящего между нами больше не играет роли. Я уже уничтожила тебя, заманив сюда».

«А что с твоим мужем?» — ухмыльнулась Ксантия.

«Он победит».

Пришел черед Ксантии рассмеяться: «Доргрила он не победит. Это я тебе обещаю».

Элисса пошла на блеф: «Нет? Уже теперь, без тебя, Доргрил ослабел. Он сделал неправильный выбор — его ярость притупляет сознание, и он принимает глупые решения. Попомни мои слова... Это приведет его к краху».

Ксантия огрызнулась: «Что бы ты ни сделала со мной — оно никак не повлияет на то, что происходит в мире»

«Мы больше не принадлежим нашему миру, Ксантия. Доргрилу следовало тебя остановить, не пускать сюда. Вместо этого он решил принести моей дочери еще немного боли. Он заплатит самую высокую цену. Наслаждайся Пустотой, Ксантия. Тебе она подойдет идеально».

Терпение Ксантии лопнуло, и она направила ментальный щуп к тому месту, где, как знала, находится ее тело... и не почувствовала ничего. Из нее полились злость и ненависть, и женщина направила магию на врага. Она ожидала, что Элисса закричит в агонии после того, как первый сильный удар достиг цели. Но Ксантия не знала и не могла знать, что ее бывшая подруга владеет не слабой, невежественной магией, как она сама. Она не представляла, что дух перед ней являлся наполовину богиней, и обладает силой, о которой у других нет ни малейшего представления. Ей такое даже не показывали. Возможно, самым большим шоком в жизни Ксантии стало внезапное изменение цвета духа. Сияющая Элисса вдруг стала золотой.

«Это все, на что ты способна?» — спросила она суровым тоном.

Дух Ксантии бросился к женщине, которая насмехалась над ней. Ксантия кусала, царапала, рвала Элиссу снова и снова, но все ее действия не имели никакого значения. Она ничего не могла сделать женщине, которая сияла и светила силой.

«Кто ты?» — прошептала Ксантия сквозь рыдания.

«Она — богиня», — произнес новый и наводящий ужас голос, но Ксантия, возбужденная прибытием союзника, не услышала предупреждения, и понеслась к красному, переливающемуся туману.

«Доргрил! Я знала, что ты придешь за мной».

У духа Элиссы опустилось сердце. Доргрил проигнорировал сжавшуюся Ксантию и прямо обратился к Элиссе: «Очень впечатляет. Я и не представлял, что у тебя в венах течет кровь богов».

Красный туман угрожающе двинулся к ней, и Элисса поняла, что проиграла схватку.

Она не выполнила своего предназначения.

\* \* \*

Несколько теней украдкой выскользнули с причалов Кипреса. Хотя Джил придерживался другого мнения, он все-таки решил положиться на интуицию бывшего прайм-офицера и согласился, что во дворец пойдут только несколько человек.

Король был солдатом в душе и верил в количество и силу. Они обеспечивают безопасность. Но их было шестеро, двое — женщины, а один — молодой парень, который умел обращаться с мечом точно также, как летать. Правда, Джил быстро изменил свое мнение. Он не представлял, на что способен Рубин со своим волшебством. Тем не менее, смогут ли трое мужчин удержать город, если тот решит подняться против них? Он не позволил себе больше думать так. Нельзя ничего бояться. В конце этого путешествия его ждет Лаурин, и мысли Джила потекли по единственному руслу. Он ни на секунду не позволял себе гадать, жива ли она.

Тем временем, Херек позволял себе думать о самом ужасном. Его мысли ходили разными тропами. Хуже всего было то, что они с прайм-офицером — а он только так и думал о великолепном Ките Кайрусе — теперь защищают двух монархов, которые по собственной

воле оказались в очень опасной ситуации. Он сам без вопросов отдаст жизнь за короля, но его жизни не хватит для спасения Джилла, если дела пойдут плохо. Херек шел в тягостном молчании. В голове кружили мрачные мысли о том, как спасти монарха.

Рубин несколько часов пытался мысленно связаться с Лаурин и отправлял ментальные щупы. Он не знал ее отличительного следа, но использовал знакомый позывной Кайруса, надеясь, что кто-то из ее Паладинов, если и не она сама, услышит его и ответит. Но пока щупы уходили в пустоту. Никто не отвечал. Рубин решил, что Лаурин, скорее всего, закрылась щитом, но у него не было оснований считать, это сделают Джуно или Адонго.

Кайрус подбадривал его, Рубин продолжал попытки и, наконец, высказал предположение, что Орлак, скорее всего, каким-то образом отрезал канал связи с Паладинами Лаурин.

У них был простой, но смелый и дерзкий план. Хела с Кайрусом пойдут первыми, проверят путь и убедятся, что можно безопасно воспользоваться одним из тайных входов во дворец. Другие последуют за ними. Оказавшись во дворце, Джил, Рубин и Кайрус найдут Лаурин. Больше они ничего не задумывали. Перед ними стояла одна задача — найти девушку и доставить ее в целости и сохранности на поджидающий корабль. Если необходимо, корабль уйдет без остальных. Все с этим согласились.

Тем временем Херек и Хела отведут Сэйрел к старейшинам города. Когда Херек спросил, как они докажут право девушки на престол и происхождение, она показала кольцо.

— Это кольцо моей матери... и ее матери до нее. Оно принадлежало всем женщинам в нашем роду на протяжении столетий. Это главная печать Кипреса.

Даже Хела удивилась.

— Я же велела тебе ничего не брать, — с укором сказала она.

— Я — законная королева Кипреса, Хела. Это кольцо было снято с руки моей матери только после смерти. А так она всегда носила его. Мне очень не нравилось, что приходилось его прятать. Но с этого вечера я буду носить его, не снимая. Оно будет снято с моей руки только после смерти. — С этими словами Сэйрел надела кольцо на палец, затем с вызовом вздернула подбородок, словно ожидала, что кто-то начнет с ней спорить.

Джил накрыл маленькую ручку Сэйрел огромной ладонью. Присутствующие почувствовали, что этот жест очень символичен.

— Ты будешь носить его много десятилетий, Сэйрел. А если тебе когда-нибудь потребуется помощь Таллинора для защиты твоей короны, я тебе ее обещаю.

Все были тронуты его словами. Кайрус молча покачал головой. Лорису никогда бы не пришлось в голову образовать союз двух стран, а его сыну это удалось сделать одним простым гордым заявлением. Из этого странного колеса судьбы, которое теперь поворачивалось, могут родиться великие дела.

На Джилла Сэйрел произвела впечатление с первой встречи. Она была так молода, но, тем не менее, сразу же становилось ясно: ее готовили стать монархиней, и подготовка оказалась безупречной. Она держалась по-королевски, все эти манеры казались в ней естественными и впитавшимися в кровь. Джил даже позавидовал ей, ведь девочка знала о своей судьбе с рождения. Если бы только он сам понял, что ему предначертано судьбой! Если бы он знал отца с рождения, то он уже был бы гораздо лучшим королем для Таллинора. Но сейчас не было времени думать об этом. Люди вокруг него, которые оценили данную клятву, придали сил ему самому.

Теперь они оказались у границы города. Здесь было гораздо тише, чем ожидала Хела.

— Сколько у нас времени? — спросила она, преднамеренно не глядя на Кайруса, но все эти странные и грозные дни с того самого утра, когда она проснулась рядом с ним, она чувствовала восхитительное тепло, стоило ему лишь начать отвечать.

Даже в этой ситуации, чреватой опасностью, Хела восхищалась его голосом, его прямым взглядом, тем, как он переносил вес высокого тела с одной ноги на другую. Внезапно ей показалось, что все в этом человеке превосходит любые черты всех других. Она прекрасно понимала, что это — ее личное восприятие. Лишь полное любви сердце видело

его таким идеальным. Но служанка королевы ничего не могла с собой поделать. Казалось, одно его присутствие держит ее под контролем, что даже немного раздражало. Ведь Хела всегда была сильной и независимой женщиной.

Хела задумалась на мгновение, производит ли сама такое же впечатление на него. Она сомневалась в этом. Кайрус ни разу не упоминал их ночь любви после утра в Илдагарте, и не демонстрировал ей никакой особой нежности, хотя она очень внимательно следила за всеми нюансами. Каждая его улыбка напоминала тысячу источающих аромат цветов, падающих к ее ногам. Если Хела и вызывала у него какие-то эмоции, он этого не показывал. Больше всего ее раздражала его отстраненность. Хотя именно это в первую очередь и привлекло. Кайрус держал глубоко в себе свою израненную душу. Тем не менее, в ту ночь Хеле удалось к ней подобраться, и она считала, что на самом деле помогла ее чуть-чуть подлечить.

Хела повернулась на его голос и попыталась сосредоточиться на предстоящем деле.

Кайрус чувствовал крайнюю степень нервозности в этой маленькой группе. Казалось, все, за исключением Рубина, считали, что идут на верную смерть.

— Херек, ты помнишь песню отряда «Щит»? — спросил он.

Херек нахмурился.

— Да, сир, конечно.

Кайрус улыбнулся:

— Тогда спой ее, все десять куплетов и припев между каждым, а когда закончишь, иди за нами.

Херек улыбнулся, как и Джил, который тоже хорошо знал эту песню.

— И вот еще, Херек, — добавил Кайрус с иронией в голосе. — Я прикажу тебе вернуться назад на корабль, если ты не прекратишь называть меня «сир».

Прайм-офицер кивнул.

— От старых привычек трудно избавиться, — признался он. — Я очень рад, что ты вернулся.

Двое мужчин ударили ладонью о ладонь, как было принято у солдат Таллинора.

— А теперь идите, — тихо сказал Херек единственному человеку, которым по-настоящему восхищался. — Проложите нам безопасный путь.

Кайрус с Хелой ушли в ночь, оставив улыбающихся Рубина и Сэйрел, которым было забавно слушать Короля и прайм-офицера. Эти двое очень тихо запели песню. Зрелище и в самом деле получалось комичным.

\* \* \*

Орлак почувствовал, как избавляется от гнетущего и тягостного присутствия Доргрила. Без предупреждения сущность поднялась вверх и покинула его тело. Молодой бог на мгновение оставался ошарашенным, но затем стал подниматься, проталкиваясь вперед в собственное тело. Наконец, ему удалось захватить его назад.

«Она это сделала! — подумал он. — Пусть боги благословят Элиссу!»

Она выманила Доргрила из уютного местечка, в котором он пристроился. Это было все, что требовалось Орлаку. Он развернулся в поисках Лаурин. Пока у него еще все плыло перед глазами, и он отчаянно пытался сфокусировать взгляд. Потом молодой бог увидел девушку. Она с жалким видом лежала в углу, из-под распахнутого халата выглядывало обнаженное тело. Это показалось ему стыдным. Он не получил никакого удовольствия при виде красивого тела и мягкой кожи.

Орлак понял, что задерживает дыхание, когда нежно запахивал сатиновый халат и снова завязывал пояс.

— Пойдем, любимая, — прошептал он. — Тебе не место здесь, среди нас.

Орлак поднял Лаурин и держал в руках, как маленького ребенка. Это был самый интимный момент их общения, и молодой бог не мог не оценить его иронии. Девушка оставалась без сознания, когда он впервые нежно поцеловал ее в губы. Она пошевелилась, и

он тут же оторвался от ее губ, только секунду или две неотрывно смотрел на ее лицо.

При обычных обстоятельствах Орлак нес бы Лаурин без усилий, но сейчас он еще чувствовал себя неуютно в своем теле. Его качало, как пьяного, когда он спешил из покоев в коридор.

Орлак побежал, понимая, что Доргрил может вернуться в любой момент, он перепрыгивал через три мраморные ступеньки за раз, не представляя, куда несет Лаурин. Требовалось вынести ее из дворца, попросить кого-то забрать у него ее безвольное тело и спрятать.

\* \* \*

Кайрус с Хелой старались идти спокойно, но сердца у обоих бились учащенно: у Хелы — от страха, у Кайруса — от возбуждения. Внезапно он снова почувствовал себя прайм-офицером и, не думая, взял ее за руку и прошептал:

— Думаю, нам нужно поторопиться.

Она кивнула, испытывая облегчение и получая уверенность от его прикосновения, и они ускорили шаг.

— Сюда. За угол, — прошептала Хела.

Завернув за угол, они увидели группу кипреанских стражников, направляющихся к ним. Пока их не заметили, и хотя ни Хела, ни Кайрус не могли назвать ни единой причины для беспокойства, оба мгновенно насторожились и почувствовали себя виноватыми. Кайрус потянул Хелу в нишу в одной из внешних стен дворца и сразу же обнял ее.

— Что ты делаешь? — в замешательстве спросила женщина.

— А на что это похоже? — шепотом ответил он и накрыл ее губы своими.

Через пару минут мимо прошли стражники, несколько мужчин засвистели. Хела оторвалась от Кайруса и заговорила шепотом, причем так тихо, что даже он едва ее слышал.

— Говорить буду я. У тебя сильный таллинезский акцент.

Он кивнул.

Хела отошла от Кайруса и заговорила с мужчинами. Она сразу же приняла кокетливую позу, несколько раз взглянула на спутника, затем рассмеялась вместе со стражниками. Он ничего не слышал, но догадался, что смеются над ним. Затем стражники пошли дальше, а Хела вернулась.

— В чем дело? — спросил он.

— Я собирала сведения.

— И что ты выяснила?

— С западной стороны еще в течение часа не будет стражи. Это идеальный вариант. Оттуда мы сразу же попадем на территорию дворца. Я знаю путь.

— Что ты им сказала? Она покачала головой:

— Ничего.

— Хела! Ты забываешь, что я солдат. В любом дворце всегда выставляют стражу. Не бывает такого, чтобы где-то в течение часа не было ни одного стражника.

Она посмотрела на него, но продолжала молчать.

— Что ты им сказала?

— Что мы любовники и нам нужно местечко где-нибудь поблизости, чтобы заняться любовью и нас никто не беспокоил.

— А зачем им что-то делать для двух любовников, причем совершенно им незнакомых?

— Потому что я кое-что им пообещала взамен.

Поняв, что Хела имела в виду, он внезапно пришел в ужас.

— Кайрус, у нас нет на это времени! — простонала она. — Мы пытаемся спасти жизни!

Он моргнул. Она была права. Нужно быть готовым заплатить любую цену. Судьба молодой женщины, которую они пытались забрать из Кипреса, и второй, которую они

возвращали в Кипрее, гораздо важнее, чем любая личная жертва.

Кайрус резко кивнул.

— Что теперь? — оглядываясь, спросил он.

— Я покажу тебе, как пробраться внутрь. Затем мы вернемся за остальными. Мы с Хереком заберем Сэйрел. Вы втроем каким-то образом — вторую девушку.

\* \* \*

У красного тумана не было никакой формы, но Элисса чувствовала его холодное прикосновение и слышала низкий голос внутри себя, который по ощущениям напоминал холодный ветер.

«Она — никто, — произнес голос. — Но ты должна очень сильно бояться меня».

«Убирайся прочь, демон», — выплюнула Элисса. Эти слова помогли разбудить в ней ярость и сохранять мужество.

Доргрил рассмеялся. Ему было по-настоящему забавно: «Добро пожаловать, Элисса. Тебе нравится место, куда они поместили меня на целую вечность?»

Она отступила от красного тумана, который продолжал плыть к ней.

«Я уже мертва, Доргрил. Зачем ты тратишь на меня свое время?»

«Я не уверен».

«Уничтожь ее!» — закричала Ксантия, которая находилась за ним.

«Зачем? — спросил он. — Потому что ты не смогла?»

«Тогда отдай ее мне. Позволь мне попробовать», — предложила соперница Элиссы, чья бравада усиливалась в его присутствии.

«Заткнись! — рявкнул Доргрил. — Я от тебя устал. Ты ей — не соперница».

«Доргрил! Я всегда была сильнее ее».

Он снова рассмеялся. В смехе слышалось презрение: «Ксантия, ты обладаешь жалкой невежественной магией. Это только цирковые тюки — и ничто больше. Твоя подружка владеет гораздо большим. Посмотри на нее. Она красива, не правда ли? Она светится и сияет в золотистом свете богов».

«Богиня?»

Элисса с вызовом вздернула подбородок. Ей нравилось смотреть на смятение на лице Ксантии.

«Ты врешь», — сплюнула Ксантия.

«Нет, не лгу! — злобно ответил Доргрил, затем снова рассмеялся, в голосе звучала ирония. — Она умна, не правда ли?» — сказал он так, словно разговаривал сам с собой.

«Ты о ком говоришь?» — спросила Элисса, зная, что чем дольше занимает красный туман, тем больше шансов на побег получает ее дочь — если, конечно, придет в себя.

Красный туман ярко вспыхнул.

«Я думаю, что ты знаешь».

Элисса покачала головой.

«Теперь, когда ты находишься здесь, передо мной, я понимаю, насколько ты похожа на нее. Сходство поразительное! Я никогда этого не знал. Она хранила такой важный секрет».

«Отойди от нее, Доргрил», — приказал новый голос.

«А-а, я-то уже думал, когда это ты к нам присоединишься».

«Ты совершил глупость, возвращаясь сюда. Теперь ты попал в ловушку».

Замешательство и ярость Ксантии выплеснулись наружу.

«Кто это?» — закричала она.

«Разве ты не понимаешь? — спокойно спросил Доргрил. — Это Лисе, Хранительница. Разве ты не видишь сходства? Она — мать твоей подружки. Как насчет сделки, Лисе?»

«Никаких переговоров», — ответила Лисе, становясь за дочерью. Элисса даже ни разу не взглянула в ее сторону, но Лисе видела, что сияние образа дочери означает облегчение.

«О-о, я думаю, что на этот раз ты пойдешь на переговоры. Я догадываюсь, какой у тебя

план. А я не позволю ей уйти».

«Ты ничего не знаешь», — осторожно заметила Лисе.

«Выбирай, — сказал Доргрил, наслаждаясь собой. — Ты можешь держать меня здесь в качестве своего пленника, а заодно посадить в тюрьму и свою дочь, потому что я никогда не позволю ей уйти. Или ты можешь позволить мне вернуться и делать то, что пожелаю».

Элисса в ярости повернулась к матери.

«Не смей!» — сказала она, впервые глядя на мать. Она не представляла, о чем они говорят, но это походило на сделку. Доргрил вроде бы хотел снова поселиться в Орлаке, чтобы мучить Лаурин и идти уничтожать Тора. А значит, ее собственная смерть окажется бессмысленной. Это означало бы провал.

Лисе понимала, что именно она попала в ловушку. Мать повернулась к дочери и посмотрела на нее грустными серо-зелеными глазами: «Я не могу снова тебя бросить. Ты должна отправиться вместе со мной».

«Ага! — закричал Доргрил, ярко сияя. — Ты видишь, Элисса. Она один раз тебя отдала. Она не позволит этому случиться снова».

«Нет!» — закричала Элисса.

«Я не могу», — сказала Лисе, ее волосы цвета меда переливались в золотистом свете.

«Мои дети! — заплакала Элисса и рухнула на колени. — Спаси их, мама. Спаси Тора. Умоляю тебя».

Доргрил захихикал.

«Трогательно, очень трогательно. Прощай, Ксантия. Я должен бежать, пока она не изменила решение. Для тебя я ничего не могу сделать. Но я предупреждал, что нужно забыть про мелочную ненависть. Живи долго», — пожелал он.

Элисса закричала в отчаянии, и ее плач сопровождался криками Ксантии.

«Ксантия, — заговорила Лисе теперь командным голосом — Ты умерла. Смирись с этим. Пустота — это место, где ты будешь жить вечно. Твоих возможностей недостаточно чтобы отсюда сбежать. Для тебя такой конец подходит. В тебе очень много злости».

«Нет!» — закричала Ксантия, все еще не понимая.

«Пойдем, дитя, — обратилась Лисе к Элиссе. — Это место не для тебя».

Элисса подняла голову, посмотрела на мать и испытала шок от поразительной схожести с собой.

«Как ты могла?»

«Легко, — пришел ответ. — Я могу спасти тебя».

«А других?» — осмелилась спросить Элисса.

«Я не могу вмешиваться, дитя. Мы должны верить, что они победят».

Элисса покачала головой: «Но ты могла бы спасти их».

«Я сделала свой выбор, — ответила ее мать. — Мне никогда не следовало от тебя отказываться. Но мне дали шанс вернуть тебя в то место, которое принадлежит по праву. Я не представляла, Элисса, что у тебя хватит смелости самой отправиться сюда. Ты обладаешь поразительным мужеством, дитя, чтобы отказаться от всех, кого ты любишь, и от собственной жизни в придачу».

«Мама, я смогла это сделать, потому что я их люблю. Почему ты не можешь любить меня достаточно сильно, чтобы им помочь?»

Внезапно Элисса почувствовала, как ее закрывает мощным щитом.

«Ксантия, толку от этого не будет, — с сожалением сказала Лисе. — Ты больше не можешь принести ей зло. Твоя магия здесь бесполезна. Она всегда была бесполезна. Теперь уходи и думай о своей печальной жизни».

«Я скорее умру», — рявкнула Ксантия.

«Я уверена, что это так, но ты сделала свой выбор».

«Куда вы уходите?»

«В место, которое ты никогда не увидишь, до которого никогда не сможешь добраться».

Элисса повернулась к женщине, которая принесла ей столько зла. Значит, все закончилось. Ее судьба — быть отделенной от Тора. Она провалилась, пожертвовав собственной жизнью для спасения его и их детей.

«Прощай, Ксантия», — тихо сказала она, а затем почувствовала, что отправляется в путешествие.

## Глава 32

### Спасение

Рубин сжал руку Сэйрел.

— Мы снова встретимся.

Они следовали за Джилом и Хереком, пробираясь к кипреанскому дворцу. Времени на размышления не было, а уж на то, чтобы остановиться и дать ему понять, что она осознала серьезность его слов — тем более. Но девушка все-таки остановилась. Она забыла про осторожность, отмахнулась от нее. Юная королева и так находилась в достаточно опасной ситуации, чтобы еще больше беспокоиться.

Сэйрел взяла Рубина за руку, заставила остановиться, склонилась к нему и поцеловала.

— Мы еще встретимся с тобой.

Он кивнул с серьезным выражением лица. Рубин смотрел только на нее одну, словно не замечал прайм-офицера, который развернулся и шел к ним. Херек был раздражен из-за остановки.

— Из тебя получится великая королева, — прошептал Рубин, наклонился и поцеловал ей руку.

— Ваше величество, пожалуйста, — позвал запыхавшийся Херек. — Времени на это нет.

— Всегда должно находиться время на любовь, — заявила Сэйрел, поворачиваясь к поставленному в тупик солдату. — Пойдем! — добавила она, схватила Рубина за руку и побежала.

Джил уже стоял рядом с Кайрусом и Хелой. На лицах всех участников отряда было написано облегчение. Они добрались до дворца.

Кайрус обратился к королю:

— Здесь мы разделяемся, Ваше величество. Вы идете с Рубином и со мной, а Херек с Хелой поведут королеву Сэйрел в безопасное место.

Джил кивнул и повернулся к Хереку:

— Вы знаете, что делать.

Херек отсалютовал.

— Да, сир, и... Я хочу добавить, чтобы вы не дожидались моего возвращения на корабль. После того, как найдете Лаурин, уезжайте. — Он посмотрел на Кайруса. — Это приказ.

Кайрус тоже отсалютовал.

— Идите!

На мгновение его взгляд остановился на Хеле. Он ничего не сказал, выражение лица у него не изменилось.

Служанка королевы чувствовала пустоту внутри. Это больше не напоминало временное расставание, а окончательное прощание. Внезапно она осознала всю опасность предстоящего дела. Хела всегда была очень жизнерадостной и смелой, часто находила в себе силы и мужество действовать так, как нужно, но теперь поняла, что эти силы покинули ее. Но времени на колебания не было.

Она позволила говорить своим полным грусти глазам. Кайрус смотрел ей прямо в глаза, пока Херек пожимал ему руку, а король желал удачи. А у нее пересохло горло, в нем стоял ком. Она просто не могла ничего сказать, а потом почувствовала, как ее дернули за руку и уводят от него.

Наконец, он прошептал несколько слов для нее. Женщина едва уловила их.

— Пусть Свет хранит тебя, — пожелал Кайрус.

— И пусть он приведет тебя назад ко мне, — прошептала Хела, но знала, что он ее не услышал, потому что уже развернулся и двигался в тень, к маленькой, не охраняемой калитке с западной стороны кипреанского дворца.

\* \* \*

Орлак бежал и нес на руках обмякшее тело Лаурин. Она не осознавала, что он пытается ее спасти. Он завернул за угол в одну из менее используемых частей дворца и испугал служанку, которая спешила в противоположном направлении. Узнав его, она застыла на месте. Орлак понял, что все дворцовые слуги, за исключением Джуно и Тита, испытывали перед ним ужас. На мгновение он задумался, как себя чувствуют эти двое товарищей Лаурин. Доргрил приказал поместить их в подземную тюрьму и выставить стражу.

Когда Доргрил выкрал Лаурин, а затем набросился на нее в ту первую ночь, Орлак даже из своего места в глубине собственного тела уловил, как Джуно с Титом одновременно с беспокойством отправили мысленные вопросы. Доргрил тоже это заметил.

«Значит, среди нас имеется двое Чувствующих, — с презрением заявил тогда Доргрил. — Из вас получается интересная пара. Я выясню больше чуть позднее».

Затем он отправил в них разряд собственной магии, обезвредив их. Правда, он мудро решил оставить их в живых до тех пор, пока не выяснит точно, кто они. Он приказал страже поить их снотворным, пока он не вернулся. Но Доргрил не вернулся, предпочитая развлечения с Лаурин.

Орлак вернулся к настоящему и испуганной служанке.

— Отсюда есть выход? — спросил он у нее резким тоном, надеясь достаточно испугать ее, чтобы она отвечала, не раздумывая.

Она отпрянула назад, оглядываясь в поисках путей отхода.

— Сир?

— Отвечай мне, будь ты проклята! Я могу выйти в сад отсюда? Быстро, женщина, это срочно!

Она немного пришла в себя.

— Да, сир. Но не ходите туда. Там трое незнакомцев. Они вооружены, сир. Я... я срезала дорогу во дворец и увидела их. Нужно поднять тревогу.

— Кто они? — спросил Орлак, потянулся к ее руке, потом решил ее не трогать, потому что, похоже, женщина закричит, если он это сделает.

— Они из Таллинора, сир. Один одет в малиновое!

И она бросилась бежать, напоминая испуганную птичку, и вскоре скрылась за поворотом коридора.

Орлак быстро думал. Из Таллинора? Сегодня ночью ему везет. Он побежал прямо к ним.

\* \* \*

Херек с Хелой шли по сторонам от Сэйрел, украдкой пробираясь в сам город. При других обстоятельствах город обязательно поразил бы солдата своим великолепием. Он был красив во всем. Теперь же, в состоянии крайнего напряжения, Херек просто восхищался тонкой работой ремесленников, которые продумали и сделали красивым все — от дверных ручек до сливных труб. Тал был впечатляющим, но в нем не имелось этой изысканности и изящества.

Хела что-то говорила, и он заставил себя отвлечься от красивой железной решетки, которой восхищался.

— ... Его дом недалеко.

— Прости, Хела. Чей?

Она не обратила внимания на его рассеянность и повторила все без пауз.

— Советника Хейна. Он — самый главный среди старейшин. Он меня узнает, если и не саму королеву.

— А откуда ты знаешь, что он поможет? — спросила Сэйрел.

— Потому что он мне кое-чем обязан, — Хела подмигнула Хереку, который решил больше ни о чем не спрашивать.

\* \* \*

Кайрус прижал палец к губам, потом показал на маленькую, почти неприметную дверь, через которую, как он видел, только что проскочила горничная. Солдат знал, что их заметили, но они теперь зашли уже слишком далеко, чтобы поворачивать. Пусть все идет, как идет. Служанка, конечно, поднимет тревогу. Ну и пусть. Кайрус жестом показал Джилу, чтобы тот достал меч из ножен. На самом деле, оба достали мечи, действуя совершенно неслышно.

Рубин скорчил гримасу, зная, насколько бесполезны мечи против того, что находилось за этими дверьми, но понял, что для этих людей очень важно держать оружие в руке. С ним они чувствуют себя в безопасности. Он прикрыл их всех ментальным щитом. На мгновение юноша задумался о Сэйрел, о невероятном ощущении, которое испытал, когда на короткое время ее губы коснулись его собственных. Он снова почувствует вкус этих губ, обещал себе Рубин.

Кайрус кивнул. Они вышли из тени, шагнули к двери и резко остановились, потому что из нее внезапно появился невероятно высокий, златовласый мужчина.

— Где вы? — спросил он. — Покажитесь.

В руках он держал женщину, едва прикрытую сатиновым халатом.

Не думая, Джил бросился вперед.

— Лаурин!

Высокий мужчина повернулся на звук голоса и узнал короля, который произвел на него впечатление. Большинство монархов не стали бы так глупо рисковать жизнью. Король и незнакомец направляли на Орлака мечи, но его внимание привлек спокойный стройный светловолосый юноша. Вокруг него кипела огромная сила, и Орлак понял, что он прикрыл себя и товарищей мощным щитом. Эта демонстрация силы впечатляла. Это был явно не простой Чувствующий.

Орлак отправил мысленное сообщение юноше: «Она жива, но сколько еще протянет, неизвестно. Возьми ее. Доставь в безопасное место. Приближается Доргрил. Он перебьет вас всех».

Двое других явно не понимали, почему Орлак не двигается и даже не встречается с ними взглядом. Они явно ожидали сопротивления.

— Отдай ее мне, Силк, — потребовал Джил.

— Пожалуйста, Ваше величество, — ответил Орлак без каких-либо эмоций в голосе.

Его вежливость еще больше вывела из равновесия его врагов. Орлак нежно опустил Лаурин на руки Джила. Королю пришлось бросить меч, чтобы взять ее. Кайрус не понимал, что происходит, но наклонился и поднял оружие.

Он был поражен, снова увидев Орлака, полного жизненной силы, такого огромного и цветущего. У Кайруса скрутило живот при виде его, и он подумал, узнает ли его бог. Конечно, не узнает, сказал Кайрус сам себе, но это все равно не уняло внезапно возникший страх перед могучей силой, которая стояла перед ним.

Заговорил Рубин, не в силах оторвать взгляд от златовласого человека.

— Он утверждает, что нам всем угрожает опасность от кого-то по имени Доргрил, в особенности — Лаурин.

— Вы должны бежать, — добавил Орлак. — Он попытается снова захватить ее, а при

этом убьет вас всех. Каждая секунда, которую вы теряете, усиливает угрозу вашим жизням. — Он посмотрел на Лаурин. — И ее. — Потом бог взглянул прямо в глаза Джилу. — Доставь ее в безопасное место.

— Почему вы нам помогаете? — спросил Кайрус. Это был явно провокационный вопрос.

Бог покачал головой и дал самый очевидный ответ.

— Она заслужила жизнь. Она смелее всех нас. Скажите ее отцу, чтобы ждал меня. Я вскоре приду. А теперь уходите. Доргрил уже явно ищет ее.

Джил с Кайрусом побежали прочь, но Рубин задержался и кивнул златовласому мужчине:

— Вы более благородны, чем мы ожидали.

Орлак уныло улыбнулся:

— Не нужно так быстро делать выводы.

— Я — Рубин. Один из Трех.

— Трех?

— Мы тебя уничтожим.

— Можете попробовать.

— Встретимся снова в Сердце Лесов.

— Очень подходящее место. Ты — ее брат?

— Я — сын Торкина Гинта. Да.

— Ее щенок бегают где-то в этом саду. Если увидишь его, возьми его с собой. Песика зовут Пелисс. Она будет без него скучать.

Рубин с любопытством посмотрел на молодого бога.

Орлак внезапно почувствовал прикосновение Доргрила к своему сознанию и дернулся. Он знал, что старший бог это почувствовал. Он кивнул Рубину.

— Встреча с тобой, племянник, — честь для меня. Но я предлагаю немедленно уходить.

Рубин смотрел на него еще мгновение, потом поклонился дяде. Когда он взглянул на него в последний раз, то увидел, что глаза Орлака стали красными.

Король перекинул Лаурин через плечо. Это был не самый уважительный способ переноски одной из тех, от кого зависело спасение мира, но Джил решил: только так он сможет быстро передвигаться и одновременно держать в руке меч.

Они уже приближались к причалу, но тут внезапно остановился Кайрус.

— В чем дело? Что случилось? — повернулся к нему Джил.

Прайм-офицер выглядел подавленным.

— О, Свет! Нет!

Двух мужчин догнал Рубин.

— Что случилось?

Кайрус посмотрел на дворец, а потом снова в сторону причала.

— Как я мог про них забыть? Мне нужно вернуться.

— Что за чушь! Зачем? Про кого вы говорите? Кайрус грустно улыбнулся королю.

— Забирайте ее. Пусть корабль уходит. И возьмите с собой моего мальчика, — сказал он, глядя на Рубина с любовью. — Не ждите меня.

— Кайрус! Куда ты собрался? — закричал Рубин.

Солдат снова повернулся к ним и посмотрел на их шокированные лица, затем обнял Рубина и крепко прижал к себе, потом посмотрел на короля.

— Простите, Ваше величество, но там остались мои друзья. В этой суматохе я забыл, что они там. Адонго и Джуно... Они — Паладины Лаурин. Мы не можем их бросить.

Джил в этих делах не разбирался, но знал, что это как-то связано с друзьями его матери, владеющими магией. Он и раньше слышал слово «Паладины».

— Кайрус, вы не можете говорить серьезно. Вероятно, они ранены, а то и мертвы, если их не оказалось рядом с ней. Вы должны идти с нами.

Но прайм-офицер уже удалялся.

— Я бы понял, если бы они погибли. Пусть «Ворон» отплывает. Рубин, каким-то образом доберитесь вместе с Лаурин в Сердце Лесов. И также не дожидайтесь Херека.

Он развернулся и поспешил вверх по склону к месту, где обитали злые боги.

\* \* \*

Доргрил сбежал из Пустоты, злорадствуя и восхищаясь собой. Он избавился от Ксантии и ловко поймал в ловушку Лисе. Он точно знал, что она обязательно выберет Элиссе, а не его самого. Пришлось его отпустить ради спасения собственной дочери. А поскольку силы богини равны его собственным, для нее не имело смысла сражаться с ним с целью удержать в Пустоте. Ведь так она рисковала нанесением вреда Элиссе. Нет, Доргрил предоставил ей лучший выбор, даже хотя он Лисе и не понравился.

Все то время, пока он жил в Пустоте, Лисе постоянно находилась рядом. Только так она могла держать другого бога в заточении. Она отвлеклась всего один раз, в ту секунду, когда Торкин Гинт случайно ввалился в Пустоту.

Доргрил рассмеялся. Лисе допустила ошибку при неожиданном появлении Гинта, и узник тут же воспользовался представившимся шансом. А теперь Лисе снова допустила ошибку. Для спасения дочери ей пришлось покинуть Пустоту, но зато пришлось его выпустить. Богиня не смогла его удержать!

О, как ему это понравилось! Дерзкая, надменная, самоуверенная Лисе... И провалилась не один раз, а целых два.

«А куда подевался Орлак?» — задумался Доргрил. Он поздравил себя с тем, что не отпустил след молодого бога. Если бы он не удерживал эту связь, то Орлак мог бы от него сбежать.

Зависнув между Пустотой и земным миром, куда он собирался вернуться в тело Орлака, Доргрил связался с молодым богом по мысленной связи: «Ты пока не можешь от меня сбежать, племянничек».

Доргрил протянул щуп к молодому родственнику и вступил в контакт. Орлак поморщился.

«А-а, вот ты где, — прошептал Доргрил и быстро полетел к цели. Прибыл он как раз вовремя, чтобы увидеть убегающего молодого человека. — А это кто?»

«Он не представляет из себя ничего особенного», — ответил Орлак.

После того, как Доргрил снова оказался внутри него, Орлак снова почувствовал себя мерзко. Неприятно, когда тебя используют.

«На меня твой трюк произвел большое впечатление».

«Какой именно?»

«Тот, когда ты сидишь очень тихо и притворяешься, будто меня не слышишь. Тот, когда ты ждешь — о, как терпеливо! — мгновения, когда я потеряю бдительность».

«А, этот...»

«Он никогда больше не сработает».

«Значит, придется придумать что-то новенькое».

«Как я предполагаю, она спрятана?»

«Ты прав».

«Я думаю, что в любом случае с ней закончил, — осторожно заметил Доргрил. — У твоей Лаурин прекрасное тело, но девчонка ни разу не ответила на мои ласки».

Орлак преднамеренно держал эмоции под контролем. Он сделал глубокий вдох.

«Доргрил, с Кипресом я закончил. И с тобой мне больше нечего делать. Я теперь отправлюсь прикончить Торкина Гинта и выполнить свое обещание Таллинору... независимо от того, нравится тебе это или не нравится».

Старший бог ни секунды не колебался и заговорил елейным тоном, предполагающим его удивление тем, что Орлак в нем когда-то сомневался: «О-о, мне, конечно, это нравится,

племянник. Это же и был наш план, не правда ли? И я считаю, что должен перед тобой извиниться. Мое поведение было ужасно. Я полностью завладел твоим телом. Не знаю, что на меня нашло».

Орлак знал, что ему нужно выбрать один вариант из двух. Он взял себя в руки, вспомнив милую улыбку Лаурин и то, что он отвоевал ей свободу, и заставил себя говорить нейтральным тоном. Совсем недавно ему показалось, что единственное, что имеет значение — это свобода Лаурин. Сейчас он запретил своему телу каким-либо образом демонстрировать ярость. Юный бог врал также гладко, как и его дядя: «Ты был прав. На какое-то время я забыл про свой путь, и ты правильно напомнил мне, что мы не демонстрируем милости».

«Правда?» — Доргрила было не так легко обмануть. Он поглубже запустил пробный щуп в поисках хитрости, но ничего не обнаружил.

Орлак продолжал говорить, не обращая внимания на щуп, словно его не почувствовал: «Я не могу позволить тебе снова это сделать. Но я тебе в некотором роде благодарен за то, что ты совершил. Это заново пробудило меня».

Доргрил рассмеялся. В его голосе звучала такая жестокость, что Орлак почувствовал, как выходит из себя. Ему было очень трудно сдерживаться. Юный бог мог легко схватить нож, воткнуть его себе в грудь, и таким образом прямо сейчас со всем покончить. Доргрилу же придется поселиться в теле любого человека, который будет в тот момент проходить рядом, поскольку долго он вне тела Орлака не проживет. Но именно образ Лаурин, стоящий перед глазами, не позволял Орлаку так поступить. Мысль о возможной новой встрече заставила его выбрать жизнь, а не смерть, и отчаяние, а не спокойствие. Молодой бог знал, что между ними никогда не может быть ничего, кроме ненависти. Он помнил, как девушка сказала, что сделает все, что в ее силах, для его уничтожения. И он обещал ей, что между ним и ее отцом обязательно будет столкновение.

Доргрил прекратил забавляться: «Я не верю ни слову из этого. Но если это означает, что мы не будем сражаться из-за владения твоим телом, то я счастлив со всем согласиться».

«Ты мне не веришь?»

«Нет. А ты мне веришь?»

«Ты показал, что тебе нельзя доверять. Но у нас есть соглашение, не правда ли? После победы над Гинтом и теми, кто его защищает, я помогу тебе нанести поражение моему отцу. Затем мы расстанемся».

«Это отличный план», — в голосе Доргрила звучал сарказм.

И снова Орлак заставил себя сохранять спокойствие.

«А стратегию ты придумал?»

«Она сформируется сама. Не беспокойся на этот счет».

«Я имею в виду: а как ты вызовешь моего отца?»

«В этом нет необходимости. Он сам появится. Верь мне».

И хотя Орлак ему не верил, он улыбнулся.

\* \* \*

Первым на опушку вышел Гидеон.

«Спокойно, сынок», — прозвучал мягкий, ровный голос Солианы.

Огромная волчица сидела рядом с его родителями. Они обнимались, словно любовники, на влажной земле в Великом Лесу. Недалеко от них с обалдевшим видом сидели Арабелла и Саллементро. Когда в поле зрения появились другие, Саксон тут же попытался встретиться взглядом с Саллементро, который отказывался на него смотреть. Но затем клуку уже не потребовалось ничего объяснять. Он почувствовал, как особое свечение умирает внутри него. Он догадался о значении происходящего. Свечение связывало его с Элиссой с той минуты, когда он впервые увидел ее в тот судьбоносный день в цирке Зорроса. В тот день «Летающие Фоксы» выступали в городе Фрэгглшем. Он и до этой минуты знал, что

Элисса отправилась к Свету, Тор понял это в ту секунду, когда она упала среди неприветливых гор Роркъяля. Но он не хотел принимать то, что знал, и поэтому продолжал игру. Он возвращался сюда, чтобы посмотреть, не сможет ли ее спасти Великий Лес.

Но Саксону требовалось посмотреть правде в глаза. Элисса мертва. Он был ее Паладином, но провалился в выполнении своей роли, в ее защите. Он не отдал свою жизнь ради спасения ее, как было предназначено.

Услышав слова волчицы, Гидеон замер на месте, не в силах оторвать глаз от распростертых фигур. Одного взгляда на Арабеллу и Саллементро было достаточно, чтобы понять всю трагическую историю. Здесь царила смерть. Саксон, шатаясь, прошел мимо него. По обоим бокам Гидеона встали два его крепких Паладина. Темезиус опустил одну огромную руку на плечо парня, и тот почувствовал, как между ними открылся канал мысленной связи. Никто не произносил ни слова, но по каналу перетекала сила. Справа Фиггис тоже взял его за руку и присоединился к мысленному каналу связи.

«Держись, парень», — прошептал карлик.

Гидеон не мог сдерживаться. Он чувствовал пустоту внутри себя, оцепенело глядя на то, как Саксон рухнул на колени рядом с Элиссой. Юноша испытал облегчение, увидев, как отец пошевелился, затем встал на колени и обвел взглядом собравшихся. Гидеон ненавидел себя за чувство облегчения, растекавшееся по всему телу. У отца было грязное лицо с остатками слез, волосы растрепались. Его выражение вызывало ужас, как и мертвое тело рядом с Тором.

— Она ушла. Я не мог спасти ее, — пробормотал он. После того, как эти слова были произнесены, и до всех дошло их значение, воцарилось тишина. Она давила.

Тишину нарушило появление Клута. Сокол с Тором обменялись какими-то словами, потому что Гидеон увидел свежие слезы, льющиеся из глаз отца. Птица устроилась у него на плече.

Саксон гладил волосы Элиссы и холодную щеку. Он в последний раз смотрел на это красивое лицо.

«Теперь у тебя больше не будет никаких проблем, моя девочка. Я провалился. Прости меня за то, что потерял тебя. Пусть Свет хранит тебя».

Но Элисса больше не могла его слышать.

Тор встал, а Клут беззвучно взлетел на вершину дерева. Что бы ни сказал сокол, это придало Тору сил. Он как-то взял себя в руки, снова огляделся и почувствовал свинцовую печаль остальных.

— Дармуд Корил не смог до нее добраться. Это было ее собственное решение. — Тор шагнул к сыну и обнял его. — Твоя мать сама сделала выбор. Я его не понимаю, но уверен, что Элисса не стала бы покидать нас, если бы на то не было очень веской причины. — Тор еще крепче прижал к себе парня, и обратился к остальным. — Элисса пожертвовала жизнью, чтобы спасти нас от какой-то угрозы. Мы не должны допустить, чтобы эта жертва была напрасной. Нам следует готовиться к появлению Орлака.

«Мы должны отдать ее назад, деревьям», — произнесла Солиана спокойным голосом.

— Нет! — разворачиваясь, закричал Гидеон. В глазах у него стояли слезы.

Темезиус и Фиггис снова оказались рядом с ним, а Тор наклонился, чтобы поднять тело любимой жены.

«Она принадлежит им, дитя», — сказала волчица. Саксон наклонился и поцеловал обвисшую руку.

— Ее заберет Дармуд Корил? Тор кивнул.

— Саллементро?

Музыкант, который так пока не произнес ни слова, подошел к ним, наклонился и поцеловал ту, с которой был связан особой связью. Другие последовали его примеру, пока не остались только Тор с Гидеоном. Им предстояло прощаться последними.

«Я не стану с ней прощаться, — прошептал Тор в сознание сына. — Каким-то образом я увижу ее вновь. Может, только тогда, когда мы встретимся в царстве Света».

Гидеон поцеловал мать в щеку, не в силах сдержать эмоции: «Может, быстрее, папа. Я не думаю, что она снова так легко тебя отпустит».

«Я тоже так не думаю, сынок. Я считаю, что ей было очень трудно оторваться от нас».

Они услышали голос Дармуда Корила, обращавшегося к ним.

— Дети мои, — произнес он с большой грустью на красивом лице. — Отдайте мне нашу любимую Элиссу. Я должен вернуть ее тело.

— Куда? — спросил Гидеон.

— В то место, где она должна находиться по праву, — ответил бог.

\* \* \*

Орлак увидел, как к нему приближается какой-то человек, и тут же прикрыл щитом зрение, чтобы Доргрил не узнал об этом. Также молодой бог закрыл свои мысли, связанные с приближением незнакомца, потому что Доргрил, как обычно, их просматривал.

Орлак потерял глаза, словно туда попала соринка и беспокоила его, и притворился, будто слушает мнение Доргрила.

«Я не думаю, что наши друзья в темнице нам все рассказали», — задумчиво произнес старший бог.

«Правда?» — ответил Орлак, поворачиваясь спиной к Кайрусу. Почему этот человек настолько глуп? Почему он вернулся? Зачем?

«В них есть какая-то тайна, которую сразу же не заметишь. Я всегда это подозревал. Кстати, что у тебя с глазами? Я ничего не вижу».

Внезапно слова Доргрила открыли дверцу в сознании Орлака. Конечно! Тит и Джуно защищали Лаурин. Кто они? Он так и стоял спиной к Кайрусу, который прятался в тени. Молодой бог почувствовал, как Кайрус отправляет мысленный зов. Значит, солдат совсем не тот, кем кажется.

Доргрил продолжал болтать, но Орлак не обращал на него внимания. Ему требовалось время подумать. Он уселся на ближайшую скамью, преднамеренно спиной к Кайрусу, но открыв для него все чувства. Теперь голос Доргрила звучал недовольно.

«Что еще?» — вспыхнул Орлак внутри.

«Я спрашивал, что ты здесь делаешь? — повторил старший бог. — Нюхаешь лаванду?»

«Нет! Оставь меня в покое! Я хочу подумать».

Доргрил собирался говорить дальше, но Орлак его остановил.

«Убирайся!» — приказал он и почувствовал себя сильнее после того, как это сказал. Он помнил неприятное чувство, когда его родич овладевал всем его телом. Он никогда больше не позволит ему это сделать.

Дядя загрустил.

«Скажи мне, когда будешь готов разговаривать. Нам нужно подготовить план».

Орлак вдохнул ночной воздух и позволил себе думать о том, о чем хотел. Если Тит и Джуно защищали Лаурин с самого начала, это означает, что они с самого начала знали, кто он. Он подумал о Джуно и о том, как хитро она всегда с ним справлялась. Она всегда вела себя вежливо, не было даже намека на неподчинение, но, тем не менее, женщина никогда не находилась у него под контролем. У нее очень внимательные глаза, и действовала она всегда очень осторожно.

Орлак вспомнил их первую встречу и понял, как ловко Джуно убедила его не ложиться с ней в постель, хотя он собирался это сделать. Почему? Она не боялась его, как все остальные во дворце. Нет, точно не боялась. Она вела себя уважительно, и он знал, что это уважение не рождено страхом. Причина была другой, гораздо менее ясной уловимой. Он заставил свой живой ум работать напряженнее, и, наконец, получил ответ. Наконец то, что так долго смотрело ему в лицо, дошло до него.

Джуно была из Паладинов.

Доказательств у Орлака не имелось — он просто знал, что прав. Та Джуно, которую он

знал, обладала очень сильными магическими способностями, но была старухой. Она оказалась на много лет ее моложе, но он понял, что это одна и та же женщина. А Тит... О нем даже не пришлось долго размышлять. Это был морук Адонго. Конечно. Теперь все приобрело смысл.

А человек, который сейчас украдкой пробирался по кипреанским садам, несомненно вернулся ради спасения Паладинов. Зачем еще так рисковать? Хотя Орлак очень долго сражался с Паладинами, он вынужден был ими восхищаться. Эти воины обладали огромной смелостью и мужеством.

Ему в голову пришла еще одна мысль. Возможно, этот солдат тоже из Паладинов. Он же Чувствующий, так почему бы и нет? Орлак задумался еще на мгновение, а затем по его лицу расплылась улыбка.

Кайрусон... старый разбойник. Самый хитрый из десяти. Он ему всегда нравился. О, Свет! Орлак молча восхищался ими всеми и тем, как они боролись с его огромной силой. И вот они снова здесь, и снова бросают ему вызов.

«Чему ты улыбаешься?» — спросил Доргрил.

— Я просто думал, — сказал Орлак достаточно громко, чтобы Кайрус его услышал. — Я не хочу сегодня ночью отправляться в темницы.

«Но я хочу их допросить. И почему ты говоришь вслух?»

— Потому что мне нравится делать то, что хочу я, а не то, что хочешь ты. Если я решу говорить вслух, то буду говорить вслух. А если я не хочу отправляться в караульное помещение и разговаривать со служанкой и моруком, то и не стану.

«А если я хочу?» — спросил Доргрил, который не понимал внезапной перемены в настроении Орлака.

«Мне нет дела до того, что ты хочешь. Теперь я буду делать только то, что хочу я, дядя. Я устал. Я хочу спать».

«Я не дам тебе заснуть».

«Думаю, что у тебя не получится. Я утром сообщу тебе свои планы насчет Таллинора».

«Зачем ждать так долго?»

«Потому что сейчас поздняя ночь. Потом, отдохнув, я смогу четко все продумать. Это ты виноват в том, что я так устал».

«Почему я чувствую, что ты что-то задумал?»

«Никаких тайн, дядя. Мы хотим одного и того же, как ты сам сказал. Дай мне отдохнуть, дай нашему телу отдохнуть, и завтра мы отправимся в Таллинора».

Кайрус в тени не мог поверить в то, что слышал. Это ловушка? Или Орлак преднамеренно сообщал ему, где искать тех, за кем он вернулся? Происходящее ставило его в тупик. Молодой бог был слишком опасен, чтобы у него что-то переспрашивать, поэтому Кайрус обратился к собственной интуиции, предпочитая попросить совета у нее.

Бывалый воин погрузился в собственные мысли, но обратил внимание, что Орлак ушел в сад и, как он надеялся, направится потом в личные покои. Кайрус не услышал, как к нему сзади подошел человек. Когда рука опустилась ему на плечо, только годы тренировок позволили ему не вскрикнуть от испуга и удивления. Он развернулся с мечом в руке, и мгновение спустя понял, что его испугал Херек.

— Прости, — тихо сказал прайм-офицер. Кайрус силой воли привел дыхание в норму.

— Что ты здесь делаешь, парень?

Именно так Кайрус обращался к Хереку в старые добрые времена. Херек, который обычно был очень серьезным и отвечал сухо, на этот раз улыбнулся.

— Не мог тебя бросить.

— Но я же именно это и приказал.

— Я отменил твой приказ. Я — старший по званию. В любом случае, зачем мы здесь?

— Из-за Паладинов, Джуно и Адонго. Они защищали Лаурин, с которой связаны. Нам нужно их спасти.

— Откуда?

— Очевидно, из караульного помещения.

— А откуда это известно? — прошептал Херек, осторожно оглядываясь.

— Мне об этом сказал Орлак.

Херек на мгновение замолчал, обдумывая услышанное.

— Зачем твоему заклятому врагу предоставлять тебе полезные сведения?

Кайрус покачал головой:

— Понятия не имею. Я прикидывал, верить ей или нет, когда ты меня испугал.

— И что?

— Так и не решил. Хела в безопасности?

Херек хитро посмотрел на бывшего командира. К счастью, было слишком темно, и прайм-офицер не заметил, насколько разозлен на себя его друг из-за того, что спросил про Хелу, а не про Сэйрел.

— Пока королеву Сэйрел спрятали, — ответил Херек. — Твоя Хела с ней.

— Она не «моя Хела».

Херек пожал плечами.

— Женщины в безопасности, и их защищает старший член совета старейшин. Лаурин тоже в безопасности, чему я очень рад. Она уже на причале.

Кайрус перевел взгляд со щенка, который вошел в сад, на солдата, который скорчился рядом с ним.

— Ты имеешь в виду — на «Вороне», который сейчас уже идет к Киракавии?

Херек вздохнул:

— Никто не отправится без тебя.

— Будь ты проклят, Херек! Я же отдал приказ! — прошипел Кайрус.

— А я тебе ответил. Я его отменил. Теперь давай освобождать этих людей, и тогда уже отправимся на корабль все вместе.

Кайрус кипел внутри и молчал.

— Ты снова собираешься обращаться к своей интуиции? — спросил Херек, рискуя разжечь легендарный гнев Кита Кайруса.

К счастью, этого не случилось. Кайрус внезапно встал, и прайм-офицер последовал его примеру.

— Он знал, что я здесь. Он слишком умен. Он также преднамеренно сообщил мне эту информацию, как и вернул нам Лаурин.

— Ты что-нибудь из этого понимаешь?

Кайрус покачал головой.

— Нет. Но ко мне вернулась память после возвращения всех Паладинов в мир. И я помню, что этот сумасшедший, с которым мы сражались на протяжении веков, обладал определенным благородством. Когда один из нас сдавался, не в силах больше противостоять его атаке, он прекращал ее. У него имелись какие-то принципы и чувство собственного достоинства. Он позволял нам какое-то время оплакивать потерю. Вел Орлак себя странно. Он был безжалостен, обладал огромной силой, но, тем не менее, иногда странно демонстрировал милость.

— И ты думаешь, что сейчас как раз проявилось это благородство? И поэтому он сказал тебе, где находятся твои друзья? — пораженно спросил Херек.

Кайрус пожал плечами.

— Я не знаю. У меня нет объяснений. Он вернул нам Лаурин. Зачем ему это делать? Он мог сегодня убить меня, причем гораздо быстрее, чем человек способен моргнуть глазом. О, Свет, он мог убить нас всех, включая Короля. Но не сделал этого, что ставит в тупик. Орлак никогда не был предсказуемым, это точно. Но на этот раз я точно ничего не понимаю.

— А ты можешь связаться с этими двумя друзьями, как связываешься со своим парнем?

— Я бы это сделал, но, боюсь, нас подслушивают.

— Но он уже сам показал тебе путь!

— Нет. Я имею в виду другого, которого он упоминал. Доргрила.  
— Ну тогда давай пробираться к караульному помещению. Время-то идет.  
— Вот именно, — кивнул Кайрус. — Не думаю, что стража с радостью отдаст пленных. Ты готов погибнуть, сражаясь рядом со мной, Херек?  
— Я всегда был к этому готов, — ответил прайм-офицер, доставая меч.

\* \* \*

— Я должен пойти к нему, — настаивал Рубин. Джил потер глаза.  
— Я это запрещаю.  
Рубин и глазом не моргнул, выражение его лица не изменилось. Он просто смотрел прямо в глаза королю и не отводил взгляда, затем тихо заговорил.  
— Мы с вами похожи. Ни один из нас не знал настоящего отца, но мы знали любовь, которая очень похожа на родительскую.  
Король был ошарашен — не внезапной сменой темы разговора, но тем, что Рубин, похоже, знал такие точные детали.  
— И что? — спросил Джил, словно защищаясь.  
— Это все, — ответил Рубин. — Я должен идти. Лаурин проснулась. Я думаю, что вам следует находиться рядом с ней.  
— Откуда ты знаешь? Я заглядывал к ней несколько минут назад.  
— Я ее брат, сир. Мы... связаны.  
Рубин развернулся, и Джил смотрел, как молодой человек покидает корабль и целеустремленно уходит в ночь. Ну и парень! Он только и делает, что ставит людей в замешательство.

Джил направился к трапу, который вел вниз, к каютам, и выкрикнул новый приказ Локки.

— Я готов и могу отплыть, когда вы будете готовы, сир... И когда на мой корабль вернется прайм-офицер Херек. Без него я не отчалю, — ответил капитан «Ворона».

Король сказал себе, что из-за всего этого неподчинения должны полететь головы. Но дело было в том, что чувство опасности отходило на второй план. Он думал о том, что в капитанской каюте лежит молодая женщина, которую он очень сильно любит. Внезапно в этот момент все перестало иметь значение, кроме мысли о том, что она в безопасности.

Он бросился к ней, перепрыгивая через две ступеньки.

\* \* \*

Они почти все сделали, почти добились успеха, не пролив ни капли крови. Ни один человек не рухнул без сознания. Кайрус считал, что Орлак, вероятно, даже снял часть стражи в ту ночь, потому что войти в караульное помещение оказалось даже слишком легко, как и найти дорогу в подземные камеры.

— Где все? — нервно прошептал Херек.

— Считай, что нам повезло, но все равно прикрывай мне спину.

Два солдата очень осторожно ступали, спиной к спине продвигаясь по короткому темному коридору. В одном конце тускло горел единственный факел. Они как раз направлялись туда.

Они подошли к последней камере и заглянули в тень, моргая. Мужчины с трудом различили в глубине тела, свернувшиеся на полу.

— Адонго?

— Кто это? — прозвучал женский голос. Кайрус его не узнал. Голос прозвучал испуганно.

— Джуно?

Послышался шорох. Люди в камере поднялись на ноги.

— Кто это? — на этот раз звучал мужской голос. Очень осторожный. — Здесь нет Адонго. Меня зовут Тит.

Кайрус не мог сдержать улыбку. Это был такой знакомый голос.

— Мой старый друг, меня ты не обманешь. Это Кит Кайрус. Ты знал меня, как Кайрусона из Паладинов.

Сквозь решетки камеры просунулись руки, и внезапно Кайрус почувствовал, как его крепко схватили. Появилось смуглое лицо.

— Мы у тебя в долгу. Спасибо.

Слова были простыми, но глаза человека, который их произносил, передавали гораздо более сильные чувства. Кайрус ответил на объятия и кивнул. Возбуждение от воссоединения с Адонго вызвало ком в горле.

— Свет снова свел нас вместе.

— И снова мы вместе в опасности, — сказала красивая маленькая женщина, которая появилась рядом с Адонго.

Кайрус оценивающе оглядел ее.

— Это не та Джуно, которую я помню, — признался он. Они рассмеялись. Херек цыкнул на них.

— Кайрус, мы должны спешить.

— Это Херек, прайм-офицер Таллинора. Я имею честь называть его другом.

Несмотря на страх, Херек почувствовал гордость при этих словах. Он вежливо кивнул освобожденным пленникам.

— Времени мало, — сказал он. — Где ключи?

— Вон там, — показала Джуно. — Тюремь в Кипресе плохо охраняют. Мы — первые заключенные после двух из тех, кто испытал на себе Поцелуй Серебристой Девы.

Кайрус нахмурился.

— Лучше не спрашивай, — предупредил Адонго.

Херек принес ключи и попытался как можно тише открыть камеру.

— А где стража? — спросил прайм-офицер.

Адонго пожал плечами. Ответила Джуно:

— Их недавно куда-то позвали. Мы не представляем, куда и почему.

— Нам повезло, — сказал Кайрус, открывая дверь и обнимая Джуно. — Мне определенно нравится эта новая Джуно.

Он улыбнулся, потом притянул к себе Адонго. Улыбка спала с лица морука.

— Где он? — спросил Адонго. Кайрус понял, кого он имеет в виду.

— Занят.

Джуно было очень тяжело задать этот вопрос, но она знала, что должна это сделать:

— Расскажи нам о Лаурин.

— Она в безопасности, — ответил Кайрус. — Она сейчас на корабле, отплытие которого задерживается только потому, что мы должны были вернуться за вами.

На их лицах сразу же отразилось облегчение. И Адонго, и Джуно радовались хорошей новости после трех дней страданий и мучений от неизвестности. Они не представляли, что случилось с Лаурин.

— Вам следовало нас оставить, — укоризненно заметила Джуно.

— Ну, Херек, конечно, хотел, — сказал Кайрус, кивая на пораженного прайм-офицера. — Но я о таком даже и подумать не мог.

Он подмигнул, а Херек нахмурился.

— Я думаю, что нам пора отсюда убираться.

Как раз когда он это произнес, в другом конце коридора появились три стражника.

— И прорываться с мечами, — успел сказать Кайрус до того, как стражники набросились на них.

Рубин вошел в кипреанский дворец, воспользовавшись западными воротами, как и ранее в ту ночь. Однако на этот раз там дежурил стражник, и молодой человек предпринял

меры предосторожности, сделавшись невидимым на то короткое время, которое требовалось, чтобы пройти мимо дежурившего человека. Солдат в любом случае не обращал внимания на происходящее, потому что мочился у края дороги. Тем не менее, Рубин решил не рисковать, и для его целей не требовалось прилагать особых усилий. Он любил проворачивать этот трюк — становиться невидимым, чем часто выводил Кайруса из себя. Парень дразнил приемного отца с раннего возраста, освоив превращение в невидимку совсем ребенком.

«Ты это почувствовал?» — проворчал Доргрил, которого ставила в замешательство их бездеятельность.

«Да, почувствовал», — спокойно ответил племянник.

«И что?»

«Это сын Гинта. Третий сын, Рубин».

«Похоже, ты его знаешь».

«Мы встречались... пока ты был занят другим».

«И?»

«Ничего. Он сказал мне, кто он, когда я отдавал ему назад сестру, — Орлак пожал плечами. — Кажется, я упомянул щенка».

Доргрил заворчал. Он снова разозлился: «Ты слабак, как и твой отец!»

«Только ты это знаешь, дядя. Я его не видел с младенчества, если помнишь».

Старший бог продолжал, словно Орлак не произнес ни слова: «Слабак, как отец и как брат».

«Поосторожнее, Доргрил».

Дядя разумно прикусил язык.

Они снова почувствовали в воздухе волшебство. На этот раз Рубин отправил зов. Они прислушались.

«Ты где?»

Они услышали ответ Кайруса среди лязга металла.

«Скажи мне, что ты не здесь, будь ты проклят».

«Я здесь».

«Ну, тогда помоги нам. Херек уже упал!» — крикнул Кайрус и с силой ударил по кому-то мечом.

Кайрус отчаянно сражался. Они попали в ловушку в темнице, стояли спинами к стене. После того, как один стражник падал, сраженный мечом Кайруса, его место тут же занимал следующий. Херека ранили в пах, и из раны сильно текла кровь. Этот трусливый удар нанес сбитый с ног стражник, который выбросил вверх руку с кинжалом.

— Адонго! — крикнул Кайрус, не видя, что происходит за спиной.

— Пока он жив. Но долго не протянет, если не оказать ему помощь.

Кайрус сражался, как одержимый. Он оскалил зубы и отбросил атакующих назад. В свое время, когда бывалый солдат возглавлял отряд «Щит», никто не мог сравниться с ним в мастерстве владения мечом. И в этом коридоре, полном ужаса, все навыки, нюансы и тонкости мастерства всплыли на поверхность. Херек улыбнулся, хотя из раны текла кровь, а с ней уходила и жизнь. Джуно, которая поддерживала его и просила еще немного продержаться, показалось, что его улыбка пришла откуда-то издалека, когда он еще раз с восхищением смотрел на то, как Кит Кайрус размахивает мечом. Нынешнему прайм-офицеру он казался танцором, каждый взмах делался правильно, удары наносились очень четко и выверено.

Кайрус изматывал противника до тех пор, пока не получал возможность нанести смертельный удар. Как Херек может лежать здесь в луже собственной крови, пока бывший прайм-офицер сражается так доблестно? Нет, они должны умереть вместе. Бок о бок. Херек не бросит Кайруса, пока Свет не заберет его к себе.

Херек мощно оттолкнулся, удивившись собственной силе, издал громкий таллинезский боевой клич, поднялся на ноги и очень вовремя снес голову одному из стражников. Ему хотелось еще раз постоять в бою рядом со своим бывшим прайм-офицером. К сожалению,

это был последний удар, который нынешний прайм-офицер Херек нанес в своей жизни. Он почувствовал смерть на конце кипреанского меча с зазубринами по краям и тяжело упал к ногам Кайруса. Свет, наконец, забрал себе одного из самых смелых воинов.

Кайрус чувствовал, что слабеет, а еще один противник вставал в очередь, чтобы занять место того, с которым бывший прайм-офицер сражался сейчас. Один упадет, и сразу же на его месте окажется следующий. Бывалый солдат знал, что они погибнут без помощи Рубина. Ему казалось, что Адонго с Джуно, как и он сам, не наделены никакими особыми талантами. Он был воином. Теперь его работа заключалась в том, чтобы сражаться до последнего вздоха и защищать тех, кто стоял у него за спиной.

Но когда Херек внезапно вскочил на ноги с боевым кличем, Кайрус почувствовал, как кровь забурлила в жилах. В нем закипела ярость. Но эта злость превратилась в отчаяние, когда один из кипреанцев сделал выпад, и меч воткнулся Хереку в живот. На мгновение Кайрус замешкался, глядя на то, как друг падает к его ногам, и почувствовал, как к нему самому приближается меч противника. Вначале противник собирался резануть ему по плечу, но теперь меч спускался вниз, чтобы отрубить кисть.

Он ожидал этот удар. Будет ли ему рад? Кайрус не мог сказать с уверенностью. Но он собрался с силами. Его последняя мысль была о молодом человеке, которого он любил вместо сына, умершего в младенчестве.

Кайрус почувствовал удар, но не тот, после которого хлещет кровь. Вместо этого создалось ощущение, словно весь воздух внезапно высосали у него из легких. Он также почему-то почувствовал, что все вокруг загорелось, закрыл глаза и скорчил гримасу от странной боли. Если бы Кайрус повернулся назад, то увидел бы подобные выражения на лицах Адонго и Джуно. Впереди себя он заметил только шок на лицах атаковавших. Тело Херека, лежавшего у его ног, обмякло. Прайм-офицер уже ничего не чувствовал.

«Почему?» — прогрохотал голос Доргрила в сознании Орлака. Кроваво-красный туман вылился туда, где молодой бог совсем не хотел его ощущать.

Орлак силой заставил его убраться назад, Теперь он лучше знал, как использовать свою силу против старшего бога, и почувствовал, как тот сдается. «Я одержу над тобой победу», — сказал он сам себе. Дяде он ничего не говорил, только пожал плечами.

Старший бог был выведен из равновесия. Он не ожидал такой силы. Орлак же еще не использовал ее в полной мере и, вероятно, не знал всего, на что способен. Впервые очутившись в плоти племянника, Доргрил сказал себе, что будет полагаться на собственную хитрость и уловки. Молодой бог невероятно силен, обладает поразительным могуществом, но даже сейчас он едва ли открывал колодец, из которого черпал эту силу.

«Отвечай мне!» — заорал Доргрил. Ему оставалось использовать против Орлака только одну ярость.

Племянник вздохнул и ответил тихо и спокойно: «Я сделаю все так, как хочу я, а не ты».

«Отправишься в Сердце Лесов?»

«Да. Именно это мне надлежит сделать».

Кайрус почувствовал, как стремительно падает. Он перекатился на спину со стоном, не смея открыть глаз. Он знал, что все еще сжимает меч в руке, и был готов нанести удар, как только сделает пару вдохов.

Потом он подумал, что теперь чувствует под собой деревянные доски, а волосы ему развивает свежий морской ветерок. Все ощущения вернулись к нему, он уловил запах рыбы, услышал скрип корабля. Кайрус пораженно открыл глаза, а потом сел, тяжело дыша.

— Что такое?...

— Кайрус, — прозвучал знакомый голос Рубина. — Расслабься.

Бывший прайм-офицер ошарашено огляделся. Взгляд у него был диким. Он выделил в толпе лицо молодого капитана корабля, Локки, а также солдат и членов команды, которых помнил.

— Это «Ворон»? — в неверии спросил он, ища глазами Рубина.

Чьи-то руки аккуратно подняли его. Это был король, который выглядел таким же пораженным, каким чувствовал себя Кайрус.

— Я этого не понимаю, — признался Джил.

Рядом находились Адонго и Джуно. Выглядели они тоже обалдело, смотрели затуманенным взором и пытались прийти в себя.

Перед Кайрусом появился Рубин.

— Да, мы на «Вороне». А теперь должны отправляться в путь.

Рубин подчеркнул последнюю фразу, и Локки, все еще не пришедший в себя и неспособный произнести ни слова после того, как увидел труп Херека, кивнул и сразу же стал отдавать приказы хорошо отрепетированными жестами, которым его научил муж сестры. Он был благодарен опытной, хотя и маленькой команде, которая мгновенно реагировала на сигналы. Судно было готово к отплытию уже несколько часов и, казалось, прошло всего несколько минут прежде, чем они снялись с якоря. Отходили они столь же тихо, как и причаливали. Никто не обратил на них внимания. В ту ночь боги улыбались им, ветер набрал силу и быстро направил в открытое море. «Ворон» оправдал свою репутацию, ловко скользил по волнам, прорезая воду, как нож, и нес свой ценный груз к берегам Таллинора.

Кайрус потряс головой, чтобы она прояснилась, и посмотрел на Короля.

— Херек мертв, — сказал Джил. У него в горле стоял ком.

— Я знаю. Он здесь?

Король кивнул и отступил в сторону, чтобы Кайрус увидел распростертое тело верного прайм-офицера.

— Херек, — грустно сказал Кайрус, перемещаясь к старому другу. Он встал на колени рядом с ним и коснулся лица. — Храбрый Херек.

Он взял руку солдата и приложил к собственному сердцу, а потом прошептал те особые слова, которые произносят только воины над телами своих павших товарищей.

Кайрус закрыл глаза солдата, и почувствовал присутствие Рубина, который склонился над умершим рядом с ним.

— Спасибо, — поблагодарил Кайрус, поворачиваясь к тому, с кем был связан особой связью. — Спасибо, что забрал и его вместе с нами.

## **Глава 33**

### **Камни зовут**

«Ворону» помогал сильный ветер, и корабль преодолел путь до Таллинора быстрее, чем когда-либо в прошлом. Ему предстояло встать у причала Карадуна всего через несколько часов. После побега из Кипреса все пребывали в мрачном настроении, люди почти не разговаривали. Смерть Херека очень сильно беспокоила Кайруса и короля, оба почувствовали, как их тянет друг к другу. Они часто тихо беседовали на палубе, разговоры затягивались до поздней ночи. По большей части они обсуждали Лориса. Теперь Джил увидел своего отца в начале царствования глазами бывшего прайм-офицера, и понял, каким хорошим другом и верным воином короля был Кит Кайрус.

Капитан страдал не меньше. На Локки очень сильно повлиял вид мертвого прайм-офицера Херека. Иногда ему казалось, что корабль идет назад сам по себе, и он никак не использует свой опыт. Он несколько раз благодарил команду за их поддержку. Моряки сгрудились вокруг молодого капитана и вели судно по знакомым водам в родной порт.

Казалось, Лаурин пришла в себя, но держалась отстраненно. Она не упоминала случившееся с ней и продолжала закрываться особым щитом от Адонго и Джуно. Хотя она не избегала их и вежливо с ними разговаривала, оба чувствовали холодок и то, что перед ними как бы закрывают дверь. Однако оба ее Паладина были умны, и набирались этой мудрости на протяжении веков. Поэтому, несмотря на беспокойство, они понимали: Лаурин пережила ужас, с которым не справилось бы большинство людей. Они знали, что девушка

общается с Рубином по личному каналу мысленной связи, и считали, что это пойдет ей на пользу.

Рубин совершил мастерский трюк, появившись из воздуха не только с четырьмя людьми, но и с извивающимся у него на руках щенком с золотистым окрасом шерсти. Лаурин сразу же заявила, что это ее щенок, и объяснила, что ей его подарили. Жест Рубина растопил лед и помог сложиться отношениям между братом и сестрой. Хотя вначале они немного робели друг с другом, Кайрус поражался, насколько часто юноша смеялся вслух по поводу сказанного Лауриной. Это было особенно заметно, потому что раньше его смех раздавался очень редко. Теперь же он сделался не только частым, но и по-настоящему радостным.

Лаурин стояла на палубе, кутаясь в шаль, потому что дул сильный ветер, и позволила Джилу обнять себя.

— Теперь ты веришь в наши магические способности? — прошептала она.

— Я стал свидетелем странного волшебства. Я видел все это собственными глазами. Как я могу не верить в тебя? — прошептал он ей в мягкие волосы.

— Ты должен нам доверять.

— Нам?

— Моему отцу, матери, братьям... — она замолчала.

— Лаурин...

Она тряхнула головой.

— Со мной все в порядке. Просто на меня накатывают волны страха, когда я думаю, что моя семья находится под угрозой.

Джил крепче обнял ее и смотрел, как приближаются причалы Карадуна.

— Я не позволю, чтобы тебя еще когда-нибудь коснулось какое-то зло. Я посвящу свою жизнь защите моей королевы. Она развернулась, попыталась улыбнуться, но у нее ничего не получилось.

— Ты не можешь меня защитить, мой король. Не от него.

— Ну, тогда я умру, попытаюсь.

— Тогда ты умрешь, — тихо произнесла Лаурин. — Он приближается, и его гонит зло. Я слышала и видела зло изнутри. Мы все можем умереть.

Джил не мог придумать никаких слов утешения. Ее смирение с судьбой было полным.

— Ну, тогда мы сделаем наши последние вздохи вместе, любовь моя, потому что я не хочу жить без тебя.

Теперь она прямо посмотрела ему в глаза.

— Нет. Я не позволю ему принести тебе зло. Ты нужен Таллинору.

Увидев огонь в ее глазах, Джил поверил ей.

Кайрус заметил, что король и Лаурин стоят рядом, и понял, что это, вероятно, их последние минуты вдвоем. Вскоре «Ворон» причалит и начнется последний этап путешествия, которое длится уже несколько столетий. Кайрус испытывал страх перед предстоящим, отчаяние из-за смерти Херека и беспокойство о том, как защитить Рубина от сумасшедшего бога. Но при мысли о том, что они снова окажутся среди деревьев, он почувствовал, что плохое настроение уходит.

«Он отпустил нас, верно?» — спросил Кайрус, подходя поближе к Рубину, который смотрел на море, пока все остальные глядели на Карадун.

Рубин кивнул.

«Как ты думаешь, почему он позволил нам бежать?»

«Я думаю, что он помог нам сбежать».

«Но зачем помогать нам добраться до места, где в нас вливается сила? Он определенно знает про Сердце Лесов».

Молодой парень пожал плечами: «Я не могу догадаться, почему... Возможно, он хочет победить нас именно в том месте, где мы чувствуем себя наиболее сильными. Так его победа окажется еще слаще».

«Ты в это веришь?»

«Нет».

«Рубин, пожалуйста, скажи мне, что ты думаешь».

Молодой человек вздохнул: «Думаю, он хочет, чтобы мы его уничтожили. Именно поэтому он и позволяет нам добраться до Сердца Лесов, где мы сильны... где мы чувствуем себя в большей безопасности».

Они недостаточно сильно прикрывали щитом свой канал мысленной связи. Рядом с Рубином, с другой стороны, появилась Лаурин.

«Я согласна, — пожала плечами она. — Простите, что подслушивала. — Казалось, никто из них не возражал, поэтому она продолжила. — Орлак страдает. Я видела это. — Она замолчала, и мужчины тоже молчали, глядя в море, пока она собиралась с силами. — Когда Доргрил делал самое худшее... когда мы с ним соединились... я чувствовала ненависть и отчаяние Орлака. Мы можем использовать это против него, но нам нужно обсудить этот с папой».

Кайрус кивнул.

«В последний раз, когда мы с ним связывались, они как раз заходили в горы Роркъяля вместе с Готом», — сообщил он.

«А когда это было?» — спросила Лаурин.

«Позапрошлым вечером».

«Значит, его работа закончена».

«Нам следует с ним связаться?»

Она покачала головой: «Я хочу его удивить, если все не против, хотя чувствую, что он, наверное, сам с нами вскоре свяжется», — ответила она.

Они все не осознавали, что во время их разговора Элиссу в последний раз нежно поднимали из рук мужа.

Ее дети никогда ее больше не увидят.

— Ты с нами не поедешь? — мягко спросил король у молодого человека, который в целости и сохранности доставил его назад в Таллинор.

Локки низко поклонился.

— Сир, я должен вернуться домой и навести порядок в делах. Я обязан позаботиться о других людях, — сказал он, думая о молодых женщинах из таверны. Локки выпрямился, посмотрел на короля и даже попытался улыбнуться. — Кроме того, я не обладаю магическими способностями. Больше от меня толку для вас не будет.

— Насчет этого я сам решу, — сухо ответил Джил. — Херек говорил мне, что ты хочешь вступить в отряд «Щит».

Джил увидел, как в грустных до этого глазах Локки вспыхнули огоньки.

— Да, сир, — сказал он и сильно покраснел, правда, его смелость не покинула его. — У меня всегда были амбиции.

Теперь король улыбнулся.

— И большие амбиции? — спросил он.

Локки откашлялся, думая о Хереке и о том, сколько для него значила встреча с этим человеком.

— Если мне представится возможность, сир, то я буду стремиться стать прайм-офицером.

Выражение лица Джила не выдавало никаких эмоций, он только слегка приподнял бровь. Король знал, что значит иметь подобное сильное желание. Он помнил, как сам ценил возможность обучаться под руководством Херека в должности его помощника. Джил сам надеялся, что когда-то наступит день, в который он станет первым человеком при Лорисе. Молодой король с грустью подумал, как хотел стать главным защитником отца. Локки еще достаточно молод, чтобы научиться военному делу... А если такой человек находится на борту корабля... Это может оказаться очень большим преимуществом.

— О-о, ты высоко метишь, — заметил король.

— Да, сир. Это неправильно?

— Совсем нет. Так, парень, решай свои проблемы на севере, а затем приезжай в Тал. Тогда мы подробно обсудим твое будущее.

Локки выглядел так, словно был готов лопнуть от гордости. Груз смертей Эйрин, Квиста, а затем еще и Херека, который сильно давил ему на плечи, казалось, слегка уменьшился, и парень широко улыбнулся впервые за много дней.

— Я приеду, сир. Постараюсь побыстрее.

Король протянул руку, как было принято в Таллиноре.

— Таллинор многим тебе обязан, Локлин Гилбит. Мы будем рады тебя видеть при дворе в любое время.

Покинув причал после прощания с Локки и его командой, все чувствовали какую-то пустоту внутри. По краям этой пустоты также подползал страх. Король отправил часть подчиненных в Киракавию. Там должно было остаться небольшое подразделение, а основным силам приказали возвращаться в Тал и ждать следующих указаний. Джил снова брал на себя командование... как прайм-офицер и король.

— Что теперь? — спросил Джил у Кайруса.

До того, как солдат успел ответить, в голове возник знакомый холодок. Резко открывался канал мысленной связи. Это же ощутили Рубин, Лаурин, Адонго и Джуно.

К ним обращалась Солиана.

«Где вы?» — кратко спросила она напряженным голосом.

«В Карадуне», — ответил Рубин.

«Поторопитесь. Воспользуйтесь помощью деревьев, и не задерживайтесь нигде. Вы нужны вашему отцу».

Она закрыла канал связи, не позволив больше ничего обсудить.

Глядя на внезапно изменившиеся выражения лиц спутников, Джил заподозрил, что что-то случилось.

— В чем дело? — повернувшись к Лаурин, спросил он.

— Я думаю, что возникли какие-то проблемы, — обеспокоено ответила она. — У нашего отца.

Командование на себя взял Кайрус, надеясь, что король простит ему это оскорбление.

— Рубин, ты можешь доставить нас всех на место?

Молодой человек кивнул с серьезным видом. Кайрус снова повернулся к королю.

— Ну, тогда мы едем в Карембош, сир.

— А что потом? — спросил Джил в замешательстве.

— Потом будет самое необычное путешествие, которое вы когда-либо сможете проделать в вашей стране, сир, — ответил Кайрус.

\* \* \*

Доргрил строил планы. Его раздражал Орлак, который был слишком задумчив и закрылся от него. Старший бог никогда не мог читать мысли племянника, но интуиция подсказывала ему, что сейчас он находится в опасной ситуации. Он знал, что так когда-нибудь сложится. Пришло время полностью завладеть Орлаком. Дядя должен это сделать до того, как они доберутся до Великого Леса.

Глубоко в глубине души Доргрил чувствовал, что Дарганот, Король Сонма, будет там, станет ждать его. Поэтому Доргрилу требовалось полностью взять под контроль все силы племянника, если он хочет заново войти в землю богов и разобраться со своим слабым братом.

«Как мы отправимся в путь?» — спросил он у племянника. Тот сидел с грустным видом на балконе и смотрел на красивые королевские сады, в которых так часто гулял с Лаурин. Младший бог был погружен в размышления. «Естественно, поедем не на медленном корабле со скоростью улитки?» — продолжал Доргрил.

Орлак молчал, что раздражало.

«Скажи мне. Я заинтригован», — настаивал дядя. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы скрыть раздражение под сладким голосом.

«Когда я буду уверен, что они прибыли на место, я тебе скажу. До тех пор оставь меня в покое».

Доргрил замолчал, но не собирался выполнять просьбу младшего родича.

\* \* \*

Рубин обратил внимание, что его камень, любимая и единственная личная вещь, которая на протяжении многих лет о себе никак не напоминала, начинает разогреваться. Юноша чувствовал, как от камня исходит жар и проникает сквозь тонкую рубашку, в кармане которой он лежал. Рубин ощутил странное спокойствие от внезапного пробуждения камня, когда вел остальных членов группы от огромного старого дуба в Сердце Лесов.

Джил был с самого начала настолько ошарашен, что не мог высказывать никаких мыслей относительно уникального способа перемещения в пространстве. У короля кружилась голова от волшебства и от понимания того, что всего несколько мгновений назад они стояли у края Великого Леса, недалеко от Карембоша. Теперь он видел, что они находятся в глубине леса. Воздух в этом месте был прохладным, солнечный свет пробивался сквозь густую листву. Лаурин крепко сжала руку Джила, пытаясь успокоить. «Доверяй, — постоянно повторял он себе, словно слыша предупреждения матери. — Доверяй волшебству». Он почувствовал облегчение: вскоре они снова встретятся.

Король не осознавал, насколько ему ее не хватало во время этой странной череды событий после того, как он на огромной скорости выехал из Тала в погоню за ее дочерью.

Их встретила огромная серебристая волчица.

«Пойдемте», — только и сказала она, развернулась и побежала прочь.

Хотя молодой король не услышал ее призыва, он почувствовал страх, который словно нахлынул на небольшую группу людей. Все тронулись вперед. Джил посмотрел на Лаурин, которая крепко прижимала к себе щенка Пелисса.

Она быстро покачала головой.

— Мы идем за ней, — только и прошептала девушка и вдруг почувствовала успокаивающее тепло. Это камень, который она всеми силами хранила во время пленения, начал просыпаться.

Солиана молча вела их по лесу, пока они не вышли на знакомую опушку. Лаурин опустила Пелисса на землю и побежала к отцу. Он крепко прижал ее к себе, но никаких радостных слов приветствия не прозвучало, не было улыбок или слез радости от новой встречи с ней. Сама Лаурин почувствовала облегчение, оказавшись в объятиях его сильных рук, и не уловила печаль Тора. Даже отступив назад, она не задумалась о его странном приветствии, потому что к ней склонился Гидеон и крепко обнял сестру.

Он тоже очень старался не расплакаться.

«Ты...» — заговорил он.

«Со мной все будет в порядке, — отмахнулась она, теперь заметив его печаль, а потом обратилась к Гидеону по каналу связи, к которому не мог подключиться никто, кроме них двоих. — Что происходит?»

Ей хотелось знать, почему матери нет на опушке, но Гидеон только снова обнимал ее.

«Пусть отец все объяснит».

Внезапно его камень, лежавший в нагрудном кармане, стал горячим. Гидеон почувствовал странное спокойствие, которое немного облегчило грусть.

Кайрус быстро понял, что случилось что-то серьезное. Было легко заметить, что встречающие сдерживают чувства, несмотря на счастливые крики Лаурин, радующейся воссоединению с семьей. Сердце Кайруса судорожно забилося в груди при виде комичной пары, появившейся из другой части Великого Леса. Гигант и его спутник, карлик, не узнали

его. Конечно, Кайрус в эти дни выглядел совсем по-другому. Но их глаза сияли от радости при новой встрече с Адонго. Внезапно бывший прайм-офицер и Джуно почувствовали себя чужими в кругу людей, отлично знающих друг друга.

Кайрус отправил мысленный зов одному Тору, который казался странно лишенным каких-либо эмоций.

«Спасибо за то, что привел их», — сказал Тор до того, как бывший прайм-офицер успел вымолвить хоть слово.

«Я всегда держу обещания. Объясни мне, что происходит», — отправил следующие фразы в сознание Тора Кайрус.

«Подожди, — ответ был произнесен мягким тоном. — Поздоровайся со всеми. Это важно для Паладинов».

Появились Небесные Огни, началась их песня. Потом возник мерцающий образ Дармуда Корила.

— Добро пожаловать назад, смелые душой Паладины, — сказал он тихо, но радость его была очевидна.

Казалось, несколько слов, произнесенных богом, открыли в них какой-то клапан. Создавалось впечатление, будто они все сдерживали дыхание, а после его приветствия резко выпустили воздух. Мгновенно все десять Паладинов восстановили старую дружбу, которая уходила в прошлое на века. Они улыбались друг другу и плакали и особенно были рады, узнав Кайруса и Джуно.

За этой счастливой сценой наблюдал Джил. От вида Дармуда Корила у него отвисла челюсть. Он был уверен, что никогда больше ничего подобного не увидит. Он, смертный, чувствовал, как вокруг бурлило сильнейшее волшебство. Наконец, под сенью Сердца Лесов воссоединились все Паладины. Но где его мать?

Он отчаянно хотел снова ее увидеть. Джил уже даже повернулся к Торкину Гинту, чтобы спросить об ее местонахождении, но по какой-то причине сдержался. Что-то в манере поведения высокого черноволосого мужчины подсказывало ему, что следует подождать. Элисса сама вскоре появится. Король подумал, что мать, вероятно, собирает цветы для Лаурин, скорее всего, травы, которые использует для лечения.

Джил улыбался, наблюдая, как обнимаются Паладины, и внезапно почувствовал, что ему столько нужно сказать матери. Его отец умер, и теперь у него осталась только она. Она и Лаурин. Дорогие королевы Таллинора. От этой мысли он снова улыбнулся. Король уже не думал о страхе, который чувствовали все. Он мечтал о будущем, когда Таллинор выживет после натиска Орлака, а сам Джил увидит Лаурин на троне рядом с собой. Юноша не мог сказать, почему, но не сомневался, что это видение Лаурин на троне возникло у него в сознании как раз в то мгновение, когда появился Дармуд Корил.

Во время воссоединения Паладинов Тор испытывал разнообразные чувства. Мысли путались. Он стоял неподвижно, уйдя в себя, поскольку это казалось лучшим способом справиться с хаосом внутри... Он только так мог сказать о своих чувствах. И все это время что-то настойчиво звало Тора. Он не был уверен, что это, но зов был сильным, постоянным. Это что-то хотело обратить на себя его внимание. В сознании появились искры Цветов, яркие и ослепительные. Они обращались к нему, но Тор временно отодвинул их в сторону.

Элисса. Он не мог о ней думать. Его сердце обливалось кровью, и так и будет кровоточить, пока он не умрет после потери любимой. Но пока у него оставались силы, он должен направить свои мысли на Орлака. Элисса и кровь вернутся позднее... если это «позднее» вообще наступит. Тор хотел бы чувствовать ту же радость, которую в эти минуты испытывали Паладины, но вместо этого ощутил грусть. Он виноват в том, что все эти прекрасные души вынесли столько боли и печали. Именно потому, что его отец Дарганот отправил его сюда, все эти люди теперь смело жертвуют своей жизнью... во второй раз.

Он с отсутствующим видом отметил щенка с золотистым окрасом шерсти, который обнюхивал каблук Гидеона. Тот, в свою очередь, представился Рубину. Тор почувствовал острое разочарование из-за того, что подвел собственных детей. Два брата до этого дня ни

разу не видели друг друга, а теперь им придется срочно строить отношения, которые их свяжут. Им явно будет неловко и некомфортно, но они должны доверять друг другу. Кто знает, с чем им придется столкнуться? Кто знает, каково их предназначение? Лаурин, которая стояла так близко к нему, уже заплатила из-за него высокую цену. Защищая отца, она отдала часть себя безумцу.

Появилась злость. Он не должен сдаваться. Пока нет. Вначале все должны узнать причину его печали.

Он впервые заговорил.

— У нас очень грустные новости.

Все Паладины замолчали. Тор говорил вслух, чтобы его также мог слушать и Джил. Он боялся за короля. В конце концов, Элисса была его матерью, пусть и приемной, поскольку не произвела его на свет. Тор взял Лаурин за руку. Он опасался и за нее.

— Ваше величество, — сказал Тор и почтительно поклонился монарху.

Джил удивился этой вежливости Гинта. В такой обстановке он забыл про весь королевский протокол. Но это неудивительно при таких-то странных обстоятельствах! В ответ король только кивнул человеку, который забрал сердце его матери.

— Спасибо. Могу ли я спросить, где Ее величество?

Он не собирался усиливать ее связь с собой, но во всем, что касалось матери, Джил чувствовал себя беспомощным. Она была бывшей королевой, женой его отца, Лориса. Они — его родители. Но не позволит другим не замечать ее отсутствия, хотя и не демонстрируя собственные переживания по этому поводу. Юноша заметил, как несколько человек, собравшихся перед ним, занервничали и переступили с ноги на ногу после того, как он задал вопрос. Торкин Гинт бесстрашно встретился с ним взглядом. Его невероятно яркие темно-голубые глаза смотрели прямо в его собственные.

— Об этом я и хочу говорить, сир, — признался Тор.

— Хорошо, — ответил Джил в замешательстве. — Тогда позовите ее. Давайте все соберемся вместе. Мне постоянно повторяют, что время — наш враг. Тем не менее, мы стоим здесь, нас вежливо представляют друг другу, мы наблюдаем за трогательным воссоединением. Не пора ли строить планы?

Он забеспокоился, когда Гинт покачал головой.

— Нет, сир. Никаких планов. Он придет, а мы его встретим.

Лаурин снова взяла короля за руку и бросила взгляд на Гидеона. Что-то случилось с ее матерью. Теперь она в этом не сомневалась, потому что иначе Элисса обязательно встречала бы их, вернувшихся в целостности и сохранности в Сердце Лесов. Девушка чувствовала, как пышет жаром ее камень, в то время как сердце судорожно билось в груди. Что за неприятные новости?

Все глаза следили за Торкином Гинтом, который сделал глубокий вдох. Появился Клут и опустил на ближайшую к нему ветку.

«Покажи мужество, — прошептала птица Тору в сознание. — Как сделала она».

Тор расправил плечи, отбросил другие мысли и принялся рассказывать печальную историю.

## Глава 34

### Судьба

«Они ждут нас», — внезапно сказал Орлак.

«Откуда ты знаешь?»

«У меня есть способы это узнать».

«Расскажи мне о них».

«Нет».

Он снова смотрел сквозь глаза Пелисса на Лаурин и видел ее печаль.

Значит, плохие новости. Она услышала про смелость матери. Орлак увидел, что рядом

с ней стоит король, потрясенный и бледный. Прислушиваясь повнимательнее, молодой бог даже уловил гневные восклицания короля Таллинора после получения новости. Сквозь глаза щенка он заметил еще одного знакомого, который стоял слева от Лаурин. Саксон. Клук. Шестой.

Пелисс что-то вынюхивал в круге из людей и волка (или волчицы). Интересно, а зверь — это Клут или Солиана? Последнюю пару Паладинов Орлак пока не нашел. Он обнаружил восемь из десяти и по какой-то необъяснимой причине почувствовал гордость при виде их. Старый Нанак, Хранитель, один раз прошептал ему, что между любовью и ненавистью один шаг. Их разделяет очень тонкая черта. Орлак в ярости никогда не понимал этого чувства, но теперь понял. Бог знал, что Лаурин ненавидит его, но возможно она также его и немного любит, и ничего не может с собой поделать.

И он сам, ненавидя Паладинов — ведь они в течение столетий держали его в заточении — также любил их каким-то странным образом.

Он восхищался их смелостью, упорством и настойчивостью, и уважал их за то, что они так решительно идут на смерть. Они знали только боль и отчаяние от его магии, тем не менее, были готовы снова встретиться с ним. Молодой бог почувствовал определенное возбуждение от их преданности цели и тем, кого они защищали. И да, он считал, что любит их за эту преданность. Орлак грустно подумал о том, что это значит — быть любимым кем-то в ответ. Он решил, что никогда этого не узнает.

Орлак обратил внимание, что Пелисс боится волка или волчицы, задумался над этим и снова заметил великолепного сокола, который всегда находился поблизости. Он стал вспоминать все, что видел, в поисках любых подсказок. Почему щенок так боится? Было очевидно, что это не простой волк. Орлак знал, что если подумает достаточно долго, то ответ сам придет к нему.

«Чего мы ждем?» — прошипел дядя.

«Тихо! — рявкнул Орлак. — Дай мне подумать».

И он оказался прав. Ответ пришел. Солиана, Третья. Она была магическим зверем, который принимал много образов на протяжении столетий. Орлак вспомнил серебристую лошадь, а потом серебристую медведицу. А теперь волчица. Щенку, конечно, не понравится другой зверь с такими волшебными способностями, как у Солианы. Их ощущения должны быть похожи. Это объясняет явное нежелание щенка к ней приближаться.

Значит, Клут — это сокол. Когда и почему случилось это превращение, Орлак мог только гадать, вспоминая не очень красивые черты лица человека из Роркьяля.

Он стал думать дальше. Десять. Раньше они не смогли с ним справиться и не смогут теперь. Они ему не соперники. Но тогда почему они думают, что способны его победить? Он вспомнил слова Рубина. Орлак поискал его сквозь глаза щенка и увидел молодого человека. Он сидел рядом с солдатом, которого Орлак знал, как Кайрусона. Тем не менее, казалось, что Рубин сидит отдельно от других. Он отстранен, молчит. Трое. Мы тебя уничтожим, — объявил парень. Каким образом?

Теперь его внимание сосредоточилось, наконец, на Торкине Гинте. На его брате. На человеке, которого отправили убить его. У него было доброе лицо... и грустное. Они оба знали, что такое потерять женщину, которую любишь. Его брат выглядит очень отлично от него самого. Полная противоположность. Сам Орлак златовласый, с фиалковыми глазами, а его брат — темноволосый с привлекающими внимание темно-голубыми глазами. Орлаку тоже стало грустно. В другой жизни, в другой ситуации они могли бы быть близки, стать добрыми друзьями. Между ними могла бы возникнуть сильная братская любовь. Вместо этого они выступают друг против друга. Один должен уничтожить другого, чтобы выжить. Орлак надеялся, что их отец появится и станет свидетелем того, что сам задумал.

Рядом с братом Орлака сидела молодая версия Гинта. Это было странно. «А-а, — подумал Орлак, напряженно вглядываясь сквозь глаза Пелисса, — это третий ребенок. Другой брат Лаурин».

«Все на месте. Все ждут», — он не осознал вначале, что произнес мысль у себя в

сознании.

«Что? Почему ты так напряженно смотришь? Что ты видишь?» — воскликнул Доргрил, не в силах сдерживать раздражение.

«Помолчи, дядя. Мы близки к цели».

\* \* \*

Первый шок сменился слезами. А когда слезы закончились, Друзья Сердца Лесов неловко замолчали. Солиана, как и обычно, предложила перекусить, но это предложение не вызвало ни у кого энтузиазма, хотя еда и была приготовлена. Теперь все тихо переговаривались друг с другом и гадали, что может случиться. Все думали над тем, что именно послужит началом последнего сражения. Ведь наверняка они ждут его? Орлак приближается, но когда и как появится, никто не знал. Однако они осознавали, что все дело в этом. Последнее сражение в Сердце Лесов готовилось на протяжении столетий. В это время ломались души, терялись жизни, а потом люди возрождались снова. Или умрет Орлак — или они. Теперь не повернуть назад, не убежать.

Постепенно все снова обратили внимание на Тора, Того Самого. Теперь только он один поведет их.

Тор поднял голову, отвлекшись от своих мыслей. Какое-то время он ощущал, что за ним наблюдают внимательные глаза. Его словно прощупывали, осматривали. Когда он увидел, что все собравшиеся смотрят на него, то решил, что этим все и объясняется. Тем не менее, оставалось смутное ощущение, будто его «коснулся» кто-то еще. Невозможно было отделаться от этой мысли.

«Ты это чувствуешь?» — спросил он у Клута.

«Глаза? Да. Странно. Что это?»

«Я не знаю. Но послушай меня. Не нужно никакого героизма».

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Я хочу, чтобы ты жил, Клут».

«Но не за счет тебя, сын мой. Ты забыл: я — Паладин... Кроме того, я связан только с тобой. Я умру до того, как увижу, что пострадал ты».

«Клут, пожалуйста, я...»

«Тихо, Тор. Больше обсуждать нечего. Момент настал. Теперь мы встречаемся с нашей судьбой. У меня есть своя судьба, а у тебя — своя. Давай смело пойдем ей навстречу. Жизнь или смерть не изменят того, как я любил тебя все эти годы и люблю теперь. Я чувствую твою печаль. Я также вижу твой гнев. Пусть смерть Элиссы не станет тщетной. Не допусти этого. Давай не позволим нашим смертям — если от нас попросят этого — тоже сделаться тщетными. Я не боюсь».

На глаза Тора навернулись слезы. Благородство Клута всегда было таким сильным и вдохновляющим.

«Я тоже не боюсь».

«Тогда веди тех, кто слепо и верно последует за тобой, независимо от того, какие преграды встанут перед ними. Не трать их дорогую кровь в нерешительности. Будь верен сам себе. Ответы лежат внутри тебя. Помни, Тор, ты — Тот Самый».

Тор огляделся вокруг.

— Кто-то хочет чем-то поделиться? Возможно, сейчас у нас последняя возможность это сделать.

На него посмотрели лица, которые все еще искажала боль от шокирующей новости о смерти Элиссы. Тор остро чувствовал их пустоту. Все, включая его самого, очень много трудились, чтобы подойти к этой минуте, и, тем не менее, когда они все оказались здесь, никто из них не знал, что от них ожидается. Они не знали, как использовать волшебство, подвластное им, чтобы оно дало результат. Люди смотрели на него, чтобы он показал им, как, а Тор сам чувствовал себя беспомощным.

Все Паладины оставались неподвижны, как статуи, единственным, кто двигался между ними, казалось, без определенной цели, был щенок Пелисс. Он бегал у них между ног, только не приближался к Солиане. Тор до этой минуты не обращал внимания, что волчица уже какое-то время ведет себя беспокойно. Она стала принюхиваться, а потом тихо ходить за пределами круга, в котором играл Пелисс. Этот круг сформировали Паладины и Троица.

У Солианы из горла стало вырываться тихое рычание. Вначале оно было очень тихим и почти незаметным, но постепенно усиливалось. Вскоре уже все смотрели на волчицу. Она приоткрыла пасть и показала длинные угрожающие зубы.

Это еще больше обеспокоило всех, и два солдата в группе инстинктивно потянулись к мечам. Каким-то образом Кайрус знал, что это бесполезно, но он любил держать оружие в руках, это успокаивало. Он обратил внимание, что король прихватил с собой лук, который был среди оружия, складированного на «Вороне». Кайрус видел стрелы в красивом оперении, которые торчали из колчана. Ему самому нравилось стрелять из лука. В те дни, когда он был прайм-офицером, никто, за исключением короля Лориса, и близко не приближался к его результатам. Он сбивал птиц в полете с таким мастерством, что король, в конце концов, объявил, что отказывается соревноваться с ним. В эти минуты Кайрус на мгновение задумался, умеет ли Джил также хорошо стрелять из лука, как отец. Прайм-офицер пообещал себе, что если они переживут этот день, то он обязательно это выяснит. А пока все чувствовали страх от странного поведения Солианы.

Она теперь не только рычала. Казалось, ее странные желтые глаза смотрят на щенка с золотистым окрасом шерсти, который счастливо играл у них среди ног.

— В чем дело? — спросил Тор. — Он приближается?

«Нет, — прорычала она. Это был ледяной голос, который никто из них никогда от нее раньше не слышал. — Он уже здесь».

И с этими словами она прыгнула к Пелиссу, и ее огромная пасть накрыла шею щенка. Пелисс закричал в ужасе.

Как только волшебная связь с Пелиссом нарушилась, Орлака отбросило назад.

«Время», — тихо сказал он перед тем, как в последний раз вдохнуть аромат королевских садов Кипреса и отправить мощный зов.

Доргрил, застигнутый врасплох, почувствовал, как воздух вокруг них зашипел. Он знал, что у него в распоряжении всего несколько секунд, и, приложив все силы, которые он только смог собрать, старший бог яростно направил красный туман растекаться по телу, в которое вселился. Орлак в это время направлял их к цели, используя очень сильное волшебство, позволяющее переноситься с места на место в пространстве. Из-за действий родича он мгновенно ослаб. А что еще важнее, Доргрил отвлек его во время концентрации энергии, которая требовалась для перемещения тела по магическим плоскостям. Так он планировал за несколько секунд переместиться из Кипреса в Сердце Лесов.

Орлак не мог одновременно отражать чудовищные усилия Доргрила и перемещаться в нужную точку. Ему требовалось сделать выбор.

Лаурин принялась кричать, испугавшись за свою собаку. Все остальные члены группы в Сердце Лесов пришли в панику. Однако огромная волчица отпустила щенка практически сразу же после того, как ударила по нему, поскольку почувствовала, как дух бога, который использовал его глаза и уши, исчезает.

«Он вышел из собаки», — спокойно сообщила Солиана по каналу мысленной связи.

Все заговорили одновременно, ошарашенные этой новостью.

— Тихо! — приказал Кайрус, который первый пришел в себя после сообщения Солианы. — Сформируйте круг и повернитесь наружу.

— Не теряйте бдительности, — добавил Саксон. Из-за нервозности он высказал свои мысли вслух.

Все молчали и ждали. Старый страх перед встречей с Орлаком снова воцарился среди Паладинов. Это было знакомое чувство. Сокол тоже его почувствовал.

«Теперь держитесь, — прошептал Клут своим товарищам. — Наша задача выполнена,

Паладины. Теперь наступил черед Тора и Троицы. Мы должны просто помочь им выполнить то, ради чего их сюда прислали. Держите канал связи открытым, несмотря ни на что». Затем он добавил только для Тора по их личному каналу связи: «Твое время пришло, сын мой».

У Тора не было времени на ответ. Вначале он это почувствовал.

«Орлак приближается, — сказал он, обводя взглядом всех и задерживая его на каждом из собравшихся. Этот взгляд воспринимался ими всеми, как прощание. — Смелые Паладины, спасибо вам, — мягко добавил он, затем посмотрел на каждого из детей, которых любил. — Троица... вы должны сделать то, что вам предназначено. Я не знаю, что это. Но вы сами поймете, когда придет время. Верьте себе. Отомстите за вашу мать».

Тор почувствовал, как Клут опустил ему на плечо, и это его успокоило. Он также ощутил, как Гидеон, Лаурин и Рубин двигаются друг к другу. Тем временем, девять других Паладинов тоже собрались вместе и инстинктивно выстроились в форме стрелы за его спиной. Джил отошел назад в кусты, прямо за Лаурин, держа наготове меч и лук. Он спасет ее, будет сражаться за нее и умрет за нее, если это от него потребуется.

Вокруг собравшихся на опушке начали содрогаться деревья, а мягкий солнечный свет, который проникал сквозь листву, казалось, потускнел, и все погрузилось во тьму. Под ними задрожала земля, словно вот-вот разверзнется. Дети Тора взяли за руки и открыли сознание друг для друга.

«Пусть Свет ведет нас», — произнес Кайрус.

Воздух над головой стал кружиться, поднимая с земли пыль и листья, которые опали с деревьев в минуты сильных страданий. Потом воздух стал переливаться, вначале был мертвенно бледным, затем приобрел золотистый оттенок, который становился все интенсивнее. Наконец собравшиеся на опушке Друзья Великого Леса смогли различить человеческую форму. Это был высокий и широкоплечий мужчина... Безумный.

Его глаза горели красным цветом.

«Доргрил!» — закричала Лаурин.

Шум вокруг него стих. Земля прекратила рокотать, но деревья в Сердце Лесов продолжали тихо стонать. Им совершенно не нравился зверь в их рядах.

— Добрый день, Тот Самый и все остальные, — сказал Доргрил, широко улыбаясь губами Орлака.

Тор взял ситуацию под контроль.

— Я не буду с тобой разговаривать, — объявил он и увидел, как улыбка исчезает на лице Орлака.

— Не будешь со мной говорить? — взбесилось существо, говорившее низким и очень неприятным голосом. — Ты знаешь, кто я?

— Доргрил. Подлый захватчик, который вселился в бога с трагической судьбой. Тебе нет места в Сонме и нет места здесь. Изгнанный зверь! Убирайся отсюда! — в гневе сказал Тор.

«Приведение его в ярость — мудрая тактика», — заметил Клут. Его слышал только один Тор.

— Я буду говорить только с Орлаком, — настаивал Тор.

— Ты будешь говорить со мной, дурак, до того, как я уничтожу тебя и всех твоих жалких защитников. А-а, Лаурин, моя дорогая, синяки прошли? Я не хотел применять силу в такой мере, когда мы лежали вместе в постели.

Девушка почувствовала, как выходит из себя. Раздражение готово было вот-вот выплеснуться наружу, но братья так сильно сжали ей руки, но она не могла пошевелиться. Никто не брал в расчет Джила, который выскочил из кустов, размахивая мечом, после того, как услышал, что к Лаурин обращаются столь гнусным образом. Лук с единственной стрелой, которую он держал наготове, выпал у него из рук, когда он бежал к богу, и упали под ноги Кайрусу.

Орлак взмахнул рукой, и короля Таллинора отбросило через головы собравшихся к одному из огромных дубов. Он летел с такой силой, что точно не выжил бы после удара о

дерево, если бы дуб ловко не склонил ветви и не поймал его еще в полете. Ветки быстро подняли обмякшее тело ввысь, а потом переправили дальше, прочь от места, где разворачивалось действие. От Джила не было толка против Орлака. Он лишь помешает Дружьям Великого Леса.

Лаурин заплакала, но ей помог успокоиться тихий голос Рубина: «Деревья защитят его. Не бойся за него... только за нас».

Собравшиеся вокруг Тора друзья пришли в замешательство, услышав, как Тор ухмыльнулся. Они считали бессмысленным еще больше выводить из себя яростного бога. Тем не менее, Тор продолжал это делать, и они верили ему.

— Вот оно, Доргрил? Да? Это самое лучшее, что ты можешь сделать, обладая такой силой в кончиках пальцев? А король-то ведь еще и смертный...

— Тебе пришло время умереть, Гинт, — объявил Доргрил.

— Я готов. Мы все готовы, трус, — закричал в ответ Тор. — Но позволь мне взглянуть на брата. Позволь мне собственными глазами взглянуть на этого несчастного, в которого ты вселился.

Они все почувствовали, как истинная суть Орлака с гневом проталкивается мимо Доргрила, пытается оттеснить его в сторону.

— Ты умен, Гинт, раз пытаешься натравить нас друг на друга, — заметил старший бог.

Тор не обращал внимания на Доргрила.

— Ты меня слышишь, Орлак? Выгони этого демона и посмотри на меня. Или ты так боишься меня, что прячешься?

Они увидели, как красный туман в глазах бога слегка потускнел, и на мгновение появилось что-то другое, просвечивая изнутри.

— Я вижу, что ты прячешься за дядей. Значит, все столетия сражений только ради этого? Ты позволишь ему получить удовольствие, уничтожая нас? Отдашь его ему? И мы отправимся на смерть, зная, что ты трус и вероятно всегда был им. Клут больше не считал, что Тор действует мудро.

«Тор...»

«Тихо. Смотри».

Тело златовласого мужчины задрожало. Лицо жутко исказилось от внутренней борьбы. Паладины и Троица в ужасе и очаровании смотрели, как два бога сражаются в одном теле за главенство. Из рта Орлака вырвался жуткий гортанный звук. Собравшиеся решили, что его издал Доргрил, который отчаянно сражался, чтобы удержать позиции.

По каналу мысленной связи Тор слышал вопросы испуганных Паладинов.

«Верьте мне. Лисе однажды сказала мне, что Доргрил оказался в Пустоте из-за своей самонадеянности и надменности. Она говорила, что самонадеянность снова приведет к его падению».

Никто ничего не понял, но друзья продолжали верить в Торкина Гинта.

«Что ты предлагаешь сделать?» — спросил Клут по их личному каналу связи.

«Вызвать его наружу».

«Куда?»

«В меня».

«Ты тоже сошел с ума?»

«Это единственный способ».

«Почему?»

«Я достаточно силен, чтобы с ним справиться».

Тор услышал, как Клут в гневе щелкнул языком у него в голове. Все продолжали наблюдать за чудовищной битвой, которая разворачивалась у них перед глазами. Тело Орлака покрылось потом. Он прилагал невероятные усилия, чтобы изгнать из него дядю. Мгновение казалось, что Орлак побеждает, потому что глаза теперь определенно стали фиалковыми.

«Почему ты так уверен?» — спросил сокол.

«Потому что я умнее брата и...»

«И что, Тор?» — теперь Клут кричал у него в сознании.

«Мне больше нечего терять».

«Кроме собственных детей?»

«Кроме собственных детей, — эхом повторил он и грустно добавил: — И друзей. — Он вытянул руку и быстро погладил сокола. — Ты должен доверять мне».

Тор снова посмотрел на брата. Деревья вокруг них сильно скрипели и стонали. Звуки были неприятными.

— Добро пожаловать в Сердце Лесов, Орлак, — крикнул Тор, и златовласый бог уставился на него в ответ. В фиалковых глазах горела ярость. Он тяжело дышал.

— Я не намерен проявлять к тебе милость. Не больше, чем Доргрил, — прозвучал истинный голос Орлака.

— Меня не интересует твоя милость.

Бог кивнул:

— Возможно, тебе будет интересно узнать, что твоя Элисса умерла доблестно. Она выманила Ксантию и Доргрила, увела их от твоей дочери и удерживала достаточно долго, чтобы Лаурин смогла сбежать.

Орлак видел, как Тор дернулся при упоминании имени жены. Он знал, что принес ему боль.

Тор плотно сжал челюсти. Он не позволит так легко сломать свою целеустремленность. Он сделал глубокий вдох и стал действовать дальше.

— Доргрил, я знаю, что ты меня слышишь. Я знаю, что ты хочешь. Я сам хочу только уничтожить своего брата. Я предоставляю тебе свое тело, если ты мне поможешь.

В сознании Тора открылся новый канал мысленной связи, и в нем зазвучал мерзкий голос: «Почему?»

«У тебя есть знания. У тебя есть сила. Объедини их с моими — и мы сможем его победить. А затем мое тело становится твоим. Ты сможешь им управлять».

«Я снова спрашиваю: почему?»

«Потому что я уже потерял то, что люблю».

«А-а, Элиссу. Знаешь, она была очень смелой до самого конца».

Тору пришлось использовать всю свою волю, чтобы ответить, не демонстрируя отчаяния.

«Я слышал», — только и сказал он.

Тор боролся с искушением узнать больше. На кончике языка вертелось множество вопросов, но он прикусил его и заставил себя демонстрировать спокойствие. Он видел, как Орлак высоко поднял руки. Тор мгновенно воздвиг мощнейший щит вокруг них всех, чтобы выиграть время и отразить то, что вот-вот направят в них. Он попробовал в последний раз.

«Иди ко мне, Доргрил. — Тор шагнул вперед. — Я открываюсь для тебя. Я — бог. Я же тот, кто тебе нужен, не так ли? Я могу дать тебе то, что ты желаешь, а в моем теле ты можешь быть всемогущим».

Деревья зашептали, выражая свое отчаяние. Появились Небесные Огни, и их обычное приятное пение теперь звучало не в унисон и злобно. Они носились вокруг Тора и просили его этого не делать. Паладины усилили связь, мощно соединяясь друг с другом. Они не представляли, что может случиться, но знали, что им потребуется объединенная сила для отражения этого. Пелисс начал лаять, а трое детей с беспокойством звали отца.

Потом люди внезапно замолчали, ошеломленные и прикованные к месту среди какофонии звуков. Они видели, как кроваво-красный туман поднялся из тела Орлака и закачался над ним.

«Ты готов?» — спросил Клут у Кайруса так, что его слышал только он один. Голос звучал напряженно.

Кайрус нагнулся и поднял лук, который лежал у его ног, потом положил на него стрелу и приготовил к стрельбе.

«Я не смогу этого сделать».

«Ты сделаешь! — приказал сокол. — Может, ты и Первый, но я — Первый Паладин Того Самого. Ты сделаешь именно так, как я говорю».

Голос Клута был жестким и злым. Кайрусу план совершенно не нравился. Но он кивнул, опасаясь того, что ему велели сделать.

Орлак зашатался, тяжело дыша. Чувство свободы от сущности, которая сидела у него внутри, опьяняло.

Жар камня в кармане вывел Гидеона из состояния шока.

«Рубин! Лаурин! Камни. Они зовут нас. Где ваши камни?»

Они ошеломленно на него взглянули, не уверенные, что смогут оторвать взгляды от красного тумана. Но Гидеон смотрел на них очень напряженно, и в конце концов брат и сестра подчинились, запустили руки в карманы и достали камни. Три тускло окрашенных предмета теперь светились яркими цветами радуги, причем с такой силой, что дети временно ослепли.

Камни Ордолта наконец воссоединились, но на этот раз они были в руках богов. В этих детях текла кровь Короля Сонма и древняя кровь Хранительницы. Только они одни обладали силой командовать Камнями.

Красный туман, Доргрил, замешкался, зависнув в воздухе, поскольку тоже почувствовал присутствие огромной новой силы среди них. Но больше всего сияющие сферы поразили Орлака.

«Что теперь?» — спросила Лаурин. Цвета так сильно сияли вокруг Троицы, что волшебство почти гудело в воздухе.

«Мы должны использовать эту магию, — сказал Гидеон. — Только я не знаю, как».

«Думай!» — закричала Лаурин.

Заговорил их отец: «Это были его цветы. Но вы одни способны ими управлять».

Они посмотрели на Орлака. Он тянул руку к Камням.

— Они мои!

«Цветы! Они принадлежат Поляне. Камни могут вызвать Поляну!» — внезапно закричал Рубин.

«Соединяем сознания», — сказал Гидеон, и канал мысленной связи внезапно превратился в нечто более личное. Создалось ощущение, будто Гидеон был Рубином и одновременно Лаурин. Его сестра и брат чувствовали нечто подобное.

Паладины испугались, внезапно услышав странный древний язык, на котором заговорили трое детей. Они начали проговаривать слова магического заклинания, которые не произносились на протяжении бесчисленного количества веков.

Это был язык другого мира. Это был древний язык богов.

Вокруг них стала собираться невероятно могущественная сила, с которой никогда не сталкивался никто из присутствующих. Усилилась яркость Небесных Огней, увеличилось количество. Теперь плясали не сотни, а тысячи, которые пели благозвучно, согласованно, но яростно. Теперь они стали оглушительным хором. Звук становился все громче и громче по мере того, как сила продолжала собираться и концентрироваться у огромного дуба, за которым стояли трое детей. Воздух там сильно мерцал.

Но Клут смотрел только на красный туман. Тор еще раз предложил Доргрилу собственное тело. Сокол воспользовался представившимся шансом, пока туман колебался, а Ордолт, Поляна, внезапно появилась перед глазами всех собравшихся.

Великолепная птица взлетела вверх, яростно и сильно махая крыльями. Сокол преодолел расстояние до тумана в мгновение ока и подхватил Доргрила. Клут взмывал все выше и выше. Казалось, так быстро подниматься вверх невозможно. Пленник орал у него в сознании и яростно сражался. Но Клут крепко держал его когтями. Он слышал крики друзей внизу и мягкое подбадривание деревьев.

Он пролетел мимо доброго лица Дармуда Корила, который улыбнулся спокойной улыбкой и прошептал: «Лети смело, дорогой Клут».

Сокол взмыл еще выше, сущность извивалась, но Клут все равно тащил ее с собой. У него это получалось. Наконец они оказались достаточно далеко ото всех.

«А теперь ты должен войти в меня, чудовище», — сказал Клут Доргрилу.

Сокол знал, что у чудовища нет другого выбора. Доргрил не мог выжить вне какого-то тела дольше нескольких мгновений. Ему обязательно нужно воспользоваться его телом. Как Клут и предвидел, туман вспыхнул от ярости, а потом сокол почувствовал неприятный холодок. Доргрил вошел в тело птицы.

Некоторые упали на колени. Тор резко вдохнул воздух. Его отвлекла разворачивающаяся перед глазами сцена.

Перед ним оказалась Ордолът, вызванная Троицей — их силой, явленной над Камнями и способностью говорить на древнем языке. Она бросила взгляд на детей, которые сами светились среди фантастических цветов, исходящих от сфер, удерживающих Поляну здесь, в Сердце Лесов. Она вернулась, чтобы забрать назад три высохших и затвердевших волшебных цветка, которые принадлежали ей.

Среди многих других в невероятно красивом окружении стояли две знакомые фигуры и смотрели на него. Тор вспомнил их — они были из видения, которое ему показывала Лисе.

Дарганот и Эвагора. Родители Орлака. Его родители.

Орлак тоже был очарован и снова поднялся на ноги. Его внимание было приковано к высокому темноволосому мужчине на Поляне, который выглядел, как его брат, и красивой златовласой женщине рядом с ним. Королевская чета посмотрела вверх на Клута, который теперь как раз собирался пикировать вниз.

И только тогда Тор заметил, что Клут покинул его плечо. Пришло понимание того, что случилось. Дарганот смотрел на Кайруса и кивнул в эту минуту. Тор заметил лук у Кайруса в руках. Тор знал, что прайм-офицер прекрасно стреляет из лука.

И внезапно он понял все.

— Нет! — закричал Тор вслух.

«Клут, нет!» — также закричал он мысленно по каналу связи.

«Прощай, Тор, — прошептал Клут. — Я любил тебя в своих жизнях. Я буду любить тебя после смерти. Сердце Лесов, униженно прошу тебя принять меня в последний раз».

Клут резко полетел вниз. Доргрил яростно орал у него в сознании.

Кайрус выпустил стрелу из лука. Она воткнулась соколу в грудь и пронзила ее, убив того, кто когда-то был Клутом из Роркъяля. Первый Паладин Того Самого умер, а бог Доргрил, пойманный в капкан в мертвом, падающем теле, был в отчаянии, когда деревья Сердца Лесов жадно тянули ветви, чтобы взять одного из своих.

Тело сокола оставалось все еще высоко в воздухе, и Доргрил не успевал убежать в новое тело. Ветки деревьев ломали хрупкие косточки и перья величественного Клута, пока он не превратился в мягкую бесформенную массу. Наконец, самое высокое дерево взяло останки птицы и поглотило Клута в себя, возвращая его в убежище, которое ему предоставляло Сердце Лесов. Доргрил же отправился в темную, брошенную и пустынную тюрьму.

Никто из тех, кто в тот ужасный день находился в Сердце Лесов, никогда не забудет выражение лица Торкина Гинта. Он почувствовал отчаяние, когда свет погас внутри сокола, с которым он был связан особой связью... его любимого Клута. Паладина больше не существовало. Тор был безутешен. Элисса и Клут. Теперь в его сердце образовалась огромная брешь, и он мог в это мгновение заполнить ее только яростью.

Тор повернулся к Орлаку и выпустил на свободу все Цвета. Он больше не мог думать рационально.

Когда Цвета Торкина Гинта соединились с чистой белой яростью пульсирующего волшебства, все Паладины и его дети почувствовали всплеск новой могущественной силы.

Дарганот кивнул и прошептал с Поляны в сознание Тора: «Используй свою ярость, сын. Уничтожь его. Мы тебе поможем».

Паладины встали плечом к плечу за Тором, выстроившись в одну линию. Гидеон,

Лаурин и Рубин инстинктивно поняли свою роль в этом деле и открылись для Сонма.

Орлак бушевал:

— Ну, попробуй меня уничтожить! Попробуй! Я одержу победу над всеми вами и оставляю это место в руинах, от которых вверх поднимается дым. Выпускайте свою силу, отец, мать и брат-убийца!

И Дарганот так и сделал. Используя Камни Ордолта, чтобы провести не только свою силу, но и всю силу собравшегося на Поляне Сонма, он отправил ужасающую стрелу — волшебную связующую молнию. Когда она коснулась Камней, радужные цвета усилились, и Троица позволила использовать и свои объединенные силы. Теперь волшебство проходило сквозь Камни и становилось серебристым светом, когда касалось Паладинов.

Оно прошло сквозь каждого из них, не принеся вреда, и каждый из них внес свою собственную силу, удвоив, а то и в четыре раза усилив яростность магии. Потом оно пошло сквозь Тора. Теперь эта была стремительная, светящаяся белая молния. Соединились все Цвета, чтобы породить самую чистую магию богов.

Молния летела так быстро и так неистово, что создавала гудение.

А потом волшебство пошло уже от кончиков пальцев Тора, молнии светились белым светом и яростно ударили Орлаку в грудь. Он попытался устоять, но эта сила отличалась от всего, что он когда-либо испытывал. Даже когда его связали в первый раз, ощущения были другие. Молодой бог пошатнулся и склонился под жестоким ударом, пытаясь ударить в ответ, но на него направлялись волна за волной, пока его собственные силы не омертвели.

Лаурин заплакала, увидев, как яростно его отбросило назад, а потом связалась с отцом, даже не осознавая, что делает это.

«А это должно происходить именно так?»

Она услышала, как отец стонет. Она знала, что он очень не любит убивать при помощи собственной силы.

Орлак стал извиваться на земле, до смерти оставалось несколько мгновений.

Лаурин настаивала: «Орлак не убил ни мою мать, ни Клута. Он не насиловал меня. Он — твой брат. Разве мы не можем спасти его душу?»

Что-то в ее словах затронуло нужную струну. Тор остановился, и белый свет померк. Орлак лежал без движений и без сил.

— Торкин! — закричал Дарганот с Поляны. — Заканчивай с этим делом!

— Нет! — крикнул Тор в ответ. — Достаточно смертей! Достаточно убийств!

Он прошел к тому месту, где лежал его брат. К Паладинам вернулись древние навыки, и они создали волшебные барьеры, магическое место заточения, подобное тому, в котором много веков держали Орлака. Теперь ни один брат не бежит без санкции Паладинов — или после их смерти.

«Орлак!» — Тор видел, что брат все еще дышит, а пока он жив, оставался шанс.

«Пришел позлорадствовать?» — прошептал молодой бог.

Тор покачал головой.

«Ты мне поверишь?»

«Зачем?»

«Чтобы спасти тебя».

Бог мрачно рассмеялся сквозь боль: «Ты будешь спасать меня?»

Тор ничего не сказал. Все, кто наблюдал за ними, затаили дыхание. Орлак слабо откашлялся.

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты можешь вернуться... вернуться туда, откуда пришел. Назад, в Ордолт».

Последовала долгая пауза прежде, чем Орлак ответил слабым голосом:

«А он примет меня?»

«Может принять. Если мы отдадим цветы, которые все еще ищут. Ты позволишь мне попробовать?»

«Зачем ты это делаешь после всего случившегося?»

«Чтобы положить конец боли».

Тор опустился на колени и слегка обнял тело брата.

«Можно?»

Орлак кивнул и скорчил гримасу, когда Тор поднял его на руки. Он оказался слабее, чем полагал.

«Брат», — тихо позвал Орлак.

«Да?»

«Я могу и не добраться до Поляны».

«Пожалуйста, попытайся».

«Боюсь, что меня требует себе Таллинон. Как смешно!» — сказал Орлак. У него на губах играла улыбка, лицо начало расслабляться.

«Орлак! Возьми от меня силу».

Тор открылся для брата и увидел ужас на лицах Паладинов. Это было опасное предложение — ничего больше не потребовалось бы Орлаку для уничтожения Тора.

«А ты веришь...» — Орлак так ослаб, что даже не мог закончить фразу, которую собирался произнести.

Тор посмотрел в тускнеющие глаза Орлака и кивнул.

«Бери, сколько тебе нужно. Мы же братья».

И Орлак подпитался силой Тора.

Паладины расступились и по приказу Кайруса сняли чары, заточившие братьев в магическом кругу. Они смотрели, как Тор медленно идет со своей ношей к шокированному Сонму.

Он остановился перед Ордолът, откуда на него смотрел Дарганот. Тор увидел, как станет выглядеть сам, когда станет старше. Это была странная мысль. Он не планировал жить после этого дня без Элиссы и Клута.

— Возьмите его назад, — сказал он. Дарганот грустно покачал головой.

— Я не уверен, что мы можем это сделать, сын.

За спиной короля Сонма появилось другое знакомое лицо. Лисе. Она улыбнулась, и Тор увидел, насколько сильно Элисса похожа на нее. У него от этого сердце обливалось кровью. Пусть будет так. Он приветствует смерть.

Лисе поклонилась Дарганоту.

— Мой Король, Тор прав. Предложи Поляне принять цветы назад, хотя она часто меняет настроение. Мы можем поймать его в настроении прощать. Сир, пожалуйста.

Все ждали.

— Хорошо, — наконец, ответил Король. — Мы можем попробовать. Попроси моих внуков предложить цветы Поляне.

Рубин посмотрел на брата и сестру.

— Я это сделаю, — сказал он.

Рубин взял их камни, которые все еще сияли и удерживали Ордолът среди дубов. Он подошел к тому месту, где заметил небольшой разрыв в сиянии, предположив, что именно его оставили Мусорщики, которые когда-то украли младенца-бога.

Рубин торжественно поклонился волшебному месту.

— Ордолът, прости нас за то, что держали три предмета, которые так дороги и принадлежат тебе. Их невинно взял с собой младенец. Мы можем их вернуть?

Внезапно все осветилось еще ярче и, хотя никто не знал, что это означает, Рубин сделал глубокий вдох, надеясь, что это тот ответ, который они хотели получить. Он протянул руку сквозь отверстие, мгновенно почувствовал тепло и почтительно положил три камня на губчатую зеленую траву Ордолът, потом мягко вытянул руку и снова поклонился. Все собравшиеся смотрели, как камни впитались в землю, а потом перед их глазами в том месте, где они исчезли, выросли три удивительно красивых цветка. На этот раз Ордолът мигнула и очень быстро вернулась к своему обычному мягкому свечению. Теперь пришел черед Тора обратиться с просьбой:

— Ордолът, можем ли мы возвратить еще одного, украденного у тебя много-много лет назад? Он невинен. Он из твоих лесов и прекрасных садов. Он познал много печали. Ты дашь ему большую радость, позволив нам это. Он твой, — умолял Тор.

На этот раз Ордолът не ответила. Тор посмотрел на мать. Он не испытывал к ней никаких чувств, но ему хотелось бы ее знать. Ее улыбка, предназначенная ему, была ослепительной.

— Я попробую рискнуть, — сказал он и шагнул вперед. — Надеюсь, что это не станет причиной катастрофы в Таллиноре.

Его мать мягко покачала головой:

— Нет, сын. Поскольку это возвращение, оно безопасно.

Он кивнул и теперь посмотрел на Орлака.

— Пусть у тебя все будет хорошо, брат, — тихо произнес он.

Силы Орлака закончились, и он теперь держался за жизнь только благодаря Тору.

— Мне очень жаль Клута. Он мне тоже нравился, — братья обменялись грустными улыбками.

«Пусть Свет ведет тебя, Тор, — сказал Орлак только для ушей Тора. — Скажи Лаурин... нет. Ничего ей не говори. Просто попроси ее заботиться о Пелиссе».

Тор посмотрел на своих родителей.

— Я отдаю вам Орлака, Принца богов.

Его мать плакала и одновременно улыбалась:

— Его зовут не Орлак, дитя мое. Это было таллинезское имя, которое ему дал Меркуд. Его зовут Эрин, Принц богов.

Тор наклонился, чтобы поцеловать Эрина в лоб, потом протянул брата сквозь сияние Ордолът. А проходя сквозь странное волшебство, он увидел, как передает спящего младенца в руки матери.

Это поразило всех, включая Сонм. Для Лисе это был знак, который требовался, о котором она молилась. Несмотря на собственную печаль, она увидела, что все еще можно исправить для двоих людей. Каким-то образом это возможно.

— Тор, подожди! — крикнула она. — Ты тоже заходи. Ордолът тебя примет.

Тор был ошеломлен. Он колебался, обдумывая ее предложение. Лисе настаивала.

— Тебе ничего больше не нужно делать для Таллинора. Все твое здесь. — Лисе услышала мольбу в собственном голосе.

Тор обвел взглядом знакомые лица Паладинов. Саксон кивнул. Он понимал больше, чем кто-либо, отчаяние и одиночество Тора. Он тоже потерял Элиссу и близкого друга Клута.

«Иди, парень, — сказал Кайрус у него в сознании. — Не нужно колебаться».

Тор посмотрел на детей. Лаурин кивала сквозь слезы: «Найди там счастье. Начни сначала».

Он притянул трех детей к себе.

«Вы это разрешите?»

Все трое кивнули.

«Ты достаточно отдал», — сказал Гидеон с повлажневшими глазами.

А Рубин дал ему ответ, который ему требовался. Это было успокоение, которое требовалось услышать Тору.

«Ты можешь там найти ее, папа».

«Как я предполагаю, вы трое не собираетесь со мной?» — спросил Тор.

Они покачали головами, и он понял. У всех имелись причины оставаться в Таллиноре.

Тор знал, что медлить нельзя. Лисе убеждала его сделать шаг. Если еще откладывать это, то капризная Ордолът может и отвернуть его. Не хотелось растягивать печальное прощание, поэтому он поцеловал троих детей и улыбнулся, молча благодаря своих друзей-Паладинов.

— Пусть Свет ведет вас, — сказал он и шагнул сквозь мерцающую пелену, взявшись за

обе руки отца. С другой стороны он появился уже новорожденным младенцем, вернувшись именно в то состояние, в котором его отдали для спасения Таллинора.

Сонм плакал, приветствуя возвращение своих принцев.

А Сердце Лесов радовалось.

## Эпилог

— Мы не можем убедить вас остаться на наших берегах? — спросил король Таллинора. Кит Кайрус покачал головой.

— У нас с Рубином есть незаконченные дела в Кипресе, Ваше величество. Но мы вернемся весной, на свадьбу. — Он поклонился королю. — Возможно, нам удастся установить еще более тесные связи между двумя государствами.

Джил улыбнулся. Его отец был прав, выбрав Кита Кайруса на должность прайм-офицера. А теперь у Таллинора в Кипресе будет сильный союзник. Он смотрел, как солдат развернулся и пошел к Лаурин, которая стояла рядом с братьями.

Она тепло улыбнулась старому солдату.

— Позаботьтесь о моем брате, Кайрус. Привезите его назад, на мою свадьбу.

— Похоже, дети Гинта знают, как завоевывать сердца монархов, — сказал он, не обращая внимания на гневный взгляд Рубина. — Кто знает, возможно, я привезу твоего брата с молодой женой, — рискнул он высказать предположение. — А ты, Гидеон? Куда ты направляешься? — спросил Кайрус, решив, что пора сменить тему.

— Назад, в город Бриттелбери.

— А-а, да, на севере. У тебя там дела?

Молодой человек, который так сильно напоминал ему юного Торкина Гинта, пожал плечами, как часто делал его отец в том же возрасте. При виде этого жеста сердце Кайруса пронзила боль.

— Такое же незаконченное дело, как у вас в Кипресе — ответил Гидеон с насмешливой улыбкой, потом повернулся к друзьям, которые стояли рядом. — Темезиус и Фиггис отправляются со мной... А после этого я планирую вернуться в горы Роркъяля. Там ведь остаются люди, которым мы дали обещание.

К ним подошел Саксон. Только он один не мог разделить радости Друзей Сердца Лесов, которые начали прощаться.

— Саксон, не хочешь ли присоединиться к нам? — спросил Гидеон.

— Я бы обязательно согласился на твое предложение, если бы твоя хитрая сестра и ее будущий муж, умеющий управлять людьми, уже не убедили бы меня вернуться в Тал и помочь одному молодому человеку.

— Локки? — догадался Рубин.

Саксон кивнул.

— Да. Я думаю, что обязан это сделать. — Затем он грустно добавил:

— Я могу забыть, обучая его кое-каким вещам, пока не определюсь, чем мне заняться дальше.

Кайрус согласно кивнул.

— А другие? — спросил он и повернулся к месту, где стояли оставшиеся Паладины и прощались друг с другом.

— Адонго направляется назад на острова, где живут моруки. Саллементро, конечно, возвращается в Тал. Я думаю, что он уже сейчас готовит свадебную балладу. — Все улыбнулись. — Я прав, Лаурин, что Джуно отправляется вместе с тобой?

Девушка кивнула.

— Я ее попросила. Она об этом думает. Я считаю, что она согласится.

— Значит, остаются постоянные обитатели Сердца Лесов, — продолжал Саксон. — Не думаю, что Арабелла или Солиана когда-то отсюда уйдут, — заявил он, и другие с ним согласились. — Я не знаю, где, в конце концов, сам окажусь. Может, на родине, на южных

островах. Пока рано что-то говорить — раны еще не зажили.

Друзья кивнули с серьезным видом. Они знали, что он имеет в виду.

— Знаете, отец ведь отказался прощаться с ней, — внезапно выпалил Гидеон.

Все посмотрели на него, на лица смешились непонимание и сожаление. Он объяснил.

— Когда наша мать умерла, а Дармуд Корил хотел отдать ее деревьям, мы все попрощались с ней. Мы ее поцеловали. — Он пожал плечами, вспоминая, как целовал бледную холодную щеку. Воспоминание все еще оставалось очень ярким. — Но отец отказался. Он сказал мне, что снова увидит ее, каким-то образом... в царстве Света. Я думаю, что он имел в виду — в другой жизни.

— Возможно, так оно и будет, — сказал Кайрус, эхом повторяя то, что на что все они надеялись.

\* \* \*

Маленький мальчик носился, кругами вокруг младшего брата, младенца, который лежал в красивой плетеной корзинке, заменяющей ему колыбель. Их мать счастливо улыбалась. Такой счастливой улыбки никто не видел много веков. Это были не простые дети — это были Принцы Сонма. Старший, наследник трона, веселый, радостный, счастливый ребенок, с золотистыми волосами, отличался странными фиалковыми глазами, которые постоянно смеялись. Его брат оказался смуглым, густые черные вьющиеся волосы говорили родителям, что он будет похож на отца. А если пока темные глазки превратятся в темно-голубые, как они обещали, то он станет просто копией Дарганота, Короля Сонма.

Эрин играл и напевал старую песенку маленькому братику, а Эвагора смеялась с двумя другими женщинами.

— Все получилось гораздо лучше, чем мы могли надеяться, — призналась она своей старшей и самой близкой подруге.

Лисе взяла руку Королевы в свою и улыбнулась. Ей самой было все еще трудно поверить в эту счастливую сцену.

— Спасибо за то, что позволила мне привести ее назад.

Глаза Эвагоры тут же повлажнели, но голос оставался твердым.

— Они слишком много страдали. И все невиновны! Когда ты пришла к нам со своим планом, я знала, что если и есть кто-то, способный его осуществить, то только ты. Ты прекрасно придумала вернуть ее через Пустоту.

— Я рисковала, Ваше величество. Я догадалась, что если смогу заставить ее душу каким-то образом свободно выйти из тела, пока она все еще жива, то смогу ее спасти. Смогу вернуть ее душу.

— А ты знала, что Тор вернет Эрина?

Лисе покачала головой.

— Нет, Ваше величество. Это мне даже не приходило в голову. Он сам так решил.

Королева заметила, как другая гостя осторожно протягивает руку и гладит мягкую кожу младенца.

— Можно мне его поддержать? — спросила женщина.

— Конечно, моя дорогая, — ответила королева.

— Как вы думаете, он вспомнит?

— Нет, дитя. Но это не имеет значения, — мягко ответила ее мать. — Нет сомнения, что когда он вырастет, то снова влюбится в тебя, — добавила Лисе.

Элисса улыбнулась и крепко прижала к себе маленького мальчика. Она подождет.

**Фиона Макинтош**

**«Предательство»**

В древних преданиях Таллинора есть упоминание о предательстве и разрушении: история о сильном боге, названном Орлак, который когда-то уничтожил знаменитый город Карембош, почти полностью уничтожив землю. Даже теперь, много столетий спустя, всех

Чувствующих опасаются, и, если их обнаруживает Главный Инквизитор Гот, они подвергаются варварскому усмирению. Но в деревне вдалеке от королевской столицы молодой писарь Торкин Гинт обладает магией невыразимой мощи и способностями к целительству, которые остаются необнаруженными.

Тор соглашается стать учеником королевского ученого Меркуда, но при этом вынужден оставить свою любовь — красавицу Элиссу Квин. Это решение становится первым шагом Тора навстречу своей судьбе. Вооруженный только собственным острым умом и несколькими таинственными магическими Камнями, доставшимися ему от родителей, Тор должен доверять соколу Клуту и Лисе, загадочной даме, приходящей в снах. Он начинает путешествие, которое станет испытанием для его храбрости и сердца.

### ***Фиона Макинтош***

#### ***«Месть»***

Только Троица может остановить мстительного бога Орлака в его желании уничтожить мир. Но что такое Троица, пока остается тайной.

Спасшегося от смерти благодаря мощному действию магии, Торкина Гинта окончательно возвращают к жизни в святилище в Сердце Лесов. Но для сохранения сообщества Паладинов пришлось пойти на значительные уступки Орлаку, и время исчерпывается.

Тор отправляет своего сотоварища, Ярго, чтобы отыскать три таинственных Камня Ордолът. А пока он выполняет трудное и опасное задание, их заполучил его враг, Гот. Но все это остается нерешенным, когда его сокола Клута захватили пираты, а сам он попал на невольничий корабль.

В Таллиноре Элисса считает, что ее возлюбленный Тор мертв, ей нужно найти в себе силы, чтобы простить королю то, что он санкционировал казнь. Тем временем, Паладины появляются вокруг тех, кого должны защищать. Они еще не представляют, что появляется новая опасность, угрожающая Троице и миру.